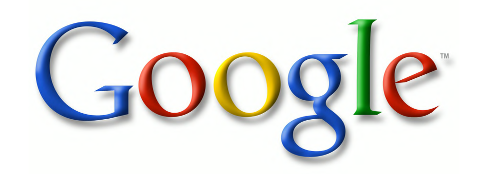
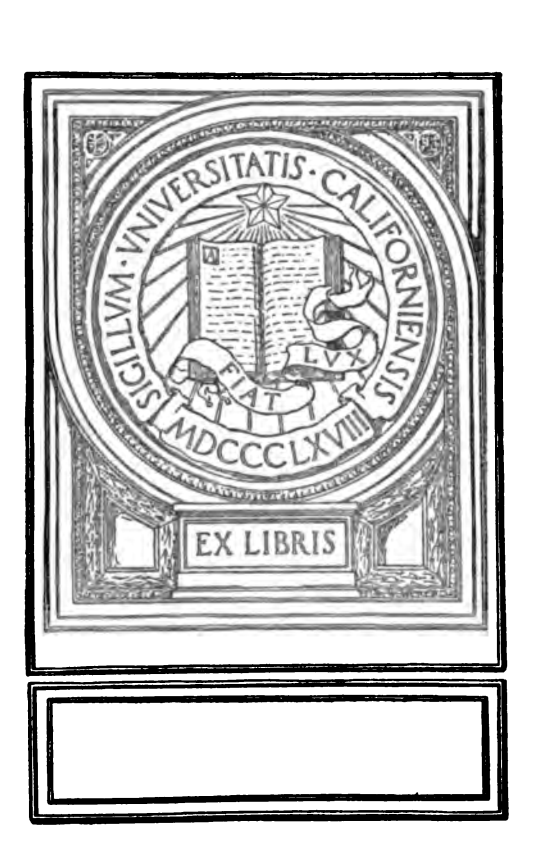
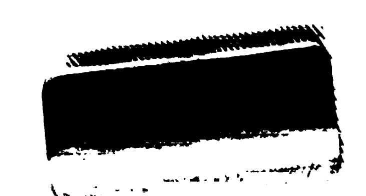

Львовичъ

по Родному Краю

SIGILLVM · VNIVERSITATIS · CALIFORNIENSIS
LVX
FIAT
MDCCCLXVIII
EX LIBRIS

По родному краю.

СБОРНИКЪ СТАТЕЙ ПО ОТЕЧЕСТВОВѢДѢНІЮ.

КНИГА ДЛЯ ЧТЕНІЯ ВЪ ШКОЛѢ И ДОМА.

Составилъ ***В. ЛЬВОВИЧЪ.***

Изданіе книгопродавца М. В. Клюкина. Москва, Моховая, д. Бенкендорфъ.

1902.

Изданія книгопродавца М. В. Клюкина.

Москва, Моховая, д. Бенкендорфъ.

ДОБРЫЯ ДУШИ.

Чтеніе для дѣтей и для народа.

№ 1. **Смирновъ, Ил.** „Утро". Разс. Съ рис. М. 98 г. Ц. 5 к.
№ 2. **Васильевъ, М.** „Наша бабушка Анна Максимовна". Ц. 3 к.
№ 3. **Н. С.** „Дядя Титъ Антоновичъ учитъ, какъ надо любить ближняго". М. 98 г. Ц. 5 к.
№ 4. **Оржешко, Эл.** „Приключеніе Яся". Разск. для дѣтей. Съ 5 рис. М. 98 г. Ц. 10 к.
№ 5. **Кругловъ, А. В.** „Зеленый домикъ". Правдивая исторія. Съ рис. Изд. 2-е. М. 97 г. Ц. 5 к.
№ 6. **Васильевъ, М.** „Нелюдимый". Разск. быль. Съ рис. Ц. 5 к.
№ 7. **Михайловскій, Д. Л.** „Доброе слово пастыря". Эпизодъ изъ временъ отечественной войны. Съ 1 рис. Изд. 3-е. Ц. 3 к.
№ 8. **Сальниковъ.** „Антонъ рыбакъ". Разск. Съ 3 рис. М. 99 г. Ц. 5 к.
№ 9. **Васильевъ, М. I.** „На шалыгѣ". II. „Въ перелѣскѣ". Два разск. съ 6 рис. М. 96 г. Ц. 5 к.
№ 10. — „Простой человѣкъ". Разск. Съ 3 рис. М. 95 г. Ц. 5 к.
№ 11. **Сысоевъ В.** „Васяткино письмо". Разск. съ рис. М. 95 г. Ц. 3 к.
№ 12. **Филипповъ, Н. Н.** Св. Стефанъ, епископъ Пермскій. Ист. раз. Съ 2 рис. Изд. 3-е. М. 94 г. ц. 3 к.
№ 13. **Смирновъ, Ил.** „Деревенская школа". Разск. Съ рис. М. 98 г. Ц. 20 к.
№ 14. **Ладыженскій, В. Н.** „На пашнѣ". Разск. и сказ. Съ 3 рис. Ц. 7 к.
№ 15. **Филипповъ, Н. Н.** „Защитники и молитвенники земли русской". Ист. разск. Ц. 5 к.
№ 16. **Покровскій, И.** „Послѣ раздѣла". Разск. Съ 2 рис. Изд. 2-е. Ц. 5 к.
№ 17. **Соловьевъ-Несмѣловъ, Н. А.** „Душевный человѣкъ". Разс. Ц. 3 к.
№ 18. **Кругловъ, А. В.** „Елка въ царствѣ звѣрей". Разск. Съ 5 рис. Изд. 2 е. Ц. 5 к.
№ 19.—„Божій человѣкъ". Раз. М. 96 г. Ц. 10 к.
№ 20.— **Амичисъ.** „Апеннины и Анды". Пов. М. 99 г. Ц. 15 к.
№ 21. **Позняковъ, Н.** „Трофимъ болящій". Разск. Съ рис. Изд. 2-е. Ц. 5 к.
№ 22. **Полевой, Н. А.** „Дѣдушка русскаго флота". „Параша Сибирячка". М. 99 г. Ц. 15 к.
№ 23.—„Повѣсть о суздальскомъ князѣ Симеонѣ". М. 99 г. Ц. 15 к.
№ 24. **Уйда.** „Приключенія маленькаго графа". Разск. Съ рис. М. 99 г. Ц. 15 к.
№ 25. **Додэ, Ал.** „Изъ писемъ съ мельницы". Ц. 20 к.
№ 26. **Зандъ, Ж.** „Крылья мужества". Ц. 25 к.

ПО РОДНОМУ КРАЮ

СБОРНИКЪ СТАТЕЙ ПО ОТЕЧЕСТВОВѢДѢНІЮ.

Составилъ ***В. ЛЬВОВИЧЪ.***

МОСКВА.
Изданіе книгопродавца М. В. Клюкина, Моховая д. Бенкендорфъ.
1902.

Дозволено цензурою. Москва, 21-го августа, 1901 г.

Первая женская типографія Е. К. Гербекъ. Москва, 2-я Мѣщанская, № 26.

На новой землѣ.

Ноябрь 1888 года я провелъ на Маточкиномъ проливѣ съ артелью промышленниковъ самоѣдовъ. Проводивши послѣднiй закатъ солнца 22-го октября, мы храбро встрѣтили полярную ночь и стужу, укрывшись въ небольшой избушкѣ, привезенной изъ Архангельска. Долго довольствовались мы полярными сумерками вмѣсто дня, но, наконецъ, и тѣ сократились до 2-хъ часовъ въ сутки. Наступилъ перiодъ штормовъ и метелей, и я рѣшилъ отправиться въ Кармакульскую колонiю *).

22 ноября, съ двумя самоѣдами, на трехъ собачьихъ санкахъ я отправился въ путь. Погоду выбрали ясную и тихую и хотя сумерекъ намъ хватало только на 15 верстъ пути, мы все же смѣло двигались дальше и ночью. На наше счастье, въ первую же ночь было сѣверное сiянiе, и, благодаря его слабому свѣту, мы прекрасно проѣхали 50 верстъ и попали на губу Гробовую, гдѣ и укрылись для ночевки въ старой избушкѣ, занимающей мѣста всего 1½ квад. сажени. На дворѣ начиналась метель, при горномъ вѣтрѣ. Мы развели веселый огонекъ на каменкѣ и начали нагрѣвать ледъ для того, чтобы добыть воды для чаепитiя. Барометръ предвѣщалъ штормъ, и мы рѣшили отсиживаться здѣсь до погоды. Не успѣли мы поужинать небольшимъ количествомъ свареннаго въ котелкѣ оленьяго мяса, какъ первый вихорь съ горъ стряхнулъ наше жалкое убѣжище и, осыпавъ его снѣгомъ, пронесся къ морю. Вслѣдъ за нимъ еще и еще, и началась обыкновенная исторiя: завизжало въ углахъ, зашумѣло въ крышѣ, зашуршалъ сыпавшiйся по стѣнамъ снѣгъ, забрякала доска, и метель стала быстро разыгрываться. Внести въ избушку санки и ружья мы не успѣли и все наше вооруженiе осталось на дворѣ. Собаки попрятались за вѣтеръ и скоро перестали взвизгивать отъ холода, засыпаемыя снѣгомъ. Мы завернулись въ теплыя малицы, погасили „сальникъ,“ т. е. ночникъ изъ тюленьяго сала, и улеглись, кто гдѣ нашелъ удобнѣе.

---

*) Кармакульская колонiя—маленькое селенiе на западномъ берегу Новой земли, недавно основанное для помощи промышленникамъ.

Я долго не могъ заснуть, думая о проѣханномъ пути, о видѣнныхъ горныхъ породахъ и объ окружающихъ Гробовую губу громадныхъ горахъ; наконецъ, убаюканный завываніями метели, я заснулъ. Ночью мы два раза пробуждались, прислушиваясь къ лаю нашихъ собакъ, но каждый разъ, судя по лѣнивому лаю, заключали, что, вѣроятно, къ избушкѣ прибѣгали песцы, которыхъ нынѣ весьма много, тѣмъ больше, что около избы валялось тюленье сало, оставленное однимъ изъ промышленниковъ; до него песцы большіе охотники и теперь бѣгали, какъ на прикормку. Собаки, полаявши, смолкали и мы снова засыпали подъ звуки метели. Подъ утро мы пробудились снова отъ лая собакъ, достали огня, зажгли фитиль сальника, хотѣли посмотрѣть, что на дворѣ, но дверь оказалась занесенною снѣгомъ. Пришлось одному вылѣзать въ дымовое отверстіе и откапывать двери изъ сѣней, которыя были безъ крыши. Мы предупредили товарища, чтобы онъ сразу не вылѣзалъ, а сначала осмотрѣлся, нѣтъ ли гдѣ медвѣдя, и тотъ, опасаясь, чтобы ему не свернули голову, сначала нѣсколько разъ высунулъ ее ненадолго и потомъ, молча, вылѣзъ вонъ. Собаки смолкли. Зари еще не было и кругомъ ничего не было видно. Откопавшись отъ снѣга, мы снова заснули.

Наконецъ, слышу—лай собакъ усиливается и, видимо, не понапрасну, потому что стали откликаться и голоса лѣнивыхъ собакъ, которымъ раньше было лѣнь вставать изъ-подъ снѣга на вѣтеръ. Я началъ будить проводниковъ и посылать ихъ посмотрѣть, что тамъ такое. Младшій самоѣдъ, Андрей Тайборяй, проснулся и въ одной рубашкѣ высунулся за дверь, но тотчасъ же юркнулъ назадъ, пробормотавъ что то по-самоѣдски. Этого было достаточно;—мы моментально вскакиваемъ, бросаемся къ малицамъ, торопимся, путаемся и стараемся скорѣе вылѣзти вонъ изъ темной избы. Я запутался въ рукавахъ малицы, потерялъ въ потемкахъ шапку и только видѣлъ, какъ мои самоѣды шаркнули вонъ, перескочили сѣни и скрылись. Собаки залаяли громче. Торопясь, я выползъ изъ дверей, и, протирая глаза, сталъ всматриваться въ сторону моря; тамъ не было ничего видно; я взглянулъ по сторонамъ—тоже ничего, но только что повернулся назадъ, какъ замеръ на мѣстѣ—въ 8-ми саженяхъ отъ меня стоялъ медвѣдь.

Скрыться было не за что, я былъ весь на виду, и прижался къ стѣнѣ избы. Медвѣдь замѣтилъ мое присутствіе, пересталъ рвать сало, поднялъ голову и смотрѣлъ, нюхая воздухъ. Я думалъ, что онъ бросится на меня, но онъ снова опустилъ голову и сталъ рвать сало, упершись въ него передними лапами. Я отодвинулся

тихо къ углу, перекинулъ на случай ногу за сѣни и, сидя на стѣнкѣ, уже спокойнѣе сталъ вглядываться въ этого красавца полярнаго края. Дѣлать было больше нечего; проводники мои суетились позади избы около занесенныхъ снѣгомъ саней, вытаскивали ружья изъ-подъ снѣга и искали патронныя сумки.

Бѣлый съ желто-серебристымъ отливомъ медвѣдь стоялъ совершенно спокойно и такъ близко, что было возможно разсмотрѣть его глаза, движенія языка, облизывающаго морду, видѣть паръ его дыханія, всѣ движенія тѣла,—все какъ на ладони. Онъ стоялъ головой къ намъ и рвалъ шкуру нерпы. Я видѣлъ еще два раза, какъ онъ посмотрѣлъ на меня, но уже не ощущалъ боязни, а любовался все болѣе и болѣе его серебристою шерстью и красотой всего его корпуса.

Время не шло, а ползло, и минуты казались часами. Проводники возились около саней; собаки жались за избой, боясь медвѣдя. Я думалъ уже достать фотографическій аппаратъ и защелкнуть моментальнымъ затворомъ красавца на негативъ на память, но было уже поздно: охотники чокали своими затворами, очищая снѣгъ, и я снова остался на своемъ посту, желая скорѣе видѣть развязку всего дѣла. Но конецъ былъ еще не скоро. Охотники не могли вставить патроны: одинъ колотилъ по затвору берданки, такъ что я думалъ, что онъ сломаетъ ее раньше выстрѣла или убьетъ себя; другой ударялъ кулакомъ по курку норвежскаго магазиннаго ружья, пыхтя надъ невлѣзавшимъ патрономъ и подувая на руки, уже ознобленныя отъ желѣза.

Одна собака, видя ружья хозяевъ, подошла къ медвѣдю, но тотъ такъ внушительно посмотрѣлъ на нее, тихо поворотивъ въ ея сторону голову, что она не тявкнула, поджала хвостъ и бокомъ отошла въ сторону.

Наконецъ, Тайборей забилъ патронъ, подошелъ поближе, присѣлъ на корточки и сталъ цѣлиться. Я замеръ, глядя на медвѣдя. Тотъ попрежнему теребилъ сало. Жду. Выстрѣла нѣтъ. Было уже два превосходныхъ момента, когда звѣрь поднималъ голову, обнажая широкую грудь для цѣли. Но вотъ выстрѣлъ. Медвѣдь съ ревомъ обернулся и что-то грызъ назади своего тѣла, изогнувшись дугою; около него поднялась снѣжная пыль. Прошло мгновеніе. Второго выстрѣла не послѣдовало. Медвѣдь, какъ стрѣла, понесся мимо насъ къ морю, собаки бросились къ нему навстрѣчу, схватили за гачи и звѣрь круто остановился; еще моментъ и онъ бросился въ нашу сторону за собакой; другая схватила его сзади; онъ

быстро обернулся и кинулся за ней, но тутъ третья щипнула его за бокъ, и начались туры.

Медвѣдь безпрестанно кидался въ сторону, кружился, словно танцуя, и удивительно быстро поворачивался то въ правую, то въ лѣвую сторону, потомъ пускался снова впередъ. Охотники бѣжали, присѣдая, сзади него; одинъ все еще возился съ несчастною берданкой, вставляя со снѣгомъ патронъ. Я видѣлъ, что звѣрь уходитъ, и въ отчаяніи бѣжалъ позади, безъ шапки, чуть не падая на бѣгу и стараясь только видѣть ходъ охоты. Охотники все еще не могли выбрать момента для выстрѣла, боясь убить собакъ, сновавшихъ около звѣря, и только напрасно прицѣливались. Собаки же все смѣлѣе и азартнѣе нападали на раненаго звѣря; ихъ было 27 штукъ, и дѣло кипѣло. Наконецъ, раздался и второй выстрѣлъ. Медвѣдь на мгновеніе припалъ на переднія лапы и снова, не обращая вниманія на человѣка, выстрѣлившаго въ него всего на разстояніи 10—12 сажень, бросился за собаками и, догнавъ одну, смялъ ее и началъ топтать передними лапами; но другая отвлекла его и онъ снова началъ носиться кругомъ за собаками. Охотники все приноравливались стрѣлять, но попрежнему не находили удобнаго момента. Одна собаченка оплошала и попала въ зубы звѣря, тотъ несъ ее за задъ, а она изогнувшись, старалась укусить его за морду и, кажется, хватила, потому что онъ далеко отшвырнулъ ее въ сторону. Но вотъ грянулъ еще выстрѣлъ и медвѣдь грузно свалился на землю.

На минуту его стало не видно; собаки всѣ бросились къ нему и стали рвать. Когда мы подбѣжали, звѣрь уже былъ мертвъ и только встряхивался отъ тормошившихъ его немилосердно собакъ, хватавшихъ больше за окровавленныя мѣста. Мы едва отогнали собакъ. Красавецъ лежалъ на боку, скрестивши лапы, и только послѣднія судороги еще порой подергивали остывшее тѣло.

Медвѣдь оказался длиною, считая и голову, въ 12½ четвертей, а вышиною въ 7½ четвертей. Это былъ звѣрь средней величины.

Метель уже начала заносить его снѣгомъ, когда мы приступили къ свѣжеванью. Я наблюдалъ за сниманіемъ шкуры, которая шла въ мою коллекцію. Сала оказалось въ звѣрѣ до 4-хъ пудовъ, но его мы пожертвовали вмѣстѣ съ тушей собакамъ. Впрочемъ, и самоѣды, за неимѣніемъ оленины, охотно кушаютъ медвѣжатину отзывающуюся ворванью.

Вечеромъ за чаемъ, приправленнымъ оживленными разговорами объ охотѣ, мы сырьемъ отвѣдали лучшую по вкусу часть мед-

вѣжьяго тѣла—сердце. Оно, правда, довольно вкусно, хотя все же отзывается запахомъ ворвани.

Было уже далеко за полночь; надъ нашимъ убѣжищемъ снова свисталъ штормъ, снова вздрагивала избушка, свистало по угламъ, но мнѣ было уже весело сидѣть тутъ и слушать разговоры, вспоминать о подобныхъ же охотахъ и записывать въ дневникъ подробности и картины того, что несвязно, но жизненно и картинно могъ передать самоѣдскій языкъ.

Просидѣвъ еще два дня въ нашей избушкѣ, мы, наконецъ, отсидѣлись отъ шторма и метели и двинулись дальше къ югу, къ Кармакульской колоніи. Ночью намъ снова свѣтило чудное сѣверное сіяніе, то развертываясь лентой по синему небосклону надъ нашими головами, то вставая громадными лучами по сторонамъ свѣтовой дуги и принимая причудливыя формы на темносинемъ звѣздномъ небосклонѣ, когда кругомъ безмолвно съ одной стороны спали горы, а съ другой—синѣлся необозримый океанъ.

К. Носиловъ.

Вайгачъ-островъ.

Въ глуши Сѣвернаго Ледовитаго океана, въ тѣхъ малоизвѣстныхъ водахъ, гдѣ только изрѣдка показывается убогая ладья мезенскаго промышленника, да шкуна предпріимчиваго норвежскаго китолова, между пустынею Новой Земли и пустынею материка, лежитъ большой, богатый, но почти никому, внѣ предѣловъ Архангельской губерніи, неизвѣстный Вайгачъ-островъ. Наши отдаленные предки твердо вѣровали, что здѣсь, въ привольѣ никому недоступныхъ захолустій, живетъ чудное племя, только въ лѣтнее время выходящее на свѣтъ Божій. Зиму, т. е. 8 мѣсяцевъ въ году, оно спитъ безпросыпно во тьмѣ черныхъ пещеръ, въ расщелинахъ, куда не зайдетъ ничто живое, гдѣ даже чайка—этотъ цыганъ сѣверныхъ морей не вьетъ гнѣзда, куда метель не заноситъ пушистаго, бѣлаго снѣга. Теперь мы не вѣримъ въ спящихъ чудовищъ, но больше ли мы знаемъ объ этой суровой и безлюдной пустынѣ арктическаго пояса? Скандинавскіе поэты островъ Вайгачъ и всѣ прилегающія къ нему страны континента называли однимъ именемъ Іотунгейма, населяя его магами и чародѣями. Наши лѣтописцы, со словъ новгородскаго купца Гурята-Роговича, писали: „Югра же рѣкоша моему отроку: дивно мы находимъ чудо, его же нѣсьмы

слышали прежде сихъ лѣтъ, се же третье лѣто поча быти; суть горы зайдуче луку моря имъ же высота яко до небесе и въ горахъ тѣхъ кличь великъ и говоръ, и сѣкуть гору, хотяще высѣчися, и въ горѣ той просѣчено оконце мало и тудѣ молвять и есть не разумѣти языку ихъ, но кажутъ на желѣзо и помаваютъ рукою, просяще желѣза и аже кто даетъ имъ ножъ ли или сѣкиру, даютъ скоро противу.“ Смѣлые новгородскіе ушкуйники не останавливаются передъ ужасами невѣдомой имъ пустыни. Въ ихъ разсказахъ часто слышатся ссылки на сѣверное лукоморье (берега Карской земли), а это еще далѣе Вайгача. Затѣмъ извѣстно, что новгородцы не разъ отваживались розыскивать серебряныя руды не только на Новой Землѣ, но и на Колгуевѣ и на Вайгачъ-островѣ. Для отважныхъ купцовъ-разбойниковъ не существовало препятствій, они кидались всюду, гдѣ чуяли прибытокъ, они изъ удальства стремились и туда, гдѣ ждали ихъ однѣ опасности. Этимъ пиратамъ дѣвственныхъ пустынь Заволоцкой чуди—Россія обязана первыми свѣдѣніями о Сѣверѣ. Они его колонизировали и во всякомъ случаѣ гораздо производительнѣе пользовались его богатствами, чѣмъ жалкое и дряблое поколѣніе нашего времени.

На Вайгачъ и теперь отправится не всякій промышленникъ.

— Молодецъ-парень, на Вайгачъ-островѣ побывалъ,—говорятъ пустозерцы о смѣльчакахъ, осмѣливающихся пробраться въ эту пустыню.

— На Вайгачѣ побывать—смерть узнать.

— Вайгачъ—горю матка.

— Плачь—коль пошелъ на Вайгачъ, значитъ счастливъ—коль вернулся живъ.

Даже самоѣды, легко выносящіе цѣлые годы одинокаго странничества по пустынямъ, прилегающимъ къ рр. Коротанхѣ, Пай и Осоваяга, неохотно рѣшаются перебраться на зимній промыселъ черезъ Югорскій шаръ въ скалистыя пространства лежащаго по ту сторону острова. Правда, на сосѣднемъ берегу континента пустозерцы и ижемцы выстроили нѣсколько промысловыхъ избушекъ, но далѣе они не часто ходятъ развѣ явится какая нибудь разудалая голова, которой все трынъ-трава, жизнь—копейка, а море по колѣно.

Одинъ изъ такихъ промышленниковъ, посѣщавшій западный берегъ Вайгача, восторженно описывалъ его эффектныя картины. Онѣ были бы похожи на пейзажи Новой Земли, если бы здѣсь не поражали внезапные и неожиданные контрасты едва замѣтныхъ, сливающихся съ волнами океана отмелей и громадныхъ, словно

цѣлыми грудами, въ безпорядкѣ, однѣ на другія наброшенныхъ скалъ. Иногда цѣлый рядъ такихъ утесовъ, словно зубцы чудовищнаго гребня, далеко вдается въ море, образуя узкую, но длинную линію, называемую на мѣстномъ арго – хвостовина. Море неугомонно бьется между этими зубцами, подмывая и безъ того тонкія ихъ основанія. Въ одномъ мѣстѣ такая хвостовина напоминаетъ правильный рядъ позвонковъ какого-то миѳическаго звѣря. Иногда берегъ тянется передъ мореходомъ мягкоочерченными, но безплодными холмами. Они становятся все выше и сумрачнѣе, и, наконецъ, вдругъ развертываютъ поразительно эффектную картину отвѣснаго и гладкаго каменнаго обрыва, на громадную высоту подымающагося изъ вѣчной толчеи пѣнящихся волнъ. Черныя расщелины и трещины, какъ невѣдомыя письмена гигантовъ, чернѣютъ на этой вертикальной скрижали, сіяющей во время заката, словно громадная золотая доска, раскалившаяся въ огнѣ и поставленная посреди розоваго, яркимъ сіяніемъ зари охваченнаго океана. Внизу волны выбили цѣлые ряды черныхъ пещеръ; входъ въ нихъ почти заросъ морскою травою, но когда вѣтеръ отпахнетъ эту живую завѣсу въ сторону, передъ вами явится такая адская щель, что вы съ ужасомъ уйдете отсюда къ болѣе гостепріимнымъ берегамъ. Одинъ изъ промышленниковъ видѣлъ, плывя мимо, разбитою бурею и брошенное въ такую черную дыру, судно. Экипажъ окликалъ его—отвѣта не было. Только волны глухо шумѣли, вбѣгая въ зіяющую пасть пещеры. Были-ли тамъ люди?—Едва ли. Море давно своими водорослями оцѣпило корпусъ этой шкуны. Если тамъ кто нибудь и оставался въ моментъ крушенія, то его или смыло водою, или онъ умеръ болѣе ужасною, голодною смертью. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ берега видны полукружія стоящихъ рядомъ и ровныхъ съ плоскими вершинами скалъ. Глядя на нихъ, невольно приходитъ въ голову сравненіе съ гигантскою челюстью. А тамъ, гдѣ берега сливаются съ океаномъ низменными мелями, туда приступить еще опаснѣе. Того и гляди, что попадешь на мель. За то здѣсь же есть и бухты, гдѣ во время самыхъ ужасныхъ штормовъ царитъ невозмутимое спокойствіе и, подъ защитою каменныхъ массъ, море остается недвижно, какъ ясное зеркало. Шкуна, заштилѣвшая посреди такой бухты, можетъ считать себя совершенно безопасной.

— Съ оглядкой плывемъ, ежечасно поминая Господа, Христа милосердаго. Не доглядишь—и читай со святыми упокой. Такое мѣсто, въ немъ, въ этомъ мѣстѣ разуму нѣтъ. Воронкой на дно и пойдешь.

— Водовороты вѣрно?

— По нашему сувой. И море покойно, а попадешь на эту точку—разомъ завертитъ. Оно издали видно. Округомъ лежитъ, словно кто его край бороздой провелъ. Енъ шутить не любитъ. Енъ на дно шкуны присасывается...

— Кто онъ?

— Извѣстно... нечисть. Ей въ этихъ сувояхъ—нерушимое царство. Кто какъ ежели, да безъ молитвы—бяда. Опять ежели непочтителенъ кто къ ей—тоже не любитъ. Енъ—нечистый—нравный, сила ему дана губить христіанскія души, онъ это и чувствуетъ. Ты и понимай и остерегись ежели что. Присосется—на дно притянетъ, къ себѣ...

Таковы окраины этой пустыни, простирающейся въ длину до 150 и въ ширину до 40 верстъ, Вся эта площадь составляетъ около 8,000 кв. верстъ. Нѣкоторые географы умаляли почти на $^3/_4$ размѣры этого острова, но разсказы мезенскихъ промышленниковъ и норвежскихъ китолововъ даютъ возможность добыть болѣе точные факты. Географическое положеніе Вайгача опредѣляется 69°21′ и 70°5′ сѣверн. широты и 70°10′ и 78°9′ вост. долготы (отъ Ферро). Онъ составляетъ среднее звено громаднаго хребта, начинающагося въ южныхъ отрогахъ Урала и оканчивающагося на крайнемъ сѣверѣ конечнымъ мысомъ Новой Земли. Впрочемъ, нѣкоторые идутъ еще далѣе, утверждая, что отъ Новой Земли вплоть до Грумманта*) тянется по дну океана тотъ же хребетъ. Вся эта горная цѣпь прерывается только въ трехъ мѣстахъ: Корсаемъ или Карскими (желѣзными) воротами, Югорскимъ шаромъ и Маточкинымъ шаромъ. По дну этихъ проливовъ отъ Вайгача на сѣверъ къ Новой Землѣ и отъ него же на югъ къ континенту тянутся каменистыя подводныя гряды, соединяющія между собою эти звенья колоссальнаго Урала. Поразительную картину представляетъ Корсай**) проливъ въ 68 верстъ длины и отъ 20 до 80 футовъ ширины***). Въ этихъ узкихъ дефилеяхъ вода иногда мчится съ невыразимою быстротою. Теченіе такъ стремительно, что желѣзныя ворота никогда не замерзаютъ. Громадныя льдины, заносимыя сюда изъ океана западными и сѣверо-западными вѣтрами, крошило въ дребезги. Одинъ промышленникъ самоѣдъ, зимовавшій на крайней оконечности Вайгача, ближайшей къ Новой Землѣ, съ ужасомъ разсказывалъ о борьбѣ

---

*) Груммантъ—Шпицбергенъ.

**) Корсай отдѣляетъ Новую Землю отъ Вайгача.

***) Разумѣется, это только въ болѣе узкихъ мѣстахъ.

громадной ледяной массы съ теченіемъ Карскаго пролива. Ее несло, какъ гигантскую гору, и въ самомъ узкомъ мѣстѣ, опрокинувъ, смололо почти моментально. Мезенскій звѣроловъ говорилъ мнѣ (насколько можно этому вѣрить?), что во время самаго сильнаго, видѣннаго имъ, теченія громадный стволъ лиственницы, вынесенный въ океанъ какою нибудь рѣкою континента, раздробило въ щепу только силою воды. Впрочемъ, такое теченіе бываетъ не особенно часто. Его промышленникъ пережидаетъ въ одной изъ бухтъ Кусовой земли. Другой южный проливъ Югорскій шаръ—гораздо шире. Его считаютъ въ 45 верстъ длины и въ 15 верстъ ширины. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и онъ впрочемъ съуживается до 3 верстъ. Плаваніе по Югорскому шару было бы безопасно, если бы на немъ не было двухъ совершенно противоположныхъ теченій одновременно стремящихся: первое вдоль континента изъ океана въ Карское море и второе вдоль Вайгача изъ Карскаго моря въ океанъ. Фарватеръ при этомъ опредѣляется весьма неточно. Не говоря уже о рифахъ, усѣевающихъ его, корабль легко можетъ попасть въ теченіе обратное своему кругу, и тогда его не выручатъ и паруса; развѣ ужъ очень силенъ попутный вѣтеръ, если какъ нибудь ему и удается миновать эту Сциллу и Харибду сѣвера. Островъ Вайгачъ внутри сплошь покрытъ скалами и горами. Кряжи, пересѣкающіе его во всѣхъ направленіяхъ, состоятъ изъ каменныхъ стержней, едва-едва прикрытыхъ скудною почвой. На югѣ тянутся Пѣтушки—высокіе гребни, окаймляющіе Югорскій шаръ. На юго-западѣ—подымается Карповскій камень. Самыя высокія горы здѣсь—Осьминкинскія. Это цѣпь высокихъ конусовъ, проходящихъ внутри острова. На голыхъ „плѣшкахъ" ихъ вершинъ часто возносятся фантастическіе четыреугольные и круглые утесы, напоминающіе издали развалины замковъ и обломки колоннъ. Они рѣзко отдѣляются отъ голубого фона неба, рисуясь передъ глазами наблюдателя во всей своей величавой наготѣ, незагромождаемые верхушками лѣсныхъ деревьевъ или грудами осыпавшагося щебня, Самоѣды смотрятъ на эти горы съ суевѣрнымъ ужасомъ, считая утесы ихъ вершинъ сѣдалищами невидимыхъ, но грозныхъ духовъ. Вообще, для этихъ номадовъ нашего Сѣвера—островъ Вайгачъ былъ нѣкогда громаднымъ храмомъ, гдѣ совершались всѣ таинства ихъ языческаго и малопонятнаго культа. Впрочемъ объ этомъ ниже.

Намъ удалось слышать въ Архангельскѣ разсказъ о партіи промышленниковъ, заблудившихся посреди этихъ горъ зимою. Они на берегахъ Лямчинской губы выстроили себѣ становую избу и разошлись въ разныя стороны, позабывъ маточку, т. е. компасъ. Наста-

ла ночь, ни одинъ изъ нихъ не возвращался. Оставшійся въ становищѣ ихъ товарищъ стрѣлялъ на воздухъ, зажигалъ костры—ничто не помогало. Никто не приходилъ на огонь и выстрѣлы. Нѣсколько самоѣдовъ, пробиравшихся съ своими оленями вдоль морского берега, наткнулись на избенку. Войдя туда, они нашли полумертваго парня, второй уже день ничего неѣвшаго и не раскладывавшаго огня. Самоѣды выспросили все, что тотъ зналъ, и отправились на розыски. Трое изъ промышленниковъ нашлись замерзнувшими въ разныхъ положеніяхъ. Они заблудились у Лямчинскаго камня въ собственныхъ своихъ слѣдахъ. На другой день еще отъ одного отыскались кровавые слѣды и остатки изодранной одежды. Этотъ, вѣроятно, попалъ на встрѣчу ошкую (бѣлому медвѣдю)—совершенно безоружнымъ. Двое пропали безслѣдно и кости ихъ навѣрно до сихъ поръ бѣлѣютъ гдѣ-нибудь на голыхъ скалахъ этого острова. Теперь на Вайгачѣ постоянно живутъ самоѣды и островъ этотъ доставляетъ имъ обильныя средства къ жизни. При нѣкоторыхъ условіяхъ и русскіе могли бы поселиться тамъ, еслибы не общая вѣра въ неминуемую гибель, какая ждетъ всякаго промышленника, осмѣливающагося пробыть здѣсь хотя одну зиму. Правда, Вайгачъ крайне непривлекателенъ даже для неприхотливаго пустозерца или ижемца, но дѣло вѣдь не въ красотѣ страны, а въ ея естественныхъ богатствахъ.

Растительность острова ничтожна. Передъ вами просторъ—неоживляемый яркими цвѣтами, свойственными даже и альпійской флорѣ. На склонахъ горъ—ковры однообразнаго ягеля устилаютъ скудную почву, перемежаясь съ приземистымъ ивнякомъ, подымающимся на солнечномъ припекѣ до 7 и 8 футовъ высоты. Въ понизьяхъ, пропитанныхъ влагою, болотная трава и зеленый мохъ только и оживляютъ угрюмое величіе этого пейзажа. Близъ юго-западныхъ береговъ—поросль лучше и разнообразнѣе. Тутъ — щавель, дикій лукъ, ложечная трава, ивановъ цвѣтъ, осока, морская капуста (лапуха), морской горохъ, первоцвѣты и даже незабудки. Отсутствіе яркихъ красокъ, подавляющая тишина производятъ тяжелое впечатлѣніе и на привычнаго къ мертвому сѣверу островитянина. Мысль перестаетъ работать, сонливое спокойствіе и равнодушіе ко всему охватываютъ душу. А зимою, когда вся окрестность устлана бѣлою пеленою снѣга и только черные утесы поднимаются изъ этой однообразной массы—еще тяжелѣе, еще невыносимѣе. Уйти некуда. Вплоть до лѣта оставайся, лицомъ къ лицу—съ этимъ царствомъ смерти, гдѣ одна только вьюга нарушаетъ дикимъ воемъ и грохотомъ мрачное могильное молчаніе непривѣтливой природы.

— На Вайгачѣ,—разсказывалъ мнѣ ижемецъ, встрѣченный на ярмаркѣ въ Архангельскѣ,—только разъ попалъ я на мѣсто сплошь поросшее цвѣтами. Бывали дни, когда только и встрѣтишь что щепоть травки, да и то треплется она изъ камня, сухая да желтая... Богомъ проклятый край.

Въ концѣ тридцатыхъ годовъ на Новой Землѣ были открыты залежи каменнаго угля. Есть основаніе предполагать, что и Вайгачъ не бѣденъ ими—еще одно доказательство иной температуры этого острова въ доисторическія времена. По свидѣтельству самоѣдовъ, въ почвѣ здѣсь попадаются мамонтовы кости и клыки, достигающіе иногда одиннадцати футовъ длины. За то, если эта пустыня бѣдна растительностью, если царство ископаемое дало ей весьма мало, она поразитъ васъ обиліемъ промысловыхъ звѣрей и птицъ. Въ водахъ, омывающихъ острова, ловятся неводами омули и гольцы, бьютъ бѣлухъ, моржей, морскихъ зайцевъ, лысуновъ, нерпъ и тюленей. Изъ птицъ здѣсь водятся чайки, гагарки, гагки, нырки, сокола, совы, даже орлы. Весною прилетаютъ сюда курапатки и разнаго рода утки (савки, шилохвостики, турпаны), лебеди, гуси, гагары и кулички. Это птичье царство, разумѣется, только близъ береговъ. Внутри страны—мертвая глушь, недвижная, неисходная. Тутъ же охотники добываютъ бѣлыхъ и голубыхъ песцовъ, красныхъ лисицъ, пеструшекъ и оленей. Здѣсь пропасть волковъ и царь арктическихъ пустынь — бѣлый медвѣдь властно странствуетъ по громаднымъ пустырямъ Вайгача. Особенно много здѣсь промышляется рыбы, звѣря и птицы лѣтомъ. Съ 8-го мая по 20-е іюля солнце надъ островомъ не закатывается и тогда-то сюда собираются пустозеры, устьцилемы, ижемцы и самоѣды. Русскіе и зыряне при этомъ ограничиваются одною южною частью острова, не покушаясь проникать на дальній сѣверъ. Здѣсь ими выстроена часовня, гдѣ они и собирались прежде для молитвы въ праздничные дни.

Норвежскій кептейнъ, побывавшій здѣсь въ прошломъ столѣтіи и знавшій, что Вайгачъ незаселенъ, придумалъ сказку— о невидимыхъ жителяхъ этого острова. Когда онъ плылъ близъ южной оконечности его, то ему послышалась долгая, заунывная пѣсня. Отсюда—преданіе о духахъ, переговаривающихся между собою въ туманахъ осени—пѣснями. Изъ этой легенды скандинавскій поэтъ сдѣлалъ прелестное стихотвореніе. Сказка разрѣшается весьма просто. Норвежцу пришлось слышать какую нибудь мезенскую пѣсню, пѣтую цѣлою артелью промышленниковъ, отдыхавшихъ послѣ утомительной работы на суднѣ, укрытомъ въ безопасной бухтѣ утесами и мысами берега. Не это ли же самое послужило основаніемъ

для преданія о людяхъ, заключенныхъ въ горѣ и переговаривающихся оттуда? Югра на Вайгачѣ промышляла такъ же, какъ теперь тамъ промышляютъ русскіе. Ушкуйники, проѣзжавшіе мимо скалъ, слышали незнакомыя имъ пѣсни и создали миѳъ объ узникахъ каменныхъ горъ. На островѣ и до сихъ поръ отыскиваются слѣды пребыванія какого-то племени—желѣзныя и мѣдныя копья, посуда и др. Извѣстно, что вдоль по теченію р. Печоры, по рр. Колвѣ, Коротанхѣ и др. жило нѣкогда племя пещоры,—народъ троглодитовъ, обитавшихъ въ пещерахъ. Пещора была гораздо цивилизованнѣе настоящихъ обладателей тундръ, она знала употребленіе желѣза и мѣди, выдѣлывала изъ этихъ металловъ различные предметы. А въ доисторическія времена, въ свою очередь, истреблена самоядью. По всей вѣроятности, и Вайгачъ былъ нѣкогда занятъ какимъ нибудь отдѣльнымъ родомъ этой, нынѣ исчезнувшей, расы аборигеновъ крайняго сѣвера.

Вайгачъ для самоѣдовъ долго былъ священнымъ островомъ. Тутъ, на различныхъ пунктахъ, преимущественно же на выдающихся высотахъ береговыхъ скалъ, и до сихъ поръ встрѣчаются ихъ идолы. Такіе же деревянные обрубки ставятъ и нынѣшніе самоѣды-промышленники у лисьихъ и песцовыхъ норъ острова Вайгача. Мореходы, особенно же иностранцы, посѣщавшіе эти отдаленные берега, изумлялись, встрѣчая на безлюдьѣ группы каменныхъ, деревянныхъ идоловъ, безобразно изсѣченныхъ самоѣдами. Окровавленные жертвенною кровью истуканы, кровь на скалахъ окружающихъ ихъ, кровью пропитанная почва вокругъ—все внушало ужасъ несвѣдущимъ чужеземцамъ, воображавшимъ, что они попали въ страну каннибаловъ. Дѣло объясняется весьма просто. Самоѣды въ опредѣленныя времена года сходились сюда прежде для своихъ общественныхъ богослуженій. Какъ особенно святое мѣсто, въ этомъ отношеніи славился мысъ Болванскій—полукруглая каменная масса, далеко выдающаяся въ море на юго-западной оконечности острова. Въ этомъ мысѣ чернѣетъ громадная и глубокая пещера съ двумя выходами, однимъ широкимъ—къ морю и другимъ узкимъ, открывающимся въ вершинѣ утеса. Вихри, врываясь въ пещеру, производятъ въ ней и теперь оглушительный гулъ, поражающій ужасомъ дикаря, слышащаго въ немъ голосъ своего божества. Тутъ-то самоѣды и поставили свой главный идолъ—*Весакъ*. Онъ былъ деревянный, трехгранный, высокій и тонкій, о седьми лицахъ, которыя были вырѣзаны на двухъ отлогихъ гранахъ, одно надъ другимъ; само собою разумѣется, что рѣзьба лица была грубымъ подражаніемъ природы—и то самоѣдской. Щеки у идола вырѣзаны впадинами, съ

выдавшимися скулами. Нижняя часть идола оканчивалась трехграннымъ остроконечiемъ, которымъ онъ и былъ утвержденъ въ почвѣ. Въ полукружiи близъ этого главнаго идола поставлено было двадцать средней величины и около 400 маленькихъ деревянныхъ, а за ними, въ разстоянiи пятидесяти сажень, 20 каменныхъ однообразныхъ идоловъ. Передъ главнымъ идоломъ плотно набросана была большая груда оленьихъ головъ съ цѣлыми рогами и тридцать череповъ бѣлыхъ медвѣдей. Къ оленьимъ рогамъ привѣшаны были топоры, стрѣлы, мѣдныя кольца, пуговицы, гвозди, разноцвѣтные суконные лоскутки и другiе тому подобные дары богамъ. Противъ Болвановскихъ идоловъ на выступѣ материка тоже находилось 4 каменныхъ и 356 деревянныхъ идоловъ. По словамъ очевидцевъ, океанiйскiе идолы Мораи совершенно похожи на идоловъ самоѣдскихъ.

Въ настоящее время Вайгачъ начинаетъ колонизироваться самоѣдами. Вытѣсняемые безпощадною эксплоатацiею зырянъ изъ своихъ зоповѣдныхъ тундръ, они уходятъ въ эти аркитическiя пустыни, въ безплодныя приволья оленьихъ пастбищъ. Царство смерти мало по-малу обращается въ кочевья дикихъ инородцевъ, и тамъ, гдѣ прежде неудержимо ревѣли одни волны,—носится нынѣ самоѣдская нарта и слышатся хриплые крики этихъ суровыхъ номадовъ.

В. Немировичъ-Данченко.

Лѣсное царство.

Природа зырянскаго края, конечно, бѣдна въ сравненiи съ краями болѣе теплыми; но и въ этой бѣдной сѣверной природѣ есть не мало величiя — правда, суроваго и мрачнаго, но все-таки же величiя. Страна зырянъ покрыта громадными лѣсами, въ которыхъ водятся всевозможныя птицы, мохнатыя дорогiя росомахи, царствуетъ владыка сѣвера — Михаилъ Ивановичъ Топтыгинъ; изобилуетъ пустынными моховыми болотами, обширными озерами, трясинами, плавучими островами; изрѣзана множествомъ рѣкъ, рѣчекъ и ручьевъ, совершенно неизвѣстныхъ записному географу. Лѣса зырянскiе мѣстами такъ густы и непроходимы, что смѣло могутъ потягаться съ дикими и дремучими лѣсами Сѣверной Америки; но при этомъ зырянскiй край малолюднѣе, климатъ его суровѣе, а лѣса болѣе

изрѣзаны обширными болотами, которыя на дальнѣйшемъ сѣверѣ обращаются въ огромныя тундры, заселенныя кочевыми инородцами. Безспорно, чрезмѣрная суровость климата много вредитъ странѣ; но, вѣдь, согласитесь, что есть и не мало чего-то близкаго и отраднаго для сѣвернаго жителя въ этомъ снѣжномъ покровѣ, много мѣсяцевъ сряду лежащемъ на лѣсахъ, оковывающемъ воды.

Да, сѣверная природа — тоже красавица, но только красавица не сверкающая ослѣпительными красками южной. Но сколько здѣсь живописныхъ мѣстностей! Сколько картинъ, отъ которыхъ забьется восторгомъ сердце каждаго человѣка! Одни лѣса зырянскіе - красота. О, какъ хороши они въ своей первобытной дикости! Они разнообразны въ своемъ однообразіи... Вотъ пылаетъ утреннею зарею востокъ. Лѣсъ проснулся, „каждой вѣткой встрепенулся,“ шелеститъ листвой, точно потягиваясь отъ сна. Птицы одушевили зеленаго гиганта, наполнивъ его нѣдра тысячью свистовъ. Утренній вѣтерокъ свѣжъ, онъ разноситъ живительные ароматы цвѣтовъ и зелени. Не высохшая еще роса сверкнула преломленными лучами брильянта при первомъ лобзаніи земли солнцемъ. Птичка сѣла на вѣтку. Вѣтка всколыхнулась—посыпала самоцвѣтныя сокровища. Зазвенѣли въ травѣ кузнечики; поютъ птицы. Природа какъ бы гимномъ привѣтствуетъ начинающійся день. Цвѣты гордо подняли свои освѣженныя головки. Все ожило, пробудилось...

Въ полдень картина измѣняетъ свой тонъ. Деревья щедро освѣщены вертикальными лучами солнца. Воздухъ сухъ. Вѣтеръ не несетъ прохлады. Въ воздухѣ точно носится золотистая пыль, которая прозрачнымъ слоемъ покрыла деревья и зелень. Все блеститъ этимъ золотистымъ оттѣнкомъ, сверкаетъ яркостью колера. Лѣсной концертъ какъ бы замираетъ — не смолкая однако. Солнце нѣжно лелѣетъ землю въ своихъ жаркихъ объятіяхъ, — и земля охвачена полной нѣгой.

Вечеръ. Пришла сладкая истома. Точно стряхнувши съ себя дивныя чары, деревья заводятъ между собою бесѣду. Рои мошекъ и комаровъ тучами переносятся съ мѣста на мѣсто. Кукушка затягиваетъ сиротливую жалобу, какъ бы вторя ропоту деревьевъ. Вотъ исчезло за горизонтомъ и солнце. Земля и воды точно вздохнули своею мощною грудью, и вздохъ этотъ въ видѣ пара появился на поверхности и улетѣлъ на небо. Слабыя фіолетовыя тѣни стали сгущаться, переходя въ лиловые тоны. Мракъ окуталъ землю. Дневные концертанты попрятались. Ожили ночныя чудища. Большеглазый филинъ проревѣлъ свое зловѣщее „угу“ — звукъ прокатился по всему лѣсу. Это крикъ мрака, царство котораго наступило...

Но выплылъ въ небѣ серебристый дискъ блѣднолиой цынлу. Она разлила повсюду свой бѣлесоватый мягкій свѣтъ, проникающій сквозь листву деревьевъ, освѣтивши ихъ. Мракъ разсѣялся. Луна окунула свой смѣющійся ликъ въ тихо журчащій ручеекъ, оставивъ въ немъ свое изображеніе, которое двоится и троится, растягивается въ свѣтлую полосу отъ набѣгающей ряби струй. Заснувшія деревья стоятъ точно покойники съ неподвижными членами; березы блестятъ своею корой по стволамъ, — словно завернуты въ саваны. Иглистыя вѣтви сосенъ кажутся вылитыми изъ стали. Конусообразныя ели плотно сѣли на землю своими вѣтвями; кажется, что ихъ верхушки воткнуты въ воздушную синеву...

А надъ всѣмъ—небесный сводъ опрокинулся гигантскою чашей. Звѣзды усѣяли его воздушную порфиру. Луна въ своемъ царственномъ величіи тихо плыветъ по безграничному эфирному океану, разливая съ необъягной выси свой серебристый свѣтъ.

Такова-то зырянская лѣтняя лунная ночь. Таковы-то лѣса зырянскіе лѣтомъ. Развѣ не дивно хороши они? Они—богатство и краса края; въ нихъ только чувствуетъ себя счастливымъ и привольнымъ полу-номадъ нашего сѣвера, зовущій себя „коми-мортомъ",т. е., именно лѣснымъ человѣкомъ.

Извѣстно, что сильный жаръ располагаетъ людей къ лѣни и дѣлаетъ ихъ неспособными къ труду; въ свою очередь—чрезмѣрная суровость дѣйствуетъ неблагопріятно на развитіе умственныхъ способностей. Климатъ же странъ умѣренныхъ всего благопріятнѣе для человѣческаго труда. Но и самый выборъ занятій зависитъ не вполнѣ отъ человѣка: опять много значитъ природа, почва,—однимъ словомъ, физическія условія страны. Если вы поселились на совершенно неплодородной почвѣ—вамъ нечего заниматься земледѣліемъ, и вы по необходимосеи обратитесь къ какимъ-нибудь другимъ занятіямъ; живете вы въ мѣстности, гдѣ много озеръ и рѣкъ, богатыхъ рыбою—вы станете заниматься рыбными промыслами; обильна ваша родина лѣсами—вы дѣлаетесь охотникомъ. Точно также народы, живущіе близъ морей, дѣлаются ловкими и отважными моряками, развиваютъ внѣшнюю торговлю и образуютъ хорошій флотъ.

Родина зырянъ сурова по климату: холодные вѣтры, дующіе съ Ледовитаго океана, плохая почва—все это препятствуетъ созрѣванію хлѣба, и потому въ зырянскомъ краѣ урожаи малы, хлѣбопашество, земледѣліе—не развито. Не видя вознагражденія за труды, постоянно почти страдая отъ неурожая хлѣба, зырянинъ и не занимается прилежно обработкою земли.

— Дышъ да ячсяся (лѣнь, да бороню),—говоритъ зырянинъ, принимаясь за нелюбимое дѣло.

Вы, можетъ быть, подумаете, что зыряне сами виноваты въ томъ, что ихъ земля плохо родитъ хлѣбъ, потому что они не хотятъ хорошенько удобрить ее и какъ слѣдуетъ приняться за обработку. Это не правда. Во первыхъ, у зырянъ и скота мало для того, чтобы въ достаточной мѣрѣ удобрить малоплодородную почву, и, во вторыхъ, вѣдь однимъ удобреніемъ не измѣнить климата, не избавиться отъ холоднаго вѣтра и раннихъ морозовъ, вслѣдствіе которыхъ гибнетъ посѣвъ. Вотъ почему зыряне обратили свое главное вниманіе не на земледѣліе, а на другіе промыслы. Ихъ родина богата лѣсами, озерами и рѣками; лѣса изобилуютъ „птицей и звѣремъ", озера, рѣки—рыбой, и вотъ зыряне сдѣлались хорошими охотниками и рыболовами, и преимущественно охотниками. Звѣриные промыслы въ жизни зырянина играютъ первую роль; они даютъ ему средство прокормить себя, свое семейство и заплатить всѣ нужныя подати. Какіе же главные предметы зырянской охоты? Изъ звѣрей—это медвѣди, волки, росомахи, выдры, куницы, лисицы, олени, порою—горнастаи и чаще всего бѣлки; изъ птицъ—глухари, куропатки, рябчики; изъ рыбъ—семга, сигъ, нельма, чиръ.

Давно-ли поселились зыряне въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ они живутъ теперь—точно неизвѣстно. Извѣстно только, что зыряне вытѣснили одно племя (чудь), жившее въ сѣверныхъ частяхъ Архангельской, Вологодской и Пермской губерній, и заняли его мѣсто. Сначала они даже не строили и лѣсныхъ избъ, а жили въ землянкахъ, наподобіе звѣрей. Потомъ начали строить избы и варить пищу; ранѣе же ѣли сырыми убитыхъ птицъ и другихъ животныхъ. Звѣроловы и рыболовы—они почти цѣлый годъ проводили въ охотѣ; поклонялись истуканамъ изъ мѣди и дерева, ставя ихъ въ рощахъ, подъ священными деревьями, украшая ихъ дорогими мѣхами пушныхъ звѣрей, разноцвѣтными лоскутками. Были у нихъ и кумирницы, гдѣ приносились жертвы и моленія жрецами-чародѣями, державшими въ своей власти весь народъ; жрецы обирали себѣ всѣ дорогіе мѣха, которые приносились въ жертвы идоламъ, и брали лучшую часть изъ каждой добычи зырянъ. Главными идолами у зырянъ считались два: „Воппель"—въ переводѣ на русскій языкъ „Ночное ухо", и „Іомала"—„Старая баба". Воппель почитался какъ стражъ всего народа и лѣсовъ, бодрствующій и пекущійся о лѣсныхъ людяхъ. Іомала—грозное карающее божество, изображавшееся въ видѣ безобразной старой женщины; этому идолу, называемому также „Золотою бабой" (потому что онъ былъ сдѣланъ изъ бле-

стящей мѣди), приносились въ жертву не только звѣри, но и люди. Это божество и до сихъ поръ еще живетъ въ памяти народной, и зыряне, если хотятъ указать на безобразную, злую женщину, говорятъ обыкновенно: „іома баба, кодъ лыкъ", т. е. зла, скверна, какъ іома.

Кромѣ этихъ идоловъ, у зырянъ были и священныя деревья, и между ними самое важное—„прокудливая береза". Смутное понятіе лѣсные люди имѣли и о божествѣ, живущемъ на небѣ; но, по ихъ понятіямъ, оно было настолько высоко, что пеклось лишь о небѣ, и молиться ему нельзя; оно принимало просьбы только отъ идоловъ, которыхъ должны умилостивлять и молить люди.

Долгіе годы жили „лѣсные люди" во мракѣ языческаго невѣжества,—но вотъ и для нихъ открылся свѣтъ истинной вѣры, дошло и къ нимъ благостное слово ученія Христа.

Это случилось во-второй половинѣ XIV столѣтія.

Къ епископу Герасиму, управлявшему въ то время московскою митрополіей, явился молодой іеродіаконъ Стефанъ, пришедшій съ сѣвера, и, павъ ницъ передъ владыкою, смиренно просилъ у него благословенія на подвигъ апостольства. Преосвященный выслушалъ пришельца и поразился мудростью рѣчей его. И когда тотъ выразилъ желаніе или просвѣтить словомъ Христовымъ дикое племя, или умереть за вѣру—Герасимъ преподалъ ему благословеніе, прозрѣвъ въ лицѣ молодого ревнителя Евангелія великаго будущаго святителя земли зырянской. Московскій князь Василій Дмитріевичъ, услыхавши о Стефанѣ, пожелалъ видѣть его. Разумныя и вдохновенныя рѣчи молодого проповѣдника плѣнили и князя. Онъ одарилъ его щедро, снабдилъ грамотами, священными предметами и отпустилъ въ дальній путь на многотрудный и опасный подвигъ, прося не забыть его, князя, въ своихъ молитвахъ.

Скоро разнесся слухъ по зырянскимъ лѣсамъ о новомъ пришельцѣ. Его пламенныя рѣчи жгли сердца, раскрывая истину. Онъ говорилъ по-зырянски (научившись языку еще въ дѣтствѣ, такъ какъ родился и жилъ вблизи зырянскаго края), говорилъ просто и и увлекательно. Явились и послѣдователи новой вѣры.

Заволновались жрецы. Они разъѣзжали по лѣсамъ и поселкамъ, обвѣшанные шкурами драгоцѣнныхъ звѣрей, и, потрясая злобно руками въ воздухѣ, призывали кару боговъ на голову Стефана, взывали къ народной мести за поруганную вѣру.

А отважный служитель Христа продолжалъ свое дѣло. Онъ являлся въ народныя сборища и училъ истинамъ новой религіи. Народъ валилъ толпами—одни изъ любопытства, другіе, чтобы за-

щитить своихъ боговъ. И тѣ, и другіе были несказанно удивлены тѣмъ, что видѣли и слышали. Представитель невѣдомаго ученія былъ такъ мало похожъ на ихъ жрецовъ: необыкновенно кроткій, пламенно-вдохновенный, одѣтый бѣдно—онъ былъ чуждъ угрозы и насилія. Это обезоруживало самыхъ злобныхъ; они возражали пришельцу, но не рѣшались трогать его. Нѣкоторые даже смутно признавали преимущество новаго ученія, правду его, и эта правда мало-по-малу западала въ ихъ грубыя сердца.

Но вотъ произошло событіе, взволновавшее весь народъ.

Пришелецъ уничтожилъ ихъ святыню—прокудливую березу. Она стояла на высокомъ холмѣ; подъ ея зеленымъ шатромъ собирались язычники для жертвъ и моленій. Подъ нею же стоялъ идолъ „Ночного уха". Сюда же слетались по ночамъ разные духи... Кора этой березы исцѣляла недужныхъ. И вдругъ пришелецъ срубилъ эту березу и зажегъ ее!

Народъ пришелъ въ ярость и побѣжалъ къ березѣ, чтобы убѣдить дерзкаго или посмотрѣть, какъ божество само покараетъ его.

Стефанъ не выразилъ ни страха, ни смущенія при видѣ разъяренныхъ язычниковъ. Онъ опустился на колѣни и, крестясь, громко славилъ имя Распятаго Господа.

Язычники были поражены такимъ величавымъ спокойствіемъ. Тогда Стефанъ, указывая на горѣвшую березу, воскликнулъ:

— Гдѣ же ваши боги? Вы видите, что я сжегъ святыню: ваше божество безсильно покарать меня!.. Это не боги, а идолы!—продолжалъ онъ.—Одинъ есть Богъ—что на небеси, пославшій на землю Своего Сына Единороднаго...

И пламенныя рѣчи потекли потокомъ изъ устъ Стефана. И чѣмъ долѣе говорилъ онъ, тѣмъ яснѣе становилась для самихъ зырянъ ложь ихъ жрецовъ, ихъ фокусничества, обманы. Многіе тутъ же увѣровали во Христа.

Потекли года. Стефанъ разбилъ всѣ злоумышленія жрецовъ, онъ поборолъ ихъ въ спорѣ и доказалъ на дѣлѣ безсиліе ихъ боговъ и ихъ самихъ. И свѣтъ Евангелія широкою волною началъ разливаться по лѣснымъ трущобамъ, которыя огласились гимнами Богу небесному, украсились храмами, вѣнчанными крестомъ, побѣдившимъ язычество. Іеродіаконъ сталъ епископомъ, и народъ выходилъ ему навстрѣчу, и бабы несли ему холстъ, чтобы обернуть ему ноги.

А храмы росли и множились. Воздвигались обители, какъ маяки въ морѣ, свѣтившіе во тьмѣ лѣсовъ новообращеннымъ христі-

анамъ. Явились послѣдователи Стефана, которые продолжали его проповѣдь.

Много лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ. Уже давно всѣ зыряне—христіане; но, необразованные, не просвѣщенные наукой, они и теперь страшно суевѣрны,—вѣрятъ въ злыхъ духовъ, привидѣнія и соблюдаютъ множество обрядовъ, которые остались отъ язычества.

А. Кругловъ.

Зыряне-ижемцы.

— Что-то мало нынѣ ижемцевъ было на пинежской ярмаркѣ, не поѣсть будетъ вдоволь этотъ годъ печорской рыбки, а объ осетринѣ и думать позабудь!—вздыхаетъ коренной архангельскій житель, любитель жирныхъ кулебякъ.

— Спасибо этимъ ижемцамъ, покормятъ они насъ всякимъ добромъ,—приговариваетъ другой, уплетая вкусные оленьи языки подъ соусомъ.

— А какъ дешево накупилъ я нынѣ бѣлки у ижемцевъ!—сообщаетъ вамъ третій.

Однако, что же это такое за ижемцы? „А вотъ ижемцы сами и есть“, толкаетъ васъ вашъ спутникъ, который взялся показать вамъ зимній архангельскій базаръ. Вы всматриваетесь по указанному направленію и видите двѣ рослыя широкоплечія фигуры съ головы до ногъ мохнатыя—въ знакомой вамъ самоѣдской одеждѣ изъ оленьихъ шкуръ, шерстью вверхъ. Вотъ одна изъ нихъ обернулась: смуглое лицо съ выдавшимися скулами, съ маленькими черными глазами—ничего особеннаго. Но вашъ слухъ поражается ихъ рѣчью: говоръ русскій, и бойкій русскій говоръ, а, между тѣмъ, выговоръ какой-то странный, гортанный, ударенія совсѣмъ неправильныя, окончанія словъ часто тоже. „Это зыряне съ Ижмы“, получаете вы объясненіе.

За дремучими лѣсами и пустынными тундрами живутъ ижемскіе крестьяне. Волость ихъ, изъ нѣсколькихъ селъ и деревень, широко раскинулась по Ижмѣ, небольшой рѣкѣ, которая быстро бѣжитъ по своему каменистому и порожистому дну въ многоводную Печору. Самое значительное изъ этихъ селъ—Ижма.

Вотъ передъ нами это село. Тремя правильными рядами растянулось оно по правому, низменному берегу рѣчки Ижмы.

Лѣтомъ, когда солнце освѣщаетъ окрестные цвѣтущіе луга, хвойные лѣса съ ихъ темною-темною зеленью, рѣзко отдѣляющеюся отъ яркой зелени луговъ и полей, когда оно отражается милліонами искръ въ мелкой ряби быстро бѣгущей рѣчки и блеститъ на золотыхъ макушкахъ бѣлыхъ, каменныхъ церквей, которыя виднѣются тамъ и сямъ на горизонтѣ.—Ижма кажется очень красивою. Но лѣто коротко, длинная-длинная сѣверная зима со своимъ холоднымъ, бѣлымъ однообразіемъ уже совсѣмъ не такъ привлекательна, да намъ, пожалуй, и дѣла то мало до красоты: мало-ли красивыхъ мѣстъ на свѣтѣ и есть мѣста, еще гораздо красивѣе; не ради этого вздумали мы взглянуть поближе на Ижму. А вотъ какъ тутъ человѣку живется—посмотримъ.

Куда-жъ мы заглянемъ: въ эту ли старую одноэтажную избу съ черными стѣнами, съ подслѣповатыми окнами, прорубленными какъ попало, съ покривившимся узкимъ и шаткимъ крыльцомъ спереди или въ этотъ большой, двухъэтажный домъ правильной постройки, съ вышкой, со службами, пристроенными сзади? Но надо думать, что довольство и изобиліе скорѣе пріютятся въ хорошемъ жилищѣ, чѣмъ въ дурномъ, а вѣдь ихъ-то мы и ищемъ, такъ какъ хотѣлось бы провѣрить слухи о томъ, что у ижемцевъ у каждаго за пазухой денегъ не по одной сотнѣ, а дома въ сундукахъ и счету не дашь, а Ижма—золотое дно.

Итакъ, войдемъ въ новый двухъэтажный домъ.

Нижняя изба, знакомая намъ русская крестьянская изба, бревенчатая, низкая и темная, съ лавками около стѣнъ и огромною печью. Печь отступаетъ отъ стѣны и открываетъ проходъ, въ который виднѣется лѣстница въ верхній этажъ. Въ верхнемъ этажѣ посрединѣ сѣни, спереди и сзади сѣней по двѣ комнаты. Яркіе обои на стѣнахъ, стулья и диваны, столы и шкафы съ посудой—все въ комнатахъ хоть и не особенно затѣйливо, но показываетъ, что тутъ живутъ люди, по нашей крестьянской мѣркѣ, очень богатые, — люди, которые могутъ пользоваться такими удобствами, о какихъ большинство крестьянства и не мечтаетъ. А какіе сундуки, окованные желѣзомъ, съ желтыми, красными, синими цвѣтами и птицами на крышкахъ! Сколько одежды понавѣшано на стѣнахъ задней комнаты: и кафтаны изъ тонкаго сукна, и сюртуки, и пальто, и дорогія шубы на лисьемъ, енотовомъ мѣху, не говоря уже о малицахъ и прочей одеждѣ изъ оленьихъ шкуръ. Тутъ же кое-что изъ женской одежды, ну та не такъ разнообразна, проще; все своя, зырянская; тѣ же малицы, да длинныя одежды, вродѣ пальто на шкурѣ молодого оленя, крытыя нанкой, съ обшивкой и воротникомъ изъ того же оленя, да

сарафаны. Видно, что женщины не любятъ такъ щеголять, какъ мужчины, и больше своего придерживаются, за модами не тянутся.

Чистенько въ комнатахъ, все подметено, прибрано, все въ порядкѣ, на мѣстѣ; да и мудреное-ли дѣло? Вѣдь эти комнаты парадныя, на-показъ, для гостей; дѣти сюда и носу не смѣютъ сунуть, да и сами хозяева только изрѣдка заглядываютъ, особенно женщины, такъ какъ имъ, по ижемскому обычаю, неприлично показываться къ гостямъ на верхъ.

А вотъ каково-то внизу, откуда раздается дѣтскій плачъ, визгъ и разговоръ на непонятномъ намъ языкѣ. Однако, совсѣмъ нельзя сказать, чтобъ тутъ было чисто, совсѣмъ нельзя. Спертый воздухъ такъ и обдаетъ какими-то острыми, непріятными запахами, неряшливость бьетъ вамъ всюду въ глаза. На кровати, покрытой оленьей шкурой, безъ всякаго бѣлья, большая подушка въ страшно грязной наволокѣ: видно, что ее не мывали ни разу съ тѣхъ поръ, какъ сшили, двѣ люльки, подвѣшанныя къ потолку, такъ же неопрятны, какъ и смуглыя дѣти, которыя пищатъ въ нихъ. Другія дѣти—а ихъ таки порядкомъ въ избѣ—тоже немытыя, всклоченныя. Столы, лавки, стѣны, полъ, потолокъ, кухонная посуда—все не уступаетъ въ неопрятности одно другому. Тамъ валяется грязная малица, тамъ сапоги, а вотъ и праздничный головной уборъ молодой хозяйки какъ-то попалъ тутъ же въ кучу всякой дряни, и тускнетъ дорогая парча отъ избной копоти и пыли.

А между тѣмъ въ избѣ суетится нѣсколько женщинъ—плотныхъ, смуглыхъ, широколицыхъ ижемокъ въ сарафанахъ и платкахъ, которыми повязаны ихъ черные волосы. Отчего же онѣ не позаботятся о чистотѣ и порядкѣ?

Спрашивать ихъ объ этомъ безполезно: они васъ не поймутъ, такъ какъ совсѣмъ не понимаютъ по-русски. Мужчины же хоть и поймутъ, но удивятся вашему вопросу и отвѣтятъ: чего же еще нужно? и такъ „порато дородно“ (очень хорошо).

Вы могли уже сообразить, что тутъ неряшливость происходитъ не отъ нужды, какъ бываетъ иногда. Хотите убѣдиться въ этомъ окончательно, воспользуемся радушнымъ приглашеніемъ хозяина отвѣдать его хлѣба-соли; да, впрочемъ, отъ этого приглашенія совѣстно и отказаться, такъ оно полно искренняго желанія оказать вамъ гостепріимство. Видно, что у ижемца есть чѣмъ угостить гостя, что его кладовыя наполнены припасами: мясо оленей, дичь, разная рыба, лакомые оленьи языки и губы—есть изъ чего приготовить питательный и вкусный обѣдъ. Но Боже! въ какомъ видѣ является все это на столъ ижемца! Прокислая рыба заражаетъ воздухъ зловоніемъ;

соленое мясо тоже. Щи изъ свѣжей оленины, съ примѣсью ржаной муки и борща (одно растеніе изъ семейства зонтичныхъ, которое ижемцы квасятъ и употребляютъ, какъ мы капусту), приготовлены такъ, что почти невозможно проглотить ихъ и одной ложки: довольно сказать, что мясо при приготовленіи не моется, хотя бы на немъ былъ толстый слой грязи. Кисель изъ оленьихъ жилъ съ примѣсью молока и муки кажется вамъ совсѣмъ не вкуснымъ, уже помимо того, чисто или нѣтъ онъ приготовленъ; сырой мороженой рыбы, которую ѣдятъ за лакомство, вамъ не съѣсть и самаго тоненькаго ломтика. А между тѣмъ ижемцамъ и нравится въ ихъ кушаньяхъ именно то, что вамъ противно—ихъ острый, непріятный запахъ, заражающій воздухъ, ихъ прокислый, ѣдкій вкусъ. Но о вкусахъ не спорятъ, и какъ бы то ни было, а мы могли убѣдиться, что тѣ ижемцы, съ которыми мы познакомились, въ самомъ дѣлѣ имѣютъ все, что имъ нужно, въ самомъ дѣлѣ живутъ въ довольствѣ,—есть правда въ народной молвѣ.

Такъ ли наполнены казной ихъ сундуки, какъ гласитъ та же молва, это дѣло темное, но деньги у нихъ несомнѣнно водятся.

Однако-жъ пора бы намъ и поразузнать, откуда берутъ ижемцы свой достатокъ? Природа кругомъ такая скудная, скупая, вполнѣ наша сѣверная природа-мачеха. Полей около села мало и они обработаны такъ небрежно, что о хлѣбѣ для всей Ижмы нечего думать даже и въ рѣдкіе урожайные годы; да ижемцы и ѣдятъ хлѣба очень мало, замѣняя его оленьимъ мясомъ, даже молоко они ѣдятъ съ мясомъ. Значитъ, не поля источникъ богатства. Лѣса, которые обступили Ижму, съ ихъ звѣрями и птицами, рыбная рѣка,—но то и другое вмѣстѣ едва-едва можетъ прокормить человѣка, какъ мы увидимъ дальше. А больше и ничего нѣтъ кругомъ, изъ чего бы можно было добыть богатство. Такъ какъ же?

Спросимъ объ этомъ у нашего радушнаго хозяина ижемца. Что за странность? Нашъ вопросъ, повидимому, ему въ высшей степени непріятенъ. Неужели онъ добылъ свой достатокъ не честнымъ трудомъ? И вдругъ въ головѣ у васъ мелькнули слова, слышанныя мимоходомъ: „не добромъ разжились эти ижемцы, тяжелымъ грѣхомъ лежитъ у нихъ на совѣсти самоѣдская тундра. А, такъ тутъ, дѣйствительно, что-то кроется; но что же?

А вотъ что. На сѣверъ, востокъ и западъ отъ Ижмы тянется то громадное промерзшее моховое болото, усѣянное кочками, которое называется тундрой. Богъ знаетъ съ какихъ давнихъ временъ поселилось на этой тундрѣ самоѣдское племя. Проходили столѣтія, а полудикари самоѣды все бродили мирно изъ края въ край своей

тундры со стадами оленей, безъ которыхъ нельзя было бы существовать въ тундрѣ: олень давалъ имъ средства удовлетворять ихъ незначительнымъ жизненнымъ потребностямъ, и они не желали лучшаго, потому что ничего не знали о немъ, объ этомъ лучшемъ. Но будущее готовило имъ печальную перемѣну въ ихъ судьбѣ. На рѣкѣ Ижмѣ, по сосѣдству съ тундрой, поселились зыряне, которые придвинулись сюда съ юга, отыскивая средства къ существованiю. Но и на новыхъ мѣстахъ, на рѣкѣ Ижмѣ, этихъ средствъ было мало: охота, рыбная ловля, жалкое земледѣлiе едва прокармливали новыхъ поселенцевъ. Но зыряне-ижемцы оказались такими людьми, которые не довольствуются своимъ малымъ, если могутъ достать больше, хоть бы и несправедливымъ путемъ, хоть бы и насчетъ страданiй своего ближняго. Присматривались, присматривались они къ самоѣдамъ, съ которыми приходилось сталкиваться на промыслахъ, и убѣдились, что они куда смышленнѣе своихъ сосѣдей, что самоѣдъ и добродушенъ, и довѣрчивъ, и недалекъ крайне, что самоѣдскiе олени—это настоящiй кладъ, особенно если съ ними обращаться умѣючи. Еще замѣтили ижемцы, что водка очень нравится самоѣдамъ.

И вотъ начали они все чаще и чаще навѣдываться въ чумы своихъ сосѣдей, начали возить къ нимъ разныя разности для обмѣна на оленей и звѣриныя шкуры, особенно часто и много возили они водку. Пили самоѣды, дурѣли отъ водки, отдавали за ничто и своихъ оленей, и дорогiе мѣха, раззорялись, попадали въ кабалу къ ижемцамъ, которые заставляли добродушныхъ самоѣдовъ отплачивать за долги пожизненной работой за себя, заставляли не только самихъ должниковъ, но и ихъ дѣтей, ихъ внуковъ.

И пришелъ конецъ прежней мирной, довольной жизни самоѣдовъ. Жалкiе остатки прежнихъ стадъ уже не могутъ ихъ такъ пропитывать, какъ прежде, звѣриные промыслы въ тундрѣ также захвачены ижемцами и русскими, водка тоже дѣлаетъ свое дѣло—и все хуже и хуже становится жить самоѣдамъ; все уменьшается и уменьшается ихъ число, „вымираетъ", какъ говорятъ ученые люди, бѣдное самоѣдское племя. Зато какъ разбогатѣла и разрослась Ижма! Вмѣсто прежняго жалкаго поселка—большое село, которое мы уже видѣли; вокругъ славнаго села появились новыя ижемскiя деревни и села съ хорошими каменными церквами.

И вотъ вы, сидя подъ окномъ ижемскаго дома, можете видѣть, какъ тянется по улицѣ нищее самоѣдское семейство, останавливаясь подъ окнами или входя въ избы за милостыней, въ которой ижемцы,—надо отдать имъ честь,—никогда не отказываютъ. Самоѣдка съ худымъ грязно-желтымъ лицомъ и торчащими скулами тащитъ

за собой въ санкахъ, несмотря на тридцати-градусный морозъ, груднаго ребенка; двое другихъ дѣтей, лохматыхъ, грязныхъ, съ непокрытыми головами, плетутся рядомъ; самоѣдъ, такой же оборванный, какъ и вся семья, зашелъ въ кабакъ, откуда выходитъ уже пошатываясь; онъ пропилъ то, что успѣла насбирать семья. Что же они будутъ ѣсть? Грустно; вы пригорюнились. Но это безпокоитъ вашего радушнаго хозяина-ижемца. Онъ предлагаетъ вамъ поразвлечься, посмотрѣть на бой оленей, который назначенъ на сегодня.

Въ самомъ дѣлѣ, замѣтно, что или происходитъ, или должно произойти въ селѣ что-нибудь особенное. На улицахъ необыкновенное движеніе. Мужчины, женщины, дѣти, тепло одѣтые въ свои оленьи шкуры, куда-то спѣшатъ, всѣ въ одну сторону. Вы за ними. По среди лѣсной поляны, недалеко отъ села, разбитъ чумъ—самоѣдская палатка изъ оленьихъ шкуръ.

Около чума весело суетятся двадцать-тридцать ижемцевъ, вооруженныхъ длинными винтовками: кто доѣдаетъ кусокъ, кто допиваетъ водку; видно, что кончаютъ завтракъ, остатки котораго виднѣются въ чуму, около разложеннаго посреди огня. Между тѣмъ, изъ лѣсу показываются олени, которыхъ выгоняютъ на поляну, при помощи собакъ, самоѣды—ижемскіе работники. Уже множество оленей разбрелось по полянѣ; разсыпались по ней и ижемцы съ винтовками. Вотъ раздается выстрѣлъ, шатается и падаетъ одно изъ бѣдныхъ животныхъ. Затѣмъ еще выстрѣлъ, еще и еще выстрѣлы гремятъ уже безпрерывно. Олени не пугаются, не бѣгутъ отъ выстрѣловъ, а валятся одинъ за другимъ, обливая снѣгъ своею кровью. Между тѣмъ самоѣды таскаютъ подстрѣленныхъ животныхъ къ чуму, сдираютъ съ нихъ шкуры и складываютъ на приготовленныя заранѣе сани.

Раннія сумерки смѣняютъ зимній сѣверный день; сильно порѣдѣли ряды оленей, порѣдѣла и толпа зрителей, которая все время съ видимымъ удовольствіемъ слѣдила за этимъ тяжелымъ зрѣлищемъ Около чума разложили огонь, начались приготовленія къ ужину; вотъ замолкъ послѣдній выстрѣлъ, и охотники собрались къ чуму, чтобы закончить день веселою ѣдою, сопровождаемой смѣхомъ и шумнымъ разговоромъ.

Странно, что ижемцы видятъ въ этой гадкой бойнѣ не дѣло тяжелой необходимости, а скорѣе пріятное развлеченіе, и не только мужчины, даже женщины и дѣти. Бѣднымъ изъ ижемцевъ и самоѣдамъ бой оленей представляетъ, сверхъ того, и выгодную работу: за свое участіе въ дѣлѣ, они получаютъ кровь и внутренности убитыхъ животныхъ, которымъ они рады, какъ питательной прибавкѣ

къ своей скудной пищѣ. Часть шкуръ и мяса хозяева-ижемцы откладываютъ для домашняго употребленія, остальное идетъ въ продажу. Ижемцы не ждутъ покупателей, а сами отвозятъ свой товаръ на какую-нибудь ярмарку, иногда очень далеко, даже въ Сибирь, тамъ накупаютъ они новаго товара, какой считаютъ за выгодный, везутъ его на другую ярмарку, чтобы перепродать съ барышомъ, и такъ то зашибаютъ они порядочную деньгу. Нечего сказать, дѣятельный они народъ и толковый, не чета лѣнивымъ простакамъ-самоѣдамъ, которые никогда бы не придумали извлечь изъ оленя столько выгоды, сколько извлекаютъ ижемцы. А все-таки они разжились неправдой,кровной обидой горемычнаго самоѣдскаго племени. Чтобы было съ ижемцами безъ самоѣдовъ, безъ ихъ тундры и оленей?

А было бы то же, что и съ остальными архангельскими зырянами, которые живутъ не доходами отъ оленьихъ стадъ и торговлею, а рыбною и звѣриною ловлей. Жалкія избенки, кое-какъ вырубленныя, погнили и покривились; пристроекъ для скота совсѣмъ нѣтъ или самыя ничтожныя; не для чего ихъ строить: въ цѣломъ поселкѣ всего на-всего нѣсколько тощихъ коровъ, двѣ-три лошаденки да съ десятокъ овецъ. Изба что снаружи, то и внутри. Въ стѣнахъ ея прорубленно какъ ни попало нѣсколько отверстій и сквозь вставленныя въ нихъ кусочки стекла едва пробивается тусклый дневной свѣтъ. Но и такого свѣта довольно, чтобы разсмотрѣть всю убогую обстановку избы, да и разсматривать-то почти нечего, такъ все голо и бѣдно. Черныя отъ дыма и грязи лавки со столомъ,—все самой грубой работы,—да нѣсколько необходимѣйшей утвари около глиняной немазанной печки - и ничего больше. Обдаетъ холодомъ, сыростью, гнилью. А какъ жалко выглядятъ бѣдные обитатели этихъ убогихъ жилищъ, какъ болѣзненно-хилы ихъ старики, какъ блѣдны и вялы ихъ дѣтки. Да и не мудрено, особенно какъ посмотрѣть, что они ѣдятъ. Хлѣбъ ржаной или ячменный печется больше изъ мякины, чѣмъ изъ настоящей муки, но они довольны, когда есть и этотъ хлѣбъ; а то часто случается, что его нѣтъ, надо готовить себѣ такъ называемый „голодный хлѣбецъ“.

Высушатъ листья рябины или кору какую-нибудь, смелютъ, смѣшаютъ съ мякиной и молокомъ, кое-какъ слѣпятъ лепешку,— вотъ и голодный хлѣбецъ. Хорошо когда есть рыба или птица, или, вообще, что-нибудь питательное, съ чѣмъ можно ѣсть этотъ хлѣбецъ, а то совсѣмъ бѣда.

А богатые ижемцы и тутъ находятъ случай воспользоваться нуждой ближняго для своей выгоды. Случится въ ихъ тундрѣ падежъ на оленей,—это нерѣдко бываетъ,—ижемецъ рѣжетъ заболѣв-

шихъ животныхъ и везетъ ихъ на продажу бѣднымъ своимъ землякамъ; иной, побезсовѣстнѣй, и дохлаго туда же взвалитъ на сани. Ну, а голодные бѣдняки и рады дешевому мясу.

А. Ефименко.

Бѣломорскіе промыслы.

По берегамъ Бѣлаго моря разбросано довольно много деревень, населенныхъ „поморами",—настоящими русскими людьми, рослыми, плечистыми, желѣзнаго здоровья, неустрашимыми, привыкшими смѣло смотрѣть въ лицо смерти. Они отличаются патріархальными нравами и очень религіозны, чему доказательствомъ служатъ церкви, находящіяся въ каждомъ селеніи и по праздникамъ наполненныя молящимися. Изъ каждой семьи кто-нибудъ да побывалъ въ обители Соловецкой по обѣщанію, которое дается обыкновенно въ несчастныхъ случаяхъ въ морѣ. Впрочемъ, очень многіе придерживаются старообрядчества.

Деревни поморовъ производятъ впечатлѣніе тяжкаго, гнетущаго уединенія. Хлѣбопашества здѣсь мало, или нѣтъ вовсе, хотя крестьяне держатъ коровъ, которыхъ кормятъ или сѣномъ, или бѣлымъ оленьимъ мхомъ, размачивая его въ наварѣ изъ внутренностей и головъ трески. Главный промыселъ поморовъ составляетъ рыбная ловля и охота на морского звѣря.

Къ берегамъ Бѣлаго моря въ извѣстные сроки приходятъ милліоны сельдей. Поморы, на вопросъ, почему сельдь идетъ изъ океана въ бухты и заливы бѣломорскіе, отвѣчаютъ, что она ищетъ спасенія отъ морского звѣря, двинувшагося также отъ полюса. Но какъ-бы то ни было, жители прибрежныхъ деревень получаютъ ежегодно счастливый случай для огромнаго улова рыбы. Сельдь солятъ мѣстныя крестьянки, пользуясь солью изъ казенныхъ магазиновъ, потомъ ее укладываютъ въ бочки, заготовленныя еще зимою, и въ маѣ мѣсяцѣ отправляютъ въ Архангельскъ; рыбу же осенняго улова везутъ въ концѣ сентября. Вмѣстѣ съ грузомъ ѣдутъ въ Архангельскъ собственники его, исключительно женщины. Поморскія женщины отличаются мужествомъ, смѣлостью, привычкой къ морю и его опасностямъ. Боченокъ сельдей стоитъ помору себѣ 19 копеекъ, а въ Архангельскѣ купцы покупаютъ его при обильномъ

уловѣ за 20 к., а при плохомъ 25 коп. Слѣдовательно, кто самъ работаетъ боченки, тотъ еще имѣетъ барышъ, но кому приходится прибѣгатъ къ помощи другихъ, для того барышъ дѣлается возможнымъ или при очень плохомъ уловѣ, когда сельдь дорога, или при очень обильномъ уловѣ, когда ее отправляютъ большими массами.

Кромѣ сельдей, ловится еще у береговъ Бѣлаго моря много семги. Семга—рыба удивительная. Едва наступитъ весна, она начинаетъ пробираться изъ моря въ порожистыя рѣки сѣвера, при чемъ съ поразительною силой прыгаетъ черезъ пороги. Такъ, наприм., въ селѣ Подужемьѣ, въ 18 верстахъ отъ Кеми, есть огромный порогъ Ужма, въ полверсты длиною. Вѣчно клокочущій, бушующій, пѣнящійся, стремительный, онъ разбиваетъ въ щепы бревно въ 8 вершковъ толщиною, и когда подходишь къ нему близко, то чувствуешь сотрясеніе земли. И тѣмъ не менѣе, семга стремительно пробѣгаетъ вверхъ по этому порогу, а тамъ, гдѣ ей нельзя проплыть, дѣлаетъ прыжки въ воздухѣ, часто на 1½ сажени. Войдя въ рѣку, семга живетъ въ ней все лѣто и осенью мечетъ тамъ икру. Ее ловятъ всевозможными способами. Самый губительный способъ лова—это ловъ заборами, *) когда всю рѣку перегораживаютъ частоколомъ, посреди котораго оставляется только одно отверстіе съ сѣтью противъ него. Семга, идя противъ теченія, встрѣчаетъ заборъ, ищетъ гдѣ бы ей пройти, и, найдя отверстіе, попадаетъ въ сѣть. При этомъ семга никогда не поварачиваетъ назадъ: тайный инстинктъ побуждаетъ ее итти все впередъ, вверхъ по рѣкѣ, поэтому она только тыкаетъ головой въ сѣть, но прорвать ее, конечно, не можетъ.

Но главные рыбные промыслы поморовъ происходятъ на Мурманскомъ берегу, т.-е. на сѣверномъ берегу Кольскаго полуострова. Тамъ ловится огромное количество трески, составляющее любимую пищу сѣверныхъ жителей.

Осѣдлаго, постояннаго населенья очень мало на Мурманѣ, хотя онъ имѣетъ около восмисотъ верстъ въ длину. Тамъ одинъ дикій камень, покрытый мохомъ. Когда ѣдешь на пароходѣ вдоль этого берега, то передъ глазами проходитъ зрѣлище необыкновенно унылое и дикое. Страна имѣетъ видъ какой-то окаменѣлой пустыни. Камень, камень и камень—сердце сжимается, и природа производитъ впечатлѣніе полной безнадежности, точно видишь передъ собою не землю, а гробовую доску. Вдоль всего берега разбросаны въ различныхъ

См. ст. „Семужій заборъ"—*В. И. Немировича-Данченко.*

разстояніяхъ другъ отъ друга такъ называемыя рыбачьи „становища“. Это по большей части небольшіе поселки въ нѣсколько десятковъ домиковъ и землянокъ. Они пусты зимою и наглухо заколочены, но лѣтомъ въ нихъ кипитъ жизнь и дѣятельность, дѣятельность чрезвычайно трудная, грязная, непривлекательная. На лѣтніе промыслы собирается народъ изъ далека, въ большомъ количествѣ. Рабочіе, или по мѣстному „покрутчики“ совершаютъ свой путь пѣшкомъ, поперекъ Кольскаго полуострова. Въ началѣ марта, когда еще и не пахнетъ весною, изъ бѣломорскихъ деревень трогаются въ путь промышленники, везя багажъ, одежду и провизію на маленькихъ санкахъ. Кольскій полуостровъ внутри почти лишенъ населенія; здѣсь попадаются только полудикіе лопари. Поэтому, на всемъ пути черезъ безконечную снѣжную пустыню промышленникамъ приходится проводить ночи, въ морозъ и метель, на снѣгу, подъ открытомъ небомъ, согрѣваясь только у костра.

Наконецъ, они достигаютъ Мурмана и его становищъ. Дома или станы сдѣланы изъ тесу, привезеннаго сюда изъ Архангельска, и снабжены большою русскою печью. Направо и налѣво—нары. Помѣщается въ такомъ станѣ до 30 человѣкъ, да еще здѣсь сушатъ снасти, одежду и обувь, такъ что духота тамъ ужасная. Московскіе ночлежные дома на Хитровомъ рынкѣ покажутся дворцомъ послѣ ночевки въ мурманскомъ станѣ. Немедленно по прибытіи, промышленники принимаются за ловъ рыбы. Устроивъ становища и оставивъ тамъ нѣсколько мальчиковъ, *зуйковъ* по мѣстному, они выѣзжаютъ въ море въ большихъ парусныхъ лодкахъ, *шнякахъ*. Рыбу ловятъ *ярусомъ*. Это бечева верстъ въ 5—6 длиною, на которой въ разстояніяхъ аршина другъ отъ друга, привязаны болѣе тонкія веревочки съ крючками. На крючки насаживаютъ маленькую рыбку, мойву. Отъѣхавъ на нѣсколько верстъ отъ берега, опускаютъ ярусъ въ море, гдѣ онъ и держится на якоряхъ. Часовъ черезъ 12 онъ вытаскивается. На крючки пападаетъ крупная треска, около аршина длиною, и ея ловится такъ много, что вся шняка до краевъ бываетъ наполнена ею.

Наконецъ есть еще промыселъ у поморовъ, это звѣриный промыселъ, охота на тюленей въ Бѣломъ морѣ.

Промыселъ этотъ извѣстенъ подъ именемъ „торосоваго“ отъ слова „торосъ“, какъ у насъ на сѣверѣ зовутъ пловучіе льды. Каждый годъ, въ исходѣ зимы, приплываютъ въ Бѣлое море изъ океана стада тюленей. Къ этому времени собираются на берегу промышленники. Они привозятъ съ собою припасы, орудія, снасти и поселяются во временныхъ промысловыхъ избушкахъ, которыя разбро-

саны вездѣ по берегамъ Бѣлаго моря. Русскіе промышленники одѣваются въ *юпы*, родъ малицы изъ оленей шкуры; на голову надѣваютъ лопарскую или самоѣдскую шапку, на ноги бахилы, т. е. сапоги безъ каблуковъ изъ тюленей кожи. У каждаго виситъ черезъ плечо лямка, на поясѣ ножъ, а въ рукахъ у него палка съ желѣзнымъ крючкомъ, которымъ онъ бьетъ звѣря по переносицѣ. И вотъ стоитъ артель такихъ промышленниковъ на берегу и ждетъ. Обыкновенно туманъ скрываетъ море и пловучіе льды. Но если туманъ разойдется, то вдругъ показывается вдали льдина, вся бѣлая отъ снѣга, и на ней лежатъ, точно черный бисеръ, тюлени. Тогда промышленники осѣняютъ себя крестнымъ знаменіемъ и садятся въ лодки.

Въ туманный день тюленей подолгу не видно, но по вѣтру доносится ихъ разговоръ, иногда за нѣсколько верстъ. Маленькій тюлень, *бѣлекъ*, тихо пищитъ, самка, *утельга*, точно уговариваетъ его уръ, уръ, уръ... а самецъ *лысунъ*, болѣе грубымъ голосомъ точно приказываетъ имъ молчать у, у, у... Тюлени лежатъ на льду и носятся по морю по волѣ вѣтра и теченій. Мать кормитъ своего малютку, при чемъ она замѣчательно любитъ его. Бывали случаи, что промышленники убьютъ бѣлька и оставятъ его на льдинѣ. Мать заплачетъ, закричитъ, заурkaетъ и бросится въ воду. Звѣри эти плачутъ какъ люди, слезы такъ и льются изъ ихъ глазъ. Но она не отходитъ все время отъ трупа своего дѣтища; выйдетъ, поползаетъ возлѣ и, увидя людей, опять бросается въ воду. Такъ все время, пока не убьютъ и ее.

Добраться до стада тюленей, отрѣзать ему отступленіе въ море и перебить какъ можно больше,—вотъ въ чемъ задача промышленниковъ. Съ тюленей снимаютъ кожу съ саломъ, а все остальное бросаютъ въ воду. Иногда охота бываетъ удачна, и тогда на каждаго охотника достается до 200 р. дохода, но часто бываютъ при этомъ несчастія съ людьми.

С. Мечъ.

СОЛОВКИ.

На крайнемъ нашемъ сѣверѣ, на Бѣломъ морѣ, въ 300 верстахъ отъ города Архангельска, лежатъ острова Соловецкіе, изъ которыхъ шесть, самыхъ большихъ, принадлежатъ издавна стоящей здѣсь святой обители. Соловецкая обитель—самый сѣверный изъ нашихъ монастырей.

Хорошо въ ясный лѣтній день подходить на пароходѣ къ Соловкамъ. Верстъ за двадцать покажется на небосклонѣ, гдѣ море сливается съ небомъ, яркая звѣздочка—это золотой крестъ обители; потомъ покажется какое-то не то облако, не то бѣлое пятно. Еще часокъ—и вы увидите церкви, колокольни, башни и стѣны. Рѣзкіе крики, точно плачъ, оглашаютъ воздухъ; это чайки, цѣлая стая ихъ летитъ съ берега и усаживается на снасти парохода. Обиліе чаекъ на Соловкахъ поражаетъ пріѣзжаго, крики ихъ раздаются неумолчно.

Монастырь окруженъ старинными, изъ громадныхъ камней сложенными стѣнами; на высотѣ, въ стѣнахъ и башняхъ, чернѣютъ узкія щели бойницъ. Соловецкій монастырь давно уже, вслѣдствіе частыхъ нападеній на него шведовъ, долженъ былъ сдѣлаться вмѣстѣ и крѣпостью. Внутри стѣнъ стоитъ монастырь, рядомъ—лѣсопильный заводъ, огромное трехъэтажное зданіе гостинницы; много тутъ и другихъ зданій. И всю эту площадь охватываетъ тѣнистый лѣсъ.

Къ стѣнамъ обители одной стороной примыкаетъ Святое озеро. Прямо предъ монастыремъ, на гладкомъ озерѣ поднимаются островки, утесы, увѣнчанные часовнями и крестами.

Изъ святынь Соловецкихъ особенно замѣчателенъ главный соборъ Спаса Преображенія, выстроенный еще св. Филиппомъ на томъ мѣстѣ, гдѣ стояла деревянная церковь преподобнаго Зосимы. Одинъ изъ иконостасовъ собора сооруженъ императоромъ Петромъ Великимъ въ 1699 году, послѣ посѣщенія имъ обители. Въ одно время съ соборомъ, святитель Филиппъ поставилъ здѣсь еще церковь Преподобническую, куда и перенесъ мощи святыхъ Зосимы и Савватія. Близъ нея часовня св. Германа съ его мощами. Древнія, построенныя еще преподобнымъ Зосимою, церкви св. Николая Чудотворца и Успенія Божіей Матери отдѣланы также св. Филиппомъ, въ 1557 году.

У Соловецкой обители все свое, домашнее; покупается только зерновой хлѣбъ, потому что здѣсь нѣтъ пашни, да каменный уголь. Огороды процвѣтаютъ: растетъ множество лука, капусты, картофеля, рѣдьки и прочаго. И это на Бѣломъ морѣ, гдѣ вѣтры такъ рѣзки и суровы; но отъ этихъ вѣтровъ обитель заслонена густыми лѣсами.

Кузницей заправляютъ два монаха. При нихъ съ десятокъ годовыхъ богомольцевъ—меньше нельзя: лошадей до двухсотъ въ монастырѣ. Монастырскія конюшни устроены превосходно: въ нихъ просторъ, свѣжій воздухъ, чистота образцовая. Онѣ въ два этажа:

внизу стоятъ лошади, наверху складъ сѣна и разныхъ хозяйственныхъ орудій. Рядомъ съ конюшнями зданіе въ три этажа: тутъ живутъ конюхи и помощники ихъ—подростки изъ добровольцевъ.

Мельница поставлена здѣсь еще святителемъ Филиппомъ; теперь она, конечно, лучше устроена. Вода проведена изъ внутреннихъ озеръ и стремится съ бѣшеннымъ ревомъ.

Погреба великолѣпные; ледники еще лучше: въ нихъ хорошій воздухъ и просторъ. Кухни, пекарни, квасныя, кладовыя—образцовыя.

Кожевня помѣщается въ двухъэтажномъ каменномъ домѣ. Тутъ выдѣлываютъ тюленьи, моржевыя, оленьи и коровьи шкуры, кромѣ того кожу морского звѣря нерпы.

Кирпичный заводъ заготовляетъ ежегодно до 400 тысячъ штукъ необыкновенно прочнаго кирпича, который отъ времени дѣлается крѣпкимъ, какъ желѣзо.

За монастырскими стѣнами тянутся два ряда деревянныхъ двухъэтажныхъ зданій; тутъ мастерскія и помѣщенія рабочихъ, въ одномъ изъ зданій—школа.

Въ обители нѣсколько лавокъ: тутъ продаются и книги, и картины, и образки соловецкаго издѣлія. Въ особенности много богомольцы раскупаютъ разныхъ деревянныхъ ложекъ—на каждой изъ нихъ изображеніе рыбы или чайки и надпись: „благословеніе Соловецкой обители".

Крестиковъ тоже расходится огромное количество. Въ монастырскихъ лавкахъ можно найти сапоги и полотно, и всякій товаръ, выработанный самою обителью.

Съ восточной стороны Соловецкой гавани еще издали пахнетъ ворванью и рыбой. Тутъ салотопня, тутъ же сушатся на солнцѣ жирныя шкуры морскихъ животныхъ: бѣлухъ, тюленей, нерпъ. Изъ шкуръ этихъ шьютъ бахилы (обувь), а для рыбаковъ штаны и рубахи, которыя воду не пропускаютъ.

По берегамъ Соловецкихъ острововъ устроены тони сельдяного лова. Сѣти, погруженныя съ гирями, тянутъ съ двухъ сторонъ къ берегу человѣкъ десять монаховъ, нерѣдко стоящихъ выше пояса въ водѣ. Кругъ сѣти суживается, когда они подходятъ къ берегу, и сельдь начинаетъ блестѣть серебристо-розовыми, радужными спинками. По мѣрѣ того, какъ ее выбрасываютъ на берегъ, краски ея чешуекъ меркнутъ. Заразъ вытягиваютъ на тоняхъ иногда пудовъ 150, а по меньшей мѣрѣ 30. Въ иныхъ мѣстахъ тоню тянутъ вóротомъ. Выловленную сельдь на берегу солятъ и свозятъ въ погреба обители.

— У обители теперь свои пароходы, которые строятъ на докахъ, созданныхъ тоже иноками изъ крестьянъ.

— А наблюдалъ кто за постройкой доковъ?—спрашиваютъ.

— Тоже монахъ изъ мужичковъ.

— И техниковъ не было?

— Зачѣмъ намъ техники: у насъ Зосима и Савватій.

Богатства Соловецкой обители раскинулись по островамъ Анзерѣ, Муксальмѣ, гдѣ пасутся монастырскія стада; на островахъ Заяцкихъ обитель также держитъ коровъ и лошадей. На всѣхъ этихъ островахъ никто не имѣетъ права убивать дичи: олени, лисицы, тетерева и куропатки не боятся васъ, идутъ съ вами рядомъ.

Отъ Соловковъ до острова Муксальмы разстояніе въ двѣ версты. Между ними нѣсколько мелкихъ островковъ, которые монахи соединили между собою, заваливъ море между ними до самого дна камнями и покрывъ эти искусственные перешейки щебнемъ и пескомъ. Сооруженіе это сдѣлано на вѣкъ: бури, льды, самое время безсильны предъ этой каменной насыпью. Страшно подумать, сколько труда надо было затратить на такую работу, которая кажется дѣломъ не человѣческихъ рукъ, а самой природы. Насыпь поворачиваетъ въ разныя стороны, изгибаясь отъ островка къ островку.

Проѣхавъ этотъ путь, въѣзжаютъ на зеленѣющую, покрытую пастбищами Муксальму. Тутъ стадо превосходныхъ коровъ; тутъ же птичій дворъ, ферма и конюшни. Коровъ доятъ не въ деревянныя, а въ металлическія, хорошо вылуженныя, ведра.

Прохладная комната, рядомъ ледникъ и теплая комната для сквашиванія молока, превосходны по устройству и опрятности.

— Монастырь—хорошій хозяинъ!—замѣчаютъ еще и еще разъ, осматривая Муксальму, богомольцы.

Поѣздка на Сѣкирную гору, на прекрасныхъ обительскихъ лошадяхъ, за 16 верстъ отъ монастыря, стоитъ 50 копеекъ. Дорога пробита по горамъ: слѣва крутая, поросшая лѣсомъ стѣна, а направо обрывается внизъ такая же щетинистая стремнина. И какія тутъ прелестныя озера! Въ свѣтлыя ихъ воды какъ будто опрокинулся окрестный лѣсъ, а высокія сосны на островкахъ какъ будто выростаютъ изъ синей воды. На самомъ гребнѣ горы сосны растутъ рѣже и сквозь нихъ мелькаетъ неизмѣримая, яркая даль моря справа, а слѣва все озера.

То спускаясь, то взбираясь на откосы, дорога идетъ до скита св. Савватія. Тутъ разбиты красивые цвѣтники изъ рѣдкихъ для сѣвера растеній.

Нѣсколько далѣе—гора еще выше. Дорога идетъ на нее прямой аллеей. Лѣсъ раздвинулся по обѣ стороны и, на страшной высотѣ, точно вися въ воздухѣ, сіяетъ Сѣкирный скитъ со своей легкой колокольней. Лошадямъ на Сѣкирную гору везти трудно,—всѣ всходятъ пѣшкомъ. Тутъ живутъ всего семь монаховъ, въ полнѣйшемъ уединеніи.

Отсюда всѣ Соловки кажутся раскинутыми далеко внизу, а по лѣсамъ ихъ блестятъ и лучатся золотыя искры: это кресты утонувшихъ въ зелени церквей. Сотни озеръ сверкаютъ на солнцѣ, а море синѣетъ вокругъ и блеститъ яркими переливами. Вдали еще острова—это Кузова, тоже принадлежащіе Соловецкому монастырю.

Въ Анзерскій скитъ дорога сначала идетъ густымъ лѣсомъ, среди котораго зеленѣютъ луга, усыпанные клюквой, морошкой, брусникой, черникой; между березъ и осины мелькаютъ рябина, красная и черная смородина, кусты малины.

Часа черезъ два пути открывается поляна, въ концѣ которой живутъ въ кельѣ два монаха—перевозчика. Ѣхать моремъ до острова Анзерскаго надо еще часа полтора, потому что здѣсь затрудняетъ ходъ лодки встрѣчная волна. Часовня острова построена на томъ мѣстѣ, куда основатель Анзерскаго скита Елеазаръ приходилъ ставить выточенную имъ посуду: ее брали проѣзжіе, а ему оставляли за нее хлѣба. Верстахъ въ трехъ отъ часовни раскинулся Анзерскій скитъ съ каменными кельями и небольшою церковью во имя св. Троицы. Здѣсь долгое время жилъ послушникомъ извѣстный впослѣдствіи патріархъ Никонъ.

На самой срединѣ Анзерскаго острова стоитъ крутая гора Голгоѳа, вышиною въ 87 саженъ. Прямо подняться на нее невозможно; дорога идетъ винтомъ все выше и выше, а наверху, будто въ облакахъ, бѣлѣетъ Іисусо-Голгоѳская церковь. Первый водрузилъ крестъ и положилъ основаніе скита, въ 1712 году, схимникъ-іеромонахъ Іисусъ, каторый завѣщалъ вѣчно читать тутъ псалтирь, а рыбу и молоко употреблять скитникамъ только въ субботу и въ воскресенье.

Вокругъ Голгоѳы постоянно ходитъ рѣзкій вѣтеръ, какъ бы ни было тихо подъ горой и на морѣ. Воздухъ здѣсь такъ суровъ, что чаекъ, гнѣздящихся внизу, въ Анзерскомъ скитѣ,—на Голгоѳѣ невозможно приручить, голубей также. Лишь орлы да вороны вьютъ здѣсь гнѣзда.

Вершина этой горы служитъ маякомъ для мореплавателей. Но маякомъ и свѣточемъ для всего сѣвернаго поморья продолжаетъ быть

донынѣ, какъ и прежде, монастырь Соловецкихъ чудотворцевъ, богатый подвигомъ молитвы и подвигомъ труда, во славу Божію.

А. Владимірова.

Семужій заборъ.

Я одѣлся и вышелъ.

Воздухъ былъ тепелъ, хоть бы и не на сѣверѣ. Весь въ розовомъ блескѣ, — западъ отгоралъ надъ черными, оставшимися за свѣтомъ вараками. Море на юго-западѣ искрилось и лучилось; уныло позвякивали въ сторонѣ колокольцы стада, пастушій рожокъ доносился издалека, будя въ груди старыя воспоминанія, давно пережитыя и схороненныя были...

Улица села шла подъ гору. Мы сползли по ней и по пустому, заваленному щебнемъ берегу добрались до забора. Онъ перегораживалъ всю р. Ниву; только въ одномъ мѣстѣ его, гдѣ тянулась сухая корга, непроходимая для рыбы, былъ оставленъ перерывъ въ полторы сажени. Устройство забора оказалось крайне несложнымъ. Прежде всего ставятся черезъ рѣку козлы изъ бревенъ въ два ряда, на нихъ настилается помостъ изъ досокъ, балокъ, тонкихъ жердей, самый край котораго уставленъ камнями для прочности. Сторона забора, обращенная внутрь рѣки, вся заслонена переборомъ (перегородкой) изъ тонкихъ жердей, перевитыхъ въ двухъ мѣстахъ вицей. Такимъ образомъ семга свободно можетъ войти въ заборъ, но впередъ черезъ перегородку ей пробраться уже невозможно. Въ изгороди устроены три верши или морды—сквозные ящики изъ жердей и веревокъ. Стремясь вверхъ по рѣкѣ для икромета, семга никогда не возвращается въ море, она ищетъ прохода между жердянымъ переборомъ и, встрѣчая отверстіе верши, попадаетъ туда. Выбраться назадъ ей уже невозможно. Она поневолѣ остается здѣсь до прихода хозяина забора. Такихъ вершъ или мордъ въ заборѣ на р. Нивѣ было три. Случается, что, при обильныхъ ловахъ, семга въ вершахъ лежитъ рядами, какъ будто нарочно уложенная для сбереженія мѣста. Когда ея набирается немного, она бьется, кружится по вершѣ, ерзаетъ на ней впередъ и назадъ...

Мы вступили на заборъ. Въ самомъ началѣ его устроены ворота, чтобы никто посторонній не могъ туда забраться. Рѣка внизу мчалась съ головокружительной быстротой; грохотъ воды въ поро-

гахъ заглушалъ всѣ звуки; заборъ дрожалъ подъ нами и мнѣ, какъ новичку, сквозная настилка—этотъ ажурный помостъ, гдѣ приходилось иногда пробираться по одному бревну на высотѣ пяти сажень, казалась чрезвычайно опасной. Подъ ногами сквозь промежутки бревенъ виднѣлась бѣлая пѣна, шаги становились неувѣренными, руки невольно искали опоры, которой, разумѣется, не было. Наконецъ кое-какъ, за хозяиномъ забора и его работникомъ, я добрался до послѣдней верши. Тутъ отъ помосту былъ усроенъ небольшой настъ надъ вершей. Она лежала въ трехъ саженяхъ подъ нами. Здѣсь я почувствовалъ себя еще хуже. На этомъ родѣ балкона безъ перилъ, промежутки въ настилкѣ были и шире и длиннѣе. Приходилось балансировать надъ рѣкою, стоя на круглыхъ обрубкахъ бревенъ. Одно невѣрное движенiе—и неосторожный падаетъ съ нихъ. Въ настѣ устроено горизонтальное окно, сквозь которое видно вершу. Къ краю послѣдней прикрѣплены два вертикальныя бревна. Ихъ поднимаютъ вверхъ, они въ свою очередь тянутъ вершу. Первая оказалась пустою, ее опустили внизъ и пошли назадъ къ средней. Тутъ приподняли также бревна и въ мордѣ оказалась рыба. Тотчасъ же сверху бросили внизъ веревку, къ концамъ которой были прикрѣплены крючья, которые и зацѣпили за обѣ стороны верши. Среднiй перегибъ веревки былъ надѣтъ на одинъ брусъ устроеннаго вверху ворота и тотчасъ же при помощи послѣдняго вершу приподняли на одну саженъ отъ помоста. Кумжи, какъ обсохли, тотчасъ же стали биться. Онѣ быстро и порывисто скользили во всѣ стороны, грузно шлепались боками о стѣнки верши. Кумжа—та же семга, только меньше послѣдней. Чешуя ея усѣяна черными пятнами, сгущающимися у спины. Она имѣетъ желтоватый оттѣнокъ. Кумжа въ 10 ф. считается самой крупной, обыкновенный же вѣсъ ея колеблется между 3—5 фунтами, тогда какъ семга 25 ф. не считается большою. Приподнявъ вершу, воротъ закрѣпили поперечнымъ брусомъ и работникъ, взявъ въ руки кротило, родъ молотка, сошелъ внизъ на вершу, гдѣ, открывъ отверстiе устроенное вверху, вошелъ внутрь ея. Рыба заметалась еще сильнѣе. Онъ съ трудомъ хваталъ ее по очереди, сжималъ каждую между колѣнями и билъ кротиломъ (кротилъ) по головѣ до тѣхъ поръ, пока не убивалъ. Разумѣется, кумжа отчаянно билась въ рукахъ; нуженъ былъ большой навыкъ для того, чтобы удержать ее. Бьютъ обыкновенно въ темя и въ носъ. Когда рыба перестаетъ метаться, покажется теплая, почти черная, кровь изъ-подъ жаберъ—тогда дѣло кончено. Убитая кумжа подавалась вверхъ, гдѣ хозяинъ швырялъ ее въ карзинку. Когда мы перешли къ послѣдней мордѣ, тамъ

билась крупная громадная семга, въ полтора пуда и нѣсколько штукъ поменьше. Стоять тутъ было еще опаснѣе. Мнѣ казалось, что мы несемся надъ порогомъ съ невообразимой быстротой. Вода внизу неудержимо стремится сквозь жердяной переборъ, а прямо подъ мостомъ зіяютъ изъ бѣлой пѣны острые каменные зубья, усѣявшіе Ниву во всѣхъ направленіяхъ. Зато зрѣлище здѣсь гораздо интереснѣе. Борьба человѣка съ семгой становилась крайне трудной. Ударами хвоста послѣдняя сбивала его съ ногъ. Онъ едва могъ (не говоря уже о томъ, чтобы удержать ее въ рукахъ) прижать ее въ уголъ, гдѣ наносилъ семгѣ сильные удары кротиломъ. Нѣсколько разъ она вырывалась и прыгала по верши, которая, казалась, распадется отъ мощныхъ усилій рыбы. Наконецъ, работнику удалось нанести ей два или три удара, замедлившихъ ея движенія. Вслѣдъ за ними посыпались еще. Кротило такъ и ходило по темени и носу семги, и минутъ черезъ пять она съ трудомъ была подана хозяину. У меня уже начинала кружиться голова. Стоя на этомъ заборѣ, испытываешь какъ будто приступы морской болѣзни, и я не поручился бы за себя, еслибы мы вскорѣ не сошли на берегъ, гдѣ у рѣки тотчасъ же ловцы принялись чистить рыбу. Когда большой семгѣ взрѣзали животъ, она еще раза два повернулась и затѣмъ вытянулась... Внутренности рыбы, за исключеніемъ кишокъ, которыя выбрасывались, вымывались и укладывались въ карзину. Послѣ этой операціи семга только шевелила жабрами...

В. Немировичъ-Данченко.

Наемъ работниковъ на Мурманѣ.

Въ концѣ февраля полярная архангельская зима начинаетъ замѣтно умѣрять свои холода, которые въ концѣ января и въ началѣ февраля едва выносимы. Въ февралѣ зима *сдаетъ*, *кротѣетъ*, говоря мѣткими поморскими выраженіями. Перестаютъ *играть* въ сѣверномъ краю неба *сполохи* (полярныя сіянія); С. В. вѣтеръ, смѣняющій горные, чаще нагоняетъ густые туманы, покрывающіе сплошнымъ, непроницаемымъ пластомъ все прибрежье, и хотя оно все еще засыпано глубокими, въ ростъ человѣка, снѣгами, тѣмъ не менѣе привычному уху помора слышатся подчасъ учащенные, вдвое зловѣщіе крики вороновъ, чующихъ свой скорый отлетъ въ глубь окрестныхъ корельскихъ и дальныхъ финляндскихъ болотъ. Снѣгъ

на берегахъ и на лудахъ еще сверкаетъ своимъ поразительно-яркимъ, едва выносимымъ для непривычнаго глаза блескомъ; пороги въ рѣкахъ, незамерзающіе во всю зиму, продолжаютъ шумѣть попрежнему, но глухо и далеко не такъ бойко, какъ въ началѣ весны. Окраины моря подернуты еще широкимъ ледянымъ припаемъ и, при сильныхъ вѣтрахъ, все еще разгуливаютъ по немъ огромныя ледяныя поля съ потрясающимъ шумомъ и трескомъ. Подобно раскатамъ грома, ломаются тамъ самыя большія изъ льдинъ—*тòросы*, отъ сильно набѣжавшей и бойко разрѣзавшей ихъ меньшей льдины. Но за то чаще перепадающія оттепели стали держаться дольше, а за ними и неразлучные насты на снѣжныхъ поляхъ—тотъ промерзающій и обледеняющійся верхній слой снѣга, по которому такъ легко бѣгать на лыжахъ. Ночи хотя и становятся замѣтно короче, превращаясь при блескѣ луны, освѣщающей не менѣе блестящіе снѣга, почти въ такой же свѣтлый и ясный день, какимъ въ пору быть зимнему дню и при солнцѣ. Но по избамъ идутъ еще своимъ чередомъ *вечерины*, хотя и безъ пѣсенъ и плясокъ, по причинѣ великаго поста. Между-тѣмъ незамѣтно наступаютъ и первые мартовскіе дни -*Евдокеи*—завѣтное время для поморовъ; и соображаетъ каждый изъ нихъ, про себя, пока еще лежа дома въ теплой избѣ и въ домашней холѣ:

— Въ Крещенье, на водосвятье, и потомъ цѣлый день крѣпкій *сѣверъ* тянулъ; надо быть, но старымъ памятямъ, морскому промыслу хорошимъ; тоже опять и звѣзды—низко, у самаго моря шибко горятъ и играютъ. Чистый понедѣльникъ весну хорошую посулилъ, выпала на тотъ день такая свѣтлая да благодатная погодка, что и бояться, стало-быть нечего. Все таково хорошо показуетъ, что вотъ и самого заставь сдѣлать-то этакъ—не сдѣлаетъ!...

И вотъ что бываетъ дальше: на всемъ протяженьи поморья, начиная отъ городка Онеги и окончивая послѣдними деревнями дальной Кандалажской губы (по мѣстному Кандалухи)—Княжòй и Кáндалакшей, во всякомъ почти селеніи найдется по одному, нерѣдко по три и даже болѣе богачей, у которыхъ ведется туго набитая киса съ деньгами, неразлучная съ ними страсть къ пріобрѣтенію еще большихъ суммъ и, наконецъ, исконный (у иныхъ еще прадѣдовской) обычай *обряжить пòкруть*, т.-е. нанимать работниковъ для промысла трески и пáлтасины на дальномъ Мурманскомъ берегу океана. За работниками дѣло не стоитъ: всегда тутъ же, подлѣ, домъ-о-домъ въ той же деревнѣ, живутъ цѣлыя семьи недостаточныхъ мужиковъ, у которыхъ нужда отняла возможность дѣйствовать самостоятельно, по себѣ; а, съ другой стороны, природа на-

градила крѣпкимъ здоровьемъ и силами, не отказавши, въ тоже время, ни въ терпѣніи, ни въ смѣлости. Привычка приспособила небогатыхъ поморовъ къ тому, чтобы цѣлые полгода не видать семьи и часто даже не получать отъ нея никакихъ вѣстей, а короткое и близкое знакомство съ моремъ отучило ихъ и отъ жаркой печи, и отъ теплыхъ полатей. Помору въ избѣ и тѣсно, и душно, если только онъ въ силахъ и если еще не изломали его въ конецъ житейскія нужды и трудныя ломовыя работы. Богачъ припасай только деньги и свою добрую волю, а бѣднякъ-наемщикъ не заставитъ просить и кланяться. Онъ только придетъ около Евдокей въ избу *богатѣля*, встанетъ у дверей, помолится на тябло, да самъ же и отдастъ поясной поклонъ хозяину:

— Что, батюшко, Естегнѣй Парамонычъ, ладишь понѣча туды-то?—и проситель махнетъ головой и рукой въ уголъ.

— Знамое дѣло. Ну, да какъ и не ладитъ? Ни одной почесть весны, какъ живъ, не запомню, чтобы не обряжалъ покрутовъ. Самъ вотъ подряжаю на двадцатую, да и батюшка-покойничокъ тѣмъ же пробавлялся...

— Знаемъ доподлинно и эту причину. Такъ и понѣча, выходитъ, надумалъ?

— Отъ другихъ не отстану!

— Такъ, Естегнѣй Парамонычъ, такъ! Какъ же, коли не такъ! И проситель, оглядывая шапку свою съ разныхъ сторонъ, перекладываетъ ее изъ руки въ руку и, того и гляди, запустить правую руку за затылокъ.

— Беру ребятъ нонѣшную весну на два стана,—продолжаетъ хозяинъ.

— Такъ Естегнѣй Парамонычъ, такъ: и это хорошее дѣло! Сталобыть, тебѣ покрученниковъ-то много же надо?

— По глаголу твоему. Вѣстимо больше, чѣмъ позапрошлый годъ.

— Я то—не лишной буду?

— Имѣлъ, имѣлъ, Степанушко, и тебя въ предметѣ: милости просимъ, обряжайся съ Богомъ!

Степанушко опять кланяется въ поясъ и опять оглядываетъ свою хохлатую шапку со всѣхъ сторонъ:

— Ты это какъ, Естегнѣй Парамонычъ, меня-то... въ какіе?

— Да по старому, думаю, Степанушко, по сёгодушному.

Не обидно ли будетъ опять-то въ наживочники?

— Это ужъ твое дѣло, святой человѣкъ: на твой кладу разумъ, самъ смѣкай!

Проситель учащеннѣе завертѣлъ шапкой и весь зардѣлся: озадачили его послѣднія слова богатѣля.

— Ишь, вѣдь, ты прорва какая! Не ладно вышло-то больно, на умѣ-то не такъ сложилось: ребятамъ нахвасталъ, что въ кȯршики возьметъ меня Естегнѣй-то Парамонычъ,—разсуждалъ проситель, по временамъ искоса взглядывая на хозяина.

— Въ кȯршики-то кого берешь?—говорилъ онъ уже вслухъ.

— Аль ты надумалъ?

— Больно бы ладно, отчего нѣтъ?

— Да не управишься, вѣдь тяжело, свыку надо много.

Въ отвѣтъ на это проситель только улыбнулся и насмѣшливо посмотрѣлъ на хозяина.

— Обряды-то всѣ мурманскіе знать надо: гдѣ тебѣ сѣть опустить, гдѣ стоитъ тебѣ корга, въ кое-время рыба шибче идетъ, все надо,—продолжаетъ хозяинъ.

Но и этимъ словамъ проситель улыбнулся и только боязнь разсердить хозяина и такимъ путемъ испортить все дѣло помѣшало ему прихвастнуть о себѣ: „что и мы-де съ твое-то знаемъ, тоже не первой годъ идемъ на Мурманъ-отъ, а богатъ вотъ ты—такъ и ежȯвистъ, ни съ какой-де тебя стороны не ухватишь“.

— Не обидь,—говорилъ онъ уже вслухъ:—вѣчные за тебя Богу молельщики: возьми въ коршики-то!...

— Въ кȯршики—сказалъ не возьму: есть ужъ. До коршиковъ-то тебѣ надо еще разъ пятокъ съѣздить туда, да тогда ужь развѣ. А то какъ тебѣ довѣриться? И ребята, пожалуй, съ тобой не пойдутъ: имъ надо по-знати, а ты еще и весельщикомъ не стаивалъ.

— Вели: состоимъ! Намъ это дѣло въ примѣту; у тебя, вишь, на пятую вёшьу иду!

— Нѣтъ, Степанъ, отстань ты—отстань: и не обижай ты меня по пустому.

— Да хоть парнишку мово вели взять съ собой?

— Парнишку бери, парнишко не тягость, пущай привыкаетъ, хорошо-вѣдь это.

— Хорошо-то хорошо, Естегнѣй Парамонычъ, что говорить!

— Вѣдь въ *зуйки* берешь: чтобы кашу варилъ да потроха прибиралъ?

— Да ужь, извѣстно, не въ коршики. Ты.... Естегнѣй.... Парамонычъ! не дашь ли теперача мнѣ хоть маленечко?...

— Чего же это?

— Денегъ бы маленечко далъ—вѣчные бы Богу молельщики, а то, вишь, дома-то оставить нѣчего: измаются!

— Денегъ отчего не дать: мы за этимъ добромъ не стоимъ— много его у насъ. Для-ча не дать денегъ. Сколько же тебѣ надо?

— Да, вишь, бабамъ на лѣто, сколько положишь: твоя власть во всемъ, а мы тутъ, выходитъ, ни въ чемъ непричинны....

— Бабамъ скажи, чтобъ зашли, когда имъ тамо надо будетъ; а тебѣ вотъ на первую пору полтинничекъ.

Полтинникъ этотъ—такъ называемый *запивной*, заручной; онъ не пойдетъ въ общій счетъ при осеннемъ разкладѣ заработковъ промысловыхъ, и вотъ почему проситель не настаивалъ больше и тотчасъ же ушелъ, заручившись главнымъ, т.-е, хозяиномъ. Просьба въ кормщики сказалась такъ, спроста, съ кончика языка соскочила безъ умыслу, какъ выражаются они же сами, и какъ бываетъ часто со всякимъ поваженнымъ человѣкомъ, когда ему придетъ вдругъ ни съ того, ни съ сего просить и еще и еще, хотя и такъ уже сытъ и удовлетворенъ, что называется, по горло. Въ кормщики поступаютъ всегда испытанные, искусившіеся въ своемъ дѣлѣ ходоки: новичкамъ—тутъ не мѣсто; хорошіе кормщики всѣ на-перечетъ въ поморьѣ; ихъ знаютъ всѣ хозяева и не заставляютъ приходить къ себѣ и кланяться; скорѣе хозяинъ ходитъ за ними, проситъ и поблажаетъ.

— Скоро, Еремушка, Евдокеи,—говоритъ хозяинъ вкрадчиво-льстивымъ голосомъ.

— То-то, кажись, скоро, Естегнѣй Парамонычъ; ворòны ужь больно шибко кричатъ. Вечоръ, слышь, выпить захотѣлъ, сунулся, анъ карманъ-отъ хоть вывороти, словно тутъ Мамай войной ходилъ: ничего не осталось....

Хозяинъ улыбается и милостиво и ласково, столько же и пріучившійся слышать почти во всякомъ отвѣтѣ весельчака-кормщика шутку, столько же и поблажающій ему, какъ человѣку дорогому и нужному:

— Собираешься-ли?

— Куда это?

— А на Мурманъ-отъ?

— Чего мнѣ собираться-то? На то хозяева, сказано, на свѣтѣ живутъ, чтобы покруты собирать; а наше дѣло извѣстное; дѣло боярское! Чего собираться-то мнѣ? Брюхо вонъ только съ собой-то прихвачу, да зубы еще нѣшто, ну... языкъ тоже, и будетъ съ меня на лѣто-то!...

— Къ кому же итти надумалъ, Еремушко?

— Да кто дастъ больше. Намъ, извѣстно, у того хорошо, гдѣ съ тебя работы меньше спрашиваютъ, да рому даютъ больше!

— А ко мнѣ пойдешь?

— И къ тебѣ пойду, коли вотъ *свершёны* * больше 25 рублевъ положишь.... на серебро выходитъ, да теперь дашь на выпивку полтора цѣлковыхъ—не въ счетъ.

Хозяинъ не стоитъ за этимъ, зная, что опытный кормщикъ не у него, такъ у другого найдетъ себѣ мѣсто. Еремушка только спроситъ, получивши деньги:

— Когда обѣдомъ-то на разстаньи кормить станешь, на Прокофья, что ли? Такъ и знать будемъ: придемъ!...

И придетъ исполнить обѣщаніе, вѣрный старому обычаю *заручиться хозяиномъ.* Заручка эта, по давнему, всегда завершается, передъ походомъ покрутчиковъ, обѣдомъ, на который сзываютъ промышленниковъ мальчишки-зуйки, являющіеся въ назначенныя хозяиномъ покрута избы съ поклономъ и приговоромъ: „звали пообѣдать—пожалуй-ко!" Повторивши еще разъ послѣднее слово, зуйки стремглавъ убѣгаютъ въ другіе дома, къ другимъ званымъ-желаннымъ. Обѣдъ прощальный, по обыкновенію, бываетъ сытый и жирный, гдѣ первымъ блюдомъ—треска, облитая яйцами и плавающая въ маслѣ, послѣднимъ жареная семга или навага—все это подправляемое обильнымъ количествомъ національной водки, а у тароватаго хозяина и ромомъ и хересомъ, которые такъ *дешево* достаются въ Норвегіи. Естественно, къ концу обѣда, когда гости, что называется, распояшутся и войдутъ во вкусъ, начинаются крупные разговоры, затѣмъ споры; гости, пожалуй, побранятся и поцалуются; потомъ наговорятъ про себя и для себя всякаго пьянаго, безтолковаго вздору, споютъ нѣсколько безалаберныхъ, безсмысленныхъ пѣсенъ

* При нарядѣ покрута соблюдаются обыкновенно слѣдующія правила, вездѣ общія для каждаго поморскаго селенія. Крутятся въ пай обыкновенно четверо: *кормщикъ, тяльщикъ, весельщикъ* и *наживочникъ.* Послѣдніе трое называются *рядовыми* и отдаются въ полное распоряженіе кормщика. Отъ кормщика требуется вѣрное знаніе мѣстностей всего попутнаго Бѣлаго моря, а тѣмъ болѣе океана и всѣхъ его становищъ, умѣнье метать снасти (яруса) и способы стряски, осола рыбы, знаніе *воды,* т.-е. времени морскихъ приливовъ и отливовъ, и, наконецъ, лучшія мѣста для лова. Добытой промыселъ дѣлится на три части: двѣ поступаютъ въ пользу хозяина, крутившаго народъ, за его снасти и суда; остальная треть добычи дѣлится поровну между четырьмя работниками. Кормщикъ, сверхъ-того, получаетъ на свой пай *половой* отъ хозяина, то-есть еще ровно половину того, что ему досталось изъ третьей части по раздѣлу, и, сверхъ-того, награду, такъ-называемой *свершонокъ,* отъ 50 и до 5 рублей сер., смотря по способностямъ своимъ и потому, какъ богатъ былъ промыселъ. И это послѣднее обстоятельство зависитъ естественно, отъ расторопности самого кормщика и добросовѣстности въ работѣ остальныхъ троихъ его товарищей. Зуйки—мальчики не получаютъ на свою долю ничего, кромѣ мелкихъ, незначительныхъ подарковъ и возможности съ-малолѣтства пріурочивать себя къ труднымъ и дальнымъ работамъ на тресковыхъ промыслахъ.

безъ конца и начала и, разбредясь кое-какъ по своимъ угламъ, покончатъ такимъ-образомъ дѣло съ хозяиномъ до будущей осени, когда вернутся домой уже съ промысловъ.

На другой день послѣ хозяйскаго пира, если не похмѣлье, со всею неприглядною обстановкою вчерашняго пьянства, то уже непремѣнно сборы въ дальній путь-дорогу и прощанья со всѣми родными и сосѣдями. Наконецъ, наступаетъ и самый день проводъ, съ вѣчнымъ бабьимъ воемъ на цѣлую деревню. Мужья, братья и сыновья, обрядившись по дорожному и помолившись на свою сельскую церковь, цѣлой ватагой идутъ на дальной Мурманъ за треской, а стало-быть, и за деньгами.

С. Максимовъ.

Лопари.

Отдаленнѣйшая окраина Архангельской губерніи, Кольскій полуостровъ издавна населенъ былъ лопарями—кочевымъ племенемъ финскаго корня. Названіе свое, лапландцевъ, они получили со временъ историка Заксо, жившаго между ними въ 1190 г.; прежде они назывались сиритъ-финами. Если исторія другихъ инородческихъ расъ нашего сѣвера, въ первыя времена заселенія занимаемыхъ ими земель, представляетъ какой-либо интересъ, то этого нельзя сказать о лопаряхъ. Прошлое ихъ—неизвѣстно. По всей вѣроятности, они были первыми обитателями холодныхъ пустынь европейскаго сѣвера. Преданія ихъ далеко не безцвѣтны. Они не воплощаютъ миѳа о борьбѣ съ стихійными силами, присущими каждому народу, одаренному творчествомъ поэтическаго ясновидѣнія, но зато поэтическими чертами передаютъ эпизоды борьбы своей съ сказочною чудью. Блѣдныя и жалкія сказанія о злыхъ духахъ, имѣющихъ весьма отдаленное сходство съ геніями зла другихъ финскихъ племенъ—составляютъ все содержаніе небогатаго эпоса норвежскихъ лопарей. Печальная родина лопарей издавна пугала населеніе болѣе умѣренныхъ странъ. Здѣсь, въ царствѣ вѣчной зимы и вѣчныхъ бурь, въ самой ужасной глуши Гипперборейской Скиѳіи, по мнѣнію грековъ, жили сказочныя чудовища; даже народы скандинавскаго корня, населяющіе угрюмыя и холодныя горы Норвегіи, считали нашъ Кольскій полуостровъ недоступною смертнымъ об-

ластью великановъ и злыхъ духовъ, которые, какъ неопредѣленные фантомы утренняго тумана, встаютъ и рѣютъ надъ этою областью сумрака и безлюдья. Первыми болѣе или менѣе цивилизованными колонизаторами лопской земли—были ушкуйники, эти смѣлые авантюристы Господина Великаго Новгорода. Они проникли сюда въ отдаленнѣйшую старину. Такъ, еще въ 1264 году они формальнымъ договоромъ утвердили за собою владѣніе Лопью. Нужно замѣтить, что послѣдняя въ то время еще не ограничивалась предѣлами Кольскаго полуострова. Лопари кочевали и въ нынѣшнемъ Поморьѣ, откуда ихъ выгнали новгородцы, не особенно стѣснявшіеся въ способахъ пріобрѣтенія новыхъ промысловыхъ урочищъ. Уже впослѣдствіи оказалось, что земля лопская далеко не такъ сурова и негостепріимна, какою она являлась въ первоначальныхъ сказаніяхъ.

Дики и печальны картины лапландскаго сѣвера. Тутъ не на чемъ остановиться взгляду случайнаго путника. Мрачныя массы сѣраго гранита взгромоздились однѣ на другія, какъ будто все это каменное море мгновенно застыло въ разгарѣ хаотической бури. Каменные скалистые берега отвѣсно падаютъ внизъ, словно преграждая волнамъ полярнаго океана доступъ въ эти сумрачныя, холодныя пустыни. Одинокія озера, закованныя въ неразрывныя цѣпи могучихъ утесовъ, отражаютъ, въ своихъ покойныхъ гладяхъ зеленѣющіе островки. Изрѣдка нарушаетъ ихъ покой—громкій голосъ отважнаго промышленника, закидывающаго здѣсь свои сѣти... Глушь и безлюдье охватываютъ душу неопредѣленною, необъяснимою тоскою... Кое-гдѣ изъ этого, словно исполинскою бороною изрытаго, гранитнаго простора, подымаются сѣрыя горы, покрытыя желтыми полосами сыпучаго песку. Онѣ возвышаются вдоль всего сѣвернаго побережья, словно окаймляя его мертвыя неподвижныя пространства. Кое-гдѣ изъ черныхъ расщелинъ треплется по вѣтру жалкая былинка; приземистая береза ютится въ понизьѣ подъ защитою отвѣснаго утеса, да на плѣшивыхъ верхушкахъ случайныхъ холмовъ подымаются хилыя сосны, безпомощно протянувъ свои вѣтви на дальній югъ; сѣверная сторона ствола лишена вѣтвей... Тутъ, въ этомъ подавляющемъ царствѣ сѣвера, въ уединенныхъ и глухихъ становищахъ, на берегу Ледовитаго океана, осѣли бѣдныя колоніи русскихъ и финляндскихъ переселенцевъ. Изобиліе удобныхъ бухтъ, никогда не замерзающее море и рыбное богатство водъ его — обусловливаютъ въ будущемъ значительный ростъ этого берега.

Въ среднихъ и южныхъ частяхъ земли лопской, климатъ нѣсколько умѣреннѣе. Тутъ тянутся на громадное пространство глу-

хія дебри, сплошь поросшія сосною, березою и елью. Низменности пестрѣютъ яркими ягодными коврами. Морошка и другія растенія этого рода—усѣяли влажную почву кольскихъ пустырей, составляя главный питательный матеріалъ для мѣстнаго населенія. Всѣ остальныя мѣста Лапландіи поросли бѣлымъ ягелемъ (исландскій мохъ). Медвѣди, волки, песцы, лисицы, горностаи и олени кишмя кишатъ въ этихъ частяхъ полуострова, словно вознаграждая его за поразительное отсутствіе жизни на сѣверномъ побережьѣ. До восьмисотъ озеръ раскинули свои зеркальныя глади въ этой части нашего отдаленнаго края. Между ними есть весьма значительныя. Такъ, напримѣръ, Имандра занимаетъ пространство 90 верстъ въ длину и 40 въ ширину. Ковдо, Пяво, Конбо, Нуотъ—самыя большія озера этой страны. Въ противоположность озерамъ крайняго сѣвера, здѣсь, словно тихія обители вѣчнаго мира и покоя, подымаются тысячи островковъ, изъ которыхъ каждый, если бы его перенести поближе къ Петербургу, сталъ бы любимѣйшимъ мѣстомъ общественныхъ прогулокъ. То утесистые, то лѣсистые, то низменные, эти клочки твердой земли посреди воднаго простора пріятно разнообразятъ нѣсколько утомительное величіе полярныхъ пейзажей. Въ самыхъ озерахъ водится вкусная рыба, ловлею которой неутомимо занимаются лопари, единственные властители этого бездорожнаго малолюдья. Берега озеръ раскидываются тысячами самыхъ прихотливыхъ, самыхъ неожиданныхъ изгибовъ. Цѣлыя системы рѣкъ и рѣчекъ соединили озера въ одинъ водный бассейнъ. Это словно ассоціація нервовъ съ ихъ узлами. Такъ переплелись между собою водные пути этого края. Нѣкоторыя изъ этихъ рѣкъ, выходя изъ срединныхъ озеръ, вливаются въ Бѣломорье и въ Ледовитый океанъ. Всѣ онѣ усѣяны великолѣпными порогами, въ которыхъ быстрое теченіе то образуетъ сверкающіе алмазнымъ блескомъ водопады, то хаотическія безформенныя толчеи, преграждающія судамъ доступъ внутрь лопской земли. Устья этихъ рѣкъ расположены по ровнымъ береговымъ отлогостямъ, вдоль каменистыхъ ущелій, грандіозное величіе которыхъ напоминаетъ романтическую обстановку байроновскаго Манфреда. Здѣсь производится обширный семужій ловъ заколами, доставляющій лопарямъ немалые барыши.

Громадныя стада дикихъ и домашнихъ оленей пасутся на этомъ необозримомъ просторѣ. Въ нѣкоторыхъ рѣкахъ еще и понынѣ водятся, но уже въ одиночку, когда то усердно истреблявшіеся для уплаты даней—выдры и бобры. Но болѣе всего оживляютъ этотъ край безчисленныя стаи разной дичи, отъ гула и стрекота которой словно стонъ стоитъ надъ неисходными гладями лопскаго юго-во-

стока. Съ озера на озеро перелетаютъ крикливые гуси и утки, залетныя чайки крупныхъ размѣровъ вьются надъ свѣтлыми водами озеръ и пѣнистыми быстринами рѣкъ и потоковъ. Гагары сплошь усѣяли сѣверные берега и принадлежащіе Кольскому полуострову острова. Не смотря на дикое, ничѣмъ необъяснимое уничтоженіе гагачьихъ яицъ поморскими бабами, гагки и до сихъ поръ составляютъ одно изъ коренныхъ богатствъ этого края. Миріады куропатокъ покрываютъ бѣлою пеленою откосы каменистыхъ горъ и поверхность земли. Онѣ на каждомъ шагу плодятся и множатся въ лѣсахъ и понизьяхъ полуострова. Въ недосягаемой синевѣ яснаго неба, словно черныя точки, висятъ надъ пустыннымъ краемъ ястреба, челиги, кречеты и сокола. Еще въ московскую старину, послѣдніе изъ Рюриковичей и первые цари Великой и Малой Россіи Романовы посылали сюда ватаги помытчиковъ за соколами для царской охоты. Одинокій путникъ, пересѣкающій потоки и озера нашей Лапландіи, невольно изумится обилію всякой птицы на излюбленныхъ ею мѣстахъ этой глухой стороны. Молодые выводки гусей и утокъ, недвижно устилающіе землю, словно дѣвственный снѣгъ, бѣлыя куропатки—попадаются ему подъ ноги вездѣ, куда онъ ни сунется. А тамъ вдалекѣ, какъ стрѣла, промелькнетъ порою сѣверный олень въ недосягаемую чащу сосноваго лѣса или на понизьѣ, поросшее ягелемъ. Но за то мелкая трава луговыхъ пустынь не оживляется здѣсь веселымъ пѣніемъ кузнечиковъ, шуршаніемъ безчисленныхъ насѣкомыхъ, къ которымъ привыкъ степнякъ средней и южной полосы Россіи. Изрѣдка только, лишенная роскоши яркихъ цвѣтовъ, вяло порхаетъ бабочка, едва шевеля крыльями, надъ зелеными кочками поемнаго луга.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ этого края, подъ вліяніемъ мѣстныхъ священниковъ, лопари дѣлали опыты разведенія картофеля, и неожиданный успѣхъ превзошелъ всѣ ихъ ожиданія. У нѣкоторыхъ изъ нихъ въ 1870 г. кортофель родился самъ-10.

Долгая и морозная зима, влажное, сырое лѣто, осень холодная и дождливая—дѣлаютъ Кольскій полуостровъ мѣстомъ не совсѣмъ привлекательнымъ для обитателя болѣе умѣреннаго края. Съ 12 мая по 9-е іюня солнце здѣсь не сходитъ съ горизонта, одинъ непрерывный день продолжается 57 сутокъ. За то 52 дня тянется такая же непрерывная полярная ночь, озаряемая лишь сполохами. Не смотря на это, лѣтомъ здѣсь бываютъ очень знойные дни. Солнце не заходитъ и грѣетъ очень сильно. Въ влажное время оно похоже на мѣдно-красный щитъ, потонувшій въ туманѣ безъ зноя и свѣта. Зимнія ночи, озаряемыя сѣвернымъ сіяніемъ—великолѣпны.

Блуждающее синее пламя, словно отъ тысячи мѣрно колыхающихся факеловъ, опоясываетъ небо. Снопы его раскидываются по темному простору безвѣстныхъ высей, кидая блѣдный свѣтъ на острыя вершины утесовъ, на серебристыя глади бѣлыхъ пустынь съ обледенѣвшими озерами и снѣгомъ засыпанными островами и на свободный ото льда просторъ полярнаго моря. Невольно растетъ въ душѣ чувство благоговѣйнаго ужаса передъ этою стихійною силой, которая здѣсь какъ будто лежитъ еще въ состояніи покоя, предшедствовавшаго великому моменту созданія. Вся эта величавая, мертвая глушь словно ждетъ торжественнаго слова: „да будетъ свѣтъ!“, чтобы воспрянуть къ жизни и закипѣть миріадами красокъ и звуковъ.

Лопари, какъ выше замѣчено, принадлежатъ къ народамъ финскаго корня. Они малы ростомъ, и норвежане на первый разъ кажутся уродливыми. Длинныя руки, короткія шеи, узкіе глаза, выдавшіяся скулы далеки отъ того идеала красоты, который создало себѣ кавказское племя. На всемъ выраженіи лица ихъ лежитъ какая-то странная, общая имъ всѣмъ тупость, которая еще усиливается манерою стричь волосы такъ, чтобы при прическѣ на лобъ они оканчивались надъ самыми бровями.

Лопари всѣ христіане. Они были обращены еще въ концѣ XVI столѣтія св. Ѳедоритомъ и св. Трифономъ. Послѣдній на Кольскомъ полуостровѣ, у рѣки Печенги, построилъ Печенгскую церковь, которая потомъ была обращена въ монастырь, сожженный норвежцами.

Лопари не находятся въ исключительномъ владѣніи Россіи. Нѣкоторые изъ нихъ кочуютъ въ предѣлахъ Швеціи и Норвегіи. Одновременно съ заселеніемъ этого края новгородскими ушкуйниками, норвежцы заняли всю страну отъ города Реpоса на сѣверъ до Варангеръ Фіорда, занимаемую убогими дикарями. Послѣднихъ свободныхъ лопарей завоевали шведы въ XIII столѣтіи, покоривъ себѣ Остроботнію. Границъ между тремя владѣніями никогда не существовало de facto. Лопари свободно переселялись изъ одного мѣста въ другое, не признавая никакого международнаго права, промышляя на чужой землѣ и только изрѣдка платя за это небольшія дани. Такимъ образомъ, одному и тому же семейству приходилось при перекочевкахъ платить подать и шведамъ, и норвежцамъ, и русскимъ. Отсюда произошли лопари двоеданные и лопари троеданные. Въ прежнее время дань эта вносилась мѣхами, рыбою и соколами. Неимѣніе точныхъ и разъ навсегда опредѣленныхъ границъ, подавало поводъ къ постояннымъ безпорядкамъ и злоупотребленіямъ.

Всѣхъ лопарей въ настоящее время считается до 10,000 человѣкъ. Они заселяютъ тѣ же пустыри Кольскаго полуострова и Норвегіи, что и прежде, съ тѣмъ различіемъ, что въ средѣ нѣкоторыхъ родовъ ихъ являются первые задатки осѣдлости. Они исподоволь переселяются къ мѣстнымъ погостамъ и осаживаются вокругъ нихъ въ видѣ болѣе или менѣе правильныхъ поселковъ. Изъ нихъ образованы отдѣльныя волости, а у кольскихъ священниковъ какъ-то даже воспитывались ихъ дѣти. Русскіе лопари главнымъ образомъ раздѣляются на двѣ отрасли, терскую и мурманскую лопь. Первые населяютъ страну отъ острова Сосновца до Св. Носа. Вторые занимаютъ сѣверозападную часть Лапландіи. Погосты лопарскіе находятся вблизи рѣчныхъ и озерныхъ урочищъ, гдѣ они зимою ловятъ рыбу. Лѣтомъ, оставляя свои постоянные поселки, лопари направляются къ мурманскому берегу для ловли трески, палтусовъ, сайды, зубатки и прочихъ рыбъ изъ рода Gadus, составляющихъ главное богатство сѣверныхъ морей. Въ рѣкахъ лопари устраиваютъ заколы для добыванія семги, которая при наступленіи икромета, направляется противъ теченія рѣкъ къ ихъ верховьямъ. Заколы принадлежатъ (за рѣдкими исключеніями) цѣлымъ общинамъ, артелямъ лопарей, и въ добычѣ промысла каждый членъ такой общины имѣетъ свою долю. Впрочемъ, въ настоящее время выгоднѣйшими изъ такихъ урочищъ самовольно завладѣли колонисты-норвежцы и финляндцы.

Лопари живутъ въ вѣжахъ. Вѣжа—коническій шалашъ изъ тонкаго лѣса, покрытый хворостомъ и сверху дерномъ. Видъ такихъ зеленыхъ, поросшихъ травою жилищъ на берегахъ живописныхъ рѣкъ и озеръ Кольскаго полуострова производитъ пріятное впечатлѣніе на путника. Часто лопари, изъ обломковъ (потерпѣвшихъ крушеніе кораблей) прибиваемыхъ къ берегу, строятъ микроскопическія и крайне неудобныя избы. Красивая извнѣ—вѣжа внутри отвратительна. Грязь, неопрятность и тьма царятъ въ ней невозбранно. На грудѣ камней — посрединѣ ея — разложенъ огонь, дымъ отъ котораго, наполняя вѣжу, выходитъ въ отверстіе, образуемое верхушкою этого жилья. Вмѣсто постели, лопари, какъ и дикіе самоѣды, употребляютъ оленьи мѣха. Вѣжа въ вышину достигаетъ до 3½ арш., а діаметръ ея основанія—6 арш.,—и на этомъ пространствѣ ютится иногда семейство, состоящее изъ мужа, жены и нѣсколькихъ человѣкъ дѣтей. Какимъ воздухомъ должны дышать эти несчастные кочевники?

Пищею лопарямъ служитъ рыба, оленье мясо, морошка и куропатки, которыхъ терская лопь считаетъ летучими рыбами, съ по-

койною совѣстію употребляя ихъ и въ посты, въ другихъ отношеніяхъ свято соблюдаемые ими. Не будь куропатки да рыбы—лопарь погибъ бы съ голоду въ негостепріимномъ краю своемъ. Только лѣтъ пятьдесятъ назадъ лопари стали привыкать къ хлѣбу, который они приготовляютъ, смѣшивая муку съ толченою сосновою корою. Лопари въ противоположность другимъ инородцамъ сѣвера—зырянамъ и самоѣдамъ—почти не ѣдятъ сырого мяса. Зато вмѣстѣ съ послѣдними они пристрастились къ водкѣ. Особенно же любятъ они норвежскій ромъ, за который готовы отдать и свою рыбу, и своихъ оленей.

Зимою лапарьноситъ—печокъ (петшокъ). Это—мѣховая рубашка шерстью вверхъ. Она приготовляется изъ оленьихъ шкуръ, съ рукавами и рукавицами изъ того же матеріала. *Яры* или сапоги шьются изъ оленьихъ ногъ и доходятъ до пояса. Шапка съ ушами изъ лисьихъ хвостовъ дополняетъ теплый нарядъ этого номада. Лѣтомъ норвежскій и терскій лопарь надѣваетъ *юпу*—та же малица, только изъ сѣраго сукна, съ нашитыми на ней яркими суконными лоскутками,—шерстяной колпакъ и keньги. Зимній нарядъ женщинъ не отличается отъ мужского; лѣтомъ же лапарскія belles-femmes щеголяютъ въ русскихъ сарафанахъ и остроносыхъ, загнутыхъ кверху башмакахъ. Серьги тѣмъ щеголеватѣе, чѣмъ онѣ громаднѣе и тяжеловѣснѣе. Въ томъ же родѣ кольца и перстни довершаютъ нарядъ лопской красавицы. Дѣвушки носятъ повязки и бисерныя ожерелья.

Главное богатство лопаря, какъ и кочующаго самоѣда—олени. Безъ этого кроткаго и выносливаго животнаго, человѣкъ едва ли бы могъ существовать посреди дикихъ пустырей нашего отдаленнаго сѣвера. Тундры Лапландіи переполнены оленями. Они больше ростомъ и сильнѣе мезенскихъ, но гораздо трусливѣе послѣднихъ. Достаточно одного необычайнаго звука, приближенія незнакомаго имъ предмета, чтобы все стадо шарахнулось въ сторону. Какъ стрѣла несутся испуганные олени въ неоглядную даль. Озера, рѣки, болота—ничто не останавливаетъ этого отчаяннаго бѣга. Десятки и сотни ихъ тонутъ и вязнутъ въ болотахъ, другіе падаютъ отъ усталости, и, наконецъ, совершенно изнеможенное стадо ложится на отдыхъ среди какой нибудь безжизненной пустыни. Видъ этихъ бѣшено несущихся животныхъ представляетъ чрезвычайно грандіозную картину. Еще издали вы слышите гулъ и грохотъ, тундра колышится словно во время землетрясенія—и вдругъ передъ вами по-

азывается цѣлый лѣсъ вѣтвистыхъ роговъ, устремляющихся ку-
а-то въ пространство. Горячее духаніе, топотъ, свистъ разсѣкае-
аго воздуха—все это на минуту охватываетъ васъ могучимъ пото-
эмъ жизни и движенія, но спустя минуту мертвая глушь снова
тупаетъ въ свои права... Опять безшумный просторъ ея подав-
іетъ вашу душу... Мысль, словно подстрѣленная птица, падаетъ—
і слова ни звука!

Стада домашнихъ оленей у лопарей не такъ многочисленны,
кѣ у самоѣдовъ, зырянъ и пустозеровъ. Нашъ лопарь рѣдко
іѣетъ болѣе 900 штукъ головъ скота, тогда какъ сосѣдній нор-
жскій лапландецъ считаетъ свои стада тысячами головъ. Это об-
оятельство объясняется недостаткомъ ухода за оленями, характе-
рующимъ хазяйственныя способности нашихъ лопарей. Въ то время,
гда самоѣдъ самъ пасетъ стада свои—лопарь пускаетъ ихъ на
оизволъ судьбы и лѣтомъ и зимою въ отдаленнѣйшія тундры.
лѣдствіе этой небрежности, олени часто разбѣгаются, а еще чаще
даютъ жертвами волковъ. Самые предусмотрительные изъ лопа-
й загораживаютъ отдѣленныя самою природою урочища легкой
городью—пускаютъ туда свое стадо и успокоиваются на лаврахъ.
іеней нужныхъ для ѣды ловятъ лопари при помощи собакъ чива-
звами (чивастева—нѣчто въ родѣ аркана).

Лопари въ высшей степени религіозны, хотя и до сихъ поръ
і, исключая мурманскихъ, не вполнѣ освоились съ христіан-
омъ. Съ истинами послѣдняго они мѣшаютъ свои суевѣрія—по-
дніе обломки уже исчезнувшаго культа. Почти каждое, выходя-
е изъ ряду событіе, они сопровождаютъ странными обрядами,
ющими по ихъ понятію глубокое значеніе и смыслъ. Они чрез-
айно смирны и миролюбивы. Между ними весьма рѣдки драки
реступленія. О семейныхъ несогласіяхъ эти дикари едва ли и
шали. Гостепріимные по своему, они никогда не откажутъ слу-
ному путнику ни въ пріютѣ, ни въ кускѣ варенаго оленьяго
а, ни въ рыбѣ, О вознагражденіи, разумѣется, не можетъ быть
ѣчи. Полудикіе номады еще не такъ *просвѣщены*, чтобы и изъ
гепріимства дѣлать выгодную статью дохода.

Зато къ числу недостатковъ этого племени необходимо отнести
ость и нѣкоторое лукавство. Они между собою употребляютъ
) изъ самыхъ бѣдныхъ нарѣчій финскаго корня, которое, впро-
ь, похоже на финляндскій языкъ столько же, сколько датскій
жъ на нѣмецкій,—но также хорошо владѣютъ и русскимъ язы-
ь, на которомъ поютъ пѣсни, даже обрядовыя и свадебныя; свои

же, часто монотонныя и бѣдныя, употребляются нынѣ рѣже и рѣже даже въ отдаленнѣйшихъ трущобахъ лопской земли.

Лопари чрезвычайно высоко цѣнятъ хорошихъ стрѣлковъ. Ни одна семья не выдастъ дѣвушку замужъ за человѣка, который ни разу не подстрѣлилъ дикаго оленя. Свадьбы устраиваются родителями, молодые въ этомъ случаѣ совершенно безгласны. Женихъ вознаграждаетъ за невѣсту или оленями, или выкупаетъ ее обязательнымъ трудомъ ея отцу, съ которымъ онъ живетъ цѣлый годъ; по окончанiи этого срока имѣетъ уже право взять жену въ свою вѣжу и жить съ нею отдѣльно и самостоятельно. Умершихъ лопари погребаютъ почти голыми, зарывая ихъ прямо въ землю. Но, отказывая имъ въ одеждѣ и гробницѣ, они щедро снабжаютъ ихъ любимой пищей и промысловыми орудiями. Насыпавъ надъ могилою курганъ, они опрокидываютъ въ него сани, принадлежавшiя покойнику. Олени покойнаго въ дѣло не употребляются. Лопарь убѣжденъ, что въ противномъ случаѣ его постигнетъ смерть.

Весьма рѣдко случается лапландцу жениться на русской или норвеженкѣ. Передъ свадьбой лопарь дѣлаетъ невѣстѣ подарки, съ которыми онъ и приходитъ къ дверямъ ея вѣжи. Сопровождающiе его родственники входятъ туда; онъ же остается снаружи до тѣхъ поръ, пока родители невѣсты не позовутъ его. Тутъ имъ подносится водка. Если отецъ дѣвушки выпьетъ водки—значитъ предложенiе принято; въ противномъ случаѣ лопарь возвращается домой съ пустыми руками. Послѣ сговора женихъ часто бываетъ у своей невѣсты и поетъ ей всякiй разъ нѣчто въ родѣ гимновъ ея красотѣ, трудолюбiю и добродѣтели. Музыкальныхъ инструментовъ у нихъ нѣтъ никакихъ, хорового пѣнiя также не существуетъ, почему—когда послѣ торжественныхъ обрядовъ всякiй заводитъ свою пѣсню—общее впечатлѣнiе весьма непрiятно. У норвежскихъ лопарей—это скорѣе ревъ и крики животныхъ, чѣмъ пѣнiе людей. Нѣсколько грубый языкъ еще усиливается угловатость самыхъ пѣсенъ. Родственники приносятъ въ подарокъ невѣстѣ оленей или деньги.

Лапландцы — весьма здоровы. Исключая головныхъ болей, остальные недуги съ ними весьма рѣдко случаются. Разстройство желудка они лѣчатъ значительными прiемами внутрь оленьей крови; отъ зубной боли пьютъ тоже оленью кровь. Здѣсь извѣстна особеннаго рода порча зубовъ. Внутри послѣднихъ заводится маленькiй желтый червячекъ, съ черною головкой. По всей вѣроятности, лопари обязаны этимъ страшной неопрятности, въ которой живутъ они и ихъ семейства.

Новорожденнымъ—лопари дарятъ самку оленя. Всѣ рождаю-щіяся отъ нея животныя принадлежатъ ему; такимъ образомъ ло-ларь, подрастая, уже владѣетъ своимъ собственнымъ стадомъ.

Лопари обращаютъ весьма мало вниманія на недужныхъ, да ı послѣдніе смотрятъ на свою болѣзнь какъ на пустяки. Зимою они ıосятъ нѣчто въ родѣ лыжи, благодаря чему бѣгаютъ съ удивитель-ıой ловкостью и быстротою, часто даже перегоняя оленей. Они ˈмѣютъ приготовлять изъ дерева посуду и вырѣзываютъ изъ олень-ıхъ роговъ различные предметы—иногда весьма искусно. Выдолб-енный кусокъ пня служитъ для ихъ дѣтей люлькою. Дѣти завер-ываются въ кожи такимъ образомъ, что подъ головою ребенка мож-о положить лукъ, шестъ и кольцо, которымъ онъ играетъ, когда е спитъ.

Первобытная религія лопарей имѣетъ много общаго съ куль-омъ другихъ племенъ финскаго корня. Лапландцы въ прежнее вре-я были убѣждены, что въ горахъ и морѣ находятся могучія и розныя божества. Другіе самое море и горы считали богами и въ рудныхъ случаяхъ жизни восклицали: „святой камень (такой-то) омоги мнѣ!“ Но самыя главнѣйшія божества, по мнѣнію ихъ, нахо-ятся: на горизонтѣ, въ воздухѣ, на землѣ, подъ землею и въ самой рединѣ земли.

На горизонтѣ живетъ невѣдомый *Радіенъ*—царь неба. Но тамъ е существуетъ и другой богъ Зіоравъ-Радіенъ—сынъ Радіена. Дочь адіена принимаетъ души умершихъ и отправляетъ ихъ въ пропасть *ıта*—вѣчный мракъ, гдѣ онѣ должны пребывать безконечно. Тамъ е на небѣ существуетъ богъ—*Равонанекди*; онъ печется о произ-ıстаніи ягеля для оленя, о горахъ и о сохраненіи всего живого. ˈи четыре божества составляютъ первую группу лопарскаго Олим-. Имъ приносились безкровныя жертвы.

Въ воздухѣ пребываютъ: богъ *Баве*—или солнце—ему лопари лились за то, что онъ даетъ тепло и пищу, ему при жертвопри-шеніяхъ назначались лучшіе куски мяса, къ нему же обращались случаѣ болѣзни кого либо изъ близкихъ; богъ *Горенгасъ*—громъ, ıое злое и свирѣпое существо, убивающее людей и животныхъ; ı умилостивленія его также приносились жертвы; богъ *Гизенъ-май*—богъ неизвѣстный; богъ *Бадо-май*—властвующій надъ непо-ой и требующій постоянныхъ жертвъ; *Анлекесъ-Олканъ*—богъ хо-пей погоды: на молитвы ему посвящалась пятница.

На землѣ обитаютъ боги: *Лейбъ-Олмай*—богъ охоты. Ему необ-имо приносить жертвы, чтобы возвращаться обремененнымъ до-ıей съ охоты. Ему молились каждое утро и каждый вечеръ, при

чемъ пѣлись похвальные гимны въ честь его могущества. *Кіозе-Олмай*—богъ рыбаковъ; поклоненіе ему обязательно только для послѣднихъ. *Мадеракко*—богиня женщинъ. У нея дочери, изъ которыхъ первая помогаетъ матерямъ въ родахъ и унимаетъ муки родильницъ—въ честь ея лопари пили водку, въ жертву же ей приносили сметану; другая изъ дочерей этой богини, *Юксъ-Акка*, можетъ уже и во чревѣ матери младенца сына обратить въ дочь—это лицо чрезвычайно властильное въ средѣ, гдѣ сыновья дорого цѣнятся для охоты и рыбной ловли; третья дочь *Сиръ-Акка* сохраняетъ дитя отъ недуговъ и дурного глаза. На землѣ обитаетъ *Сакво-Алмакъ*. Престолъ его на вершинахъ горъ. Это покровитель чародѣевъ и вѣщуновъ. Если послѣднимъ понадобится его помощь, они выпиваютъ пригоршню воды изъ источника, текущаго у его горы—и тогда на нихъ находитъ волшебная сила самого бога. Олень колдуна дѣлается послѣ этого чрезвычайно силенъ и побѣждаетъ въ дракѣ оленей другихъ чародѣевъ, богъ которыхъ слабѣе Сакво-Алмака. По просьбѣ колдуна послѣдній можетъ напустить болѣзнь и умертвить кого угодно, кромѣ двухъ только лицъ: въ Норвегіи—лендсмана и его помощника, а въ Россіи—исправника и становогo. Эти особы изъяты изъ предѣловъ вѣдѣнія лопарскихъ боговъ. Больной непремѣнно умираетъ, если колдунъ не вложитъ въ него душу обратно. Отсюда власть и значеніе колдуновъ.

Въ глубинѣ земли пребываетъ богъ *Ямба-Акко*, въ переводѣ—мать смерти. Ей слѣдуеть дѣлать частыя приношенія, во избѣжаніе частыхъ недуговъ.

Подъ землей—въ ужасной, довременной пропасти Ротта-Аимбо—живутъ послѣднія невѣдомыя божества, въ непосредственное вѣдѣніе коихъ поступаютъ всѣ дурно-живущіе на землѣ. Этимъ богамъ приносились кости, хвосты, уши и внутренности, убивавшихся на празднествахъ, оленей.

Наканунѣ праздниковъ лопари приносили жертвы злому духу Оуло-Гадзе. У колдуновъ имѣется свой штатъ изъ мудрыхъ, но второстепенныхъ духовъ—*Ноациде-Гадзе*.

Удбоеръ—таинственный духъ, пребывающій надъ могилами младенцевъ, коимъ не дано на землѣ никакого имени. Часто въ долгія зимнія ночи слышится вой его надъ ними, и лопари спѣшатъ дать мертвому имя, иначе этой неизбѣжной музыкѣ и конца не будетъ. Есть еще чудный звѣрь-полубогъ, живущій въ трущобахъ и пещерахъ; онъ похожъ на ребенка и обладаетъ сверхъестественной силой въ такой значительной степени, что его лопари будто бы убиваютъ изъ ружья, ради вкуснаго мяса. Изъ глубины пещеръ его

можно выманить не иначе, какъ поставивъ у входа крынку съ молокомъ. Какъ видно, лопари не особенно стѣснялись съ своими богами!

Убивъ медвѣдицу, лопарь долженъ былъ вынуть печень ея и повѣсить ее вдали отъ мѣста охоты. При зачатіи ребенка приносился въ жертву олень, а при рожденіи его закапывалась въ землю живая собака. Если разрѣшеніе отъ бремени было совершенно счастливо и безболѣзненно—отецъ зарывалъ въ землю нѣсколькихъ животныхъ.

На мѣстѣ, гдѣ убитъ дикій олень—лопари оставляли рога и ноги его въ качествѣ жертвы богу охоты.

Были особенныя мѣста, гдѣ лопари приносили жертвы своимъ богамъ, предпочтительнѣе предъ другими урочищами. Таковы вершины горъ, одиноко посреди тундръ возвышающіеся утесы, камни, разсѣянные по лѣсамъ лопской земли. Въ Норвежской Лапландіи, на озерѣ Порзангерѣ лопари богу рыбной ловли воздвигли встарь храмъ, слава котораго дошла и до нашихъ лопарей. Близъ священныхъ мѣстъ своихъ боговъ лопарь никогда не осмѣливался оставаться долѣе одного дня, проводимаго въ молитвахъ. Онъ полагалъ, что плачъ его дѣтей долженъ безпокоить божество. Проѣзжая мимо такихъ мѣстъ, женщины должны были закрывать глаза руками, чтобы не осквернить своимъ взглядомъ святости завѣтной горы или камня.

Мы уже говорили о томъ, что въ настоящее время всѣ лопари—христіане. Но вѣрованіе въ старыхъ боговъ крѣпко держится въ народѣ невѣжественныхъ номадовъ, которые время отъ времени умилостивляютъ посильными жертвами темныхъ геніевъ зла, обитающихъ и въ небѣ, и въ землѣ, и въ водѣ и въ горахъ. Лапландцы норвежскіе также всѣ обращены въ христіанство королемъ Фридрихомъ V.

Теперь лопари мало-по-малу начинаютъ свыкаться съ осѣдлою жизнію. Предоставленные самимъ себѣ на одной изъ отдаленнѣйшихъ окраинъ Россіи, они вполнѣ удовлетворяются убогою обстановкою ихъ безцвѣтной жизни. Дикія вьюги полюса, долгая зимняя ночь, скудная почва—не особенно тяжелы для людей, никогда не видавшихъ ничего лучшаго. Но одинокій туристъ, пересѣкающій эти безлюдныя пустыни, невольно станетъ тосковать о другомъ далекомъ краѣ, гдѣ яснѣе свѣтитъ ясное солнце, роскошно ложатся подъ его лучами тучныя нивы, и звонко разносится въ ароматномъ воздухѣ медленная родная пѣсня, захватывая своими задушевными переливами и мысль, и сердце человѣка.

А тутъ—вѣчное молчаніе снѣговыхъ гладей или назойливый скучный стрекотъ и гамъ птицы, переполняющей ненадолго ожившіе пустыри.

Но отрѣшитесь отъ воспоминаній своего прошлаго, съумѣйте слиться съ этою сумрачною природою—и вы поймете дикую красоту этихъ гранитныхъ горъ, этихъ отвѣсныхъ каменныхъ береговъ, за которыми величаво стелется полярное море съ его могучими бурями и льдами.

В. И. Немировичъ-Данченко.

Въ Кареліи.

Дикая природа Кареліи почти повсюду одинакова и носитъ общій характеръ финляндскаго пейзажа, въ которомъ красивыя озера со скалистыми островами, отдѣльные массивы, болота, огромные лѣса и порожистыя рѣки съ небольшими водопадами перемѣшиваются въ одно цѣлое, порою достигающее красотъ, достойныхъ красивѣйшихъ мѣстностей Европы. Главную особенность финляндскаго пейзажа составляетъ обиліе воды, вліяніе которой сказывается здѣсь во всемъ: и въ обиліи запутаннаго очертанія озеръ, и въ массѣ рѣченокъ, соединяющихъ различныя системы водныхъ бассейновъ, и въ разрушеніи самаго камня финляндскихъ горъ, и въ обиліи лѣсовъ, и въ массѣ болотъ, особенно многочисленныхъ въ Кареліи и Остроботніи. Почва здѣсь, можно сказать, повсюду пропитана водою; „стоитъ только подавить ногою любой клочекъ земли въ Кареліи",— сказалъ одинъ путешественникъ,—„и тотчасъ выступитъ вода". Съ этимъ обиліемъ воды прежде всего надо считаться каждому путешественнику по Финляндіи, особенно въ областяхъ ея, не имѣющихъ еще достаточно хорошо устроенныхъ дорогъ. Карелія, какъ и сѣверная часть Финляндіи, вообще не можетъ похвалиться путями сообщенія. Никакіе походные сапоги и непромокаемые плащи не спасутъ отъ сырости туриста, боящагося простуды и воды: десятки разъ онъ будетъ обстоятельно промоченъ, проваливаясь въ болота и луды, переходя рѣченки, перебираясь по порогамъ и плавая на зыбкой лодкѣ по озерамъ Кареліи и Саволакса. Но эти смѣшанныя сухопутно-водяныя экскурсіи и за то сторицею вознаградятъ его не только великолѣпіемъ повсюду встрѣчающихся видовъ, но и массою бытовыхъ особенностей, чрезвычайно обильныхъ въ этой части Финляндіи.

Что можетъ быть лучше ранняго утра, встрѣчаемаго гдѣ-нибудь на лодкѣ среди озера, отовсюду замкнутаго темными стѣнами лѣсовъ и усѣяннаго мелями, образующими причудливые острова?! Свѣтлый, золотистый колоритъ лежитъ на всей природѣ, почти незнающей сумерекъ въ свѣтлыя майскія ночи. Едва догорятъ краски вечерней зари,—востокъ уже начинаетъ пылать, золото и пурпуръ заливаютъ горизонтъ, золотятъ вершины безмолвныхъ лѣсовъ, еще свинцово-темную поверхность озера или мрачныя скалы, глядящіяся въ него. Бѣловатый туманъ, поднимающійся надъ водою, пронизывается лучами солнца и тонетъ въ прозрачномъ воздухѣ, въ которомъ слышатся прохладная свѣжесть утра, ароматъ сосноваго лѣса и дыханіе откуда-то налетѣвшаго вѣтерка. Тихая поверхность озера слегка рябится, тѣни лѣсовъ, глядящихся въ него, кажутся неподвижными, а бѣлый парусъ лодченки слегка надувается, какъ крылья взлетающей птицы. Безмолвная тишина на озерѣ нарушается лишь плескомъ веселъ да игрою рыбокъ, выпрыгивающихъ изъ воды; но подплывешь ближе къ берегу,—и шумъ полной жизни несется изъ глубины лѣса. Чаще всего тамъ слышатся унылые колокольцы бродящаго скота одинокихъ торбарей, гораздо рѣже услышишь звукъ человѣческаго голоса или крики дикихъ звѣрей. Попробуешь крикнуть самъ по направленію къ темно-зеленой стѣнѣ окружающихъ лѣсовъ,—и эхо нѣсколько разъ повторитъ твои слова, гулко несущіяся по безмолвной поверхности озера, прислушаешься внимательнѣе къ звукамъ природы,—и услышишь отовсюду голоса жизни, обильной и въ угрюмыхъ финляндскихъ лѣсахъ. Громко на утрѣ кричатъ крахали, стонутъ выпи, рыдаютъ гагары и отзывается всякими голосами разнообразная водяная дичь; временами надъ головою пронесется съ рѣзкимъ крикомъ бѣлокрылая чайка или рѣчной хищникъ, охотящіеся за рыбками, прыгающими на поверхности серебрящейся воды. Выйдешь на берегъ,—услышишь пѣсни всѣхъ музыкантовъ финляндскаго лѣса, не обильныхъ количествомъ, но за то усердныхъ и талантливыхъ пѣвцовъ. Мелодично посвистываетъ дроздъ, сидя на суку возлѣ своего гнѣзда; ему вторятъ рѣполовы, горихвостки, разнообразныя синицы и прочая мелкая пернатая тварь. Крошечный королекъ—финляндскій колибри—не отстаетъ отъ лучшихъ пѣвцовъ лѣса и неустанно тянетъ свою тихую, но мелодичную, хотя и однозвучную пѣснь. Финляндскій попугай—клестъ—старается выводить какія-то трели, сидя на вершинѣ, усѣянной шишками, сосны. Въ рѣдкихъ случаяхъ на ранней зарѣ удается услышать на тихихъ безлюдныхъ озерахъ Кареліи и серебристые звуки лебедя, поющаго не предсмертную, а обыкновенную утреннюю

пѣснь. Однажды мы были настолько счастливы, что слышали въ одномъ глухомъ плесѣ голоса нѣсколькихъ лебедей-крикуновъ сразу. Гораздо чаще слабые звуки лѣсныхъ пѣвцовъ покрываютъ своимъ мяуканьемъ иволги и большіе дятлы, усердно стучащіе крѣпкими носами о стволы сосенъ и елей. Нерѣдко среди этого лѣсного концерта слышится и чарующая пѣснь синешейки-варакушки или финляндскаго соловья. Дитя сѣвера, красивая, съ лазоревымъ горломъ птичка оживляетъ своимъ чуднымъ пѣніемъ красоту бѣлыхъ сѣверныхъ ночей; въ самой глухой тайгѣ Лапландіи можно услышать пѣсню этого единственнаго соперника соловья. Цѣлыя ночи слушалъ я богатые переливы его пѣсни и подъ звуки ея забывалъ, что нахожусь среди болотъ и лѣсовъ Финляндіи, далеко отъ родины, оглашаемой чудными мелодіями настоящаго соловья.

Порою дикій, но полный красоты пейзажъ Кареліи оживлялся еще болѣе видомъ небольшой деревеньки, съ раскиданными на берегу красными избушками, высокимъ профилемъ кирки и бѣлыми парусами лодокъ, рѣявшихъ по поверхности озера. Особенно идилличными казались мнѣ небольшіе островки, вкрапленные въ озера, и одинокіе домики торбарей или мызниковъ, утопающіе въ темной зелени окружающаго ихъ лѣса.

Если чудно хороши были утренники на озерахъ и въ лѣсахъ Финляндіи, то не менѣе прекрасны были здѣсь и вечера, съ ихъ яркимъ колоритомъ заходящаго солнца, а въ особенности свѣтлыя ночи, оглашаемыя неумолчными пѣснями финляндскаго соловья. Трудно описать впечатлѣніе, производимое этими чудными бѣлыми ночами, дѣлающимися положительно волшебными по мѣрѣ углубленія къ сѣверу, въ дебри, начинающей уже дѣлаться безлюдною, страны! Эти ночи имѣютъ свою жизнь, свои звуки и своихъ неумолчныхъ пѣвцовъ: кромѣ варакушекъ, чаще въ теченіе ихъ трубятъ лебеди, рыдаютъ гагары и покрикиваютъ звѣри финляндской тайги.

А. Елисѣевъ.

Финляндія.

Суровый край: его красамъ,
Пугаяся дивятся взоры;
На горы каменныя тамъ
Поверглись каменныя горы;
Синѣя, всходятъ до небесъ
Ихъ своенравныя громады;
На нихъ шумитъ сосновый лѣсъ;
Съ нихъ бурно льются водопады;
Тамъ долъ очей не веселитъ:
Гранитной лавой онъ облитъ;
Главу одѣвши въ мохъ печальный,
Огромнымъ сторожемъ стоитъ
На немъ гранитъ пирамидальный;
По дряхлымъ скаламъ бродитъ взглядъ;
Пришлецъ исполненъ смутной думы:
Не міра-ль давняго лежатъ
Предъ нимъ развалины угрюмы?

Е. Баратынскій.

Въ странѣ труда.

Не болѣе пяти часовъ ѣзды отъ Петербурга, по лучшей въ мірѣ желѣзной дорогѣ, и, оставаясь въ предѣлахъ Россійской имперіи, можно очутиться въ странѣ, рѣшительно ничѣмъ не похожей на всю остальную Россію.

Страна эта—Финляндія.

Какое очаровательное сочетаніе камня, воды и лѣса! Пріятно попасть въ Финляндію во время лѣтнихъ жаровъ. Какъ бы ни разгоралось солнце, оно только ласкаетъ васъ, но не жжетъ. Воздухъ, пропитанный смолистыми испареніями лѣса, такъ хорошъ, что имъ просто не надышишься.

Финляндія—совершенно своеобразная страна. Весь Финляндскій полуостровъ (около 324,000 квадратныхъ верстъ)—сплошь гранитный. Въ эту каменную громаду ворвалось море и въ клочья разорвало ее, разлившись тысячами большихъ и малыхъ озеръ, образовавъ тысячи островововъ, полуострововъ, мысовъ, косъ и перешейковъ, густо поросшихъ лѣсомъ, преимущественно, хвойныхъ породъ. Озера и озерки даютъ начало безчисленному множеству рѣкъ и рѣченокъ, то плавно катящихъ свои воды, то ниспадающихъ бурными водопадами или даже каскадами, когда горному потоку приходится спрыгивать съ гранитнаго утеса.

Безконечное разнообразіе въ сочетаніи гранита, лѣса и воды,—то въ видѣ озеръ и рѣкъ, то въ формѣ бѣшеныхъ водопадовъ и рѣзвыхъ горныхъ каскадовъ,—составляетъ характерную особенность Финляндской природы.

Дикая, угрюмо-суровая, но величественная природа! Въ ней разлито какое-то особенно-величавое спокойствіе. Словно этотъ гранитъ и лѣсъ, эти озера и рѣки погрузились въ какую-то безконечную думу да такъ и застыли, оцѣпенѣли въ ней. Ни ревъ громадныхъ водопадовъ, ни рокотаніе и лепетъ горныхъ каскадовъ не могутъ вывести ихъ изъ этого оцѣпенѣнія.

Финляндія отъ края до края—страна гористая. Въ какую сторону ни направишься, приходится перебираться съ горы на гору. Развертывающіеся при этомъ виды быстро мѣняются, и одинъ заманчивѣе другого. Глубокіе, лѣсистые овраги чередуются съ отвѣсными, многосаженными гранитными обрывами, блестящими, играющими на солнцѣ, какъ отполированные. Хребты лѣсистыхъ возвышенностей разбѣгаются во всѣ стороны самыми прихотливыми линіями.

И куда бы вы ни отправились по Финляндіи,—въ глубь ли страны или въ какую-нибудь изъ ея окраинъ,—вамъ всюду будутъ сопутствовать эти лѣсистые и обнаженные гранитные возвышенности и холмы, густо толпящіеся около серебромъ сверкающихъ рѣкъ и озеръ, какъ бы именно затѣмъ, чтобы заглянуть въ ихъ зеркальную поверхность, полюбоваться на собственное, дѣйствительно дивное, сочетаніе красоты природнаго гранита съ зеленью лѣса, которая отъ весны до глубокой осени не утрачиваетъ своей свѣжести.

Но—красота красотою; а какого жить тутъ людямъ?

II.

Въ городахъ и въ деревняхъ сплошь и рядомъ приходится видѣть дома, стоящіе прямо на голомъ гранитѣ. Желѣзныя дороги, конные пути, лѣсныя тропинки то и дѣло тянутся на цѣлыя версты (или даже десятки верстъ) по голому граниту. На гранитѣ, даже не успѣвшемъ еще покрыться сплошнымъ почвеннымъ слоемъ, растетъ лѣсъ. На гранитѣ же, едва-едва занявшемся почвеннымъ пластомъ, встрѣчаются и пашни, края которыхъ то сходятъ на нѣтъ по обнаженному камню, то упираются въ отвѣсныя первозданныя скалы.

Да, это—страна камня. Здѣсь на камнѣ живутъ люди и изъ камня же добываютъ себѣ хлѣбъ. Здѣсь человѣку приходится отвоевывать себѣ у камня буквально каждую пядь земли. И какая это ужасная борьба!

Здѣсь, напримѣръ, не въ диковину встрѣтить огородничество такого рода. Передъ нами гранитная глыба въ нѣсколько саженей длины и ширины, до двухъ саженей вышины, а на глыбѣ—гряды. Большого труда требуетъ уходъ за этими грядами. Нужно каждый разъ взбираться туда по лѣстницѣ; нужно таскать корзинами землю и удобреніе, носить ведрами воду для поливки... Но—„Богъ труды любитъ". На этомъ безпримѣрномъ огородѣ удивительно быстро и въ достаточномъ количествѣ произростаютъ вкусные, сочные, ароматные овощи.

Но не думайте, что это исключеніе. Напротивъ: почти на всемъ протяженіи земледѣльческой Финляндіи, простирающейся верстъ на двѣсти сѣвернѣе полярнаго круга, попадаются равнины и косогоры, усѣянные валунами (обломками) сѣраго и краснаго гранита. Недавно еще, всего нѣсколько лѣтъ тому назадъ, это были поля сплошного камня. Руками землепашцевъ камни помельче собраны и сложены тутъ же грудами. Но, тѣмъ не менѣе, крупныхъ, глубоко сидящихъ на землѣ валуновъ остается еще такъ много, что поле представляется усѣяннымъ ими, и какое бы ни избрать направленіе, непремѣнно придется лавировать между камнями. Это каменное поле, однако, занято посѣвомъ. За невозможностью вспашки, его иногда просто вскапываютъ. И въ награду за этотъ невѣроятный трудъ камень родитъ человѣку такой хлѣбъ, какого, увы! не вездѣ могутъ дождаться въ другихъ мѣстахъ (хотя бы, напримѣръ, въ средней части Россіи) и на черноземныхъ поляхъ.

Хотите знать дальнѣйшую судьбу этихъ каменныхъ полей?— Вперемежку съ „полями камня" изрѣдка попадаются веселенькія, муравчато-зеленыя ложбины, занятыя лугами и пашнями. Хозяйственною рукой землепашцевъ здѣсь пухомъ взбитъ каждый вершокъ земли; вдоль и поперекъ прорыты водосточныя канавы, черезъ которыя переброшены небольшіе мостики; между отдѣльными полосами посѣвовъ проложены тропинки для пѣшеходовъ, чтобы наблюдать за пашнею. Глядя на эти прелестныя равнины съ ихъ сочною травой и рослымъ хлѣбомъ, обѣщающимъ обильный урожай, положительно забываешь, что находишься подъ негостепріимнымъ сѣвернымъ небомъ, да при томъ еще въ „странѣ камня".

Старательная обработка земли и заботливый уходъ за нею положительно дѣлаютъ чудеса въ этой суровой странѣ. Финляндцы

культивировали (т.-е. выгодовали, воспитали) лучшую породу ржи—вазаскую и одну изъ наиболѣе доброкачественныхъ кормовыхъ травъ—тимоѳеевку.

III.

Но борьба съ камнемъ—это только часть той борьбы, которую приходится Финляндцамъ вести съ окружающею природой, главнымъ же образомъ—съ водою.

Взгляните на карту Финляндскаго полуострова. Весь онъ оказывается изрытымъ озерами. Разбросанныя безъ видимаго порядка, они, однако, группируются въ три громадныхъ водоема или бассейна, называемыхъ иначе многоозерьями. Ближе къ Петербургу—Сайминское, къ западу отъ него—Пэйянское, еще западнѣе—Пясинское. Эти водные бассейны получили названіе по имени главныхъ озеръ, около которыхъ группируются остальныя. Какъ велико въ общей сложности пространство внутреннихъ финляндскихъ водъ, можно судить уже по тому, что протяженіе одного Сайминскаго озернаго бассейна равняется почти четверти всей Финляндіи и заключаетъ въ себѣ сто двадцать большихъ озеръ и болѣе тысячи малыхъ.

Съ незапамятныхъ временъ началась въ этой странѣ осушка болотъ и расчистка порожистыхъ протоковъ; но правильно ведется въ Финляндіи борьба человѣка съ водою лишь около ста тридцати лѣтъ. Успѣхи этой борьбы еще болѣе поразительны, чѣмъ успѣхи борьбы съ камнемъ, который—какъ мы знаемъ уже—финляндцы заставили давать имъ и хорошій хлѣбъ, и травы.

Въ настоящее время болота не составляютъ уже и шестой части Финляндіи. Размѣры ихъ быстро сокращаются съ каждымъ годомъ, при чемъ болота съ замѣчательнымъ успѣхомъ обращаются въ рощи, плодотворныя поля и обильные травою луга.

Въ осушеніи болотъ—только частичка борьбы финляндцевъ съ водою; главную же долю труда имъ пришлось употребить на устройство сообщеній между озерами каждой системы многоозерья въ отдѣльности. Эта такая ужасная работа, что невозможно даже описать ея трудностей. Тутъ буквально шагъ за шагомъ приходилось работать молотомъ да порохомъ, чтобы взрывать гранитныя скалы, расчищать дороги, образуя сводные стоки воды изъ озеръ, лежащихъ выше, въ озера съ болѣе низкимъ уровнемъ. Въ тѣхъ же случаяхъ, когда озера находились на одномъ уровнѣ, между ними пролагали каналы. И вотъ, черезъ много десятковъ лѣтъ неустанныхъ трудовъ работа настолько подвинулась впередъ, что 26

августа 1856 года былъ открытъ замѣчательный Сайминскій каналъ, установившій прямое сообщеніе между Сайминскимъ многоозерьемъ и Финскимъ заливомъ, или иначе—Балтійскимъ моремъ.

Каналъ этотъ выстроенъ можно сказать, на вѣчныя времена, потому что дно его и бока сплошь облицованы гранитомъ.

Изрѣзанность водою внѣшнихъ береговъ какой бы то ни было страны всегда способствуютъ развитію судоходства и облегченію сношеній съ другими странами, а также росту промышленности и торговли. Страны, имѣющія наибольшую изрѣзанность береговъ, отличаются и наибольшимъ торгово-промышленнымъ развитіемъ. Точно также и внутреннія воды каждой страны могутъ способствовать увеличенію береговой линіи и облегченію торгово-промышленныхъ сношеній, но для этого необходимо, чтобы воды внутри страны имѣли удобное для судоходства сообщеніе съ внѣшними водами, т.-е. морями.

Значитъ, устроивъ Сайминскій каналъ, финляндцы этимъ самымъ увеличили больше чѣмъ на одну треть протяженіе береговой линіи Финляндіи, или больше чѣмъ на одну треть увеличили быстроту, легкость и дешевизну торгово-промышленныхъ сношеній.

Какъ ни великъ былъ такой успѣхъ, но все же оставалось сдѣлать еще больше. Два остальныхъ многоозерья—Пэйянское и Пясинское—попрежнему, были разобщены: не соединялись ни съ Сайминскимъ многоозерьемъ, ни съ моремъ. Финляндцы вышли изъ этого затрудненія, построивъ желѣзную дорогу такъ, что она подходитъ ко всѣмъ главнѣйшимъ торговымъ пунктамъ на всѣхъ многоозерьяхъ и на морскомъ побережьи. Эта желѣзная дорога, съ одной стороны, связала въ одно цѣлое всѣ три многоозерья, оставшіеся прежде разобщенными, и, слѣдовательно, разомъ увеличила береговую линію Финляндіи во много разъ; съ другой стороны, желѣзная же дорога открыла легкій и быстрый проходъ изъ всѣхъ многоозерьевъ къ морю.

Такъ вотъ какимъ образомъ финляндцы одержали такую удивительную побѣду надъ водою. Съ дерзкою смѣлостью былъ задуманъ этотъ планъ и геніально выполненъ уже во всѣхъ основныхъ его частяхъ. Гдѣ бы ни вздумалъ теперь поселиться финляндецъ, онъ вездѣ находитъ, въ предѣлахъ своей страны, удобное, дешевое и быстрое сообщеніе. Населенію Финляндіи теперь до всего близко, до всего легко доступиться.

IV.

Пристальнѣе вглядитесь въ карту Финляндіи, во взаимное отношеніе между сушей и водой. Не случайно вѣдь это обиліе острововъ и у береговъ Финляндіи, и въ большихъ и малыхъ его озерахъ. Здѣсь, очевидно, должно происходить что-то особенное, какая-то борьба между сушей и водой. Да, тысячелѣтіями ведется здѣсь эта борьба, при чемъ побѣда неизмѣнно остается на сторонѣ суши. Но прежде—нѣсколько словъ о водѣ внутри Финляндскаго полуострова.

Вотъ, напримѣръ, озеро Сайма, ближайшее въ Россіи и чаще другихъ посѣщаемое русскими. Очертаніе береговой линіи такъ фантастично, развертывающіяся одна за другою панорамы такъ неожиданны и разнообразны, наконецъ, самое озеро такъ необъятно, многовѣтвисто и разбросано во всѣ стороны, что разомъ охватить и нарисовать полную, цѣльную картину Саймы—дѣло невозможное. Масса воды, тѣснимая со всѣхъ сторонъ островами, полуостровами и мысами, то вдругъ разбросается во всѣ стороны цѣлою системой рукавовъ, то разобьется на цѣлую цѣпь большихъ и малыхъ бассейновъ самой прихотливой формы. А какое восхитительное разнообразіе острововъ! Бугры или холмы разной величины и вида; почти правильной формы пирамиды и конусы; наконецъ, просто узенькія полоски суши, дерзко вынырнувшія изъ воды на нѣсколько футовъ среди обширнаго водоема, вотъ-вотъ, кажется, готоваго поглотить ихъ,—все это или разбросано въ живописномъ безпорядкѣ, или расположено довольно правильными группами; все это искрится, блеститъ и играетъ на солнцѣ разными оттѣнками гранита и въ то же время поросло лѣсомъ, яркая зелень котораго такъ чудно гармонируетъ съ чистою, зеркальною поверхностью воды.

Черты красоты Саймы такъ типичны, характерны, что, побывавъ разъ на этомъ озерѣ, вы не забудете его во всю жизнь. А вотъ и еще одна изъ важныхъ его чертъ.

Обильное, переполненное водою, озеро Сайма переливается черезъ край въ юго-восточномъ углу, образуя рѣку Вуоксу, представляющую собою какъ бы сплошную цѣпь проточныхъ озеръ, прерванную бурнымъ водопадомъ Иматрой и цѣлымъ рядомъ большихъ и малыхъ пороговъ.

Берега Вуоксы, удаленные другъ отъ друга на 160 саженей, быстро начинаютъ сближаться, становясь, наконецъ, на разстояніи саженей двадцати другъ отъ друга сплошными гранитными, и почти отвѣсными стѣнами. Наклонъ ихъ отъ сѣвера къ югу ясно замѣ-

тенъ. Въ это-то узкое и наклонное ущелье и устремляется многоводная Вуокса, какъ бы именно за тѣмъ, чтобы показать людямъ всѣ красоты, какія только могутъ быть свойственны водѣ. Здѣсь, на протяженіи болѣе четверти версты, вода ниспадаетъ съ высоты не менѣе девяти саженей, но не сплошнымъ обрывомъ, не такъ, какъ падаетъ вода, срываясь съ отвѣсной скалы, а распавшись на пять ясно выраженныхъ, послѣдовательныхъ водопадовъ, имѣющихъ въ общемъ видъ водяной горы.

Это—Иматра, единственный въ своемъ родѣ сложный водопадъ, необычайно быстрый, бурный и обильный водою. Гдѣ бы вы ни представили себѣ поперечный разрѣзъ водопада, въ секунду времени проносится черезъ него около пяти милліоновъ ведеръ воды. Это—такое обиліе воды, такая ужасающая быстрота, какой невозможно даже и представить себѣ! Неровности дна, гдѣ, помимо уступовъ, множество разорванныхъ утесовъ, обрывовъ, глубокихъ трещинъ, впадинъ и т. п., придаютъ этому гигантскому каскаду чарующую, ошеломляющую прелесть. Бѣшено мчится вода съ уступа на уступъ, пѣнится, бурлитъ, образуя водовороты, извивается волнами въ нѣсколько саженей, яростно бросающимся то другъ на друга, то на гранитные берега, поднимая при этомъ брызги сажени на три въ вышину и заставляя сотрясаться эту сплошную скалу. А какое изумительное разнообразіе! Нѣтъ момента, нѣтъ пункта, чтобы можно было наблюдать совершенно тождественную картину воды: форма волнъ, ихъ размѣры и очертанія, водовороты, самый видъ пѣнящейся воды здѣсь, тамъ, въ другомъ мѣстѣ—все это новое, новое и новое. На гребнѣ пѣнистыхъ волнъ, въ брильянтовыхъ брызгахъ, ниспадающихъ безпрерывнымъ дождемъ въ разныхъ мѣстахъ водопада, наконецъ въ водяной пыли, стоящей едва замѣтною дымкой надъ всѣмъ водопадомъ, тысячами цвѣтовъ, тоновъ и оттѣнковъ играетъ и переливается радуга...

Невыразимо-величественная картина природы!.. Бурное рокотаніе каскада, слышимое въ тихую ночную пору верстъ на шесть кругомъ, рѣшительно завладѣваетъ вашимъ вниманіемъ, заставляетъ вслушиваться и вдумываться въ этотъ грозный голосъ природы, какъ бы разсказывающій вамъ длинную исторію о томъ, какими усиліями проложилъ себѣ этотъ бѣшеный потокъ дорогу въ первозданной горной породѣ. Самый же видъ каскада, клокочущаго и бурлящаго на тысячу ладовъ, имѣетъ что-то магически-притягивающее васъ къ себѣ, властвующее надъ вами, порабощающее васъ своимъ величіемъ.

V.

— Такъ въ чемъ же, однако, проявляется побѣда суши надъ водою?—спроситъ читатель.

Когда ѣдешь къ Сайминскому озеру, старики-финны то и дѣло указываютъ: „Вотъ тутъ лѣтъ 25 тому назадъ могли пароходы проходить, а теперь острова", „вонъ тамъ лѣтъ десять тому назадъ начали прорѣзываться острова", „вотъ эта коса была прежде островомъ, а теперь соединяется съ берегомъ," „вонъ тѣ острова были голымъ камнемъ, и нѣтъ еще двѣнадцати лѣтъ, какъ на нихъ занялся лѣсъ." И много въ этомъ же родѣ можно услыхать интересныхъ замѣчаній.

Всѣ они сходятся къ тому, что суши постепенно прибываютъ да прибываютъ въ Финляндіи за счетъ воды. Что это означаетъ? Чѣмъ объясняется такая прибыль? Что происходитъ въ этой странѣ камня и тысячи озеръ?

Наблюденіями людей, ученыхъ, производящимися въ разныхъ мѣстахъ Финляндіи въ теченіе ста пятидесяти лѣтъ, уже вполнѣ доказано, что дѣйствіемъ подземныхъ силъ материкъ всего этого полуострова безостановочно поднимается и поднимается. Для разныхъ пунктовъ Финляндіи скорость подъема суши не одинакова; во всякомъ случаѣ, она не менѣе двухъ футовъ и не болѣе шести футовъ въ столѣтіе. Значитъ, если взглянутъ за тысячу лѣтъ впередъ, то, при условіи продолженія подъема суши въ томъ же размѣрѣ, какъ это происходитъ теперь, весь материкъ будетъ приподнятъ отъ 20 до 60 футовъ надъ уровнемъ моря.

Этотъ подъемъ во многомъ весьма существенно измѣнитъ характеръ Финляндіи. Размѣръ, напримѣръ, внутреннихъ водъ страны замѣтно сократится; море уйдетъ верстъ на десять отъ нынѣшнихъ береговъ, такъ что нынѣшніе приморскіе города должны будутъ или передвинуться за уходящимъ моремъ, или стать внутренними неприморскими городами. Наоборотъ же, общее пространство финляндской суши увеличится почти на треть, а полей и луговъ въ три раза. Болотъ останется менѣе трети нынѣшняго ихъ размѣра. Нѣкоторыя изъ озеръ совершенно пересохнутъ, обратятся въ плодородныя ложбины, на которыхъ появятся села и города, рощи, поля и луга. Нѣкоторые изъ ближайшихъ къ берегу острововъ станутъ холмами; проливы же, отдѣляющіе ихъ въ настоящее время отъ берега, обратятся въ долины съ роскошными полями и лугами, живописными озерами, изъ которыхъ будутъ выходить болѣе или менѣе бурные потоки или даже грандіозные водопады.

Напротивъ, если мы заглянемъ вдаль прошлаго Финляндіи, то, наоборотъ, чѣмъ болѣе мы будемъ уходить въ глубь временъ, тѣмъ больше найдемъ преобладанія воды надъ сушею, потому что тѣмъ меньше суши успѣло выйти изъ воды. Что, напримѣръ, могла представлять собою Финляндія пять тысячъ лѣтъ тому назадъ? Допуская, что подъемъ финляндскаго материка и въ то отдаленное время совершался въ такомъ же приблизительно размѣрѣ, какъ и теперь, можно разсчитывать, что тогда размѣръ суши былъ вчетверо меньше, чѣмъ теперь. А это означаетъ иначе, что въ то время, вмѣсто нынѣшняго Финляндскаго полуострова, было лишь нѣсколько отдѣльныхъ полуострововъ, не успѣвшихъ еще слиться между собою въ одно, а между ними разгуливало бурное, холодное море. Въ то время Финляндія чуть не круглый годъ была покрыта льдами, въ ней былъ такой же холодъ, какъ въ наше время въ Гренландіи, а также мало животныхъ и растеній, какъ и въ этой ледниковой странѣ.

Пять тысячъ лѣтъ въ жизни человѣческой—громадный періодъ; но въ жизни земного шара, давность которой совершенно безсиленъ опредѣлить умъ человѣческій,—такъ она ужасно велика,—пятитысячный періодъ времени—совершенно ничтожная величина. Зная это, имѣя понятіе о томъ, въ какомъ несчастномъ, можно сказать, совершенно мертвомъ, оцѣпенѣломъ состояніи находилась Финляндія тысячъ пять лѣтъ тому назадъ, не приходится удивляться, что Финляндскій полуостровъ, какъ сравнительно очень юная страна, все еще продолжающая образовываться, не имѣетъ еще сплошного почвеннаго слоя, который бы закрылъ собою первозданную гранитную породу.

Въ Финляндіи, какъ странѣ молодой, все еще продолжается повсемѣстное образованіе почвеннаго слоя. Вы любуетесь, напримѣръ, рослымъ старымъ лѣсомъ, густо покрывающимъ какой-нибудь холмъ; на которомъ, вдобавокъ, не видно уже и обнаженнаго гранита. Но совершенно ошибочно было бы предположить, что корни деревьевъ внѣдряются въ почву на нѣсколько аршинъ, какъ это бываетъ въ русскихъ лѣсахъ. Если вамъ тутъ же попадается вывернутое бурею столѣтнее дерево,—окажется, что на его корняхъ много, много если наберется четверти двѣ-три почвеннаго слоя. Корни едва замѣтными нитями предательски заползаютъ въ самыя малѣйшія трещины и углубленія, присасываются, такъ сказать, къ камню, болѣе и болѣе разрушаютъ физическую связь между его частями, разрыхляютъ камень, разлагающійся затѣмъ химически, и такимъ образомъ добываютъ необходимую для дерева пищу. Деревья, какъ болѣе сильные организмы, прекрасно держатся на почти обнаженныхъ

скалахъ, едва прикрытыхъ кое-гдѣ незначительнымъ почвеннымъ слоемъ; труднѣе дается эта борьба кустарнику, который ищетъ укромныхъ рвовъ и овраговъ. Травянистая же растительность, какъ самая слабосильная, не могущая вести непосредственной борьбы съ камнемъ, спускается въ ложбины.

Такъ весь финляндскій материкъ, по сравнительной недавности своего существованія, не успѣлъ даже обзавестись въ должной степени и почвеннымъ слоемъ, то тѣмъ менѣе возможности было ему припасти для человѣка другихъ естественныхъ богатствъ, въ видѣ, напримѣръ, каменнаго угля, каменной соли, мѣла, не говоря ужъ о золотѣ, серебрѣ и проч.. Чтобы могли накопиться такія богатства, требуется не пять тысячъ лѣтъ, а такой громадный промежутокъ времени, котораго мы и сосчитать не можемъ. Такимъ образомъ, замѣчательно красивая, живописная финляндская природа до крайности бѣдна. Гранитъ, лѣсъ и вода, гранитъ и лѣсъ—вотъ и все видимое, естественное богатство страны.

VI.

Но какъ же живутъ въ такой бѣдной странѣ? Какъ ни старательно занимаются финляндцы земледѣліемъ, но они все еще не въ состояніи прокормиться собственнымъ хлѣбомъ. Тщательно обрабатывая землю, финляндцы дѣятельно увеличиваютъ также и размѣръ пахоты и луговъ не только осушеніемъ болотъ, но и спускомъ озерной воды, заставляя, такимъ образомъ, озера уступать человѣку часть занимаемой ими земли. Вслѣдствіе этого, количество прикупаемаго Финляндіею хлѣба годъ отъ года уменьшается; но прикупать, однако, приходится ежегодно.

Выходитъ, что по бѣдности мѣстной природы финляндцамъ приходится покупать все, начиная съ хлѣба и соли и кончая благородными металлами (т.-е. золотомъ и серебромъ) для выдѣлки (чеканки) монетъ.

Но что же могутъ продавать финляндцы, если природа ихъ такъ бѣдна? Вотъ тутъ то и сказалась великая мудрость финляндцевъ, необычайная ихъ энергія въ борьбѣ съ суровою природой, которая даетъ право жить здѣсь только органически сильному, слабое же обрекаетъ на смерть. Финляндцы пускаютъ въ ходъ, т.-е. продаютъ рѣшительно все, что только даетъ имъ убогая родная страна и что можетъ быть создано усиліями человѣка, какъ-то: гранитъ, лѣсъ, смолу, мохъ, ягоды, корзинныя и разныя другія кустарныя издѣлія, дичь, рыбу, раковъ, молочные продукты (масло, сыръ и пр.), на-

конецъ, произведенія весьма разнообразной и очень сильно развитой фабрично-заводской промышленности.

Все это вывозится изъ Финляндіи въ другія страны въ громадныхъ количествахъ и, несмотря на ничтожную цѣнность такихъ, напримѣръ, продуктовъ, какъ мохъ, брусника, клюква, черника, корзинныя издѣлія и раки,—даже одни эти продукты даютъ ежегодно финляндцамъ десятки милліоновъ рублей. Общій же вывозъ изъ страны обильно обезпечиваетъ ее всѣмъ необходимымъ, ставитъ Финляндію въ число наиболѣе богатыхъ странъ. Добываніе средствъ такимъ путемъ, дѣлающее большую честь финляндцамъ, требуетъ, понятно, громадныхъ усилій, обращающихъ всю жизнь населенія этой маленькой страны въ одинъ безпрерывный трудъ.

Ради успѣха неустанной борьбы съ суровою природой, финляндцы не скучиваются, какъ у насъ въ Россіи, въ большія села и многонаселенные города, а болѣе и болѣе разбрасываются по странѣ, забираясь всюду, гдѣ только есть хоть малѣйшая возможность создать какую-нибудь отрасль торговли и промышленности. Большую рѣдкость, напримѣръ, составляютъ поселки въ 6—8 дворовъ; обыкновенно же живутъ „починками" (вновь образующимися селеніями) въ два-три двора.

Малонаселенность же городовъ вызываетъ съ непривычки даже удивленіе. Такъ, Гельсингфорсъ—нынѣшняя столица Финляндіи—имѣетъ около 43,000 жителей; въ Або, бывшей столицѣ, насчитывается около 23,000 жителей. Даже и эти города, не говоря ужъ о другихъ, еще менѣе населенныхъ, могутъ показаться, съ нашей русской точки зрѣнія, просто „городишками". Но въ дѣйствительности это совсѣмъ не такъ. Одна многонаселенность селъ и городовъ ровно еще ничего не значитъ: есть нѣчто несравненно болѣе высокое и болѣе важное многонаселенности—*народная предпріимчивость*. Наберется не мало русскихъ городовъ, съ населеніемъ свыше 100,000 человѣкъ, которые положительно не могутъ итти въ сравненіе съ малонаселенными финляндскими городами, положительно поражающими высокимъ развитіемъ и разнообразіемъ торгово-промышленной дѣятельности.

Вотъ, напримѣръ, малонаселенные по нашему русскому счету приморскіе финляндскіе города: Выборгъ (менѣе 15,000 жителей), Улеаборгъ (не болѣе 10,000 жит.), Ваза или Николайстадъ (менѣе 7,000 жит.) и Торнео (до 1,000 жит.); всѣ они въ отдѣльности и совокупности ведутъ буквально всесвѣтную торговлю. Ихъ прекрасныя парусныя и паровыя суда съ одинаковымъ удобствомъ посѣщаютъ главнѣйшіе приморскіе торговые города, какъ всѣхъ европей-

скихъ странъ, такъ и всѣхъ частей свѣта, до Америки и Австраліи включительно.

Отъ приморскихъ финляндскихъ городовъ не отстаютъ и внутренніе города.

VII.

Словомъ, мы видимъ въ этой странѣ громадную предпріимчивость, которой положительно нельзя не удивляться, тѣмъ болѣе, что Финляндія въ сущности очень маленькая страна,—опять-таки по нашей русской мѣркѣ.

Финляндія занимаетъ около 324,000 кв. верстъ. Значитъ, страна эта менѣе Вологодской губерніи, площадь которой составляетъ около 353,350 квадратныхъ верстъ, и далеко менѣе половины Архангельской губерніи, протяженіе которой равняется 740,366 квадратнымъ верстамъ. Населеніе же въ Финляндіи считается немного болѣе 2.100,000 человѣкъ, тогда какъ въ Россіи есть много губерній, численность населенія которыхъ превышаетъ эту цифру.

Маленькая Финляндія, называемая иначе Великимъ Княжествомъ Финляндскимъ, подвластна Россія почти уже 80 лѣтъ. Княжество это подраздѣляется на восемь губерній, въ которыхъ считается въ общей сложности до сорока городовъ. И каждый изъ этихъ городовъ, какъ бы онъ ни былъ малъ, непремѣнно играетъ болѣе или менѣе замѣтную роль въ торгово-промышленномъ отношеніи, то улучшая производство, то изобрѣтая новые предметы торговли, то отыскивая въ чужихъ краяхъ новые рынки для сбыта всего того, что даетъ бѣдная мѣстная природа и что позволяетъ она приготовить человѣку своими руками.

Энергія и предпріимчивость этой маленькой сторонки просто изумительна. Но такое великое благо какъ народная предпріимчивость, не является само собою на свѣтъ: она бываетъ лишь спутницей образованія, которое освѣщаетъ передъ нею путь, вооружаетъ ее всѣмъ необходимымъ для борьбы и умѣло направляетъ впередъ и впередъ къ завоеваніямъ все большаго успѣха.

Финляндія, дѣйствительно, очень образованная страна. Все мужское и женское населеніе страны поголовно грамотно и исповѣдуетъ христіанскую вѣру; прошло болѣе полувѣка уже, какъ между кореннымъ населеніемъ этой страны (финнами, шведами и лопарями) вовсе нѣтъ ни безграмотныхъ, ни язычниковъ. Вся финляндія, можно сказать, покрыта средними и низшими училищами, и каждый, желающій обучаться наукамъ или какому-нибудь ремеслу, находитъ

свободный доступъ въ школу. Кромѣ того, маленькая Финляндія, имѣетъ слѣдующія высшія учебныя заведенія: университетъ, училища мореплаванія, кораблестроенія и технологіи; высшее сельско-хозяйственное училище; наконецъ, политехникумъ, т.-е. такое учебное заведеніе, въ которомъ обучаютъ наукамъ, необходимымъ для устройства фабрикъ и заводовъ, постройки желѣзныхъ дорогъ и проч.

Но и это еще не все. Чтобы бѣдность не мѣшала маленькимъ дѣтямъ научиться грамотѣ, по деревнямъ ходятъ учителя, которые и обучаютъ дѣтей чтенію, письму и счету, такъ что имъ не надо и въ школу ходить. Чтобы бѣдность не мѣшала взрослымъ людямъ научиться ремесламъ, изъ деревни въ деревню переходятъ учителя другого рода, обучающіе желающихъ ремесламъ. Наконецъ, по деревнямъ же разъѣзжаютъ и особаго рода учительницы, которыя обучаютъ деревенскихъ женщинъ, какъ нужно ухаживать за домашнимъ скотомъ и обращаться съ молокомъ, чтобы получить изъ него наибольшую прибыль.

Вотъ потому-то и спорится въ рукахъ финляндцевъ всякая работа, что они вооружены грамотностью и практическими знаніями, необходимыми въ хозяйственномъ быту. Знаніе и есть та чудесная, созидательная сила, которая на каждомъ шагу поражаетъ въ Финляндіи. Знаніе въ сотни разъ увеличиваетъ силы этой горсти населенія, разбросанной по суровому краю. Жестокая природа разъединила между собою населеніе, а знаніе дало ему возможность объединиться и научило его сообща работать на пользу общую: прокладывать лучшія въ мірѣ шоссейныя дороги, густою сѣтью покрывающія всю эту страну, сооружать грандіозные каналы, строить прекрасныя желѣзныя дороги, создавать новыя и новыя производства и т. д.

Гдѣ бы ни поселился финляндецъ, онъ, благодаря своимъ знаніямъ, толково, съ пользой для себя и другихъ, добываетъ себѣ средства, изъ всего, что попадается ему подъ руку. Камень, дерево, прутья, кора, растительное волокно, волосъ, шерсть, щетина, кожа, рогъ, кость, раковины, рыбья и раковая чешуя,—все это въ умѣлыхъ рукахъ сельскаго ремесленника обращается въ разныя подѣлки, имѣющія недурной сбытъ. Только при помощи такой замѣчательной опытности и умѣлости въ трудѣ оказалось возможнымъ для финляндцевъ создать себѣ безбѣдное существованіе тамъ, гдѣ природа какъ бы намѣренно разсчитала все, чтобы уморить человѣка голодною смертью.

VIII.

Сознавая истинную цѣну образованія, какъ самой могущественной силы въ жизни народа, финляндцы считаютъ образованіе главною, первѣйшею потребностью жизни и не жалѣютъ средствъ на большее и большее распространеніе его въ массѣ населенія. И замѣчательно, что этотъ расходъ очень быстро возвращается сторицею—въ видѣ явнаго роста народной производительности и торговли, замѣтнаго улучшенія народнаго благосостоянія.

Нужно замѣтить, что въ недалекомъ еще прошломъ Финляндія страшно голодала. Такъ, въ 1808 и 1809 годахъ изъ 900,000 человѣкъ, составлявшихъ тогда населеніе Финляндіи, умерло отъ голода 105,000 человѣкъ. Начиная съ этого, можно прослѣдить, какъ, по мѣрѣ возрастанія расходовъ на нужды просвѣщенія, т.-е. по мѣрѣ распространенія образованія въ населеніи, постепенно улучшалось народное благосостояніе. И, наконецъ, въ настоящее время Финляндія, достигнувъ высокаго уровня образованности, представляетъ уже страну не только вполнѣ благоустроенную, но и замѣчательную по своему достатку и зажиточности.

Зажиточность Финляндцевъ чувствуется на каждомъ шагу, но не бросается, однако, въ глаза, потому что они живутъ очень скромно. Попадешь ли въ большой или маленькій финляндскій городъ, онъ не поразитъ ни затѣйливостью и богатствомъ построекъ, ни ихъ громадностью. Но маленькіе, одно-двухъэтажные домики, деревянные или каменные, довольно широко другъ отъ друга поставленные, обильно укутанные зеленью, замѣчательно опрятно содержимые, имѣютъ весьма нарядный видъ и производятъ чрезвычайно пріятное впечатлѣніе своею изящною простотой.

Эта же черта свойственна и всей сельской Финляндіи. Выберите самую бѣдную избушку и войдите въ нее. Васъ не оттолкнутъ неряшество, неопрятность, зловоніе: все чистенько, прибрано, даже уютно. Будь это даже убожество, вамъ не противно будетъ сидѣть на безукоризненно-чистой лавкѣ, скамьѣ или табуреткѣ. Столъ, покрытый грубою полотняною скатертью, не мѣшаетъ вашему аппетиту. Деревянная и глиняная посуда такъ безукоризненно чиста, что вамъ не вздумается перемывать ее. Въ самомъ отдаленномъ углу Финляндіи едва ли можно найти семью, у которой не было бы Библіи или по крайней мѣрѣ Новаго Завѣта. Воскресный день свято чтится. Въ этотъ день старѣйшій въ родѣ читаетъ слово Божіе, остальные же члены семьи внимаютъ ему.

Поселки—будетъ ли въ нихъ много или мало дворовъ—производятъ пріятное впечатлѣніе своимъ опрятнымъ видомъ: улицы и проулки выметены; около дворовъ нѣтъ навозныхъ кучъ. Дворы, огороды, поля, луга и даже лѣсъ обыкновенно обгорожены. И чѣмъ болѣе углубляешься внутрь страны, тѣмъ болѣе поражаетъ этотъ порядокъ и чистота, доведенные почти до изящества; особенно строго соблюдается это въ отношеніи одежды. Какъ бы ни былъ бѣдно одѣтъ поселянинъ, костюмъ его безупречно опрятенъ, такъ что самую эту бѣдность можно назвать изящною.

Это уже такая степень народнаго развитія и образованія, которая переходитъ въ благовоспитанность. Дѣйствительно, финляндцы—народъ трезвый и замѣчательно честный. Ни въ городахъ, ни въ деревняхъ никогда не бываетъ на улицахъ безшабашнаго разгула, непривычнаго шума, дракъ и проч. Воровство, грабежъ, а тѣмъ болѣе разбой, представляютъ въ высшей степени рѣдкое явленіе, почти совсѣмъ неизвѣстны въ этой странѣ. Каждый простой сельскій финляндецъ держитъ себя съ большимъ достоинствомъ: онъ ни самъ не оскорбитъ другого и не позволитъ другому оскорбить себя, потому что сознаетъ свои человѣческія права и обязанности.

Каждый поселокъ, въ какой бы дали онъ ни находился, хорошо знаетъ, что такое газета. Онъ непремѣнно получаетъ маленькую, дешевую мѣстную газетку, по которой слѣдитъ за тѣмъ, что дѣлается на Божьемъ свѣтѣ. Черезъ эту газетку онъ узнаетъ, какія въ данный моментъ цѣны на разные продукты и кому можно сбыть имѣющіеся запасы. Въ Финляндіи большой запросъ на печатное слово; въ этой маленькой странѣ, кромѣ книгъ, выходятъ въ годъ болѣе шестидесяти періодическихъ изданій, т.-е. газетъ и журналовъ, что очень много для двухмилліоннаго населенія.

Поэтому въ Финляндіи совершенно нѣтъ того, что называется захолустьемъ, куда не доходитъ вѣстей о томъ, что дѣлается на Божьемъ свѣтѣ. Куда бы вы ни забрались въ этой странѣ, вы будете чувствовать, что находитесь въ образованной странѣ. Наилучшее состояніе дорогъ, видъ селъ и городовъ, поведеніе населенія и его образъ жизни—все это само собою уяснитъ вамъ, что вы имѣете дѣло съ образованною страной и образованными людьми.

Финляндцы—народъ молчаливый, сосредоточенный. Но, несмотря на угрюмый видъ, носящій на себѣ какъ бы отпечатокъ внѣшней природы, они отличаются большою добротой и глубокою сердечностью. Главная же отличительная черта финляндцевъ—непоколебимая твердость характера, чѣмъ они какъ бы соперничаютъ со своими гранитными скалами. Финляндца очень трудно вывести изъ

себя; онъ для этого достаточно благовоспитанъ и умѣетъ владѣть собою, сдерживать себя. Но, будучи выведенъ, наконецъ, изъ терпѣнія, онъ бѣшенъ и грозенъ, какъ водопадъ.

М. Песковскій.

Поѣздка къ Иматрѣ.

Въ 6 часовъ вечера, 16 іюня 1887 года, я выѣхалъ изъ Петербурга по желѣзной дорогѣ въ Финляндію.

Уже на вокзалѣ дороги повѣяло на меня чѣмъ-то чужимъ, незнакомымъ. Всюду, рядомъ съ русскими объявленіями и надписями, бросаются въ глаза другія, написанныя на шведскомъ и финскомъ языкахъ, дорожная прислуга едва говоритъ по-русски, но необычайно вѣжлива и предупредительна.

Заплатилъ я полтора рубля и сѣлъ въ вагонъ 3-го класса. Смотрю—все отмѣнно опрятно, хотя и просто. Стѣны и лавки такъ и лоснятся масляною краской; подумаешь, что все это сдѣлано только вчера.

Поѣхали тоже не по-русски. Поѣздъ идетъ быстро и ровно, съ точностью хронометра приходитъ на станціи, стоитъ на нихъ ровно сколько назначено по расписанію и подходитъ къ Выборгской платформѣ какъ разъ въ тотъ моментъ, когда часы показываютъ 9 часовъ 50 минутъ. Отъ Петербурга до Выборга 120 верстъ,—значитъ, мы проѣзжали болѣе 30 верстъ въ часъ: скорость которою насъ балуютъ въ остальной Россіи далеко не всѣ поѣзда.

Ѣду я и посматриваю въ окна. Проѣхали уже нѣсколько станцій, но въ окружающей природѣ нѣтъ ничего новаго: та же равнина, что гдѣ-нибудь въ Тверской губерніи, и на ней лѣсъ и лѣсъ.

Но за то въ людяхъ перемѣна. Вмѣсто родного языка слышится въ вагонѣ и на станціяхъ непонятное нарѣчіе, которому внемлешь съ неудовольствіемъ, ибо видишь кругомъ знакомую природу, гдѣ съ дѣтства привыкъ слышать русскую рѣчь. Эти кудрявыя бѣлоствольныя березы, эти прямыя, какъ свѣчи, сосны, эти цвѣты, что разсыпаны по полю, эта необъятная для взора равнина — какъ все это знакомо и дорого мнѣ! Какъ непріятно рѣжетъ ухо диссонансъ между шепотомъ милаго лѣса и чуждымъ мнѣ говоромъ бѣлокураго, бѣлоглазаго финна.

Мы проѣхали станціи: Удѣльную, Шувалово, Парголово, Леваешо, Бѣлоостровъ, Теріоки, Райвала, Нюкирки, Паркяви, Голицыны, и въ окружающемъ ландшафтѣ нѣтъ ничего новаго. Но отъ Голицына до Сейніо и отъ Сейніо до Выборга вамъ уже ясно, что вокругъ васъ не Тверская губернія, а какой-то другой, незнакомый край. Почва хотя и остается все тою же песчаною и глинистою, но здѣсь она буквально усѣяна гранитными камнями разной величины, начиная съ очень маленькихъ до гигантовъ съ крестьянскую избу. Эти сѣрые, угловатые „валуны“ неуклюже торчатъ изъ земли посреди лѣса, какъ бы сознавая, какъ странны они посреди такой вовсе не гористой мѣстности.

Занятый разсматриваніемъ картины, мелькавшей мимо оконъ вагона, я и не замѣтилъ, какъ прошло время и мы пріѣхали въ Выборгъ. Беру чемоданъ, выхожу на крыльцо вокзала, вижу — стоятъ ряды довольно приличныхъ экипажей. Думаю—извозчики. Подхожу къ одному изъ нихъ. „Вези,—говорю,—въ гостиницу, какая получше.“ Не понимаетъ. Я къ другому — то же самое. „Вотъ тебѣ,—думаю,—и путешествіе по Россіи!“ Наконецъ, нашелся такой возница, который догадался чего я хочу. Но этотъ посылаетъ меня за какимъ-то билетомъ. „Билетъ, билетъ,“—твердитъ онъ на всѣ мои вопросы и доводы, указывая на стоящаго при вокзалѣ полицейскаго. Я къ нему. „Что это за билетъ такой нужно мнѣ взять для того, чтобы получить право ѣхать на извозчикѣ?“—Оказывается, что полицейскій забралъ у всѣхъ стоявшихъ здѣсь извозчиковъ ихъ жестяныя бляхи съ номерами и выдаетъ ихъ пріѣзжимъ, по ихъ требованію. Взялъ я бляху, иду къ извозчику. „Сколько,—спрашиваю,—ты съ меня возьмешь?“ —„30 пенни,“ — отвѣтилъ финнъ. Я, конечно, ничего не понимаю. „Да ты мнѣ скажи, сколько копеекъ, —я твоихъ пенни не знаю.“ А онъ плохо знаетъ мои копейки. Я опять къ полицейскому. Тотъ посовѣтовалъ мнѣ ѣхать въ гостинницу „Стокгольмъ,“ какъ ближайшую, и дать извозчику гривенникъ.

Пріѣхалъ я въ „Стокгольмъ,“ который оказался совсѣмъ близехонько, и нанялъ чистый номерокъ за три марки въ сутки. Финская марка должна по настоящему равняться 25 к., но при нынѣшнемъ упадкѣ цѣнности нашихъ денегъ она равна цѣлымъ 36 копейкамъ. Марка раздѣляется на 100 пенни. „Такъ вотъ что значатъ эти пенни,“—подумалъ я, когда мнѣ объяснили финскія деньги въ гостинницѣ.

Итакъ, я нанялъ чистый номерокъ. Впрочемъ, чисто-то здѣсь хоть и чисто, хоть обои совсѣмъ новые, хоть полъ какъ будто сей-

часъ только вымытъ, а окна и двери такъ и блестятъ лакомъ и бѣлизною, но въ красивой обивкѣ дивана я открылъ цѣлыя сонмища клоповъ, а въ одномъ углу комнаты лоснился, „какъ черносливъ," большой тараканъ.

— Пока это еще Россія,—подумалъ я съ удовольствіемъ.

II.

Губернскій городъ Выборгъ, по-фински Viipuri, расположенъ въ концѣ обширной бухты или, вѣрнѣе, фіорда, и отъ него до Финскаго залива далеко — верстъ 30. Фіордъ очень красивъ, особенно тамъ, гдѣ онъ расширяется, на окраинахъ города. Но напрасно стали бы мы искать въ немъ признаковъ моря: вода его совсѣмъ прѣсная, и нѣтъ въ ней ни морскихъ травъ, ни странныхъ рыбъ, ни красивыхъ раковинъ, которыхъ я ожидалъ, вспоминая счастливые дни, нѣкогда проведенные мною въ Тавридѣ. Нѣсколько парусныхъ судовъ и небольшихъ пароходиковъ покачивались на его волнахъ. Мнѣ хотѣлось набросать въ альбомъ видъ двухмачтовой шкуны, стоявшей возлѣ самаго берега. Увидя, что я рисую, медлительный, бѣлокурый шведъ тотчасъ же озаботился привести реи и снасти въ надлежащій порядокъ и потомъ долго смотрѣлъ на мою работу, какъ бы слѣдя, вѣрно ли я передаю дорогой ему корабликъ.

На маленькомъ островѣ залива возвышается старинная черная башня, сложенная отчасти изъ гранита, отчасти изъ кирпича. Она построена еще шведами, Богъ знаетъ когда, и съ нея можно было обстрѣливать окрестность на большое разстояніе. Очевидно, что она защищала Выборгъ со стороны моря, а съ суши его окружаетъ рядъ укрѣпленій, сложенныхъ изъ неправильныхъ глыбъ гранита, со рвами, желѣзными воротами и проч. Прежде Выборгъ былъ первоклассною крѣпостью Финляндіи.

Большинство зданій Выборга красивы и прочны. На нихъ, какъ и на всемъ городѣ, лежитъ отпечатокъ какой-то добросовѣстной аккуратности, стремленія устроить свою жизнь получше, поудобнѣе. Мнѣ особенно нравятся эти деревянные, красивые дома, солидно построенные на гранитныхъ фундаментахъ. На окнахъ цвѣты, внутри красивая мебель, порядокъ, чистота.

Хорошъ также и общественный садъ, который своимъ свѣжимъ видомъ такъ отличается отъ нашихъ московскихъ бульваровъ. Что за роскошная, яркая мурава, что за прекрасныя деревца, политыя и подвязанныя трудолюбивою рукой финна!

Но мнѣ все что-то странно и непривычно въ этомъ чистомъ городкѣ. Этотъ незнакомый говоръ, эти незнакомыя газеты на шведскомъ и финскомъ языкахъ, этотъ счетъ времени 12-ю днями впередъ, этотъ тихій, нелишенный пріятности, звонъ башенныхъ часовъ, что раздается отъ времени до времени, эта учтивость и предупредительность, которыми такъ не избалованы мы, русскіе, — все заставляетъ меня забывать, что я въ русской странѣ, всего въ какихъ-нибудь 120-ти верстахъ отъ столицы Русскаго государства.

Ночи стоятъ здѣсь тоже для меня невиданныя: я совсѣмъ забылъ, что значитъ ночь, точно достигъ сѣвернаго полюса, какъ капитанъ Гатрасъ. Въ первомъ часу можно свободно писать безъ всякаго искусственнаго освѣщенія, просто сидя у окна. Съ непривычки странно взглянуть на городъ, когда часы показываютъ глубокую полночь, и видѣть, что всѣ дома и заливъ освѣщены совершенно дневнымъ, розовымъ свѣтомъ. Ни словомъ, ни кистью нельзя передать тонкую, неуловимую прелесть этого ночного ландшафта. Небо безоблачно, но на немъ нѣтъ ни одного свѣтила — ни солнца, ни звѣздъ, ни мѣсяца. А между тѣмъ — свѣтло, какъ днемъ. Каждый предметъ освѣщенъ одинаково со всѣхъ сторонъ, и сверху и съ боковъ, какъ будто всѣ предметы сами свѣтятся собственнымъ сіяніемъ, никуда не кидая отъ себя тѣни. Такъ всю ночь. Наконецъ, на сѣверо-востокѣ, почти совсѣмъ на сѣверѣ, небо еще болѣе свѣтлѣетъ, алѣетъ, и вотъ медленно выкатывается изъ-за горизонта красное солнце. Оно свѣтитъ сначала такъ осторожно, такъ ласково, что можно прямо смотрѣть на него, но уже и при этомъ румяномъ свѣтѣ просыпается природа, заснувшая было на короткое время сѣверной ночи...

III.

Вечерѣетъ. Я сижу на крылечкѣ маленькаго ветхаго домика. Наивныя веселыя лица дѣтей, мальчиковъ и дѣвочекъ, съ восторгомъ слѣдятъ за работой моего карандаша. Дѣти смѣются, говорятъ что то другъ другу, говорятъ что-то и мнѣ, но я не понимаю ни слова. Какъ жаль, что мнѣ не знакомъ ихъ бѣдный языкъ! Тогда я узналъ бы и полюбилъ этихъ маленькихъ обитателей суровой Финляндіи. Ихъ занимаетъ, какъ на бумагѣ выходитъ лошадь и таратайка, которыхъ я срисовываю въ мой альбомъ. По ихъ крикамъ и движеніямъ я ясно вижу, что они отлично понимаютъ малѣйшую подробность моего рисунка. Вотъ я забылъ нарисовать ремешекъ у сбруи, и бѣлокурый мальчуганъ молча показываетъ мнѣ пальцемъ на этотъ

ремешекъ и смотритъ такъ серьезно, такъ вопросительно, что я спѣшу исполнить его желаніе.

Въ толпѣ совершенно бѣлокурыхъ дѣтей я вижу черноглазую дѣвочку. Я зову ее къ себѣ, показывая знаками, что она черезъ нѣсколько минутъ можетъ появиться у меня на бумагѣ, но она застыдилась и спряталась въ толпѣ, при громкомъ смѣхѣ окружающихъ.

Мальчуганы смѣлѣе: они уже рѣшились брать въ руки мои карандаши, перочинный ножъ, резинку. Я говорю имъ, какъ назыв́аются эти вещи по-русски; они повторяютъ: „каррандашъ, каррандашъ!“ слышится сдержанный шепотъ. Одинъ изъ мальчиковъ, при первомъ моемъ желаніи, сталъ передо мною неподвижно, какъ статуя, и стоялъ все время, пока я рисовалъ его. Такой славный! Съ виду и не у́знаешь, что не русскій.

Но близъ меня есть и взрослые, и старики, и женщины. Всѣ очень заинтересованы моею нехитрою работой. Я предлагаю папироску одному изъ нихъ, и онъ, вытаращивъ глаза, принимаетъ ее съ поклономъ.

А кругомъ, по лѣсамъ, по гранитнымъ камнямъ, идетъ гармоническій звонъ. Вотъ показалось небольшое стадо; почти у каждой коровы и овцы надѣтъ ошейникъ съ колокольчикомъ, и она тихо идетъ, вся облитая золотыми лучами солнца, и звонитъ, звонитъ...

А спустя полчаса я пью чай со старухой финнкой, принявшею меня столь привѣтливо,—чай съ густыми сливками, съ незамѣнимою приправой этого тихаго, успокоительнаго воздуха.

Да, на душѣ такъ хорошо, такъ тихо. Я такъ чуждъ всему кругомъ, что могу спокойными глазами смотрѣть на бѣдность этихъ людей и на скудность ихъ природы. Что мнѣ до нихъ? Я здѣсь какъ человѣкъ спустившійся на воздушномъ шарѣ: нынче сижу съ этими людьми и объясняюсь, какъ умѣю, завтра сѣлъ въ свою ладью и— былъ таковъ.

Какая дичь, какая глушь вокругъ! Холмистáя даль, дремучіе лѣса, гранитныя мшистыя глыбы. Какъ и чѣмъ можетъ жить человѣкъ посреди такой непривѣтной природы, въ такомъ климатѣ, почти полярномъ? Я вижу (крохотныя) пашни, съ трудомъ взрытыя посреди древесныхъ пней и камней и заботливо обнесенныя изгородями; я вижу небольшія луговины, тоже среди лѣсовъ и гранитовъ и тоже старательно огороженныя. Тамъ зрѣетъ рожь и ячмень, но успѣютъ ли дозрѣть?... Здѣсь пасутся коровы и овцы.

Такъ, человѣкъ и здѣсь нашелъ средство жить впроголодь, но не умирать съ голоду.

Но вѣдь придетъ зима,—а зима здѣсь стоитъ чуть не полгода, —что тогда будетъ съ этою глушью, съ этою дичью? Что тогда будетъ дѣлать этотъ простякъ финнъ? Занесетъ снѣгомъ его избушку, и поди отрывайся изъ-подъ него, а до сосѣда далеко, не то что у насъ, гдѣ крестьяне живутъ большими деревнями. Здѣсь люди разбрелись кто-куда и живутъ маленькими кучками, домика въ два, въ три. И холодно, и голодно, и пустынно.

Но гостепріимная хозяйка приготовила уже мнѣ постель. Часы показываютъ ночь, хотя ночи нѣтъ въ дѣйствительности. Пора!

И спалъ я такъ долго, такъ крѣпко, какъ давно уже не спалъ. Высоко поднялось солнце и жаворонки давно звенѣли и заливались въ неподвижномъ тепломъ воздухѣ, когда я вышелъ, наконецъ, на крыльцо.

IV.

Такъ писалъ я на второй станціи по дорогѣ къ Иматрѣ, гдѣ остановился ночевать. Теперь, въ уютномъ номерѣ Иматрской гостинницы, подъ немолчной гулъ водопада, запишу все по порядку.

Двухъ дней было вполнѣ довольно, чтобы разсмотрѣть Выборгъ и его окрестности; меня тянуло дальше, въ глубь страны. И надумался я прокатиться на параходѣ по Сайминскому каналу. Пароходъ отходитъ въ 8 часовъ утра. Просыпаюсь — дождь, все небо въ тучахъ. Что тутъ дѣлать? Приходилось сидѣть въ четырехъ стѣнахъ моего номера. Я былъ въ отчаяніи.

Проходитъ часовъ пять, и вдругъ небо разъясняется, показывается солнце. Ѣхать на пароходѣ поздно. Ну, думаю, поѣду на лошедяхъ на Иматру, и поѣхалъ.

Мнѣ дали добрую лошадку, запряженную въ маленькую телѣжку, которая должна довезти меня до первой станціи. Положилъ я чемоданъ, сѣлъ, мальчикъ-финнъ усѣлся рядомъ, и мы покатили по влажной, только-что смоченной обильнымъ дождемъ дорогѣ.

До Иматры около 60 верстъ, и на этомъ пути три станціи, четвертая Иматра. Плата — 10 пенни съ версты. Дорога какъ скатерть; нигдѣ, на всемъ пути, ни ямки, ни камешка. Усыпанная крупнымъ пескомъ, который получается отъ разрушенія особаго сорта гранита (рапакиви, гнилой камень), она, очевидно, заботливо поддерживается. Ни пыли, ни грязи тутъ быть не можетъ. Мосты вездѣ прочные, красивые. На перекресткахъ наставлены столбы съ

надписями по-шведски и фински, куда ведетъ каждая дорога. Станціи вымыты и выскребены до-нельзя. Въ нихъ всегда можно найти и чистую постель, и пищу за недорогую, опредѣленную таксой цѣну.

Ѣхалъ я въ экипажѣ особаго рода, какіе едва ли есть гдѣ еще въ Россіи. Это двухколесная таратайка въ одну лошадь. Не знаю, удобна ли она по другимъ дорогамъ, но здѣсь это такая прелесть, что и представить себѣ нельзя. Извозчикъ финнъ погоняетъ себѣ лошадку, и мчишься стрѣлою по гладкой дорогѣ. Ѣзда почти беззвучна по мягкому щебню, и только маленькій колокольчикъ подъ шеей лошади звенитъ, но не раздражаетъ нервы, какъ нашъ валдайскій. А кругомъ все новыя и новыя картины. Право, я всегда жалѣлъ, когда подъѣзжалъ къ станціи, хотя ѣхалъ на Иматру.

По обѣ стороны дороги все время, почти не прерываясь, стѣною стоитъ свѣжій густой лѣсъ. Сосна, береза, ель — вотъ самыя обыкновенныя деревья. Мѣстами, опрокинутая бурей ель оторвала на своихъ корняхъ всю почву, на которой росла и держалась, и тогда видно, что эта почва тонкою корой лежала на голомъ гранитѣ. Иныя сосны растутъ и прямо на камнѣ, совсѣмъ безъ земли, запустивъ свои корни въ его трещины. Посреди темной зелени сосенъ притаились огромныя гранитныя глыбы, разбросанныя въ прихотливомъ и чудномъ безпорядкѣ. Горъ нѣтъ, но эти глыбы — цѣлыя горы въ миніатюрѣ. Онѣ то отвѣсными стѣнами высятся надъ обрывомъ, то предступаютъ къ водѣ озера, то лежатъ въ его волнахъ небольшими островками, то, обросшія мохомъ, угрюмо смотрятъ на васъ изъ темноты лѣсовъ.

Финны живутъ вразбросъ. То тамъ, то здѣсь попадаются по два, по три домика, очень похожіе на русскія избы, но крытые, не знаю почему, не тесомъ и не соломой, а круглыми палками, подъ которыми лежитъ кора. Иногда поверхъ палокъ разбросано нѣсколько гранитныхъ камней, какъ будто финнъ старается копировать видомъ своего жилья родную природу. Тѣ, кто позажиточнѣе или, можетъ-быть, поприлежнѣе, дѣлаютъ крышу изъ коротенькихъ лучинокъ, накладывая ихъ, какъ черепицу. Такая крыша легка и очень долговѣчна.

Финнъ одѣвается въ суконную куртку, суконный жилетъ съ мѣдными пуговками и суконныя панталоны, которыя у него никогда не засовываются въ голенища сапогъ. Грубое полотно его рубашки съ большими отложными воротничками, обыкновенно, довольно чисто. Мнѣ часто встрѣчались эти люди по дорогѣ. Они ѣздятъ или въ таратайкахъ, или въ маленькихъ телѣжкахъ съ желѣзными осями и не на такихъ чудовищныхъ колесахъ, на какихъ катаются на-

ши крестьяне по глубокимъ рытвинамъ и лужамъ своихъ дорогъ. Важно сидитъ безбородый и безусый финнъ, съ коротенькимъ чубукомъ трубки въ зубахъ, и правитъ круглою лошадкой; рядомъ съ нимъ его жена, а сзади, за сидѣньемъ, лежитъ въ таратайкѣ какая-нибудь кладь. Встрѣчаясь, мужчины привѣтливо снимаютъ шляпы и кланяются.

V.

Былъ жаркій полдень, когда я подъѣхалъ къ гостинницѣ „Иматра“. Нарочно сдерживалъ я въ себѣ нетерпѣніе, чтобы, отдохнувъ, полнѣе насладиться предстоящими впечатлѣніями, и сталъ разсматривать зданіе гостинницы. Какъ все красиво, удобно! Деревянный домъ съ террасами, съ балкончиками, съ большими свѣтлыми окнами, весь убранъ зеленью и цвѣтами. За 1 рубль въ сутки, мнѣ дали небольшую комнатку со всѣми удобствами цивилизованной жизни. Здѣсь я умылся и переодѣлся, привелъ въ порядокъ мои дорожныя вещи, а самъ все прислушивался, — комната была полна грохотомъ водопада, который гдѣ-то тутъ, близко.

Вхожу въ большую общую залу. Тамъ нѣсколько пріѣзжихъ изъ Петербурга франтовъ усердно заняты ѣдой. Выхожу на террасу, вижу — сквозь деревья мелькаетъ что-то бѣлое, ревущее. Тутъ ужъ я со всѣхъ ногъ пустился по дорожкѣ къ бесѣдкѣ.

Рѣка Вуокса, выбравшись изъ этого гигантскаго сплетенія озеръ, изъ этого резервуара чистой, какъ хрусталь, воды, называемаго Саймой, течетъ, прозрачная и широкая, посреди лѣсовъ и бѣдныхъ финскихъ селеній. Безпрестанно заграждаютъ ея пороги, и вдругъ каменные пласты заставили течь рѣку на пространствѣ около 1/4 версты по сильно наклоненной щели, шаговъ въ 50 шириной, стиснувъ ея свѣтлыя воды чудовищными черными глыбами гранита. Рѣка съ бѣшенымъ ревомъ устремляется въ эту тѣснину, прыгаетъ и воетъ, какъ дикій звѣрь, высоко подбрасывая гребни волнъ и снопы брызгъ, вся бѣлая отъ пѣны, сверкая красками радуги, обдавая дождемъ береговыя скалы. Какихъ только звуковъ не слышишь въ этой дикой музыкѣ: тутъ и громъ, и вой, и плачъ, и шумъ лѣса, и стоны.

Такова Иматра. Это не водопадъ, это порогъ, но другого такого порога, конечно, нѣтъ на свѣтѣ. Черезъ знаменитые Днѣпровскіе пороги искусный лоцманъ можетъ провести нагруженную барку, но сохрани Богъ попасть лодкѣ въ это теченіе, столь быстрое, что голова кружится при его видѣ. Большая ель, брошенная въ Иматру моментально и навѣки исчезаетъ въ ея кипящей пучинѣ.

Всѣ говорятъ, что видъ на Иматру лучше съ другой стороны, противоположной гостинницѣ. Перебраться туда можно очень скоро, но страшновато. Дѣло въ томъ, что черезъ рѣку, черезъ грохочущія стремнины водопада, перекинутъ, высоко надъ ними, проволочный канатъ и на немъ виситъ легкая ивовая корзина. Въ корзинѣ стоятъ два плетеные стула. Работникъ вертитъ на берегу деревянный валъ, и корзина скользитъ на двухъ блокахъ вдоль по канату, который при этомъ страшно изгибается внизъ. Я все ждалъ, не отправится ли кто изъ пріѣзжихъ франтовъ въ этой корзинѣ на ту сторону, но никто не рѣшался. „Дѣлать нечего,—думаю,—надо отправиться самому." Осмотрѣлъ способъ укрѣпленія каната на берегу: вижу—вбитъ въ гранитную глыбу желѣзный болтъ и къ нему привязанъ канатъ. Потомъ этотъ канатъ перекинутъ черезъ деревянную перекладину на столбахъ и идетъ на другой берегъ. Осмотрѣлъ корзину: кажется, прочная. Попробовалъ рукой: качается изъ стороны въ сторону, что твоя качель. „Что,—думаю,—какъ голова закружится?"... Но изъ корзины упасть нельзя: дверцы можно задвинуть и сиди себѣ тамъ. Если сдѣлается дурно, упадешь на дно,— но не на дно Иматры, а на дно корзины. Отправляюсь!

Купилъ билетъ, заплатилъ за него около двухъ марокъ, и пошелъ къ корзинѣ. Жду. Сердце бьется неровно. Страшно. А Иматра прыгаетъ, воетъ и веселится внизу и лижетъ „голодною волной" почернѣвшія скалы.

Вижу, спускается по лѣстницѣ работникъ. Я посмотрѣлъ на него какъ на палача и молча сѣлъ въ свой странный экипажъ. Проходитъ минутъ пять, а мнѣ кажется что это цѣлыхъ полчаса. Работникъ медлитъ, прилаживаетъ спутавшіяся веревки „Не выйти ли,—думаю,—назадъ?"

Но вотъ корзина закачалась, и я повисъ надъ стремниной... Оказалось, впрочемъ, что ожиданіе страха страшнѣе самого страха, и я довольно спокойно взглянулъ на прыгающія волны. Только дѣлать это нельзя безнаказанно,—голова сейчасъ начинаетъ кружиться. Поэтому я старался смотрѣть на лѣсистые берега рѣки. А корзина, нѣтъ-нѣтъ да и остановиться,—и виситъ, покачиваясь, на изогнутомъ канатѣ.

Минутъ черезъ пять я вышелъ на берегъ. Дѣйствительно, если сойти немного внизъ по рѣкѣ и стать на камни, какъ разъ противъ того мѣста, гдѣ на противоположномъ берегу сдѣлана бесѣдка въ видѣ навѣса на столбѣ, то здѣсь водопадъ гораздо грандіознѣе. Главный напоръ и бѣшенство волнъ — здѣсь, у насъ подъ ногами. Въ двухъ шагахъ отъ васъ, изъ нѣдръ быстро несущейся рѣки,

вырываются блестящія массы крупныхъ брызгъ и взлетаютъ, блестя на солнцѣ; вы чувствуете, какъ мелкій дождь орошаетъ ваше лицо и руки. Здѣсь рѣка дѣлаетъ послѣднее усиліе, чтобы вырваться изъ тѣснины и потомъ, поднимаясь огромными волнами, разливается по болѣе широкому и спокойному мѣсту.

Назадъ пустился я ужъ безъ страха, но забылъ задвинуть дверцу. корзины, въ чемъ дорогой пришлось раскаяться: сквозь нее была видна рѣка внизу, и глаза невольно взглядывали туда, какъ я ни старался смотрѣть въ другую сторону. Я чувствовалъ все усиливавшееся головокруженіе и не имѣлъ силы задвинуть дверцу. Однако-жъ все обошлось благополучно, и я остался цѣлъ и невредимъ.

VI.

Гостинница „Иматра" доставляетъ путешественнику всѣ удобства, какія только онъ можетъ вообразить. Сюда проведена изъ Выборга телеграфная проволока; прислуга говоритъ по-нѣмецки и немного по-русски; есть купальни, расположенныя на Вуоксѣ, повыше водопада; въ номерѣ необыкновенно чисто, спокойно, только и слышишь, что водопадъ; вода прозрачная, какъ хрусталь, мягкая; желающіе поймать форель между камнями Вуоксы могутъ взять здѣсь красиво устроенную удочку и, помѣстившись въ нарочно устроенныхъ для этого мѣстечкахъ, удить себѣ цѣлый день; на столѣ общей залы я нашелъ номеръ „Новаго Времени," вышедшій изъ типографіи только наканунѣ.

Вотъ уже третьи сутки какъ я любуюсь Иматрой, но все не налюбовался вполнѣ. Вчера заснулъ подъ ея шумъ, нынче слышу его сквозь утренній сонъ, и мгновенно мысль, что я на Иматрѣ, заставляетъ сердце радостно встрепенуться. Пріятное пробужденіе.

Выхожу на террасу, всю обвитую хмелемъ; погода превосходная. Всѣ пріѣзжіе укатили въ Выборгъ. Я одинъ въ гостинницѣ провожу послѣдній день на этомъ привольѣ. Черный хлѣбъ, янтарное масло, холодное молоко — вотъ моя пища. Легкій вѣтерокъ играетъ листьями хмеля, небо кротко синѣетъ, воздухъ полонъ неизъяснимой свѣжести. Сегодня послѣдній день!

Иматра, прощай! Увидимся ли мы еще разъ, нѣтъ-ли, во всякомъ случаѣ, я думаю, что не забуду тебя до той поры, пока смерть не закроетъ этихъ глазъ, которые съ любовью смотрятъ теперь на тебя. Для другихъ ты, можетъ быть, безжизненное, инертное вещество, повинующееся дѣйствію слѣпыхъ силъ природы, но для меня

—нѣтъ! Для меня въ твоемъ шумѣ, въ твоихъ звукахъ чудится голосъ кого-то чувствующаго, сознающаго, живого...

Вотъ часа два просидѣлъ на черныхъ гранитахъ и все смотрѣлъ, не отрывая глазъ, на пѣнистые буруны. День какъ на зло—такой очаровательный. Въ гостинницѣ никого нѣтъ, я одинъ, никто не мѣшаетъ. Я все хотѣлъ запечатлѣть въ моей памяти картину бѣлой, бѣшено мчащейся рѣки между черными скалами береговъ, яркую зелень лѣса на скалахъ и синее небо наверху. Закрою глаза—нѣсколько мгновеній ясно представляю себѣ все это; вонъ даже та березка, что свѣсилась надъ кипящею бездной, уцѣпившись корнями за голые камни, и та тихо качаетъ вѣтвями въ моемъ воображеніи. Но потомъ все смѣшается, перепутается. Такъ досадно! Чѣмъ изобразить, какъ описать Иматру, чтобы унести съ собою хоть маленькую частицу ея красоты?

С. Мечъ.

ПЕТЕРБУРГЪ.

На берегу пустынныхъ волнъ
Стоялъ онъ, думъ великихъ полнъ,
И вдаль глядѣлъ. Предъ нимъ широко
Рѣка неслася; бѣдный челнъ
По ней стремился одиноко.
По мшистымъ, топкимъ берегамъ,
Чернѣли избы здѣсь и тамъ,
Пріютъ убогаго чухонца;
И лѣсъ, невѣдомый лучамъ
Въ туманѣ спрятаннаго солнца,
Кругомъ шумѣлъ.
И думалъ онъ:
„Отсель грозить мы будемъ шведу;
Здѣсь будетъ городъ заложенъ
На зло надменному сосѣду;
Природой здѣсь намъ суждено
Въ Европу прорубить окно,
Ногою твердой встать при морѣ;
Сюда, по новымъ имъ волнамъ,
Всѣ флаги въ гости будутъ къ намъ—
И запируемъ на просторѣ“.

Прошло сто лѣтъ—и юный градъ,
Полнощныхъ странъ краса и диво,
Изъ тьмы лѣсовъ, изъ топи блатъ
Вознесся пышно, горделиво:
Гдѣ прежде финскій рыболовъ,
Печальный пасынокъ природы,
Одинъ у низкихъ береговъ,
Бросалъ въ невѣдомыя воды
Свой ветхій неводъ, нынѣ тамъ,
По оживленнымъ берегамъ,
Громады стройныя тѣснятся
Дворцовъ и башенъ; корабли
Толпой со всѣхъ концовъ земли
Къ богатымъ пристанямъ стремятся;
Въ гранитъ одѣлася Нева;
Мосты повисли надъ водами;
Темно-зелеными садами
Ея покрылись острова—
И передъ младшею столицей
Главой склонилася Москва,
Какъ передъ новою царицей
Порфироносная вдова.

Люблю тебя, Петра творенье;
Люблю твой строгій, стройный видъ,
Невы державное теченье,
Береговой ея гранитъ,
Твоихъ оградъ узоръ чугунный,
Твоихъ задумчивыхъ ночей
Прозрачный сумракъ, блескъ безлунный,
Когда я въ комнатѣ моей
Пишу, читаю безъ лампады,
И ясны спящія громады
Пустынныхъ улицъ, и свѣтла
Адмиралтейская игла,
И, не пуская тьму ночную
На золотыя небеса,
Одна заря смѣнить другую
Спѣшитъ, давъ ночи полчаса;
Люблю зимы твоей жестокой
Недвижный воздухъ и морозъ,
Бѣгъ санокъ вдоль Невы широкой,
Дѣвичьи лица ярче розъ,
И блескъ, и шумъ, и говоръ баловъ,
А въ часъ пирушки холостой,
Шипѣнье пѣнистыхъ бакаловъ
И пунша пламень голубой;
Люблю воинственную живость
Потѣшныхъ Марсовыхъ полей,
Пѣхотныхъ ратей и коней
Однообразную красивость,
Въ ихъ стройно-зыблемомъ строю
Лоскутья сихъ знаменъ побѣдныхъ,
Сіянье шапокъ этихъ мѣдныхъ,
Насквозь простреленныхъ въ бою;
Люблю, военная столица
Твоей твердыни дымъ и громъ,
Когда полнощная царица
Даруетъ сына въ царскій домъ,
Или побѣду надъ врагомъ
Россія снова торжествуетъ,
Или, взломавъ свой синій ледъ,
Нева къ морямъ его несетъ
И, чуя вешни дни, ликуетъ.

А. Пушкинъ.

Исторія города С.-Петербурга.

С.-Петербургъ, вторая столица Россійской Имперіи, резиденція Императорской Фамиліи, важный коммерческій портъ Балтійскаго моря, лежитъ на 59°57′ сѣверной широты и 30°20′ восточной долготы отъ Гринвича. Онъ занимаетъ площадь, равную 75 кв. верстъ безъ внутреннихъ водъ, съ послѣдними же—81 кв. вер.; почти 11% этой площади находится подъ садами и бульварами. Окружность этой площади исчисляется въ 43 версты, при чемъ наибольшее ея протяженіе съ с. на ю. равно 12 в., а съ з. на в.—11 в.

Городъ расположенъ при устьѣ р. *Невы*, на обоихъ ея берегахъ и островахъ, образуемыхъ ея рукавами. Протяженіе Невы въ чертѣ города равняется 8½ верстамъ, ширина колеблется отъ 158—278 саж., а средняя глубина равна 7 саж. По руслу рѣки въ сутки протекаетъ 35 милліардовъ ведеръ, скорость же теченія рѣки колеблется отъ 3½ (близъ устья) до 6 верстъ въ часъ.

Петербургъ лежитъ въ обширной котловинѣ, образуемой на сѣверѣ Парголовскими высотами, на югѣ—холмами Пулкова и Лигова. Низменность Невской дельты имѣетъ склонъ къ Невѣ и Финскому заливу; наиболѣе приподнята ея сѣверо-восточная часть, наименѣе—юго-западная. Такое положенiе столицы обусловливаетъ частыя наводненiя, отъ которыхъ въ особенности страдаютъ ея приморскiя мѣстности (Галерная Гавань). Всего болѣе поднимается уровень воды при западномъ и юго-западномъ вѣтрахъ: средняя за 15 лѣтъ повышенiя уровня при юго-западномъ вѣтрѣ равняется 10,17 дюйм., при западномъ—9,5 дюйма.

Мѣстность, занятая Петербургомъ, упоминается еще въ нашей начальной лѣтописи. По ея представленiю, Нева была не рѣкой, а рукавомъ оз. Нево. Затѣмъ въ лѣтописи упоминается, что новгородцы по Невѣ ходили въ Варяжское море. Однако, историческая жизнь здѣсь началась, повидимому, гораздо раньше. Нева служила конечнымъ пунктомъ знаменитаго торговаго пути, которымъ пользовались еще арабы, скандинавы, греки и другiе народы.

Этотъ проторенный торговый путь былъ главнымъ нервомъ историческихъ судебъ нашей мѣстности. Уже съ первыхъ шаговъ своей исторической жизни, новгородцы стремились на немъ упрочиться. Однако, предѣльнымъ пунктомъ, до котораго они могли безспорно считаться хозяевами пути, былъ г. Ладога при устьѣ р. Волхова, тогда какъ на р. Невѣ они встрѣтили сильныхъ соперниковъ въ лицѣ шведовъ. Уже съ XII в. начинаются крестовые походы послѣднихъ и столкновенiя ихъ съ новгородцами, сопровождавшiяся перемѣннымъ успѣхомъ. Враждовавшiя стороны создали рядъ крѣпостей. Изъ нихъ въ нашей мѣстности укажемъ *Ландскрону* (вѣнецъ земли), поставленную шведами при устьѣ Невы въ 1300 г. (гдѣ теперь Александро-Невская лавра), и разрушенную вскорѣ русскими, и *Орѣшекъ* при истокѣ Невы изъ Ладожскаго оз., построенный русскими въ 1328 г., а затѣмъ перешедшiй къ шведамъ. Но если на берегахъ Невы новгородцамъ приходилось считаться съ такими искусными мореплавателями, какъ шведы, то на сушѣ все преимущество было на ихъ сторонѣ. Дѣйствительно, мѣстность отъ оз. Пейпуса и р. Наровы и до г. Ладоги, называвшаяся Ингрiей, уже рано вошла въ составъ новгородскихъ земель, а ея насельники—финскiя племена водь и ижора—признали надъ собою господство Новгорода. По присоединенiи послѣдняго къ Москвѣ, особенно усиливается колонизацiя этой мѣстности, вызванная стремленiями московскихъ царей пробиться къ морю.

По обыскнымъ, платежнымъ и оброчнымъ книгамъ XVI и XVII ст., мѣстность вдоль Невы до Финскаго побережья составляла „*Спасскій*“ и „*Городенскій*“ погосты и считалась „присудомъ“ (округомъ) города Орѣшка. Острова Невы названы въ этихъ книгахъ „ѳомѣны,“ т.е. дубовые, т. к. здѣсь росли дубы, весьма рѣдкіе въ данной мѣстности. По Столбовскому договору 1617 г., большая часть русскихъ владѣній (Копорье, Ямъ, Ивангородъ, Нарва) Финскаго побережья и р. Невы отошли къ шведамъ, въ рукахъ которыхъ и находились до Петра Великаго. Чтобы упрочить за собою эту мѣстность, шведы ее усиленно колонизировали и укрѣпили. Тогда же они создали крѣпость на р. Невѣ, при впаденіи въ нее р. Охты—*Ніеншанцъ* (у русскихъ—*Канцы*) на мѣстѣ бывшаго здѣсь прежде поселка *Ніенъ*. По шведскому плану, составленному въ 1676 г., на мѣстѣ нашей столицы находилось тогда до 40 селеній. На лѣвомъ берегу Невы, гдѣ теперь Смольный монастырь, находился шведскій портъ „*Сабина*“, сообщавшійся посредствомъ перевоза съ упомянутымъ Ніеншанцемъ; около же Сабина извѣстно село *Спасское*, заселенное православными инородцами. Пространство между р. Фонтанкой, къ которой, повидимому, относится названіе *Кеме* (по-фински—Крутобережье) и Невой, извѣстно подъ именемъ *Peryksaari*, т. е. земля, смѣшанная съ навозомъ. Васильевскій островъ назывался *Хирвасари*, т. е. *Олеңій островъ*, Петербургская сторона—*Кяйвисари (Бзрезовый остр.)*, а островокъ, на которомъ помѣщается крѣпость,—*Енисари*, т. е. *заячій*. Аптекарскій островъ носилъ названіе *Korpi-saari* (*korpi*—необитаемый лѣсъ), откуда происходитъ—Карповка. Наконецъ, островъ Голодай соотвѣтствуетъ шведскому *Halawa* (ивовое дерево).

Окончательное присоединеніе къ Россіи Финскаго побережья произошло при Петрѣ Великомъ. Рѣшительнымъ и въ то же время начальнымъ шагомъ войны со шведами слѣдуетъ считать взятіе Меньшиковымъ, въ 1702 г., Нотебурга, шведской крѣпости, поставленной на мѣстѣ бывшаго здѣсь Орѣшка. Весьма довольный этимъ успѣхомъ, Петръ назвалъ городъ Шлюссельбургомъ, т. е. Ключъ-городомъ, отворяющимъ ему дорогу къ морю. „Правда, что зѣло жестокъ сей орѣхъ былъ, однако-жъ, слава Богу, счастливо разгрызенъ,“ писалъ онъ Апраксину, сообщая ему о первой побѣдѣ. Въ 1803 году пала и вторая шведская крѣпость—Ніеншанцъ или Канцы, переименованная въ *Шлотбургъ*, и одержана первая морская побѣда около *Овчаго* острова (нынѣ Лоцманскаго), при чемъ захвачено два шведскихъ корабля. Значеніе этихъ побѣдъ было любопытно оцѣнено надзирателемъ артиллеріи Виніусомъ, который, поздравляя Петра

съ побѣдой, писалъ, что ею „отверзошася пространная порта безчисленныхъ вамъ прибытковъ.“ Захвативъ мѣстность, нужно было еще затратить много усилій, чтобы удержать ее за собою, обезопасить какъ съ моря, такъ и съ суши. Первое было дѣломъ особенно труднымъ въ виду отсутствія флота. И вотъ въ Лодейномъ Полѣ на Свири была произведена усиленная постройка кораблей и въ то же время Петръ укрѣпилъ устье Невы. 16 мая 1703 г. царь заложилъ крѣпость не Заячьемъ островѣ и вблизи отъ нея церковь во имя св. Троицы. Преданіе освящаетъ моментъ заложенія крѣпости появленіемъ орла надъ головой царя.

Постройкой крѣпости руководилъ самъ царь, соорудивъ недалеко отъ нея себѣ домикъ. Работы производились въ виду 9 шведскихъ кораблей, которые, однако, не рѣшались приблизиться, а, съ наступленіемъ осеннихъ тумановъ, принуждены были уйти. Съ ихъ уходомъ, Петръ занялся укрѣпленіемъ острова Котлина, при чемъ самъ производилъ промѣры морского дна. Къ этому времени относится приходъ перваго фрисландскаго судна съ товарами. Въ качествѣ лоцмана Петръ В. ввелъ корабль въ Неву до того мѣста, гдѣ стоялъ его домикъ, угостилъ и щедро одарилъ команду судна, даровавъ послѣднему льготы въ дальнѣйшей торговлѣ съ Россіей.

Между тѣмъ продолжалось отвоеваніе Ингріи. Въ 1704 г. возвращены Ямъ, Копорье, Ивангородъ и Нарва. Занятый войной, Петръ В. поручилъ продолженіе постройки Меньшикову, назначивъ его губернаторомъ „*парадиза*“, какъ онъ называлъ свое дѣтище. Для руководства царь далъ губернатору модель крѣпости, собственноручно имъ сдѣланную. Въ 1704 г. шведы сдѣлали попытку взять строющуюся крѣпость, но, встрѣтивъ сильный отпоръ крѣпостного коменданта Брюса, должны были отступить. Такой же неудачей окончилась осада ими новой крѣпости на осровѣ Котлинѣ—Кроншлота. Полтавская побѣда (1709 г.) окончательно рѣшила участь „парадиза“. Послѣ полтавской битвы Петръ В. писалъ Апраксину: „Нынѣ уже совершеной камень въ основаніе Санктпетербурха положенъ съ помощью Божіею“. Въ Петербургѣ, въ память побѣды, была заложена церковь во имя св. Сампсонія, память котораго чтится 27 іюня, въ день битвы. Съ этого времени началась усиленная постройка города. Несмотря на сильное сопротивленіе со стороны окружающихъ, симпатіи которыхъ склонялись къ Москвѣ, царь приказалъ генераламъ и знатному дворянству строить дома на „*святой землѣ*,“ какъ называлъ Меньшиковъ Петербургъ, при чемъ опредѣлялъ даже размѣры помѣщеній, сообразно съ числомъ членовъ семьи. Петру приходилось имѣть дѣло со множествомъ препятствій, которыя грозили

обратить въ ничто всю его работу. Кромѣ указаннаго несочувствія со стороны приближенныхъ, прежде всего сама почва, представлявшая собой почти сплошную трясину, дѣлала работы постройки чрезвычайно трудными. Къ этому присоединялись, кромѣ того, отсутствіе рабочихъ и недостатокъ строительнаго матеріала. Часть работъ производилась плѣнными шведами; въ виду же того, что ихъ было недостаточно, Петръ въ 1710 г. издалъ указъ о высылкѣ изъ внутреннихъ губерній по 40.000 рабочихъ, такъ что въ теченіе трехъ лѣтъ здѣсь было до 150.000 человѣкъ. Недостатокъ камня, а еще болѣе каменьщиковъ, вызвалъ указъ 1714 г., запрещавшій всѣ каменныя постройки въ Россіи, подъ страхомъ конфискаціи имущества и ссылки въ Сибирь. Кромѣ того, каждый пріѣзжающій долженъ былъ привозить съ собой извѣстное количество „дикаря" (дикаго камня). Въ 1713 г городъ провозглашенъ столицей, и сюда переведены администрація и присутственныя мѣста, а въ 1724 г. совершилось торжественное перенесеніе изъ Владиміра въ новую столицу мощей св. Александра Невскаго, объявленнаго патрономъ города.

Планировка города была выполнена французскимъ зодчимъ Жаномъ Леблономъ, согласно личнымъ указаніямъ Петра. Именнымъ указомъ 1714 г. велѣно: ‚вмѣсто палатнаго строенія строить прусскимъ манеромъ мазанки, такъ же какъ печи строить и кровли крышъ"... Для образца, „по которому всѣмъ протчимъ здѣшнимъ жителямъ строить повелѣно, о чемъ и печатными указами подтверждено накрѣпко было," Петръ собственноручно заложилъ мазанки около крѣпостныхъ воротъ, гдѣ помѣстилъ типографію. Первоначально застраивался Березовый островъ (Пет. стор.). Центромъ новыхъ построекъ была крѣпость, въ которой при Петрѣ помѣщался сенатъ и аптека, затѣмъ домъ коменданта Брюса, куда послѣ его смерти, перевели синодъ. Недалеко отъ крѣпости находился *домикъ Петра*. Здѣсь же были: *Гостинный дворъ*, *Сытный рынокъ*. Улицы острова *Дворянская*, *Посадская*, *Пушкарская*, *Ружейная*, *Зеленная Монетная*, были заселены частными жителями, о составѣ которыхъ достаточно говорятъ уже самыя названія улицъ. На островѣ Оленьемъ, названномъ Петромъ *Преображенскимъ* (нынѣ Васильевскій), была устроена батарея (гдѣ нынѣ Биржа); затѣмъ здѣсь особенно выдавался *домъ Меньшикова* (1-й кадетскій корпусъ) и *зданіе 12 коллегій* (нынѣ Университетъ), поставленное Меньшиковымъ бокомъ къ Невѣ, чтобы это величественное зданіе не затмило его дворца. На этомъ островѣ Петръ думалъ сдѣлать торговую часть города и изрѣзать его, на подобіе Амстердама, каналами. Съ перенесеніемъ, однако, центра города на лѣвый берегъ, предпріятіе это было оставлено.

На мѣстѣ адмиралтейства въ 1704 г. Петръ основалъ первую верфь; черезъ два года здѣсь было 10 эллинговъ, и въ Неву была спущена первая бригантина царя. Невскій проспектъ (тогда еще не носившій этого названія) представлялъ собою аллею, обсаженную деревьями. Аллея была проведена плѣнными шведами, на обязанности которыхъ было смотрѣть за ея чистотой и подметать каждую субботу. Въ то время на указанной улицѣ была застроена только часть отъ нынѣшняго Полицейскаго моста до Адмиралтейской площади, на которой нерѣдко устраивались кулачные бои.

Чтобы собственнымъ примѣромъ поощрить у своихъ приближенныхъ охоту строиться, Петръ построилъ нѣсколько дворцовъ для себя и для своей супруги Екатерины. Такъ, кромѣ указаннаго домика, служившаго ему первоначальнымъ жилищемъ, онъ построилъ въ 1711 г. лѣтній домъ для Екатерины въ *Лѣтнемъ саду*, получившемъ отъ него свое названіе. Затѣмъ, на *Нѣмецкой улицѣ* (нынѣ Милліонная), близъ Зимней канавки былъ построенъ сначала деревянный, а потомъ кирпичный дворецъ съ фасадомъ на Неву, въ которомъ императоръ и скончался. На мѣстѣ первой морской побѣды Петръ построилъ дворецъ для Екатерины (Екатерингофскій), а вблизи,—на Овчемъ островѣ (нынѣ Лоцманскій)—небольшой каменный домъ съ башней, изъ которой любилъ наблюдать входящія въ Неву суда, почему и назвалъ островокъ и дворецъ *Подзорнымъ*. Наконецъ, на Петровскомъ островѣ былъ тоже устроенъ дворецъ. Петръ В. весьма заботился объ украшеніи столицы парками и садами. Громадный садъ около Лѣтняго дома пользовался особой любовью царя, выписывавшаго для него рѣдкіе сорта деревьевъ съ юга Россіи и изъ-за границы. Садъ былъ украшенъ гротами, статуями и фонтанами. Для снабженія послѣднихъ водой, изъ сосѣдняго болотнаго ручья были проведены трубы, откуда и получилось названіе—Фонтанка, а въ 1718 г. съ той же цѣлью былъ прорытъ *Лиговскій* каналъ. Заботы о Лѣтнемъ садѣ были ввѣрены садовнику Гаспару Фохту, выписанному Петромъ изъ Ганновера. Ему же обязанъ своимъ существованіемъ Аптекарскій или *Ботаническій садъ*. Любимымъ мѣстомъ прогулокъ царя былъ также большой паркъ, устроенный на Петровскомъ островѣ.

Созидательной дѣятельности Петра приходилось бороться съ двумя разрушительными стихіями—огнемъ и водой. Наводненія извѣстны были здѣсь еще до основанія Петербурга. Такъ, о страшномъ наводненіи въ 1691 г. сообщается въ шведской лѣтописи. При Петрѣ В. было 7 наводненій, изъ которыхъ первое посѣтило городъ уже на четвертый годъ его существованія. Въ 1706 г. Петръ писалъ

Меньшикову: „третьяго дня вѣтромъ вестъзюйдъ такую воду нагнало, какой, сказываютъ, не бывало. У меня въ хоромахъ было сверху пола 21 дюймъ, и по городу и на другой сторонѣ по улицѣ свободно ѣздили на лодкахъ. Однако-жъ не долго держалась: менѣе трехъ часовъ. И здѣсь было утѣшно смотрѣть, что люди по кровлямъ и по деревьямъ, будто во время потопа, сидѣли—не точію мужики, но и бабы. Вода, хотя и зѣло велика была, бѣды большой не сдѣлала.“ Для огражденія города отъ наводненій, Петръ В. задумалъ цѣлую сѣть каналовъ, изъ которыхъ нѣкоторые были прорыты при нёмъ. Такъ, въ 1711 году сдѣланъ каналъ у *Лѣтняго дома* и два канала, соединяющіе Мойку съ Невой—*Красный*, проходившій мимо нынѣшнихъ Павловскихъ казармъ параллельно Лебяжьему съ другой стороны Царицына луга (теперь уничтоженный) и *Зимняя канавка*. Въ 1717 г. были прорыты: каналъ отъ Адмиралтейства *Новой Голландіи* (впослѣдствіи уничтоженный) и *Крюковъ* каналъ. Наконецъ въ 1718 г., какъ мы уже говорили, была проведена Лиговка. На Васильевскомъ островѣ, согласно вышеуказанному плану Петра, было начато нѣсколько каналовъ, впослѣдствіи засыпанныхъ.

Кромѣ наводненій, много бѣдствій причиняли пожары. Пожаръ въ 1710 г., напримѣръ, уничтожилъ Гостинный дворъ. Съ цѣлью предохраненія отъ пожарныхъ случаевъ‘ въ 1718 г. былъ изданъ указъ, въ которомъ даются точныя предписанія, какъ устраивать печи, потолки и крыши, затѣмъ велѣно дома строить на извѣстномъ разстояніи одинъ отъ другого; установлены, наконецъ, строгіе штрафы за неисправное содержаніе печей. Изъ другихъ мѣръ, касающихся благоустройства города, отмѣтимъ цѣлый рядъ указовъ: о закрѣпленіи береговъ рѣки сваями, о запрещеніи сваливать нечистоты въ Неву и т. п. Неисполненіе этихъ указовъ каралось весьма высокими штрафами.

Въ виду сильно развивавшагося воровства и разбоевъ, а также для приведенія въ исполненіе начинаній правительства, была организована полиція, и назначенъ оберъ-полицеймейстеръ. На обязанности полиціи лежало: наблюдать, чтобы на рынкахъ не продавали испорченныхъ продуктовъ, чтобы одежда продавцевъ и лавки были чисты, чтобы вѣсы и мѣры были правильны. Полиція также регулировала цѣны на съѣстные припасы, не позволяя имъ слишкомъ подыматься. Ей было предписано строго слѣдить, чтобы „подозрительные дома, зернь, картежныя игры и всѣ таковыя мерзости были испровергнуты“. Наконецъ, она должна была слѣдить за исполненіемъ правилъ, особенно пожарныхъ, и ограждать жителей

отъ разбоевъ. Противъ послѣднихъ были установлены очень крутыя наказанія. Такъ, по донесенію голландскаго резидента въ Петербургѣ, въ концѣ 1722 г. въ одинъ день было казнено 24 разбойника.

Среди заботъ о внѣшнемъ благоустройствѣ своего „парадиза" Петръ В. не забывалъ и мѣръ общаго характера, какъ-то: оживленія въ немъ торговли и насажденія промышленности. Для нуждъ торговли онъ предпринялъ устройство ряда каналовъ для соединенія Балтійскаго моря съ Каспійскимъ и Бѣлымъ морями. Въ 1706 г. была соединена каналомъ р. Цна съ Тверцой (Вышневолоцкая сист.), а по указу 1718 г. велѣно строить Ладожскій каналъ, для обхода этого бурнаго озера, оконченный Минихомъ въ 1731 г. Кромѣ того Петръ В. предполагалъ соединить каналомъ р. Ковжу съ Шексной, съ каковой цѣлью были произведены изысканія въ 1710—14 г. Послѣдній каналъ однако былъ оконченъ только при Александрѣ I. Новому порту приходилось на первыхъ порахъ выдерживать непосильную борьбу съ насиженнымъ торговымъ городомъ Архангельскомъ, служившимъ до того главнымъ мѣстомъ вывозной торговли. Съ цѣлью ослабить такое господствующее значеніе Архангельска въ пользу Петербурга, Петръ В. издалъ рядъ указовъ, сначала ограничивавшихъ вывозъ Архангельска опредѣленными товарами, а затѣмъ велѣлъ $^{2}/_{3}$ всѣхъ товаровъ вывозить черезъ столицу. Указы эти были встрѣчены сильнымъ несочувствіемъ галландцевъ, обосновавшнхся въ Архангельскѣ, но за то были на руку нѣмецкимъ торговцамъ изъ городовъ Балтійскаго моря. Мѣры эти оказались дѣйствительными, и торговля Петербурга замѣтно возрастала. Такъ, напр., лѣтомъ 1722 г. въ столицу пришло 116 иностранныхъ кораблей, а въ 1724—уже около 240. Промышленное оживленіе города выразилось въ заведеніи здѣсь фабрикъ, открытыхъ частью самимъ правительствомъ, частью при его содѣйствіи. Изъ заводовъ того времени извѣстностью пользовались: 3 шпалерныхъ, шелковая фабрика, полотняный, коломиночный, кожевенный, бумажный и карточный, восковой, крахмальный и, наконецъ, сахарный.

Вполнѣ понимая, что дѣло преобразованій только тогда будетъ имѣть почву подъ собой, когда въ союзѣ съ преобразователемъ будутъ находиться наука и искусства Петра В. весьма заботился о насажденіи ихъ въ своемъ „парадизѣ". Въ Венеціи Савва Рагузинскій купилъ для него „мраморную статую Венуса", а своимъ агентамъ въ Парижѣ – Зотову и Лефорту царь велѣлъ: „искать гисторическаго маляра и особливо домогаться изъ такихъ, кто былъ въ подмастерьяхъ у славнаго мастера Лебрюна." Въ росписи посылаемыхъ

мастеровъ значились: Растрелли, Лежандръ (его подмастерье), Леблонъ, Луи Каравакъ, Лавале и др. Наконецъ, въ Петербургѣ при оружейной канцеляріи „ради общенародной во всякихъ художествахъ пользы противо обычаевъ государствъ европейскихъ, зачата была небольшая академія ради правильнаго обученія рисованія иконнаго и живописнаго и прочихъ художествъ". Заботы о насажденіи наукъ выразились между прочимъ въ учрежденіи *Морской академіи* въ 1716 г., въ указѣ о высылкѣ учителей нѣмецкой и французской школъ, въ изданіи книгъ, а также въ указѣ 1718 г. о представленіи найденныхъ старыхъ предметовъ за „довольную дачу", чѣмъ было положено основаніе кунстъ-камеры. Не довольствуясь указанными мѣрами, Петръ задумалъ, по примѣру западно-европейскихъ государствъ и совѣту Лейбница и Вольфа, создать въ своей столицѣ *„академію наукъ и курьезныхъ художествъ"*. По одобренному Петромъ проэкту этого учрежденія, разработанному лейбъ-медикомъ Блументростомъ, русская академія должна была явиться установленіемъ не только ученымъ, но и высшимъ учебнымъ, т. е. университетомъ. Вызванные изъ-за границы академики пріѣхали уже послѣ смерти Петра В., и академія была открыта при Екатеринѣ I, въ 1725 г.

Среди трудовъ о насущныхъ нуждахъ столицы Петръ В. не забывалъ и удовлетворять потребности народа въ увеселеніяхъ и отдыхѣ. При немъ нерѣдко устраивались празднества, обыкновенно пріурочиваемыя къ какимъ-либо высокоторжественнымъ событіямъ. Укажемъ, напр., праздники по поводу Полтавской побѣды, Ништадтскаго мира, провозглашенія Петра императоромъ, свадьбы его племянницы Анны Ивановны съ герцогомъ Курляндскимъ. Большія торжества происходили также при спускѣ новыхъ кораблей. Во дни такихъ торжествъ на *Потѣшномъ* полѣ (нынѣ Марсово), входившемъ въ составъ Лѣтняго сада, а также въ самомъ саду происходило угощеніе народа; вечеромъ сожигались потѣшные огни (фейерверки). Любимымъ развлеченіемъ Петра было катанье по Невѣ, въ которомъ должны были принимать участіе всѣ его приближенные, такъ что образовывалась цѣлая флотилія.

Благодаря неусыпнымъ заботамъ Петра В. о своемъ дѣтищѣ, Петербургъ сталъ расти и украшаться, привлекая вниманіе иностранцевъ. Уже по первой переписи 1714 г., въ Петербургѣ насчитывается 34.500 домовъ. Въ поясненіи къ плану Петербурга, изданному въ Парижѣ въ 1717 году географомъ де-Феромъ, между прочимъ, читаемъ: „въ немъ (Петербургѣ) поселились не только русскіе, но и большое число иностранцевъ, которые находятъ городъ прекраснымъ и удобнымъ, улицы красивыми и прямыми. Мно-

гочисленные каналы его украшены хорошей набережной, дома прекрасно построены"... Далѣе, говоря о проэктѣ соединенія Свири съ Шексной, цитируемый авторъ прибавляетъ, что, благодаря этимъ каналамъ, „Петербургъ будетъ имѣть возможноеть сообщаться и вести торговлю со всѣми націями свѣта".

Послѣ смерти Петра В., его трудамъ грозила весьма серьезная опасность. Въ 1728 г. дворъ переселился въ Москву, и сюда же были переведены всѣ важнѣйшія государственныя учрежденія. Знать, не любившая новаго города, съ радостью оставляла его. Петербургъ представлялъ тогда весьма печальную картину: дома его стояли безъ крышъ и разрушались. Такое запустѣніе города вызвало указъ 1729 г., которымъ велѣно возвратить въ Петербургъ всѣхъ выѣхавшихъ изъ него купцовъ, ремесленниковъ и ямщиковъ съ семействами подъ страхомъ конфискаціи имущества и ссылки въ Сибирь.

Впрочемъ, въ такомъ печальномъ состояніи Петербургъ находился недолго. Въ 1732 г. императрица Анна Ивановна опять переселилась въ покинутую столицу и перевела сюда государственныя учрежденія. Тотчасъ же по возвращеніи двора былъ предпринятъ рядъ мѣръ благоустройства. Учреждена была особая коммссія, которая разработала новый планъ постройки, благодаря которому городъ сталъ быстро застраиваться. Постройки производились преимущественно въ частяхъ, до того времени совершенно пустынныхъ, какъ-то: по р. Фонтанкѣ и въ мѣстности нынѣшней Московской части. Тогда же городъ былъ раздѣленъ на 5 частей, и даны названія улицамъ. Городу приходилось бороться съ исконнымъ врагомъ—пожарами. Особенно сильный пожаръ былъ въ 1736 г. Послѣ того пожара были изданы указы о постройкѣ домовъ съ извѣстнымъ отступомъ; въ Адмиралтейской части было велѣно строить только каменныя изданія, на Фонтанкѣ же допускались и деревянныя, но непремѣнно на каменномъ фундаментѣ.

Первые дни царствованія Елисаветы Петровны, смѣнившіе собою господство иностранныхъ правителей и особенно ненавистную бироновщину, ознаменовались сильной реакціей противъ иностранцевъ. Въ 1742 г. дѣло дошло до столкновенія съ нѣмцами во время гулянья на Адмиралтейской площади. Изъ правительственныхъ мѣръ въ томъ же направленіи укажемъ, напр., на намѣреніе перенести „кирхи" съ Невскаго просп. въ глухія части города, оставленное за недостаткомъ средствъ. Изъ мѣръ благоустройства отмѣтимъ указъ 1746 г., чтобы „по большимъ и знатнымъ улицамъ не было кабаковъ и харчевень." Тогда же Фонтанка, бывшая до того болотнымъ ручьемъ, очищена и обшита деревомъ. Поджоги 1747 г.

вызвали заведеніе на улицахъ особыхъ пикетовъ изъ гвардейскихъ полковъ. Въ видахъ предосторожности отъ пожаровъ, велѣно также купцамъ строить, вмѣсто деревяннаго гостиннаго двора „на свой коштъ“—каменный, въ одинъ апартаментъ. Изъ мѣръ общаго характера укажемъ на проэктъ медицинской канцеляріи о сохраненіи народа, выработанный въ 1754 г. Въ 1758 г. заведены въ Петербургѣ банковыя конторы.

Между тѣмъ, вызванныя въ жизни Петромъ В. учрежденія стали замѣтно проявлять свою дѣятельность. Такъ, открытая при Екатеринѣ I, въ 1725 г. *Академія Наукъ* съ 1753 г. печатаетъ свои „Ежемѣсячныя сочиненія“, въ которыхъ между прочимъ, велѣно: „убѣгать отъ всѣхъ богословскихъ и метафизическихъ матерій, стараться вносить въ оныя (ежемѣсячныя сочин.) только такія вещи, которыя бы сверхъ пріятности и дѣйствительную пользу въ себѣ заключали“.

Продолжались также и народныя увеселенія. Въ вѣдомостяхъ отъ 4 января 1745 г., напр., читаемъ: „Сегодня пополудни въ началѣ 6-го часа въ Морской, недалеко отъ Синяго моста, начнутъ играть камедіи съ выпускными куклами, и оная въ каждой недѣли по понедѣльникамъ, средамъ и пятницамъ продолжаться имѣетъ“. Въ 1760 году былъ устроенъ блестящій фейерверкъ съ изображеніемъ „жестокаго сраженія при Франкфуртѣ и одержанной россіянами преславной побѣды.“

При Елисаветѣ Петровнѣ городъ сильно возросъ; границами его считались: р. Фантанка, лѣвый берегъ которой былъ усѣянъ дачами и составлялъ предмѣстье, 13-я линія Васильевскаго острова и Карповка на Петербургской сторонѣ. За этими предѣлами уже начинались предмѣстья.

Сильное возростаніе города вызвало вздорожаніе въ немъ жизни. Чтобы придти на помощь населенію въ этой бѣдѣ, Екатерина II, тотчасъ же послѣ своей коронаціи учредила комиссію изъ ген. Чернышева, Бецкаго и князя Дашкова, которая занялась вопросомъ „какимъ образомъ ограничить распространеніе г. Петербурга, чтобы жители его избавились отъ затрудненія въ сообщеніяхъ, производимаго безмѣрной обширностью города.“ По проекту комиссіи были установлены предѣлы столицы, за которыми начинались предмѣстья, затѣмъ было запрещено строить вновь заводы и фабрики. Дороговизна хлѣба вызвала запрещеніе вывоза его за границу, при чемъ эта мѣра оказалась настолько дѣйствительной, что въ два мѣсяца наступила дешевизна припасовъ. Кромѣ того, было приказано учредить казенныя лавки и изыскать мѣры къ удешевле-

нію подвоза съѣстныхъ припасовъ. Боязнь наводненій заставила позаботиться объ улучшеніи каналовъ. Въ 1780—1789 г. Фонтанка была обшита гранитомъ, а въ 1764—1790 г. прорытъ *Екатерининскій каналъ*. Наконецъ, для предупрежденія жителей о поднятіи воды, послѣ страшнаго наводненія 1777 года были установлены нѣкоторые сигналы, какъ-то: 3 выстрѣла со стѣнъ крѣпости, фонари и флаги, выставляемые на Адмиралтейской башнѣ. Царствованіе Екатерины II было особенно памятно петербуржцамъ по блестящимъ баламъ, маскарадамъ, каруселямъ и другимъ увеселеніямъ. Особеннымъ великолѣпіемъ отличались празднества кн. Потемкина, гр. Безбородко. По примѣру эрмитажныхъ собраній императрицы, въ столицѣ устраивались собранія въ клубахъ или „клобахъ," число которыхъ доходило до 7. Извѣстностью пользовался особенно „танцъ-клобъ" у Полицейскаго моста, гдѣ теперь Благородное собраніе, а самымъ, „степеннѣйшимъ" клубомъ считался англійскій.

Оглядываясь въ концѣ XVIII ст. на почти столѣтнюю жизнь нашей столицы, мы должны сказать, что даже въ этотъ моментъ она производила впечатлѣніе возникающаго города. Только три главныхъ улицы близъ Адмиралтейства были вымощены камнемъ, остальныя выстланы досками, а Фонтанка еще въ началѣ XIX в. была загороднымъ мѣстомъ, гдѣ стрѣляли утокъ. Только въ XIX столѣтіи городъ уже не нуждался въ искусственныхъ мѣрахъ своего развитія и возрасталъ съ изумительной быстротой. Лишь въ XIX вѣкѣ онъ пересталъ бояться своихъ враговъ—огня и воды. Не смыло его страшное наводненіе 14 ноября 1824 г., а сильный пожаръ Апраксина двора въ 1862 году былъ только блѣднымъ отраженіемъ тѣхъ пожаровъ XVIII столѣтія, которыя угрожали самому существованію деревяннаго города.

Въ настоящее время городъ застроился каменными зданіями, оставивъ деревяннымъ постройкамъ доживать свой вѣкъ въ глухихъ улицахъ. Памятниками трехъ послѣдовательныхъ царствованій онъ имѣетъ Николаевскій, Александровскій и Троицкій постоянные мосты черезъ рѣку Неву. Своимъ благоустройствомъ и красотою Петербургъ сталъ соперничать съ лучшими столицами Европы, и только сохранившіяся названія нѣкоторыхъ его мѣстностей, какъ-то: *Козье болото*, *Болотная*, *Моховая*, *Боровая улица* могутъ дать слабое воспоминаніе о неимовѣрныхъ трудахъ по его устройству.

(Изъ изданной подъ руководствомъ П. П. Семенова книги—„Россія")."

Отъ Петербурга до Ладоги.

Большой винтовой пароходъ „Петръ I," принялъ меня на бортъ у Калашниковской пристани на Невѣ, близъ Смольнаго института.

Время стояло великолѣпное: ни одинъ день не приносилъ съ собой ничего, кромѣ яркаго весенняго солнышка, да яснаго, голубого неба, поэтому Ладога должна была встрѣтить насъ привѣтливо.

Послѣ обычной сутолоки, предшествовавшей отправленію парохода, было особенно пріятно отвалить отъ пристани, кишѣвшей народомъ, и отдаться плавному бѣгу парохода по широкой Невѣ.

Длинной вереницей потянулись громадные фабричные корпуса съ высокими трубами, изъ которыхъ выползали черные клубы дыма, разстилавшагося по чистому небу. Слышался стукъ и лязгъ машинъ, паровыхъ молотовъ; изрѣдка, сквозь распахнутую на минуту дверь или ворота, мелькало огненное око горна или печи... Пахло гарью, и черная пыль носилась въ воздухѣ. Это—сталелитейные заводы, лежащіе по Шлиссельбургскому шоссе,—которое идетъ по лѣвому берегу Невы,—и выходящіе частію на рѣку.

Но скоро пронеслись эти мрачныя видѣнія. Въ воздухъ повѣяло рѣчною свѣжестью, а молодая листва ракитъ, березокъ и тополей, росшихъ по берегамъ, ярко и весело блистала на солнцѣ своими свѣжими свѣтло-зелеными тонами. Среди густой зелени мелькали дачки, а изъ купаленъ, пріютившихся кое-гдѣ подъ берегомъ, неслись веселый смѣхъ и крики.

Маленькіе пароходики, поддерживающіе сообщеніе между столицей и этими дачными мѣстами, бѣгали взадъ и впередъ, оглашая воздухъ веселыми, пронзительными свистками, попыхивая сѣренькими дымками своихъ трубъ и сторонясь отъ нашего „Петра I," медленно и осторожно шедшаго впередъ, противъ теченія и разводившаго на рѣкѣ волненіе своимъ громаднымъ корпусомъ и винтами.

Еще дальше,—берега Невы стали возвышенными и лѣсистыми, а иногда переходили въ глинистые обрывы или песчаныя отмели.

Какъ непохожа эта Нева, свободная и смѣющаяся, на петербургскую Неву, суровую и холодную, заключенную въ гранитные берега и перетянутую желѣзными и каменными мостами.

Стали попадаться чистенькія и хорошенькія деревеньки нѣмецкихъ колонистовъ, раскинувшіяся на берегу, среди зелени, а на рѣкѣ—баржи, груженныя свѣжимъ, бѣлымъ лѣсомъ, вывезеннымъ откуда-нибудь изъ глухихъ угловъ Олонецкаго края.

На половинѣ пути между столицей и Шлиссельбургомъ, лежатъ на рѣкѣ пороги.

Пассажиры, идущіе впервые, ожидаютъ ихъ съ нетерпѣніемъ, предполагая нѣчто внушительное, но ихъ ждетъ полное разочарованіе, такъ какъ пороги эти лежатъ подъ водой и незамѣтны даже для опытнаго глаза. Рѣка расширяется только въ этомъ направленіи и на ея поверхности появляются зловѣщія воронки и водовороты, а теченіе усиливается.

Но среди этихъ подводныхъ скалъ есть фарватеръ, черезъ который только и можно пройти рѣку.

И лоцмана, особенно внушительно вглядывающіеся впередъ, направляютъ судно въ этотъ невидимый проходъ между скалъ, ловко дѣйствуя рулевымъ колесомъ.

Вскорѣ, по минованіи пороговъ, на правомъ берегу рѣки показались такъ называемые „Островки", бывшее имѣніе всемогущаго Потемкина. Среди густой прибрежной растительности встали печальныя развалины стараго замка; крыша его давно провалилась, а массивные карнизы обрушились. И спятъ эти развалины долгимъ и непробуднымъ сномъ среди молодой зелени, обступившей ихъ со всѣхъ сторонъ и покрывшей обломки, валяющіеся на землѣ,

Черезъ шесть часовъ по выходѣ нашемъ изъ Петербурга мы подходили уже къ Шлиссельбургу.

Наконецъ, передъ нами выросла, словно прямо изъ-подъ воды, унылая крѣпость съ низкими желтыми стѣнами, заканчивающимися по угламъ широкими круглыми башнями.

Она стоитъ у самого выхода Невы изъ озера, на небольшомъ каменистомъ островкѣ, называемомъ „Орѣшекъ", дѣлящемъ въ этомъ мѣстѣ рѣку на два неширокихъ рукава, изъ которыхъ только одинъ доступенъ для прохода судовъ въ озеро.

Изъ-за низкихъ стѣнъ, которыя имѣютъ до трехъ саженъ толщины, видны крыши внутреннихъ зданій, и одиноко высится соборный шпицъ.

Въ воздухѣ льется грустный трезвонъ колоколовъ, такъ какъ теперь часъ пополудни, памятный тѣмъ, что въ это-же время дня, въ 1703 году, послѣ долгой и трудной осады, крѣпость была взята у Шведовъ Петромъ Великимъ. Установленный въ свое время Петромъ обычай сохранился и до нашихъ дней.

Маленькая замѣтка въ № 1 „Московскихъ Вѣдомостей" отъ 2-го Января 1703 года говоритъ намъ о томъ, какого труда и жертвъ стоила эта осада.

„Крѣпость Орѣшекъ, высокая, кругомъ глубокою водою объята, въ 40 верстахъ отселѣ (то есть отъ Петербурга, откуда идетъ это сообщеніе), крѣпко отъ московскихъ войскъ осаждена, уже болѣе 4000 выстрѣловъ изъ пушекъ и вдругъ по 20 выстрѣловъ было, и уже болѣе 1500 бомбъ выбросано, но по сіе время не великій убытокъ учинили и еще много трудовъ имѣть будутъ покамѣсть ту крѣпость овладѣютъ.“

Остановившись противъ города на нѣсколько минутъ, чтобы принять съ лодки таможеннаго чиновника для совершенія формальностей по пропуску судна въ предѣлы Выборгской губерніи, къ которой относится Ладожское озеро, пароходъ продолжалъ свой путь дальше и вошелъ въ лѣвый рукавъ Невы.

Теченіе воды въ рукавѣ, которымъ мы шли, было настолько сильно, что пароходъ, идя самымъ полнымъ ходомъ, только съ трудомъ и медленно подвигался впередъ.

Нева служитъ единственнымъ стокомъ избытка водъ Ладожскаго озера, поэтому, онѣ съ необычайною силою устремляются въ ея русло, совершая въ среднемъ около 4-хъ миль въ часъ. Потокъ этотъ чистъ и прозраченъ, и только въ предѣлахъ столицы загрязняется фабриками и заводами, расположенными по берегамъ.

Стало свѣжо отъ близости громадной водной площади. Чувствовалось дыханіе Ладоги.

И вотъ сверкнула наконецъ блестящая, стальная поверхность озера, широко раскинувшаяся и убѣгающая вдаль.

Меженникъ *), проносящійся на этой поверхности, заставляетъ ее содрагаться. И она живетъ и зыблется, сверкая безчисленными стальными блестками.

Изъ Невы мы входимъ на Кошкинскій рейдъ, гдѣ сила вѣтра увеличивается до того, что многіе пассажиры, кутаясь и нахлобучивая шапки, спѣшатъ скрыться въ каютахъ.

На рейдѣ, словно стая бѣлогрудыхъ чаекъ, сѣвшая на воду, собралась масса парусныхъ судовъ, которыхъ задержалъ этотъ вѣтеръ, дующій съ озера.

И онѣ, сложивъ свои крылья-паруса, безпомощныя и безсильныя, томятся въ полномъ бездѣйствіи и ждутъ желанной свободы, которую можетъ принести имъ только „шалонникъ“ (юго-западный вѣтеръ).

Случается, что на рейдѣ скопляется по нѣсколько десятковъ судовъ, ждущихъ иногда по недѣлѣ перемѣны вѣтра.

---

*) Преобладающій сѣверо-восточный вѣтеръ.

И стоитъ подняться благодѣтельному шалоннику, какъ всѣ эти суда, распустивъ свои паруса, вылетаютъ въ озеро и исчезаютъ въ его голубой дали, какъ птицы, выпущенныя изъ клѣтки на свободу.

Но нашему „Петру“ шалонникъ былъ не страшенъ; оставя позади унылую крѣпость, уходившую въ воду по мѣрѣ того, какъ мы удалялись, онъ скоро вышелъ въ открытое озеро, по направленію къ его островамъ.

И вотъ мы въ открытомъ озерѣ.

Вѣтеръ стихъ, его порывы смягчились, стали нѣжными и ласковыми.

Солнце льетъ потоки своихъ горячихъ лучей, которые золотятъ легкую зыбь озера.

По небу, кое-гдѣ, какъ отставшія отъ родного стада овечки, бродятъ или, скорѣе, плаваютъ легкія, нѣжно-перистыя и курчавыя облачка.

А вокругъ раскинулась ширь, необъятная водная ширь...

Напрасно напряженное зрѣніе отыскиваетъ вдали какихъ-либо очертаній береговъ... вода, вода и вода, а подъ всею этою массою воды опрокинулся голубой сводъ неба, въ зенитѣ восхитительнаго темно-синяго цвѣта, постепенно переходящаго къ горизонту въ свѣтло-голубой и заканчивающійся у самого горизонта бѣлесоватою, парообразною дымкою.

И какъ-же хорошъ этотъ просторъ, эта необъятная, водная ширь! Какъ прекрасна эта лазурная высь, чистая, ясная и сіяющая, какъ взоръ ребенка!

Взглянешь вверхъ и не оторвешься отъ этой бездны, и глядишь, глядишь въ эту прозрачную синеву, тонешь мыслью въ этой волшебной пучинѣ...

А по озеру, то тамъ, то сямъ, распустивъ свои бѣлыя крылья-паруса, скользятъ галіоты, но вамъ кажется, что суда эти застыли въ своемъ движеніи полета, такъ какъ этотъ просторъ, эта даль поглощаетъ ихъ движеніе; они слишкомъ ничтожны, слишкомъ малы, брошенные среди этой водной пустыни...

Рѣзкій звонокъ вывелъ меня изъ моего созерцательнаго настроенія и заставилъ спуститься съ небесъ... въ каюту, къ обѣденному столу, за которымъ уже сидѣли нѣкоторые пассажиры, и нашъ капитанъ, мужественный, здоровый и загорѣлый финнъ. Онъ разсказывалъ собравшимся легенду о происхожденіи названія „Чортовой Лахты,“ въ которую пароходъ долженъ былъ зайти этою ночью.

Разсказъ этотъ повторялся имъ, по всей вѣроятности, въ со-

тый разъ и всегда съ однимъ и тѣмъ-же хладнокровіемъ и обстоятельностью.

Въ стародавнія времена, когда острова Ладожскаго озера были населены только „нечистою силою,“ явились первые проповѣдники христіанской вѣры и заняли острова эти силою креста и молитвы. Когда-же монахи высадились на островѣ Коневецъ, то бѣсы бросились толпою строить мостъ по направленію къ ближайшему берегу съ тѣмъ, чтобы покинуть островъ и перебраться по этому мосту на материкъ. Но имъ не удалось достроить начатаго сооруженія, и, преслѣдуемые монахами, они бросились вплавь, достигли ближайшей бухты и поселились въ ней. Недостроенный мостъ и по сейчасъ можно видѣть: онъ имѣетъ форму длинной песчаной косы, выходящей въ озеро по направленію къ берегу, а бухта эта съ тѣхъ поръ зовется „Чортовой“...

Когда я вышелъ снова наверхъ, день уже клонился къ вечеру, и послѣдніе золотые лучи громаднаго краснаго свѣтила, опускавшагося въ озеро, скользили по его гладкой, зеркальной поверхности, сверкавшей, какъ расплавленная мѣдь, заключенная въ эту громадную котловину.

Вл. Поповъ.

Трудовая жизнь на Валаамѣ.

Въ сѣверной части Ладожскаго озера, омываемая свѣтлыми и холодными его водами, высоко надъ поверхностью вздымается группа скалистыхъ острововъ, число которыхъ доходитъ до 40; они образуютъ изъ себя цѣлый архипелагъ, простирающійся отъ запада къ востоку на 12 верстъ, а отъ сѣвера къ югу –7. Острова эти покрыты густыми хвойными лѣсами; берега ихъ по большей части круты, обрывисты и нерѣдко походятъ на крѣпостныя стѣны, благодаря тому, что валаамская горная порода въ мѣстахъ, открытыхъ дѣйствію воздуха, вѣтра и атмосферныхъ осадковъ, растрескивается на большіе кубы, кажущіеся большими камнями и плитами, сложенными человѣческими руками. И эти острова-крѣпости подвергаются частымъ и ожесточеннымъ аттакамъ грозныхъ и сѣдыхъ волнъ, которыя во время бури набѣгаютъ на нихъ рать за ратью, съ ревомъ и воемъ. Отраженныя неприступными скалами истерзанныя волны отступаютъ назадъ съ злобнымъ рокотомъ; за ними новой чередой несутся и вступаютъ въ бой новые и свѣжіе полки такихъ

же свирѣпыхъ воиновъ, нѡ и ихъ ожидаетъ та же участь... Но, когда озеро спокойно, его зеркальная и чистая поверхность отражаетъ въ себѣ причудливо изрѣзанную линію береговъ со всѣми ихъ суровыми и величавыми красотами.

Высшія точки острововъ достигаютъ 23 саженъ; глубина озера вокругъ острововъ весьма значительна: мѣстами она увеличивается постепенно, мѣстами же опускается сразу на 3—10 и до 40 саж., у острова же Предтеченскаго глубина озера доходитъ до 100 саж. слишкомъ!

Въ древнія времена острова населяли номады, жившіе въ естественныхъ впадинахъ скалъ или въ пещерахъ, вырубленныхъ ими въ подножіяхъ утесовъ. И по настоящее время сохранилось еще коегдѣ слѣды этихъ первобытныхъ человѣческихъ жилищъ, но розыскать и опредѣлить ихъ могъ бы только знатокъ. Монахи-отшельники, селившіеся въ разныхъ частяхъ главнаго острова и на прочихъ островкахъ, замѣчали не разъ какіе-то невѣдомые знаки, высѣченные на гладкихъ поверхностяхъ скалъ, и находили каменныя орудія и остатки утвари древнихъ обитателей острововъ.

На самомъ большомъ островѣ „Валаамѣ," что въ переводѣ съ финскаго будетъ „землею Велеса," языческаго бога, главнымъ капищемъ котораго былъ нѣкогда этотъ островъ, пріютился Валаамскій Спасопреображенскій мужской монастырь. Возникновеніе монастыря относятъ: одни ко временамъ Св. Ольги, другіе—Св. Владиміра; какъ бы то ни было, но за время своего долгаго существованія, монастырь подвергался многимъ случайностямъ; не разъ разоряли его и шведы; но онъ всегда возрождался изъ развалинъ и пепла. Въ настоящее время монастырь находится въ цвѣтущемъ состояніи: владѣетъ всѣмъ архипелагомъ, ему же принадлежатъ нѣкоторые острова Ладожскаго озера, лежащіе и внѣ архипелага; въ Петербургѣ и Москвѣ онъ имѣетъ свои подворья, а количество братіи доходитъ въ немъ до 400 человѣкъ.

Мірскихъ селеній, какъ на Валаамѣ, такъ и на прочихъ монастырскихъ островахъ—нѣтъ, а ближайшіе населенныя берега отстоятъ отъ него не менѣе, какъ на 25 верстъ.

Въ общежитіи этомъ, удаленномъ самою природою отъ міра, а въ зимнее время, когда озеро борется со стужами, стремящимися заковать его въ ледяныя цѣпи,—во время этой борьбы стихій совсѣмъ оторванномъ отъ него, должны были выработаться самодѣятельность и самопомощь. И дѣйствительно, онѣ широко развиты въ этомъ общежитіи.

Объ этой-то трудовой жизни и достигнутыхъ ею результатахъ я и хочу разсказать въ настоящемъ очеркѣ.

На второй день по выходѣ изъ Петербурга, послѣ сутокъ слишкомъ воднаго пути по Невѣ и Ладожскому озеру, трехмачтовый, двухпалубный винтовой пароходъ „Петръ I," на которомъ я находился, подходилъ уже къ группѣ Валаамскихъ острововъ.

Обогнувъ западную часть главнаго острова, пароходъ вошелъ въ чудную, естественную монастырскую бухту, выдающуюся широкимъ и глубокимъ рукавомъ въ глубь острова на протяженіи полуторы или двухъ верстъ. Въ глубинѣ этого всегда спокойнаго залива, на высокой скалѣ, вершина которой представляетъ изъ себя большую и довольно ровную площадь, стоитъ громадный и прекрасный новый соборъ съ голубыми главами, увѣнчанными золотыми крестами, которые уходятъ въ чистую лазурь неба и блещутъ въ ней.

Соборъ заключенъ въ большой четыреугольникъ, образуемый длинными, двухъэтажными каменными постройками, въ которыхъ помѣщаются келіи братіи, канцелярія, монастырскій архивъ, иконописная, фотографія, просфорная, библіотека, переплетная и различныя мастерскія. Вокругъ этого четыреугольника, на площади, расположена гостинница для пріѣзжающихъ, странноприімный домъ, зданіе водопровода, стоящее надъ самымъ обрывомъ, и другія службы.

Когда пароходъ подваливаетъ къ пристани подъ горою, то прежде всего обращаетъ на себя вниманіе роскошный фруктовый садъ и цвѣтникъ, разведенные на склонѣ скалы.

Когда-то это былъ голый камень, но, благодаря усердію одного монаха, руководившаго устройствомъ сада, въ теченіе двадцати лѣтъ удалось наносить такой слой почвы, что можно было приступить къ насажденію деревьевъ и цвѣтовъ. Тутъ будетъ кстати остановиться на томъ, что удалось сдѣлать монахамъ въ области культивированія скудной и каменистой почвы острововъ.

Всѣ монастырскіе острова занимаютъ въ общей сложности около 3100 десятинъ. Почти вся эта площадь состоитъ изъ твердой или болѣе или менѣе разрыхленной породы, и только мѣстами попадаются неглубокіе слои глины или чернозема. До двадцати десятинъ находится подъ монастырскими строеніями, садами и огородами; около пятисотъ саженъ рыхлой почвы отведено подъ братское кладбище.

Удобной же земли для посѣвовъ и сѣнокосовъ едва ли есть болѣе 130 дес. До 700 дес. покрыто лѣсомъ и кустарникомъ, все же

остальное пространство представляетъ изъ себя или болотистыя мѣста, или каменныя розсыпи, или же горы, покрытыя мхомъ, брусничникомъ и безполезнымъ кустарникомъ, или совсѣмъ обнаженныя скалы. По всему острову проложены прекрасныя дороги, для осушенія болотъ вырываются канавы, а лѣсъ очищается отъ валежника. Что касается хлѣбопашества, то, понятно, оно не могло широко развиться на островахъ, благодаря недостатку земли.

Тѣмъ не менѣе, при обыкновенномъ урожаѣ, рожь бываетъ самъ-десять, овесъ и ячмень — самъ-третій; въ хорошій же годъ рожь родится самъ-шестнадцать, а овесъ—самъ-четвертый. Сѣно и овощи всегда въ изобиліи, такъ что ихъ хватаетъ не только самимъ монахамъ на круглый годъ, но и на раздачу бѣднымъ прибрежнымъ финнамъ, пріѣзжающимъ въ обитель за помощью.

Всѣ иноки, начиная съ намѣстника и до послушника, участвуютъ лѣтомъ въ уборкѣ сѣна, въ огородныхъ и садовыхъ работахъ (посадкѣ и уборкѣ овощей и плодовъ). Освобождаются отъ этихъ общихъ работъ только престарѣлые и немощные.

Огородныя и парниковыя работы начинаются въ началѣ марта. Въ іюлѣ поспѣваетъ горохъ, въ началѣ августа—лукъ, въ половинѣ сентября—картофель и капуста. Въ парникахъ же съ успѣхомъ разводятъ арбузы, дыни и тыквы; первые достигаютъ иногда до 20 фунтовъ., вторыя—до 7, а тыквы—до 2 пудовъ.

Ягодъ—крыжевника, малины, смородины—снимаютъ много, а яблокъ — бѣлаго налива, антоновскихъ, анисовки, опортовыхъ и другихъ сортовъ—ежегодно собираютъ до 900 четвериковъ. Только сливы, груши и дули вызрѣваютъ съ трудомъ и не всегда.

Преобладающими деревьями на островахъ являются сосна и ель, но встрѣчается и береза, ольха, осина, рябина, черемуха, кленъ, калина и жимолость; но честь разведенія другихъ цѣнныхъ породъ, какъ-то: дуба, кедра, каштана, пихты, лиственницы, орѣшника, серебристаго и бальзамическаго тополей и вяза—принадлежитъ всецѣло человѣческимъ рукамъ. На Валаамѣ устроено нѣсколько питомниковъ, и въ нихъ выращиваются эти деревья; пихта же, лиственница и дубъ разсажены по всему острову.

Наряду съ питомниками древесными, на островѣ имѣются также питомники ягодный и плодовый. Между прочимъ, однѣхъ яблонь въ питомникѣ до 60 видовъ, а къ нѣкоторымъ изъ нихъ привито до 10 сортовъ (на одномъ штамбѣ); видъ такого дерева во время созрѣванія яблокъ чрезвычайно интересенъ, благодаря разнообразію формъ и окраски его плодовъ.

Наконецъ, въ монастырѣ есть ботаническій садъ, въ которомъ

выращиваются различныя аптекарскія травы: мята англійская и кудрявая, шалфей, полынь, иссопъ и другія.

Сколько труда и терпѣнія потребовалось для того, чтобы осуществить все то, что я перечислилъ здѣсь! За садоводство и огородничество монастырь получилъ въ разное время, отъ нѣсколькихъ обществъ, рядъ серебряныхъ медалей, хранящихся въ монастырской библіотекѣ.

Съ той минуты, какъ вы только сошли съ парохода на монастырскую землю, на каждомъ шагу вы наталкиваетесь на слѣдъ упорнаго и, порою, тяжелаго труда.

Отъ пристани вы поднимаетесь по прекрасной гранитной лѣстницѣ въ 62 ступени на верхнюю площаду, огражденную со стороны обрыва массивною желѣзною рѣшеткой, длиною въ 120 саж., монастырскаго издѣлія.

Главною святынею монастыря являются мощи преподобныхъ Сергія и Германа, валаамскихъ чудотворцевъ, покоящіяся подъ спудомъ, въ соборномъ храмѣ Преображенія Господня, занимающемъ первое мѣсто среди шести монастырскихъ храмовъ. Онъ воздвигнутъ въ недавній періодъ между 87—89 годами на мѣстѣ, которое до того времени занималъ прежній скромный соборъ, существовавшій около 100 лѣтъ. Сломка стараго собора потребовала немало труда: вся братія съ о. игуменомъ во главѣ очищала и сносила кирпичь и щебень; черезъ два мѣсяца прежняго собора не стало, а на его мѣстѣ начали созидать новый.

Я видѣлъ фотографію собора, окруженнаго еще лѣсами, по которымъ поднимается съ тяжелою ношею кирпичей за плечами тогдашній игуменъ Іонаѳанъ, подъ непосредственнымъ наблюденіемъ котораго производилась постройка собора.

Весь строительный матеріалъ: кирпичь, изъ котораго производилась кладка храма, гранитъ, служившій для фундамента и цоколя, плита, известь—все, за исключеніемъ кровельнаго желѣза и колоколовъ, своего приготовленія Даже вызолоченные гальваническимъ путемъ красной мѣди кресты, увѣнчивающіе пять куполовъ соборныхъ и колокольню—работы монаховъ.

За строительнымъ періодомъ наступилъ періодъ внутренней отдѣлки храма: слесарныя, столярныя, рѣзныя, лѣпныя и позолотныя работы и, наконецъ, живопись—все это дѣло рукъ трудолюбивой братіи, и для всего этого въ монастырѣ существуютъ спеціальныя мастерскія. Строительный матеріалъ постоянно требуется въ монастырѣ то на постройку новыхъ зданій, службъ, часовенъ, то на ремонтъ и расширеніе старыхъ; поэтому на островахъ, гдѣ есть

хорошій и прочный гранитъ, производится безпрерывно его буреніе и ломка; его перевозятъ на собственныхъ парусныхъ судахъ, выгружаютъ на приспособленную для этого пристань въ монастырскомъ заливѣ и обтесываютъ его здѣсь же; кромѣ того, на главномъ островѣ существуетъ печь для выжиганія извести изъ мрамора и постоянный кирпичный заводъ.

Занятая послушаніями, братія только въ праздничные дни бываетъ на всѣхъ церковныхъ службахъ, а въ будни является только къ утрени и, отслушавъ ее до каѳизмъ, идетъ къ своимъ обязанностямъ, расходится по мастерскимъ и принимается за работу. Съ 6-ти часовъ утра въ мастерскихъ уже кипитъ работа. Каждое дѣло имѣетъ во главѣ „хозяина“ (завѣдующаго), безъ благословенія котораго послушники не имѣютъ права ни начать, ни кончить, ни измѣнить сколько нибудь своего урока.

Благодаря такой дисциплинѣ, дѣти и юноши, одни поступившіе по собственному желанію, другіе—отданные родителями или родственниками, проходятъ прекрасную школу труда; изучая въ совершенствѣ то ремесло, которыми они занялись по склонности или назначенію, они воспитываются и нравственно. Разумѣется, не многіе изъ тѣхъ, кто поступилъ въ монастырь въ дѣтствѣ или отрочествѣ, остаются въ немъ навсегда: большинство изъ нихъ уходитъ потомъ снова въ міръ, унося съ собой прочныя знанія и привычку къ упорному и производительному труду.

Братія проходитъ послушанія, смотря по способностямъ, а иногда по назначенію; клиросное, пономаря, звонаря; вырѣзываетъ крестики и образа, точитъ ложки; другіе занимаются мастерствами: иконописнымъ, столярнымъ, слесарнымъ, малярнымъ, кузнечнымъ, выдѣлываніемъ глиняной посуды, портновскимъ дѣломъ или пекутъ просфоры, хлѣбъ, колютъ и возятъ дрова, варятъ квасъ, прислуживаютъ въ трапезной, трудятся въ поварнѣ, стираютъ бѣлье, ловятъ рыбу и т. д.. Неся трудъ на пользу цѣлой общины, братія, въ свою очередь, получаетъ все нужное изъ нея же.

Вся одежда и обувь приготовляется въ собственныхъ мастерскихъ, а кожа для обуви выдѣлывается на своемъ кожевенномъ заводѣ, устроенномъ на островѣ, внѣ монастыря.

Большинство мастерскихъ сосредоточивается въ зданіяхъ, непосредственно окружающихъ соборъ, но многія изъ нихъ расположены и въ другихъ зданіяхъ, стоящихъ внѣ монастырскаго четыреугольника, Такъ, въ прекрасномъ зданіи водопровода находятся всѣ мастерскія, въ которыхъ требуется примѣненіе паровой силы.

Самъ по себѣ водопроводъ является любопытнымъ сооруже-

ніемъ. Въ монастырѣ давно уже ощущалась острая необходимость облегчить, насколько это возможно, добываніе того большого количества воды, которое требовалось ежедневно. Прежде воду носили изъ залива по крутой скалѣ, имѣющей по склону около 40 саж. Это являлось трудомъ, на который уходило масса времени и тяжелыхъ усилій, въ особенности зимою, когда ступени и спуски этой скалы покрывались льдомъ. Возили воду и въ бочкахъ, но все это неудовлетворяло потребностей монастыря въ водѣ. Наконецъ, въ шестидесятыхъ годахъ, при игуменѣ Дамаскинѣ, благодаря нѣкоторымъ пожертвованіямъ, на краю сорокасаженнаго обрыва надъ монастырскимъ заливомъ выросло прекрасное трехъэтажное каменное зданіе-водопроводъ. Посредствомъ паровыхъ насосовъ, проложенныхъ по склону горы, вода берется и поднимается наверхъ, а по чугуннымъ трубамъ идетъ во всѣ жилыя зданія: кухню, погребъ, хлѣбную, больницу, гостинницу, конюшню, въ ближайшіе сады и огороды, гдѣ устроены краны. Та же паровая машина передаетъ свою силу по проводамъ въ различныя мастерскія, находящіяся въ зданіи водопровода. Здѣсь устроены: лѣсопильня, мукомольня, токарная и слесарная; послѣднія исполняютъ постоянно множество работъ для монастыря. Кромѣ того, здѣсь же помѣщаются: прачечная съ особымъ бассейномъ для мытья бѣлья, баня, а въ нижнемъ этажѣ— кузница съ четырьмя горнами, снабженными особыми усовершенствованными мѣхами, дѣйствующими съ замѣчательной легкостью.

Неподалеку отъ монастыря расположены рабочій и конюшенный домъ и хлѣбный амбаръ. Первый—большое двухъэтажное строеніе, въ которомъ помѣщаются кухня и трапезная для монастырскихъ рабочихъ, „рухольня" съ одеждою для нихъ; здѣсь же живутъ всѣ вольнонаемные рабочіе: каменотесы, бурильщики, кузнецы, слесаря, преимущественно изъ береговыхъ финновъ.

Конюшни — просторныя и теплыя помѣщенія съ прекрасными стойлами; все приспособлено такъ, чтобы животнымъ жилось лучше, а уходъ за ними былъ-бы облегченъ. Такъ, водопроводъ даетъ всегда въ изобиліи воду, проведенную къ самымъ корытамъ, а обширный сѣновалъ находится надъ головами лошадей. Всѣхъ ихъ штукъ 70; среди нихъ есть купленныя и жертвованныя, но большинство-- своего коннаго завода, устроеннаго на одномъ изъ отдаленныхъ острововъ—Германовомъ, гдѣ имѣются прекрасные луга, служащія пастбищемъ для лошадей.

Работы на долю лошадей выпадаетъ много: на нихъ пашутъ, возятъ лѣсъ, дрова, камень для построекъ, хлѣбъ и другіе съѣстные продукты; на нихъ поддерживается сообщеніе между монастыремъ

и отдаленными островными скитами, а зимой, когда установится дорога по льду черезъ озеро, и съ материкомъ.

Между рабочимъ домомъ и конюшнями находятся сараи для экипажей, телѣгъ и пожарныхъ инструментовъ, а также колесныя и телѣжныя мастерскія.

Хлѣбный амбаръ устроенъ такъ, что устраняетъ всякую возможность порчи сложенныхъ въ немъ хлѣбныхъ и иныхъ пищевыхъ запасовъ; для подъема тяжелыхъ кулей въ немъ устроенъ желѣзный подъемный кранъ.

На восточной сторонѣ монастыря находится каменная рига съ двумя сушильными печами и большимъ гумномъ для обмолачиванія хлѣба; впрочемъ, при ригѣ имѣется и молотильная машина.

Коровникъ, скотный дворъ и образцовая монастырская ферма расположены къ западу отъ монастыря, въ растояніи 6 верстъ сухимъ путемъ и 2-хъ—водой.

Вдвоемъ съ послушникомъ, отправленнымъ на ферму за молокомъ для больного, я отправился туда на лодкѣ.

Прогулка на ферму была прелестна. Переправившись черезъ монастырскій заливъ, мы направили нашу лодку въ глухой его конецъ, откуда начинается извилистый проливчикъ, то расширяющійся, то суживающійся до того, что весла упираются въ высокія гранитныя стѣны берега; проливчикъ соединяетъ воды залива съ внутреннимъ островнымъ бассейномъ—большимъ озеромъ.

На одномъ изъ каменистыхъ мысовъ этого озера, неподалеку отъ воды, одно возлѣ другого расположены зданія коровника, погреба, фермы и скотный дворъ.

Сама ферма это двухъэтажное съ мезониномъ каменное строеніе, крытое желѣзомъ. Въ первомъ этажѣ его помѣщается кухня и рядъ большихъ комнатъ съ длинными и широкими полками по стѣнамъ, уставленными всегда безчисленнымъ множествомъ крынокъ и плошекъ съ молокомъ, сливками, сметаною и творогомъ, которые проходятъ здѣсь послѣдовательно всѣ свои фазисы. Во второмъ этажѣ живетъ братія въ количествѣ 12 человѣкъ, наблюдающая за скотомъ и работающая на фермѣ. Въ подвальномъ этажѣ поставлена паровая машина, построенная своими силами; тутъ же, рядомъ съ ней, въ скалѣ выбурена вертикальная шахта, соединенная съ озеромъ другою—горизонтальною шахтою.

Изъ этого колодца паровая машина беретъ воду изъ озера и снабжаетъ ею всѣ этажи фермы, коровникъ и скотный дворъ, которые соединены съ водопроводомъ чугунными трубами, какъ и въ монастырѣ. Этой-же паровой машиной монахи пользуются для сби-

ванія масла, приготовленія картофельной муки, рѣзки соломы для корма скота. Тутъ же, при водопроводѣ на фермѣ, осенью и зимою производится искусственное разведеніе рыбы.

Для этого служатъ приготовленные на собственномъ гончарномъ заводѣ, гдѣ выдѣлываются изъ глины различныя хозяйственныя вещи и посуда, большіе глиняные ящики; въ нихъ, на стеклянную рѣшетку, кладется рыбья икра, которую омываетъ безпрерывно бѣгущая изъ крана вода.

Весною, въ маѣ мѣсяцѣ, подросшую и окрѣпшую уже рыбешку выпускаютъ въ монастырскій заливъ, въ количествѣ 40 и болѣе тысячъ.

Рыба служитъ однимъ изъ главныхъ предметовъ питанія монастырской братіи и пріѣзжихъ богомольцевъ, поэтому рыбною ловлею занимаются здѣсь серьезно и въ широкихъ размѣрахъ. Въ различное время года около Валаамскаго архипелага ловятся слѣдующія породы рыбъ: лосось, „ясиная" и „кряжевая" панья, язь, харьюсъ, налимъ, щука, окунь, плотва, ершъ, корюшка, ряпушка и, наконецъ, сигъ „валаамка," этотъ особый родъ сиговъ, живущій въ сѣверной части Ладожскаго озера, преимущественно около валаамскихъ острововъ и въ средней части Онежскаго озера; длина его отъ 5-6 вершковъ, вѣсъ—отъ 2—3 ф.; онъ живетъ исключительно на большихъ глубинахъ. Когда его вытаскиваютъ на поверхность, то газы, наполнявшіе его плавательный пузырь и находившіеся подъ давленіемъ значительнаго столба воды,—расширяются, раздуваютъ пузырь и сильно выпячиваютъ брюхо рыбы позади грудныхъ плавниковъ.

Въ монастырскомъ заливѣ, подъ Горой, близъ пристани, устроенъ рыбачій домикъ или „Коптѣлка," какъ его зовутъ монахи. Тамъ, въ этой избушкѣ, въ короткіе зимніе дни и длинные вечера, при скудномъ свѣтѣ лампы, гудитъ деревянное колесо и навивается на него безконечная сѣрая нить, высучиваемая изъ пеньки молодымъ послушникомъ; другіе же монахи и послушники тихо плетутъ огромныя рыболовныя сѣти, свѣшивающіяся съ потолка, куда онѣ прикрѣплены; тутъ же чинятъ старыя. По закопченнымъ, коричневымъ стѣнамъ висятъ на деревянныхъ гвоздяхъ толстые мотки нитокъ, скрученные на подобіе косъ; подъ потолкомъ, за балками, сложены готовыя сѣти, ожидающія своей очереди извѣдать глубины озера и взглянуть на подводныя чудеса.

Крупную пойманную рыбу солятъ, заготовляютъ въ прокъ,— мелкую же немедленно употребляютъ въ пищу.

Какъ ни скромна и ни однообразна монашеская пища, для

того, чтобы напитать ежедневно около 400 душъ, необходимы значительные съѣстные запасы. Если въ монастырѣ не хватаетъ своего хлѣба, то мы видѣли, что овощами и молочными продуктами общежитіе это обезпечено; недостающую же часть хлѣба и крупъ монастырь покупаетъ въ Петербургѣ.

Хлѣбъ въ монастырѣ удивительно хорошъ, такъ какъ пекарня монастырская—образцовое учрежденіе; между прочимъ, квашни въ ней тоже особаго устройства: тѣсто перемѣшивается въ нихъ посредствомъ лопастей, придѣланныхъ къ вертикальному стержню, прикрѣпленному ко дну квашни и приводимому во вращательное движеніе рычагами.

Послѣ нѣсколькихъ дней, проведенныхъ мной на Валаамѣ, я оставилъ эту общину, унеся съ собой навсегда отрадное и свѣтлое впечатлѣніе о ея трудовой жизни.

Наканунѣ отъѣзда, вечеромъ, я сидѣлъ въ келіи, отведенной мнѣ въ гостинницѣ, и записывалъ наблюденія дня. Келія была маленькая, сводчатая, съ однимъ окномъ, выходившимъ на монастырскую площадку. Мнѣ стало душно въ этомъ каменномъ мѣшкѣ съ непроницаемо толстыми стѣнами... Я распахнулъ окно, и въ келію ворвалась струя свѣжаго вечерняго воздуха, напоеннаго запахомъ хвои и цвѣтовъ монастырскаго сада, расположеннаго подъ горой.

Тихо опустилась на землю нѣмая ночь, потонули во мракѣ окрестные лѣса, только какой-то шумъ, подобный шуму многолюдной толпы въ отдаленіи, доносится до мирно спящей обители. Это вѣтеръ съ озера качаетъ вершины старыхъ сосенъ и шумитъ межъ ихъ вѣтвями. Темное небо усыпано золотыми дрожащими звѣздами, кроткими и далекими... Взошла луна и разогнала тьму; черныя тѣни упали на землю, пресмыкаясь и трепеща; вѣтеръ стихъ, и ни одинъ звукъ не нарушаетъ спокойной тишины, стоящей на стражѣ сна утомленныхъ людей и природы. Залитыя луннымъ свѣтомъ, какъ только что выпавшій снѣгъ, бѣлѣются монастырскія зданія. Широкая лента монастырскаго залива, сотканная изъ серебряныхъ блестокъ, чуть колышется, и такъ тихо и ровно, какъ грудь спящаго... Высоко въ небѣ, облитый потоками голубого луннаго свѣта, искрится и сверкаетъ золотой соборный крестъ... Дрожащіе и мелодичные звуки сорвались съ мѣднаго языка колокола и одинъ за другимъ понеслись по острову, теряясь и замирая въ чащѣ лѣса...

Вл. Поповъ.

Водопадъ.

Алмазна сыплется гора
Съ высотъ четыремя скалами;
Жемчугу бездна и сребра
Кипитъ внизу, бьетъ вверхъ буграми;
Отъ брызговъ синій холмъ стоитъ,
Далече ревъ въ лѣсу гремитъ.

Шумитъ—и средь густого бора
Теряется въ глуши потомъ;
Лучъ чрезъ потокъ сверкаетъ скоро;
Подъ зыбкимъ сводомъ древъ, какъ сномъ,
Покрыты волны, тихо льются,
Рѣкою млечною влекутся.

Сѣдая пѣна по брегамъ
Лежитъ клубами въ дебряхъ темныхъ;
Стукъ слышенъ млатовъ по вѣтрамъ,
Визгъ пилъ и стонъ мѣховъ подъемныхъ:
О, водопадъ, въ твоемъ жерлѣ
Все утопаетъ въ безднѣ, въ мглѣ!

Вѣтрами ль сосны обнаженны,
Ломаются въ тебѣ въ куски;
Громами ль камни отторженны,
Стираются тобой въ пески;
Сковать ли воду льды дерзаютъ,
Какъ пыль стеклянна ниспадаютъ.

Волкъ рыщетъ вкругъ тебя, и страхъ
Въ ничто вмѣняя, становится:
Огонь горитъ въ его глазахъ,
И шерсть на немъ щетиной зрится;
Рожденный на кровавый бой,
Онъ воетъ, согласясь съ тобой.

Лань идетъ робко, чуть ступаетъ,
Внявъ водъ твоихъ падущихъ ревъ;
Рога на спину преклоняетъ
И быстро мчится межъ деревъ;
Ее страшитъ вкругъ шумъ, бурь свистъ
И хрупкій подъ ногами листъ.

Ретивый конь, осанку горду
Храня, въ тебѣ порой идетъ;
Крутую гриву, жарку морду
Поднявъ, храпитъ, ушьми прядетъ,
И подстрекаемъ бывъ, бодрится,
Отважно въ хлябь твою стремится.

Г. Державинъ.

Поѣздка на водопадъ Кивачъ.

Для посѣщенія знаменитаго водопада, воспѣтаго Державинымъ, мы выѣхали изъ Петрозаводска въ 8 часовъ утра. Іюльское утро было жаркое, и день обѣщалъ быть палящимъ, утомительнымъ.

Первая перекладка лошадей совершена въ 17 верстахъ, въ селѣ Шуѣ. По обоимъ берегамъ широкой рѣки Шуи, состоя изъ 13 отдѣльныхъ деревень, раскинулось богатое село, очень людное и

древнее, на много лѣтъ болѣе старое, чѣмъ самъ Петрозаводскъ, потому что оно поминается въ писцовыхъ книгахъ XVII вѣка. Маленькіе куполы и шпили двухъ старинныхъ церквей—погостовъ—высились надъ гладью широкой долины, обрамленной олонецкими лѣсистыми холмами, и терявшимися вдали безсчетными, хорошо обстроенными, крестьянскими дворами. Въ Шуѣ переправили нашу коляску на паромѣ.

Петербургъ единственная столица въ мірѣ, имѣющая не вдали отъ себя три величественныхъ водопада, извѣстныхъ, по праву, всему бѣлому свѣту. Это Нарвскій водопадъ, въ шести часахъ ѣзды по Балтійской желѣзной дорогѣ, Иматра, въ Финляндіи, въ двѣнадцати часахъ, и, наконецъ, Кивачъ, Олонецкой губерніи, въ двухъ суткахъ прекраснаго пароходнаго сообщенія по Невѣ, Ладожскому озеру, рѣкѣ Свири и Онежскому озеру, и въ 65 верстахъ почтовою дорогою отъ города Петрозаводска, раскидывающагося на горѣ, на самомъ берегу послѣдняго изъ названныхъ озеръ. Посѣщеніе Кивача требуетъ, если ѣхать отъ Петрозаводска, двѣнадцати часовъ времени въ оба конца.

Шуя—село торговое, ярмарочное, дома прочные, большею частью двухъэтажные; надъ верхними балкончиками нѣкоторыхъ изъ нихъ, изъ-подъ длинныхъ сѣтей, виднѣлось вяленое мясо—весьма почитаемый здѣсь способъ заготовки для рабочихъ. Женскія одѣянія богаты; особенно замѣчательны кокошники, поднизи, серьги, монисты, украшенныя нитками мелкаго, находимаго въ здѣшнихъ рѣкахъ жемчуга.

Вслѣдъ за Шуей мѣстный олонецкій пейзажъ проступаетъ съ полною яркостью: безконечное множество озеръ, гранитныя и діоритовыя обнаженія древнихъ скалъ, поросшихъ густымъ чернолѣсьемъ. Дубовъ здѣсь нѣтъ уже совсѣмъ, клены очень рѣдки, за то царствуютъ вѣчно зеленая хвоя, береза и множество осинъ.

Осина, какъ извѣстно, то дерево, на которомъ, по оригинальному преданію, повѣсился Іуда, и этому обязана она своими мѣстными, особенными качествами. Такъ, по мнѣнію мало образованныхъ крестьянъ, противъ заклятыхъ, т.-е. противъ такихъ людей, чрезъ которыхъ вліяетъ на смертныхъ нечистая сила, дѣйствуетъ осиновый листъ; осиновый колъ вбивается въ спину умершему заклятому, чтобъ онъ не вставалъ; на недалекой отъ Петрозаводска Вознесенской пристани, въ случаѣ пожара на которомъ-нибудь изъ множества скученныхъ судовъ, необходимо бываетъ потопить судно, для чего обязательно сдѣлать въ немъ пробоину и воткнуть въ нее непремѣнно осиновый колъ?! Все это мѣстныя повѣрья Олонец-

каго края, которыя мало по малу уступаютъ мѣсто болѣе здравымъ воззрѣніямъ; осинъ тутъ, дѣйствительно, очень много, и разныхъ сортовъ, что нетрудно замѣтить всякому проѣзжающему. Гораздо труднѣе убѣдиться въ томъ, что однообразные пологи мховъ и лишаевъ, отъ бѣлыхъ и желтыхъ до красныхъ и темнобурыхъ, одѣвающіе скалы, вовсе не такъ однообразны, какъ кажется; ихъ неисчислимое количество видовъ и они составляютъ большинство мѣстной флоры, какъ по числу породъ, такъ и по распространенію недѣлимыхъ. Они такъ живучи, такъ цѣпки, эти маленькія хорошенькія созданія, что покрываютъ даже самыя плотныя породы кварца, гранита и яшмы.

При перекладкѣ лошадей на станціи Косалмѣ, можно осмотрѣть добычу руды на Укшезерѣ. Озерная желѣзная руда, состоящая изъ болѣе или менѣе крупныхъ катышковъ, образовалась, вѣроятно, отъ разложенія сѣрныхъ колчедановъ; она залегаетъ по дну озеръ на большей или меньшей глубинѣ слоями различной мощи и поднимается изъ воды деревяннымъ черпакомъ на плоты. Добыча ея составляетъ одинъ изъ существенныхъ заработковъ мѣстнаго населенія; озера обезрудѣвшія снова рудою не наполняются, но запасы руды все-таки необозримо велики. Такая же руда есть и въ болотахъ. Ее поднимаютъ со дна озера на плоты, какъ сказано, простыми черпаками и тутъ же промываютъ на грохотѣ.

Кончезерскій чугунно-литейный заводъ — третья станція. Это тотъ единственный заводъ, который въ 1783 году, когда, вслѣдствіе дороговизны работъ, закрыты были всѣ заводы Олонецкаго края, продолжалъ свою работу. Раскинутъ онъ очень красиво. Три озера: Укшезеро, Кончезеро и Пертозеро, составляя какъ бы одно цѣлое, расположены тутъ террасами, одно выше другого. Пертозеро лежитъ на четыре сажени выше Кончезера; скалистые перешейки, какъ горбы чудовищныхъ допотопныхъ животныхъ, высятся между ними, отдѣляя ихъ водныя равнины. Заводъ расположенъ на самомъ высокомъ центральномъ мѣстѣ, и новая церковь его видна издали. Видимое водное пространство, перерѣзанное мысами и островами, очень велико; обрамленное безконечною бахрамой зелени лѣсовъ, расположенныхъ по изогнутой линіи холмовъ и ложбинъ, оно образуетъ свѣтлыя прогалины вдаль и самые характерные первые планы пейзажа, которыми нельзя не любоваться.

На Кончезерѣ, говорятъ, столько острововъ, сколько дней въ году, и всѣ они расположены вдоль озера и носятъ имена святыхъ; одинъ только островъ, Богъ знаетъ почему, легъ поперекъ, и за это кличка ему „Дуракъ.“ Это обязательно разсказываютъ всякому

проѣзжающему. Въ этнографическомъ отношеніи любопытно то, что Кончезеро отдѣляетъ корельскія поселенія отъ русскихъ, и на двухъ берегахъ его звучатъ два разныхъ языка.

Пертозеро, вдоль котораго шелъ нашъ дальнѣйшій путь, окружено діоритами—замѣчательными жильными мѣсторожденіями мѣдныхъ рудъ, когда то разработывавшихся. Въ этихъ мѣстахъ населеніе главнымъ образомъ корельское. Кореловъ считается въ краѣ всего около 40000 человѣкъ; корелы есть и въ Новгородской губерніи. Оттѣсненные когда-то новгородцами, обращенные въ христіанство 600 лѣтъ тому назадъ, корелы отодвинулись въ болѣе глухія мѣста края, предоставивъ лучшія русскимъ. Они люди робкіе и довольно терпѣливо выносятъ данныя имъ клички: „корешки," „бѣлоглазой корехи;" деревни ихъ большею частью бѣдны, нелюдны, 2—6 дворовъ; церквей, часовенъ, крестовъ—множество: это память пустынножителей. Попадаются въ краѣ избы, построенныя 200 лѣтъ назадъ; избы кореловъ, большею частью, двухъэтажныя, благодаря обилію лѣса прочны, хороши, но это почти единственное, что свидѣтельствуетъ о благосостояніи: хлѣбъ пополамъ съ соломой и сосновою корой не рѣдкость. Охота и рыбная ловля здѣсь существенное подспорье крестьянскаго быта: оно и не мудрено, такъ какъ 1/6 часть края—вода, 5/6—лѣсъ. Рыбныя ловли бываютъ очень обильны: ловятъ рыбу неводами, мутниками, мережами, мòрдами; уловы на удочку даютъ иногда до двухъ пудовъ въ день: язь, сигъ, плотва, снитки, щука, окунь, ершъ—главная добыча.

Близость къ водѣ обусловливала, къ несчастью, сильную вѣру въ водяниковъ и цѣлый рядъ легендъ и пѣсенъ. Тутъ, на сѣверѣ, нельзя, конечно, ожидать яркости южно-русскихъ сказокъ, гдѣ дѣва вдѣваетъ въ иглу солнечные лучи и вышиваетъ ими на основѣ, сдѣланной изъ волосъ; тутъ больше сходства съ финскою, мрачною пѣснею, гдѣ пѣвецъ „Калевалы" говоритъ, что онъ „срываетъ пѣсни свои съ вересковъ," что „морозъ училъ его пѣснямъ, и дождь приносилъ слова."

Невидимый міръ существъ, по грубому мнѣнію многихъ мѣстныхъ людей, населяетъ нашъ міръ и странно сжился съ христіанскими понятіями. По океану-морю, говоритъ одна изъ былинъ, плавали двѣ—птицы гоголи: одинъ бѣлый—Господь, другой черный—Сатана. По повелѣнію Бога и благословленію Богородицы, Сатана поднялъ со дня моря горсть земли; изъ нея Богъ сотворилъ ровныя мѣста и поля, а Сатана—непроходимыя пропасти и овраги. Ударилъ Господь въ камень и создалъ силы небесныя; ударилъ Сатана—и и создалъ свое воинство. Была великая война, и воинство Сатаны

попадало на землю: кто въ лѣсъ—сталъ лѣсовикомъ, въ домъ—домовникомъ, въ баню—байникомъ, во дворъ—дворовикомъ, въ воду—водянымъ.

И держится въ крестьянахъ это безсмысленное понятіе о безсчетной нечистой силѣ, залегающей повсюду; на человѣка, думаютъ они, можетъ она дѣйствовать только чрезъ посредство злыхъ людей, такъ называемыхъ „заклятыхъ". Живутъ эти заклятые, по повѣрью, въ особыхъ деревняхъ-становищахъ; въ Ишъ-горахъ и Мянь-горахъ; тамъ въ темную ночь—бѣлый день, нѣтъ конца шуму, пляскамъ, игрищамъ, яствамъ и питію. Не дай Богъ попасть къ нимъ! На нашемъ пути подобныхъ становищъ намъ, конечно, не попадалось.

У нѣсколькихъ крутыхъ спусковъ и подъемовъ, напримѣръ, у Сулажгоры, экипажи сдерживались и накатывались людьми.

Къ часу пополудни, въ самый жаръ, остановились мы въ лѣсу, въ глубокомъ облакѣ пыльной дороги, на краю спуска съ высокой горы. Подлѣ насъ, гдѣ-то изъ-за деревьевъ, ревѣлъ Кивачъ. Мы сошли съ экипажей; это было хорошо, что мы спустились къ Кивачу пѣшкомъ, потому что иначе не имѣли-бы удовольствія видѣть, какъ мало-по-малу, влѣво отъ насъ, изъ-за густой листвы и стволовъ деревьевъ, сквозь прозрачныя полуденныя тѣни, залегавшія въ лѣсу, мѣстами пронизанныя яркими снопами лучей солнца, проступали однѣ за другими, сначала бѣлыми клочьями, а потомъ колоссальными бѣшенными бѣлыми массами, вихрившіяся стремнины Кивача.

Еще нѣсколько шаговъ, и лѣсъ отступилъ совсѣмъ, и свирѣпый „падунъ", такъ называется здѣсь водопадъ, во всей дикой красѣ своей явился передъ нами, влѣво отъ моста, перекинутаго черезъ рѣку Суну. Моста этого еще недавно не было, и не было поэтому лучшаго вида на Кивачъ, съ разстоянія какихъ-нибудь ста саженъ, прямо лицомъ къ лицу съ водопадомъ, во всей совокупности богатаго пейзажа скалъ и лѣсовъ, обрамляющихъ его, съ большимъ павильономъ, поставленнымъ справа, и небольшою бесѣдкой съ лѣвой стороны. Подъ ногами нашими уносились подъ мостъ истерзанныя пѣнившіяся струи воды, только что побывавшей въ водоворотѣ; множество столбиковъ бѣлой пѣны, которые по утрамъ и въ свѣжія ночи бываютъ очень характерны и высоки, точно плавающія башенки, двигались передъ нашими глазами съ замѣчательною быстротой, вальсируя по струямъ и группируясь самымъ фантастическимъ образомъ.

А влѣво, въ блескѣ полуденнаго солнца, высился самъ падунъ, неумолкаемый, вѣчный, чудесный, точно бѣлый царь этой глухой,

далекой мѣстности, изрекающій какіе-то невѣдомые, все покрывающіе своими звуками законы.

Чтобы подойти къ падуну вплотную, надо перейти Суну по мосту и взойти по деревяннымъ сходнямъ, влѣво отъ моста, къ павильону, построенному въ 1858 году къ пріѣзду Императора Александра II. Павильонъ возвышается почти надъ самымъ водопадомъ, чуть-чуть пониже главной стремнины его.

Вблизи Кивачъ страшнѣе, величественнѣе своею семисаженною высотой, своими сердитыми, бѣлыми кудрями, но вы какъ-то не овладѣваете имъ, вы его не окидываете взглядомъ въ той несокрушимой рамкѣ, которая ему назначена и которая такъ безподобна хороша при взглядѣ на него отъ моста. Желтоватая вода Суны, точно ничего не вѣдая, плавно, хотя и быстро, подкатывается сверху къ водопаду; у самаго края его вы видите, какъ во всю ширину рѣки ее точно вздуваетъ; слегка запузыриваясь, мощно изгибаясь, наливаясь широкою, круглою грудью, струи рѣки сразу попадаютъ въ стремнину, въ острый уголъ, образуемый двумя главными утесами. Что происходитъ тамъ, между этихъ двухъ утесовъ, этого не описать. Всѣхъ глаголовъ русскаго языка, изображающихъ стукъ и дѣйствіе, не хватитъ для этого описанія. Между молотами и наковальнями всѣхъ силъ и величинъ дробится вода въ падунѣ. Лодка съ куклами, спущенная въ него, громадный плотъ съ зажженными на немъ грудами хвои, десятки балокъ—все это уходитъ въ него, поглощается. Говорятъ, что былъ когда-то такой смертный, который, попавъ въ водопадъ, увидѣлъ, пройдя его, свѣтъ Божій вторично. Трудно повѣрить. Должно быть, въ самомъ центрѣ водопада русло рѣки изрыто чрезвычайно глубоко, потому что огромныя пятисаженныя балки, попавъ въ него, пробывъ болѣе или менѣе долго подъ водой, выскакиваютъ изъ какихъ-то невѣдомыхъ глубинъ на $^3/_4$ своей длины, точно небольшіе карандашики. Отвести рѣку Суну человѣкъ можетъ, но узнать, что дѣлается въ холодномъ кипѣньи падуна—никогда!

Еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ подлѣ Кивача находили много орудій каменнаго вѣка: топорики, молотки, такъ называемыя „громовыя стрѣлы“ изъ змѣевика, обсидіана и гранита; въ настоящее время, говорятъ, ихъ больше не находятъ.

Кивачъ, какъ извѣстно, послужилъ Державину, бывшему олонецкимъ губернаторомъ, темою для знаменитаго стихотворенія его "Водопадъ“. Особенной „алмазности“ въ желтыхъ водахъ Суны нѣтъ, но это не мѣшаетъ красотѣ стихотворенія.

Есть глубокая, неописуемая прелесть въ созерцаніи такихъ

грохочащихъ чудесъ Божьяго міра, какъ Кивачъ, и нѣтъ конца тѣмъ чувствамъ спокойствія и благоговѣнія, которыя снисходятъ въ сердце человѣческое, часто осиливаемое жизнью и ея трудностями. Грохотъ водопада какъ-бы превозмогаетъ весь грохотъ жизни, часто обуревающей сердце людское и несомнѣнно умиротворяетъ его. Взгляни на меня, говоритъ ему тысячами голосовъ, очертаній и красокъ водопадъ, повѣрь въ неизмѣнное Божье руководительство, въ его мощь и неизмѣнность и найди успокоеніе, какъ нахожу его, пройдя стремнину, и я...

К. Случевскій.

Двѣ картины.

Прекрасно озеро Чудское,
Когда надъ нимъ свѣтило дня
Изъ синихъ водъ, какъ шаръ оно,
Встаетъ въ торжественномъ покоѣ:
Его красой озарена,
Цвѣтами радуги играя,
Лежитъ равнина водяная
Необозрима и пышна;
Прохлада утренняя вѣетъ,
Едва колышутся лѣса;
Какъ блестки золота, свѣтлѣетъ
Ихъ переливная роса;
У пробудившагося брега
Стоятъ, готовые для бѣга
И тихо плещутъ паруса;
На лодку мрежи собирая,
Рыбакъ взываетъ и поетъ,
И пѣсня русская, живая,
Разносится по глади водъ.

Прекрасно озеро Чудское,
Когда блистательнымъ столбомъ
Свѣтило искрится ночное
Въ его кристаллѣ голубомъ:
Какъ тѣнь, отброшенная тучей,
Вдоль искривленныхъ береговъ,
Чернѣютъ образы лѣсовъ
И кое-гдѣ огонь пловучій
Горитъ на челнахъ рыбаковъ;
Безмолвна синяя пучина,
Въ дубравахъ мракъ и тишина,
Небесъ далекая равнина
Сіянья мирнаго полна;
Лишь изрѣдка, съ богатымъ ловомъ
Подъемля сѣти изъ воды,
Рыбакъ живитъ веселымъ словомъ
Своихъ товарищей труды;
Или—путемъ дугообразнымъ—
Съ небесныхъ падая высотъ,
Звѣзда надъ озеромъ блеснетъ,
Огнемъ разсыплется алмазнымъ,
И въ отдаленьи пропадетъ.

Н. Языковъ.

Вѣчевой городъ.

Не особенно далеко былъ уже и Новгородъ. Мы вышли на палубу. Пароходъ шелъ обычнымъ ходомъ. По сторонамъ Волхова тамъ и сямъ мелькали сѣрыя крестьянскія постройки шаблонной формы, деревеньки и села, и надо всѣмъ этимъ возносились колоссальные соборы монастырей, находящихся не въ далекомъ разстояніи одинъ отъ другого; они своимъ величіемъ подавляли жалкія деревушки. Домики послѣднихъ, казалось, въ страхѣ ютились другъ къ другу, съ подобострастіемъ взирая на древнихъ гигантовъ своими подслѣповатыми окнами. Ихъ слѣпилъ блескъ золоченыхъ главъ, горѣвшихъ на солнцѣ.

Вотъ стоятъ величаво спокойныя постройки Хутынскаго монастыря, съ бѣлымъ соборомъ во главѣ. Ихъ окуталъ вѣковой садъ съ роскошною зеленью, которая будто темнымъ пятномъ вырисовывается на блѣдной лазури неба. Старинный садъ словно хочетъ сбѣжать съ небольшого холма, разростись въ ширь и въ даль; но монастырь окруженъ, какъ кольцомъ, бѣлой каменной стѣной, сковавшей и жизнь человѣческую и жизнь растеній.

Подвигаемся далѣе.

Вотъ раскинулся монастырь Деревяницкій, тоже утопающій въ зелени, а на противоположномъ берегу, точно совсѣмъ на воздухѣ, вырѣзались деревянныя постройки Колмова, которыя охраняются, точно сторожевымъ псомъ, высокимъ каменнымъ домомъ — колмовкой богадѣльней.

Нѣсколько взмаховъ колесъ — и показался Новгородъ, во всей своей красотѣ, съ мостомъ, висящимъ какъ-бы на воздухѣ. Но за поворотомъ рѣки видѣніе исчезаетъ, какъ миражъ. Широко расползлись по холму зданія Антоніева монастыря и духовной семинаріи. Архитектура ихъ тяжела. Постройки гнѣздятся въ безпорядкѣ, массивны и нѣсколько неуклюжи.

Мы уже у города. Вотъ видна и пристань. Толпы народа... Всѣ зашевелились на пароходѣ. Раздался рѣзкій свистокъ—и пароходъ началъ причаливать къ пристани.

* * *

Какъ и прежде, теперь Новгородъ дѣлится на двѣ стороны—на Торговую, расположенную на правомъ берегу Волхова, и Софійскую,

занимающую лѣвый берегъ вольной рѣки. На Торговой сторонѣ стариннаго Новгорода было два конца: Словенскій и Плотницкій... Св. Софія была и останется новгородскою святынею, за которую отважно бились сыны великаго города, но Торговая сторона играла всегда важную роль въ жизни вѣчёвой республики и ея душою были Ярославово дворище и смежная ему площадь Торга. Здѣсь находился форумъ Новгорода,—который тогда былъ не тихій, полумертвый губернскій городъ, а вольная столица славянскаго сѣвера, одному Любеку уступавшая по своимъ торговымъ оборотамъ и по кипучей промышленной жизни. Да еще уступала-ли?.. Его считили богатѣйшимъ городомъ, и конторы Ганзы были подчинены его альдерману... Вся азіатская торговля проходила черезъ руки новгородскія въ сѣверную Европу, а водяные пути ихъ по Волхову и Наровѣ ограждены были крѣпостями, за которыя бились они на-смерть со шведами и рыцарами ливонскими; до ста тысячъ войска могъ выставить могущественный Новгородъ, долгое время разговаривавшій съ московскими князьями, какъ съ равными братьями, какъ держава съ державою...

Таковъ былъ Новгородъ стараго времени, управляемый вѣчемъ... Оно помѣщалось въ Ярославовомъ дворищѣ, на площадь котораго по звуку колокола стекались народныя массы... На высокомъ помостѣ, возвышавшемся *степенью*, возсѣдали вѣчевыя власти, отсюда-же посадники держали рѣчь къ народу.

Изо-дня въ день—на обширной Торговой площади кипѣла жизнь; здѣсь совершались торговыя сдѣлки, сюда шли „гости“ для рѣшенія своихъ дѣлъ; тутъ постоянно двигался народъ около массы балагановъ и лавокъ; и на новгородскомъ Торгу можно было встрѣтить представителей не только всѣхъ русскихъ городовъ, но и иностранныхъ... Не было мѣста оживленнѣе Торга, гдѣ подготовлялись и самыя вѣчевыя бури; сюда, къ „голытьбѣ“, доносились отголоски вѣча, и поднималась эта „голытьба“, поднимались и „концы“, при звукахъ колокола собирались они подъ свои стяги и шли къ Торгу рѣшать побѣду той или другой партіи... Торгъ былъ такое мѣсто, которое нельзя было миновать ни духовной процессіи, шедшей изъ Дѣтинца, ни простой массѣ, переходившей съ одной стороны на другую черезъ Волховскій мостъ. И Торгъ являлся свидѣтелемъ вѣчевыхъ смутъ и мирнаго промышленнаго оживленія. Вблизи Торга, южнѣе Ярославова дворища—были расположены дворы иноземныхъ гостей-купцовъ, дворъ Ганзейскій и Готскій... Сюда спѣшили укрыться торговцы при первомъ признакѣ народной смуты, не знавшей края и мѣры въ своей ярости, свергавшей лучшихъ бояръ въ

Волховъ, грабившей дома боярскіе и не щадившей даже церковныхъ кладовыхъ...

И вотъ протекли столѣтія... Былью стала Новгородская вольность, сказкою—его богатства, его могущества... Въ міръ преданій отошелъ вѣчевой Новгородъ... Тихо, какъ на кладбищѣ, на тѣхъ самыхъ мѣстахъ, гдѣ кипѣло бурное народное море! И только уцѣлѣвшіе памятники старины доказываютъ собою намъ, что все прошлое—не вымыселъ. Новгородская слава умерла навѣки, но о ней говорятъ преданія, лѣтописи и тѣ памятники, на которыхъ лежитъ еще нестертая печать стариннаго величія.

Съ тихой грустью приблизился я къ вѣчевому кладбишу. Воспоминанія роились въ головѣ. Одна картина за другой проносились въ моемъ воображеніи.

Гдѣ же новгородскій форумъ? гдѣ вѣче? въ чемъ слѣды Торга? Я искалъ какъ-то разъ могилу умершаго друга и едва нашелъ ее по обломку сгнившаго креста. Заброшенная Ярославова башня—это обломокъ креста, обломокъ памятника на могилѣ вѣчевого новгородскаго величія. Она безмолвна, лишенная колокола, покорная всесильному времени, которое, благодаря нашей безпечности, пожалуй, совсѣмъ сотретъ съ лица земли и этотъ историческій обломокъ. На вѣчевой башнѣ теперь сушатъ бѣлье сторожа городского училища, которое помѣщается въ зданіи Ярославовомъ, занимая этажи подъ историческою башнею. Съ башни прекрасный видъ на Волховъ, гогодъ и его окрестности.

Степени давно нѣтъ, и вѣчевой форумъ, согласно прозаическому времени, сдѣлался рынкомъ, гдѣ, вмѣсто прежнихъ громадныхъ операціи, идетъ скудная торговля. Самый дворецъ застроенъ кладовыми и частными домами, и только церкви обозначаютъ собою то мѣсто, гдѣ былъ княжескій дворъ. Посреди нихъ, стѣснившихся на мѣстѣ бывшей площади Торга и княжескаго двора, возвышается Никольскій соборъ, замѣчательный древностью и красотой; нѣкоторые утверждаютъ, что на Никольской колокольнѣ висѣлъ вѣчевой колокомъ. Но это вопросъ еще спорный.

— Давно-ли построенъ соборъ?

— Въ 1113 году, княземъ Мстиславомъ,—отвѣтилъ мнѣ діаконъ

— Почему-же въ честь св. Николая чудотворца?

— По обѣту.

Онъ разсказалъ мнѣ преданіе, которое я передаю здѣсь, въ болѣе полномъ видѣ, со словъ И. Купріянова: „Великій Князь, будучи еще удѣльнымъ княземъ новгородскимъ, занемогъ тяжкимъ недугомъ. Когда всѣ извѣстныя въ тогдашнее время медицинскія по-

собія оказались тщетными, то благочестивый князь возложилъ всю надежду свою въ исцѣленіи на Бога и на предстательство его угодника Чудотворца Николая, коего мощи незадолго передъ тѣмъ, именно въ 1096 г., были перенесены изъ Міръ-Ликійскихъ въ городъ Баръ. Св. Николай явился страждущему князю въ сновидѣніи и приказалъ ему привезти свой образъ изъ Кіева въ Новгородъ, обозначивъ съ точностію мѣру и видъ иконы, отъ коей онъ долженъ былъ получить исцѣленіе. Князь Мстиславъ немедля снарядилъ посольство за иконою. Посланные отправились въ лодкѣ озеромъ Ильменемъ въ Старую Русу, черезъ которую въ старину лежалъ путь на югъ Руси. Не въ дальнемъ разстояніи отъ города буря застигла плавателей на озерѣ, такъ что они принуждены были пристать къ берегу, чтобы переждать непогоду. На четвертый только день буря утихла, и посланные отправились было въ дальнѣйшій путь, какъ вдругъ, близъ самой ладьи, поваръ, посланнаго за иконою боярина, черпая воду, увидѣлъ круглую доску съ изображеніемъ лика св. Николая, плывшую подлѣ лодки. По ближайшемъ разсмотрѣніи ея, посланные убѣдились, что эта есть та самая икона св. Николая, за которою они ѣхали въ Кіевъ. Князь Мстиславъ, увидѣвъ ее, призналъ именно тою, которую велѣно было ему достать и отъ которой онъ ожидалъ исцѣленія. Выздоровѣвшій тогда-же Мстиславъ далъ обѣтъ соорудить въ Новгородѣ храмъ въ честь этого угодника.“ Стройка храма—продолжалась 23 года.

— Сохранился этотъ образъ?

— Какъ же, онъ то и есть первое сокровище собора.

Икона находится по правую сторону царскихъ вратъ и совершенно круглая. По сторонамъ лика угодника изображены его чудеса; эти изображенія уже новаго письма.

* * *

Какая пустота въ Дѣтинцѣ! Посрединѣ памятникъ тысячелѣтія, направо—соборъ и архіерейскій дворъ, налѣво—присутственныя мѣста, нѣсколько казенныхъ домиковъ, двѣ церкви и... все!

А прежде?

Историческій Дѣтинецъ былъ густо заселенъ и плотно застроенъ. Въ немъ помѣщалось до 26 церквей, 150 жилыхъ дворовъ и 40 лавокъ. Въ него вело пять воротъ съ выстроенными надъ ними церквами. На стѣнахъ—башни и бойницы, изъ которыхъ уцѣлѣло только девять: въ нихъ теперь разные архивы. Самая высокая башня—Кокуй или Чортова.

— Отчего такое названіе?

— По преданію, тамъ жила кукушка, которая давала знать о приближеніи врага.

— Можно теперь взойти на башню?

— Опасно.

Старинныя ворота въ разное время задѣланы; всѣхъ позже *Водянныя*, въ которыя нѣкогда проходила духовная процессія на рѣку въ крещеніе и 1-го августа. Теперь въ Кремль ведутъ двое широкихъ воротъ, которыхъ прежде не было.

— А церкви сохранились еще на стѣнахъ?

— Ни одной. Остались двѣ часовни, да еще у стѣны одна.

Многіе думаютъ, что настоящій Дѣтинецъ—древній, существующій съ самого основанія и только ремонтированный. Это ошибка. Дѣтинецъ, основанный въ 1044 году Владиміромъ Ярославовичемъ, былъ просто-напросто частоколъ. Онъ сгорѣлъ въ 1097 году, и вскорѣ его срубили вновь. И только въ 1303 году Новгородъ увидѣлъ у себя каменный Дѣтинецъ. Разливы рѣки и пожары не щадили и этотъ Кремль: въ 1487 году вся восточная сторона его, вмѣстѣ съ колокольнею, рухнула.

На заброшенный Дѣтинецъ снова обратилъ вниманіе Петръ I, который, боясь нападенія шведовъ, устроилъ вокругъ него бастіоны. Теперь нѣтъ и слѣдовъ этихъ послѣднихъ.

Дѣтинецъ представлялъ изъ себя крѣпкую защиту: сюда спасались отъ враговъ, здѣсь же, подъ сѣнію св. Софіи, искали убѣжища тѣ, чьей смерти жаждала разъяренная толпа. Нерѣдко вѣчевое собраніе кончалось страшной междоусобицей, и тогда сюда прибѣгали посадники н тысяцкіе, взывая къ владычной помощи. И выходилъ владыка съ крестомъ въ рукахъ, становился посреди разсвирѣпѣвшей толпы и прекращалъ нерѣдко кровопролитіе. Если и случалось, что появленіе пастыря не прекращало буйства, то не было примѣра, чтобы толпа врывалась въ Дѣтинецъ и тѣмъ болѣе во владычный дворъ. Не говоря уже о томъ, что народное благоговѣніе къ св. Софіи было велико, надо помнить, что Дѣтинецъ и преимущественно дворы Софійской и Владычный оберегались особымъ войскомъ—„Владычнымъ стягомъ.“

Софійская сторона дѣлилась на три конца, и лучшимъ считался Загородскій, а въ немъ Прусская улица—аристократическимъ уголкомъ города. Здѣсь жили знатнѣйшіе бояре и посадники, а потому онъ являлся центромъ и источникомъ всякихъ движеній.

И все это миновало...

Мы прошли по пустой площади Кремля и поднялись на ступени Софійскаго собора.

Святая Софія!

Можно-ли войти безъ благоговѣнія подъ эти вѣковые своды, подъ сѣнью которыхъ въ продолженіе восьми столѣтій возносилась горячая молитва, совершалась безкровная жертва, и лучшіе люди, чьи имена занесены въ исторію на удивленіе потомства, преклоняли свои колѣна въ молитвенномъ экстазѣ! Сколько знаменательныхъ событій, сколько историческихъ памятниковъ и именъ!.. Минувшимъ величіемъ, чѣмъ-то возвышеннымъ и святымъ напоена вся атмосфера собора.

Новгородскій соборъ послужилъ образцомъ для Владимірскаго (1160), а по образцу этого послѣдняго построенъ въ Москвѣ Успенскій.

Не особенно длинна лѣтопись Новгородскаго собора. Въ немъ есть придѣлъ св. родителей Богородицы, устроенный въ память церкви Іоакима и Анны. Эта церковь была создана въ 990 году, епископомъ Іоакимомъ, крестившимъ Новгородцевъ. Она долго существовала позади собора. Іоакимъ же построилъ деревянную церковь во имя св. Софіи (о 13 главахъ, знаменовавшихъ Христа съ апостолами), которая сгорѣла лѣтъ 70 спустя; на мѣстѣ ея возникла церковь св. Бориса и Глѣба, которой теперь также нѣтъ. Каменный храмъ св. Софіи созданъ по образцу Кіевскаго, которому онъ нисколько не уступаетъ. Вышина собора 23 сажени, куполъ поддерживается громадными колоннами.

— Съ чего же мы начнемъ обозрѣніе?

— А вотъ посмотрите образъ св. Софіи. Премудрость Божія изображена въ видѣ ангела великаго свѣта; она сидитъ на престолѣ, по сторонамъ котораго св. Дѣва и Предтеча, а надъ ними развернутое Евангеліе съ ангельскими ликами. Противъ иконостаса устроено два мѣста—царское и святительское. Ихъ устроилъ епископъ Пименъ, сначала любимецъ Грознаго и судія св. Филиппа, а потомъ жертва расправы Грознаго. Владыку посадили на бѣлую кобылу въ рваной одеждѣ, дали ему въ руку волынку, бубенъ, и какъ шута возили по улицамъ. Послѣ такого осмѣянія отправили вслѣдъ за другими опальными.

— Какъ, однако, темно здѣсь!

— Маловаты окошки. Чувствуете, какая сырость?

— А что это вверху хора?

— Это такъ называемыя полати.

Внутри собора 10 столбовъ, на 6-ти изъ которыхъ и держится

верхній ярусъ храма—полати. Онѣ освѣщаются чрезвычайно узкими окошками.

Главный престолъ собора во имя Успенія Богоматери; кромѣ его еще 5 придѣловъ: 2 съ южной, 2 съ сѣверной и 1 съ юго-западной стороны. Соборъ богатъ мощами. Здѣсь лежатъ: св. Никита, Іоаннъ и Григорій, Мстиславъ, Ѳеодоръ Ярославовичъ, Анна и др. Особенно чтимы: Никита, Мстиславъ и Іоаннъ, о которыхъ сохранились разсказы и преданія.

Св. Никита былъ сначала кіево-печерскимъ монахомъ. Его уже всѣ считали праведнымъ, когда онъ подпалъ искушенію бѣса: возмнивъ о себѣ, пересталъ молится—по слову того-же злого духа, явившагося въ видѣ ангела. Когда подвижникъ понялъ обманъ, онъ предался еще большему посту и усиленной молитвѣ. Въ санѣ новгородскаго епископа Никита снискалъ общую любовь и за благочестивую жизнь былъ причисленъ къ лику святыхъ. Его мощи 450 лѣтъ лежали подъ спудомъ и открыты по видѣнію, бывшему одному боярину.

Напротивъ св. Никиты, въ серебряной ракѣ, покоится Мстиславъ, славный сынъ Ростислава, любимый всѣмъ народомъ. Нетлѣнныя руки его, доблестно владѣвшія мечемъ, крестообразны сложены на груди. Оба угодника почиваютъ въ придѣлѣ Рождества Богородицы, который отдѣляется отъ главной церкви такъ называемыми Шведскими воротами: они состоятъ изъ двухъ половинокъ, каждая обложена мѣднымъ листомъ и раздѣляется каймою на три отдѣленія. Въ каждомъ отдѣленіи по четыреугольнику, составленному изъ двухъ рядовъ линій, съ двойнымъ полукружіемъ внутри: въ полукружіи шестиконечный крестъ. Кайма сдѣлана изящно и состоитъ изъ розетокъ, цвѣтовъ и звѣздъ.

— Отчего они называются Шведскими?

— Если вѣритъ преданію, они взяты изъ Шведской столицы Сектуны, отъ чего ихъ и называютъ еще Сектунскими. Сектуну раззорили морскіе разбойники вмѣстѣ съ новгородцами. Сначала ворота были высеребрены, но серебро давно уже сошло.

Открытыя мощи Іоанна находятся въ Предтеченскомъ придѣлѣ.

Іоаннъ, одинъ изъ славнѣйшихъ епископовъ новгородскихъ, избранъ на каѳедру, будучи простымъ іеромонахомъ. Получивши санъ епископа, онъ остался тѣмъ же кроткимъ и смиреннымъ, какимъ былъ ранѣе, продолжая подвиги труженика и постника. Его молитвою спасся Новгородъ отъ раззоренія Романа Суздальскаго и „семидесяти князей, съ нимъ пришедшихъ.“

Три дня молился епископъ передъ иконою Спасителя и, нако-

нецъ, услышалъ гласъ, повелѣвавшій поднять икону Богоматери изъ церкви Спаса на Ильинской улицѣ и принести на стѣну Дѣтинца. Тщетно сперва хотѣли взять икону—ее не могли сдвинуть съ мѣста.

Іоаннъ упалъ ницъ передъ образомъ; по долгой молитвѣ, икона заколебалась. При радостномъ крикѣ и пѣніи, ее подняли и понесли на стѣны, гдѣ кипѣла сѣча. Одна изъ вражескихъ стрѣлъ ударилась въ икону и тутъ то совершилось чудо. Изъ очей Богоматери полились слезы, и вдругъ тьма покрыла враговъ. Новгородцы бросились на нихъ и довершили побѣду.

Кромѣ святыхъ угодниковъ, въ соборѣ погребено много владыкъ и князей новгородскихъ. Въ числѣ первыхъ находится и знаменитый сотрудникъ Петра—Ѳеофанъ Прокоповичъ.

Замѣчательно въ главномъ алтарѣ горнее мѣсто съ 6-ю ступенями; по сторонамъ его каменныя сидѣнья. Въ нишѣ стѣны кресло, гдѣ возсѣдали владыки новгородскіе и на которое садиться теперь имѣетъ право только одинъ митрополитъ. Кресло деревянное, массивное, рѣзныя, золоченыя ножки въ видѣ рыбъ.

Всѣ стѣны главнаго алтаря обложены мозаикой въ видѣ плитокъ желтаго, зеленаго и кофейнаго цвѣтовъ.

— Обратите вниманіе,—замѣтилъ о. Александръ:—эта мозаика современна основанію собора.

Осмотрѣли мы древнія иконы, которыхъ немало, паникадилы и, поклонившись праху юнаго Ѳеодора Ярославовича, умершаго въ день своей свадьбы, отправились по узкой темной лѣстницѣ въ ризницу, славящуюся своими древностями.

Соборъ имѣетъ 6 главъ, изъ нихъ 5 посерединѣ. Западная-же часть собора образуетъ какъ бы двухъ-этажную пристройку, и надъ ней-то 6-я глава. Второй этажъ составляютъ древнія полати: здѣсь нѣсколько комнатъ, въ которыхъ помѣщается ризница, а прежде хранилась и библіотека. Шестая глава—это открытый фонарь или бельведеръ надъ пристройкою.

За толстыми, старинными желѣзными дверями хранятся мѣстныя сокровища и древности. Въ первомъ шкафу, за стекломъ,—святительскія одежды, которымъ уже нѣсколько сотъ лѣтъ; особеннаго вниманія между ними заслуживаетъ коричневая штофная мантія святого Никиты, находившаяся 450 лѣтъ въ землѣ. Затѣмъ—царская шапка, штофная малиновая съ золотымъ шитьемъ, опушенная горностаемъ. Оборванный мѣхъ позволяетъ видѣть деревянный, крашеный ободъ.

— А вотъ шапка св. Никиты.

Она синяя, также штофная, съ горностаевой опушкой, съ изображенiемъ херувимовъ и серафимовъ, вышитыхъ золотомъ.

— А это что?

— Посохи.

Ихъ нѣсколько. Одинъ изъ нихъ съ искусной, прозрачной рѣзьбой по кости, прерываемой шариками изъ чернаго хрусталя. Есть посохъ металлическiй, два деревянныхъ.

— А это—неужели посохъ?

— Нѣтъ, это долбня Ивана Грознаго, только ужъ безъ головки и наконечника.

Прежде чѣмъ спуститься внизъ, мы завернули еще въ архивъ, гдѣ есть очень глубокiй колодецъ, въ которомъ хранились рукописи и драгоцѣнныя книги. Все это вывезено. Массами, въ баркахъ возили рѣдкiя рукописи, и половина ихъ погибла.

День стоялъ чудный, ясный. Послѣ мрака и сырости я былъ радъ свѣту и теплу.

Снаружи соборъ не особенно красивъ. Онъ построенъ изъ камня—плитняка, булыжника и кирпича. Изъ 6-ти главъ, средняя—золотая, уже теперь совершенно почернѣвшая, а остальныя—прежде свинцовыя — нынѣ покрыты англiйской жестью. Кресты—мѣдные, вызолоченные черезъ огонь. На крестѣ средней главы—металлическiй голубь.

— Духъ Святой осѣняетъ храмъ.

*
* *

Возвращаясь изъ сада домой черезъ Волховскiй мостъ, я остановился на немъ. Рѣка величаво катила свои воды. Невольно припомнились мнѣ стихи Губера:

Плачетъ бѣлой кровью
О былыхъ бояхъ...

Вольная рѣка такъ и осталась вольною, не покорилась человѣку, и до сихъ поръ на ней не устроено ни одной мельницы. Я думаю, немногимъ извѣстна легенда о Невѣжѣ, и потому я позволяю себѣ разсказать ее.

Владыка Макарiй въ 1528 году вздумалъ построить на Волховѣ, близъ Кремля, мельницу, чтобы увеличить доходы св. Софiи. Онъ поручилъ это дѣло псковитянину Невѣжѣ. Этотъ выбралъ для мельницы мѣсто на релькѣ, гдѣ были тогда бани. Онъ понадѣлалъ много срубовъ и сталъ ихъ затапливать на днѣ рѣки, накладывая въ середину каменья. Соорудивъ ограду, онъ уставилъ колеса и

жернова—и мельница начала уже работать. Народъ дивился и недовѣрчиво, качая головою, говорилъ: „Волховъ нашъ смолоду не мололъ а чи на старость начнетъ молоть“. Невѣжа не сообразилъ, что Ильмень весною буренъ и многоводенъ; и вотъ настала весна, пошелъ ильменьскій ледъ по Волхову—и мельницу снесло отъ напора льда и теченія. Въ лѣтописи по сему случаю сказано: „И самое то мѣсто разруши и разнесе, и деже жерновь стоя,—и не бысть ничего, полико мало срубовъ осталось да каменья въ водѣ“!

И съ тѣхъ поръ оставили Волховъ въ покоѣ. Я стоялъ посрединѣ моста, глядѣлъ на рѣку и думалъ: уснулъ дѣдушка Волховъ, угомонился. Все прошло и навѣки минуло.

Прошлое умерло. Новгородъ—вѣчевой, богатый, сильный—давно кончилъ свою жизнь и, какъ актеръ, сыгравшій роль, сошелъ со сцены. Остался Новгородъ—кладбище, полное памятниковъ и преданій, остался городъ воспоминаній, славный въ прошломъ, а теперь—губернскій городъ, какихъ много на Руси и среди которыхъ онъ занимаетъ невидное даже мѣсто. Въ немъ теперь около 20000 жителей, занимающихъ пространство въ 1370 десятинъ, а когда-то считалось болѣе 60000 гражданъ. Единственное преимущество города, что въ немъ жить не тѣсно и при небольшомъ вниманіи къ гигіенѣ—здорово. Если прибавимъ, что квартиры недороги, и жизнь вообще также не дорога, то будетъ понятно, почему сюда стремятся всѣ люди небогатые и отставные.

Древній Новгородъ умеръ, но памятники его славы еще живы. У кого есть и время и средства, тѣмъ я совѣтую заглянуть въ Новгородъ. Въ немъ много поучительнаго и интереснаго. Время безжалостно уничтожаетъ все. Ему помогаютъ равнодушіе и невѣжество. И кто знаетъ—быть можетъ, недалеки уже тѣ дни, когда отъ древняго города не останется и слѣда. Кто любитъ Русь и хочетъ знать ее,—пусть поспѣшитъ въ историческую колыбель. Сразу она не понравится. Удручающее впечатлѣніе произведетъ она. Но останьтесь, присмотритесь со вниманіемъ къ остаткамъ древняго города, воскресите въ памяти былое—и дума охватитъ васъ. И чѣмъ больше вы будете всматриваться, тѣмъ дороже станетъ вамъ все прошлое.

А. Кругловъ.

Изъ поѣздки въ Полѣсье.

Видъ огромнаго, весь небосклонъ обнимающаго бора, видъ „Полѣсья“ напоминаетъ видъ моря. И впечатлѣнія имъ возбужда-

ются тѣ же; та же первобытная, нетронутая сила разстилается широко и державно передъ лицомъ зрителя. Изъ нѣдра вѣковыхъ лѣсовъ, съ безсмертнаго лона водъ поднимается тотъ же голосъ: „Мнѣ нѣтъ до тебя дѣла,—говоритъ природа человѣку:—я царствую, а ты хлопочи о томъ, какъ бы не умереть“. Но лѣсъ однообразнѣе и печальнѣе моря, особенно сосновый лѣсъ, постоянно одинаковый и почти безшумный. Море грозитъ и ласкаетъ, оно играетъ всѣми красками, говоритъ всѣми голосами; оно отражаетъ небо, отъ котораго тоже вѣетъ вѣчностью, но вѣчностью какъ будто намъ нечуждой... Неизмѣнный, мрачный боръ угрюмо молчитъ или воетъ глухо—и при видѣ его еще глубже и неотразимѣе проникаетъ въ сердце людское сознаніе нашей ничтожности.

Трудно человѣку, существу единаго дня, вчера рожденному и уже сегодня обреченному смерти, трудно ему выносить холодный, безучастно устремленный на него взглядъ вѣчной Изиды; не однѣ дерзостныя надежды и мечтанья молодости смиряются и гаснутъ въ немъ, охваченныя ледянымъ дыханіемъ стихіи; нѣтъ—вся душа его никнетъ и замираетъ; и чувствуетъ, что послѣдній изъ его братій можетъ исчезнуть съ лица земли—и ни одна игла не дрогнетъ на этихъ вѣтвяхъ; онъ чувствуетъ свое одиночество, свою слабость, свою случайность—и съ торопливымъ, тайнымъ испугомъ обращается онъ къ мелкимъ заботамъ и трудамъ жизни; ему легче въ этомъ мірѣ, имъ самимъ созданномъ, здѣсь онъ дома, здѣсь онъ смѣетъ еще вѣрить въ свое значеніе и въ свою силу.

Вотъ какія мысли приходили мнѣ на умъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ, когда, стоя на крыльцѣ постоялаго дворика, построеннаго на берегу болотистой рѣчки Ресеты, увидалъ я впервые Полѣсье. Длинными, сплошными уступами разбѣгались передо мною синѣющія громады хвойнаго лѣса; кой-гдѣ лишь пестрѣли зелеными пятнами небольшія березовыя рощи; весь кругозоръ былъ охваченъ боромъ; нигдѣ не бѣлѣла церковь, не свѣтлѣли поля—все деревья да деревья, все зубчатыя верхушки и тонкій, тусклый туманъ, вѣчный туманъ Полѣсья висѣлъ вдали надъ ними. Не лѣнью, этой неподвижностью жизни, нѣтъ—отсутствіемъ жизни, чѣмъ-то мертвымъ, хотя и величавымъ, вѣяло мнѣ со всѣхъ краевъ небосклона; помню, большія бѣлыя тучи плыли мимо, тихо и высоко, и жаркій лѣтній день лежалъ недвижно на безмолвной землѣ. Красноватая вода рѣчки скользила безъ плеска между густыми тростниками; на днѣ ея смутно виднѣлись круглые бугры иглистаго моха, а берега то исчезали въ болотной тинѣ, то рѣзко бѣлѣли разсыпчатымъ и мелкимъ пескомъ. Мимо самаго дворика шла уѣздная, торная дорога.

Протащившись версты съ двѣ болотистымъ лугомъ, взобрался я, наконецъ, по узкой гати въ просѣку лѣса. Тарантасъ неровно запрыгалъ по круглымъ бревешкамъ; я вылѣзъ и пошелъ пѣшкомъ. Лошади выступали дружнымъ шагомъ, фыркая и отмахиваясь головами отъ комаровъ и мошекъ. Полѣсье приняло насъ въ свои нѣдра. Съ окраины, ближе къ лугу, росли березы, осины, липы, клены и дубы; потомъ они стали рѣже попадаться, сплошной стѣной надвинулся густой ельникъ; далѣе закраснѣли голые стволы сосенника, а тамъ опять потянулся смѣшанный лѣсъ, заросшій снизу кустами орѣшника, черемухи, рябины и крупными, сочными травами. Солнечные лучи ярко освѣщали верхушку деревьевъ и, разсыпаясь по вѣтвямъ, лишь кое-гдѣ достигали до земли поблѣднѣвшими полосами и пятнами. Птицъ почти не было слышно—онѣ не любятъ большихъ лѣсовъ; только по временамъ раздавался заунывный, троекратный возгласъ удода, да сердитый крикъ орѣховки или сойки; молчаливый, всегда одинокій сиворонокъ перелеталъ черезъ просѣку, сверкая золотистою лазурью своихъ красивыхъ перьевъ. Иногда деревья рѣдѣли, разступались, впереди свѣтлѣло, тарантасъ выѣзжалъ на расчищенную, песчаную поляну; жидкая рожь росла на ней грядами, безшумно качая свои блѣдные колосики; въ сторонѣ темнѣла ветхая часовенка съ покривившимся крестомъ надъ колодцемъ; невидимый ручеекъ мирно болталъ переливчатыми и гулкими звуками, какъ будто втекая въ пустую бутылку; а тамъ вдругъ дорогу перегораживала недавно обрушившаяся береза, и лѣсъ стоялъ кругомъ, до того старый, высокій и дремучій, что даже воздухъ казался спертымъ. Мѣстами просѣка была залита водой; по обѣимъ сторонамъ разстилалось лѣсное болото, все зеленое и темное, все покрытое тростниками и мелкимъ ольшаникомъ; утки взлетывали попарно—и странно было видѣть этихъ водяныхъ птицъ, быстро мелькающихъ между соснами.—„Га, га, га, га"—неожиданно поднимался протяжный крикъ; то пастухъ гналъ стадо черезъ мелколѣсье; бурая корова съ острыми, короткими рогами шумно продиралась сквозь кусты и останавливалась, какъ вкопанная, на краю просѣки, уставивъ свои большіе темные глаза на бѣжавшую передо мною собаку; вѣтерокъ приносилъ тонкій и крѣпкій запахъ жженаго дерева; бѣлый дымокъ расползался вдали круглыми струйками по блѣдно-синему лѣсному воздуху: знать, мужичокъ промышлялъ уголь на стеклянный заводъ или на фабрику. Чѣмъ дальше мы подвигались, тѣмъ глуше и тише становилось вокругъ. Въ бору всегда тихо, только идетъ—тамъ, высоко надъ головою, какой-то долгій ропотъ и сдержанный гулъ по верхушкамъ... Ѣдешь-ѣдешь, не пе-

рестаетъ эта вѣчная лѣсная молвь, и начинаетъ сердце ныть понемногу, и хочется человѣку выйти поскорѣй на просторъ, на свѣтъ, хочется ему вздохнуть полной грудью—и давитъ его эта пахучая сырость и гниль...

Верстъ пятнадцать ѣхали мы шагомъ, изрѣдка рысцой. Мнѣ хотѣлось зáсвѣтло попасть въ село Святое, лежащее въ самой серединѣ лѣса.

Солнце уже садилось, когда я, наконецъ, выбрался изъ лѣса и увидѣлъ передъ собою небольшое село. Дворовъ двадцать лѣпилось вокругъ старой, деревянной, одноглавой церкви съ зеленымъ куполомъ и крошечными окнами, ярко рдѣвшими на вечерней зарѣ. Это было Святое. Я въѣхалъ въ околицу. Возвращавшееся стадо нагнало мой тарантасъ и съ мычаньемъ, хрюканьемъ и блеяньемъ пробѣжало мимо. Молодыя дѣвки, хлопотливыя бабы встрѣчали своихъ животныхъ; бѣлоголовые мальчишки гнались съ веселыми криками за непокорными поросятами; пыль мчалась вдоль улицы легкими клубами и, поднимаясь выше, алѣла.

Я остановился у старосты, хитраго и умнаго „полѣхи", изъ тѣхъ полѣхъ, про которыхъ говорятъ, что они на два аршина подъ землю видятъ. На другой день рано отправился я въ телѣжкѣ, запряженной парой толстопузыхъ крестьянскихъ лошадей, со старостинымъ сыномъ и другимъ крестьяниномъ, по имени Егоромъ, на охоту за глухарями и рябчиками. Лѣсъ синѣлъ сплошнымъ кольцомъ по всему краю неба—десятинъ двѣсти, не больше, считалось распаханнаго поля вокругъ Святого; но до хорошихъ мѣстъ приходилось ѣхать верстъ семь. Старостина сына звали Кондратомъ. Это былъ малый молодой, русый и краснощекій, съ добрымъ и смирнымъ выраженіемъ лица, услужливый и болтливый. Онъ правилъ лошадьми. Егоръ сидѣлъ со мною рядомъ. Мнѣ хочется сказать о немъ слова два.

Онъ считался лучшимъ охотникомъ во всемъ уѣздѣ. Всѣ мѣста, верстъ на пятьдесятъ кругомъ, онъ исходилъ вдоль и поперекъ. Онъ рѣдко выстрѣливалъ по птицѣ, за скудостью пороха и дроби; но съ него уже того было довольно, что онъ рябчика подманилъ, подмѣтилъ точёкъ дупелиный. Егоръ слылъ за человѣка правдиваго и за „молчальника". Онъ не любилъ говорить и никогда не преувеличивалъ числа найденной имъ дичи—черта, рѣдкая въ охотникѣ. Роста онъ былъ средняго, сухощавъ, лицо имѣлъ вытянутое и блѣдное, большіе, честные глаза. Всѣ черты его, особенно губы, правильныя и постоянно неподвижныя, дышали спокойствіемъ невозмутимымъ. Онъ улыбался слегка и какъ-то внутрь, когда про-

износилъ слова—очень мила была эта тихая улыбка. Онъ не пилъ вина и работалъ прилежно, но ему не везло: жена его все хворала, дѣти умирали; онъ „забѣднялъ“ и никакъ не могъ справиться. И то́ сказать, страсть къ охотѣ не мужицкое дѣло, и кто „съ ружьемъ балуетъ“—хозяинъ плохой. Отъ постояннаго ли пребыванія въ лѣсу, лицомъ къ лицу съ печальной и строгой природой того нелюдимаго края, вслѣдствіе ли особеннаго склада и строя души, но только во всѣхъ движеніяхъ Егора замѣчалась какая-то скромная важность, именно важность, а не задумчивость—важность статнаго оленя. Онъ на своемъ вѣку убилъ семь медвѣдей, подкарауливъ ихъ на „овсахъ“. Въ послѣдняго онъ только на четвертую ночь рѣшился выстрѣлить: медвѣдь все не становился къ нему бокомъ, а пуля у него была одна. Егоръ убилъ его наканунѣ моего пріѣзда. Когда Кондратъ привелъ меня къ нему, я засталъ его на задворкѣ; присѣвши на корточки передъ громаднымъ звѣремъ, онъ вырѣзывалъ изъ него сало короткимъ и тупымъ ножомъ.

— Какого же ты молодца повалилъ!—замѣтилъ я.

Егоръ поднялъ голову и посмотрѣлъ сперва на меня, а потомъ на пришедшую со мной собаку.

— Коли охотиться пріѣхали, въ Мошномъ глухари есть—три выводка, да рябцовъ пять,—промолвилъ онъ и снова принялся за свою работу.

Съ этимъ-то Егоромъ да съ Кондратомъ я и поѣхалъ на другой день на охоту. Живо перекатили мы поляну, окружавшую Святое, а выѣхавши въ лѣсъ опять потащились шагомъ.

— Вонъ витютень сидитъ,—заговорилъ вдругъ, обратившись ко мнѣ Кондратъ:—хорошо бы сшибить!

Егоръ посмотрѣлъ въ сторону, куда Кондратъ указывалъ, и ничего не сказалъ. До витютня шаговъ было сто слишкомъ, а его и на сорокъ шаговъ не убьешь: такова у него крѣпость въ перьяхъ.

Еще нѣсколько замѣчаній сдѣлалъ словоохотливый Кондратъ; но лѣсная тишь не даромъ охватила и его: онъ умолкъ. Лишь изрѣдка перекидываясь словами, да поглядывая впередъ, да прислушиваясь къ пыхтѣнью и храпу лошадей, добрались мы, наконецъ, до „Мошного“.—Этимъ именемъ назывался крупный сосновый лѣсъ, изрѣдка поросшій ельникомъ. Мы слѣзли; Кондратъ вдвинулъ телѣгу въ кустъ, чтобы комары лошадей не кусали. Егоръ осмотрѣлъ курокъ ружья и перекрестился: онъ ничего безъ креста не начиналъ.

Лѣсъ, въ который мы вступили, былъ чрезвычайно старъ. Не знаю, бродили ли по немъ татары, но русскіе воры или литовскіе люди смутнаго времени уже навѣрное могли скрываться въ его за-

холустьяхъ. Въ почтительномъ разстояніи другъ отъ друга поднимались могучія сосны громадными, слегка искривленными столбами блѣдно-желтаго цвѣта; между ними стояли, вытянувшись въ струнку, другія, помоложе. Зеленоватый мохъ, весь усѣянный мертвыми иглами, покрывалъ землю: голубица росла сплошными кустами; крѣпкій запахъ ея ягодъ, подобный запаху выхухоли, стѣснялъ дыханіе. Солнце не могло пробиться сквозь высокій наметъ сосновыхъ вѣтвей; но въ лѣсу было все-таки душно и не темно; какъ крупныя капли пота, выступала и тихо ползла внизъ тяжелая, прозрачная смола по грубой корѣ деревьевъ. Неподвижный воздухъ, безъ тѣни и безъ свѣта, жегъ лицо. Все молчало; даже шаговъ нашихъ не было слышно; мы шли по мху, какъ по ковру; особенно Егоръ двигался безшумно, словно тѣнь; подъ его ногами даже хворостинка не трещала. Онъ шелъ не торопясь и изрѣдка посвистывая въ пищикъ; рябчикъ скоро отозвался и въ моихъ глазахъ нырнулъ въ густую елку; но напрасно указывалъ мнѣ его Егоръ: какъ я ни напрягалъ свое зрѣніе, а разсмотрѣть его никакъ не могъ; пришлось Егору по немъ выстрѣлить. Мы нашли также два выводка глухарей; осторожныя птицы поднимались далеко, съ тяжелымъ и рѣзкимъ стукомъ; намъ, однако, удалось убить трехъ молодыхъ.

У одного *майдана**) Егоръ вдругъ остановился и подозвалъ меня.

— Медвѣдь воды хотѣлъ достать,—промолвилъ онъ, указывая на широкую, свѣжую царапину на серединѣ ямы, затянутой мелкимъ мхомъ.

— Это слѣдъ его лапы?—спросилъ я.

— Его; да вода-то пересохла. На той соснѣ тоже его слѣдъ: за медомъ лазилъ. Какъ ножомъ прорубилъ когтями-то.

Мы продолжали забираться въ самую глушь лѣса. Егоръ только изрѣдка посматривалъ вверхъ и шелъ впередъ спокойно и самоувѣренно. Я увидалъ круглый, высокій валъ, обнесенный полузасыпаннымъ рвомъ.

— Что это, майданъ тоже?—спросилъ я.

—Нѣтъ,—отвѣчалъ Егоръ:—здѣсь воровской городокъ стоялъ.

— Давно?

— Давно; дѣдамъ нашимъ за память. Тутъ и кладъ зарытъ. Да зарокъ положенъ крѣпко: на человѣчью кровь.

Мы прошли еще версты съ двѣ; мнѣ хотѣлось пить.

— Посидите маленько,—сказалъ Егоръ:—я схожу за водой, тутъ колодецъ недалеко.

---

*) „Майданомъ“ называется мѣсто, гдѣ гнали деготь.

Онъ ушелъ; я остался одинъ.

Я присѣлъ на срубленный пень, оперся локтемъ на колѣни и, послѣ долгаго безмолвія, медленно поднялъ голову и оглянулся. О, какъ все кругомъ было тихо и сурово-печально—нѣтъ, даже не печально, а нѣмо, холодно и грозно въ то же время! Сердце во мнѣ сжалось. Въ это мгновеніе, на этомъ мѣстѣ, я почуялъ вѣяніе смерти, я ощутилъ, я почти осязалъ ея непрестанную близость. Хотя бы одинъ звукъ задрожалъ, хотя бы мгновенный шорохъ поднялся въ неподвижномъ зѣвѣ обступившаго меня бора! Я снова, почти со страхомъ опустилъ голову; точно я заглянулъ куда-то, куда не слѣдуетъ заглядывать человѣку... Я закрылъ глаза рукою—и вдругъ, какъ бы повинуясь таинственному повелѣнію, я началъ припоминать всю мою жизнь...

— Вотъ вамъ вода,—раздался за мною звучный голосъ Егора:—пейте съ Богомъ.

Я невольно вздрогнулъ: живая эта рѣчь поразила меня, радостно потрясла все мое существованіе. Точно я падалъ въ неизвѣданную, темную глубь, гдѣ уже все стихало кругомъ и слышался только тихій и непрестанный стонъ какой-то вѣчной скорби... я замиралъ, но противиться не могъ, и вдругъ дружескій зовъ долетѣлъ до меня, чья-то могучая рука однимъ взмахомъ вынесла меня на свѣтъ Божій. Я оглянулся и съ несказанной отрадой увидалъ честное и спокойное лицо моего провожатаго. Онъ стоялъ передо мной легко и стройно, съ обычной своей улыбкой, протягивая мнѣ мокрую бутылочку, всю наполненную свѣтлой влагой... Я всталъ.

— Пойдемъ, веди меня,—сказалъ я съ уваженіемъ.

Мы отправились и бродили долго, до вечера. Какъ только жара „свалила," въ лѣсу стало такъ быстро холодать и темнѣть, что оставаться въ немъ уже не хотѣлось. „Ступайте вонъ, безпокойные живые," казалось, шепталъ онъ намъ угрюмо изъ-за каждой сосны. Мы вышли, но не скоро нашли Кондрата. Мы кричали, кликали его, онъ не отзывался. Вдругъ, среди чрезвычайной тишины въ воздухѣ, слышимъ мы, ясно раздается его: „тпру, тпру," въ близкомъ отъ насъ оврагѣ... Онъ не слышалъ нашихъ криковъ отъ вѣтра, который внезапно разыгрался и такъ же внезапно упалъ совершенно. Только на отдѣльно стоявшихъ деревьяхъ виднѣлись слѣды его порывовъ: многіе листья были поставлены имъ наизнанку, и такъ и остались, придавая пестроту неподвижной листвѣ. Мы взобрались въ телѣгу и покатили домой. Я сидѣлъ, покачиваясь и тихо вдыхая сырой, немного рѣзкій воздухъ, и всѣ мои недавнія

мечтанья и сожалѣнья потонули въ одномъ ощущеніи дремоты и усталости, въ одномъ желаніи поскорѣе вернуться подъ крышу теплаго дома, напиться чаю съ густыми сливками, зарыться въ мягкое и рыхлое сѣно и заснуть, заснуть, заснуть...

И. Тургеневъ.

Вильна и Варшава.

Съ началомъ Литвы, мѣстность становится живописнѣе: ровныя, однообразныя поля смѣняются волнистыми возвышенностями, гдѣ опушенными лѣсомъ, гдѣ покрытыми полосатой зеленью пашенъ. Мѣстами эти закругленные холмы кажутся исполинскими шлемами, и передъ ними, словно полированные щиты, свѣтятся темно-синеватыя озера. Самыя краски пейзажей дѣлаются какъ будто ярче и прозрачнѣе. Съ приближеніемъ къ Вильнѣ, выпуклости поднимаются еще выше, лѣса становятся гуще и темнѣе, виды по сторонамъ картиннѣе,—и вдругъ въ обширной низменности, замкнутой точно въ рельефной рамѣ и перерѣзанной теченіемъ тихой Виліи и шумной Вилейки, открывается городъ, скученный у подножія горы, на которой бѣлѣютъ развалины Гедиминова замка. Вы испытываете совершенно иное впечатлѣніе, чѣмъ при видѣ нашихъ старинныхъ городовъ, раскинутыхъ обыкновенно на открытыхъ высотахъ и замѣтныхъ иногда за цѣлые десятки верстъ. Здѣсь нѣтъ шири и разбросанности городовъ великорусскихъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ нѣтъ скученности и тѣсноты старинныхъ нѣмецкихъ трущобъ. Виленскія площади не походятъ ни на пустыри, ни на душные склепы; улицы не прямы и не широки, но въ то-же время не тѣсны и не пустынны, и большею частію довольно хорошо обстроены. Видно, что городъ много жилъ, но при всемъ томъ не утратилъ жизненности.

Всматриваясь въ бывшую столицу Литвы, чувствуешь, что это городъ русскій, который только въ тяжелые годы не въ силахъ былъ выдержать чуждаго гнета, оторвался на время отъ своей народности, невольно сдѣлался ренегатомъ, но сберегъ однако-жъ чувство привязанности къ родному племени. Памятники и преданія ясно показываютъ, что первобытный литовскій элементъ, въ самомъ началѣ своего развитія, разложился въ болѣе широкомъ и жизненномъ элементѣ русскомъ; а позднѣйшее польское вліяніе, какъ ни старалось переработать эту почву, не вошло въ глубь ея, а только налегло сверху.

Въ городѣ уцѣлѣли слѣды литовско-языческой старины. На высокой скалѣ, которая поднимается при устьѣ Вилейки, гдѣ по преданію Гедиминъ убилъ тура, сохранились остатки построеннаго имъ замка, съ полуразвалившимися стѣнами и одинокой башнею. Мнѣ захотѣлось побывать тамъ. Крутой подъемъ, огибая гору, ведетъ на ея вершину по грубо-сложеннымъ и мѣстами обвалившимся ступенямъ. Но какъ ни утомителенъ былъ этотъ всходъ, я однако-жъ не раскаявался, что вздумалъ подняться на скалу: видъ съ Замковой горы на городъ и его окрестности напомнилъ мнѣ панораму, какою я нѣсколько лѣтъ назадъ любовался съ аѳинскаго Акрополя. Къ древнѣйшимъ памятникамъ въ городѣ принадлежитъ и Пятницкая церковь, построенная на мѣстѣ языческаго капища; нижняя-же часть католическаго собора, въ которомъ погребенъ Витольдъ, составляетъ основаніе древняго храма Перкуна, гдѣ въ былыя времена горѣли неугасаемые огни Знича и совершалъ жертвоприношенія криве-кривейто.

Памятниками польскаго владычества въ Вильнѣ остались костелы.

Чтобъ уяснить себѣ историческое значеніе края и ознакомиться съ литовскими древностями, пріѣзжему необходимо побывать въ виленскомъ музеѣ. Онъ помѣщается въ одномъ изъ зданій бывшаго университета, между Свято-Янскимъ костеломъ и дворцомъ генералъ-губернатора. Несмотря на то, что я пришелъ безъ рекомендаціи и не въ положенное время, меня тотчасъ-же допустили въ музей, и я осмотрѣлъ его довольно подробно. Съ перваго взгляда на мѣстныя древности понятно, что историческая колыбель страны не имѣла ничего общаго съ Польшею, а возникла и крѣпла подъ вліяніемъ Руси, пока обстоятельства на время не разлучили ихъ. Многочисленные памятники показываютъ, что еще до Ягайлы русскій языкъ господствовалъ здѣсь въ администраціи и судѣ, что онъ былъ живымъ языкомъ въ семействѣ Гедимина и Витовта, что до Люблинской уніи, и отчасти даже позднѣе, государственныя грамоты писались по-русски; русская типографія основана была въ Вильнѣ за цѣлое столѣтіе раньше, чѣмъ польская.

***

Принѣманскій край искони славился лѣсами и пущами, и до сихъ поръ онъ въ этомъ отношеніи не утратилъ своего характера. Мѣстами кажется, будто желѣзная дорога пролетѣла черезъ тѣ священныя дубравы, гдѣ нѣкогда языческіе литовцы поклонялись

своимъ богамъ подъ сѣнью заповѣдныхъ деревьевъ. Только въ последнее время зеленыя стѣны этихъ лѣсовъ отступили по обѣимъ сторонамъ рельсоваго пути.

Съ переѣздомъ черезъ Нѣманъ, характеръ мѣстности замѣтно становится иной: холмы почти совсѣмъ исчезаютъ, и глазъ встрѣчаетъ только ровныя пространства, гдѣ обширныя поля изрѣдка лишь перемежаются лѣсомъ. Это тянется до самой Вислы. Здѣсь еще яснѣе понимаешь, отчего Польша такъ настойчиво стремилась къ закрѣпленію за собою холмистой Литвы. Край этотъ былъ положительно необходимъ ей, какъ естественная ограда на востокъ, гдѣ у нея нѣтъ никакой природной оборонительной линіи на всемъ обширномъ пространствѣ между Нѣманомъ и Вислой. Тутъ можно давать только битвы въ открытомъ полѣ или укрываться въ лѣсныхъ чащахъ.

Передъ вечеромъ поѣздъ нашъ остановился у Варшавской станціи... Я сѣлъ въ дилижансъ. По прекрасному и длинному, какъ улица, мосту переѣхали мы черезъ Вислу, поднялись на Замковую площадь, украшенную колонной Сигизмунда, и съ Краковскаго предмѣстья повернули къ Саксонскому саду. Черезъ нѣсколько минутъ я уже былъ въ извѣстной Европейской гостинницѣ.

***

Поляки называютъ Варшаву вторымъ Парижемъ, и какъ это сравненіе ни кажется преувеличеннымъ—въ немъ есть доля правды. Конечно, тутъ не можетъ быть рѣчи о размѣрахъ или нравственномъ значеніи того и другого города, но въ ихъ наружной физіономіи и характерѣ жизни въ самомъ дѣлѣ можно найти общія черты. Варшава напоминаетъ Парижъ и щеголеватой опрятностью своихъ улицъ, и смѣсью старинныхъ и новыхъ построекъ, и обиліемъ общественныхъ удовольствій, и подвижностью своего населенія. Это дѣйствительно маленькій Парижъ, съ его хорошими и дурными сторонами, нарядный, веселый, легкомысленный, способный на всякія увлеченія, жадный до новостей и зрѣлищъ.

На меня Варшава произвела пріятное впечатлѣніе и внѣшнимъ видомъ, и развитіемъ своей общественной жизни.

Въ городѣ немало зданій, которыя могли-бы служить украшеніемъ любой изъ европейскихъ столицъ, а равнообразіе ихъ стиля придаетъ ему оригинальность. Старинныя постройки, нарушая монотонность, не идутъ, однако, въ разладъ съ новыми сооруженіями, какъ въ Дрезденѣ или Кельнѣ, но какъ-то пріятно гармонируютъ

съ ними. Есть зданія монументальныя. Старый замокъ, бывшая резиденція польскихъ королей, окаймленный со стороны Вислы обширною террасой съ висячимъ садомъ, невольно обращаетъ вниманіе простотою и грандіозностью. Свято-Янскій костелъ своими мрачными готическими формами переноситъ васъ въ средніе вѣка. Дворецъ намѣстника, Красинскій палацъ и Ратуша, — бывшій домъ, Яблоновскихъ, остаются памятниками XVII столѣтія; а роскошныя зданія университета, театръ съ его длинными аркадами и многіе частные дома отличаются современнымъ вкусомъ. Мраморная колонна Сигизмунда III и бронзовая статуя Коперника, работы Торвальдсена, конечно, не уступаютъ лучшимъ европейскимъ памятникамъ.

Варшава съ перваго взгляда представляется городомъ цивилизованнымъ. Большая часть улицъ хорошо вымощена и освѣщается, на лучшихъ изъ нихъ прекрасные отели, магазины, цукерни или кондитерскія, убранныя зеленью и цвѣтами, и на каждомъ шагу выставки съ фруктовыми водами. Парныя коляски, называемыя дружками, съ прилично одѣтыми кучерами, и встрѣчаемые на всѣхъ углахъ посыльные не дороги и исправны. По цѣлымъ днямъ я не встрѣчалъ нигдѣ пьяныхъ и нищихъ, даже не видалъ тѣхъ оборванцевъ, какими болѣе или менѣе грязнятся почти всѣ большія столицы. Варшавскую чернь составляютъ евреи, но они здѣсь скучены въ одной части города, называемой Старымъ-Мястомъ.

Центральныя варшавскія улицы, особенно Краковское предмѣстье, постоянно оживлены экипажами и пѣшеходами. Съ утра до ночи по асфальтовымъ тротуарамъ ихъ двигаются взадъ и впередъ щеголеватыя толпы, то въ костелы, то въ сады или театры.

Варшава особенно напоминаетъ Парижъ обиліемъ общественныхъ удовольствій, и на ея сторонѣ еще та выгода, что они неразбросаны на большомъ пространствѣ. Въ самомъ центрѣ города вы находите обширный Саксонскій садъ, который, безъ сомнѣнія, лучше и оживленнѣе Тюльерійскаго. Черезъ нѣсколько улицъ отъ него—другой садъ, Красинскій, меньше по размѣрамъ, но въ своемъ родѣ также красивый и пріятный. Лазенковскій паркъ, съ прилегающимъ къ нему ботаническимъ садомъ, не уступаетъ пресловутымъ Елисейскимъ-полямъ. Кромѣ того въ одномъ изъ лучшихъ кварталовъ находится такъ называемая Швейцарская долина съ воксаломъ, гдѣ, какъ въ Павловскѣ, постоянно играетъ большой оркестръ. Наконецъ, въ городѣ и за городомъ при многихъ кофейняхъ есть огрудки, или небольшіе садики, часто очень красивые; и вездѣ, не только по праздникамъ, но и въ обыкновенные дни—толпы народа и музыка.

Первый вечеръ провелъ я въ Саксонскомъ саду и его театрѣ. Что это за прелестный садъ! Расположенный посреди города, въ связи съ лучшими улицами, онъ то-же самое въ Варшавѣ, что площадь св. Марка въ Венеціи. Онъ разбитъ во французскомъ вкусѣ, но правильная монотонность этого стиля сглаживается въ разнообразіи аллей, пересѣченныхъ фонтанами, обсаженныхъ цвѣтами, уставленныхъ вѣковыми каштанами, которые сплачиваются мѣстами въ густые зеленые тонели. Тутъ и заведеніе минеральныхъ водъ съ оркестромъ, и тиръ для стрѣльбы, и цукерня съ небольшой террасой, и павильонъ, гдѣ пьютъ кумысъ, и выставка съ ягодными водами, и, наконецъ, небольшой, но изящный театръ. Съ утра до ночи, особенно по праздникамъ. здѣсь видны толпы щегольски одѣтыхъ людей; по главнымъ аллеямъ, на множествѣ сплошь разставленныхъ скамеекъ, часто нельзя найти свободнаго мѣста.

На другой день послѣ обѣда я взялъ дружку и поѣхалъ въ Лазенки. Отъ Новаго Свѣта, служащаго продолженіемъ Краковскаго предмѣстья, прекрасная аллея изъ тополей и каштановъ тянется сплошной зеленой аркадою до самого парка, раскинутаго на берегу Вислы. Онъ меньше Булонскаго лѣса, но едва-ли не превосходитъ его красотою мѣстоположенія, вкусомъ въ планировкѣ, разнообразіемъ и роскошью растительности. По серединѣ стоитъ небольшой, но очень красивый дворецъ—памятникъ короля Станислава Понятовскаго. Построенный между прудами и соединяющими ихъ каналами, обсаженный густою зеленью и массами оранжерейныхъ растеній и цвѣтовъ, онъ отражается въ водной синевѣ такъ картинно, точно передъ вами ландшафтъ, писанный на фарфорѣ. Отъ него расходятся во всѣ стороны проѣздныя аллеи и пѣшеходныя дорожки, между зелеными стѣнами густыхъ деревьевъ. По одной изъ нихъ вы приходите къ бронзовой конной статуѣ Яна Собесскаго, другая ведетъ къ извѣстному театру на Wyspie.

Для лѣтнихъ спектаклей, при мягкомъ варшавскомъ климатѣ, нельзя представить ничего лучше этого оригинальнаго театра. Мѣста для зрителей расположены въ немъ амфитеатромъ на берегу пруда, въ видѣ подковы, примыкающей концами къ самой водѣ, а сцена устроена на отдѣльномъ островкѣ, гдѣ въ купахъ зелени стоятъ развалины Пальмирскаго храма, съ раздвижнымъ занавѣсомъ между крайними колоннами.

При обиліи общественныхъ удовольствій и развитіи уличной жизни въ Варшавѣ, жителей ея не напрасно называютъ сѣверными парижанами. Стоитъ посмотрѣть, сколько людей ежедневно наполняетъ сады и театры, обѣдаетъ въ ресторанахъ и сидитъ за газета-

ми въ цукерняхъ, снуетъ по улицамъ и глазѣетъ передъ магазинами, чтобъ понять вѣрность этого сравненія. У варшавскаго поляка много общаго съ французомъ и въ образѣ жизни, и въ самой натурѣ. Тотъ и другой одинаково легкомысленъ, самонадѣянъ, жаденъ до новостей и летитъ, какъ мотылекъ къ свѣту, на всякое общественное развлеченіе.

А. Милюковъ.

На границѣ Пруссіи.

Мы выѣхали изъ уѣзднаго городка въ губернскій городъ въ самыхъ послѣднихъ числахъ марта. Снѣгъ согнало въ половинѣ марта и разлились рѣки и рѣченки. Озими позеленѣли, но трава шла въ ростъ туго, а деревья и кусты и не думали распускаться. Отличія отъ Россіи мало.

Первую половину дороги мы ѣхали плодородными мѣстами. Плодородной землей зовется здѣсь не какой-нибудь черноземъ, а самая простенькая супесь и даже песокъ, на лежащей неглубоко глинѣ. Глина не даетъ песку высыхать, а черезчуръ мокнуть песокъ самъ не расположенъ; дождей въ Польшѣ—хоть отбавляй; обработка песка легкая; удобряется онъ и навозомъ, и торфомъ, и мусоромъ, и грязью съ шоссейной дороги усердно. Въ результатѣ получаются отличные урожаи хлѣбовъ для людей и травъ для скота. Мужицкія деревни тутъ часты, и мужики богаты; паны, наоборотъ, рѣдки и бѣдны. Мѣстность ровная, кое-гдѣ прерываемая болотами, превращенными вешней водой въ озера. Рѣченки тутъ маленькія, но многочисленныя. Шоссе—изъ второстепныхъ линій, узенькое и обсаженное вербой и ольхой. Лѣсовъ и помину нѣтъ: все до послѣдняго клочка воздѣлано, и единственныя деревья—тополи усадебъ, деревень и дорогъ, прозрачными рядами и группами стоящіе и перекрещивающіеся другъ съ другомъ.

На половинѣ пути мы переѣзжаемъ чрезъ небольшую, но буйную Варту, съ большимъ трудомъ проѣзжаемъ по трехверстной дамбѣ, сильно попорченной разливомъ и въѣзжаемъ въ мѣстность худородную и холмистую. Деревни сразу-же рѣдѣютъ, мужики, бабы, ихъ хаты, ихъ скоты и телѣги сразу-же дѣлаются меньше и мельче. Обработанная земля все чаще перемежается съ сосновымъ и березовымъ лѣсомъ. Лѣсъ принадлежитъ помѣщикамъ, лѣсныя и неплодородныя имѣнія, какъ извѣстно, дробятся менѣе, помѣстья

здѣсь крупны, а такъ какъ лѣсъ средней руки здѣсь стоитъ все же 500 руб. десятина, а пахота 200 руб., то помѣщики худородныхъ лѣсныхъ холмовъ богаче своихъ мелкомѣстныхъ собратій плодородной равнины. Помѣщичьи усадьбы тутъ обширныя, каменныя, отлично поддерживаемыя. Шоссе обсажено уже не вербой и ольхой, которыя на пескѣ не растутъ, а осокоремъ. Шоссе тутъ большое, ведущее изъ Варшавы за границу, старое; осокори тоже старые, огромные, и какъ по командѣ, какъ шеренга солдатъ, дѣлающая гимнастику, наклонившіеся въ сторону, противную господствующимъ сѣверо-западнымъ вѣтрамъ. Наклонъ невеликъ, но рѣзко бросается въ глаза. Еслибы не въ первый разъ, было-бы очень скучно ѣхать этими сырыми равнинами, сухими холмами и однообразными, чистыми, аккуратно рубимыми и тщательно вновь засѣваемыми и засаживаемыми лѣсами.

Губернскій городъ, куда мы пріѣхали—Калишъ, самый западный изъ городовъ Русской имперіи, ушедшій дальше всѣхъ прочихъ городовъ вглубь Европы. Онъ стоитъ на рѣкѣ Проснѣ, маленькой и бойкой польской рѣкѣ, которая шибко бѣжитъ въ Европу, впадая сначала въ Варту, а потомъ, вмѣстѣ съ водами послѣдней, въ Одеръ. И Варта, и Одеръ протекаютъ не очень далеко отъ Берлина, а въ море вливаются у Штеттина. Вотъ, значитъ, какая тѣсная связь между „губерніей", гдѣ мы находимся, и Европой. Въ началѣ одиннадцатаго вѣка, при Болеславѣ Великомъ, всѣ эти рѣки—Просна, Варта, Одеръ, были польскими, славянскими.

Просна служитъ границей между Россіей и Германіей на всемъ своемъ теченіи, кромѣ мѣстности подъ Калишемъ, гдѣ граница переходитъ на прусскую сторону и дѣлаетъ дугу, описанную примѣрно семи-верстнымъ радіусомъ изъ центра Калиша.

Калишъ построенъ въ долинѣ Просны, на ея берегахъ и островкахъ, и стоитъ какъ въ котелкѣ, окруженный холмами. Польскіе города любятъ располагаться непремѣнно или у болота, или на рѣчныхъ берегахъ, которые въ половодье заливаетъ. Самъ Калишъ, правда, не подверженъ наводненіямъ, но его великолѣпный паркъ, разведенный русскими губернаторами, обнесенъ высокими дамбами, и все-таки кое-гдѣ вода вздувшейся Просны просачивается сквозь почву и образуетъ изрядныя лужи. Несмотря на это, паркъ дѣйствительно прекрасный и не осрамилъ-бы себя не только въ Варшавѣ, но и въ Петербургѣ, гдѣ-нибудь на мѣстѣ Александровскаго сада, что у адмиралтейства.

Наши губернаторы не только поддерживаютъ и украшаютъ калишскій паркъ, но еще и засадили всѣ набережныя и всѣ болѣе

широкія улицы каштанами, орѣхами, бѣлой акаціей и липой. Деревья крупныя, здоровыя, красивыя. Когда все это зеленѣетъ и цвѣтетъ, въ маѣ,—Калишъ, говорятъ, представляетъ изъ себя маленькій Дамаскъ: благоуханье цвѣтовъ, журчанье рѣчекъ-ручьевъ, пѣніе соловьевъ.

Мы пріѣхали въ Калишъ вечеромъ. Гостинница, конечно, съ сквозными воротами, холодными лѣстницами и нетопленными комнатами. Все—по-европейски. Велѣли затопить печи, а сами, пока комнаты согрѣются, вышли на улицу.

Мы вышли на небольшую городскую площадку. Она окружена со всѣхъ сторонъ старинными домами, узкими, съ высокими кровлями, крытыми черепицей. Въ нижнихъ этажахъ скромные, но хорошіе магазины всѣхъ потребляемыхъ культурнымъ человѣкомъ товаровъ. Тамъ-же—два-три лучшихъ ресторана города. На площадкѣ и прилегающихъ уличкахъ, хорошо освѣщенныхъ газовыми фонарями, тихо. Экипажнаго движенія нѣтъ, и слышно, какъ городовой бесѣдуетъ съ извозчикомъ, сидящимъ на козлахъ своей коляски.

Чистенькій и уютный городокъ и весенній вечеръ манятъ насъ дальше. И дальше все тѣ-же опрятныя старомодныя улицы, маленькія площадки, тишина. На одной изъ площадокъ — губернаторскій домъ, бывшій дворецъ, свидѣтель частыхъ свиданій русскихъ императоровъ и прусскихъ королей,—большой, изящный домъ съ золотой латинской надписью, гласящей, что онъ построенъ въ царствованіе Александра I. Тутъ-же жмутся ко дворцу долговязые, со шпицами и часами, костелъ и кирка. Тутъ-же и русская церковь.

Куда-бы вы съ этой площади ни пошли, вы черезъ двѣ-три минуты придете къ рѣчкѣ, которая весело шумитъ, падая съ плотинъ, которыми умѣряется стремительность ея бѣга.

Этотъ бойкій шумъ воды, не похожій на молчаливое движеніе русскихъ рѣкъ, эти старые дома и крутыя крыши, платаны и орѣхи, чистыя улицы и уютныя площадки, наконецъ, мягкій воздухъ невольно переносили мое воображеніе въ знакомую мнѣ сѣверную Италію, въ какой-нибудь изъ ея небольшихъ городковъ, съ такою-же шумящей рѣкой, такими-же улицами и площадями, но, конечно, не въ мартѣ и апрѣлѣ, а въ декабрѣ, январѣ, когда дуетъ теплый сирокко и накрапываетъ теплый дождь.

Самое интересное, что можетъ дать Калишъ, это его близость къ прусской границѣ.

У одного изъ административныхъ начальствъ города или уѣзда вы просите „лигитимаціонный осьмидневный билетъ,“ и любезное

начальство, если вы ему извѣстны, немедленно вашу просьбу удовлетворяетъ.

За заставой Калиша извозчикъ, стегая тощихъ клячъ, взъѣхалъ на горку. Выѣхавъ, положилъ кнутъ подъ себя, распустилъ возжи, и привычныя клячи сами побѣжали разбитой рысью въ Германію. Шоссе то-же, по которому мы ѣхали въ Калишъ. Ново на немъ только то, что изъ-за границы тащутся колоссальныя фуры, запряженныя тройками и четвернями такихъ-же страшныхъ клячъ, какъ и наши. Къ нѣмцамъ, на ближайшую желѣзнодорожную ихъ станцію, Острово, въ 20-ти верстахъ отъ Калиша, фуры везутъ хлѣбъ, а оттуда въ Калишъ—каменный уголь. Эти тяжелые экипажи сильно попортили шоссе, и насъ кое-гдѣ на рытвинахъ встряхиваетъ. Денекъ пасмурный, но теплый. Вокругъ зеленѣютъ озими, рядами стоятъ тополи деревень и дорогъ, да вертятся вѣтряныя мельницы. Далеко синѣетъ лѣсъ. Чей онъ—нашъ или уже прусскій? Спрашиваемъ извозчика—не знаетъ.

Ѣдемъ такъ версту, другую, третью, четвертую. Вотъ помѣщичья усадьба, каменная, большая, въ порядкѣ. Попадающіяся деревни и отдѣльные мужицкіе дома неважные: говорятъ, занятіе контрабандой отбило ихъ отъ хозяйства. Но теперь и контрабанда не очень-то возможна, такъ какъ увеличили число пограничной стражи. Парочку солдатъ видѣли и мы, притаившихся съ безпечнымъ видомъ, одного въ полевой канавѣ, другого за кочкой,—съ безпечнымъ видомъ, но съ ружьемъ.

Проѣхали и шестую версту. Направо въ полуверстѣ отъ насъ, мы увидѣли какіе-то громадные навѣсы, длинные, очерченные ровно, какъ по линейкѣ, выкрашенные въ коричневую краску, съ черными воротами. Точь-въ-точь желѣзнодорожныя „депá“ или казенные „магáзины“. Оказалось, это риги и гумна помѣщичьей усадьбы.

— Никогда такихъ колоссальныхъ усадебъ не видали!—говоримъ мы.

— Это прусская усадьба,—говоритъ извозчикъ.

— Какъ прусская? До Пруссіи еще верста впередъ, а усадьба уже значительно позади насъ. Оказалось, что здѣсь граница вдается къ нѣмцамъ узкимъ клиномъ. Впереди граница дѣйствительно за версту, а направо и налѣво она рукой подать. Вонъ сидитъ ворона, въ Пруссіи. Мы, изъ Россіи, свистнули на нее, махнули шапкой,—она испугалась и отлетѣла дальше.

— Да чѣмъ-же тамъ граница обозначена?—спрашиваемъ мы, и узнаемъ, что тамъ на колѣнѣ столбы стоятъ, русскій и прусскій, и

по канавкѣ ручеекъ бѣжитъ. Приподнимаемся, смотримъ, но никакъ не можемъ увидать ни столбовъ, ни канавки.

Въ полуверстѣ отъ границы таможня. Вошли въ сѣни, потомъ въ комнату и отдали наши билеты таможенному солдатику. Черезъ минуту онъ ихъ намъ вернулъ, и мы поѣхали дальше. Впереди виднѣлся шлагбаумъ; передъ шлагбаумомъ будка часового и маленькій домикъ; за шлагбаумомъ домикъ побольше съ вывѣской, которая гласила коротко: „Post Amt.“ Post Amt былъ уже въ Пруссіи, часовой въ папахѣ и съ ружьемъ со штыкомъ—нашъ. Доѣхавъ до него, мы стали. Кучеръ бросилъ окурокъ своей папиросы—въ Пруссію. Къ намъ подошелъ таможенный ундеръ, небрежно сдѣлалъ намъ подъ козырекъ, заглянулъ въ глаза, въ билеты—и махнулъ рукой, чтобы мы ѣхали.

Въ полуверстѣ отъ границы изъ таможни вышелъ солдатъ, въ высокой фуражкѣ и съ круглой кокардой на ней, взглянулъ и, не говоря ни слова, пропустилъ.

Мы ѣдемъ. Все и здѣсь то-же, что и у насъ. То-же шоссе, тѣже деревеньки, тѣ-же поляки мужики, тѣ-же песчанныя поля и тѣже аккуратные, причесанные лѣсочки сосенъ и березъ. Но есть разница. Шоссе обсажено не тополями и вербами, а яблоней и грушей.

В. Дѣдловъ.

Ревель.

Кто знакомъ только съ однообразными городами нашихъ великорусскихъ губерній, и притомъ пробылъ два дня въ морѣ, не видя ничего, кромѣ воды и неба, изрѣдка раздѣляемыхъ темной полосою отдаленнаго берега, тотъ не забудетъ картины, которая открывается съ парохода, когда, обогнувъ острова Вульфъ и Нергенъ, онъ входитъ въ Ревельскій заливъ. Этотъ широкій полукругъ, увѣнчанный Ревелемъ, съ его старыми вѣнцеобразными стѣнами и высокими башнями, и сверкающій зелено-синими волнами, производитъ пріятное впечатлѣніе на путешественника. Хоть и смѣшно, что ревельцы сравниваютъ свой заливъ съ Неаполитанскимъ, но онъ не лишенъ картинности.

Напуганный разсказами о тѣснотѣ и дурномъ запахѣ ревельскихъ улицъ, я поѣхалъ въ городъ съ предубѣжденіемъ, но оно скоро разсѣялось. Эти узкія улицы, застроенныя высокими старин-

ными домами, придаютъ городу особый, оригинальный характеръ. Народу здѣсь немного, но онъ не теряется, какъ на столичныхъ площадяхъ, и оттого небольшія, тѣсныя улицы кажутся многолюдными. Онѣ порядочно вымощены: на иныхъ есть даже узенькіе, какъ ленточки, тротуары. На всякомъ шагу видно движеніе, — а оно-то и составляетъ настоящую жизнь городовъ. Правда, ѣзды не много; но вмѣсто стукотни экипажей слышны фортепьяно, и изъ оконъ несутся звуки старинныхъ вальсовъ.

По крутому въѣзду поднялся я на Вышгородъ или Domberg. Это опустѣлое гнѣздо ревельскаго рыцарства, полуизглаженный іероглифъ теократическаго и феодальнаго господства. Средніе вѣка умираютъ въ своихъ памятникахъ: нѣтъ ни бойницъ, ни подъемныхъ мостовъ, башни падаютъ, и самые рвы, говорятъ, скоро превратятся въ сады. Надъ остатками старины возникаютъ новыя зданія: на развалинахъ древняго замка, построеннаго датскимъ королемъ Вольдемаромъ, стоятъ присутственныя мѣста. Только ветхая башня Der lange Hermann, вытягивая вверхъ зубчатую голову, печально смотритъ на новые нравы; да нѣсколько гербовъ, покрытыхъ пылью и затканныхъ паутиною, виситъ по стѣнамъ собора. Отъ всей жизни ливонскихъ рыцарей осталось здѣсь нѣсколько хроникъ и грамотъ въ архивѣ Дворянскаго собранія, да десятокъ разсказовъ и легендъ въ преданіяхъ; но и въ нихъ современный поэтъ едва-ли почерпнетъ содержаніе для баллады. Виды съ Domberg'а красивы: подъ ногами весь нижній городъ, обведенный оградой полуразрушенныхъ стѣнъ и новымъ поясомъ бульваровъ, за нимъ форштадты; а далѣе—съ одной стороны заливъ и гавань, усѣянная судами, съ другой песчаныя горы и зелень Катеринентальскаго парка.

Въ Нижній городъ, или собственно die Stadt, ведутъ два спуска. Это мѣстопребываніе купечества, былая контора ганзейскаго союза и любской торговли, и здѣсь гораздо больше памятниковъ старой жизни, чѣмъ на Вышгородѣ. Тутъ еще много готическаго. Часто встрѣчаются старые дома безъ оконъ, съ однимъ отверстіемъ на чердакѣ и блокомъ для подъема товаровъ, со стрѣльчатымъ входомъ и рѣзными дверьми, какъ въ католическихъ соборахъ. Но и здѣсь картина начинаетъ поновляться: между старинными зданіями тѣснятся новѣйшія постройки, и на ветхихъ домахъ, какъ свѣжая заплата на рубищѣ, виднѣется иногда новая дверь или недавно пробитое окно.

Центръ города—Шведскій рынокъ. Самая наружность этой небольшой площади оригинальна. Съ одной стороны готическое

зданіе ратуши, съ башней и часами на фасадѣ; съ другихъ—узенькіе, высокіе каменные дома, съ остроконечными кровлями, обстроенные внизу лавками. Всякій день, кромѣ воскресенья, здѣсь съ утра до вечера кипитъ народъ. Длинныя чухонскія телѣжки стоятъ рядами, и вокругъ толпятся эстонцы въ широкихъ шляпахъ и длинныхъ балахонахъ. Ребятишки, сидя на возахъ, флегматически жуютъ хлѣбъ, а чухонки тѣснятся около круглаго колодезя, вовсе не антично погружая въ него свои ведра.

Ратуша построена въ XIII вѣкѣ; но она столько разъ передѣлывалась и поправлялась, что теперь судить о ея первоначальномъ видѣ такъ-же мудрено, какъ по сюртукамъ и пальто Апраксинскаго рынка въ Петербургѣ невозможно вывести заключенія о покроѣ тѣхъ шинелей, изъ которыхъ они перешиты.

Въ магистратской залѣ стѣны украшены картинами и деревянными барельефами старинной работы. Съ правой стороны представленъ судъ Соломона, съ лѣвой—усѣкновеніе главы Іоанна-Предтечи.

Съ Шведскаго рынка узкій переходъ подъ домомъ ведетъ въ мясной рядъ, чистый, опрятный и даже красивый. Здѣсь бросается въ глаза одна любопытная особенность: въ каждой лавкѣ, подъ самымъ потолкомъ, висятъ поднятыя на блокѣ связки платья и шляпы. Вы спросите, что это значитъ, и вамъ скажутъ, что мясникъ, приходя въ лавку, переодѣвается въ особое платье, а обыкновенный нарядъ свой вѣшаетъ на крюкъ и притягиваетъ къ потолку. Кончивъ торговлю, herr Fleisher надѣваетъ опять черный фракъ и идетъ въ клубъ читать газеты.

Главныя улицы въ городѣ — Длинная (Langstrasse) и Широкая (Breitstrasse). Длинная улица, извѣстная въ русскомъ вольномъ переводѣ подъ именемъ Морской—настоящій Невскій проспектъ Ревеля: тутъ лучшіе магазины, кондитерскія, клубы, библіотеки, типографіи. Здѣсь, наконецъ, и большая часть общественныхъ зданій, замѣчательныхъ въ исторіи жизни Эстляндіи.

Прежде всего я отправился въ Клубъ „черноголовыхъ“ (Schwarzenhäupter). Надъ входомъ виденъ гербъ общества — голова мавра. По бокамъ стоятъ двѣ скульптурныя фигуры вооруженныхъ всадниковъ, — памятникъ турнира, на которомъ одинъ молодой купецъ изъ братства черноголовыхъ выбилъ съ сѣдла какого-то рыцаря. Въ сѣняхъ висятъ модели ганзейскихъ кораблей. Нижняя зала съ XIV вѣка служитъ постоянной ареной для игръ и танцевъ; подъ ея сводами десятки поколѣній отплясали всевозможные танцы и переиграли во всѣ игры, отъ костей до вистъ-преферанса. Въ верх-

ней залѣ хранятся клейноды общества: портреты Густава Вазы, Іоанна Грознаго, Карла XII, алтарный образъ св. Бригитты, спасенный черноголовыми при разореніи монастыря, литавры, отбитые у татаръ, штандартъ съ пышной надписью: aut vincendum, aut moriendum, бокалы, жалованные государями, знаменитый кубокъ *козьей ноги* и наконецъ книга братства, Das Schwarzen-häupter-Brüder Buch. Я перелистывалъ эту рукопись, въ которую записывались ученые, литераторы, артисты. На первой страницѣ читается:

Петръ,
въ Ревелѣ, 1711, декабря 26,
далъ въ братство Черноголовыхъ
30 червонныхъ.

Военно-торговое общество шварценгейптеровъ, основанное нѣмецкими, голландскими и шведскими купцами въ половинѣ XIV вѣка, получило названіе отъ того, что избрало себѣ покровителемъ св. Маврикія, который былъ родомъ негръ. По примѣру подобныхъ же обществъ въ Германіи, оно было учреждено для защиты города отъ враговъ и отъ притѣсненія бароновъ, и въ свое время оказало немало услугъ Ревелю. Всякій разъ, когда ему грозила опасность, члены общества св. Маврикія были въ рядахъ защитниковъ. По статутамъ ордена, въ *братья-всадники* выбираются молодые люди изъ купцовъ и купеческихъ приказчиковъ.

На этой-же улицѣ находятся дома гильдейскихъ собраній. *Большая-гильдія*—принадлежитъ купечеству. Въ главной залѣ мнѣ показали лѣстницу, которая никуда не ведетъ и упирается прямо въ стѣну. Она въ три уступа, и каждый украшенъ деревяннымъ барельефомъ грубой работы; нижній представляетъ гербъ черноголовыхъ, средній—Адама и Еву въ раю, а верхній—знаки датскаго ордена Данеборга. Я спросилъ, что это значитъ, и мнѣ объяснили, что барельефы изображаютъ аллегорически тѣ условія, безъ которыхъ въ старые годы бюргеръ не могъ быть избранъ въ члены купеческаго сословія. Въ торжественный день выборовъ, кандидата вводили на эту лѣстницу: съ первой площадки, надъ которой видна голова св. Маврикія, объявляли, что избираемый удовлетворилъ главному условію—былъ братомъ-черноголовымъ; потомъ со второго уступа, гдѣ видно райское состояніе праотцевъ, провозглашали, что новый собратъ выполнилъ другое требованіе сословія—вступилъ въ законный бракъ; наконецъ, приводили его на послѣдній всходъ съ арматурою Данеборга, и оттуда возвѣщали, что онъ, какъ вѣрный подданный короля, можетъ быть причисленъ къ Большой-гильдіи. При звукѣ

трубъ, новый членъ купеческаго сословія благодарилъ избирателей и выпивалъ кубокъ вина за благоденствіе Ревеля.

Въ нѣсколькихъ шагахъ отсюда—*Малая-гильдія*, или домъ ремесленниковъ, извѣстный больше подъ именемъ Общины св. Канута. Надъ дверьми—раскрашенный барельефъ, представляющій основателя общества, короля Канута VI. Здѣсь каждый годъ бываетъ праздникъ: это день выбора новыхъ членовъ и взаимныхъ поздравленій между большой и малой гильдіями и братствомъ черноголовыхъ. Въ старину торжество это продолжалось, говорятъ, цѣлую недѣлю, и честные ремесленники задавали пиры, которые нерѣдко оканчивались шумными оргіями и даже битвами. Теперь это—„дѣла давно минувшихъ дней“.

Широкая-улица—самая аристократическая въ Ревелѣ. На ней нѣтъ ни мастеровыхъ, ни магазиновъ, и если такъ-же, какъ и вездѣ, пахнетъ кофеемъ, зато почти не замѣтно пивного запаха. Съ тѣхъ поръ, какъ на Вышгородѣ перестали звенѣть рыцарскія шпоры, дворянство мало-по-малу спускалось въ эту улицу, вытѣсняя изъ нея ремесленниковъ и торговцевъ.

Прежде Широкая улица обсажена была деревьями и служила мѣстомъ прогулокъ. Дома осѣнялись тогда густыми липами и каштанами. По вечерамъ старики собирались подъ ихъ тѣнью, на каменныхъ скамейкахъ своихъ готическихъ крылецъ, а молодежь гуляла по улицѣ. Теперь эти прогулки вывелись, да и самыя деревья давно вырублены.

Въ Ревелѣ есть замѣчательныя церкви. Эстонская кирха Св. Духа на Старомъ рынкѣ—одно изъ самыхъ старинныхъ зданій въ городѣ: толстыя стѣны ея, маленькія, узкія окна, свинцовые переплеты, съ мелкими, тусклыми стеклами,—все оригинально и мрачно. Каѳедра поставлена прямо передъ массивнымъ устоемъ, поддерживающимъ своды, такъ что пасторъ читаетъ проповѣдь, обращаясь къ стѣнѣ, и большая часть богомольцевъ вовсе не видитъ его.

Церковь Св. Олая возобновлена послѣ пожара 1820 года. Въ іюлѣ мѣсяцѣ ночью молнія зажгла вершину башни, и колоссальный коническій шпиль рухнулъ на окрестныя зданія. Башня сдѣлалась настоящимъ вулканомъ: пылающія головни разлетались изъ нея по всему городу. Скоро вспыхнула самая церковь: стекло таяло, какъ воскъ, и съ крыши дождемъ брызгалъ растопленный свинецъ. Въ три часа не стало древняго собора, который служилъ маякомъ для кораблей и предметомъ удивленія эстонцевъ, называвшихъ его *славою города* (linna au ja illo). Погибли всѣ церковныя вещи—органы, древнія картины и т. д., и теперь церковь реставрирована; новый вели-

колѣпный органъ гремитъ подъ ея сводами, и колоссальная башня—хотя нѣсколькими футами ниже прежней—поднимаетъ надъ городомъ свой громадный шпиль. Послѣ страсбургской колокольни и римскаго храма св. Петра—это самое высокое зданіе въ Европѣ. Сторожъ повелъ насъ на башню. Пройдя двѣсти-пятьдесятъ ступеней по довольно удобной лѣстницѣ, мы вышли на галлерею, обведенную желѣзной рѣшеткой, и намъ открылся весь Ревель.

Надъ галлереей возвышается еще шпиль, и на него поднимаются по триста тридцати ступенямъ деревянными лѣстницами, изъ которыхъ послѣднія стоятъ вертикально. Мы рѣшились взобраться до послѣдней возможности. Сторожъ шелъ впереди и при каждомъ подъемѣ въ новый ярусъ открывалъ желѣзные ставни и освѣщалъ проходъ. Послѣднія лѣстницы вели въ такомъ узкомъ пространствѣ, что можно было съ обѣихъ сторонъ доставать до желѣзной обшивки шпиля. Наконецъ мы добрались до послѣдняго помоста и очутились подъ узенькимъ колпакомъ, похожимъ на свѣчной гасильникъ. Проводникъ открылъ люкъ, и я выглянулъ въ окно. Города почти не видно: передъ вами, въ глубокой пропасти, безобразная масса черепичныхъ кровель, тѣсно сдвинутыхъ въ одну кучу, опоясанныхъ полоскою городскихъ стѣнъ, и между ними узенькіе прорѣзы улицъ, перепутанныхъ какъ артеріи; подлѣ, точно зеленый цвѣтникъ, Катериненталь; съ другой стороны, какъ голубой бассейнъ, Бумажное озеро—и только море все также раскидывается обширнымъ полемъ съ безконечной далью.

Но самая замѣчательная церковь—Никольская. Въ ней много любопытнаго для туриста и археолога: старинныя католическія картины, древніе рѣзные хоры и мумія герцога Кроа. Быть въ Ревелѣ и не видать этой рѣдкости—нельзя.

Вмѣстѣ съ другими рѣдкостями Ревеля осмотрѣлъ я одинъ старинный купеческій домъ. Такихъ антиковъ, съ полною обстановкой и мебелью XVI столѣтія, теперь немного осталось и въ Германіи. Съ крыльца мы вошли въ сѣни, занимающія весь нижній этажъ. По обѣимъ сторонамъ тянутся ряды огромныхъ шкафовъ, свидѣтельствующихъ о запасливой домовитости тогдашняго времени: въ одинъ этотъ домъ легко помѣстить цѣлый лабазъ съ прибавкою милютинской лавки. Можно представить, какъ презрительно покачали-бы головою обитатели такого готическаго магазина, еслибъ взглянули на петербургскія квартиры, гдѣ часто негдѣ сберечь одного фунта масла, если жилецъ не умудрится приладить шкафчика между дверями или навѣсить ящика подъ окномъ кухни. По каменной винтообразной лѣстницѣ, гораздо тѣснѣе и уже олаев-

ской, поднялись мы во второй этажъ. Лучшая комната обращена на дворъ. Вся передняя стѣна ея состоитъ изъ одного огромнаго окна, раздѣленнаго надвое довольно чисто вытесанною колонной, и въ немъ сотни маленькихъ стеколъ въ тяжеломъ свинцовомъ переплетѣ. Прямо противъ окна печь, похожая на готическую часовню, съ гербомъ домохозяина и поучительной надписью изъ священнаго писанія. Боковыя стѣны расписаны старинной живописью: въ верхнемъ ряду изображены охотничьи сцены, въ среднемъ—событія изъ библейской исторіи и Евангелія, а внизу—рисунки животныхъ и звѣрей. Здѣсь-то жилъ ревельскій купецъ, любуясь постоянно изъ окна на тѣсный дворъ своей тюрьмы. Верхній этажъ состоитъ весь изъ чердака, который обширностью не уступаетъ сѣнямъ. Сюда складывали запасные товары. Словомъ, этотъ домъ похожъ на кладовую, отъ которой едва отдѣлили двѣ небольшія комнаты на жилые покои. Но въ старые годы купцу и не нужна была большая квартира: день проводилъ онъ въ лавкѣ или на пристани, вечеръ въ клубѣ или погребкѣ; а жена его сидѣла по цѣлымъ днямъ въ церкви передъ молитвенникомъ, въ кухнѣ передъ очагомъ, да на каменной скамейкѣ своего готическаго крыльца.

Лучшимъ мѣстомъ для прогулокъ въ Ревелѣ служитъ Катеринентальскій паркъ, насаженный еще Петромъ Великимъ на самомъ берегу залива. Вы не найдете въ немъ, конечно, того сочетанія искусства съ богатствомъ, какимъ отличается садъ Царкосельскій, ни прудовъ и фонтановъ, которыми щеголяетъ Петергофъ; но здѣшніе каштаны такъ рослы, тѣнь ихъ такъ свѣжа и успокоительна, что нельзя желать лучшаго мѣста для отдыха и прогулки. Жаль только, что видъ на море не совсѣмъ открытъ, и петербургская дорога мѣшаетъ примкнуть паркъ къ самому берегу. А какая могла-бы здѣсь раскинуться прекрасная аллея, и какой видъ открылся-бы на городъ и окрестности.

Окрестности ревельскія очень недурны. Я началъ прогулки, какъ слѣдуетъ въ средневѣковомъ городѣ—съ кладбищъ, и въ первые дни былъ въ Ziegelskoppel на Мойкѣ. Одно кладбище примыкаетъ къ густой рощѣ, откуда видѣнъ Ревель и Катериненталь, съ садами и зеленью, съ моремъ и кораблями; другое лежитъ на берегу пустыннаго озера, и отъ него видъ на песчаные, безплодные холмы, безъ растительности и жизни.

Послѣ городскихъ кладбищъ, я осмотрѣлъ кладбище ревельскаго католицизма, развалины монастыря Бригитты. Мы переправились на паромѣ черезъ небольшую рѣчку. Толпа ребятишекъ изъ чухонской деревушки, разбросанной вокругъ руинъ, встрѣтила

насъ съ нескрываемымъ желаніемъ добыть нѣсколько грошей. Почернѣлый остовъ собора возвышается колоссальнымъ прямоугольникомъ, и боковая стѣна, обращенная къ морю, высоко поднимаетъ свою пирамидальную вершину. На противоположной стѣнѣ сохранилось нѣсколько скульптурныхъ украшеній: эти каменныя кружева—единственные остатки былого великолѣпія монастыря. На продольныхъ стѣнахъ видны кельи отшельницъ и кое-гдѣ замѣтны слѣды катакомбъ. Вездѣ, гдѣ только осталась штукатурка, красуются безчисленныя имена и надписи туристовъ, разнообразно выписанныя нѣмецкими, русскими и латинскими буквами. Нельзя не подивиться, какъ умудряются люди взбираться на такую высоту для того только, чтобъ расписаться въ посѣщеніи бригиттинскихъ развалинъ. Впрочемъ, я не видалъ ни одной старой надписи: дожди ли смываютъ ихъ или сами туристы уничтожаютъ другъ друга, и новыя имена изглаживаютъ прежнія, какъ на кладбищахъ свѣжія могилы истребляютъ старыхъ покойниковъ.

Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ церкви, между грудами щебня, показываютъ входъ въ подземелье, которое будто-бы проходитъ отсюда подъ моремъ въ самый городъ.

Небольшая рѣчка Бригиттовка отдѣляетъ развалины отъ мызы Кошъ. Это одно изъ лучшихъ мѣстъ подъ Ревелемъ, съ небольшимъ, но опрятнымъ и довольно красивымъ садомъ.

А. Милюковъ.

Начало Волги.

Деревня Волгино Верховье, или, какъ зовутъ сами крестьяне, Волговерховье, расположена на горкѣ, среди довольно открытой мѣстности. Къ югу, сейчасъ подъ самой горкой—болото. Болото это одно изъ тѣхъ, какія, безъ сомнѣнія, встрѣчались каждому изъ насъ: осока, трефоль, бѣлокопытникъ, калужница, чистякъ, а тамъ опять осока, мочажина, съ кое-гдѣ просвѣчивающею водой—вотъ и вся его характеристика. Тѣмъ не менѣе, оно привлекаетъ къ себѣ вниманіе посѣтителя, заставляя его въ десятый разъ вглядываться въ ту же осоку и кочки, какъ будто въ нихъ кроется что-то выходящее изъ обыкновеннаго ряда вещей.

— Али на нашу Волгу смотрите? Откуда ваша милость?—спросилъ насъ девяностолѣтній старикъ, когда мы, вдвоемъ съ однимъ

студентомъ, стояли на самомъ краю болота, завернувъ въ этотъ глухой уголокъ изъ любопытства видѣть истокъ Волги.

— Да гдѣ же, дѣдушка, Волга-то? - спросили мы.

— А вотъ эта и есть Волга. Энъ часовенка-то, туда подите: тамъ и колодецъ есть... отголь и Волга вытекаетъ.

Дѣйствительно, нѣсколько десятковъ саженъ правѣе, по самой серединѣ болотца, стоитъ убогая, деревянная часовенка. Часовенка подновлена въ послѣднее время; до нея, на памяти того же старика, успѣли придти въ ветхость двѣ другія часовни на томъ же мѣстѣ. Въ часовнѣ пусто; только въ лѣвомъ углу стоитъ единственный и безъ всякихъ украшеній небольшой образъ Спасителя; даже скамейки нѣтъ. Мало того, нѣтъ ни лѣсенки ко входу, ни чего-либо похожаго на мостики черезъ болото, если не считать за таковые двѣ-три толстыя полусгнившія коряги, можетъ быть остатки тѣхъ самыхъ березъ, которыя росли здѣсь на памяти дѣдушки. Посрединѣ часовни небольшой срубъ, уходящій подъ полъ, въ болото; шестикъ, опущенный въ воду, уходитъ аршина на полтора или немного больше: далѣе чувствуется вязкій, илистый грунтъ дна; вода прозрачна, но отъ примѣси органическихъ веществъ красновата и нельзя сказать, чтобъ была пріятна на вкусъ; теченія никакого незамѣтно. Однако, по свидѣтельству старика, въ прежніе годы вода текла тутъ сильно и была чище; самое болото было обширнѣе и за пряслами, что въ нѣсколькихъ шагахъ къ югу отъ часовни, на болотѣ были „окна“, которыхъ теперь и слѣда нѣтъ, — все затянуло; кругомъ былъ лѣсъ; за тѣми же пряслами и теперь идетъ лѣсъ, но молодяжникъ, выросшій мало-по-малу на мѣстѣ вырубленнаго стараго. Ежегодно 6 августа въ часовнѣ совершается молебствіе.

— А что,—спрашивали мы старика,—велика ваша деревня? Можетъ, не въ память ли, когда и начиналась она? И съ изстари, что ли, считалось такъ, что это есть начало Волги, или уже на твоей памяти стало такъ называться это мѣсто?

На послѣдній вопросъ старикъ отозвался незнаніемъ.

— Кто знаетъ,—сказалъ онъ:—говорятъ, что это и есть начало Волги, а вправду ли это она самая? Пріѣзжаютъ, вѣдь, богатые купцы—тоже любопытствуютъ: откуда, значитъ, началась Волга? Далѣ-то, говорятъ, велика она?

— Велика, дѣдушка, очень велика. Вотъ подъ Нижнимъ такъ съ версту въ ширину будетъ. Слыхалъ ли про Нижній?

— Нѣтъ, что-то не въ память. Може и слышалъ, забылъ. И впрямь версту?!.. Правда ли: пріѣзжали сюда тоже ученые изъ Пи-

тера,—такъ говорятъ, выше-то нашего мѣста и нѣтъ нигдѣ? А быдто, глядѣть, такъ все низина, болото!

— Болото-то болото, а все-таки вѣрно, что ваше мѣсто безъ мала самое высокое,—подтвердили мы дѣдушкѣ.—Еслибы сюда, къ примѣру, придвинуть Питеръ, такъ намъ бы на него какъ въ пропасть какую пришлось смотрѣть: онъ бы саженъ сто ниже насъ былъ.

— Вонъ что, вонъ что! —удивился старикъ. —А вотъ ты про деревню-то нашу... Деревня наша небольшая, всего 25 дворовъ. Давно ужъ тому, маленькій я былъ, какъ здѣсь всего было восемь дворовъ; какъ отецъ мой пришелъ сюда, здѣсь сказывалъ, не было селенія; а вотъ нонѣ одного нашего рода почесть дворовъ десять будетъ. А допрежь того былъ здѣсь номастырь Ивана Предтечи (здѣсь такъ многіе переиначиваютъ слово монастырь) — Волговерховскій прозывался. Пониже-то увидите—знать еще плотина была; была номастырская мельница...

— Что-же, теперь нѣтъ мельницы?

— Гм... дѣ-же быть-то ей! Ту пору вода была; а теперь что? Вотъ, дай срокъ,—лѣтомъ-то совсѣмъ пересохнетъ.

Такъ вотъ каково начало великой Волги. Послѣдимъ теченіе Волги. Теченіе, незамѣтное у часовни, съ удаленіемъ отъ нея становится явственнымъ; берега частію зыбкіе, поросли тѣми же травами, къ которымъ можно развѣ прибавить сердечникъ, хвощъ, бредину и другія породы кустарной ивы; осока замѣняется злаками, дающими крестьянамъ нѣкоторое количество сѣна. Ширина рѣки, понятно, ничтожна и заволжскій житель безъ затрудненія можетъ, не переправляясь черезъ рѣку, пожать руку пріятелю, живущему на другой сторонѣ рѣки; ширина долины саженъ 10—20; пока берега возвышенны оба, но лѣвый выше и круче. Обогнувъ деревню съ восточной стороны, ручей Волга вступаетъ въ еловый, непроходимо-трущобный лѣсъ, разросшійся по болоту, въ которомъ мѣстами опредѣленнаго русла Волги не видно и даже незамѣтно теченія. Съ версту далѣе, по выходѣ изъ лѣса, Волга течетъ уже въ явственномъ руслѣ, дѣлая многочисленные зигзаги среди низменной, затопляемой весною луговины. Здѣсь близъ деревни Вороновой, она принимаетъ въ себя первый притокъ—ручей Персянку, который едва ли увеличиваетъ ширину Волги на нѣсколько вершковъ. Немного далѣе Волга снова вступаетъ въ лѣсъ, на первый разъ обѣщающій быть настолько сноснымъ, что, вступая въ него, забываешь крайнія неудобства пѣшаго хожденія по предыдущимъ трущобамъ (другой способъ слѣдованія по самому берегу Волги не мыс-

лимъ); скоро, однако, убѣждаешься, что кочки, хворостъ, повалившіяся деревья и вода среди темнаго лѣса изъ елей, увѣшанныхъ длинными космами мха, овладѣваютъ Волгой, предоставляя путнику или отказаться отъ намѣренія видѣть дальнѣйшее теченіе ея въ здѣшней мѣсности, или мириться съ необходимостью еще разъ вязнуть въ болотѣ и спотыкаться о кочки и коряги.

Судя по картѣ, сейчасъ должно представиться и первое озеро, *черезъ* которое, по словамъ нѣкоторыхъ авторовъ, будто бы протекаетъ Волга. Надо взглянуть; надо, стало быть, и мириться съ болотомъ, въ которомъ еще разъ Волга теряется настолько, что нельзя указать, гдѣ она течетъ: ни русла, ни теченія нѣтъ — одно болото. А вотъ, наконецъ, и озеро. Это—*Малый Верхитъ*; оно имѣетъ довольно круглую форму и, повидимому, не болѣе 30 — 60 саженъ ширины; подойти къ нему вплоть почти нѣтъ возможности, не рискуя погрузиться по поясъ въ жидкомъ илѣ его береговъ. Кругомъ всего озера тотъ же еловый лѣсъ. Предшествовавшія болота, болота кругомъ, болота далѣе, наводятъ на мысль, что Малый Верхитъ не болѣе, какъ „*окно*" въ одномъ сплошномъ болотѣ, которое когда то представляло открытое скопленіе воды, постепенно, въ теченіе вѣковъ, зароставшее мхомъ, травой и, наконецъ, лѣсомъ. Въ озерѣ, однако, есть кое-какая мелкая рыба, которою и пользуются жители деревни Вороновой. Любопытству нашему, относительно протеканія Волги *черезъ* озеро, не суждено было удовлетвориться по той простой причинѣ, что Волга не протекаетъ такимъ способомъ и, думаемъ, никогда не протекала; мало того, смотря на карту, можно было бы подумать, что Малый Верхитъ, подобно швейцарскимъ и многимъ другимъ горнымъ озерамъ, обязанъ своимъ происхожденіемъ рѣкѣ, въ нашемъ случаѣ Волгѣ, которая, встрѣтивъ на своемъ пути углубленіе, наполнила его и затѣмъ потекла далѣе; но и этого нѣтъ; указанный нами характеръ мѣстности убѣждаетъ въ исконной древности Верхита, который всегда былъ самъ по себѣ, а ручей Волга самъ по себѣ, явившись, коли хотите, даже позднѣе Верхита, въ ту, все же, конечно, отдаленную эпоху, когда масса воды, сплошь покрывавшая Осташковскій уѣздъ, сбыла настолько, что обнаружившаяся разность горизонтовъ обусловила теченіе въ направленіи къ теперешнему Верхиту. О протеканіи *черезъ* нечего и говорить, если вспомнимъ, что, еще не дойдя до Верхита, теченіе Волги становится совершенно незамѣтнымъ, такъ сказать, расплываясь въ лѣсу по болоту; можно къ тому-же прибавить и то, что Волга и не вытекаетъ съ противоположнаго конца Верхита, а выходитъ изъ него *почти тамъ-же*, *гдѣ вошла*,

всего въ нѣсколькихъ шагахъ оттуда. За Малымъ Верхитомъ Волга еще верстъ пять идетъ лѣсомъ и по пути принимаетъ въ себя второй притокъ, едва ли не превосходящій ее самое — ручей *Красный*, названный такъ по цвѣту воды его; ширина Волги увеличивается еще на нѣсколько вершковъ, вслѣдствіе чего для переправы за Волгу одного обыкновеннаго шага недостаточно, а потребуется сдѣлать порядочный прыжокъ. Пройдя лѣсомъ еще версту, Волга встрѣчаетъ другое озеро, размѣрами значительно превосходящее первое, но въ остальномъ очень похожее на него; озеро это—*Большой Верхитъ*. Здѣсь Волга выходитъ со стороны противоположной впаденію, что, однако, отнюдь недостаточно для заключенія о прохожденіи ея *черезъ* озеро; условія мѣстности, сходныя съ предыдущими, также не говорятъ въ пользу такого заключенія, какъ ничего не сказали намъ по этому поводу бывшіе съ нами мѣстные жители, которые, однако, выдавали за достовѣрный фактъ прохожденіе рѣки по другому дальнѣйшему озеру. По выходѣ изъ большого Верхита, Волга становится значительно шире; у моста, переброшеннаго черезъ нее на этомъ мѣстѣ, она имѣетъ 10—12 шаговъ ширины, при глубинѣ по колѣни; берега сначала возвышенны оба, потомъ только лѣвый; теченіе быстро, но мѣстами; въ одномъ мѣстѣ скорость достигаетъ 2—3 футовъ въ секунду, въ другомъ не достаетъ и фута. Здѣсь въ первый разъ встрѣчаются мѣста, не лишенныя живописности; это именно тамъ, гдѣ Волга течетъ по дну довольно глубокой и узкой долины, во всю ширину которой, надъ темной рѣкой простираются съ одного берега на другой, какъ длинныя руки какихъ нибудь великановъ, густыя лапчатыя вѣтви высокихъ елей; нерѣдко огромные стволы, поваленные временемъ или бурей, протянулись черезъ Волгу, упирая въ ея хрящеватое дно и выставляя во всѣ стороны свои оголенные отъ коры и хвои, изсохшіе сучья; иногда, въ контрастъ съ такими скелетами, кудрявая рябина смотрится въ зеркало рѣчки, отражая въ ней свои красивые, вырѣзные листья, или полная жизни молодая черемуха, низко наклонясь надъ водою, купаетъ въ ней свои вѣтви, усыпанныя пушистыми кистями цвѣтовъ, изливающихъ обильный ароматъ въ тиши глубокой долины; вѣтеръ, идущій вверху, не достигаетъ сюда, донося до слуха только характерный гулъ шумящихъ вершинъ обширнаго хвойнаго лѣса. И трудно сказать, откуда лучше смотрѣть на этотъ дикій видъ: здѣсь-ли у рѣки, гдѣ видны всѣ мельчайшія подробности, или сверху (съ берега), откуда картина столько-же выигрываетъ въ цѣломъ, сколько теряетъ въ деталяхъ.

Нерѣдко, идя по берегу, встрѣчаешь огромные гранитные ва-

луны, изъ которыхъ иные достигаютъ 5 аршинъ въ длину и почти человѣческаго роста въ вышину. Говорятъ, гдѣ-то невдалекѣ лежитъ валунъ въ цѣлую избу. Иногда огромная гранитная глыба, обросшая мхомъ, успѣвшимъ въ теченіе минувшихъ вѣковъ подготовить слой почвы, на которомъ уже растетъ стройная березка, до половины выдвигается въ самое русло рѣчки, стѣсняя ея теченіе; чаще цѣлый рядъ валуновъ преграждаетъ путь Волги, которая, какъ бы сердясь на помѣху, стремительно бросается на нихъ, бурлитъ и пѣнится въ тщетныхъ усиліяхъ снести эти камни, въ теченіе многихъ вѣковъ лежащіе на одномъ и томъ-же мѣстѣ, повидимому, безъ замѣтныхъ поврежденій.

В. Рагозинъ.

По верхней Волгѣ.

Ясное лѣтнее утро. Оба берега „русской рѣки" отчетливо выдѣляются подъ солнечными лучами. Набережная Твери и ея своеобразные двухъэтажные дома съ воротами посреди, нѣсколько напоминающіе древніе укрѣпленные дворы, зеленый ровный скатъ къ рѣкѣ, Тверицы съ Отрочъ-монастыремъ, Затверечье съ его шестью ярко бѣлѣющими церквами—все это оставляетъ пріятный слѣдъ въ душѣ путника, отплывающаго внизъ.

Весело попыхиваетъ пароходная труба, весело снуютъ лодчонки по блестящей равнинѣ водъ, весело толпится кучка народа у пристани.

Не смотря на ранній часъ, у пристани собралось немало любопытныхъ горожанъ посмотрѣть на отплытіе парохода, на новыхъ лицъ, на скатываніе багажа по гладкому деревянному лотку. По длинной лѣстницѣ,—берегъ имѣетъ 5½ саж. высоты,—спускаемся на „конторку" и послѣ неизбѣжной суетни вступаемъ на свѣтло-бланжевый самолетскій пароходъ „Наяду." Онъ производитъ самое пріятное впечатлѣніе своею чистотой и порядкомъ. Крошечная, но изящная рубка, въ которой обѣдаютъ, читаютъ, бесѣдуютъ и въ то же время созерцаютъ волжскіе пейзажи; хорошо содержимые бархатные диваны въ каютахъ перваго класса и суконные во второмъ; скамейки и другія принадлежности траппа, т. е. балкона, гдѣ находится также рулевая рубка, рѣжутъ глаза бѣлизною; прибавимъ къ этому электрическое освѣщеніе, предупредительность и любезность служащихъ, хорошій буфетъ,—и въ результатѣ эти пароходы верх-

няго плеса, перевозящіе больше сѣрый народъ, которые могли быть гораздо хуже при отсутствіи конкурренціи другихъ пароходныхъ обществъ, оказываются лучше пароходовъ, плавающихъ по Рейну, Дунаю и Эльбѣ, перевозящихъ многочисленныхъ и богатыхъ туристовъ съ манерами и привычками болѣе утонченными, чѣмъ у русскихъ мужиковъ, купцовъ и мѣщанъ.

Въ девять часовъ утра, послѣ положенныхъ по регламенту свистковъ, „Наяда" плавно и безшумно двинулась на средину рѣки, граціозно повернулась носомъ впередъ, тихо подошла къ наплавному мосту, одно изъ звеньевъ котораго было отведено въ сторону, осторожно проплыла въ образовавшійся проходъ, потомъ дала „полный ходъ", и колеса запорхали. Ихъ ритмическій шумъ сразу успокоительно подѣйствовалъ на нервы, уже заранѣе настроенные на воспріятіе мирныхъ впечатлѣній.

Отъ наплавнаго моста, гдѣ впадаетъ Тверца, Волга сразу дѣлается шире въ полтора раза, но все-таки почти вдвое уже Невы, что даетъ возможность нѣкоторымъ пароходнымъ пассажирамъ перекликаться со знакомыми на берегу. Тверь все отодвигается назадъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ все шире развертывается перспектива ея церквей и садовъ. Черезъ четверть часа Волга дѣлаетъ поворотъ, городъ исчезаетъ, и пассажиръ всецѣло можетъ предаться созерцанію рѣки.

Пароходъ нашъ несется впередъ со скоростью 15 верстъ въ часъ. Мимо то и дѣло мелькаютъ деревушки и небольшія селенія съ бѣлыми церквами самой россійской архитектуры съ двухъ и трехъярусными куполами, съ шатровыми колоколенками. Картины все самыя національныя: невысокіе берега, перелѣски, словомъ—старинная Русь. Съ траппа можно наблюдать полевыя работы. Глядя на окружающее, можно сказать словами славнаго поэта-волгаря; „нигдѣ не дышится вольнѣй родныхъ луговъ, родныхъ полей, и той же пѣсенкою полнъ былъ говоръ этихъ милыхъ волнъ".

Волга здѣсь шириною 100—150 саженъ, долина ея 1—2 версты, но самая рѣка пока меньше привлекаетъ взоръ, чѣмъ берега. Формація ихъ—большею частью песчаный суглинокъ; кой-гдѣ попадаются эрратическіе валуны, а въ руслѣ каменныя гряды, которыя теперь, впрочемъ, безопасны, особенно при искусствѣ рулевыхъ, изучившихъ Волгу, какъ свои пять пальцевъ.

Берега этого плеса не имѣютъ той величавой красоты, какъ нагорный берегъ нижняго плеса, не плѣняютъ взора руинами, скалами, замками и виллами, какъ на Рейнѣ, но зато привлекаютъ русское сердце идиллической простотою, сельскими картинами и оживленіемъ. Пустырей почти незамѣтно: нѣтъ ни одного мѣста,

ни одного кульминаціоннаго пункта, съ котораго не было бы видно хотя одной церкви. Флора по берегамъ богаче, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ губерніи. Попадаются даже величественные осокори—раскидистыя, стройныя березы; они сопровождаютъ Волгу на большомъ протяженіи до самаго низовья. Эта оживленность береговъ представляетъ нѣкоторый контрастъ съ пустынностью самой рѣки, на которой рѣдко встрѣчаются небольшія барки и буксирные пароходы. Это объясняется тѣмъ, что транзитное движеніе по верхнему плесу, прежде довольно значительное, теперь почти прекратилось, ибо главная масса грузовъ поворачиваетъ отъ Рыбинска по Маріинской системѣ, а также по желѣзной дорогѣ; за Вышневолоцкой же системой остается значеніе только мѣстнаго пути, также, какъ и за верхней частью Волги, которая служитъ главнымъ образомъ для снабженія Тверской губерніи хлѣбомъ, солью, рыбой и керосиномъ; сверху идетъ много лѣса, который сплавляется и за Рыбинскъ. Пароходы ходили прежде отъ славнаго города Ржева, но теперь это время миновало, и ржевско-тверской плесъ сталъ несостоятельнымъ. Затѣмъ отъ Твери до Рыбинска былю оригинальное туэрное пароходство: по дну рѣки была протянута гигантская цѣпь, надѣвавшаяся на валъ, устроенный на палубѣ парохода; цѣпь вытягивалась изъ воды, съ носа парохода, проходила черезъ валъ и спускалась въ воду съ кормы; такимъ образомъ буксирный пароходъ подвигался вверхъ со скоростью 4—5 верстъ въ часъ, влача за собою нѣсколько барокъ; но и это теперь кончилось, такъ какъ грувовъ не такъ много.

Съ появленіемъ всесильнаго пара, исчезли и бурлаки съ ихъ нечеловѣческою работою. Теперь уже не увидите на Волгѣ группъ, подобныхъ изображеннымъ на извѣстной картинѣ Рѣпина, не услышите „народнаго стона“, который зовется пѣсней; и скорбно-поэтическіе штрихи Некрасова и „подлиповцы“ Рѣшетникова скоро станутъ анахронизмами. Нынѣ попадается слабое подобіе бурлацкой тяги въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда плотъ пригоняется вѣтромъ къ берегу, и рабочіе должны его прогнать полверсты-версту вдоль берега, запрягаясь для этого въ лямки.

А. Субботинъ.

Макарьевская ярмарка.

Всероссійское шумное торжище, привлекая торговцевъ и произведенія всей Россіи, Сибири, Туркестана, Индіи, Кавказа, Персіи, Китая, увеличиваетъ населеніе Нижняго съ обычнаго до 400 тысячъ душъ и превращаетъ весь городъ въ арену шума, суеты, сутолоки и движенія, доводя обороты до 200 милліоновъ рублей. Въ былыя времена ярмарка была въ Казани, куда съѣзжались торговцы со всѣхъ концовъ Россіи, но въ началѣ 16-го вѣка великій князь Василій IV запретилъ купцамъ ѣздить въ Казань послѣ того, какъ одинъ изъ казанскихъ царей велѣлъ во время ярмарки перерѣзать всѣхъ русскихъ купцовъ. Не привившаяся въ Василь-Сурскѣ ярмарка была перенесена къ озеру „Желтыя воды" близъ Макарьевскаго монастыря, гдѣ и были выстроены амбары и ряды. Послѣ страшнаго пожара 1816 года, испепелившаго всю ярмарку, ее перевели въ Нижній-Новгородъ, и вотъ на длинной косѣ между Волгой и Окой выросъ оригинальный городъ, мертвый и пустой въ продолженіе десяти съ половиной мѣсяцевъ и живущій только въ теченіе ярмарочнаго времени.

Въ іюлѣ и августѣ Нижній не живетъ, а горитъ. Пароходы и поѣзда подвозятъ новыя и новыя толпы. Это настоящее наводненіе, а тамъ за Окой, на ярмарочной сторонѣ, — столпотвореніе Вавилонское.

Весной разливающіяся воды Волги и Оки топятъ всю косу, превращая этотъ удивительный городъ въ русскую Венецію. Зданія, лавки, амбары, величавый соборъ, громадный театръ, все торчитъ изъ моря воды, а по улицамъ ѣздятъ лодки. Такъ странно глядѣть на этотъ мертвый, наводненный городъ, съ заколоченными окнами, по улицамъ котораго катятся волны. Вода, поднимаясь иногда на 17 аршинъ, затопляетъ не только ярмарку, но и вышележащее Кунавино у желѣзнодорожнаго вокзала и Нижній базаръ. Со спадомъ водъ выступаетъ все болѣе и болѣе изъ воды этотъ удивительный городъ и 15-го іюля ярмарка открывается. Въ соборѣ служится торжественная обѣдня, совершается крестный ходъ къ прелестной малиновой, словно покрытой плюшемъ, Макарьевской часовнѣ, стоящей близъ моста на берегу Оки. На двухъ мачтахъ по бокамъ часовни взвиваются флаги и съ этой минуты начинается лихорадочная жизнь. Макарьевская часовенка, изящная и красивая,

съ прелестнымъ рѣзнымъ иконостасомъ, увѣнчанная пятью золотыми куполами, хранящая замѣчательный образъ Спасителя и во время ярмарки образъ Макарія, который привозится сюда изъ Макарьевскаго Желтоводскаго монастыря, представляетъ собою очень красивое зданьице. Весь ярмарочный городъ крайне правильно изрѣзанный продольными и поперечными улицами, раскинулся вокругъ стараго и новаго соборовъ и прекраснаго Главнаго дома въ которомъ помѣщается ярмарочная администрація. Старый соборъ печально и скучно глядитъ на суету, особенно убитый новымъ соборомъ во имя Александра Невскаго, величественнаго кирпичнаго зданія, съ великолѣпными иконами, высоко поднявшаго свои башни и главы надъ всѣмъ городомъ. У самого собора на площади брызжетъ въ каменной чашѣ фонтанъ, а вокругъ стоятъ красивыя зданія въ китайскомъ стилѣ, съ загнутыми кверху углами крышъ, съ пестрыми стѣнами и циновками. Здѣсь начинается китайскій рядъ со стѣнами яркихъ цибиковъ, съ характерными балаганами, въ которыхъ разгружается чай. Сутолока и шумъ здѣсь постоянные. Самое аристократическое мѣсто ярмарки это бульваръ. Здѣсь сутолока царитъ невыразимая. Хотя ярмарка открывается 15 іюля, но главное ея оживленіе бываетъ въ августѣ: тогда бульваръ представляетъ любопытное зрѣлище. Пестрота публики, невыразимые шумъ и гамъ, разнощики и продавцы у лавокъ, различные экипажи и костюмы, все вмѣстѣ представляетъ такой любопытный и разноцвѣтный калейдоскопъ, что не скоро уйдешь отсюда. Тутъ и персы, и китайцы, и русскіе купцы въ длиннополыхъ кафтанахъ, и черномазые кавказцы съ огненными глазами, и проныры-цыгане, и плосколиціе азіаты, а въ витринахъ роскошные бархаты, легкія ткани востока, пестрые шелка, всевозможные предметы роскоши, хрусталь и бронза, бриллiанты и фарфоръ. Здѣсь на ярмаркѣ, среди хаоса лавокъ, магазиновъ, бараковъ, амбаровъ, поднимаютъ свои купола красивая татарская мечеть со своимъ задумчивымъ минаретомъ и рядомъ лежащими караванъ-сараями, и армянская церковь, вблизи большого ярмарочнаго театра. Надо самому видѣть все это движеніе, царящее здѣсь между Волгой и Окой, чтобы судить о немъ. Мостъ, перевязывающій Оку, совершенно черенъ отъ толпы, запрудившей его. Это безчисленные муравьи, дѣятельно бѣгущіе по проторенной своей дорожкѣ. Все, что можно продать, везутъ сюда на ярмарку со всѣхъ концовъ русской земли. Персія прислала громадные мѣшки и ящики миндаля, фисташекъ, изюма, грецкихъ орѣховъ, финиковъ, коринокъ, гигантскіе тюки восхитительныхъ персидскихъ ковровъ, скатертей и туфель. Платки, вышивки, ковры заполняютъ

персидскій рядъ, цѣлыя горы шепталы заманчиво лежатъ на каждомъ шагу, а черноглазые персы въ ихъ фескахъ флегматично сидятъ рядомъ за чашкой кофе. Кавказъ прислалъ своихъ красивыхъ сыновъ въ ихъ обольстительномъ пестромъ облаченіи, съ ихъ издѣліями, коврами, серебряными вещами, бирюзой, легкими шелками и другими вещами. Китай привезъ свой чай, который въ пестрыхъ цибикахъ образуетъ высокія стѣны въ китайскомъ ряду, замѣчательномъ и статуями, изображающими сыновъ Небесной Имперіи, и самими продавцами-китайцами. Сибирь привезла мѣха дорогихъ соболей, песцовъ и снѣжно-бѣлыхъ, пушистыхъ горностаевъ или чудныхъ бурундуковъ, съ ихъ маленькими полосатыми шубками, возбуждающими особенный восторгъ. Здѣсь все оптомъ. Яблоки лежатъ пирамидами и продаются телѣгами, гвозди — ящиками и т. д. Всюду суета, всюду невообразимая смѣсь народовъ, языковъ, національностей. Легіонъ большихъ и мелкихъ торговцевъ, надѣясь зашибить деньгу, тащится въ Нижній.

Всѣ гостинницы, квартиры и комнаты берутся на расхватъ. Цѣны на все возрастаютъ чуть не втрое. Мертвый городъ, вымытый весенними водами, совершившими свое великое дѣло дезинфекціи, превращается въ центръ особенно шумной и лихорадочной жизни. Всюду царятъ шумъ и гамъ, всюду обитаетъ долгій веселый праздникъ, всюду блеститъ пузатый самоваръ, безъ котораго не обойдется ни единый купецъ, всюду льются золотою рѣкою деньги изъ кармана въ карманъ, товары увозятся горами и обозами, а на ихъ мѣсто подвозятся новые и новые. Волга и Ока кишатъ отъ судовъ. Безконечные свистки сливаются въ общій разгульный хаосъ, приливающій еще болѣе шума къ общей сутолокѣ. Весь воздухъ дрожитъ отъ несуразнаго концерта звуковъ. Это какой-то кипящій котелъ, попавши въ который самъ дурѣешь, самъ заражаешься царящей здѣсь лихорадкой и сливаешься съ общимъ ярмарочнымъ настроеніемъ. Словно всѣ эти люди имѣютъ право жить только два мѣсяца въ году, исчезая на остальное время съ лица земли, и стараются въ эти два мѣсяца накричать, нашумѣть и пожить на цѣлый годъ.

Любопытна Сибирская пристань, этотъ городъ сараевъ и амбаровъ, стѣнъ тюковъ и мѣшковъ, башенъ ящиковъ и товаровъ. Васъ поражаютъ эти пирамиды товаровъ, закрытые брезентами, васъ останавливаютъ эти громады пузатыхъ бочекъ съ поташемъ, эти груды сырыхъ кожъ съ ихъ пріятнымъ запахомъ. Здѣсь въ этой суетѣ оживаютъ даже сонные бухарцы, общая сутолока увлекаетъ и ихъ въ свой потокъ и заставляетъ ихъ измѣнить своей натурѣ.

Съ самого разсвѣта до 9 часовъ вечера городъ шумитъ и гудитъ, словно взялъ на это подрядъ, и только вечеромъ на ночь захлопываются лавки, закрываются склады и вся эта громада съ соборами во главѣ погружается въ кратковременный сонъ, чтобы съ разсвѣтомъ загудѣть съ новой силой.

У самаго моста на островѣ, выступившемъ изъ водъ Оки, выростаетъ на это краткое время городокъ съ торговлей желѣзомъ, съ массой легкихъ домиковъ, кузницъ и лачугъ, съ загорѣлыми и прокопченными дымомъ людьми, съ лязгомъ и звономъ желѣза, съ грудами гвоздей, подковъ, желѣзной посуды и другими сюда принадлежащими товарами.

На Окѣ и Волгѣ жмутся тысячи баржъ и этотъ пловучій городъ поражаетъ своей оригинальностью, особенно вечеромъ, когда на безчисленныхъ мачтахъ загораются огоньки и не знаешь, гдѣ больше этихъ блестящихъ и мигающихъ звѣздочекъ—на небѣ или на Волгѣ и Окѣ.

В. Сидоровъ.

Волга весной.

Пришла весна—и, исполняя свое обѣщаніе, Игнатъ взялъ сына съ собой на пароходъ, и вотъ передъ Ѳомой развернулась новая, богатая впечатлѣніями, жизнь. Быстро несется внизъ по теченію красивый и сильный „Ермакъ“, буксирный пароходъ купца Гордѣева; по оба бока его медленно движутся навстрѣчу ему берега могучей красавицы Волги, —лѣвый, весь облитый солнцемъ, стелется вплоть до края небесъ, какъ пышный, зеленый коверъ, а правый взмахнулъ къ небу кручи свои, поросшія лѣсомъ, и замеръ въ суровомъ покоѣ. Между ними величаво простерлась широкогрудая рѣка; безшумно, торжественно и неторопливо текутъ ея воды въ сознаніи своей неодолимой силы; горный берегъ отражается въ нихъ черной тѣнью, а съ лѣвой стороны ее украшаютъ золотомъ и зеленымъ бархатомъ песчаные ковры отмелей и широкіе луга. То тутъ, то тамъ, по горѣ и въ лугахъ, являются селенія, солнце сверкаетъ на стеклахъ въ окнахъ избъ и на желтыхъ соломенныхъ крышахъ, сіяютъ въ зелени деревьевъ кресты церквей; лѣниво кружатся въ воздухѣ сѣрыя крылья мельницъ, дымъ изъ трубы завода вьется въ небо густыми, черными клубами. Толпы ребятишекъ въ синихъ, красныхъ и бѣлыхъ рубашкахъ, стоя на берегу, прово-

жаютъ громкими криками пароходъ, разбудившій тишину на рѣкѣ, и изъ-подъ колесъ его къ ногамъ дѣтей бѣгутъ веселыя волны и плещутъ на берегъ. Вотъ цѣлая куча ребятъ усѣлась въ лодку и они спѣшно гребутъ на середину рѣки, чтобъ покачаться на волнахъ, какъ въ зыбкѣ. Изъ воды смотрятъ вершины деревьевъ, иногда цѣлыя купы ихъ затоплены разливомъ и стоятъ среди воды, какъ острова. Откуда-то съ берега тяжелымъ воздухомъ доносится заунывная пѣсня:

— О-э... о-о-о... ещо-о разокъ!

Пароходъ обгоняетъ плоты, заплескивая ихъ волной.

Бревна ходуномъ ходятъ подъ ударами набѣжавшихъ волнъ; плотовщики въ синихъ рубахахъ, пошатываясь на ногахъ, смотрятъ на пароходъ и смѣются, и что-то кричатъ. Дородная красавица-бѣляна бокомъ идетъ по рѣкѣ; желтый тесъ, нагруженный на ней, блеститъ, какъ золото, и тускло отражается въ мутной вешней водѣ. Пассажирскій пароходъ идетъ навстрѣчу и свиститъ, гулкое эхо свиста прячется въ лѣсу, въ ущельяхъ горнаго берега и умираетъ тамъ. Посрединѣ рѣки, сшибаются волны отъ двухъ судовъ и бьются о борта ихъ, и суда покачиваются въ водѣ. На пологомъ склонѣ горнаго берега раскинуты зеленые ковры озими, бурыя полосы земли подъ паромъ и черныя—вспаханной подъ яровое. Птицы маленькими точками вьются надъ ними и ясно видны на голубомъ пологѣ неба; стадо пасется невдалекѣ, — издали оно кажется игрушечнымъ: маленькая фигурка пастуха стоитъ, опираясь на падогъ, и смотритъ на рѣку. Всюду плескъ воды, всюду просторъ и свобода, весело-зелены луга и ласково-ясно голубое небо; въ спокойномъ движеніи воды чуется сдержанная сила, въ небѣ надъ нею сіяетъ щедрое солнце мая, воздухъ напоенъ сладкимъ запахомъ хвойныхъ деревьевъ и свѣжей листвы. А берега все идутъ навстрѣчу, лаская глаза и душу своей красотой, и все новыя картины открываются на нихъ. На всемъ вокругъ лежитъ отпечатокъ какой-то медлительности; все, и природа и люди — живетъ неуклюже, лѣниво, — но въ этой лѣни есть своеобразная грація, и кажется, что за лѣнью притаилась огромная сила, — сила необоримая, но еще лишенная сознанія, еще не создавшая себѣ ясныхъ желаній и цѣлей... И отсутствіе сознанія въ этой полусонной жизни кладетъ на весь красивый просторъ ея тѣни грусти.

Покорное терпѣніе, молчаливое ожиданіе чего-то новаго и болѣе живого слышатся даже въ крикѣ кукушки, прилетающемъ по вѣтру съ берега на рѣку... Заунывныя пѣсни точно просятъ кого-то о помощи. А порой въ нихъ звучитъ удаль отчаянія... Рѣка

отвѣчаетъ пѣснямъ вздохами. И задумчиво качаются вершины деревьевъ... Тишина... Цѣлые дни Ѳома проводилъ на капитанскомъ мостикѣ рядомъ съ отцомъ. Молча, широко раскрытыми глазами смотрѣлъ онъ на безконечную панораму береговъ, и ему казалось, что онъ движется по широкой серебряной тропѣ въ тѣ чудесныя царства, гдѣ живутъ чародѣи и богатыри знакомыхъ ему сказокъ.

М. Горькій.

Жегули.

Надъ Волгой только-что занялось весеннее утро, но не робкое и ясное, а хмурое и вѣтряное. Въ небѣ тяжело ползутъ облака. Ни одного голубого клочка, ни одного просвѣта. Наканунѣ, вечеромъ и ночью, былъ сильный дождь. Сыро и свѣжо; туманныя дымки такъ и висятъ въ воздухѣ, застилая вершины Жегулевскихъ холмовъ и заполняя всѣ долины и ущелья между ними. Шестой часъ утра; совсѣмъ разсвѣло, но разсвѣтъ не легко дался и напоминаетъ насильственную, недовольную улыбку хмураго человѣка. Волга бушуетъ, подкатывая къ пароходу одну за другою огромныя волны. Вотъ промелькнула на берегу, у самаго подножья горъ, крошечная сторожевая будка съ двумя маленькими оконцами и снова идетъ пустынный безлюдный берегъ, на которомъ возстаютъ одна за другою суровыя высоты, еще не проснувшіяся послѣ свѣжей и бурной ночи и хранящія въ себѣ мракъ и холодъ. Зеленые холмы, густо поросшіе лѣсомъ, то возвышаются въ одиночку, послѣдовательно смѣняясь одинъ другимъ, то безпорядочно толпятся вокругъ небольшой лощины и словно выглядываютъ изъ-за плеча другъ друга... Вотъ въ одной изъ береговыхъ лощинъ, кругомъ обставленныхъ зелеными гигантами, показался одинокій поселокъ съ длиннымъ зданіемъ известковаго завода (ихъ въ Жегуляхъ нѣсколько) и прошелъ мимо. Снова идетъ непрерывный рядъ зеленыхъ лѣсистыхъ холмовъ, вершины которыхъ словно отрѣзаны окутывающими ихъ густыми туманными дымками.

Глухо шумятъ встрѣчныя волны, непрозрачныя, принявшія какой-то сѣро-свинцовый оттѣнокъ. Кругомъ сумрачно, точно осенью. Но вотъ нежданно показался между горами клочекъ свѣтлаго неба, затѣмъ блеснулъ одинокій солнечный лучъ, робко и задумчиво заигралъ свѣтлымъ, но блѣднымъ пятномъ между двумя холмами и, словно испугавшись, поблѣднѣлъ и погасъ.

Съ лѣвой стороны выступилъ навстрѣчу пароходу Царевъ курганъ, гладкій и овальный. Мрачные колоссы Жегулей съ вершинами, срѣзанными туманомъ, дѣлаются все выше и выше. Неподражаемо убранные однимъ зеленымъ ковромъ, они выступаютъ во всеоружіи величія и красоты. Словно почуявъ это, откуда-то прорвался новый солнечный лучъ; весело и смѣло пронизалъ онъ туманный воздухъ, улыбнулся и ярко-ярко заигралъ, заблестѣлъ на свинцовой поверхности рѣки, заставивъ и ее блеснуть серебромъ.

Вотъ онъ успѣлъ уже перелетѣть на ту сторону рѣки и съ противоположной стѣны Жегулей улыбается вамъ ясною улыбкой майскаго утра. За однимъ смѣлымъ лучемъ заблистали другіе. Все ожило, все проснулось. Солнечный свѣтъ разсыпался по зеленымъ стѣнамъ Жегулей и заигралъ брилліантами утренней росы на каждомъ деревѣ, на каждой травкѣ... Словно великій оркестръ природы съ мощью и силой подхватилъ случайно упавшую небесную мелодію, подхватилъ всѣми своими струнами и понесся съ нею по всей землѣ...

На горизонтѣ, на свѣтломъ фонѣ неба, зардѣлись и заблистали уже яркія золотыя точки на куполѣ самарскаго собора и колокольни. Назади еще свинцовыя волны и мракъ, а Самара уже вся горитъ и сіяетъ. Солнце ворвалось въ туманъ, освѣтило встрепенувшійся лѣсъ и алымъ пурпурнымъ отблескомъ заиграло на волнахъ съ ихъ бѣлыми пѣнящимися гребешками. На всемъ пространствѣ вплоть до горизонта началась причудливая игра цвѣтовъ и оттѣнковъ.

Жегулевскія горы пройдены. Онѣ не доходятъ вплоть до самой Самары и останавливаются въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ нея, словно заставляя издали любоваться своимъ гордымъ живописнымъ видомъ. Не даромъ ихъ считаютъ главною достопримѣчательностью Волги; особенную красоту придаетъ имъ то, что вся эта непрерывная цѣпь холмовъ кажется покрытой однимъ богатѣйшимъ ковромъ вѣковыхъ лѣсовъ, сочныхъ травъ и густыхъ кустарниковъ. Много здѣсь первобытной дикости, много угрюмыхъ, крутыхъ утесовъ, на видъ совсѣмъ недоступныхъ. Зеленый коверъ лишь изрѣдка прерывается незначительными „проплѣшинами“ и обнаженіями, выступающими въ нижней части холмовъ и спускающимися къ Волгѣ рядомъ голыхъ песчаныхъ обрывовъ, кое-гдѣ почернѣвшихъ и точно покрытыхъ копотью. По большей же части кудреватая зелень стелется отъ подножья холма вплоть до его вершины, то впадая въ темнозеленый цвѣтъ, то блѣднѣя и блѣднѣя.

Иногда зелень деревъ и кустарниковъ взбѣгаетъ вверхъ темными полосами, оставляя рядъ свѣтлыхъ пробѣловъ.

Жегулевскія горы когда-то служили пріютомъ разбойничьихъ гнѣздъ, изъ которыхъ дѣлались нападенія на проходившія по Волгѣ суда. Много страху натерпѣлись первые волжскіе промышленники, много было здѣсь грабежей и звѣрствъ. И не такъ еще давно прекратилось это. Окончательное уничтоженіе разбоевъ въ Жегуляхъ относится ко времени развитія волжскаго пароходства, т.-е. къ 1843 — 45 гг. Съ этихъ поръ промышленники, трепетавшіе прежде при одномъ видѣ Жегулевскихъ горъ, получили возможность безпрепятственнаго и безопаснаго слѣдованія на всемъ девяностоверстномъ протяженіи Жегулей.

Начиная отъ Самары, Жегулевскія горы идутъ вверхъ въ два ряда, слѣдуя и по правому, и по лѣвому берегу Волги (холмы лѣваго берега представляютъ не что иное, какъ отроги Общаго Сырта); затѣмъ, задолго до Ставрополя, горная цѣпь лѣваго побережья пропадаетъ и Жегули тянутся по одному только правому берегу и оканчиваются немного ниже Ставрополя, близъ села Усолья.

Высота Жегулей мѣстами достигаетъ ста и болѣе саженъ надъ уровнемъ Волги. Отдѣльные холмы ихъ носятъ различныя названія, которыя съ теченіемъ времени все болѣе и болѣе забываются. Немногіе теперь хорошо знаютъ ихъ.

Частію эти названія соединены съ памятью о волжскихъ разбояхъ и съ именемъ Стеньки Разина. Есть „Караульникъ бугоръ" (у села Усолья), „Молодецкій камень", „Дѣвичій курганъ", гора „Лысая" и проч. Упомянутый выше „Царевъ курганъ" особенно популяренъ. Онъ возвышается отдѣльною невысокою горой на лѣвомъ побережьѣ, верстахъ въ тридцати выше Самары. Съ парохода онъ отчетливо видѣнъ въ нѣкоторомъ отдаленіи за длиннымъ низменнымъ островомъ, густо поросшимъ зеленью. Это невысокій продолговатый холмъ, безлѣсный, сверху покрытый травянымъ зеленымъ ковромъ, а сбоку обнаженный, сѣрый и лишь мѣстами поросшій зеленью, точно въ заплаткахъ.

Горы неприступны, дики и пустынны, и если кажущуюся неприступность ихъ можно еще понимать условно, то ихъ пустынный видъ, дѣйствительно, таковъ и на самомъ дѣлѣ: поселковъ въ Жегуляхъ очень немного и расположены они на большихъ разстояніяхъ другъ отъ друга, въ прибрежныхъ ложбинахъ между спускающимися къ нимъ холмами. Верстахъ въ тридцати-пяти вверхъ отъ Самары встрѣчается на правомъ берегу первый такой поселокъ, довольно значительный. Это Ширяево; здѣсь два известковыхъ завода.

Жегули весьма богаты известковымъ грунтомъ, известь добывается во многихъ мѣстахъ въ большомъ количествѣ, а обжиганіе ея составляетъ видный мѣстный промыселъ. За Ширяевымъ, выше по Волгѣ, на томъ же правомъ берегу, въ девяти верстахъ ниже Ставрополя, расположено село Морквашн, у котораго выходитъ къ Волгѣ такъ называемая Жегулевская труба (проходъ между горами). Въ Морквашахъ есть церковка и до восьмидесяти крестьянскихъ дворовъ. Въ прежнее время здѣсь была пристань, у которой останавливались „Самолетскіе“ пароходы; теперь пассажирскіе пароходы нигдѣ не останавливаются на всемъ протяженіи Жегулевскихъ горъ. Еще дальше (вверхъ отъ Морквашей) встрѣтится деревня Отважная, а за городомъ Ставрополемъ, верстахъ въ двухъ выше находится пристань села Жегули, лежащаго въ котловинѣ за горами праваго берега и невидимаго съ Волги. Отъ пристани Жегулей до самаго села версты двѣ-три. Это огромное село—зажиточное и людное, съ населеніемъ болѣе тысячи душъ. Въ четырехъ верстахъ отъ села протекаетъ рѣчка Уса, бывшая прежде разбойничьею рѣкой.

Кромѣ указанныхъ селъ, изрѣдка промелькнетъ въ ложбинѣ небольшая дровяная пристань со складами дровъ, домикомъ лѣсника, хозяйственными постройками и нѣсколькими стоящими у берега судами. Иногда покажется одинокая сторожевая будка. На всемъ остальномъ пространствѣ пусто и дико.

Жегулевскій край — богатый во многихъ отношеніяхъ. Здѣсь громадные запасы строевого лѣса; на ряду съ краснолѣсьемъ, не мало лиственныхъ деревъ (дубы, липы, клены). Въ лѣсной чащѣ водятся медвѣди, лисицы, волки, зайцы, бѣлки особой породы, а изъ дичи—дикія утки, бекасы и проч.

Изъ минеральныхъ богатствъ Жегули заключаютъ въ себѣ горный известнякъ, сѣру, соляные ключи и блестящій колчеданъ, который одно время считали признакомъ золота.

Нельзя также не обратить вниманія на имѣющійся въ горахъ (напримѣръ, у Бахиловской лѣсной пристани) гудронный песчанникъ, присутствіе котораго было открыто здѣсь симбирскимъ землевладѣльцемъ Д. И. Воейковымъ и покойнымъ проф. М. Н. Богдановымъ. Этотъ песчанникъ далъ возможность развиться русскому асфальтовому дѣлу, начатому на Волгѣ (у Сызрани) тѣмъ же Д. И. Воейковымъ.

Таковы богатства Жегулей, донынѣ глухихъ и дикихъ. Невольно думается: сколько еще сулитъ этотъ край, когда онъ оживится и расцвѣтетъ подъ вліяніемъ разумной хозяйственной дѣятельности!

Н. Лендеръ.

Волжская дельта.

За Астраханью еще 84 версты до Каспійскаго моря, гдѣ у станціи „9 футовъ“ ожидаютъ публику громадные морскіе пароходы, эти пловучіе дома, чтобы направиться въ Петровскъ, Дербентъ, Баку, въ Красноводскъ или въ персидскіе города. Волга такъ капризна въ своей дельтѣ, такъ мѣняетъ свой фарватеръ, что невозможно опредѣлить ея глубину, и гдѣ сегодня было глубоко, черезъ короткое время нанесены пески. Рѣка смываетъ острова и наноситъ новые, заваливаетъ протоки и прорываетъ острова. Поэтому большіе пароходы не входятъ въ Волгу, а дожидаются у длинной Бирючей косы своихъ меньшихъ собратовъ, плавающихъ по безчисленнымъ рукавамъ гигантской рѣки.

Усѣвшись на палубѣ парохода „Кавказъ и Меркурій,“ я полетѣлъ внизъ по рѣкѣ и скоро Астрахань, со своимъ парящимъ соборомъ и грудой каменныхъ домовъ подъ нимъ, со своимъ густымъ лѣсомъ мачтъ, исчезла за островами и туманами. Волга широкая, могучая, синяя и рябая отъ волнъ катилась между отмелями, поминутно отдѣляя протоки и рукава и слегка раскачивая пароходъ. Скучныя, желтыя низины прибрежныхъ степей растянулись по берегамъ, сливаясь съ горизонтомъ. Изрѣдка выдавался темный, глинистый бугоръ, или виднѣлась гдѣ-то вдали на уединенномъ островкѣ небольшая рощица осокорей, этихъ вѣрныхъ спутниковъ Волги, дошедшихъ съ ней до самыхъ береговъ Хвалынскаго моря. Коегдѣ по лугамъ чернѣли стада овецъ, изрѣдка синій дымокъ поднимался почти отвѣснымъ столбомъ надъ еле замѣтной, одинокой избушкой и стоялъ въ воздухѣ, точно онъ замеръ въ этой южной жарѣ; кое-гдѣ проплывали рыбныя ватаги съ мазанками, торча изъ-за рощъ камышей. Плоскіе мысы и косы вдались въ рѣку и горѣли своими желтыми песками, словно просыпанное золото.

Вдругъ повѣяло цвѣтами. Сладкій ароматъ розъ сразу охватилъ насъ. Зелень садовъ выдвинулась изъ-за камышей. Кущи плодовыхъ деревьевъ смѣшались съ пирамидальнымъ тополемъ, а розы, облитыя цвѣтами, благоухали здѣсь въ знойной тишинѣ, у желтыхъ отмелей, у тихихъ протоковъ. Черная тѣнь ложилась и на воду и на берегъ отъ этихъ рощицъ и манила къ себѣ... Но эти сады на уединенномъ островѣ исчезли также быстро, какъ появились. Все утонуло въ морѣ камыша. Мы въѣхали въ его густое царство, въ

его непроходимые лѣса, въ его безконечныя дебри. Куда ни глянешь—всюду камышъ. При малѣйшемъ вѣтеркѣ онъ киваетъ своими пушистыми султанами и шепчется, таинственно раскачиваясь толстыми, пустыми стеблями. Точно стѣны, стоитъ онъ повсюду, образуя корридоры по берегамъ протоковъ, и глядитъ въ тихія и зеркальныя воды безгранично разлившейся рѣки. Вдали показался дымокъ, и, словно изъ камышевыхъ лѣсовъ, выѣхалъ тяжело пыхтящій буксиръ съ длиннымъ хвостомъ баржъ. Тишина была поразительная и пыхтѣнье встрѣчнаго парохода доносилось издалека по глади водъ.

— А весной здѣсь ничего кромѣ воды не видно,—обратился ко мнѣ одинъ изъ пассажировъ, ѣхавшій въ Баку.—Въ прошломъ году я здѣсь проѣзжалъ въ апрѣлѣ, такъ словно море. Все было подъ водой, а рощи торчали только верхушками, словно низенькіе кусточки. И пароходы ѣдутъ скорѣй. Теперь надо огибать острова, замедлять ходъ, итти съ промѣромъ, чтобы не налетѣть на мель, а весной такъ прямо плывешь надъ островами. Теперь рѣка вонъ какая спокойная, а прошлой весной такъ качало, что всѣ больны были, не хуже моря.

— Это село что-ли?—спросилъ я его.—Вонъ тамъ на островѣ что-то чернѣетъ, все домики.

— Нѣтъ, тутъ селъ почти нѣтъ,—отвѣтилъ онъ,—все рыбныя ватаги. Здѣсь рыба кишмя кишитъ. Весной, когда рыба идетъ въ рѣку метать икру, такъ сюда что рабочихъ съѣзжается! Страсть.

Въ Камышевомъ царствѣ ютится царство птицъ. Здѣсь имъ раздолье. Нѣкоторыя отмели были усѣяны тысячами утокъ, чаекъ, журавлей. Громадныя стада баклановъ избрали Волжскую дельту своимъ мѣстопребываніемъ и поселились вблизи рыбныхъ ватагъ, смѣло и надоѣдливо таская рыбу. Черный съ зеленоватымъ металлическимъ отливомъ бакланъ живетъ всегда стадами, занимаясь утромъ и вечеромъ ловлей рыбы и сидя долгое время на береговомъ выступѣ. Ихъ стада проводятъ часы, разсѣвшись точно войско, вытягивая головы и помахивая хвостами. Стада лебедей, всевозможныхъ утокъ и другихъ мелкихъ пташекъ возлюбили эти Волжскія камышевыя дебри и ютятся повсюду по островамъ и рощамъ осокорей. Здѣсь же водится толстоклювый, розовато-бѣлый уродъ-пеликанъ съ ярко-красными глазами, обведенными желтой кожей, съ громаднымъ неуклюжимъ клювомъ, къ которому привѣшенъ широкій мѣшокъ. Точно громадное поле какихъ-то розовато-бѣлыхъ цвѣтовъ, сидѣло ихъ необъятное стадо. Въ первую минуту я принялъ

ихъ за безконечную заросль бѣлыхъ водяныхъ лилій и указалъ на нихъ моему спутнику.

— Ахъ нѣтъ,—воскликнулъ онъ,—это баба-птица! Ихъ здѣсь водится ужасно много.

Дѣйствительно, когда мы подошли ближе къ широко раскинувшейся отмели, я увидѣлъ громадныхъ птицъ. Все стадо было занято работой. Всѣ пеликаны чистились и смазывали свои перья жиромъ, хлопали крыльями, шевелили хвостами. Шумъ парохода произвелъ на нихъ очень мало впечатлѣнія. Нѣкоторые поглядѣли на насъ, а большинство продолжало свою работу.

Чѣмъ ближе къ морю, тѣмъ больше сыпучихъ, желтыхъ песковъ, тѣмъ Волга шире, тѣмъ даль туманнѣе. Мнѣ нѣсколько разъ казалось, что мы плывемъ уже по морю, но это было не море, это была все еще Волга, но такая широкая, такая могучая, такая безбрежная, что поражала и величіемъ и просторомъ. Волненіе стало замѣтно и увеличивалось чуть не съ каждой минутой.

— Мы въ морѣ,—сказалъ кто-то. Вотъ Бирючья коса.

— Гдѣ?

— А вонъ, гдѣ горитъ огонекъ. Тамъ и пристань.

Совсѣмъ незамѣтно влилась Волга въ Хвалынское море, въ этотъ Каспій, омывающій и узорчатые персидскіе берега, и прекрасный, знойный Кавказъ, и душныя пустыни Средней Азіи, въ этотъ Каспій, гдѣ она мѣшаетъ свои воды со звонкими волнами гремящаго Терека, могучаго полуазіатскаго Урала, кавказской Куры съ Араксомъ и Алазанью, несущими расплавленные льды и снѣга съ вершинъ далекихъ горныхъ хребтовъ. Какъ-то не вѣрилось, что эта рѣка та самая, на берегахъ которой, тамъ далеко, далеко на сѣверѣ, стоитъ Селижаровъ посадъ и тихіе задумчивые монастыри.

Чудный вечеръ окуталъ безбрежный Каспій, загорѣлись пламенныя звѣзды, такія горячія, томныя, и уронили свои страстные лучи въ это теплое море. Синяя южная ночь тихо легла на мѣрныя морскія волны, на убѣжавшіе берега и, словно пологи, опустила темноту на острова и отмели, а мѣсяцъ, раскаленный, красный и громадный, поднялся прямо изъ воды, со стороны Персіи, словно его накалили душныя и горючія страны юга, и чѣмъ больше онъ поднимался, тѣмъ болѣе охладѣвалъ и блѣднѣлъ. И вотъ его матовые лучи облили все море, облили убѣжавшее устье Волги и тишина охватила все пространство. Вся Волга, съ ея бейшлотомъ, съ ея соборами и базарами, съ тишиной обителей и громомъ ярмарокъ, съ кровавымъ прошлымъ и молодецкими легендами, со снѣжными

садами яблоней и знойными прокаленными степями, вся отъ начала до конца, осталась тамъ, гдѣ-то сзади меня, въ моемъ прошломъ, и только безбрежное море, проглотившее ея воды, все сравнявшее, все вычеркнувшее, какъ роковая смерть, какъ ожидающая буддистовъ нирвана, разстилалось передо мной, облитое мертвеннымъ свѣтомъ луны.

В. Сидоровъ.

Оренбургскія степи.

Въ Оренбургской губерніи (и сосѣднихъ съ нею уѣздахъ Самарской) поверхность земли по большей части неровная, волнистая, мѣстами довольно лѣсная, пересѣкаемая оврагами съ родниковыми ручьями, степными рѣчками и озерами. Всякое пространство ковылистой нови, никогда не паханной земли, на нѣсколько сотъ верстъ въ окружности, а иногда и небольшое, зовутъ тамъ степью. Такія степныя мѣста, какъ по настоящему слѣдуетъ называть ихъ, бываютъ чудно хороши весной своею роскошною, свѣжею растительностью. Сочными, пышными, высокими травами и цвѣтами покрыта ихъ черноземная почва, особенно по долинамъ и равнинамъ, между перелѣсками. Въ благопріятный годъ степные сѣнокосы обильнѣе и лучше заливныхъ луговъ. Особеннымъ ароматомъ наполняютъ они воздухъ, и кто не ночевывалъ лѣтомъ въ нашихъ степяхъ, на покатостяхъ горныхъ кряжей, тотъ не можетъ имѣть понятія о благорастворенномъ, мягкомъ, живительномъ ихъ воздухѣ, который здоровѣе даже лѣсного.. Цѣлебныя качества степныхъ травъ и степного воздуха наглядно доказываются удивительнымъ возстановленіемъ тѣлесныхъ силъ кочевыхъ башкирцевъ, которые каждую весну выѣзжаютъ въ свои степныя *кочи* исхудалые, изможденные голодною зимой, а также исцѣленіемъ множества больныхъ, уже приговоренныхъ къ смерти врачами. Да не приписываютъ этого исцѣленія употребленію одного кумыса: онъ мало оказываетъ пользы безъ степного корма для кобыльныхъ матокъ, безъ степного воздуха, безъ жизни въ степи.

Рано весной, какъ только сойдетъ снѣгъ и станетъ обсыхать ветошь, то-есть прошлогодняя трава, начинаются палы, или степные пожары. Это обыкновеніе выпаливать прошлогоднюю сухую траву, для того чтобы лучше росла новая, не обходится иногда безъ дурныхъ послѣдствій. Чѣмъ ранѣе начинаются палы, тѣмъ они ме-

нѣе опасны, такъ какъ опушки лѣсовъ еще сыры, на низменныхъ мѣстахъ стоятъ лужи, а въ лѣсахъ лежатъ сугробы снѣгу. Если же вездѣ сухо, то степные пожары производятъ иногда гибельныя опустошенія: огонь, раздуваемый и гонимый вѣтромъ, бѣжитъ съ неимовѣрною быстротой, истребляя на своемъ пути все, что можетъ горѣть: стога зимовавшаго на степяхъ сѣна, лѣсные колки, даже гумна съ хлѣбными копнами, а иногда и самыя деревни. Не входя въ разсужденіе о неосновательности причинъ, для которыхъ выжигаютъ сухую траву и жниву, я скажу только, что палы въ темную ночь представляютъ великолѣпную картину: въ разныхъ мѣстахъ то стѣны, то рѣки, то ручьи огня лѣзутъ на крутыя горы, спускаются въ долины и разливаются моремъ по гладкимъ равнинамъ. Все это сопровождается шумомъ, трескомъ и тревожнымъ крикомъ степныхъ птицъ. Хорошо, что степныя мѣста никогда не выгораютъ всѣ до тла, а то негдѣ было бы водиться полевой птицѣ. Мокрые долочки, перелѣски и опушки лѣсовъ съ нерастаявшимъ снѣгомъ, дороги, въ колеяхъ которыхъ долго держится сырость, наконецъ, рѣчки останавливаютъ и прекращаютъ огонь, если нѣтъ по близости сухихъ мѣстъ, куда бы могъ онъ перебраться и даже перескочить. Это перескакиванье въ ночной темнотѣ бываетъ также очень живописно. Огонь, бѣжавшій широкою рѣкой, разливая кругомъ яркій свѣтъ и заревомъ отражаясь на темномъ небѣ, вдругъ начинаетъ разбѣгаться маленькими ручейками; это значитъ, что онъ встрѣтилъ поверхность земли мѣстами сырую и перебирается по сухимъ верхушкамъ травы; огонь слабѣетъ ежеминутно, почти потухаетъ, кое-гдѣ перепрыгивая звѣздочками; мракъ одѣваетъ окрестность. Но одна звѣздочка перескочила въ залежъ, и мгновенно разстилается широкое пламя, опять озарены окрестныя мѣста, и снова багряное зарево отражается на темномъ небѣ.

Сначала опаленныя степи и поля представляютъ печальный, траурный видъ безконечнаго пожарища; но скоро иглы яркой зелени, какъ щетка, пробьются сквозь черное покрывало, еще скорѣе развернутся онѣ разновидными листочками и лепестками, и черезъ недѣлю все покроется свѣжею зеленью; еще недѣля – и съ перваго взгляда не узнаешь горѣлыхъ мѣстъ. Новыя растенія начинаютъ цвѣсти и распространять острый и пріятный запахъ. Особенно роскошно и благовонно цвѣтетъ бобовникъ; густо обростая иногда огромное пространство по отлогимъ горнымъ скатамъ, онъ заливаетъ ихъ сплошнымъ розовымъ цвѣтомъ, промежъ котораго виднѣются иногда желтыя полосы или круговина цвѣтущаго чилизника. По другимъ мѣстамъ, болѣе отлогимъ, обширныя пространства покрыты

бѣлыми, но не яркими, а какъ будто матовыми, молочными пеленами: это дикая вишня въ цвѣту. Вся степная птица, отпуганная пожаромъ, опять занимаетъ свои мѣста и поселяется въ этомъ морѣ зелени, весеннихъ цвѣтовъ, цвѣтущихъ кустарниковъ; со всѣхъ сторонъ слышно не передаваемое словами чириканье стрепетовъ, заливныя, звонкія трели кроншнеповъ, повсемѣстный горячій бой перепеловъ, трещанье кречетокъ. На восходѣ солнца, когда ночной туманъ садится благодатною росой на землю, когда всѣ запахи цвѣтовъ и растеній дышутъ сильнѣе, благовоннѣе,—невыразимо очаровательна прелесть весенняго утра въ степи. Все полно жизни, свѣжо, ярко, молодо и весело. Таковы степныя мѣста въ Оренбургской губерніи въ продолженіе мая.

Если лѣто дождливо, то роскошная растительность сохраняетъ свою свѣжесть до начала іюля и достигаетъ великолѣпныхъ размѣровъ; но если іюнь сухъ, то къ концу его травы начинаютъ сохнуть, а ковыль развивать понемногу свои пуховыя нити. Къ концу же іюня, къ Петрову дню, поспѣваетъ ранняя полевая клубника; но самый *ростъ* ея бываетъ около лѣтней Казанской, 8-го іюля. Эта чудная, ароматная, превосходная вкусомъ и цѣлебная для здоровья ягода родится въ нѣкоторыхъ мѣстахъ въ удивительномъ изобиліи: въ голой, чисто ковылистой, степи ея мало; но около перелѣсковъ, по долинамъ и залежамъ, когда они покинуты уже года три или четыре и начинаютъ лужать, клубника родится сплошная и, когда созрѣетъ, точно краснымъ сукномъ покрываетъ цѣлые загоны. Въ іюлѣ поспѣваетъ полевая вишня; мѣста, гдѣ растетъ она, называются „вишенными садками"; они занимаютъ иногда огромное пространство и сначала еще ярче краснѣютъ издали, чѣмъ клубника; но спѣлая ягода темнѣетъ и получаетъ свой особенный вишневый цвѣтъ. Русскіе туземцы только сушатъ полевую клубнику для продажи и для употребленія во время поста, а всѣ азіатскія племена приготовляютъ изъ нея пастилу, которая бываетъ очень вкусна, если сдѣлана изъ отборныхъ спѣлыхъ ягодъ,—она извѣстна подъ именемъ *татарской пастилы*. Вишню также сушатъ, а больше отдаютъ въ наемъ пріѣзжающимъ нарочно для этого промысла верховымъ торгашамъ.

Но прежде нашествія человѣческаго, нападаютъ на ягоды птицы: тудаки, стрепета и тетерева со своими выводками. Послѣдніе исключительно питаются ягодами, пока ягоды не сойдутъ, и въ это время мясо молодыхъ тетеревовъ получаетъ отличный вкусъ.

Осенью ковылистыя степи совершенно измѣняются и получаютъ свой особенный, самобытный, ни съ чѣмъ не схожій, чудный видъ.

Выросшія во всю свою длину и вполнѣ распустившіяся перлово-сизыя волокна ковыля, при легкомъ дуновеніи вѣтерка, уже колеблются и струятся мелкою, слегка серебристою зыбью. Но сильный вѣтеръ, безгранично властвуя степью, склоняетъ до пожелтѣвшихъ корней слабые, гибкіе кусты ковыля, треплетъ ихъ, хлещетъ, разсыпаетъ направо и налѣво, бьетъ объ увядшую землю, несетъ по своему направленію, и взору представляется необозримое пространство, все волнующееся и все какъ будто текущее въ одну сторону. Для непривычныхъ глазъ такое зрѣлище сначала ново и поразительно; никакое теченіе воды на него не похоже; но скоро своимъ однообразіемъ оно утомляетъ зрѣніе, у иныхъ производитъ даже головокруженіе и наводитъ какое-то уныніе на душу.

Степныя же мѣста, не ковылистыя, въ позднюю осень имѣютъ видъ еще болѣе однообразный, безжизненный и грустный, кромѣ выкошенныхъ луговинъ, на которыхъ, около круглыхъ стоговъ потемнѣвшаго отъ дождя сѣна, выростаетъ молодая, зеленая атава. Станицы тудаковъ и стрепетовъ любятъ бродить по ней и щипать молодую траву; даже гуси огромными вереницами, перемѣщаясь съ одной воды на другую, опускаются на такія мѣста, чтобы полакомиться свѣжею травой.

Необходимая принадлежность степей Оренбургскаго края съ весны до поздней осени—башкирскія *кочи*, съ ихъ многочисленными стадами мелкаго скота и конскими табунами.

Какъ только покажется подножный кормъ,—башкирцы, всѣ безъ исключенія, со всѣми своими семействами, здоровые и больные, со всѣмъ своимъ скарбомъ, переселяются въ степь. Выбираютъ привольное мѣсто, не слишкомъ въ дальнемъ разстояніи отъ воды и лѣса, съ изобильными пастбищами для скота, ставятъ войлочные свои шатры, вообще извѣстные подъ именемъ калмыцкихъ кибитокъ, строятъ плетневые шалаши и водворяются въ нихъ. Тогда-то степи населяются и принимаютъ свой первобытный образъ, блѣднѣющій съ каждымъ годомъ. Здѣсь утонули въ травѣ разсыпанныя стада барановъ, овецъ и козъ, съ молодыми ягнятами и козлятами, матки которыхъ всегда ягнятся на траву. Далеко слышно ихъ разноголосное блеянье. Тамъ бродятъ и мычатъ стада коровъ, тамъ пасутся и ржутъ конскіе табуны; а вотъ появляются на концахъ горизонта, то съ одной, то съ другой стороны, какія-то черныя движущіяся точки; это остроконечныя шапки башкиръ. Иногда такія точки помелькаютъ на крайнихъ чертахъ горизонта—и пропадутъ; иногда выплываютъ на степь, выростаютъ и образуютъ цѣлыя полныя фигуры всадниковъ, плотно приросшихъ кривыми ногами къ

тощимъ, но крѣпкимъ, не знающимъ устали своимъ иноходцамъ: это башкирцы, лѣниво, безпечно, всегда шагомъ разъѣзжающіе по родной своей степи. Пересѣкая ее во всѣхъ направленіяхъ, они или просто гуляютъ отъ нечего дѣлать, или ѣдутъ въ гости, въ сосѣднее кочевье, иногда верстъ за сто, обжираться до послѣдней возможности жирною бараниной и напиваться до-пьяна кумысомъ.

Въ первыхъ кочевьяхъ башкирцы живутъ до тѣхъ поръ, пока не потравятъ кругомъ кормовъ своими стадами; тогда переселяются они на другое мѣсто, а потомъ даже на третье.

Съ самаго начала весны башкирцы отдѣлятъ всѣхъ кобылицъ, кромѣ дойныхъ матокъ, въ одинъ табунъ, или *косякъ*, и подъ начальствомъ жеребца пускаютъ въ степь. Косячный жеребецъ держитъ его въ строгомъ повиновеніи: если которая нибудь кобыла отобьется въ сторону, онъ заворачиваетъ ее въ табунъ; онъ переводитъ кобылицъ съ одного пастбища на другое, на лучшій кормъ, гоняетъ на водопой и загоняетъ на ночлегъ,—однимъ словомъ, строго пасетъ свой косякъ, никого не подпуская къ нему близко ни днемъ, ни ночью. Распустивъ гриву и хвостъ, оглашая степную даль ржаньемъ, носится онъ вокругъ табуна и вылетаетъ навстрѣчу всякому приближающемуся животному или человѣку, и если тотъ не отойдетъ прочь, то жеребецъ съ яростію бросается на него, рветъ зубами, бьетъ передомъ и лягаетъ задними копытами. Однажды косячный жеребецъ напалъ на тройку лошадей, на которыхъ я ѣхалъ. Онъ изъѣлъ шею моего коренника, и я только выстрѣлами могъ отогнать его.

Наступаетъ суровая осень; голодно и холодно становится въ степи на подножномъ кормѣ, и жеребецъ самъ пригоняетъ ввѣренный ему косякъ матокъ на дворъ къ своему хозяину.

Но не всѣ лошади кормятся зимою на дворахъ; большая часть башкирскихъ табуновъ проводятъ и зиму въ степи. Хотя снѣга въ открытыхъ степяхъ и по скатамъ горъ бываютъ мелки, потому что вѣтеръ, гуляя на просторѣ, сдуваетъ снѣгъ съ гладкой поверхности земли и набиваетъ имъ глубокіе овраги, долины и лѣсныя опушки, но, тѣмъ не менѣе, отъ такого скуднаго корма несчастныя лошади къ веснѣ превращаются въ лошадиные остовы, едва передвигающіе ноги, и многія колѣютъ; если же передъ выпаденіемъ снѣга случится гололедица и земля покроется ледяною корой, которая подъ снѣгомъ не отойдетъ (какъ то иногда бываетъ) и которую разбивать копытами будетъ невозможно, то всѣ конскіе табуны гибнутъ отъ голода на „тюбеневкѣ". Башкирцы, по лѣности своей, мало заготовляютъ сѣна на зиму; да, правду сказать, на весь скотъ и на всѣ

конскіе табуны въ такомъ количествѣ, въ какомъ башкирцы держали ихъ прежде, заготовить сѣна было невозможно. Теперь башкирцы носятъ его вдвое больше, а скота и лошадей противъ прежняго не имѣютъ и половины.

Наконецъ наступаетъ первозимье. Снѣгъ покрываетъ землю; ложатся пороши, испещряется степь русачьими маликами, лисьими нарысками, волчьими слѣдами и слѣдами мелкихъ звѣрковъ. Пришла пора сходить и съѣзжать русаковъ. Если вдругъ выпадетъ довольно глубокій снѣгъ, четверти въ двѣ, пухлый и рыхлый до того, что нога звѣря вязнетъ до земли, то башкирцы и другіе азіатскіе и русскіе поселенцы травятъ въ большомъ числѣ русаковъ не только выборзками, но и всякими дворными собаками, а лисъ и волковъ заганиваютъ верхами на лошадяхъ и убиваютъ однимъ ударомъ толстой ременной плети. Лошадямъ и высокимъ на ногахъ собакамъ снѣгъ въ двѣ и двѣ съ половиною четверти глубины мало мѣшаетъ скакать, а звѣрю—напротивъ: онъ вязнетъ почти по уши, скоро устаетъ, выбивается изъ силъ и догнать его не трудно.

Съ первою оттепелью, первою осадкой снѣга и образованіемъ наста, безъ чего рѣдко становится зима, всякое добываніе звѣря въ степи гоньбою прекращается, потому что снѣгъ окрѣпнетъ и, поднимая звѣря, не подниметъ ни человѣка, ни лошади. Однѣ зимнія вьюги, — по-оренбургски бураны, — безпрепятственно владычествуютъ на гладкихъ равнинахъ, взрывая ихъ со всѣхъ сторонъ, превращая небо, воздухъ и землю въ кипящій снѣжный прахъ и бѣлый мракъ.

С. Аксаковъ.

Уралъ.

Ой ты, нашъ хмурый, скалистый Уралъ!
Ты ль не далеко на сѣверъ взбѣжалъ?
Тамъ, въ Татарвѣ, изъ степей выростая,
Тянешься къ острымъ рогамъ Танганая,
До Благодати горы, до высокой,
Дальше, все дальше, къ пустынѣ глубокой,
Рослыя горы въ холмы обращаешь,
Плоскими тундрами къ морю сползаешь,
И разбѣгаешься въ краѣ пустомъ,
Спящемъ во тьмѣ шестимѣсячнымъ сномъ...
Слѣва Европа—а справа Сибирь...
Какъ ни прикинешь—великая ширь!
Тамъ, рѣки темныя, рѣки могучія
Катятъ холодныя волны, кипучія,
Льются по тундрамъ, подъ гнетомъ тумана,

Въ темную глубь старика океана,
Гложутъ работою струй расторопныхъ
Мамонтовъ всякихъ въ мѣхахъ допотопныхъ;
Тутъ, къ Камѣ, къ Волгѣ, со скатомъ Урала,
Рѣчекъ не сотня, не двѣ побѣжала.
Рѣчки прилежныя и тароватыя
Двигать колеса заводовъ зубчатыя
И доносить до невѣдомыхъ странъ
Тысячи барокъ, расшивъ и бѣлянъ!
Тамъ дебри мертвыя, тишь безотрадная,
Въ рудахъ богатства лежатъ неоглядныя,—
Тутъ руды въ мѣдь и чугунъ обращаются,
Камни шлифуются и ограняются!
Тамъ лѣтомъ быстрымъ по груди могучей,
Даль обрастаетъ травою пахучей,
Почки выходятъ, цвѣты зацвѣтаютъ,
Вышли безъ нужды—не въ прокъ увядаютъ,
Некому срѣзать ихъ, въ копны сложить,
Сыплется сѣмя, чтобъ безъ толку сгнить;
Тутъ, гдѣ великая степь развернулась,
Гладь черноземная вдаль потянулась,
Копны, скирды и стога разсыпаются,
Точно какъ умное войско, равняются,
И разлеглись на пространствахъ большихъ
Села въ огромныхъ размѣрахъ своихъ!

К. Случевскій.

Домна.

Людямъ, непосвященнымъ въ таинства горнаго и литейнаго дѣла, Домна, разумѣется, представляется какою-нибудь рослою и толстою деревенскою красавицею, на которую почему бы то ни было туристъ захотѣлъ обратить вниманіе своего читателя. Но, увы! послѣдніе должны разочароваться. Домна, пожалуй, и громадна и толста, и по своему красива, хоть и грязна до невозможности. Она обладаетъ удивительною пастью, поглощающею сотни пудовъ руды и десятки саженъ дровъ, и желудкомъ, переваривающимъ эту руду въ чугунъ. Мы говоримъ о доменной печи, которую вездѣ сокращенно называютъ просто домной.

Руду, добытую въ рудникахъ въ видѣ однообразной, бурой массы съ рѣдкими желтыми пятнами охры, доставляютъ на заводъ. Тутъ ее въ ящикахъ, двигающихся по рельсамъ на тормазахъ, спускаютъ въ печи близъ домны. До плавки въ этихъ печахъ, руду промываютъ; она теряетъ нѣкоторыя составныя части свои, совершенно ненужныя, и краснѣетъ отъ жару, дѣлаясь въ то-же время болѣе рыхлою. Въ этомъ видѣ ее выгребаютъ на площадки, гдѣ и

разбиваютъ въ куски, не болѣе грецкаго орѣха каждый, послѣ чего руда уже считается достаточно подготовленною для плавки. Прежде, чѣмъ попасть въ доменную печь, руда попадаетъ на вѣсы и разбавляется древеснымъ углемъ, такъ, чтобы на каждые девять кубическихъ аршинъ его приходилось отъ 40 до 55 пудовъ руды. Къ этой смѣси примѣшивается еще до 15% флюсовъ, т. е. известковыхъ камней, уже раздробленныхъ. Уголь при этомъ долженъ быть какъ можно крупнѣе. Когда составъ такимъ образомъ для плавки готовъ, доменная печь открываетъ свою пасть. Домна строится обыкновенно высотой—въ хорошій трехъэтажный домъ. Пасть у нея наверху. Когда рабочіе съ составомъ для плавки подходятъ къ ней, оттуда уже пышетъ жадный огонь, освѣщающій темноту сарая, построеннаго надъ нею. На непривыкшаго человѣка, какъ, напримѣръ, на меня, это производило довольно сильное впечатлѣніе. Что-то адское было въ этихъ взрывахъ краснаго пламени, въ этомъ клокотѣ руды въ нѣдрахъ громадной печи, въ этомъ громадномъ кругломъ зѣвѣ домны, жадно раскрытомъ въ ожиданіи своей обычной добычи. Наверху черныя, окуренныя дымомъ и покрытыя сажею балки кровли, рѣдкіе просвѣты въ ней, сквозь которые день не рѣшался заглядывать въ таинственную глубину, окутанную мракомъ и озарявшуюся только краснымъ пламенемъ домны, почти голые рабочіе, сновавшіе на яркомъ фонѣ этого пламени черными силуэтами и опять исчезавшіе во тьмѣ,—все это настраивало извѣстнымъ образомъ, заставляло забывать, что передъ тобою извѣстное механическое производство. Воскресали преданія о древнихъ таинствахъ языческаго культа и казалось, что передъ глазами громадный алтарь, на которомъ въ огнѣ и дыму невѣдомое чудовищное божество пожираетъ сотни и тысячи жертвъ, ему приносимыхъ. Всклоченные и полунагіе жрецы благоговѣйно служатъ ему и непонятный оглушительный шумъ наполняетъ этотъ первобытный храмъ своими подавляющими звуками.

— Жарко!—оборачивается одинъ изъ рабочихъ, котораго совсѣмъ поджарило пламя, взрывающееся вверхъ изъ домны.

— Не приведи Господи!..—Бросился къ водѣ, жадно припалъ къ ней и пьетъ, а потъ крупными каплями падаетъ въ тотъ же ковшъ съ почернѣвшаго отъ копоти лба. Всматриваясь въ окружающихъ, я замѣчалъ, что они, какъ и эти балки и стѣны, тоже покрыты копотью и сажей. На почернѣлыхъ лицахъ добродушно или озабоченно смотрятъ усталые глаза. Кое у кого и воспаленные; видимое дѣло—не даромъ достается эта близость огня, этотъ жаръ, пышущій изнутри, изъ самыхъ нѣдръ колоссальной печи.

— Сторонись, сторонись!.. и меня толкнули въ сторону.

Не успѣлъ я очнуться, смотрю—на то мѣсто, гдѣ я стоялъ, стали сносить калоши, т. е. короба съ рудою и углемъ. Каждый день такихъ калошъ идетъ въ печь отъ двадцати пяти до тридцати пяти. Полунагіе рабочіе, жрецы литейнаго культа, подхватили двѣ новыя жертвы своему ненасытному божеству и стали опоражнивать ихъ въ дышущую огнемъ и зноемъ его пасть. Цѣлая туча пыли, дыму и искръ поднялась вверхъ къ чернымъ балкамъ кровли. Туча эта на минуту окутала насъ всѣхъ, перехватывала дыханіе, слѣпила глаза. Чудовище еще громче заклокотало; еще сильнѣе стало взрываться и свистать во всѣ стороны пламя, точно оно и до насъ хотѣло дотянуться своими огненными жалами. Мы невольно отступили назадъ во тьму угловъ, издали разглядывая все это таинство.

— Өедоръ, Өедоръ, куда ты?—закричалъ надсмотрщикъ на рабочаго, который кинулся прочь отъ домны. Тамъ, гдѣ стоялъ онъ, всего сильнѣе подымалось пламя, точно оно его-то именно и хотѣло захватить и унести въ нѣдра, гдѣ кипѣлъ металлъ.

— Невозможно.

— Что невозможно?

— Стоять... Такъ палитъ... Дыхать нельзя.

— Ну, пошелъ, пошелъ! Надо, чтобы руда ложилась по всей домнѣ ровно, а не то, что въ одинъ край много, а въ другой ничего. Этакъ чего добраго и домну испортишь. Пошелъ, пошелъ!

— Эхъ, ты доля! —протестовалъ по своему рабочій, отправляясь жариться къ самой пасти.

— Вы подойдите ближе. Вы, по крайней мѣрѣ, получите понятіе о томъ, что дѣлается внутри огнедышащей горы,—предложили мнѣ.

Несмотря на жару, любопытство взяло верхъ и я подошелъ.

Дѣйствительно тутъ палило. Домна теперь горѣла уже ровнымъ розовымъ пламенемъ; внутри, въ яркомъ хаосѣ, трудно было что-нибудь разобрать ослѣпленнымъ глазомъ. Чудились только въ однообразномъ золотомъ фонѣ огня какія-то бѣлыя, ослѣпительныя змѣи, пробѣгавшія по горѣвшей рудѣ; снопами яркихъ лучей вспыхивали порою флюсы, взбрасывая вверхъ брильянтовыя звѣзды; раскаленные уголья, точно налившіеся кровью глаза баснословныхъ, въ огнѣ живущихъ саламандръ, смотрѣли на насъ изъ этой плавучей, пузырившейся массы. Порою она точно проваливалась кое-гдѣ внутрь и въ раскрывавшихся такимъ образомъ нѣдрахъ огнедышащей горы пробѣгали еще болѣе яркія змѣистыя струи бѣлаго пламени, свѣтились совсѣмъ уже ослѣплявшіе глазъ расплавившіеся

флюсы, и какое-то бѣлое молоко вскипало между ними,—молоко, одна капля котораго могла бы прожечь насквозь. Это именно и оказывался ставшій уже жидкимъ чугунъ.

Когда домна поутихла и стала горѣть обычнымъ порядкомъ, пламя ея стало совсѣмъ розовымъ и даже красивымъ. Я любовался имъ теперь, но разумѣется издали. Картина этого сарая стала болѣе спокойна. Въ углу пышутъ обжигальныя печи. Рабочій сыплетъ туда для прокаливанія еще нераздробленную руду. Мы подходимъ къ нему. Онъ смотритъ на насъ совсѣмъ какимъ-то безнадежнымъ взглядомъ.

— Тутъ у насъ самыя трудныя работы,--шепчетъ мнѣ управляющій.—Ну что, Пименъ?

— Худо... Еле дышу!

— Ты бы отдохнулъ, Пименъ.

— Помилуйте... Когда тутъ отдохнуть...

На остальныхъ рабочихъ рубахи, кто не снялъ ихъ, мокры отъ поту. Случается, что въ жарѣ на этихъ рубашкахъ кристаллизуется поваренная соль, выступающая вмѣстѣ съ потомъ изъ поръ. Вотъ нѣсколько рабочихъ сѣли въ уголъ—отдыхаютъ. Ни слова между ними, точно замерли.

— Они на огнѣ горѣли, а тамъ теперь изъ нихъ потъ бѣжитъ, ослабляетъ ихъ страшно.

Понурились, захватили руками колѣни. Сидятъ ужъ нѣсколько минутъ—хоть бы звукъ какой. Я подошелъ. Одинъ спитъ тяжелымъ прерывистымъ сномъ. Другой поднялъ на меня голову. Недоумѣніе, усталый взглядъ скользитъ куда-то. И опять голова безсильно опускается на колѣни. Въ стѣнѣ дырья. Въ нихъ продуваетъ прохлада. Свѣтъ скупо струится извнѣ. Подъ нимъ лица ихъ кажутся мертвенно-блѣдными.

-- Эй, ребята! Пора... Послѣ насидитесь,—позвали ихъ.

Усталыя спины разогнулись, колеблющаяся походка выдавала слабость ногъ.

По краямъ домны была грядкою навалена руда. Стали ее сбрасывать въ огонь. Еще угля принесли въ корзинкахъ. Опять началось питаніе этого ненасытнаго кирпичнаго аппетита.

По мѣрѣ плавки, руда опускается все ниже и ниже, тогда какъ болѣе легкія части угля, флюсы остаются наверху. Чугунъ уже кипитъ внизу бѣлымъ, ярко свѣтящимся молокомъ. Когда мы спустились въ самый низъ къ отверстію этой печи, стало прохладнѣе, зато здѣсь оглушило насъ шумомъ изъ фурмъ, сквозь которыя внутрь доменной печи вдувается воздухъ, необходимый для горѣнія. Мы

уже не слышали другъ друга. Видѣли, какъ шевелятся губы, а словъ нельзя было уловить. Мнѣ кажется, что тутъ даже пушечнаго удара нельзя было различить. Какимъ это не покажется преувеличеніемъ, тѣмъ не менѣе я долженъ привести сравненіе: я слышалъ шумъ тулонскаго и иматринскаго водопадовъ—но грохотъ фурмъ гораздо сильнѣе. Рабочіе, которые безсмѣнно находятся около, должны неминуемо глохнуть. Голову кружило, что-то стучало въ виски, въ глазахъ мелькали какія-то огненныя искры, зеленыя спирали.

— Ну, сейчасъ будутъ выпускать руду,—сказалъ мнѣ мой спутникъ, взявъ меня за руку и отведя прочь отъ фурмъ.

— Что такое?—не разслышалъ я.

Онъ повторилъ. Мы пошли къ устью печи, за которымъ слышалось какое-то клокотаніе.

— Молочко наше увидите.

У самаго устья домны устроены въ мягкой золѣ формы—изложницы, въ чемъ долженъ охлаждаться чугунъ, прежде чѣмъ его перенесутъ въ магазинъ для учета и взвѣса.

— Ну-ко, Степанъ!

— Пора?

— Да, сварилось должно быть. Молочко-то готово уже.

Степанъ осторожно открылъ устье печи—какая-то темная корка въ немъ вспузырилась и треснула. Въ трещинѣ сверкнула бѣлая, расплавленная масса. Вздулась она и заполонила все устье, двинулась подъ давленіемъ остального расплавленнаго чугуна и флюсовъ сверху и длинною, жидкою, слѣпящею глаза змѣею потекла по узкому ходу, устроенному для нея въ мягкой землѣ. Въ темномъ сараѣ сразу стало свѣтло. Цѣлыя массы яркихъ звѣздъ вскидывались вверхъ отъ этого чугуннаго молока. Металлическія брызги, какъ снѣжинки, только гораздо крупнѣе ихъ, принимали самыя разнообразныя формы. Одна за-одной они подымались къ бревенчатымъ сводамъ, взрывались туда мерцающими снопами и точно таяли тамъ, въ тяжелой тьмѣ. Трудно было оторваться отъ этого эффектнаго фейерверка. Наконецъ, руда влилась въ формы и стала остывать. Сначала она побагровѣла, ее подернуло синью, потомъ точно зола сверху отдѣлилась; слышно было легкое шипѣніе подъ этою золою. Рабочіе возились, отдѣляя одинъ кусокъ отъ другого.

— Въ каждомъ такомъ кускѣ отъ двухъ до трехъ пудовъ. Если нужна какая-нибудь чугунная форма, то мы ее прямо дѣлаемъ въ землѣ. Расплавленный металлъ вливается въ нее и форма готова.

Когда мы вышли отсюда на свѣтъ и вольный воздухъ яркаго

лѣтняго дня, грудь задышала легче. Безоблачное небо улыбалось намъ, зелень лѣсовъ пышными облаками мягко круглилась на скатахъ горъ. Молодыя березы тутъ же около завода замерли въ теплѣ. Казалось, имъ было лѣнь шевельнуть своими нѣжными листьями. Птицы задорно перекликались. Издали слышалась печальная пѣсня иволги. И какъ ужасенъ показался рядомъ съ этою нѣгою и дремою полудня непосильный трудъ человѣка, во тьмѣ и знoѣ, у самаго адскаго пламени ненасытной домны.

Тутъ, дѣйствительно, не даромъ обходился каждый грошъ, хлѣбъ насущный доставался въ потѣ лица.

В. Немировичъ-Данченко.

По Чусовой.

Самая гористая часть Чусовой находится между пристанями Демидовой, Уткой и Кыномъ. Мы теперь плыли именно въ этой живописной полосѣ, гдѣ по сторонамъ вставали одна горная картина за другой.

Главную красоту чусовскихъ береговъ составляютъ скалы, которыя съ небольшими промежутками тянутся сплошнымъ утесистымъ гребнемъ. Нѣкоторыя изъ нихъ совершенно отвѣсно подымаются вверхъ, саженъ на шестьдесятъ, точно колоссальныя стѣны какого-то гигантскаго средневѣковото города; иногда такая стѣна тянется по берегу на нѣсколько верстъ. Представьте же себѣ размѣры той страшной силы, которая прорыла такіе корридоры въ самомъ сердцѣ горъ! Всѣ эти сланцы и известняки теперь представляютъ сплошныя отвѣсныя громады буро-грязнаго цвѣта съ ржавыми полосами и красноватыми пятнами. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ горная порода вывѣтрилась подъ вліяніемъ атмосферическихъ дѣятелей, превратившись въ губчатую массу, въ другихъ—она осыпается и отстаетъ, какъ старая штукатурка. На нѣкоторыхъ скалахъ вполнѣ ясно обрисовано расположеніе отдѣльныхъ слоевъ; иногда эти слои идутъ въ замѣчательномъ порядкѣ, точно это работа не слѣпой стихійной силы, а разумнаго существа, нѣчто въ родѣ циклопической гигантской кладки. Разорванный верхній край этихъ скалъ довершаетъ иллюзію. Пронеслись тысячи лѣтъ надъ этой постройкой, чтобы разрушить карнизы, арки и башни.

Подъ такими скалами рѣка катится черной волной съ подавленнымъ рокотомъ, жадно облизывая всѣ выступы и углубленія, гдѣ

лѣтомъ топорщится зеленая травка и гнѣздятся молоденькія ели и пихты. Все, что́ успѣваетъ вырости здѣсь за лѣто, рѣка смываетъ и безжалостно уноситъ съ собой, точно слизывая широкимъ холоднымъ языкомъ всякіе слѣды живой растительности, осмѣливающейся переступить роковую границу, за которой кипитъ страшная борьба воды съ камнемъ. Барка подъ такими скалами плыветъ въ густой тѣни: свѣтъ падаетъ сверху разсѣивающейся полосой. Сыростью и холодомъ вѣетъ отъ этихъ каменныхъ стѣнъ, на душѣ становится жутко и хочется еще разъ взглянуть на яркій солнечный свѣтъ, на широкое приволье горной панорамы, на синее небо, подъ которымъ дышется такъ легко и свободно. Малѣйшій звукъ здѣсь отдается чуткимъ эхомъ. Слышно, какъ каплетъ вода съ поднятыхъ поносныхъ, а когда они начинаютъ работать, разгребая воду—по рѣкѣ катится оглушающая волна звуковъ. Команда сплавщика повторяется эхомъ, нѣсколько разъ перекатываясь съ берега на берегъ. Даже неистовая рѣка стихаетъ подъ этими скалами и проходитъ мимо нихъ въ почтительномъ молчаніи.

Самыя высокія и массивныя скалы — еще не самыя опасныя. Большинство настоящихъ „бойцовъ“ стоятъ совершенно отдѣльными утесами, точно зубы гигантской челюсти. Опасность создается направленіемъ водяной струи, которая бьетъ прямо въ скалу, что обыкновенно происходитъ на самыхъ крутыхъ поворотахъ рѣки. Обыкновенно боецъ стоитъ въ углу такого поворота и точно ждетъ добычи, которую ему бросить рѣка. Душой овладѣваетъ неудержимый страхъ, когда барка сдѣлаетъ судорожное движеніе и птицей полетитъ прямо на скалу... На баркѣ мертвая тишина, бурлаки прильнули къ поноснымъ, боецъ точно бѣжитъ навстрѣчу, еще одинъ моментъ — и наше суденышко разлетится въ дребезги. Савоська мѣряетъ глазами быстро уменьшающееся разстояніе между бойцомъ и баркой, и когда остается всего нѣсколько саженъ, отдаетъ команду какъ-то всей грудью. Бурлаки испуганно шарахнутся на палубѣ и поносныя, эти громадныя бревна, даже изогнутся подъ напоромъ человѣческой силы. Нужно видѣть, какъ работали Бубновъ, Гришка и другіе бурлаки: это была артистическая работа, достойная кисти художника. Но вотъ барка быстро повернула носъ отъ бойца и вѣжливо проходитъ мимо него однимъ бортомъ: опасность такъ же быстро минуетъ, какъ приходитъ, и не хочется вѣрить, что кругомъ опять зеленые берега и барка плыветъ въ совершенной безопасности.

— Съ коня долой!—командуетъ Савоська.

Передъ каждымъ бойцомъ, какъ при отвалѣ и привалѣ, а такъ

же и послѣ прохода подъ бойцомъ, бурлаки усердно молятся. Такая молитва еще увеличиваетъ торжественность критическаго момента, но она является самымъ естественнымъ проявленіемъ того напряженнаго состоянія духа, который переживаетъ невольно каждый. Хорошо дѣлается на душѣ, когда смотришь на эту картину молящагося народа; и молитва, и трудъ, и недавняя опасность — все сливается въ одинъ стройный аккордъ. Савоська на своей скамейкѣ походитъ на капельмейстера.

Послѣ скалъ и утесовъ главную красоту чусовскихъ береговъ составляетъ лѣсъ. Сѣдыя мохнатыя ели съ побурѣвшими вершинами придаютъ горамъ суровое величіе. Строгая красота готическихъ линій здѣсь сливается съ темной траурной зеленью, точно вся природа превращается въ громадный храмъ, сводомъ которому служитъ сѣверное голубое небо. Особенно красивы молоденькія пихты, которыя смѣло карабкаются по страшнымъ кручамъ; ихъ сильные силуэты кажутся вылѣпленными на темномъ фонѣ скалъ, а вершины рвутся въ небо готическими прорѣзными стрѣлками. Изъ такихъ пихтъ образуются цѣлыя шпалеры и бордюры. Мертвый камень причудливо драпируется густой зеленью, точно его убрала рука великаго художника. Малѣйшій штрихъ здѣсь блещетъ неувядаемой красотой: такъ въ состояніи творить только одна природа, которая изъ линій и красокъ создаетъ смѣлыя комбинаціи и неожиданные эффекты. Человѣку только остается безъ конца черпать изъ этого неизсякаемаго, всегда подвижного и вѣчно новаго источника. Особенно хороши темные сибирскіе кедры, которые стоятъ тамъ и сямъ на берегу, точно бояре въ дорогихъ зеленыхъ бархатныхъ шубахъ. Какъ настоящіе кровные аристократы, они держатся особнякомъ, и какъ бы нарочно сторонятся отъ простыхъ елей и пихтъ, которыя отличаются замѣчательной неприхотливостью и растутъ, гдѣ попало, только было бы за что уцѣпиться корнями,—настоящее лѣсное мужичье.

По мыскамъ, заливнымъ лугамъ и той полосѣ, которая отдѣляетъ настоящій лѣсъ отъ линіи воды, ютятся всевозможные разночинцы лѣсного царства: тутъ качается и гибкая рябина, эта сѣверная яблоня, и душистая черемуха, и распустившаяся верба, и тальникъ, и кусты вереска, жимолости и смородины, и колючій шиповникъ съ волчьей ягодой. Здѣсь же отдѣльными пролѣсками и островками стоятъ далекіе пришлые люди—горькая осина со своимъ металлически-сѣрымъ стволомъ, безконечно родная каждому русскому сердцу кудрявая береза, изрѣдка липа, со своей блѣдной, мягкой зеленью. Но теперь всѣ эти пришлые люди и разночинцы стоятъ

голешеньки и жалко топорщатся своими набухшими вѣтвями: тяжело имъ на чужой дальней сторонѣ, гдѣ зима стоитъ восемь мѣсяцевъ. Кое-гдѣ попадаются вырубленныя полосы, гдѣ рядами стояли свѣжiе пни. Со стороны тяжело смотрѣть на этотъ результатъ вторженiя человѣческой дѣятельности въ мирную жизнь растительнаго царства.

— Это все на барочки наши лѣсъ пошелъ,—объяснялъ Савоська.—Множество этого лѣсу изводятъ по пристанямъ... Такъваломъ и валятъ!

Вся Чусовая, собственно говоря, представляетъ собой сплошную зеленую пустыню, гдѣ человѣческое жилье является только прiятнымъ исключенiемъ. Нѣсколько заводовъ, до десятка большихъ пристаней, нѣсколько красивыхъ селъ—и все тутъ. Это на 600 верстъ протяженiя. Да и селитьба какая-то совершенно особенная: высыплетъ на низкiй мысокъ десятка два бревенчатыхъ избъ, промелькнетъ полоса огороженныхъ покосовъ, и опять лѣсъ и лѣсъ, безъ конца краю. Нѣкоторыя деревушки совсѣмъ спрятались въ лѣсу, точно гнѣзда большихъ грибовъ; есть починки въ два-три дома. Здѣсь воочiю можно прослѣдить, какъ и гдѣ селится русскiй человѣкъ, когда ему есть изъ чего выбрать.

Изъ встрѣчавшихся по пути селенiй больше другихъ были пристани Межевая, Утка и Кашка. Первая раскинулась на крутомъ правомъ берегу Чусовой красивымъ рядомъ бревенчатыхъ избъ, а пониже видна была гавань съ караванной конторой и магазинами.

— Скоро шабашъ, видно, Уткѣ-то,—говорилъ Савоська, поглядывая на пристань.

— А что́?

— А вотъ желѣзную дорогу наладятъ, такъ на Уткѣ, пожалуй, и дѣлать нечего. Теперь барокъ полсотни отправляютъ, а тогда, можетъ, и пяти не наберутъ...

— По желѣзной дорогѣ дороже будетъ отправлять металлы, чѣмъ по Чусовой.

— Дороже-то оно дороже, да видно ужъ такъ придется, баринъ. Лѣсу не прохватываетъ на Уткѣ барки строить—вотъ оно что́! И теперь подымаютъ снизу барки на Утку, а чего это стоитъ! Больно нонѣ лѣса-то по Чусовой пообились, около пристаней. Вѣдь кажинный сплавъ считай барокъ пятьсотъ, а на барку идетъ триста деревъ.

— Полтораста тысячъ бревенъ!

— Такъ... Страсть вымолвить. Да еще лѣсъ-то какой идетъ на барку—самый кондовый, первый сортъ! Ну, теперь и скучаютъ по

пристанямъ-то объ лѣсѣ. Больно скучаютъ, особливо на Уткѣ. Да и по другимъ пристанямъ начинаютъ сумлѣваться насчетъ лѣсу.

Глядя на берегъ Чусовой, кажется, что здѣсь лѣсныя богатства неистощимы, но это такъ кажется. Въ дѣйствительности—лѣсной вопросъ для Урала является въ настоящую минуту самымъ больнымъ мѣстомъ: лѣса вездѣ истреблены самымъ хищническимъ образомъ, а между тѣмъ запросъ на нихъ, съ развитіемъ горнозаводскаго дѣла и промышленности, все возрастаетъ.

Пристань Кашка разсыпала свои домики на лѣвомъ берегу Чусовой, на низкой отлогости, которую далеко заливаетъ вешняя вода. Видъ на пристань чистенькій и опрятный. Напротивъ селенія, правый берегъ Чусовой поднимается крутымъ, каменистымъ гребнемъ, теченіе суживается, образуя очень опасный Кашинскій переборъ. Здѣсь вода шумитъ со страшной силой, и барки летятъ мимо пристани, какъ птицы. Паденіе рѣки здѣсь настолько сильно, что замѣтно простымъ глазомъ; рѣка катится прямо подъ гору. Такихъ мѣстъ въ гористой части Чусовой не мало, и рѣка въ нихъ играетъ съ особенной яростью.

Послѣ Кашки вплоть до Кыновской пристани, на протяженіи шестидесяти верстъ, не встрѣчается ни одного большого селенія, а маленькія деревнюшки, въ родѣ Іоквы, Пермяковой и Диминевой, издали представляются кучкой домиковъ, которые разбрелись по берегу безъ всякаго плана и порядка. Видъ Пермяковой отличается, пожалуй, довольно оригинальной красотой, хотя и поражаетъ непривычнаго человѣка своей дикостью, какъ вообще вся Чусовая. Всего какой-нибудь десятокъ избъ точно сейчасъ выползли на лѣвый низкій берегъ—и все тутъ. Кругомъ лѣсъ; напротивъ, черезъ рѣку, крутой лѣсистый берегъ. Пермякова замѣчательна тѣмъ, что представляетъ собой типичное разбойничье гнѣздо. По разсказамъ, лѣтъ двѣсти тому назадъ, здѣсь поселился разбойникъ Пермяковъ, который грабилъ проходившія мимо суда—отъ него и произошло настоящее селеніе Пермяковой. Конечно, теперь о разбояхъ на Чусовой не можетъ быть и рѣчи, но Пермякова между бурлаками пользуется плохой репутаціей.

— Что такъ?- спрашивалъ я Савоську.

— Да такъ... Когда идешь со сплаву домой, засвѣтло стараешься пройти эту самую Пермякову.

— Развѣ здѣсь грабятъ бурлаковъ?

— Нѣтъ, не слышно... А такъ, пронесъ Господь—и слава Богу. Однимъ словомъ, не баское мѣсто... Старики-то сказывали, что самъ-то Пермякъ, старикъ-отъ, промышлялъ насчетъ бурлаковъ,

которые со сплаву шли. Войдетъ этакъ съ винтовкой на тропу, по которой бредутъ бурлаки, и караулитъ: который отсталъ отъ артели, онъ его и залобуетъ *). Все же лапотина какая ни-на есть на бурлакѣ, деньги можетъ у другого, оно, глядишь, и покорыстуется. А промыселъ—дома. Бѣлку еще ищи тамъ по лѣсу или оленя, а бурлачки сами идутъ подъ пулю. Можетъ это и неправда,—прибавилъ Савоська:—мало ли зря люди болтаютъ про допрежнія времена...

Немного пониже деревни Пермяковой мы въ первый разъ увидѣли разбитую барку. Это была громадная коломенка, нагруженная кулями съ пшеницей. Правымъ, разбитымъ, плечомъ она глубоко легла въ воду, конь и передняя палуба были снесены водой; изъ-подъ вывороченныхъ досокъ выглядывали мочальные кули. Поносныя были сорваны. Снастью она была прикрѣплена къ берегу, очевидно, это на скорую руку устроили косные; бурлаковъ не было видно на берегу.

— Гдѣ же рабочіе?—спрашивалъ я.

— Ушли, значитъ. Чего имъ теперь дѣлать у убившей барки. Водоливъ долж́онъ быть во всякомъ случа́ѣ у барки... Да вонъ и онъ. Надо полагать, з̀а хлѣбомъ ходилъ. Теперь наладитъ себѣ на бережку шалашикъ и будетъ дожидать купца... Купеческая посудина-то, съ верхнихъ пристаней.

Водоливъ шелъ по берегу и непривѣтливо смотрѣлъ въ нашу сторону.

— Чьихъ вы будете?—крикнулъ Порша, выставляя голову изъ люка.

Водоливъ что то крикнулъ, но его отвѣтъ былъ заглушенъ работой поносныхъ. Черезъ пять минутъ, разбитая барка скрылась изъ вида.

— Съ людями несчастіевъ значитъ не было на убившей баркѣ,—проговорилъ Савоська въ раздумьѣ.

— Отчего ты такъ думаешь?

— Кабы кого порѣшило, такъ лежалъ бы на бережку тутъ же; а то значитъ всѣ цѣлы остались. Барка-то съ пашеницей была, она какъ ударилась въ боецъ—не ќо-дну сейчасъ, а поманеньку и отползла отъ бойца-то. Это не то, что вотъ барка съ чугуномъ: та бы подъ бойцомъ сейчасъ же захлебнулась бы, а эта хошь на одномъ боку да плыветъ.

Бурлаки долго галдѣли объ „убившей“ баркѣ, обсуждая обсто-

*) Залобуетъ—убьетъ.

ятельства послѣдовавшаго крушенія съ пріемами завзятыхъ спеціалистовъ. Бубновъ и Кравченко ругали сплавщика, болѣе обстоятельные мужики вступались за него, потому что на грѣхъ мастера нѣтъ и т. д.

Савоська не обращалъ никакого вниманія на эту болтовню и время отъ времени тревожно поглядывалъ кверху, на сѣрое небо, которое будто ниже и ниже опускалось надъ рѣкой.

— Мотроситъ...—проговорилъ онъ, выставляя руку подъ накрапывавшій мелкій дождь.

— А что?

— Худо будетъ...

Я понялъ этотъ лаконическій отвѣтъ. Какъ всякая другая горная рѣка, Чусовая отъ одного хорошаго дождя можетъ подняться на нѣсколько аршинъ, потому что всѣ безчисленные ручейки и рѣчонки, которые бѣгутъ въ нее, раздуваются въ бѣшеные потоки, принося массу шальной воды.

Въ шести верстахъ отъ дер. Пермяковой, стоитъ на правомъ берегу боецъ Писаный. Свое названіе онъ получилъ отъ надписи, которая сдѣлана на немъ въ 20 саженяхъ отъ уровня рѣки. Надпись вывѣтрилась, такъ что ничего нельзя разобрать; съ барки можно разсмотрѣть только высѣченный въ скалѣ крестъ. Самая скала представляетъ отвѣсный утесъ, поросшій лѣсомъ. На противоположномъ низкомъ берегу стоитъ массивный крестъ, высѣченный изъ цѣльнаго камня. Двумя верстами ниже Писанаго стоитъ другой боецъ, Столбы. Это почти правильной круглой формы известковыя колонны въ двадцать саженъ высоты; около нихъ поднимается нѣсколько меньшихъ колоннъ. Можно подумать, что это остатки какой-то гигантской колоннады, заваленной мусоромъ; только благодаря героическимъ усиліямъ Чусовой, выглянулъ на свѣтъ Божій одинъ уголъ этой скрытой въ землѣ постройки.

Глядя на эти толщи настланныхъ другъ на друга известняковъ, сланцевъ и песчаниковъ, исчерченныхъ бѣлыми прожилками доломита, такъ и кажется, что предъ вашими глазами развертывается, листъ за листомъ, исторія тѣхъ тысячелѣтій, которыя безконечной грядой, пронеслись надъ Ураломъ. Чусовая въ лѣтописяхъ геологіи является самой живой страницей, гдѣ ученый шагъ за шагомъ можетъ прослѣдить полную неустаннаго труда и всяческихъ треволненій автобіографію нашей старушки земли. Она была настолько предупредительна, что переложила всѣ листы своей рукописи соотвѣтствующими происхожденію каждаго окаменѣлыми представителями тогдашней флоры и фауны.

Не доплывая до Кына верстъ пятнадцать, мы издали увидѣли вереницу схватившихся барокъ. Это былъ нашъ караванъ. Онъ привалилъ къ лѣвому берегу, гдѣ нарочно были устроены ухваты для хватки, т. е. вкопаны въ землю толстые столбы, за которые удобно было крѣпить снасть. Широкое плесо представляло всѣ удобства для стоянки.

— За Кыномъ, по настоящему, слѣдовало бы схватиться,—объяснялъ Савоська.—Да видишь подъ самымъ Кыномъ переборъ сумлительный... Онъ бы и ничего переборъ-отъ, да, вишь, кыновляна караванъ грузятъ въ рѣкѣ, ну, либо на караванъ барку снесетъ, либо на переборъ, только держись за грядки. Однова тамъ барку вверхъ дномъ выворотило. Силища несосвѣтимая у этой воды! Другой сплавщикъ не боится перебора, такъ опять прямо въ кыновскій караванъ врѣжется: и свою барку загубитъ и кыновскимъ достанется.

Хватка—одно изъ самыхъ трудныхъ условій благополучнаго сплава, особенно въ большую воду. Намъ схватиться за готовыя барки уже не представляло особенной опасности. Порша выкинулъ снасть на самую послѣднюю барку, тамъ положили ее мертвой петлей на огниво, теперь оставалось только осторожно травить снасть, т. е., завернувъ ее на огниво, спускать кольцо за кольцомъ, чтобы нѣсколько ослабить силу напряженія. Въ первый моментъ, когда Порша завернулъ канатъ вокругъ огнива двумя петлями, онъ натянулся, какъ струна, барка вздрогнула и точно сознательно рванулась впередъ. Въ этотъ критическій моментъ, когда натянувшійся канатъ могъ порваться, какъ гнилая нитка, Порша осторожно началъ его спускать на огнивѣ. Отъ сильнаго тренія огниво задымилось и, вѣроятно, загорѣлось бы, но Исачка вó-время облилъ его водой изъ ведерка.

— Крѣпи снасть на мертво!—скомандовалъ Савоська.—Съ коня долой...

Всѣ сняли шапки и помолились на востокъ.

— Спасибо, братцы!—коротко поблагодарилъ Савоська бурлаковъ.

— Тебѣ спасибо, Савостьянъ Максимычъ... Съ веселенькой хваткой.

Д. Маминъ-Сибирякъ.

Конецъ свѣта.

Сѣверная часть пермской губерніи, занимающая обширную окраину Пріуралья,—совершенно дикая страна. Попавъ туда, перестаешь вѣрить, что находишься въ одной изъ губерній Европейской Россіи. Здѣсь нѣтъ почти никакихъ условій для мало-мальски культурной жизни: страна остается такою же, какою была во времена „Перми Великой": кругомъ непроходимые лѣса, горы, овраги, безплодныя тундры; дорогъ совсѣмъ нѣтъ, и никто изъ мѣстныхъ крестьянъ не знаетъ колесныхъ экипажей, а ѣздятъ или верхомъ или, въ случаѣ надобности, въ саняхъ, а чаще всего—въ лодкахъ по рѣкамъ, которыя и составляютъ здѣсь единственные пути сообщенія. Хлѣбъ—главный источникъ мужицкаго питанія—здѣсь или совсѣмъ не родится, или промерзаетъ, не дозрѣвъ. Недаромъ эта часть пермской губерніи—съ городомъ Чердынью въ центрѣ—зовется „Концомъ свѣта".

Казалось бы, совсѣмъ невозможно жить человѣку въ этой глуши и дичи, въ этомъ сѣверномъ глухомъ закоулкѣ Россіи, а между тѣмъ люди и жили, и живутъ здѣсь, и даже стремятся сюда. Древніе скандинавскіе поэты даже воспѣвали „Біармію" за ея богатства. Чудь, заселявшая въ незапамятныя времена описываемыя мѣста, оставила по себѣ многочисленныя городища, въ которыхъ встрѣчаются отлично сдѣланныя металлическія вещи—и это указываетъ, что чуди жилось, для своего времени, недурно. Сюда пробирались новгородскіе ушкуйники за добычей, а Москва сочла полезнымъ совершенно завоевать для себя дикую Пермь.

Если мы, въ качествѣ туристовъ, захотимъ посѣтить этотъ отдаленный уголъ Россіи, то изъ Перми намъ придется предварительно подняться до Чердыни. Эта часть пути еще не представляетъ никакихъ уклоненій отъ обычной пароходной россійской ѣзды. Пароходы очень приличные, обставляютъ путешественника обычнымъ комфортомъ: чистыя, красиво отдѣланныя каюты, салоны, піанино, хорошій буфетъ.

Верхняя Кама отличается отъ нижней лишь нѣкоторой дикостью береговъ и рѣдкостью селеній, да лѣсистостью. Зеленыя вблизи и синія вдали полосы береговъ покрыты нескончаемыми лѣсами. Коегдѣ попадаются заводы, соляныя варницы, лѣсные склады. По Камѣ пароходъ идетъ около 200 верстъ, углубляясь все выше и выше на

сѣверъ. Затѣмъ онъ поворачиваетъ въ рѣку Вишеру, проходитъ по ней 50 верстъ и, наконецъ, входитъ въ устье р. Колвы. Здѣсь уже чувствуется что-то иное: рѣка узенькая—всего 35—40 саженъ; берега извилистые, покрытые лугами и убогими пашнями. Чрезъ восемь верстъ и г. Чердынь—и здѣсь конецъ комфортабельному и благоустроенному пароходству.

За Чердынью—уже царство маленькихъ пароходиковъ, которые на Колвѣ, напримѣръ, далеко не всегда и ходятъ; вѣрнѣе, здѣсь царство лодокъ; на нихъ пробираются по рѣкѣ въ самые медвѣжьи углы, куда по сушѣ пробраться почти невозможно.

Чердынь, отстоящая отъ Перми на 350 верстъ къ сѣверу, древнѣйшій городъ „Перми Великой"—нынѣ маленькій уѣздный городокъ, красиво расположенный по горному берегу Колвы. Въ отличіе отъ великаго множества уѣздныхъ городовъ Руси-матушки—Чердынь славится своею чистотой. Благодаря высокому, гористому и сухому мѣсту, она не нуждается даже въ мощеніи улицъ; дождевая вода быстро стекаетъ съ улицъ, „какъ съ гуся вода"... Въ деревянныхъ, необычайно прочно, словно въ имѣніи Собакевича, построенныхъ домахъ-крѣпостяхъ, живутъ мѣстные тузы и богатѣи—лѣсопромышленники, заводчики и торговцы солью. Украшеніемъ города служитъ храмъ Іоанна Богослова, оставшійся послѣ упраздненнаго монастыря. Онъ построенъ въ 1705 году шведскими плѣнниками и пестро расписанъ ими же.

Въ старыя времена Чердынь была главнымъ городомъ всего края.

Близъ Чердыни находится легендарное „стонущее озеро", представляющее изъ себя ничто иное, какъ старое русло Колвы. Мѣстные жители увѣряютъ, что озеро по временамъ стонетъ. Стонетъ, по ихъ словамъ, собственно говоря, „кость мамонта", которая лежитъ въ глубинѣ озера. Мамонта во время всемірнаго потопа не взяли въ ковчегъ (боялись, что онъ продавитъ ковчегу дно), и бѣдняга остался на землѣ, утонулъ... и до сихъ поръ, лежа въ озерѣ, стонетъ отъ обиды и „скучаетъ". Увѣряютъ также, что въ озерѣ „дна вовсе нѣтъ"—до того оно глубоко,—и что рыба въ немъ не ловится. Рыба въ немъ будто бы есть, и даже въ большомъ количествѣ, но только поймать ее никакъ нельзя. Пріѣдутъ рыбаки съ неводомъ или съ удочками, рыба увидитъ ихъ и сейчасъ же удеретъ въ бездонныя глубины—благо, „дна нѣтъ"! И ничѣмъ ее оттуда не выманить! Рыболовы отличаются однако изумительнымъ упорствомъ и, несмотря на злополучныя качества озера и адскую хитрость рыбы, все-таки не теряютъ надежды изловить хоть окуня: ѣздятъ по озеру, „ботаютъ", запугивая рыбу въ невода, и постоянно

уѣзжаютъ домой съ носомъ. Рыба, дѣйствительно, не ловится, но должно быть только потому, что ея тамъ вовсе нѣтъ. А озеро, въ самомъ дѣлѣ, очень глубокое; оно таитъ въ себѣ одну изъ тѣхъ глубочайшихъ морщинъ земли, которыя прорѣзываютъ весь пермскій сѣверъ, покрытый щетиною дѣвственныхъ лѣсовъ.

Чрезвычайно красивы двѣ главныя рѣки, орошающія описываемыя мѣста,—Колва и Вишера.

Колва составляетъ притокъ Вишеры, а эта послѣдняя впадаетъ въ Каму. Нѣкоторая часть обѣихъ рѣкъ доступна для правильнаго пароходства, но верховья ихъ представляютъ, по условіямъ судоходства, нѣчто оригинальное: ѣздить тамъ приходится исключительно въ лодкахъ. А ѣзда по нимъ идетъ большая: ѣздятъ крестьяне—мѣстные жители, которымъ во сто разъ легче пробраться въ лодченкѣ по рѣкѣ, чѣмъ пробираться, подобно лѣсному звѣрю, чрезъ чащи вѣковыхъ лѣсовъ. Ѣздитъ по нимъ и всякое начальство—горное, лѣсное, водяное, земское. Даже самое главное мѣстное начальство—самъ лѣшій, какъ говорятъ, иногда ѣздитъ, „для скорости", по рѣкѣ—на корѣ, и, мало того, по своему вѣковому обычаю, онъ ухитряется даже на рѣкѣ творить людямъ „прокуды": онъ отводитъ глаза ѣдущимъ на лодкахъ путникамъ и гоньщикамъ плотовъ, путаетъ берега и др. Точно мало ему своей лѣсной территоріи!

Вишера, названіе которой инородческое и по-русски обозначаетъ „свѣтлая", пробѣгаетъ около 450 верстъ и добрую половину своего пути течетъ по безлюдной мѣстности, гдѣ нѣтъ никакого жилья, и куда лишь весной и осенью являются звѣроловы и охотники за рябчиками. Берега Вишеры удивительно красивы: точно бѣлыя стѣны съ причудливыми очертаніями падаютъ они въ воду. Утесы береговые носятъ названіе „камней"; по теченію рѣки послѣдовательно попадаются „Золотой", „Дыроватый", „Говорливый" и др. камни, сходные по очертаніямъ съ волжскими „столбичами". Но здѣшніе камни не голые, какъ въ столбичахъ, а одѣты зеленью лиственницы, ели и березы и радуютъ глаза своимъ своеобразнымъ и свѣжимъ нарядомъ.

О Вишерѣ говорятъ, что она „течетъ съ камня". „Камнемъ", между прочимъ, здѣсь зовутъ Уральскій хребетъ—и такимъ образомъ, мѣсторожденіе Вишеры опредѣляется на Уралѣ. „Свѣтлою" зовутъ ее вполнѣ по заслугамъ: вода, текущая прямо съ дикаго камня, не загрязнена пескомъ или иломъ и такъ прозрачна, что на глубинѣ двухъ саженъ видны всѣ камешки на днѣ.

„Съ камня вода потекла"—говорятъ мѣстные жители, когда вода въ Вишерѣ прибываетъ. А прибываетъ и убываетъ вода въ

ней часто и очень быстро. Вишера — удивительная капризница въ отношенiи своего уровня. Уровень воды иной разъ (напримѣръ—послѣ дождей) повышается на глазахъ. Въ нѣсколько часовъ вода прибываетъ на 2—3 аршина, но такъ же скоро и уходитъ. Теченiе, и безъ того сильное, увеличивается, во время поднятiя воды, до степени стремительнаго потока, такъ что вода уноситъ камни вѣсомъ въ нѣсколько фунтовъ, на значительное разстоянiе.

Въ такiе кризисы на лодкахъ немыслимо подниматься вверхъ по теченiю. Пароходы и тѣ напыживаются до послѣдней степени и еле-еле преодолѣваютъ импровизированный водопадъ. Къ счастiю, теченiе не вездѣ одинаково сильно, но мощь его какъ бы сосредоточивается въ нѣсколькихъ отдѣльныхъ пунктахъ; подходя къ одному изъ такихъ ядовитыхъ пунктовъ, представляющихъ нѣчто въ родѣ водопада „Иматры" въ миніатюрѣ, пароходъ дѣлаетъ такъ называемый „переборъ": канатъ, которымъ онъ ведетъ баржу, выпускается такъ, чтобы баржа не тянула пароходъ, а пароходъ въ это время собирается съ силами и одинъ кое-какъ переваливается черезъ „Иматру". Послѣ этого подтягиваютъ, при помощи всероссiйской „дубинушки", баржу—и снова въ путь до новаго „перебора"!

— Ничего съ этакой водой не подѣлаешь!—объясняютъ матросы.—Она съ тебя сапоги стащитъ, коли въ нее попадешь! Воръ-рѣка!

Вверхъ по Вишерѣ правильное пароходство существуетъ отъ устья Колвы и до завода Вижанхи. Но слово „правильное" нужно понимать только въ томъ смыслѣ, что пароходы *стараются* ходить отъ пункта до пункта по возможности аккуратно и постоянно.

Дальше завода Вижанхи ходятъ лишь маленькiе-премаленькiе пароходики мѣстныхъ заводчиковъ, французовъ, и возятъ они только свою собственную кладь и своихъ собственныхъ пассажировъ, а большой публикѣ недоступны. „Большая публика" изъ этого пункта ѣздитъ уже, попросту, въ лодкахъ.

При лодкахъ веселъ не полагается, но путники толкаютъ шестами, потому что быстрина теченiя не допускаетъ возможности грести. Лодки узенькiя, дрянныя, скамеекъ нѣтъ, а пожалуйте прямо на дно—въ растяжку!

Управленiе лодками здѣсь, почти исключительно,—бабье дѣло, и промышляютъ онѣ лодочнымъ извозомъ очень старательно.

Вишеру облюбовала французская „Волжско-Вишерская Компанiя". Она построила въ 200 верстахъ отъ Чердыни Кутимскiй заводъ (нынѣ закрытый), а также Вижанхинскiй и Акчимскiй заводы, добываетъ и обработываетъ желѣзную руду и возитъ ее на своихъ пароходикахъ по Вишерѣ. Нужно сказать, что французы внесли

изрядную культуру на берега Вишеры и старательно приноравливаются къ ея дикимъ выходкамъ: они устроили вдоль всей рѣки телефонъ и поставили водомѣрные посты и чутко слѣдятъ за уровнемъ воды. Телефонъ въ окрестныхъ дебряхъ производитъ курьезное впечатлѣніе. Въ самомъ дѣлѣ, кругомъ „лѣсная дичь и лѣсная чушь“, плодится всякое дикое звѣрье, лѣшій гуляетъ по берегамъ и кидается въ мимопроѣзжающихъ кедровыми шишками, а тутъ вдругъ телефонъ!

Отъ Вижанхи французскіе пароходики пробираются, если позволяетъ вода, до Меленковскаго переката и до деревни Усть-Улсуя. Усть-Улсуй—послѣднее селеніе на Вишерѣ—и за нимъ, кажется, уже и впрямь начинается „конецъ свѣта“. Вишера выдѣлываетъ далѣе такія колѣнца, изобилуетъ такими стремнинами и водопадами, что даже на лодкѣ туда невозможно пробраться. Однако охотники и звѣроловы забираются даже и туда!

Въ верстѣ отъ Меленковскаго переката, т. е. тамъ, гдѣ ужъ конецъ судоходству и даже, такъ сказать, конецъ-концовъ — бьетъ прямо изъ скалы красивая горная рѣчушка Меленки. Она выбивается на свѣтъ Божій въ такомъ чудномъ лѣсномъ уголкѣ, что невольно залюбуешься. И странное, поэтическое настроеніе охватываетъ душу, когда попадешь сюда и присутствуешь при таинствѣ рожденія свѣтлой и быстрой рѣки, зарождающейся въ сокровенномъ, далекомъ отъ празднаго взора, мѣстѣ и разливающейся потомъ бурнымъ теченіемъ, чтобы питать вмѣстѣ съ другими такими же рѣчками наши могучіе водные пути...

Колва впадаетъ въ Вишеру съ правой стороны. Длина ея доходитъ до 370 верстъ, а ширина не превышаетъ 35—40 саженъ. Вмѣстѣ съ однимъ изъ притоковъ Печоры, она вытекаетъ изъ болота сѣверной части чердынскаго уѣзда. Названіе ея (вогульское) „колъ-ва“—обозначаетъ „рыбная рѣка“.

Она очень извилиста и выдѣлываетъ причудливыя „петли“,—то здѣсь, то тамъ прихотливо извиваясь между скалами и берегами тундръ. Верховья ея заросли лиственницей и красою сѣвера—кедромъ. Южнѣе растутъ ель, пихта, сосна. Кедры, впрочемъ, встрѣчаются и не только въ верховьяхъ: верстахъ въ 2-хъ отъ устья Колвы, въ окрестностяхъ села Серегова, была въ давнее время цѣлая роща гигантскихъ кедровъ, отъ которой теперь осталось два колоссальныхъ дерева, одиноко стоящихъ „среди долины ровныя“. Ихъ было, говорятъ, не особенно давно—три, но третье срубилъ какой то фанатикъ-раскольникъ. Съ этими кедрами связано повѣрье, гласящее, что тотъ счастливецъ, который будетъ погребенъ въ

гробу, сдѣланномъ изъ ихъ дерева, обязательно попадетъ прямо въ рай. Упомянутый раскольникъ съ этой цѣлью и погубилъ замѣчательное дерево, насчитывавшее около 300 лѣтъ. Оставшіеся два великана поражаютъ своей грандіозностью.

Въ низовьяхъ Колвы попадаются луга и пашни, но и то, и другое плохого качества. Луга и пашни расположены по тундрамъ и растительность на нихъ плохая.

Какъ и на Вишерѣ, на Колвѣ красиво вздымаются береговые камни, напримѣръ, „Ветланъ" близъ Чердыни и „Писаный" или „Дѣвій" (Дивій) камень.

Отсутствіе сухопутныхъ дорогъ, дѣйствительно, Божье наказаніе для края. Собственно говоря, проложеніе ихъ вовсе не представляетъ неодолимыхъ препятствій; но сдѣлать это нелегко, такъ какъ неровность почвы, горы и овраги избороздили весь сѣверный край.

Колесныхъ экипажей кругомъ и въ поминѣ нѣтъ. Крестьяне или ѣздятъ верхомъ, или путешествуютъ на „своихъ" на двоихъ. Иногда (зимою и лѣтомъ безразлично) возятъ тяжести на саняхъ. На саняхъ, впрочемъ, чаще всего возятъ покойниковъ въ ихъ послѣднее жилище, причемъ сани такъ и оставляются на кладбищѣ. На сельскихъ кладбищахъ можно встрѣтить цѣлые склады такихъ брошенныхъ саней, которыхъ послѣ покойника уже не употребляютъ въ дѣло.

Для путешествія по сушѣ, надо сѣсть верхомъ на лошадь и ѣхать съ проводникомъ по дикому лѣсу, по такимъ узкимъ тропинкамъ, что постоянно задѣваешь ногами за деревья. И что ни шагъ, то приходится глядѣть въ оба и ерзать на сѣдлѣ, потому что тропинка вьется съ горы на гору, то круто спускаясь въ какую то яму, то вздымаясь почти стѣною вверхъ. Проводникъ ѣдетъ на своей лошади впереди—и его иной разъ и не видно за чащей деревьевъ. Чтобы вы не удалились отъ него и не сбились съ пути, къ шеѣ вашей лошади привязываютъ увѣсистый колокольчикъ, и по его звону проводникъ соображаетъ—тутъ вы или уже лѣсной царь увелъ васъ въ сторону?... Эта маленькая подробность ѣзды характеризуетъ мѣстныхъ крестьянъ, очень не охочихъ до разговоровъ и предпочитающихъ въ данномъ случаѣ прибѣгать къ колокольчику, вмѣсто собственнаго голоса и рѣчи. Чрезвычайно сосредоточенный и молчаливый народъ!

Мѣстныя лошади маленькія и слабыя. Проводникъ нѣтъ-нѣтъ, да и попроситъ васъ обращаться со скотиной по-Божески и не очень утомлять ее. Онъ вдругъ останавливается въ пути и нарушаетъ свое молчаніе:

— Слѣзай, баринъ, съ лошади!

— А что такъ? Проѣхать развѣ нельзя?

— Нѣтъ, пошто? Проѣхать можно, а только лошадь устала. Надо ей отойти! Ступай покуда пѣшкомъ!

Чѣмъ же занимаются жители „конца свѣта"?

Занимаются хлѣбопашествомъ, хотя нужно имѣть много терпѣнія и кротости, чтобы заниматься здѣсь хлѣбопашествомъ. Неблагодарная земля беретъ себѣ зерна, но назадъ нерѣдко почти ничего не возвращаетъ. Почва мерзлая, „мѣсто студеное, подкаменное", и хлѣбъ, преимущественно ячмень, то и дѣло промерзаетъ на корнѣ. Поэтому здѣсь существуетъ чрезвычайно оригинальный способъ уборки хлѣба: недозрѣвшій хлѣбъ косятъ, а затѣмъ зорятъ, словно арбузы или персики, въ другихъ мѣстахъ. Скошенный хлѣбъ пучками вѣшаютъ на „вилы" (вѣтки елокъ, очищенныя въ формѣ рогулекъ) и выставляютъ на солнце—дозрѣвать! За недостаткомъ мѣстнаго хлѣба, его приходится добывать съ низовьевъ или покупать въ-три-дорога у мѣстныхъ купцовъ.

Промышляютъ жители „Конца Свѣта" и охотой, и рыбной ловлей. Осенью и весной охотятся на дичь, на бѣлку. Бьютъ до заморозковъ рябчиковъ, забираясь для этого въ самыя непоказанныя мѣста, куда и звѣри забираются съ нѣкоторымъ сомнѣніемъ. Охотники попадаютъ въ такія дебри, гдѣ, не то, что дорогъ, но и тропинокъ нѣтъ, и нужно спеціальное чутье мѣстнаго жителя, чтобы не сбиться съ пути въ дѣвственныхъ урочищахъ вишерскихъ и колвинскихъ лѣсовъ. Впрочемъ, иногда сбиваются—и гибнутъ. Нерѣдко слышишь здѣсь, что такой-то мужикъ заблудился и умеръ въ лѣсу съ голоду.

Рыболовство до послѣдней степени примитивно и вызываетъ глубокое сожалѣніе о неумѣлости рабочихъ рукъ и о томъ, что зря пропадаетъ богатѣйшій матерьялъ. Въ быстрыхъ, свѣтлыхъ и холодныхъ рѣчкахъ ловится, напримѣръ, такая рѣдкостная рыба, какъ форель; но что же съ ней дѣлаютъ? Не зная, какъ сохранять ея нѣжное мясо, ее жестоко, варварски солятъ на мѣстѣ лова, такъ солятъ, что потомъ никакими мѣрами нельзя добиться отъ восхитительной рыбы хоть какого-нибудь путнаго вкуса. Ловятъ форель попросту, на удочку, нацѣпляя вмѣсто наживки какую-нибудь цвѣтную тряпку. Форель, словно кокетливая вертушка-барышня, питаетъ къ тряпкамъ глубочайшую симпатію и охотно идетъ на эту приманку... Ловятъ ее воровскимъ манеромъ — изъ-за куста, а иначе—рыба будто бы увидитъ ловца и уйдетъ.

По берегамъ рѣкъ, особенно въ нижнемъ ихъ теченіи, очень

развито судостроенie. Проѣзжая по рѣкѣ, часто видишь на берегу бѣлые остовы баржъ, коломенокъ и бѣлянъ. Но гораздо болѣе развитъ сплавъ лѣса въ видѣ плотовъ. Въ самомъ дѣлѣ, описанные нами лѣса даютъ такой богатый матерьялъ лѣсоторговцамъ, что однимъ сплавомъ бревенъ въ низовья Камы и Волги они наживаютъ здѣсь сотни тысячъ. Вырубаютъ они здѣшнie лѣса, пускаютъ плыть плоть и кровь здѣшнихъ дебрей внизъ по рѣкамъ до Царицына, но все еще не могутъ хоть сколько - нибудь замѣтно истощить лѣсное богатство сѣвера, и много еще лѣсовъ остается здѣсь на спасенie водамъ камскаго бассейна.

И идутъ къ нимъ на плоты гоньщиками мѣстные крестьяне и плывутъ на скрипучихъ двигающихся бревенчатыхъ мостахъ по Камѣ и Волгѣ не одну тысячу верстъ, и тускло мигаютъ красноватые огни ихъ костровъ въ темнотѣ ночи, которая окутываетъ водяной просторъ и погружаетъ его въ дымку испаренiй. Трудный путь даже для закаленнаго вѣчной борьбою съ природой крестьянина! Не легко вывести плоты чрезъ тысячеверстныя пространства, не посадить ихъ на мель и не разбить о каменныя гряды и крутые берега!

За послѣднее время, когда на Вишерѣ и Колвѣ появились путейцы со своими гидротехническими работами, и возникли желѣзоплавильные заводы, много мѣстныхъ крестьянскихъ рукъ принялось за вытаскиванье камней изъ воды и за работу на заводахъ. И съ каждымъ годомъ промышленная жизнь распространяетъ свои корни въ глуши сѣвера и требуетъ все новыхъ и новыхъ рабочихъ рукъ. Не даромъ туда на заводы идутъ, конкурируя съ мѣстными пермяками, рабочie и изъ центральныхъ русскихъ земель и изъ-за Уралья.

Таковъ „Конецъ Свѣта“! Казалось бы, и вовсе невозможно здѣсь жить—до того дика и сурова и необузданна его природа. Но люди здѣсь—ничего себѣ — живутъ, и даже просвѣщенie не чуждо этому глухому закоулку Россiи: и въ Ныробѣ, и въ другихъ селахъ имѣются для мѣстнаго населенiя начальныя школы и можно надѣяться, что не вѣчно лѣшie и водяные будутъ одни тяготѣть надъ запуганнымъ суровой природою умомъ жителя „Конца Свѣта“.

Б. Никоновъ.

Русская равнина.

Мѣстность Европейской Россiи, при сравненiи ея съ мѣстностью западной Европы, на первый взглядъ представляется крайне

однообразною. На западѣ, горы, разбросавъ свои отрасли во всѣ стороны, раздѣлили и оразнообразили этотъ небольшой полуостровъ стараго свѣта, расчленили его на множество странъ и придали, въ совокупности съ врѣзавшимися въ материкъ морями, отличительный и рѣзкій характеръ каждой странѣ. Не то совершенно видимъ мы въ восточной половинѣ Европы, занимаемой почти исключительно Европейскою Россіею. Здѣсь горныя группы и кряжи разбросаны только кое-гдѣ по окраинамъ, середина же едва-едва взволнована, и море, нигдѣ не врываясь въ середину материка, едва вдается въ окраины, вслѣдствіе чего вся эта громадная мѣстность представляется намъ сплошною равниною, которая походила бы на пустыню, гдѣ сѣверъ и югъ, востокъ и западъ не знаютъ другъ о другѣ, еслибы не была прорѣзана богатѣйшею въ мірѣ рѣчною системою, почти связанною въ центрѣ и расходящеюся въ четыре моря по четыремъ странамъ свѣта: на югъ къ Черному морю, на западъ къ Балтійскому морю, на сѣверъ къ Бѣлому и на юго-востокъ къ Каспійскому.

Однако же это однообразіе русской равнины исчезаетъ при внимательномъ ея разсматриваніи; и путешественникъ, побывавшій и въ средней Россіи, и въ Малороссіи, и въ новороссійскихъ степяхъ, и въ вологодскихъ лѣсахъ, сравнивая свои впечатлѣнія, находитъ, что эта почти повсюду одинаково ровная мѣстность не лишена однако-жъ замѣчательнаго разнообразія.

Все это разнообразіе легко подводится подъ три основные типа: равнину обработанную, земледѣльческую, степь полуобработанную, полупастушескую и болотистую лѣсную низменность, богатую пушнымъ звѣремъ и укрывающую еще и теперь кое-гдѣ полубродячее звѣроловное населеніе. Каждая изъ этихъ типическихъ мѣстностей вызывала въ своемъ населеніи особый образъ жизни, и имѣла своимъ представителемъ особое племя.

Болотистая, лѣсистая равнина предлагала богатый звѣриный промыселъ и отчасти торговлю по тѣмъ безчисленнымъ рѣкамъ, которыя питались въ ея непроглядныхъ дебряхъ. Представителемъ этой мѣстности было загадочное, темное финское племя, населявшее когда-то весь сѣверъ стараго свѣта. Финны—племя звѣроловное, чаще бродячее, чѣмъ осѣдлое, изрѣдка кое-гдѣ создавшее стародавніе торговые центры, племя страдательное, исчезало съ вырубкою лѣсовъ и съ высушкою болотъ и едва оставило свой слѣдъ въ названіи мѣстностей и въ нѣсколькихъ десяткахъ словъ, оставшихся въ языкѣ племени, которое смѣняло и поглощало финновъ. Это племя ускорило занятіе Россіи славянскимъ племенемъ, какъ пото-

му, что давало вначалѣ матеріальное богатство этому племени, умѣвшему пользоваться слабостію туземцевъ, такъ и потому, что, легко превращаясь въ русскихъ, оно увеличивало собою численность русскаго населенія, которое, предоставленное самому себѣ, не могло бы умножаться и распространяться такъ быстро.

Совсѣмъ другого рода представителя имѣла степь. Она, по самой природѣ своей, не разбрасывала своихъ населеній, но собирала ихъ въ громадныя кочующія массы, раздѣленныя между собою большими пустынными пространствами. Степь наша есть только небольшой уголокъ средне-азіятскихъ степей, ворвавшихся въ Европу. Открываясь широкими воротами въ среднюю Азію на берегахъ Урала и Волги, степной уголъ этотъ все суживается по направленію къ западу, и, наконецъ, замираетъ за Дунаемъ въ татарскомъ Буджакѣ и за Карпатами въ венгерскихъ *пущахъ*. Поэтому естественно, что и населеніе этой степи постоянно приливало изъ средней Азіи, состоя то въ чисто монгольскихъ ордахъ, то въ турецкихъ, преимущественно названныхъ у насъ татарами, то въ безобразномъ смѣшеніи татаро-монгольскихъ племенъ съ финнами, которыхъ средне-азіятское теченіе народовъ захватывало на южныхъ окраинахъ Сибири и на Уралѣ. Не будучи въ состояніи проникать въ лѣсистый сѣверъ, гдѣ мало было приволья многочисленнымъ стадамъ, кочевники эти были наиболѣе опасны для приднѣпровской земледѣльческой равнины, и хотя не могли остановиться въ ней надолго, не находя безграничныхъ степныхъ луговъ для своихъ стадъ, но могли проникать далеко съ огнемъ и мечемъ въ рукахъ; не могли они также перешагнуть Карпаты, но могли, не измѣняя образа жизни, перейти за Дунай и проникнуть даже, хоть съ трудомъ, въ ту котловину, гдѣ засѣло одно изъ такихъ же кочующихъ племенъ—венгерское.

Представителемъ земледѣльческой равнины былъ единственно славянинъ и, главнымъ образомъ, то славянское племя, которое сѣло по среднему теченію Днѣпра и не перебралось на сѣверъ далѣе Десны, не дошло и на востокъ до истоковъ Оки; племя, изъ котораго съ теченіемъ времени образовалось нынѣшнее населеніе Малороссіи.

Несмотря на все свое типическое разнообразіе, равнина, степь и болотистые лѣса имѣютъ то общее между собою, что не представляютъ ничего постояннаго, неодолимаго, въ родѣ горъ и внутреннихъ морей западной Европы. Равнина, степь и лѣсистое болото, какъ ни разнообразны тѣ условія жизни, которыя ими предлагаются своимъ обитателямъ, легко переходятъ одно въ другое. Кочев-

никъ истреблялъ села, выжигалъ лѣса и расширялъ предѣлы степи; земледѣлецъ вырубалъ лѣса, осушалъ болота и расширялъ предѣлы равнины, подвигая земледѣліе и осѣдлую жизнь съ береговъ Оки до далекаго сѣвера и востока, но теперь и степь покрывается селами и городами, а луга замѣняются нивами. Итакъ, цивилизующее вліяніе имѣла равнина и ея славянское и земледѣльческое населеніе, и изъ маленькой страны, ограничившейся, можетъ быть, прибрежьемъ Днѣпра, земледѣльческая равнина разошлась по лицу всей Европейской Россіи, уперлась въ Кавказъ и Бѣлое море, перешагнула за Уралъ и внесла осѣдлую жизнь, земледѣліе, христіанство и начатки европейской цивилизаціи даже до береговъ Амура.

Но въ этомъ движеніи мало принимало матеріальнаго участія славянское племя, осѣвшее на счастливыхъ прибрежьяхъ средняго Днѣпра; представителями колонизаціи являются здѣсь другія Славянскія племена.

Колонизацію съ одной стороны разносило новгородское племя по той великой рѣчной системѣ, которая, за исключеніемъ небольшихъ волоковъ, связывала Балтійское море съ Каспійскимъ и Бѣлымъ. Новгородское племя, забравшись дальше къ сѣверу, проникнувъ какъ-то черезъ Бѣлорусскія трущобы, попало на такую мѣстность, на такую всемірную систему рѣкъ, озеръ и морей, что если-бы это племя даже обладало въ началѣ земледѣльческимъ характеромъ, то должно было измѣнить ему и увлечься на путь торговли и далекихъ колонизацій. Трудно было бы устоять противъ такого неотразимаго географическаго типа. И вотъ колонизація новгородцевъ пошла на сѣверъ, на востокъ и, повинуясь теченію Волги, повернула къ югу. Здѣсь она должна была столкнуться съ другою славянскою колонизаціею, обладавшею совершенно другимъ характеромъ.

Мы не знаемъ, когда Славяне въ первый разъ попали на истоки Оки, этой центральной великорусской рѣки, такой же центральной и такой же великорусской, какъ Днѣпръ—центральная рѣка Малороссіи. Но названія мѣстностей, рѣкъ, городовъ и различныхъ урочищъ въ центральной Россіи указываютъ ясно, что туземцами этой мѣстности были тѣ же финскія племена, которыя когда-то составляли единственное населеніе почти всего сѣвера и исчезли почти также безъ слѣда около Москвы, какъ и на полуостровѣ Ютландіи.

Движеніе этихъ срединныхъ славянскихъ племенъ совершалось также по рѣкамъ, какъ и движеніе племени новгородцевъ, съ тою только разницею, что новгородцы ѣздили по самой рѣкѣ и главнымъ образомъ основывали торговые центры, склады товаровъ, ма-

ло заботясь о земледѣліи; славянское же племя, спускавшееся по теченію рѣки и ея притокамъ, подвигалось по берегамъ, вырубая и выжигая лѣса, осушая болота, основывая деревни и села и забрасывая *починки* все дальше и дальше въ лѣсную глушь.

Присматриваясь къ размѣщенію селъ и деревень центральныхъ великорусскихъ губерній, мы и теперь можемъ подмѣтить слѣды этого дивнаго разселенія по рѣкамъ, и замѣтимъ, что старинныя села окружены своими поселками и деревнями, бывшими починками, какъ сѣдой великорусскій дѣдъ своими дѣтьми и внуками.

Ничего подобнаго не замѣтимъ мы на приднѣпровской равнинѣ. Здѣсь нѣтъ деревень, если только онѣ не созданы какою-нибудь прихотью, нарушающею исторію, а только большія старинныя села, размѣщенныя въ безпорядкѣ, бòльшею частію, по красивымъ мѣстностямъ, и хутора, разбросанные повсюду. Здѣсь вы не замѣчаете никакого слѣда колонизаціи, чуждаго краю. Здѣсь всѣ урочища понятны славянину и напоминаютъ не о чуждомъ, исчезнувшемъ племени, а о старинныхъ славянскихъ населеніяхъ, разбросанныхъ гдѣ-нибудь у подошвы Карпатовъ или за Дунаемъ.

Уже Несторъ описываетъ намъ племя полянъ тихимъ, кроткимъ, по преимуществу земледѣльческимъ, съ патріархальными обычаями, свойственными стародавнему земледѣльцу, почти такимъ же, какимъ мы видимъ и въ настоящее время коренныхъ жителей этой мѣстности. Нѣтъ никакой нужды въ доказательствахъ того, что поляне и нынѣшніе малороссіяне одно и то же земледѣльческое племя, не измѣнившее ни своего мѣста, ни своего земледѣльческаго характера въ продолженіе по крайней мѣрѣ 12-ти вѣковъ. Этою стародавностію земледѣлія и осѣдлостью, этимъ вѣковѣчнымъ земледѣльческимъ бытомъ, проникшимъ насквозь всю природу человѣка, дышетъ Малороссія и ея населеніе. Въѣзжая на малороссійскую равнину съ какой бы то ни было стороны: съ великорусской ли, срединной, холмистой возвышенности, съ бѣлорусскихъ ли песчано-глинистыхъ пространствъ, ограниченныхъ съ юга теченіемъ Десны, изъ лѣсистой ли Литвы по берегамъ Припети, изъ южныхъ ли степей, недавно населенныхъ,—вы невольно замѣчаете, что въѣхали въ особенную страну, страну какой то тишины, неподвижности, словомъ, въ страну вѣковѣчно земледѣльческую.

Этотъ характеръ вѣковѣчной равнины, съ незапамятныхъ временъ кормившей и продолжающей кормить многія поколѣнія одного и того-же племени, ярко отражается и въ характерѣ населенія, крѣпко связаннаго со своею землею, тихаго, неподвижнаго, въ которомъ весь бытъ сложился по условіямъ земледѣлія, у котораго

всѣ обычаи, всѣ преданія, всѣ пѣсни проникнуты земледѣльческимъ характеромъ. Правда, и въ великорусской равнинѣ, почти что на глазахъ исторіи расчищенной изъ-подъ лѣсовъ и болотъ, земледѣліе играетъ важную роль, но далеко не исключительно поглощаетъ дѣятельность жителей: здѣсь въ подспорье земледѣлію идетъ и дѣятельная торговля, и множество различныхъ промысловъ. Въ великоруссѣ вы не замѣтите той привязанности къ землѣ, онъ не задумается бросить свою деревню надолго и даже выселиться изъ нея навсегда; напротивъ, это переселеніе куда-то вдаль, на молочныя рѣки съ кисельными берегами, составляетъ его любимую мечту. Если мы не видимъ уже теперь того неудержимаго, какъ судьба, историческаго стремленія, которое влекло когда-то славянскія племена по берегамъ Оки, Волги, Камы, Оби, Иртыша и до береговъ Амура, то тѣмъ не менѣе нельзя сказать, чтобы это стремленіе вовсе уже затихло. И теперь еще цѣлыя села, заслышавъ о какомъ-то далекомъ Амурѣ, не задумаются бросить свои жилья и богатыя нивы и, забравъ своихъ женъ и дѣтей, отправятся въ двухгодовое странствованіе по пустынямъ Сибири.

Слѣды глубокихъ историческихъ движеній остались и теперь въ характерѣ обоихъ племенъ. Малороссъ и теперь не безъ удивленія, смѣшаннаго съ ироніей, смотритъ на бойкаго владимірца, затесавшагося въ глубь Малороссіи, продавать дивчатамъ стежки и гаплички.

Но земледѣльческій характеръ—тихій, ясный, спокойный—не исчерпываетъ всѣхъ особенностей малороссійскаго племени. Мы видимъ, что тотъ же самый малороссіянинъ, который такъ неподвиженъ и спокоенъ у себя дома, являлся самымъ отважнымъ воиномъ, искателемъ приключеній, словомъ, казакомъ, для котораго самые далекіе походы, трудности и военныя опасности были любимою забавою, который на лодкѣ ѣздилъ по бурному Черному морю, нападая на громадные турецкіе корабли, и ходилъ съ товариществомъ погулять и пограбить по берегамъ Анатоліи, но, не забудемъ, никогда не селился нигдѣ и подъ старость возвращался въ свой малороссійскій хуторъ, если не слагалъ буйной головы въ какой-нибудь стычкѣ. Это другая сторона малороссійскаго характера, примиряющая въ себѣ эти двѣ крайности. Можетъ быть, это противорѣчіе было прирожденнымъ качествомъ племени, а можетъ быть развилось подъ вліяніемъ историческихъ условій. Земледѣльческое, трудолюбивое и потому всегда достаточное племя не могло сохранить своей независимости безъ военнаго мужества. Коренную Малороссію всегда, съ самыхъ давнихъ поръ, со всѣхъ сторонъ окру-

жали опасные враги, готовые всегда поживиться на ея тучныхъ поляхъ и обратить въ рабство ея трудолюбивое племя. Малорусскій поэтъ не даромъ сравниваетъ свою отчизну съ чайкою, которая вывела дѣтокъ при большой дорогѣ. Въ такомъ положеніи, безъ естественныхъ защищающихъ границъ, земледѣльческое племя Малороссіи должно было или превратиться въ рабовъ или высылать лучшихъ своихъ сыновъ на постоянную борьбу съ врагами. Малороссіяне умѣли не только обработывать свою землю, но и защищать ее, и если поддавались чуждому игу, то и сбрасывали его съ неудержимою силою—до тѣхъ поръ, пока первое выработавшееся славянское государство не приняло ихъ подъ крылья своего орла, и Малороссія не только умѣла защищаться, но и наводить страхъ на самыхъ отдаленныхъ враговъ. Вотъ изъ какихъ историческихъ условій выработалась та военная доблесть малороссіянъ, которая и теперь жива въ черноморскихъ казакахъ, которая еще недавно удивляла всю Европу въ знаменитыхъ пластунахъ. Англійскій историкъ послѣдней войны, удивляющійся мужеству этихъ сыновъ Черноморья, удивляется тому же самому малороссійскому характеру, который лѣтъ 300 тому назадъ, поражалъ изумленіемъ иностранныхъ путешественниковъ, заглядывавшихъ изрѣдка въ Польшу и Россію.

К. Ушинскій.

Москва.

Но вотъ ужъ близко. Передъ ними
Ужъ бѣлокаменной Москвы
Какъ жаръ, крестами золотыми
Горятъ старинныя главы.
Ахъ, братцы! какъ я былъ доволенъ,
Когда церквей и колоколенъ,
Садовъ, чертоговъ полукругъ
Открылся предо мною вдругъ!
Какъ часто въ горестной разлукѣ,
Въ моей блуждающей судьбѣ,
Москва, я думалъ о тебѣ!
Москва... какъ много въ этомъ звукѣ
Для сердца русскаго слилось!
Какъ много въ немъ отозвалось!

Вотъ, окруженъ своей дубравой,
Петровскій за́мокъ. Мрачно онъ
Недавнею гордится славой.
Напрасно ждалъ Наполеонъ,
Послѣднимъ счастьемъ упоенный,
Москвы колѣнопреклоненной
Съ ключами стараго Кремля:
Нѣтъ, не пошла Москва моя
Къ нему съ повинной головою.
Не праздникъ, не пріемный даръ, —
Она готовила пожаръ
Нетерпѣливому герою!
Отселѣ въ думу погруженъ,
Глядѣлъ на грозный пламень онъ.

Прощай, свидѣтель нашей славы,
Петровскій за́мокъ. Ну! не стой,
Пошелъ! уже столбы заставы
Бѣлѣютъ; вотъ ужъ по Тверской
Возокъ несется чрезъ ухабы.
Мелькаютъ мимо будки, бабы,
Мальчишки, лавки, фонари,
Дворцы, сады, монастыря,
Бухарцы, сани, огороды,
Купцы, лачужки, мужики,
Бульвары, башни, казаки,
Аптеки, магазины моды,
Балконы, львы на воротахъ
И стаи галокъ на крестахъ.

А. Пушкинъ.

Половодье на Окѣ.

Въ самую полночь послышался неожиданно страшный трескъ, сопровождаемый ударами, какъ будто тысячи исполинскихъ молотовъ заколотили разомъ въ берега и ледяную поверхность рѣки; трескъ этотъ, весьма похожій на то, какъ будто разрушилось вдругъ нѣсколько сотенъ избъ, мгновенно смѣнился глухимъ, постепенно возрастающимъ гуломъ, который заходилъ посреди ночи, подобно освирѣпѣлому вѣтру, ломающему на пути своемъ столѣтніе дубы, срывающему кровли. Казалось, буря ударила на окрестность... Старый Глѣбъ встрепенулся... Слухъ его былъ давно насторожѣ; онъ выскочилъ изъ саней, сотворилъ крестное знаменіе и торопливо вышелъ за ворота. Сквозь густую темноту ночи, которую усиливали черныя, быстро бѣгущія тучи, зоркій взглядъ рыбака различилъ въ отдаленіи мутно-бѣловатую полосу. То сверкала рѣка, которая пѣнилась и ревѣла, какъ дикій звѣрь, вырвавшійся на волю. Дулъ сильный западный вѣтеръ; могучіе порывы его усиливали быстрину теченія. Плескъ воды смѣшивался съ трескомъ льдинъ, которыя поминутно отрывались отъ береговъ: грохотъ, стукотня, звонкіе удары ледяныхъ глыбъ, налетавшихъ другъ на дружку, раздавались въ ночномъ воздухѣ, который холодѣлъ съ каждой минутой. Наступило наконецъ такъ давно, такъ нетерпѣливо ожидаемое половодье; наступила наконецъ минута, столько же радостная для рыбака, какъ первый теплый весенній день для пахаря; спѣшитъ онъ на поле и, приложивъ грубую, но честную руку свою къ глазамъ, чтобы защитить ихъ отъ золотыхъ лучей восходящаго солнца, осматриваетъ, съ веселымъ выраженіемъ на добродушномъ лицѣ своемъ, тучные, изумрудно-зеленые стебельки озимаго хлѣба, покрывающіе его пóтомъ облитую землю... Глѣбъ не отрывалъ глазъ отъ бѣлѣющейся полосы, прислушивался къ звя-

канью льдинъ, какъ будто отыскивалъ въ этихъ звукахъ признаки удачнаго или неудачнаго промысла. Глѣбъ постоялъ—постоялъ на одномъ мѣстѣ и вернулся на дворъ; онъ не разбудилъ даже домашнихъ. Прикутавшись въ полушубокъ, Глѣбъ снова улегся въ свои сани. Онъ лежалъ однакожъ, не смыкая глазъ: сонъ бѣжалъ отъ него; его какъ словно тормошило что-то; независящая отъ него сила ворочала его съ боку на бокъ; время отъ врéмени онъ приподымалъ голову и внимательно прислушивался къ шуму рѣки, которая, вздуваясь и расширяясь каждую минуту, ревѣла и грохотала съ возрастающей силой. Рыбакъ вскакивалъ изъ саней, набрасывалъ въ накидку полушубокъ и выходилъ за ворота; такъ провелъ онъ цѣлую ночь вплоть до разсвѣта. Наконецъ онъ не выдержалъ. Бойко пошелъ онъ на дворъ и, постукивая кулаками въ плетеныя дверцы клѣтей и коморокъ, гдѣ спали жена и дѣти, закричалъ встрепенувшимся, повеселѣвшимъ голосомъ:

— Эй, вы, лежебоки, полно спать! вставай! вставай! эй, слышишь: рѣка взыгралась. Подымайся! пора!

Минуту спустя, семейство рыбака было на ногахъ; всѣ спѣшили за ворота.

Къ утру рѣка успѣла ужъ затопить дальній берегъ. Она видимо почти разливалась все дальше и дальше, по лугамъ, которые, казалось, убѣгали къ горизонту. Вода и льдины ходили уже поверхъ кустовъ ивняка, покрывающихъ дальній плоскій берегъ; тамъ коегдѣ показывались еще ветлы: верхняя часть дуплистыхъ стволовъ и приподнятые кверху голые сучья принимали издали видъ черныхъ безобразныхъ головъ, у которыхъ отъ страха стали дыбомъ волосы; огромныя глыбы льда, уносившія иногда на поверхности своей цѣлый участокъ зимней дороги, стремились съ быстротою щепки, брошенной въ потокъ: доски, стоги сѣна, зимовавшіе на рѣкѣ и которыхъ не успѣли перевезти на берегъ, бревна, столѣтнія деревья, оторванныя отъ почвы и приподнятыя льдинами такъ, что наружу выглядывали только косматые корни, появлялись безпрестанно между икрами (льдинами). Все давало знать, что рѣка достигла уже возвышенныхъ точекъ обоихъ береговъ. Иногда льдины замыкали рѣку, спирались, громоздились другъ на дружку; трескъ, грохотъ наполняли окрестность; и вдругъ все снова приходило въ движеніе: рѣка вдругъ очищалась на цѣлую версту; въ этихъ свѣтлыхъ промежуткахъ показывались шалашъ или расшива, подхваченные съ боковъ икрами; страшно перекосившись на сторону, они грозили спихнуть въ воду увлеченную вмѣстѣ съ ними собаку, которая то металась, какъ угорѣлая, то садилась на окраину льдины и, под-

жавъ хвостъ, опрокинувъ назадъ голову, заливалась отчаянно-протяжнымъ воемъ. Часто слѣдомъ за ними стремился одинокій шестъ, торчавшій перпендикулярно изъ воды; на верхнемъ концѣ его сидѣла ворона и, покачиваясь изъ стороны въ сторону вмѣстѣ съ шестомъ, поглядывая съ любопытствомъ на всѣ стороны, преспокойно совершала свою водяную прогулку. Внезапно картина перемѣнялась: огромное пространство рѣки покрывалось милліонами бѣлыхъ, сверкающихъ обломковъ; какъ несмѣтныя стада испуганныхъ барановъ, они летѣли вразсыпную, забиваясь иной разъ, словно въ замѣшательствѣ, въ кусты высокаго ивняка, верхушки которыхъ, отягченныя иломъ, трепетно пригибались къ мутнымъ, шумно-говорливымъ струямъ. Окрестность превращалась въ море... Семейство рыбака провело почти цѣлое утро надъ рѣкою. Послѣ завтрака, три сына Глѣба и пріемышъ, предводительствуемые самимъ старикомъ, появились съ баграми на плечахъ; всѣ пятеро разсыпались по берегу—перехватывать плывучій лѣсъ, которымъ такъ щедро награждало ихъ каждый годъ водополье.

Два дня спустя, на разсвѣтѣ, все семейство, отъ мала до велика, находилось въ новой избѣ. Столъ противъ краснаго угла былъ покрытъ чистымъ рядномъ; посреди стола возвышался пышный ржаной коровай, а на немъ стояла икона, прислоненная къ липовой рѣзной солоницѣ,—икона, доставшаяся Глѣбу отъ покойнаго отца, такого же рыбака, какъ онъ самъ. Глѣбъ, величаво-выразительное лицо котораго было въ эту минуту проникнуто торжественнымъ спокойствіемъ, произнесъ молитву. Жена его, сыновья, снохи и даже дѣти преклонили колѣни. Послѣ молитвы икона была поставлена на свое мѣсто, и передъ нею затеплилась желтая восковая свѣча, которой предназначалось горѣть во все время, какъ будутъ продолжаться первыя попытки промысла. Послѣ этого присутствующіе набожно перекрестились. Глѣбъ вышелъ на берегъ, въ сопровожденіи всего своего семейства.

Лодки были уже спущены наканунѣ; неводъ, приподнятый кольями, изгибался чуть не во всю ширину площадки. Величественно восходило солнце надъ безкрайнымъ водянымъ просторомъ, озолоченнымъ косыми, играющими лучами; чистое, безоблачное небо раскидывалось розовымъ шатромъ надъ головами нашихъ рыбаковъ. Все улыбалось вокругъ и предвѣщало удачу. Не медля ни минуты, рыбаки подобрали неводъ, бросились въ челноки и принялись за промыселъ. Любо было имъ погулять на раздольѣ послѣ пятимѣсячнаго заточенія въ душныхъ закоптѣлыхъ избахъ!

Ока не представляла уже теперь дикаго смѣшенія изъ льдинъ,

оторванныхъ пней и деревъ, ныряющихъ въ безпорядкѣ между мутными, бурными волнами; она была въ полномъ своемъ разливѣ; воды ея успокоились и стали прозрачнѣе. Ровною, серебряною скатертью, кой гдѣ тронутою лазурью, протянулась рѣка на семь верстъ отъ берега до берега, и поверхность ея, какъ поверхность озера въ тихую погоду, казалась недвижною. Тамъ и сямъ, вдалекѣ, чернѣли лачужки озерскихъ рыбарей, затопленныя до кровли; мѣстами выглядывали изъ воды безлиственныя верхушки дубовъ; перекидываясь цѣликомъ въ гладкомъ зеркалѣ рѣки, онѣ принимали видъ маленькихъ островковъ, и только тоненькія, серебристыя полоски, оттѣнявшія эти островки, давали чувствовать быстроту теченія. Едва видными пятнышками мелькали челноки нашихъ рыбаковъ; голоса ихъ терялись въ пространствѣ. Птицы однѣ оживляли окрестность. Тучи дроздовъ, скворцовъ, дикихъ утокъ, стрижей и галокъ торопливо перелетали рѣку; дикій крикъ бѣлогрудыхъ чаекъ и рыболововъ, Богъ вѣсть откуда вдругъ взявшихся, немолчно носился надъ водою; сизокрылый грачъ также подавалъ свой голосъ; миріады ласточекъ сновали въ свѣжемъ, прозрачномъ воздухѣ и часто, надрѣзавъ крыломъ воду, обозначали кругъ, который тотчасъ же расплывался, уносимый быстротою теченія. Солнце между тѣмъ восходило все выше и выше, раскидывая снопъ золотыхъ лучей по всему небу; точно рука Божія протягивалась изъ-за безкрайняго горизонта и благословляла утро!

Нѣсколько сутокъ простояла рѣка въ полномъ своемъ разливѣ. Наконецъ, мало-по-малу, какъ бы утомясь своимъ величіемъ, какъ бы одолѣваемая сладкой дремотой, стала она укладываться въ свои берега. Вскорѣ на лугахъ, покрытыхъ вязкимъ плодотворнымъ иломъ, показались толпы народа; народъ валилъ изъ Комарева, Заполья, Баскача и всѣхъ окрестныхъ деревень, съ саками, ведрами, рѣшетами. Всѣ спѣшили, бабы и дѣти, запастись рыбкой, которую оставляетъ въ углубленіяхъ луговъ быстро убѣжавшая рѣка. Вскорѣ надъ маленькимъ озеромъ показалась сизая струйка дыма, возвѣстившая нашимъ рыбакамъ, что дѣдушка Кондратій переселился уже со своей дочкой изъ Комарева и также принялся за промыселъ.

Сумрачное расположеніе Глѣба прошло, повидимому, вмѣстѣ съ половодьемъ; первый „уловъ“ былъ такого рода, что нужно было только благодарить Господа за Его милость. Знатно „отрыбились!“

— Богъ сотворилъ рожденье, благословилъ насъ; намъ благодарить Его,—а какъ благодарить? знамо, молитвой да трудами.

Богъ труды любитъ! Ну, ребята, что-жъ вы стали! живо! Ночи теперь не зимнія, отъ зари до зари невеликъ часъ... пошевеливайся!...

Все это говорилъ Глѣбъ вечеромъ, на другой день послѣ того, какъ рѣка улеглась окончательно въ берега свои. Солнце ужъ давно сѣло. Звѣзды блистали на небѣ. Рыбаки стояли на берегу и окружали отца, который приготовлялся уѣхать съ ними на рѣку „лучить“ рыбу.

— Ладно, такъ!.. Ну, Ванюшка, бѣги теперь въ избу, неси огонь!—крикнулъ Глѣбъ, прикрѣпивъ на носу большой лодки „козу“—родъ грубой желѣзной жаровни, и положивъ въ козу нѣсколько кусковъ смолы.—Неводъ свое дѣло сдѣлалъ: сослужилъ службу!—продолжалъ онъ, осматривая конецъ „остроги,“ желѣзной заостренной стрѣлы, которою накалываютъ рыбу, подплывающую на огонь:—надо теперь „съ лучемъ“ поѣздить... что то онъ пошлетъ. Сдается по всему, плошать не съ чего: ночь тиха—лучше и требовать нельзя!

Ванюша не замедлилъ явиться, держа подъ полою фонарь съ зажженнымъ огаркомъ; немного погодя, смола затрещала, и коза вспыхнула яркимъ пламенемъ. Нижняя часть площадки, лица рыбаковъ и лодки окрасились вдругъ багровымъ трепетнымъ заревомъ.

— Ну, батька, говори, какъ размѣщаться?—произнесъ Петръ.

— Вотъ какъ,—проворно подхватилъ Глѣбъ, который окончательно уже повеселѣлъ и расходился:—ты, Петрушка, становись со мною на носу съ острогою... ладно! смотри только, не зѣвай... Гришка и Ванюшка садись въ греблю... живо за весла: да грести у меня тогда только, когда скажу; рыбка спитъ; тревожить ее незачѣмъ до времени... Крѣпко ли привязанъ къ кормѣ челнокъ?

Гришка отвѣчалъ утвердительно.

— Ну, поворачивайся... такъ!..—Ты, Васька,—продолжалъ старикъ, обращаясь ко второму сыну, который держалъ лодку крючкомъ багра:—ты на корму. Ну, всѣ мы на мѣстахъ?

— Всѣ,—отозвались рыбаки въ одинъ голосъ.

— Тссс!... смотри, не горланить: говори тайкомъ,—одними глазами говори... Отдай!

Василій бросилъ багоръ и проворно прыгнулъ на корму.

— Ну, пущена лодочка на воду, отдана Богу на руки!—весело воскликнулъ Глѣбъ, когда лодка, отчаленная веслами отъ берега, пошла по теченію. Тетка Анна и снохи ея сидѣли въ это время на заваленкѣ. Онѣ не отрывали глазъ отъ „луча,“ который ярко горѣлъ посреди ночи и такъ отчетливо повторялся въ водѣ, окутанной темнотою наравнѣ съ лугами и ближнимъ берегомъ, что изда-

ли казалось, будто два огненные глаза смотрѣли изъ глубины рѣки. Иногда свѣтъ исчезалъ, и вмѣстѣ съ нимъ мгновенно пропадали лодка, привязанный къ ней челнокъ и люди, на ней находившіеся; но это продолжалось всего одну секунду. Новые куски смолы попадали въ козу, и красное пламя, раздвоившись мгновенно, снова загоралось на рѣкѣ. Тогда передъ глазами бабъ, сидѣвшихъ на заваленкѣ, снова обозначались дрожащія очертанія рыбаковъ и лодки, снова выступали изъ мрака фигуры Петра и Глѣба Савинова, которые стояли на носу и, приподнявъ надъ головою правую руку, вооруженную острогою, перегнувшись корпусомъ черезъ бортъ, казались висѣвшими надъ водою, отражавшею багровый кругъ свѣта.

Д. Григоровичъ.

Малороссія.

Ты знаешь край, гдѣ все обильемъ дышетъ,
Гдѣ рѣки льются чище серебра,
Гдѣ вѣтерокъ степной ковыль колышетъ,
Въ вишневыхъ рощахъ тонутъ хутора,
Среди садовъ деревья гнутся долу,
И до земли виситъ ихъ плодъ тяжелый?
Шумя, тростникъ надъ озеромъ трепещетъ,
И чистъ, и тихъ, и ясенъ сводъ небесъ,
Косарь поетъ, коса звенитъ и блещетъ,
Вдоль берега стоитъ кудрявый лѣсъ,
И къ облакамъ, клубяся надъ водою,
Бѣжитъ дымокъ синѣющей струею?
Туда, туда всѣмъ сердцемъ я стремлюся,
Туда, гдѣ сердцу было такъ легко,
Гдѣ изъ цвѣтовъ вѣнокъ плететъ Маруся,
О старинѣ поетъ слѣпой Грицко,
И парубки, кружась на пожнѣ гладкой,
Взрываютъ пыль веселою присядкой?
Ты знаешь край, гдѣ нивы золотыя
Испещрены лазурью васильковъ,
Среди степей курганъ временъ Батыя,
Вдали стада пасущихся воловъ,
Обозовъ скрипъ, ковры цвѣтущей гречи,
И вы, чубы, остатки славной Сѣчи!
Ты знаешь край, гдѣ утромъ въ воскресенье,
Когда росой подсолнечникъ блеститъ,
Такъ звонко льется жаворонковъ пѣнье,
Стада блеятъ, а колоколъ гудитъ,
И въ Божій храмъ, увѣнчаны цвѣтами,
Идутъ казачки пестрыми толпами?
Ты помнишь ночь надъ спящею Украйной,
Когда сѣдой вставалъ съ болота паръ,
Одѣтъ былъ міръ и сумракомъ и тайной,
Блисталъ надъ степью искрами стожаръ,

И мнилось намъ: черезъ туманъ прозрачный
Несутся вновь Палѣй и Сагайдачный?
Ты знаешь, край, гдѣ съ Русью бились ляхи,
Гдѣ столько тѣлъ лежало средь полей?
Ты знаешь край, гдѣ нѣкогда у плахи
Мазепу клялъ упрямый Кочубей
И много гдѣ пролито крови славной
Въ честь древнихъ правъ и вѣры православной?
Ты знаешь край, гдѣ Сеймъ печально воды
Межъ береговъ осиротѣлыхъ льетъ?
Надъ нимъ дворца разрушенные своды,
Густой травой давно заросшій входъ?
Надъ дверью щитъ съ гетманской булавою:
Туда, туда стремлюся я душою.

Гр. А Толстой.

На Донцѣ.

Шляхъ отъ Путивля къ Донцу, къ древнему монастырю на Святыхъ Горахъ пролегаетъ на юго-востокъ, на Азовскія степи...

Раннимъ утромъ великой субботы я былъ уже подъ Славянскомъ. Но до Святыхъ Горъ оставалось еще верстъ двадцать, и нужно было идти поспѣшно. Этотъ день мнѣ хотѣлось провести въ обители.

Подъ Славянскомъ я свернулъ къ востоку, и впереди разстилалось теперь пустынное сѣрое поле. Одинъ сторожевой курганъ стоялъ вдалекѣ и, казалось, зорко глядѣлъ на равнины. Къ тому же, съ утра въ степи было по весеннему пусто, холодно и вѣтрено; вѣтеръ просушивалъ колеи грязной дороги и уныло шуршалъ прошлогоднимъ бурьяномъ. Но за мною, на западѣ, картинно рисовалась въ необозримой дали гряда мѣловыхъ плоскогорій. Темнѣя пятнами лѣсовъ, какъ старинное, тусклое серебро чернью, она заворачивала къ югу и тонула въ голубомъ утреннемъ туманѣ. И, вздохнувъ полной грудью на этомъ просторѣ, я опять ускорялъ шаги. На ходу я разогрѣлся и шелъ легко и быстро. Вѣтеръ дулъ навстрѣчу, холодилъ лицо и забирался въ рукава одежи, но даже вѣтеръ и сѣрый колоритъ полей прибавляли силы и крѣпости. Степь увлекала и завладѣвала настроеніемъ... одиночество, жажда новыхъ впечатлѣній—все наполняло душу чувствомъ молодости и свѣжести. А когда я подошелъ къ кургану и поднявшійся орелъ вдругъ взмахнулъ надъ нимъ своими большими крыльями, я чуть не вскрикнулъ отъ радостнаго испуга!

Какъ забытый свѣтлостальной щитъ, блеснула за курганомъ круглая ложбинка, налитая весенней водою. Я тотчасъ свернулъ къ ней на отдыхъ. Есть что-то чистое и веселое въ этихъ полевыхъ апрѣльскихъ болотцахъ; надъ ними вьются звонкоголосые чибисы, сѣренькія трясогузочки щеголевато и легко перебѣгаетъ по нхъ бережкамъ и оставляютъ на илѣ свои тонкіе, звѣздообразные слѣды, а въ мелкой, прозрачной водѣ ихъ отражается ясная лазурь и бѣлыя облака весенняго неба. Курганъ же былъ настоящій степной—дикій, еще ни разу не тронутый плугомъ. Онъ расплывался на два холма и, словно поблекшей скатертью изъ мутно-зеленаго бархата, былъ покрытъ прошлогодней травой. Сѣдой ковыль тихо покачивался на его склонахъ. Это были жалкіе остатки прежняго величія, и грустно было смотрѣть на нихъ, на этотъ случайно уцѣлѣвшій ковыль! Время его, думалъ я, навсегда проходитъ; въ вѣковомъ забытьи онъ только смутно вспоминаетъ теперь далекое былое, прежнія степи и прежнихъ людей, души которыхъ были роднѣе и ближе ему, лучше насъ умѣли понимать его шепотъ, полный отъ вѣка важной задумчивости пустыни, такъ много говорящей безъ словъ о безконечности міра и времени, о ничтожествѣ земного существованія.

Отдыхая, я долго лежалъ на курганѣ. Съ полей, между тѣмъ, потянуло тепломъ. Солнце согрѣвало облака и они свѣтлѣли и таяли. Жаворонки, невидимые въ воздухѣ, напоенномъ парами и свѣтомъ, ужъ заливались надъ степью безотчетно-радостными трелями. Вѣтеръ сталъ ласковый, мягкій. Холодкомъ земли и рѣзкой свѣжестью молодой зелени вѣяло отъ кургана. Солнце пригрѣвало мнѣ щеку и подъ легкой лаской вѣтерка и солнца хотѣлось прикрыть глаза и помечтать... помечтать хотя бы о томъ, что вотъ я свободенъ теперь, какъ птица, что для того, чтобы быть счастливымъ, надо очень немного...

Въ южныхъ степяхъ меня всегда почему-то особенно сильно охватываетъ вѣяніе глубокой старины. Каждый курганъ кажется мнѣ молчаливымъ памятникомъ какой-нибудь поэтической были. А побывать на Донцѣ, на Маломъ Танаисѣ, воспѣтомъ „Словомъ"—это была моя давнишняя мечта. Донецъ видѣлъ Игоря,—можетъ быть, видѣлъ Игоря и Святогорскій монастырь. Вѣдь говорятъ же, что монастырь существовалъ еще въ до-монгольскій періодъ. И если такъ, что пережилъ онъ за свою долгую жизнь? Сколько разъ разрушался онъ до основанія и пустѣли его разломанныя стѣны! Сколько перетерпѣлъ онъ потомъ, стоя на татарскихъ путяхъ въ дикихъ степныхъ равнинахъ, когда иноки его были еще воинами,

когда они переживали долгія, тяжелыя осады отъ полчищъ дикихъ ордъ и воровскихъ людей, когда на его богослуженія въ рѣдкіе дни отдыха стекались со степей сторожевые люди съ суровыми лицами и незлобивыми простыми сердцами...

Скрипъ телѣги, на которой сидѣлъ старикъ малороссъ, свѣсивъ съ грядки ноги въ допотопныхъ сапогахъ, и сопѣніе воловъ, которые, покачиваясь и вытягивая шеи, придавленныя тяжелымъ ярмомъ, медленно, какъ во снѣ, тащились по дорогѣ, разогнали мои думы. Я зашагалъ еще поспѣшнѣе.

Помню лѣсъ, который мнѣ пришлось проходить. Полоса его долго чернѣла вдали, словно набросанная сепіей. Мѣстность возвышалась и, по мѣрѣ того, какъ я подходилъ, лѣсъ все выросталъ изъ-за горизонта. Я не сводилъ съ него глазъ, думая, что за лѣсомъ-то и откроется долина Донца и Горы. Къ тому же, лѣсъ оказался очень старымъ, заглохшимъ „заказомъ." Меня поразила его безжизненная тишина, его корявыя, изсохшія дебри. Замедляя шаги, я съ трудомъ пробирался по хворосту и бурелому, который гнилъ въ грязи глубокихъ рытвинъ дороги. Ни одной птицы не слышно было въ чащахъ. Иногда на полянахъ дорогу затопляло цѣлое болото весенней воды. Сухія деревья сквозили кругомъ; они сѣрѣли мшистой корою, а кривые ихъ сучья бросали такія слабыя, блѣдныя тѣни; даже цвѣты росли тутъ чахлые, блѣдно-желтые, болотные...

Скоро, однако, въ далекой перспективѣ лѣсной дороги снова проглянула даль, еще болѣе просторная и вольная. Сухой степной вѣтеръ все усиливался, разгоняя въ яркомъ весеннемъ небѣ бѣлыя облака, но и день, солнечный, веселый день, разыгрывался вмѣстѣ съ нимъ... Монастыря же все не было.

Между тѣмъ чувствовалась усталость. Ноги ныли въ пыльныхъ горячихъ сапогахъ. Бодрое настроеніе ослабѣвало; чтобы забыть про усталость, нужно было развлекать себя. И я принялся считать шаги, и занятіе это такъ увлекло меня, что я очнулся только тогда, когда дорога круто завернула влѣво, подъ гору, и вдругъ ослѣпила рѣзкой бѣлизной мѣла. Вдалекѣ налѣво, на самомъ горизонтѣ, надъ чащею лѣса сверкалъ золотой звѣздой куполъ церковки. Но я едва взглянулъ туда. Донецъ былъ направо, въ ста шагахъ отъ меня, въ необъятной, глубокой долинѣ!

Долго простоялъ я неподвижно, глядя на мутную синеву этой огромной картины, этихъ широкихъ луговъ. Донецъ былъ въ разливѣ, и вся долина была затоплена водою. Стальныя полосы рѣки тамъ и сямъ сверкали въ чащахъ коричневыхъ тростниковъ и за-

литыхъ половодьемъ прибрежныхъ лѣсовъ, а къ югу разливались все шире, совсѣмъ уже смутныя у подножья далекихъ мѣловыхъ горъ. И горы бѣлѣли смутно-смутно, и чайки кричали такъ слабо и странно, и вся меланхолія этого пейзажа такъ поэтично гармонировала со всѣмъ тѣмъ, что, казалось, еще незримо вѣетъ здѣсь изъ глубины вѣковъ...

Тихо спустился я съ горы и пошелъ подъ ея скатомъ, по дорогѣ надъ самой рѣкой. Я обгонялъ идущій на богомолье народъ— женщинъ, подростковъ, дряхлыхъ калѣкъ съ выцвѣтшими отъ времени и степныхъ вѣтровъ глазами, и все думалъ о старинѣ, о той чудной власти, которая дана прошлому. Откуда она и что она значитъ? Не въ ней-ли заключается одна изъ величайшихъ тайнъ жизни? И почему она управляетъ человѣкомъ съ такою дивною силой?

Между тѣмъ, монастырь все еще не показывался. Послѣ полудня небо потускнѣло, вѣтеръ началъ пылить по дорогѣ и въ степи стало скучно. Донецъ скрылся за холмами... Я попросилъ проѣзжаго хлопца подвезти меня, и онъ посадилъ меня въ свою телѣжку на двухъ колесахъ. Мы разговорились и я почти не замѣтилъ, какъ мы въѣхали въ лѣсъ и стали спускаться подъ гору.

Все круче, отвѣснѣе становилась горная дорога, каменистая, узкая, живописная дорога. Мы, точно въ люлькѣ подъемной машины, спускались все ниже и ниже въ долину, а столѣтніе красноватые стволы мачтовыхъ сосенъ, гордо выдѣляясь среди разнообразной лѣсной заросли, мощно вцѣпившись корнями въ каменистые берега дороги, точно плавно подымались все выше и выше, возносились зелеными коронами къ голубому небу. Небо надъ ними казалось еще глубже и невиннѣе, и чистая, свѣтлая, какъ это небо, радость наполняла душу. А внизу, сквозь зеленую чащу лѣса, между соснами, вдругъ проглянула глубокая и, какъ показалось, тѣсная, веселая долина, золотые кресты, куполы и бѣлыя стѣны домовъ въ ней, у самой подошвы лѣсистой горы—все скученное, картинно сокращенное отдаленіемъ,—и свѣтлая полоса узкаго Донца, и густая синева воздуха надъ сплошными луговыми лѣсами за рѣкою!.. И это былъ не просто красивый пейзажъ,—это былъ удивительно своеобразный, дышащій жизнью, видъ. Такимъ, по крайней мѣрѣ, онъ показался мнѣ съ горной узкой дороги въ свѣтломъ затишьи долины, и, право, тотъ моментъ, когда она только-что открылась подо мною во всей своей красотѣ, когда сосны уплывали въ небеса зелеными вершинами, навсегда останется однимъ изъ лучшихъ моихъ воспоминаній!

⁂

Донецъ подъ Святыми Горами быстръ и узокъ. Берега его заросли лѣсомъ. Правый, горный берегъ возвышается почти отвѣсною стѣною и щетинится лѣсной чащей. Подъ нимъ-то и пріютилась бѣлокаменная обитель съ величавымъ, но грубо раскрашеннымъ соборомъ посреди двора. Выше, на полугорѣ, бѣлѣя въ зелени лѣса, висятъ два мѣловыхъ конуса, два утеса, сѣрыхъ отъ времени и непогодъ, за которыми держится старинная церковка. А еще выше, уже на самомъ горномъ перевалѣ рисуется на фонѣ неба другая. Горы какъ будто уносятъ ее въ свѣтлое царство лазури...

Съ юга надвигалась туча, но весенній вечеръ былъ еще ясенъ и тепелъ и солнце медленно уходило за горы; широкая тѣнь стлалась по Донцу отъ нихъ. И странная тишина царила повсюду: какъ одинъ человѣкъ, стояли тамъ, въ церкви, сотни молящихся въ благоговѣйномъ молчаніи.

По мощеному церковному двору, мимо собора, я пошелъ къ крытымъ галлереямъ, что ведутъ въ гору. Въ этотъ часъ пусто и тихо было въ ихъ безконечныхъ переходахъ. И чѣмъ дальше и выше подымался я, тѣмъ все болѣе вѣяло на меня суровой монастырской жизнью—отъ этихъ картинокъ, изображающихъ скиты и кельи отшельниковъ съ гробами вмѣсто ночныхъ ложъ, отъ этихъ старопечатныхъ поученій, развѣшенныхъ на стѣнахъ, даже отъ каждой стертой ступеньки въ ветхой галлереѣ. Въ полусумракѣ этихъ переходовъ чудились тѣни давно отошедшихъ отъ міра сего иноковъ, строгихъ и молчаливыхъ схимниковъ.

Но меня тянуло туда, къ мѣловымъ сѣрымъ конусамъ, къ мѣсту той пещеры, гдѣ въ трудахъ и молитвѣ, простой и возвышенный духомъ, проводилъ свои дни первый человѣкъ этихъ горъ, та великая душа, которая полюбила горный обрывъ надъ Малымъ Танаисомъ... Какіе это были дни! Дико и глухо было тогда въ первобытныхъ лѣсахъ, куда пришелъ святой человѣкъ. Лѣса безконечно синѣли надъ нимъ, смутная даль вѣяла великой меланхоліей природы. Лѣсъ заглушалъ берега рѣки и только рѣка, одинокая и свободная, плескала и плескала своими холодными волнами подъ его навѣсомъ. И какая тишина царила кругомъ! Рѣзкій крикъ дрозда на полянѣ, озаренной солнцемъ, трескъ сучьевъ подъ ногами дикой козы, хриплый хохотъ кукушки и сумеречное уханье филина—все гулко отдавалось въ лѣсахъ. Ночью величавый мракъ и мертвое молчаніе замирали надъ ними. По шороху и плеску воды угадывалъ

инокъ, что вплавь переходятъ Донецъ дикіе люди. Молчаливо, какъ рать дьяволовъ, перебирались они черезъ рѣку, шуршали по кустамъ и исчезали во мракѣ ночи. Жутко тогда было въ горной норѣ одинокому человѣку, но до разсвѣта мерцала его свѣчечка и до разсвѣта звучали его молитвы. А утромъ, изнуренный ночными ужасами и бдѣніемъ, но съ свѣтлымъ лицомъ выходилъ онъ на Божій день, на дневную работу и опять кротко и тихо было въ его сердцѣ, и синѣли лѣса подъ нимъ, и важно и ровно шумѣли столѣтнія сосны по горнымъ обрывамъ...

Глубоко внизу подо мною все уже тонуло въ теплыхъ сумеркахъ, мелькали огни, раздавался неясный говоръ. Тамъ уже начиналась сдержанно-радостная тревога приготовленій къ свѣтлой заутренѣ. А здѣсь, за мѣловыми утесами, было еще тихо и еще брезжилъ свѣтъ зари. Птицы, живущія въ трещинахъ скалъ, подъ карнизами церковки, рѣяли вокругъ, визжа, какъ старый флюгеръ, и всплывали снизу и неслышно тонули внизъ, въ сумракъ, на своихъ мягкихъ крыльяхъ. Туча съ юга заволокла все небо, вѣя теплотою дождя весенней душистой грозы, и уже содрогалась отъ вспышекъ молній. На хмуромъ фонѣ ея вырисовывались тогда бѣлые барскіе хоромы, стоящія на южной оконечности горъ. Слѣва сосны горнаго обрыва уже слились въ одну темную опушку и чернѣли, какъ горбъ спящаго медвѣдя.

— О, Господи, Господи!—прошепталъ въ это время кто-то сзади меня и глубоко вздохнулъ.

Почти испуганный, я обернулся и увидалъ большую темную фигуру. Широкоплечій старикъ въ монашеской скуфьѣ, но одѣтый по мірскому—въ толстой курткѣ рабочаго и въ высокихъ сапогахъ—стоялъ за мною и пристально глядѣлъ вдаль. Лицо у него было широкое, съ крупными чертами, а брови сурово сдвинуты. Въ глазахъ, маленькихъ и зоркихъ, свѣтилась глубокая, затаенная грусть. Въ сумеркахъ, эта оригинальная фигура производила сильное впечатлѣніе.

— И сколько тутъ, милый, народу померло,—продолжалъ онъ, не глядя на меня,—не сосчитать никому!

— Гдѣ?—спросилъ я.

— Да тутъ-то, на этомъ мѣстѣ. Былъ я сейчасъ и на кладбищѣ монастырскомъ,—жутко тамъ, а хорошо! Мертвые, милый, видно правда, лучше живыхъ...

Онъ помолчалъ, не обративъ вниманія на мой удивленный взглядъ, и продолжалъ все также медленно и съ тихой грустью:

— Я, милый, издалека, астраханскій... Тамъ у меня и сынъ

живетъ въ подвальныхъ, пятнадцать рублей на всемъ готовомъ получаетъ, и дочь въ горничныхъ у станціи начальника... Жена-то померла ужъ годовъ девять тому назадъ... А я все хожу. Гдѣ-гдѣ я ни былъ! Все нѣту мнѣ покоя!

И разговоръ въ такомъ духѣ продолжался у насъ около часа. Старикъ закурилъ трубку и все говорилъ, словно про себя, свои меланхолическія рѣчи. Я многаго не понялъ въ нихъ. Но настроеніе ихъ было ясно и трогательно. Долго потомъ вспоминалъ я этого большого унылаго человѣка, ищущаго жизни духа, ищущаго тѣхъ мѣстъ, гдѣ беретъ „раздумье".

Онъ такъ и остался тамъ, все смотря въ одну точку, въ темную даль передъ собою. А я еще успѣлъ сходить на вершину горы, въ верхнюю церковку. И мнѣ даже жутко стало, когда я нарушилъ шагами ея гробовую тишину. Монахъ, какъ привидѣніе, стоялъ за ящикомъ со свѣчами. Два-три огонька тихо потрескивали въ храмѣ. А въ верхнее окошечко его еще лился слабый свѣтъ заката. Помню, поставилъ и я свою свѣчку и помолился за того, кто, слабый и преклонный лѣтами, въ мертвой тишинѣ этого маленькаго храма падалъ ницъ въ тѣ грозныя ночи, когда костры осады пылали подъ стѣнами обители; помолился и за всѣхъ тѣхъ, кто ищетъ въ этой жизни „раздумья"...

До глубокой ночи кипѣла суматоха въ монастырѣ.

Потомъ всѣ храмы запылали огнями, и черный мракъ ночи дрожалъ отъ дымнаго пламени смоляныхъ бочекъ на берегу рѣки. И все запылало еще болѣе, все словно ожило, когда раздались слова о воскресеніи Христа и въ отвѣтъ имъ ударила сотня звонкихъ колоколовъ со всѣхъ монастырскихъ колоколенъ!

Уходя на ночлегъ въ деревню, за Донецъ, по его низменному берегу, я не разъ останавливался, пораженный красотою иллюминаціи: все тонуло въ глубокой темнотѣ, не маячили даже очертанія горъ на фонѣ неба, а огни около верхнихъ храмовъ діадемами яркихъ золотыхъ созвѣздій словно вырѣзывались въ этомъ мракѣ...

* *
*

Утро засверкало солнцемъ, утро было совсѣмъ праздничное, теплое, свѣтлое, и еще радостнѣе, на перебой, звенѣли надъ Донцомъ, надъ зелеными горами колокола; ихъ диссонансы такъ чудно сливались въ одну звонкую, веселую пѣснь о Воскресеніи и уносились туда, гдѣ въ ясномъ воздухѣ стремилась къ небу бѣлая церковка на горномъ перевалѣ. Говоръ гуломъ снова стоялъ надъ рѣ-

кою, а на баркасѣ по ней прибывало въ монастырь все болѣе и болѣе народу. Все живо, двигалось, ярко пестрѣли праздничные малороссійскіе наряды. Подъ веселый перезвонъ колоколовъ я нанялъ лодку, и молоденькая хохлушка легко и быстро погнала ее противъ теченія по прозрачной водѣ Донца, въ тѣни береговой зелени. И нѣжное, красивое личико рыбачки, и солнце, и тѣни, и быстрая рѣчка—все было такъ хорошо и радостно въ это милое утро!

Я побывалъ въ скиту—тамъ, несмотря на толпы народа, было тихо и блѣдная зелень березокъ слабо шепталась, какъ на кладбищѣ—и сталъ взбираться на гору, чтобы по ея вершинѣ вернуться въ монастырь.

Взбираться безъ тропинки было очень трудно. Нога глубоко тонула во мху, буреломѣ и мягкой прѣлой листвѣ, гадюки то и дѣло быстро и упруго выскальзывали изъ-подъ ногъ, и я почти бѣжалъ, рискуя сорваться внизъ или задохнуться. Горячій зной, полный тяжелаго смолистаго аромата, неподвижно стоялъ подъ навѣсами сосенъ. Зато какая даль открылась подо мною, какъ хороша была издали долина съ темнымъ бархатомъ лѣсовъ въ ней, какъ сверкали разливы Донца въ яркомъ солнечномъ блескѣ, какою горячею жизнью юга дышало все кругомъ! То-то, должно быть, дико, радостно билось сердце какого-нибудь воина полковъ Игоревыхъ, когда любовался онъ этимъ видомъ, выскочивъ на хрипящемъ конѣ на эту высь и повиснувъ надъ обрывомъ, среди могучей чащи сосенъ, убѣгающимъ внизъ...

А въ сумеркахъ я уже опять шагалъ въ степяхъ. Тихій вѣтеръ ласково вѣялъ въ лицо, вѣялъ теплотою яснаго вечера съ молчаливыхъ темныхъ кургановъ. И отдыхая на нихъ, одинъ-одинешенекъ среди ровныхъ безконечныхъ полей, подъ мирнымъ украинскимъ небомъ, я опять думалъ о старинѣ, о людяхъ, почивающихъ въ одинокихъ степныхъ могилахъ подъ смутный шелестъ сѣдого ковыля... Хороши эти мѣста, гдѣ находитъ „раздумье"!

И. Бунинъ.

Днѣпръ.

Чуденъ Днѣпръ при тихой погодѣ, когда вольно и плавно мчитъ сквозь лѣса и горы полныя воды свои. Ни зашелохнетъ, ни прогремитъ: глядишь и не знаешь, идетъ, или не идетъ его велича-

вая ширина, и чудится, будто весь онъ вылитъ изъ стекла, и будто голубая зеркальная дорога, безъ мѣры въ ширину, безъ конца въ длину, рѣетъ и вьется по зеленому міру. Любо тогда и жаркому солнцу оглядѣться съ вышины и погрузить лучи въ холодъ стеклянныхъ водъ, и прибрежнымъ лѣсамъ ярко отразиться въ водахъ. Зеленокудрые! они толпятся вмѣстѣ съ полевыми цвѣтами къ водамъ и, наклонившись, глядятъ въ нихъ и не наглядятся, и не налюбуются свѣтлымъ своимъ зракомъ, и усмѣхаются ему, и привѣтствуютъ его, кивая вѣтвями; въ середину же Днѣпра они не смѣютъ глянуть: никто, кромѣ солнца и голубого неба, не глядитъ въ него; рѣдкая птица долетитъ до середины Днѣпра. Пышный! ему нѣтъ равной рѣки въ мірѣ.

Чуденъ Днѣпръ и при теплой лѣтней ночи, когда все засыпаетъ—и человѣкъ, и звѣрь, и птица, а Богъ одинъ величаво озираетъ небо и землю и величаво сотрясаетъ ризу. Отъ ризы сыплются звѣзды; звѣзды горятъ и свѣтятъ надъ міромъ, и всѣ разомъ отдаются въ Днѣпрѣ. Всѣхъ ихъ держитъ Днѣпръ въ темномъ лонѣ своемъ, ни одна не убѣжитъ отъ него—развѣ погаснетъ въ небѣ. Черный лѣсъ, унизанный спящими воронами, и древле разломанныя горы, свѣсясь, силятся закрыть его хотя длинною тѣнью своею, — напрасно: нѣтъ ничего въ мірѣ, что бы могло прикрыть Днѣпръ. Синій, синій онъ ходитъ плавнымъ разливомъ и середь ночи, какъ середь дня, виденъ за столько въ даль, за сколько видѣть можетъ человѣческое око. Нѣжась и прижимаясь ближе къ берегамъ отъ ночного холода, даетъ онъ по себѣ серебряную струю и она вспыхиваетъ, будто полоса дамасской стали, а онъ, синій, снова заснулъ. Чуденъ и тогда Днѣпръ, и нѣтъ рѣки равной ему въ мірѣ!

Когда же пойдутъ горами по небу синія тучи, черный лѣсъ шатается до корня, дубы трещатъ, молнія, изламываясь между тучъ, разомъ освѣщаетъ цѣлый міръ—страшенъ тогда Днѣпръ! Водяные холмы гремятъ, ударяясь о горы, и съ блескомъ и стономъ отбѣгаютъ назадъ, и плачутъ, и заливаются вдали. Такъ убивается старая мать казака, выпроваживая сына своего въ войско: разгульный и бодрый, ѣдетъ онъ на ворономъ конѣ, подбоченившись и заломивъ шапку; а она, рыдая, бѣжитъ за нимъ, хватаетъ его за стремя, ловитъ удила, и ломаетъ надъ нимъ руки, и заливается горючими слезами.

Н. Гоголь.

Кіевъ.

Высоко передо мною
Старый Кіевъ надъ Днѣпромъ:
Днѣпръ сверкаетъ подъ горою
Переливнымъ серебромъ.
Слава, Кіевъ многовѣчный,
Русской славы колыбель!
Слава, Днѣпръ нашъ быстротечный,
Руси чистая купель!
Сладко пѣсни раздалися,
Въ небѣ тихъ вечерній звонъ...
Вы откуда собралися,
Богомольцы на поклонъ?
„Я—оттуда, гдѣ струится
Тихій Донъ, краса степей".
„Я—оттуда, гдѣ клубится
Безпредѣльный Енисей!"
„Край мой—теплый брегъ Евксина!"
„Край мой—брегъ тѣхъ дальнихъ странъ,
Гдѣ одна сплошная льдина
Оковала океанъ".
„Дикъ и страшенъ верхъ Алтая,
Вѣченъ блескъ его снѣговъ:
Тамъ страна моя родная!"
„Мнѣ отчизна старый Псковъ".
„Я—отъ Ладоги холодной",
„Я—отъ синихъ волнъ Невы",
„Я—отъ Камы многоводной",
„Я—отъ матушки-Москвы".
Слава, Днѣпръ, сѣдыя волны!
Слава, Кіевъ, чудный градъ!
Мракъ пещеръ твоихъ безмолвный
Краше царственныхъ палатъ.
Знаемъ мы: въ вѣка былые,
Въ древню ночь и мракъ глубокъ,
Надъ тобой блеснулъ Россіи
Солнца вѣчнаго Востокъ.
И теперь изъ странъ далекихъ,
Изъ невѣдомыхъ степей,
Отъ полночныхъ рѣкъ глубокихъ—
Полкъ молящихся дѣтей—
Мы вокругъ твоей святыни
Всѣ съ любовью собраны...

А. Хомяковъ.

По слѣдамъ запорожцевъ.

Предпринимая одну изъ лѣтнихъ поѣздокъ по Запорожью и имѣя въ виду закрѣпить на бумагѣ нѣкоторыя, наиболѣе замѣчательныя по своимъ историческимъ воспоминаніямъ, запорожскія мѣста и урочища, я рѣшилъ привлечь къ своему путешествію художника и фотографа.

Выборъ мой палъ на Артемія Юрьевича Ногайченка и Ѳому Ѳедотовича Полтавченка. Первый —художникъ-фотографъ, второй—только художникъ.

Весело и радостно выѣхали мы изъ сѣверной и холодной столицы въ южныя и теплыя мѣста Запорожья. Изъ Петербурга нашъ путь лежалъ прежде всего до города Екатеринослава и оттуда внизъ къ днѣпровскимъ порогамъ, переправѣ Кичкасу, острову Хортицѣ, Чортомлыцкой Сичи и Сичи на вѣткѣ Днѣпра, Подпильной.

Высадившись въ городѣ Екатеринославѣ. мы рѣшили нанять въ немъ подводу и на той подводѣ изъ Екатеринослава первѣе всего спуститься до крѣпости Кодака, сооруженной въ XVII столѣтіи, по распоряженію правительства польской Рѣчи-Посполитой, противъ запорожскихъ козаковъ, французскимъ инженеромъ Бопландомъ и фигурировавшей въ исторіи Запорожья во все время его историческаго существованія, въ особенности же въ XVII столѣтіи.

Ничто, говорятъ, не даетъ такихъ средствъ къ познанію характера человѣка, какъ совмѣстное и продолжительное съ нимъ путешествіе: тутъ, при различныхъ неожиданныхъ затрудненіяхъ, встрѣчающихся въ пути, и при постоянномъ соприкосновеніи съ человѣкомъ, ясно опредѣляются и его вкусы, и его воззрѣнія, и его инстинкты, и его дурныя и хорошія качества. И это, совершенно справедливое мнѣніе вообще, совершенно справедливымъ оказалось и въ частности: уже по прибытіи въ Екатеринославъ, въ особенности же по дорогѣ отъ Екатеринослава до Кодака, ясно обрисовались облики, какъ Артемія Юрьевича Ногайченка, такъ и Ѳомы Ѳедотовича Полтавченка. Первый оказался человѣкомъ слишкомъ пунктуальнымъ, черезчуръ осторожнымъ, слишкомъ ко всему присматривавшимся, слишкомъ ко всему прислушивавшимся, всегда боявшимся того, какъ-бы и чѣмъ-нибудь не обидѣть человѣка, всегда приступавшимъ съ распросами какъ-то особенно деликатно и нерѣшительно, всегда озабоченнымъ мыслью о томъ, гдѣ избрать ночлегъ послѣ дневного путешествія и какъ бы поудобнѣе устроиться во время ночлега. Второй былъ человѣкъ совершенно беззаботный, весело и всегда съ хохотомъ относившійся ко всѣмъ путевымъ неудобствамъ, довольствовавшійся самымъ малымъ, приступавшій къ дѣлу сразу и безъ всякой робости, исполнявшій все, что нужно было, безъ всякихъ возраженій, но главное вѣчно перепутывавшій всѣ, предварительно и совмѣстно выработанныя, рѣшенія и вѣчно забывавшій гдѣ-нибудь то одну, то другую изъ своихъ немногихъ ручныхъ вещей.

За послѣднее свое качество Ѳома Ѳедотовичъ Полтавченко получилъ прозваніе Хомы Забутнóго и съ такимъ прозвищемъ остался извѣстнымъ навсегда въ дружественномъ кружкѣ.

Въ Кодакѣ осматриваемъ древнюю церковь, дѣлаемъ фотографическіе снимки со всѣхъ сохранившихся въ церкви козацкихъ древностей, снимаемъ копіи съ надписей на книгахъ и сосудахъ церковныхъ. Сильно интересуетъ насъ также въ Старомъ-Кодакѣ земляная крѣпость, насыпанная въ XVII вѣкѣ инженеромъ Бопланомъ, находящаяся какъ разъ противъ перваго Кодацкаго порога на правомъ берегу Днѣпра, и составляющая теперь собственность купца-раскольника.

Было еще довольно рано, когда мы оставили Старый-Кодакъ и двинулись по широкому шляху прямо въ село Николаевку, стоящее на томъ же, правомъ, берегу Днѣпра, противъ Нанасытецкаго порога.

Оставивъ съ лѣвой стороны нѣмецкую колонію Ямбургъ, молдаванское селеніе Волошское и русское село Звонецкое, мы скоро прибыли въ село Николаевку и вмѣстѣ съ тѣмъ очутились у Ненасытецкаго порога, называемаго, по мѣстному, Дидомъ, гдѣ и расположились у самаго берега рѣки Днѣпра.

Уже издали, не доѣзжая до самаго порога, нашимъ глазамъ представилась такая грандіозная и такая величественная картина, передъ которой мы невольно остановились въ нѣмомъ восторгѣ и какъ бы на нѣсколько мгновеній застыли. Да и было отъ чего! Рѣка Днѣпръ, освободившись отъ четырехъ предшествовавшихъ пороговъ,—Кодацкаго, Сурского, Лоханскаго и Звонецкаго, дойдя до пятаго, Ненасытецкаго, и вновь встрѣтивъ на своемъ пути громадныя, никѣмъ неодолимыя и никѣмъ несокрушимыя скалы, разбросанныя въ самомъ хаотическомъ безпорядкѣ по всему руслу, рѣка Днѣпръ съ страшной силой ударяется объ эти вѣковѣчныя твердыни, съ необыкновеннымъ шумомъ перекатываетъ черезъ нихъ свои необъятныя волны и вмигъ вся покрывается рѣчной, стале-жемчужнаго цвѣта, пѣной, клокочущей, бурлящей и вздымающейся, какъ клокочетъ, бурлитъ и вздымается пѣна въ какомъ нибудь раскаленномъ, огромныхъ размѣровъ, чугунномъ котлѣ. Стремясь далѣе и, то поднимаясь на самую вершину скалъ, то снова опускаясь внизъ, громадные водяные валы чрезъ то разбиваются на неисчислимые милліоны свѣтлыхъ и легкихъ струй, и потомъ, врываясь въ промежутки между нѣсколькихъ, особенно высокихъ, скалъ, съ гнѣвнымъ и бѣшеннымъ ревомъ стремятся выбраться изъ своихъ страшныхъ тисковъ. Отъ всего этого во всемъ порогѣ стоитъ такой стонъ и гулъ, точно въ немъ безостановочно, день и ночь, работаютъ пятьсотъ тысячъ водяныхъ мельницъ, безпрестанно переливающихъ черезъ свои колеса огромную массу неудержимо несущей-

ся впередъ воды. Тутъ всякій отдѣльный звукъ, всякій самый сильный крикъ человѣка исчезаетъ въ одномъ общемъ ревѣ рѣки, какъ исчезаетъ ничтожная песчинка, подхваченная вихремъ съ земли и унесенная въ безконечную небесную высь. И во всемъ этомъ хаосѣ рѣчныхъ волнъ, во всемъ этомъ страшномъ и никогда несмолкаемомъ стонѣ рѣки слышится такая сила, чувствуется такая стихійная мощь, передъ которой всякій живой человѣкъ кажется не только безпомощнымъ, но даже самымъ жалкимъ, ничтожнымъ существомъ. Но вотъ эти-то, именно эти мѣста и были священны для всѣхъ низовыхъ козаковъ: тутъ они родились на свѣтъ; тутъ, въ этой страшной стихіи, они черпали себѣ сверхчеловѣческія силы; тутъ они получили свое названіе за-по-рож-цевъ и съ этимъ именемъ, т. е. съ именемъ непобѣдимыхъ рыцарей и никѣмъ неодолимыхъ героевъ, вошли на страницы не только русской, но даже міровой исторіи. И не одинъ изъ нихъ сиживалъ у этихъ дикихъ, но чарующихъ своимъ величіемъ мѣстъ, отдавая свои мысли, свои чувства, свои радости и свои тревоги бурнымъ и грознымъ волнамъ могучаго порога...

Восхищенные и очарованные этой величественной картиной, мы всецѣло отдались своему дѣлу и, забывъ о пищѣ и питьѣ, проработали нѣсколько часовъ подрядъ безъ отдыха, снимая и общіе и частные виды на весь порогъ, на его скалы, Монастырькó и Корабель, на водовороты, Пекло и Смоляръ, на старый и новый каналы.

Изъ села Николаевки мы выѣхали въ тотъ же день и къ полудню прибыли въ деревню Волниги, находящуюся противъ шестого порога, Волниговскаго.

Уже солнце совсѣмъ спряталось за горизонтъ, когда мы подъѣхали къ большой волости села Ѳедоровки. Взойдя въ зданіе, мы нашли въ немъ писаря и, предъявивъ свою бумагу, просили доставить намъ лошадей съ тѣмъ, чтобы доѣхать намъ къ ночи въ Игнатьевку, гдѣ имѣли расположиться на продолжительный отдыхъ у землевладѣльца Игнатьевки, А. И. Алѣева.

Намъ поданы были такіе отчанные кони, которые, сдѣлавъ всего лишь пять верстъ отъ селенія, стали на одномъ мѣстѣ, какъ вкопанные и дальше низачто не хотѣли итти. Въ добавокъ къ тому, на небѣ стали сгущаться темныя тучи и не въ далекомъ будущемъ могъ полить большой дождь. Намъ ничего другого не оставалось дѣлать, какъ выдти изъ брички и идти пѣшкомъ, тогда какъ наши кони поплелись въ слѣдъ за нами. Долго ползли мы черезъ какіе то байраки, балки и выбалки и уже очень поздно добрались

до Игнатьевки. Вся деревня давнымъ-давно спала, когда мы, измученные и усталые, доплелись, наконецъ, до нея. Простучавъ понапрасну подъ окнами одной, потомъ другой, потомъ третьей хаты и нигдѣ не добившись никакого отвѣта, мы рѣшили въ концѣ концовъ ѣхать въ усадьбу помѣщика А. И. Алѣева и, забывъ всякое приличіе, стучаться къ нему въ дверь до тѣхъ поръ, пока онъ не пуститъ насъ къ себѣ на ночлегъ. Никто изъ насъ не былъ лично знакомъ съ владѣльцемъ Игнатьевки, и это-то обстоятельство и ставило насъ въ тупикъ.

Спустившись въ потьмахъ въ какую-то яму и потомъ изъ ямы поднявшись на какую-то гору, мы очутились въ обширномъ и полуразгороженномъ дворѣ помѣщика и тутъ встрѣчены были такимъ отчаяннымъ лаемъ собакъ, который заставилъ насъ всѣхъ моментально повскакивать въ бричку и въ ней, какъ въ неприступной крѣпости, искать себѣ защиты. Сидя въ бричкѣ, мы кое-какъ добрались до людской избы, стоявшей въ одномъ изъ угловъ панскаго двора и, вооружившись кто чѣмъ могъ,—кнутомъ, зонтикомъ, подставками отъ фотографическаго аппарата, спустились у самыхъ дверей людской и заняли тамъ оборонительную позицію, спиною къ дверямъ, лицомъ ко псамъ. А псы, заливаясь на разные голоса, оскаливъ страшные зубы и сверкая своими гнѣвными глазищами, завѣшанными, точно забраломъ, длинною щитинистою шерстью, такъ и рвались къ намъ, готовые ежеминутно растерзать насъ на мелкіе куски.

Между тѣмъ, въ то время, когда на дворѣ происходила такая отчаянная собачья атака и раздавался по всѣмъ угламъ двора невообразимый лай, въ это время господа и слуги мирно почивали по своимъ куткамъ и, казалось, вовсе не слыхали ничего того, что происходило во дворѣ. Простоявъ нѣсколько минутъ безъ движенія у дверей и не видя ниоткуда себѣ помощи, мы вдругъ нажали, всѣ трое разомъ, двери людской, и когда онѣ внезапно распахнулись передъ нами, моментально вскочили въ сѣни и моментально захлопнулись.

Изъ сѣней мы попали въ обширную избу и тутъ, освѣтивъ ее спичкой, поражены были не менѣе того, какъ и числомъ собакъ во дворѣ, безчисленнымъ количествомъ мухъ. Озаренныя внезапнымъ свѣтомъ, мухи бросились со всѣхъ оконъ, со всѣхъ угловъ, со всѣхъ полицъ и со всего потолка къ намъ на свѣтъ и подняли такое невообразимое жужжаніе, съ которымъ не могло сравниться жужжаніе цѣлаго десятка согнанныхъ вмѣстѣ, на одно дерево, роевъ пчелъ. По всей хатѣ отъ такого полета мухъ пронеслась какъ

бы цѣлая полоса вѣтра. И при этомъ невобразимомъ роѣ мухъ, въ хатѣ стояла невообразимая духота, отъ которой свѣжаго человѣка бросало въ жаръ и проливной потъ. Не смотря, однако, на такія не особенно благопріятныя удобства, на низкой „примосткѣ“ или на низкихъ нарахъ хаты лежалъ какой-то человѣкъ и храпѣлъ, что называется, во всю ивановскую. Приблизившись къ самой „примосткѣ“ и освѣтивъ спящаго человѣка спичкой, мы начали пробуждать его разными способами отъ сна, но всѣ наши старанія оказались совершенно напрасны: какъ ни кричали мы, какъ ни толкали человѣка, онъ и знать никого не хотѣлъ. Онъ такъ крѣпко, такъ богатырски крѣпко спалъ, что до него рѣшительно не доходили ни крикъ, ни смѣхъ, ни толчки, ни разные эпитеты, которыми мы попеременно награждали его. Только подъ конецъ, когда Хома Забутный особенно энергично толкнулъ спящаго носкомъ сапога въ заднюю часть тѣла, спящій приподнялся съ наръ и, не раскрывая глазъ, скороговоркой произнесъ: „И якый тутъ чортяка товчетця! Овець, уже давно роспродавъ панъ, а кони пасутця у степу,—тамъ и купуй“!.. Послѣ этихъ словъ спящій вновь повалился на примостку и еще сильнѣе и еще отчаяннѣе захрапѣлъ.

Не добившись ничего въ людской, мы вновь вышли во дворъ и, сѣвъ въ бричку изъ опасенія быть растерзанными озвѣрѣвшими отъ злости собаками, подъѣхали прямо къ господскому дому и начали стучаться въ главную его дверь. Долго на нашъ стукъ никто не подавалъ намъ никакого отвѣта; наконецъ, въ одномъ изъ оконъ дома отворилась форточка, и насъ спросили, кто мы и чего намъ надо. Тутъ я назвалъ мою фамилію и въ свою очередь спросилъ, могу ли говорить съ владѣльцемъ имѣнія, Александромъ Ивановичемъ Алѣевымъ. Мнѣ отвѣтили, что Александра Ивановича нѣтъ дома, что въ домѣ осталась одна его сестра съ прислугой, но что фамилію мою сестра Александра Ивановна очень хорошо знаетъ и проситъ пожаловать, нисколько не стѣсняясь, со всѣми моими спутниками въ домъ. Отъ такой любезности мы сразу почувствовали большой приливъ радости и поспѣшили войти въ домъ. Скоро весь домъ освѣтился огнями, и мы поочередно представились гостепріимной хозяйкѣ, оказавшейся молодою и очень привлекательной барышней.. Уже совсѣмъ свѣтомъ мы разошлись по назначеннымъ намъ комнатамъ, очарованные и восхищенные любезностью, радушіемъ и полною сердечностью хозяйки...

На слѣдующій день, по пробужденіи отъ сна, первымъ нашимъ дѣломъ было осмотрѣть во всѣхъ подробностяхъ мѣстность Игнатьевки, чего мы за темнотою не могли сдѣлать въ прошедшую ночь,

Мѣстность, гдѣ сидѣла Игнатьевка или Алѣевка, оказалась совершенно открытой, наклонной и постепенно спускавшейся къ рѣкѣ и по обыкновенію, прорѣзанная вдоль нѣсколькими балками, изъ коихъ самыя большія носятъ названія Бырдиной и Лишней. Усадьба помѣщика приходилась какъ разъ противъ порога Лишняго, и это послѣднее обстоятельство придавало ей особенную прелесть и привлекательность. Конечно, той грандіозности и того величія, какимъ поражаетъ туриста порогъ Ненасытецкій, на Лишнемъ порогѣ нѣтъ, но зато здѣшній ландшафтъ ласкаетъ зрителя необыкновенною мягкостью своего тона и какъ-то успокоительно дѣйствуетъ и на душу и на сердце человѣка. Казалось, вѣчно сидѣлъ бы противъ этого порога и вѣчно смотрѣлъ бы и не насмотрѣлся на него.

Мы не особенно торопились нашимъ отъѣздомъ изъ Алѣевки. Только слѣдующимъ днемъ мы оставили плѣнительную Алѣевку и, сѣвъ въ лодку, перебрались съ праваго на лѣвый берегъ Днѣпра, въ село Андреевку, Иваненково тожъ. Явившись въ волость, мы предъявили тамъ требованіе на пару лошадей съ бричкой и, въ ожиданіи подводы, вошли въ разговоръ съ мѣстнымъ писаремъ.

Но вотъ намъ послѣ долгаго ожиданія подали лошадей, и мы, простившись съ писаремъ, сѣли въ бричку и покатили вдоль лѣваго берега Днѣпра на Маркусову, Вознесенку и переправу Кичкасъ. Кичкасъ назначенъ былъ послѣднимъ пунктомъ нашего путешествія на тотъ день. У Кичкаса въ рыбальнѣ одного знакомаго мнѣ рыбака, по фамиліи Харченка, мы предполагали остановиться на нѣкоторое время нашимъ кошемъ и оттуда предпринять поѣздку на островъ Хортицу для осмотра въ западномъ берегу его, такъ называемой Высшей-Головы и находящейся въ этомъ же берегу пещеры Зміевой.

Уже вечеромъ мы выѣхали изъ села Андреевки по направленію къ Кичкасу и выѣхали съ предзнаменованіями не особенно благопріятными для насъ: на западномъ горизонтѣ стали собираться темныя тучи и изъ-подъ тучъ сталъ повѣвать влажный и порывистый вѣтеръ. Но я успокаивалъ моихъ спутниковъ, еще не совсѣмъ привыкшихъ ко всѣмъ неудобствамъ путешествія, тѣмъ, что мы ѣдемъ не въ какую-нибудь безлюдную степь, а къ берегу Днѣпра, гдѣ стояла рыбальня моего давняго пріятеля, Ивана Харченка, который съ большою радостью и приметъ насъ къ себѣ и укроетъ отъ дождя.

Между тѣмъ бричка наша, то опускаясь въ глубокія балки, то поднимаясь на длинные и высокіе кряжи или небольшіе пригорки, то выскакивая на открытую степь, пошла, наконецъ, все книзу, и

скоро мы взобрались на послѣдній пригорокъ, опустились въ очень низкую и довольно глубокую ложбину. Тутъ мы увидѣли впереди себя темную полосу Днѣпра и вмѣстѣ съ этимъ самую переправу Кичкасъ, указателемъ которой служилъ большой паромъ, двигавшійся отъ лѣваго берега рѣки къ правому. Подъѣхавъ къ самому берегу Днѣпра и немного свернувъ вправо, мы остановились тутъ возлѣ небольшой деревянной будочки, которая была рыбальней Ивана Харченка. Не смотря на то, что рыбальня оказалась запертой на замокъ, мы, однако, тотъ же часъ сложили возлѣ нея весь нашъ багажъ, а своего извозчика отпустили домой.

Хотя я не видѣлъ Харченка уже болѣе двухъ лѣтъ, тѣмъ не менѣе хорошо зналъ весь его образъ жизни и былъ увѣренъ, что онъ отправился куда нибудь на ловлю рыбы и что скоро-недолго онъ вернется къ своей рыбальнѣ, и тогда мы расположимся у него, какъ дома. Но прошло полчаса, прошелъ и часъ, а Харченка нѣтъ, какъ нѣтъ. Вотъ уже и сумерки. Вотъ, наконецъ и ночь, а Харченка все нѣтъ и нѣтъ. Съ наступленіемъ ночи изъ темныхъ тучъ полилъ давно уже собиравшійся дождь. Что было тутъ дѣлать? Видя, что весь лѣвый берегъ Днѣпра, на которомъ мы расположились, усыпанъ крупнымъ пескомъ и по мѣстамъ заваленъ огромными глыбами дикихъ скалъ, я, недолго думая, выбралъ себѣ одну, самую большую, съ навѣсомъ, скалу, разгорнулъ руками подъ ней песокъ, потомъ взялъ свое толстое шерстяное одѣяло, завернулся въ него съ головой, легъ въ приготовленную ямку подъ скалой и засыпалъ самъ себя по самую голову пескомъ, чрезъ что сдѣлался совершенно недоступнымъ для дождя. Мои спутники, видя то, какъ я отлично устроился въ пескѣ, подъ скалой, начали и себѣ приспособляться возлѣ меня.

И вотъ, размѣстившись такимъ порядкомъ и залегши подобно байбакамъ въ пескѣ, мы почувствовали себя не только хорошо, а даже превосходно, не смотря на то, что дождь лилъ надъ нами какъ изъ ведра.

Прошелъ еще добрый часъ, и дождь, мало-по-малу прекращаясь, подъ конецъ совсѣмъ пересталъ. Скоро мы оставили наше убѣжище, нашли себѣ большую, но низкую скалу и усѣлись на ней всѣ трое подрядъ, оборотившись лицомъ къ Днѣпру. Хотя въ воздухѣ стояла еще большая сырость, тѣмъ не менѣе всѣ признаки указывали на скорое наступленіе хорошей погоды. По краямъ неба, то тамъ, то сямъ, все еще ходили темныя, насыщенныя влагой, тучи, но средина его уже начала понемногу проясняться и вмѣсто сѣрой стала постепенно принимать синеватый оттѣнокъ. Вотъ послѣдняя;

огромной величины, темная туча вдругъ разорвалась на двѣ половины и одна изъ этихъ половинъ, опускаясь все ниже и ниже, свалилась гдѣ-то за лѣсомъ, ниже острова Хортицы, а другая ринувшись всею массою сразу внизъ, свалилась гдѣ-то далеко-далеко въ Днѣпръ, тамъ, гдѣ подходятъ къ рѣкѣ огромныя гранитныя скалы и гдѣ ревутъ и стонутъ грозные и шумливые пороги. Чрезъ это весь необъятный сводъ неба мгновенно очистился и мгновенно же засвѣтился безчисленнымъ числомъ звѣздочекъ, которыя мигали и переливались необыкновенно мягкимъ и необыкновенно нѣжнымъ блескомъ, казавшимся послѣ продолжительнаго дождя особенно яркимъ и оттого особенно привлекательнымъ. Для полноты картины не доставало только луны: она скрыта была темною стѣною лѣса, стоявшаго недалеко отъ Днѣпра въ нѣмомъ молчаніи и бросавшаго отъ себя длинную тѣнь на скалы, на берегъ рѣки, на самую рѣку. Но вотъ черезъ вершины деревъ прорѣзалась своимъ верхнимъ рожкомъ и молодая луна, и тогда вся окрестность заблистала и заискрилась голубымъ свѣтомъ, трепетавшимъ и разливавшимся по всему бѣлому песку, по темнымъ гранитнымъ скаламъ, по свѣтлымъ и чистымъ водамъ рѣки. Сама рѣка, протянувшаяся длинной и блестящей лентой, казалась до того спокойной, точно она замерла, точно она застыла и совсѣмъ остановилась въ своемъ теченіи. Въ ея спокойныхъ водахъ, какъ въ самомъ дорогомъ хрустальномъ зеркалѣ, отчетливо и во всѣхъ подробностяхъ отражались и поднявшаяся кверху луна и мигавшія въ высотѣ звѣзды и самый сводъ темно-синяго и высокаго неба. Въ воздухѣ стояла тишина необыкновенная. Если кто и нарушалъ эту зачарованную, эту царственную тишину, то нарушала только рыба одна, игравшая въ водѣ: вотъ она мгновенно вывернется во всю свою длину изъ холодныхъ струй рѣки, сильно ударится по поверхности воды своимъ хвостомъ и также мгновенно исчезнетъ въ рѣчной глубинѣ, оставивъ послѣ себя только одинъ широкій кругъ на водѣ. Но и тотъ кругъ, двигаясь и расходясь во всѣ стороны и оставляя отъ себя нѣсколько другихъ круговъ, подъ конецъ также совершенно исчезаетъ и совершенно расходится вмѣстѣ съ другими кругами по застывшей водѣ. И тогда снова наступаетъ царственная, зачарованная и заколдованная тишина.

Но вотъ тамъ, гдѣ-то далеко, по тотъ бокъ рѣки, въ чистомъ и спокойномъ воздухѣ медленно и широко начинаетъ разливаться какая-то пѣснь. Она звучитъ сперва слабо, но потомъ, по мѣрѣ приближенія пѣвцовъ къ берегу рѣки, слышится все сильнѣе и сильнѣе и, наконецъ, разливается такой задушевной и такой оча-

ровательной мелодіей, которая, наполняя всю окрестность своими дивными переливами и своею необыкновенною мощью, поистинѣ и поражаетъ и восхищаетъ слушателя, постепенно захватывая все его вниманіе и постепенно овладѣвая и его сердцемъ, и его мыслями, и его душой.

Но вотъ на смѣну пѣсни послышались тихіе и медленные всплески веселъ, сперва гдѣ-то вдали, вверху рѣки, а потомъ все ближе и ближе. Скоро на свѣтлой и спокойной поверхности рѣки показалась маленькая лодочка и въ ней обрисовались двѣ высокія фигуры пловцовъ, изъ коихъ одна, стоя назади, дѣйствовала весломъ, но такъ тихо и осторожно, что, казалось, оно вовсе и не касалось воды, а другая, стоя напереди, быстро перебирала что-то руками, очевидно вытягивая изъ рѣки сѣти и вмѣстѣ съ сѣтями пойманную рыбу въ водѣ; возлѣ второй фигуры копошилась третья, небольшая фигурка, также что-то перебиравшая руками и очень низко наклонившаяся лицомъ къ водѣ.

— Козаки!

— А шо?

— Радуйтесь,—це Харченко!

— Правда?

— Правда! Я бачу по зросту, шо Харченко!

Скоро лодка причалила къ нашему берегу, и изъ нея вышли всѣ три фигуры. Впереди всѣхъ шелъ Харченко. Приблизившись къ своей рыбальнѣ и увидѣвши возлѣ нея трехъ неизвѣстныхъ ему людей, онъ немедленно подошелъ къ намъ и, пристально всматриваясь въ наши лица, спросилъ:

— Кого тутъ Богъ прынисъ до моей рыбальни?

Вдругъ, увидя меня, Харченко всплеснулъ отъ удивленія руками и громко вскрикнулъ:

— Дывысь, та це Дмытро Ивановычъ! Такъ и есть! Оце гость, такъ гость!... Якъ це васъ сюды прынесло, чи човнычкомъ, чи весломъ? Ахъ, ты, Господи! Ахъ, ты-жъ, Боже мій! Та здоровенькы жъ булы, мій голубчику! Та якъ же жъ вы? Та звидкиля жъ вы? Та чого жъ вы въ рыбальню не йдете?

— А якъ же намъ у вашу рыбальню йти, якъ вона замкнута замкомъ?

— Оце такы не дай, Господи! Хиба жъ вы чужый чоловикъ, шо не знаете, де я вишаю ключъ?

— Положимъ, шо й не чужый, а все жъ такы уже два годы, якъ у васъ бувъ, то трошкы ставъ и забувать, де у васъ и ключъ, де що й другé.

— Марьянко! Марьянко! А, ну — лышень одмыкай рыбальню! скомандовалъ Харченко своей молоденькой дочери, бывшей вмѣстѣ съ отцомъ и съ другимъ человѣкомъ на ловлѣ рыбы.

Марьянка бросилась къ рыбальнѣ, достала подъ стрѣхой ея ключъ и отперла имъ замокъ. Тутъ я познакомилъ Харченка съ моими спутниками, а Харченко назвалъ мнѣ по имени дида, который рыбачилъ съ нимъ на Днѣпрѣ, и мы тотчасъ всѣ полѣзли въ рыбальню. Но рыбальня, однако, была такъ тѣсна и такъ низка, что мы могли въ ней только сидѣть, и то повосточному, поджавши подъ себя ноги. Обмѣнявшись еще разъ дружескими привѣтствіями и пораспросивши другъ друга о здоровьѣ, о дѣлахъ, о всякихъ предпріятіяхъ, мы подъ конецъ пришли къ такому рѣшенію: Марьянка разложитъ возлѣ рыбальни костеръ, дидъ достанетъ изъ лодки самой хорошей рыбы и приготовитъ „мудрои юшкы“, т. е. ухи, а самъ хозяинъ переправится лодкой черезъ Днѣпръ и добудетъ въ Кичкасѣ „оковытой“.

Послѣ такого рѣшенія, тотчасъ приступлено было и къ исполненію. Хозяинъ отправился въ Кичкасъ по горилку, Марьянка сложила костеръ, зажгла дрова и навѣсила на перекладинку казанокъ, а дидъ захватилъ изъ каюка самой лучшей рыбы и сталъ расчинять ее для ухи. Мы же, выйдя изъ рыбальни, приступили къ диду и, размѣстившись на камняхъ, точно на самыхъ удобныхъ стульяхъ, тотъ же часъ завели съ дидомъ „балáчку“. Первый, впрочемъ, открылъ рѣчь самъ дидъ.

— А чи здалека, панычи, вы прыихалы сюды?

— Здалека, диду, дуже здалека, такъ шо й не выдко звидциля.

— А звидкиля жъ ыменно?

— Изъ Петенбурху, диду! Чулы про такый городъ?

— А чомъ же й не чуть? Чувъ!

— На шестьсотъ верстóвъ дальше одъ Москвы! Чулы?

— Чомъ же не чуть? Чувъ!

— Славный городъ! Куды бильшъ, нижъ вашъ Катерынославъ. Тамъ жывутъ уси цари, тамъ находятця сенатъ и сынодъ, тамъ и гвардія состоитъ! Чулы?

— Чувъ и це! И не тилькы чувъ, а й знаю! Знаю я и ричку Неву, и Петропавловськый соборъ, и Казанськый соборъ и Васылёвскый острывъ и царськый дворець...

— Отъ тоби й на!.. Почóму жъ вы знаете?

— По тòму знаю, шо я въ тій самій гвардіи и служывъ, шо тамъ состоить, а потимъ ще по воли служывъ, та ажъ пьятнадцять годъ выжывъ у Петенбурзи.

Уха оказалась отмѣнно хороша: никогда во всю мою жизнь, ни раньше, ни позже, мнѣ не приходилось ѣсть такой „мудрой“ ухи, и это находилъ не только я одинъ, но и оба сотоварищи мои, которые не разъ вспоминали о ней уже спустя нѣсколько лѣтъ. И не потому эта уха показалась намъ особенно вкусна, что мы были голодны—говорятъ, „лучшаго повара нѣтъ, какъ голодъ“, а потому что она въ самомъ дѣлѣ была отмѣнно вкусна: уже наѣвшись вдоволь и едва переводя духъ, мы все-таки никакъ не могли отстать отъ ухи и снова принимались за нее... Отъ ухи мы перешли къ рыбѣ, и рыба, посоленная слегка солью, сваренная съ лучкомъ, облитая немного уксусомъ, оказалась не менѣе вкусна, какъ и уха.

Нашъ ужинъ и дружеская бесѣда продолжались до самой поздней ночи. Послѣ ужина мы завели съ хозяиномъ длинную „балачку“, и уже послѣ „балачки“ перешли къ малорусскимъ пѣснямъ. Пѣсни пѣлись такія, какія только кто могъ припомнить. При этомъ Харченку съ его товарищемъ и дочкой очень нравились наши пѣсни, намъ всѣмъ особенно нравились пѣсни Харченка, его товарища и дочки... Только передъ самымъ разсвѣтомъ, когда въ Кичкасѣ пропѣли послѣдніе пѣтухи, мы всѣ влѣзли въ рыбальню и, расположившись рядомъ другъ возлѣ друга, заснули богатырскимъ сномъ.

Когда мы пробудились на другой день отъ сна, то солнце стояло уже выше скалъ, окружавшихъ лѣвый берегъ Днѣпра, и залило своимъ яркимъ свѣтомъ всю песчаную котловину, спускавшуюся къ самой рѣкѣ. Первымъ нашимъ дѣломъ было идти къ Днѣпру и омыться въ его холодныхъ водахъ. Пока мы спустились къ Днѣпру, пока освѣжились въ немъ, пока поднялись къ рыбальнѣ, тѣмъ временемъ Иванъ Харченко уже успѣлъ похлопотать о новой ухѣ для „снидання“. И на этотъ разъ уха оказалась также безподобна, какъ и въ прошлый разъ...

Тотчасъ послѣ завтрака мы рѣшили отправиться лодкой, взятой у Харченка, къ западной части острова Хортицы, гдѣ имѣлась пещера Зміева. Уложивъ въ лодку всѣ наши вещи, въ томъ числѣ фотографическій аппаратъ, и сѣвъ втроемъ, безъ лодочника, мы пустились отъ Кичкаса внизъ по Днѣпру. Прежде всего мы пристали къ огромнѣйшимъ, стоявшимъ среди Днѣпра, въ виду сѣверозападнаго угла Хортицы, скаламъ Столпамъ, осмотрѣли и сняли съ нихъ фотографіи; потомъ остановились между двухъ, не менѣе громадныхъ, скалъ Стоговъ и, обозрѣвъ и облазивъ ихъ со всѣхъ сторонъ, пустились такъ называемымъ Старымъ-Днѣпромъ до Высшей-Головы Хортицы. Высшая-Голова громадными массами своихъ скалъ прямо таки поразила насъ съ перваго же на нее взгляда.

Это настоящее, если можно такъ сказать, каменное великолѣпіе, которое невольно плѣняетъ и умъ и воображеніе каждаго человѣка, но котораго ни сравнить, ни уподобить рѣшительно ничему другому нельзя. Вся сѣверозападная сторона острова Хортицы, насколько можетъ охватить ее человѣческій глазъ, состоитъ изъ сплошной стѣны массивнѣйшихъ темно-сѣрыхъ гранитныхъ глыбъ и эти глыбы по мѣстамъ стоятъ ровно, какъ по струнѣ; по мѣстамъ нѣсколько отходятъ назадъ отъ рѣки; по мѣстамъ же страшно нависаютъ надъ самой рѣкой и грозятъ ежеминутнымъ паденіемъ въ Днѣпръ. И вотъ въ одномъ изъ выступовъ такихъ скалъ виднѣется Зміева пещера, которая поднимается отъ поверхности воды Днѣпра не менѣе, какъ аршина на три высоты и издали кажется какой-то дырой и расщелиной между двухъ скалъ. Къ этой-то пещерѣ мы и направили нашъ каюкъ. Такъ какъ противъ самой пещеры образовалась небольшая площадка отъ наноснаго песку, аршина въ три длины и столько-же ширины, то мы, подойдя къ площадкѣ, прежде всего вытащили нашу лодку на песокъ и обосновались тамъ. Послѣ того двое изъ насъ, становясь поочередно на плечи третьему, повлазили вовнутрь пещеры; послѣдній же взобрался въ пещеру уже при помощи весла, приставленнаго вплотную между отверстіемъ пещеры и выступомъ гранитной скалы. Уже раньше того, спускаясь отъ стоговъ по Старому Днѣпру, мы видѣли, что на рѣкѣ начинали ходить небольшіе перекаты волнъ и, при совершенно ясной и жаркой погодѣ, начиналъ „подыхать" довольно сильный сѣверо-восточный вѣтерокъ. Не придавъ тому особеннаго значенія, мы спокойно оставили нашу лодку со всѣми вещами стоять на песку, а сами влѣзли во внутрь пещеры и стали осматривать ея помѣщеніе. Пробывъ въ пещерѣ около получаса и выглянувъ изъ нея на свѣтъ, мы были мгновенно поражены, и на время отъ удивленія совершенно онѣмѣли: на Днѣпрѣ свирѣпствовала настоящая буря, и наша лодка, снятая вѣтромъ съ песку и отнесенная далеко отъ пещеры въ открытый Днѣпръ, безпомощно качалась между огромныхъ волнъ, готовая каждую минуту опрокинуться вверхъ дномъ и выбросить изъ себя весь нашъ драгоцѣннѣйшій багажъ, т. е. прежде всего мое незабвенное одѣяло, потомъ всѣ наши снимки, записныя книжки и фотографическій аппаратъ. Намъ самимъ, съ уплытіемъ водки, грозила опасность просидѣть нѣсколько часовъ, а можетъ быть, даже и дней между небомъ и водой и ждать счастливаго случая, когда какой-нибудь случайный пловецъ не заберется въ Старый Днѣпръ для ловли рыбы и не вызволитъ насъ изъ бѣды. Положеніе было, можно сказать, поистинѣ „критическое". И вотъ въ эту-то минуту

и сказалось, что значило имѣть въ своей компаніи такого съ виду беззаботнаго, но въ минуты опасности рѣшительнаго сотоварища, какъ Ѳома Полтавченко. Ѳома Полтавченко, онъ же Хома Забутный, недолго думая, спустился съ пещеры на площадку, моментально снялъ съ себя все платье и моментально же бросился вплавь по рѣкѣ за лодкой. А лодка уплыла въ Днѣпръ уже не менѣе, какъ на версту разстоянія и, все больше и больше раскачиваясь по волнамъ, положительно заставляла насъ дрожать за наше добро. Но Хома Забутный былъ не изъ послѣднихъ пловцовъ: отлично лавируя между подводныхъ скалъ и избѣгая большихъ волнъ, онъ все ближе и ближе подходилъ къ лодкѣ, но зато все дальше и дальше уходилъ отъ насъ.

Вотъ Хома Забутный доплылъ до песчаной косы и вылѣзъ на нее: скорчившись подобно обезьянѣ, онъ, видимо, отдыхалъ отъ страшной усталости и собирался съ силами для дальнѣйшей погони за лодкой. Не прошло и пяти минутъ, какъ Хома уже вновь разбивалъ своими руками высокія волны и вновь мчался вслѣдъ за лодкой. Голая и смуглая спина его блестѣла яркимъ пятномъ на солнцѣ и служила для насъ издали главнѣйшей точкой, куда мы направляли все наше вниманіе. Вотъ Хома, наконецъ, возлѣ лодки; вотъ онъ уже схватилъ ее рукой за бортъ; вотъ онъ, наконецъ, подвелъ ее къ какой-то скалѣ и со скалы прыгнулъ въ самую лодку. Глядя на Хому черезъ бинокль, мы видимъ, какъ онъ, влѣзши въ лодку, сперва нашелъ въ ней шерстяное одѣяло, закутался въ него весь до самой головы, потомъ, найдя оставшееся на днѣ лодки весло, сталъ дѣйствовать имъ и направлять лодку къ мѣсту нашего сидѣнія. Прошло около часа времени и, наконецъ, лодка стояла у площадки. Шумно и радостно привѣтствовали мы нашего драгоцѣннаго Хому Забутнаго и, бросившись къ нему со всѣхъ ногъ, едва не задушили его въ своихъ объятіяхъ.

И такъ: и наша честь и наше имущество спасены. Послѣ этого, осмотрѣвъ самыя достопримѣчательныя мѣста острова Хортицы, мы пригнали нашу лодку къ рыбальнѣ Харченка, а сами въ тотъ же день выѣхали изъ Кичкаса въ городъ Александровскъ.

Слѣдующимъ днемъ, утромъ, сѣвъ на пароходъ, мы направились изъ Александровска въ мѣстечко Никополь, бывшую Микитинскую Сичь, освященную пребываніемъ въ ней, въ 1648 году, гетмана Богдана Хмельницкаго.

Высадившись въ Никополѣ со всѣмъ нашимъ багажомъ и расположившись на время въ заѣзжемъ дворѣ, мы тотъ же часъ, по прибытіи въ мѣстечко, представились мѣстному настоятелю древня-

го собора, протоіерею Іоанну Карелину, и, съ его разрѣшенія, занялись фотографированіемъ тѣхъ многочисленныхъ церковныхъ древностей, которыя сохранились до нашего времени въ соборѣ. Изъ всѣхъ церковныхъ древностей болѣе всего восхищалъ художниковъ прекрасный аналой, сдѣланный изъ арабскаго дерева съ инкрустаціей и подаренный запорожцамъ въ началѣ XVIII столѣтія константинопольскимъ патріархомъ. Когда этотъ аналой вынесенъ былъ изъ церкви въ ограду и когда на немъ заиграли лучи только что поднявшагося надъ плавнями утренняго солнца, оба художника положительно не могли отвести глазъ отъ прекраснаго произведенія искусства и, заходя къ нему то съ одной, то съ другой стороны, не находили словъ для выраженія своего восхищенія.

Раннимъ утромъ слѣдующаго дня мы уже катили изъ мѣстечка Никополя по направленію къ селу Покровскому, екатеринославскаго уѣзда, гдѣ была послѣдняя запорожская Сичь, на рѣкѣ Подпильной.

Село Покровское съ его земляными укрѣпленіями, оставшимися отъ временъ запорожцевъ, съ его церковью, хотя и новою, но имѣющею въ себѣ не мало казацкихъ древностей, удержало насъ на долгое время. Поснимавъ фотографіи со всѣхъ, найденныхъ нами въ покровской церкви, древностей, мы подъ конецъ, сопровождаемые большимъ обществомъ, изъ села Покровскаго выѣхали въ деревню Капуливку, къ славной Сѣчѣ на островѣ Чортомлыкѣ и къ славной могилѣ славнаго кошевого Сирка.

У памятника Сирка, на самой вершинѣ могилы его, вся наша компанія составила небольшую группу, и эта группа снята была для пріятнаго воспоминанія, нашимъ художникомъ-фотографомъ. Сняты были также отдѣльно памятникъ и могила Сирка, общій видъ на Чортомлыцкую Сичь, зарисованы были всѣ каменные намогильные кресты и каменныя подставки подъ кресты, уцѣлѣвшія частію на бывшемъ запорожскомъ кладбищѣ, частію отдѣльно, по дворамъ и огородамъ крестьянъ.

Уже поздно оставили мы деревню Капуливку и еще позднѣе вернулись въ Никополь. Въ Никополѣ мы простились другъ съ другомъ и разстались самымъ дружескимъ и самымъ сердечнымъ образомъ.

Д. Эварницкій.

Сакскія грязи.

Сакскія грязи уже давно извѣстны своими цѣлебными свойствами. Во многихъ болѣзняхъ, какъ въ ревматизмѣ, золотухѣ, опухоли сочлененій и другихъ, онѣ дѣйствуютъ быстро и въ высшей степени благотворно. Способъ лѣченія грязями былъ извѣстенъ въ глубокой древности. Египтяне принимали ванны изъ Нильской грязи, въ Италіи въ IV столѣтіи грязевыя ванны были въ употребленіи, а Крымскія грязи пользовались извѣстностью въ Россіи еще въ прошломъ столѣтіи; преимущественно же Сакское соляное озеро, отдѣленное отъ моря не болѣе, какъ на $1^1/_2$ версты песчаною косой, пользовалось особеннымъ довѣріемъ жителей Крыма въ цѣлебную силу Сакской грязи. Татары лѣчились ею безъ разбора отъ всѣхъ упорныхъ болѣзней слѣдующимъ образомъ: на извѣстномъ мѣстѣ озера, послѣ спаденія воды, рыли неглубокую, продолговатую яму оставляли ее на нѣсколько часовъ открытой, подъ вліяніемъ солнечныхъ лучей, чтобы она нагрѣлась; затѣмъ въ яму садился больной и его закрывали по шею нагрѣтою грязью; спустя часъ или полтора, освободивъ его отъ грязи, тутъ же обмывали водой изъ озера и, одѣвъ потеплѣе, отправляли на арбѣ домой. Этотъ способъ употреблялся еще въ сороковыхъ годахъ; да и теперь можно видѣть татаръ, дѣлающихъ себѣ ванны такимъ же образомъ, въ разныхъ мѣстахъ озера. Большое стеченіе больныхъ изъ разныхъ мѣстъ Россіи, болѣе отдаленныхъ, побудило правительство устроить лѣченіе грязями подъ руководствомъ врачей; въ сороковыхъ же годахъ были устроены, по распоряженію князя Воронцова, гостинница съ номерами для частныхъ больныхъ и каменное зданіе для военныхъ, на берегу озера. Но въ Крымскую войну 1854 года оба эти зданія были разрушены англичанами и французами, которые, какъ извѣстно, высадились недалеко отъ Евпаторіи и заняли весь этотъ берегъ Чернаго моря.

Теперь существуютъ грязелѣчебныя заведенія почти на прежнемъ мѣстѣ для военныхъ и частныхъ больныхъ.

Сакское озеро имѣетъ неправильную форму; западная часть его, прилегающая къ морю, гораздо шире и глубже; восточная уже и мельче и мѣстами пересыхаетъ, особенно въ жаркое лѣто. Оно, какъ и всѣ соляные источники и озера, остатокъ постепенно спадавшаго, первобытнаго океана, на днѣ котораго образовалась вѣками однородная, мягкая масса, или илъ. Химическія качества этого

ила и вслѣдствіе того разнообразное его дѣйствіе, какъ лѣчебное средство, зависитъ несомнѣнно отъ различной давности вѣковыхъ наносовъ моря и органическихъ и неорганическихъ остатковъ, гніеніемъ и распаденіемъ которыхъ онъ образовался. Дознано, что Аренсбергскія грязи слабѣе дѣйствуютъ, нежели Гапсаль, Старая Русса, Ѣускъ, Друзгеники, а эти далеко уступаютъ Крымскимъ озерамъ и преимущественно Сакскому.

Вода въ Сакскомъ озерѣ (ее называютъ ропой) сѣрожелтоватаго цвѣта, мутна, горько-соленаго вкуса, въ жаркіе дни гуще, а отъ дождей становится жидкою, но вообще она такъ густа, что въ ваннѣ нужно опираться о ея стѣнки, чтобы не всплыть на поверхность. Иногда поверхность озера принимаетъ темнорозовый цвѣтъ, что зависитъ отъ безчисленнаго множества находящихся въ ней живыхъ организмовъ Монадъ. Непосредственно подъ водой грунтъ тонкаго песчанаго слоя въ одинъ вершокъ и менѣе; за нимъ слой ила, доходящій мѣстами до аршина; подъ иломъ сѣрая глина. Илъ —черная, блестящая, тяжелая масса, однообразная, мягкая, жирная, похожая на ваксу; она отмывается только ропой т. е. озерной соленой водой. Подъ вліяніемъ воздуха она дѣлается твердою, но хрупкою, и принимаетъ цвѣтъ аспидной доски. Соленая грязь Сакскаго озера, какъ и морская грязь на берегахъ Балтійскаго и Чернаго морей, состоитъ изъ почти одинаковыхъ микроскопическихъ растеній и животныхъ. Вода же имѣетъ составъ концентрированной морской воды; въ ней почти въ пять разъ больше поваренной соли и много магнезіи, но іодистыхъ и бромистыхъ соединеній сравнительно мало. Грязь этого озера, судя по анализу, въ различныхъ мѣстахъ довольно различна по составу; девять десятыхъ ея, по вѣсу, состоятъ изъ глины, извести, гипсу и поваренной соли; затѣмъ встрѣчаются различныя сѣрныя и хлористыя соединенія, отъ разложенія которыхъ происходитъ сѣрнистый водородъ, постоянно отдѣляющійся отъ грязи; песокъ совершенно отсутствуетъ и этимъ обусловливается мягкость и вязкость этой грязи; черный цвѣтъ ея происходитъ отъ сѣрнистаго желѣза и гніющихъ органическихъ веществъ.

Прѣсной воды вблизи озера мало; около Сакской деревни есть нѣсколько неглубокихъ колодцевъ, вода которыхъ сносна и служитъ для питья и приготовленія пищи, но на вкусъ она непріятна, а на видъ мутна, такъ что ее пьютъ, большею частью, съ краснымъ виномъ.

Мѣстность вокругъ озера ровная, однообразная, почва песчаная, глинистая, солонцеватая, растительность очень бѣдна; ростутъ только какіе то колючіе кустики и родъ полыни довольно паху-

чей; разводятся съ успѣхомъ акаціи, уксусное дерево, разные кустарники.

Воздухъ въ Сакахъ здоровый и пріятный; но если дуетъ сѣверо-западный вѣтеръ, распространяется непріятный запахъ сѣрнистаго газа, выходящаго изъ озеръ, лежащихъ за Евпаторіей; вѣтры постоянны; бываетъ тихо только рано утромъ и вечеромъ. Средняя температура воздуха обыкновенно въ полдень 26° Реомюра. Западные вѣтры ее понижаютъ до 18°. Впрочемъ иногда бываетъ и 34°, конечно на солнцѣ и въ затишьѣ. Теплота воды въ озерѣ мѣняется отъ 18° до 25°. Дожди выпадаютъ рѣдко и бываютъ непродолжительны, но проливные. Время лѣчебнаго сезона съ половины іюня до начала августа; іюль самый жаркій мѣсяцъ и самый удобный для лѣченія грунтовыми, или натуральными ваннами, которыя замѣняются разводными въ пасмурные и дождливые дни.

Грунтовыя ванны приготовляются на открытомъ воздухѣ, на расчищеной площадкѣ, защищенной земляными насыпями отъ господствующихъ вѣтровъ. Рано утромъ, или наканунѣ вечеромъ (если приготовляется много ваннъ) достаютъ лопатой грязь и на тачкахъ привозятъ ее на площадку, размѣшиваютъ ее ногами и дѣлаютъ овальный пластъ (медальонъ) въ ростъ человѣка, толщиной въ четверть аршина, сглаживаютъ поверхность и оставляютъ нагрѣваться. Ванны готовы въ 8-мъ часу утра; въ 10 часовъ каждую ванну обставляютъ плетнями, покрытыми войлоками, но такъ, чтобы тѣнь не падала на ванну, и оставляютъ ихъ подъ вліяніемъ солнечныхъ лучей до тѣхъ поръ, пока ртуть въ термометрѣ, опущенномъ въ грязь вертикально, не поднимается до 33° Реомюра. Грязь нагрѣвается иногда до 40° и если она слишкомъ горяча, то ее на нѣсколько минутъ закрываютъ простыней, или суконнымъ одѣяломъ. Грязевая ванна всякій разъ должна быть приготовлена изъ свѣжей грязи, тогда поверхность ея блеститъ мелкими кристаллами соли, серебристо-пепельнаго цвѣта; если же она уже разъ была въ употребленіи, или, пролежавши сутки, вновь передѣлана, поверхность ея бываетъ темная и матовая. Грязныя ванны можно брать не ранѣе 11-ти и не позднѣе 2-хъ часовъ; это зависитъ отъ температуры воздуха, облачности или ясности неба и направленія вѣтра: бываютъ дни очень теплые, но пасмурные; тогда грунтовыя ванны не нагрѣваются достаточно и ихъ замѣняютъ разводными, которыя приготовляютъ изъ той же грязи, но въ комнатахъ, въ большихъ деревянныхъ ваннахъ, въ которыхъ ее постепенно разминаютъ ногами и, помѣшивая постепенно лопатами, разводятъ теплою ропой до извѣстной температуры. Разводная ван-

на не должна быть очень густа, иначе она для больного невыносима, вслѣдствіе ея давленія на грудь и непріятнаго запаха.

Процессъ замурованія, или закапыванія въ грязь, какъ здѣсь выражаются ванщицы, очень непріятенъ. Послѣ того, какъ вы раздѣлись въ комнаткѣ, гдѣ стоитъ ваша ванна, или въ общей, гдѣ ихъ кажется четыре или пять, вы повязываете голову мокрымъ полотенцемъ, набрасываете на себя парусинный плащъ, надѣваете соломенныя туфли, очень похожія на лапти (все это продается въ заведеніи) и отправляетесь на площадку, по указанію фельдшерицы, къ заранѣе назначенному докторомъ медальону; тутъ васъ двѣ женщины берутъ подъ руки и медленно, чтобы не сбить въ одну сторону слой грязи, кладутъ на спину, совершенно прямо и руки по швамъ, подъ голову пододвигаютъ вамъ низенькую деревянную скамеечку, съ подушечкой, набитой сѣномъ и одновременно съ обѣихъ сторонъ покрываютъ васъ слоями грязи, смазывая ее руками такъ, чтобы нигдѣ не было трещины и чтобы она представляла совершено гладкую поверхность. Надъ головой устанавливаютъ плоскій, зеленый зонтикъ, для защиты отъ солнца. Лежать неподвижно очень трудно, тѣмъ болѣе, что, хотя на груди слой грязи не очень толстъ, но все таки дышать тяжело. Я никогда не выдерживала грунтовой ванны болѣе 20-ти минутъ, а иногда и менѣе, но нѣкоторые больные находятъ это положеніе очень пріятнымъ и просятъ, чтобы имъ дозволили лежать подольше и чтобы грязь была погорячѣе. Передъ выходомъ изъ ванны двѣ ванщицы краемъ ладони быстро сдвигаютъ грязь съ вашего тѣла, подъ руки поднимаютъ васъ изъ ванны, набрасываютъ на васъ плащъ или простыню, и ведутъ васъ въ комнату, гдѣ обмываютъ грязь теплой ропой, посадивъ васъ на широкую скамью или въ полуналитую ванну. Одѣвшись теплѣе и закрывъ голову, вы отправляетесь къ себѣ въ номеръ, ложитесь въ постель на часъ, или полтора, по указанію доктора, и пьете теплый чай или малину, чтобы произвести испарину, и мѣняете бѣлье. Отдохнувъ немного, вы одѣваетесь, обѣдаете и, если не сыро и не вѣтряно, отправляетесь гулять на свѣжемъ воздухѣ. Гулять въ Сакахъ очень скучно, прогулокъ нѣтъ, тѣни никакой, всюду царитъ какая-то мертвенность и тишина; съ одной стороны сверкаетъ широкое, неподвижное озеро, съ другой разстилается желтая, сожженная степь; только впереди васъ, когда вы идете по берегу озера по направленію къ Симферополю, темнымъ облакомъ стоитъ на горизонтѣ Чатырдагъ, а за нимъ синѣется цѣпь Крымскихъ горъ, за которыми, вы знаете, скрывается южный берегъ со всѣми его чарующими прелестями.

Кн. Е. Горчакова.

У Георгіевскаго монастыря.

До Георгіевскаго монастыря отъ Севастополя 12 верстъ.

Ѣхалось долго, и, хотя извощикъ разсказывалъ мнѣ въ это время много интереснаго объ осадѣ Севастополя, все-таки сускучилось. Вижу вдругъ на пустынномъ полѣ какая-то неуклюжая колокольня; около нея длинныя казармы. Это что? Георгіевскій монастырь...

Признаюсь, стоило трястись 12 верстъ по камнямъ. Вокругъ ни клочка моря, ни клочка горы. Пустыня сама поднимается горою къ горизонту, и на краю торчитъ самый прозаическій монастырь. Недовольный, подъѣзжаю къ оградѣ: куда итти?

Проходитъ монахъ по двору.

– Батюшка, я желалъ бы осмотрѣть монастырь!

— А идите-себѣ съ Богомъ, вонъ внизъ, подъ колокольню, тамъ все увидите.

Пошелъ въ подъѣздъ подъ колокольню; тамъ ступени внизъ. Спускаюсь, вышелъ—Господи! да гдѣ я!

Одинъ шагъ изъ мертвой, безобразной пустыни и—меня вдругъ охватило могущественное и грозное великолѣпіе... Передо мною, на страшной глуби и на страшное пространство, колыхалось синее, волнующееся море, переливавшее зеленью, багрянцемъ, серебромъ и чернью. Громадные утесы, обглоданные, оборванные, шагнули съ обѣихъ сторонъ въ это ревущее море.

Больше ничего не было; это была какая-то безумно-смѣлая, волшебная декорація, ничего похожаго на то, что я когда нибудь видѣлъ. Она горѣла и сверкала свѣтомъ и красками. Она шумѣла и колыхалась одна въ своей великолѣпной пустыности, безъ человѣка, безъ птицы, безъ живого дыханья. Она дышала, говорила, смотрѣла сама, не нуждаясь ни въ чемъ и ни въ комъ, сама нѣмая и безокая красота. Образы искусства и поэзіи, когда-то восхищавшіе мечты и сны, когда то расцвѣтавшіе, тихо всколыхались въ душѣ отъ этого внезапнаго озаренія. Но живая красота все преисполнила, все оттѣснила на задній планъ, очаровавъ даже чувство...

Въ это мгновенье я понялъ всю глубину смысла истертаго книжнаго выраженія: *онѣмѣть отъ удивленія*; я стоялъ и „не вѣрилъ своимъ глазамъ“, въ буквальномъ значеніи словъ, безъ стили-

стическаго преувеличиванія. Островерхіе великаны сурово стояли среди колыханія и ропота, ступивъ неподвижною пятою... одинъ старый, сизозеленый, обросшій мохомъ; другой — бурый, желтый, малиновый, лоснящійся своими каменными ребрами... Много ихъ тутъ, этихъ угрюмыхъ отшельниковъ. На нихъ нѣтъ возможности забраться ни съ какой стороны. Только вонъ кипирисы всползли на одну изъ верхушекъ, острыхъ, какъ сахарныя головы, одинъ впереди другого, словно на перегонку—кто кого перещеголяетъ безумной отвагою. Передній уже вбѣжалъ туда, гдѣ выше его только облака, да птицы. Тотъ послѣдній высокій утесъ, за которымъ берегъ поворачиваетъ къ сѣверу и у ногъ котораго съ особенной злобой грызутся и пляшутъ волны, это—знаменитый *мысъ Фіолентъ*... Его еще называли *Партеніумъ*... На немъ возвышалось, три тысячи лѣтъ тому назадъ, капище кровавой богини-охотницы; если это правда, то мысль, воздвигнувшая его здѣсь, была мысль художника и поэта.

Здѣсь было удобно тавро-скиѳамъ караулить добычу, похищаемую моремъ, и принимать его обильныя жертвы на алтарь своей богини...

Вонъ черная пещера въ подошвѣ утеса, выглоданная волнами; на эту работу—столѣтій мало...

Говорятъ, Орестъ съ своимъ другомъ прятался въ пещерѣ Партеніума... Говорятъ, есть слѣды ступеней на утесѣ со стороны моря. Я не вижу этого; но я безъ того вѣрю, что здѣсь стояло грозное капище, и что здѣсь рука жрицы подвергала священному закланію иноземца, ступившаго на завѣтную почву.

Нескоро я оторвалъ глаза отъ чудной панорамы; я подошелъ къ рѣшеткѣ монастырскаго двора, и глянулъ внизъ... Подо мною была бездна. Монастырь виситъ на карнизѣ этой бездны; голова нѣсколько кружится отъ непривычки, когда смотришь внизъ. Послѣ, можетъ быть, пріучишься; но теперь страшно. Именно море страшно. Оно шевелится и ворчитъ тамъ внизу, ластясь по камнямъ, и сверкаетъ оттуда на меня своими искрящимися волнами.

Страшно глядѣть отсюда на море.

Обрывъ къ морю крутъ и спадаетъ многими этажами... Кипарисы странной формы, распластанные, встрепанные, низенькіе, нисколько не напоминающіе столь знакомыхъ крымчакамъ пирамидальныхъ кипарисовъ, сбѣгаютъ отъ монастыря къ морю, по камнямъ и скаламъ.

Они всѣ, конечно, зелены. По этимъ же обрывамъ тѣснятся съ ними персики и миндальныя деревья. Бѣлый и розовый снѣгъ

ихъ пахучихъ цвѣтовъ круглыми шапками вырѣзается среди темной зелени... Но эти цвѣты и запахъ не въ состояніи маскировать безплодныхъ обваловъ берега. Глубоко внизу торчатъ среди моря обломки утесовъ, когда-то возвышавшихся наравнѣ съ обстоящими меня великанами...

Безсмысленною и безустанною чредою бьютъ волны въ эти утесистые островки, колонны и камни, разсыпаясь вокругъ нихъ, и раздаваясь въ обѣ стороны...

Кажется, что сдѣлаютъ онѣ имъ, и зачѣмъ несутся онѣ на нихъ съ такимъ тупымъ упорствомъ? Но онѣ лучше насъ знаютъ свое дѣло, и точатъ, точатъ, не теряя терпѣнія, базальтъ и кварцъ, и трахитъ, зная, что все имъ по зубамъ, что все помаленьку будетъ въ ихъ власти...

Густая, яркая синь, какъ синь берлинской лазури, окрашиваетъ темныя воды въ тѣни каменныхъ утесовъ... А въ то же время береговая зыбь, лижущая бѣлые голыши, играетъ прозрачною свѣтлозеленою ярью, опушонною бѣлою пѣною...

Тутъ только поймешь чарующіе переливы красокъ, которые такъ удивляютъ насъ въ картинахъ Ахенбаха и Айвазовскаго, и которые такъ часто готовъ счесть за прикрасы артистической фантазіи.

О, нѣтъ, въ нихъ далеко нѣтъ преувеличенья и каприза; въ нихъ только скромное и покорное стремленіе къ истинѣ, только блѣдный отсвѣтъ той могучей живой красоты, въ присутствіи которой не смѣетъ пошевельнуться на душѣ капризъ или фантазія. Айвазовскій невольно вспоминается при созерцаніи этого моря и скалъ. Ясно, что это море и скалы воспитали его художественную кисть. Всѣ его картины найдешь здѣсь или, по крайней-мѣрѣ, почуешь. Тутъ обнаружена тайна его воздушности, его безтѣлесныхъ перспективъ, его колорита.

Спускаться гораздо страшнѣе, чѣмъ даже казалось. Я былъ одѣтъ позимнему, въ шубѣ и мѣховыхъ сапогахъ, приноравливаясь къ московскому марту; у меня не было палки. Провожатаго тоже не было.

Вѣтеръ былъ съ берега, теплый, но порывистый и сильный.

Тропинка вилась съ камня на камень и между грудъ камней, описывая Богъ-знаетъ какіе извороты, чтобы сколько нибудь ослабить крутизну обрыва.

То и дѣло казалось,—вѣтеръ сорветъ меня съ шатающагося камня и унесетъ „*туда*". Это „*туда*" безотвязно преслѣдовало меня. Выбирая дорожку, хватаясь за вѣтки, отрогивая ногою камень,

даже любуясь по временамъ далью, я не выпускалъ изъ мысли этого страшнаго „*туда*", куда мнѣ такъ не хотѣлось, этого поджидающаго меня внизу кровожаднаго звѣря. Я не переставалъ чувствовать на себѣ, даже отворачивая глаза, его пристальный безокій взглядъ, не переставалъ слышать изнизу это алчное облизыванье и хищническій шорохъ засады... Признаюсь откровенно, мнѣ было жутко.

Я никогда не жилъ съ моремъ и не зналъ на опытѣ его привычекъ и опасностей; я не зналъ даже, какъ люди карабкаются по скаламъ и горнымъ тропинкамъ, и тѣмъ менѣе зналъ мѣстность, въ которой находился. Можетъ быть, камни эти легко обсыпаются, какъ я отчасти убѣдился; можетъ быть, на полпути раскроется пропасть; можетъ быть, этотъ приморскій вѣтеръ въ состояніи сбить человѣка, задыхающагося подъ шубой, утомленнаго непривычнымъ лазаньемъ и притомъ спускающагося прямо по обрыву. Это была логика страха. Но главнѣе всего былъ инстинктъ.

Просто на-просто меня запугалъ этотъ внезапно открывшійся видъ безбрежнаго бурнаго моря. Нервы были такъ смущены и взволнованы, что даже ноги дрожали при спускѣ.

Скоро потъ прошибъ меня до корня волосъ, но не отъ одного физическаго жара. Это былъ какой-то лихорадочный потъ. Часто приходилось опускаться въ безсиліи на камни обрыва и сидѣть надъ колыхающеюся бездной, держась одною рукою за вѣтку кипариса, другою за шапку, неистово срываемую вѣтромъ. Спускъ оказался гораздо длиннѣе, чѣмъ можно было ожидать.

Безпрестанные изгибы тропинки растягиваютъ его, какъ говорятъ монахи, версты на двѣ, хотя это мнѣ кажется преувеличеньемъ. То, что казалось на днѣ пропасти, вдругъ оказывается на полпути, а подъ нимъ открывается такая же пропасть; слѣзешь къ ней на дно, дно еще разъ превращается въ вершину, и еще разъ приходится добираться до новаго дна...

Послѣ я испыталъ, что это обычная исторія горныхъ странствованій. Впрочемъ, обрывъ этотъ былъ когда-то заселенъ въ своей верхней части. Тутъ стоялъ каменный домикъ, гдѣ жилъ адмиралъ Лазаревъ; во время крымской компаніи, буря сорвала съ него крышу, и въ настоящее время эта поэтическая дача предоставлена въ распоряженье ласточекъ, въ подражаніе которымъ, вѣроятно, и устроили ее на этомъ обрывѣ. Еще ниже увидѣлъ я развалины каменнаго павильона, окруженнаго прелестнымъ цвѣтущимъ букетомъ миндальныхъ деревъ. Хорошо напиться чаю въ такой бесѣдкѣ, въ тихій, розовый вечеръ, когда море убѣгаетъ изъ глазъ не-

Севастополь уже виденъ отсюда. Но отсюда онъ не такъ красивъ и, чтобы увидать его во всей его оживленной прелести, къ которой примѣшано столько печали и столько гордости, слѣдуетъ подъѣхать къ нему съ другой стороны и другимъ путемъ.

Такимъ онъ открывается съ моря, т. е. прелестнымъ и все еще печальнымъ, потому что онъ сохранилъ и до сихъ поръ многое изъ своего печальнаго прошлаго. И даже первое, что бросается въ глаза, едва пароходъ, оставивъ за собою Херсонесскій маякъ, повернетъ въ знаменитую бухту, будутъ „документы“ этого прошлаго: полуразрушенныя баттареи—Александровская и Константиновская. Это первые документы страданій, и въ нихъ много величія, но еще больше какой то печальной безпомощности, проглядывающей въ обстрѣленныхъ стѣнахъ и зіяющихъ отверстіяхъ этихъ Велизаріевъ Севастополя...

Пароходъ курсируетъ къ пристани, и вся бухта, оживленная, голубая, красивая, сразу развертывается передъ вами. Но еще красивѣе самый городъ, который поднимается справа. Онъ на невысокомъ берегу, и этотъ берегъ, позолоченный солнечными лучами, представляетъ эффектный контрастъ бирюзовой голубизнѣ бухты и чистенькимъ постройкамъ изъ бѣлаго камня, которыя рѣжутъ своимъ блескомъ глаза... Вы только что прошли мимо бульвара, театра, купаленъ и уже не можете глазъ оторвать отъ этой античной колоннады, сбѣгающей сверху къ самой водѣ. Это—Графская пристань.

И едва ваша нога ступила на пристань, васъ уже захлеснуло волной новой жизни. Куда дѣвались всѣ воспоминанія, одинаково печальныя и горделивыя! Все куда то ушло, и только чувствуется эта бьющая ключемъ жизнь, которой рѣшительно ни до чего нѣтъ дѣла!....... Обычное оживленіе всякаго порта здѣсь помножено еще на его южное положеніе. Но это вовсе не коммерческій гомонъ Одессы и не ея сутолока. Нѣтъ, здѣсь что-то совсѣмъ другое: что то живое и нервное и спѣшно-веселое, какъ въ работѣ, когда она совершается подъ игривый напѣвъ... И, разумѣется, всего замѣтнѣе это здѣсь, въ бухтѣ, гдѣ, съ приправой смѣха и веселаго мурлыканья, происходитъ истинно вавилонское столпотвореніе, которое можетъ сбить съ толку всякаго, кто попадетъ сюда въ первый разъ.

Ялики то и дѣло бѣгаютъ съ одной стороны бухты къ другой; военные паровые катеры лихо подлетаютъ къ пристанямъ, высаживаютъ мичмановъ и лейтенантовъ, останавливаясь также красиво, какъ экипажи въ управленіи ловкихъ кучеровъ; съ пароходовъ, то тамъ, то сямъ, несется стройная пѣсня; десятки людей копошатся на палубѣ ремонтирующейся яхты; занятое и праздное—

все куда то торопится, но безъ толкотни. Военная привычка къ порядку чувствуется всюду и тотчасъ, и слѣды ея замѣтны на всемъ, на складѣ всей бухтовой жизни. Первое впечатлѣніе сразу же говоритъ въ пользу Севастополя, который къ тому же успѣлъ подкупить васъ, съ перваго же взгляда, своей изящной прелестью чрезвычайно изящнаго южнаго города.

Вы такъ подъ этимъ впечатлѣніемъ и въѣзжаете въ него, поднимаясь по отлогому шоссе вверхъ, откуда начинается самый городъ.

Поживя въ Севастополѣ, вы очень скоро убѣждаетесь, что первое впечатлѣніе не только не обмануло васъ, но, кажется, еще улучшилось. Въ васъ уже живутъ самыя прочныя симпатіи къ этому городу, бѣлому городу, на первыхъ порахъ нѣсколько рѣзавшему глаза, непривычные къ этой бѣлизнѣ. Оглядѣвшись, вы увидите— сколько легкости, элегантной красивости въ этомъ прелестномъ городкѣ юга, пожалуй, одномъ изъ изящнѣйшихъ въ Россіи. Это совершенно южная, скорѣе итальянская красота, нимало не похожая на международный стиль красивой Одессы.

Югъ и южане чувствуются сейчасъ же. Не только у каждаго ресторана, кухмистерской, фруктовой лавченки вы видите цѣлый рядъ столиковъ и стульевъ, но у всякаго дома и магазина. Всѣ охотно сидятъ на улицѣ, обѣдая, утоляя жажду или просто болтая. Въ особенности, когда спадетъ жара, все высыпаетъ на панели и мостовыя и тутъ же живетъ весело, крикливо, колоритно, какъ и подобаетъ южному люду.

Почти въ двухъ шагахъ, только перейти поперекъ Морской улицы, находится Приморскій бульваръ. Въ немъ нѣтъ тѣни, но много цвѣтовъ и растительность лишь начинаетъ прививаться. Въ будущемъ, значитъ, явится и тѣнь. Но зато теперь это рѣшительно самый элегантный, самый красивый и самый изящный изъ русскихъ бульваровъ. Его окружаетъ легкая рѣшетка, онъ полонъ прелестныхъ клумбъ и широкая бѣломраморная лѣстница заканчиваетъ его у моря такъ близко, что баллюстрада почти входитъ въ воду. Вы сидите на ступеняхъ, или прогуливаетесь на площадкахъ, и передъ вами необъятное голубое море, брызги котораго изрѣдка долетаютъ до васъ.

Дальше, идя по тому же бульвару, вы попадете къ новому театру и купальнямъ.

Если вы оставите эту модную часть Севастополя и повернете вправо, вы попадете въ узкіе, грязные переулки, которые сразу же погрузятъ васъ въ развалины, такія страшныя, что, кажется, въ нихъ не оставлено камня на камнѣ. Здѣсь, въ этой части города, среди

подвижною водною равниною, и высокіе утесы безмолвно смотрятъ въ него. Но морской вѣтеръ не охотникъ до идиллій и ревниво оберегаетъ отъ хозяйства и поэзіи человѣка дикіе утесы, которыхъ онъ хочетъ быть единственнымъ обладателемъ.

Когда я былъ на половинѣ пути, вдругъ надъ моремъ пронеслись словно двѣ бабочки. Онѣ летѣли робко и низко, словно не имѣли надежды долетѣть до берега... Это были утки. Когда онѣ сѣли на воду, я уже не могъ различить ихъ, хотя это было на моихъ глазахъ. Все тонетъ и исчезаетъ въ громадной пучинѣ. Тогда же мнѣ стало замѣтно, что и на скалахъ есть птицы.

Когда онѣ летали, онѣ казались крошечными мушками; когда садились, то безразлично сливались съ камнемъ. Можетъ быть, онѣ и кричали, но крикъ ихъ въ этой пустынѣ казался молчаньемъ; эта крошечная мгновенная жизнь не смѣла заявить себя въ присутствіи другой безпредѣльной жизни, которая здѣсь царила...

Я вздохнулъ глубоко и свободно, когда очутился внизу...

Отсюда видъ совершенно другой, еще болѣе грозный: утесы кажутся надвинувшимися надъ твоей ничтожной фигурой, и новые ряды ихъ далекою перспективою открываются слѣва...

Все голубѣе, все туманнѣе становятся эти береговыя твердыни, по мѣрѣ ухода вдаль...

Это горы Балаклавы и настоящаго южнаго берега. Что сверху казалось камушкомъ, упавшимъ въ воду, то превращается вблизи въ тяжелую и угрюмую скалу. Что казалось оттуда чуть слышнымъ шорохомъ, то здѣсь превращается въ оглушительный рокотъ. Всѣ точки зрѣнія разомъ перемѣняются.

Первый разъ въ моей жизни я знакомился здѣсь съ настоящимъ южнымъ моремъ и съ его берегами. Меня поразили изумленіемъ эти неисчерпаемыя груды прекрасныхъ разноцвѣтныхъ голышей, засыпавшихъ берегъ: синіе, лиловые, зеленые, бурые, красные, черные и полосатые, нѣжно розовые и ослѣпительно бѣлые, всѣхъ тоновъ и всѣхъ узоровъ, лежали эти камни, отточенные и выполированные, какъ прелестныя кабинетныя бездѣлушки, лучше всѣхъ яшмъ и мраморовъ; тутъ все: пресспапье и каменныя яйца, ядра и пули, и малыя блюдца, разноцвѣтныя облатки и микроскопическія пуговки.

Облизанныя волною, они сверкали, какъ подъ лакомъ.

Посмотрѣвъ на нихъ, поймешь—почему наши сказки строятъ морскимъ царицамъ подводные чертоги изъ каменій самоцвѣтныхъ.

Ближе къ водѣ и въ водѣ лежали немножко большаго калибра обмылочки по нѣскольку сотъ пудовъ каждый. Они были раски-

нуты по берегу, какъ мраморная мебель на мозаиковомъ полу; нерукотворенные диваны и кресла, столы и скамейки. Волна выточила въ нихъ такія покойныя выбоины, что я прекомфортабельно могъ разлечься и отдохнуть на одномъ изъ такихъ диванчиковъ.

Можетъ быть, 3000 лѣтъ назадъ, эта кушетка покоила другихъ хозяевъ, не совсѣмъ похожихъ на меня.

А утесы, на которые глядѣли они, были все тѣ же, и море, разбивавшееся у ихъ ногъ, было все то же. Отсюда взглянулъ я на монастырь; онъ висѣлъ надо мною своими живописными колокольнями и рѣшеточками, будто занесенный въ облака...

Вотъ истинное мѣсто для молитвы, для созерцанія Бога; тутъ, дѣйствительно, поклонишься ему со страхомъ и трепетомъ; тутъ невольно сознаешь, вмѣстѣ съ псалмопѣвцемъ, *прахъ еси и во прахъ отъидеши.*

Е. Марковъ.

Геройскій городъ.

Поѣздъ мчится, поспѣвая къ конечной станціи—цѣли пути. До нея уже совсѣмъ близко, какихъ нибудь два десятка верстъ, мелькающихъ въ глазахъ разнообразно-живой панорамой. Вотъ долина Качи, прелестная, улыбающаяся. За нею — Бельбекская, которая кажется еще лучше, окруженная невысокими горами, вся свѣжая, радостная, сверкающая бликами крохотной рѣчужки или ручейка. Она смѣется вамъ своимъ нѣжнымъ смѣхомъ, когда вы на нее засматриваетесь съ высоты этого моста, который поднятъ на головокружительную высоту. Но поѣздъ пролетаетъ и его, оставляя долину за собою. Желтыя горы бѣгутъ вслѣдъ, часто поросшія веселой зеленью небольшихъ деревцевъ. И отъ нихъ, отъ этихъ горъ, вѣетъ тѣмъ же жизнерадостнымъ чувствомъ, какъ и отъ долинъ...

Но вотъ впереди выростаетъ препятствіе: свистокъ—и поѣздъ бойко вбѣгаетъ въ черную трубу тунеля, наполняя его ѣдкимъ дымомъ, разсыпая по сторонамъ цѣлый фейерверкъ искръ. За этимъ тунелемъ слѣдуетъ другой, третій... шестой.

Тамъ опять горы, нетронутыя или изрѣзанныя и распластанныя правильными кубами, напоминающими неконченныя постройки. Это—каменоломни. Онѣ выдѣляются своей розоватой бѣлизной надъ темной зеленью густо заросшихъ овраговъ. И тутъ же вьется Черная рѣчка и видны святыя стѣны горной киновіи... Это—Инкерманъ.

мому. За оградой все зелено и все заросло густо, непроницаемо, глухо. Узенькія дорожки вьются въ разныя стороны, поднимаясь все выше къ вершинѣ холма, гдѣ стоитъ церковь. Среди этой густоты, перепутавшихся кустарниковъ и травы, высокой и свѣжей, то тамъ, то сямъ, выглядываютъ памятники надъ могилами „братьевъ“... Ихъ хоронили сразу сотнями и тысячами и почти на каждомъ памятникѣ вы читаете, что онъ поставленъ надъ „убіенными въ брани“ офицерами и солдатами такого то или другого полка. Памятники выдающимся участникамъ Севастополя—цѣлые мавзолеи роскошной архитектуры. Такой, напримѣръ, надъ могилою князя Горчакова. Надъ останками храбраго Хрулева воздвигнута величавая колонна, заканчивающаяся его бюстомъ. Позднѣе умершій севастополецъ—Тотлебенъ похороненъ подъ простой мраморной плитой, украшенной лаконическимъ обозначеніемъ его имени и фамиліи.

Наверху, куда незамѣтно приводятъ дорожки, на довольно обширной площадкѣ стоитъ кладбищенская церковь. Она выстроена въ видѣ высокой парамиды и вся испещрена надписями, внутри и снаружи. Это цѣлый каталогъ именъ тѣхъ, которые покоятся на землѣ Братской могилы. Къ сожалѣнію, благодаря подпочвенной сырости, а можетъ быть, плохой вентиляціи церкви, ея прелестная живопись на стѣнахъ потрескалась, поблѣднѣла и, мѣстами, стерлась.

Я былъ на Братскомъ кладбищѣ въ Троицынъ день къ вечеру. И внутри, на церковномъ полу, и снаружи—на паперти еще оставались разбросанные цвѣты и трава. Они уже поблекли и почти перестали пахнуть. Они отжили свои жизни и, умирая, готовились соединиться съ мертвецами, лежащими вокругъ ихъ. Но еще живые, они посылали уже умершимъ свой послѣдній ароматъ и, переходя къ смерти, какъ бы говорили имъ о землѣ... Эти слова шептали о родинѣ и о вѣчной памяти, которую сохранила она къ своимъ дѣтямъ, лежащимъ теперь подъ землею. И послѣднимъ предсмертнымъ шепотомъ лепетали цвѣты, и они утѣшали мирно спящихъ братьевъ на этомъ холмѣ, подъ тѣнью перепутавшихся кустарниковъ и заглохшей травы..

А мѣсяцъ уже свѣтлѣлъ и поднимался все выше... И свѣтлѣе стало спать мертвымъ братьямъ, и тихо-тихо было кругомъ, пока не разбудила эту мирную тишину звонкая соловьиная пѣсня. И все къ ней прислушивалось, и все захватывала она: деревья, трава, молчаливые памятники, даже пушки, стоящія у воротъ,—всѣ слушали эту пѣсню. Она разгоралась, она разносилась далеко и властно гремѣли ея переливы, наполняя гармоніей звуковъ это тихое мѣсто. Они звенѣли серебряными колокольчиками и плакали нѣжной ме-

лодіей, вспыхивали и потухали и улетали все выше или разливались по самой землѣ... Мертвые братья! соловей принесъ вамъ привѣтъ отъ живыхъ и онъ пѣлъ вамъ о томъ же, про что тихо шептали умирающіе маленькіе цвѣты...

И хорошо было въ это время на кладбищѣ героевъ, которое назвали такимъ трогательнымъ словомъ. Да, оно, дѣйствительно, кладбище братьевъ, дѣтей одной и той же великой матери—Россіи! Она сохранила ихъ величавую память, и память сестеръ ихъ, тѣхъ удивительныхъ женщинъ, которыя животворящимъ вліяніемъ своихъ нѣжныхъ душъ дѣлали чудеса... Миръ и имъ, этимъ чуднымъ русскимъ женщинамъ, проявившимъ столь-же высокій духъ, какъ и тѣ, за которыми имъ приходилось ходить...

Блестящей сѣтью струится гладкая бухта, чуть шелеститъ вѣтерокъ, мягко надувая, будто серебряный парусъ, плавно ныряетъ возвращающійся яликъ и передъ глазами легкая, и граціозная высится Графская пристань... И такъ красива въ эту лунную ночь Севастопольская бухта, вся притаившаяся, задумчивая, изящная! Она позабыла о прошлыхъ страданіяхъ, она погрузилась въ свѣтлыя грезы, нѣжныя и ласкающія грезы счастья и, убаюканная ими, улыбается мѣсяцу, звѣздамъ—всему...

И трудно разобрать, что происходитъ теперь въ этой бухтѣ, которая дышетъ и живетъ. Кто-то отчалилъ отъ берега и парусъ, какъ бѣлая чайка, блеснулъ ненадолго въ свѣтломъ столбѣ—отраженіи мѣсяца. Гдѣ-то протяжно поютъ и пѣсня прерывается другой, въ которой участвуетъ бубенъ. Кто-то двигается на ступеняхъ пристани и чуть слышится невнятный говоръ со скамеекъ въ тѣни. Откуда-то сверху долетаетъ дребезжаніе колесъ по каменной мостовой. Раздается чей-то короткій выкрикъ и искрятся разноцвѣтныя звѣздочки пароходныхъ фонарей. Быстро вертится подвижной маякъ, показывая то красный, то бѣлый огонь... И все—неуловимое и неясное, какъ фантастическій сонъ, сонъ, полный звуковъ и самыхъ причудливыхъ сочетаній свѣта и тѣни...

А тамъ, наверху, въ городѣ идетъ шумная жизнь, жизнь благодатнаго юга, отдыхающаго послѣ дневныхъ трудовъ и жары.

Морская полна говора, смѣха, движенія... Веселая толкотня на панеляхъ, на мостовой, у домовъ подъ долетающіе сюда звуки военнаго оркестра—до бульвара два шага. Всѣ рестораны, всѣ кухмистерскія и маленькіе погребки ожили въ эти часы и проявляютъ лихорадочную энергію. Гдѣ попроще, тамъ излюбленные чебуреки съ бутылкой дешевенькаго винца; дорогіе рестораны щеголяютъ морскими деликатесами или гастрономической тонкостью Крыма—моло-

его развалинъ, поселилась бѣднота, здѣсь базаръ, здѣсь переулки, прерывающіеся оврагами, куда сваливаютъ всякіе отбросы.

Уйдите съ базара, пройдитесь дальше, и вы скоро очутитесь около той улицы, гдѣ находятся почти всѣ достопримѣчательности Севастополя. Эта улица—Екатериненская, самая многострадальная улица многострадальнаго города. Одинъ конецъ ея упирается въ площадь Новосильскаго, за которой находится, такъ называемый, Историческій бульваръ.

И вы подходите къ этому бульвару, Историческому или кровавому—все равно, съ чувствомъ невольнаго благоговѣнія и грусти. Онъ разбитъ на высокомъ холмѣ, гдѣ былъ четвертый оборонительный бастіонъ. Ветхія деревянныя воротца въ низенькомъ каменномъ заборчикѣ пропускаютъ васъ на дорожку, которая тотчасъ же поднимается въ гору. Подъ ногами выжженная трава и кругомъ кусты невысокихъ акацій. То тамъ, то сямъ виднѣются деревянныя столбики съ нумерами баттарей, бывшихъ на ихъ мѣстахъ. Высшую точку бульвара занимаетъ башня водопровода.

Отсюда же недалеко до собора св. Владиміра. Это великолѣпный храмъ надъ могилами севастопольскихъ героевъ, гробницы которыхъ находятся въ нижнемъ ярусѣ собора. Когда входишь въ эту полутемную церковь во имя св. Николая, прямо останавливаешься передъ черной гробницей въ видѣ креста. Этотъ крестъ также тѣсно соединилъ прахъ четырехъ великихъ людей, какъ соединило ихъ въ жизни дѣло защиты родины. Тутъ похоронены: Корниловъ, Лазаревъ, Истоминъ и Нахимовъ. Темно и таинственно величаво въ этомъ мѣстѣ ихъ послѣдняго успокоенія. Тихо и строго мерцаютъ огни канделябра и свѣтъ слабо падаетъ на гробницу. Но имена героевъ вырѣзаются огненными буквами на фонѣ чернаго мрамора. И въ этой молчаливой полутьмѣ они какъ бы пробуждаютъ въ душѣ воспоминанія о тѣхъ, которымъ принадлежали.

— Товарищи!—живо припоминаются слова одного: *)—честь защиты роднаго флота лежитъ на васъ. Будемъ драться до послѣдняго! Отступать намъ некуда, сзади насъ море. Всѣмъ начальникамъ частей запрещаю бить отбой. Барабанщики должны забыть этотъ бой! Если же кто изъ начальниковъ прикажетъ бить его,—заколите, товарищи, такого начальника, заколите и барабанщика, который осмѣлится бить позорный бой! Товарищи! еслибъ даже я приказалъ ударить отбой, не слушайте меня, и тотъ подлецъ будетъ изъ васъ, кто не убьетъ меня!

*) Адмирала Корнилова.

Эти воспоминанія потрясаютъ все существо ваше и, какъ могучая музыка, отзываются въ сердцѣ, восторгая и леденя душу одной и той же нотой беспримѣрнаго героизма.

— Посмотрите еще Братское кладбище, — предлагаютъ вамъ севастопольцы.

Вы отправляетесь къ этому кладбищу, называемому также Стотысячнымъ, расположенному въ другой части Севастополя— „Сѣверной", противоположной той, въ которой вы находитесь теперь.

Въ этомъ отношеніи Севастополь своего рода Венеція: вы сходите по ступенямъ кокетливой Графской пристани и вамъ предлагаетъ сейчасъ же свои услуги одинъ изъ здѣшнихъ гондольеровъ-яличниковъ, какъ ихъ называютъ.

— Ступай, братецъ, на Сѣверную!

Яликъ, управляемый черномазымъ грекомъ, быстро прорѣзываетъ бухту поперекъ, нѣсколько разъ рискуя попасть подъ какой нибудь встрѣчный пароходъ, и вы уже на той сторонѣ.

Сѣверная—это тоже, въ нѣкоторомъ родѣ, тѣ переулки базара, о которыхъ я говорилъ нѣсколько выше. Тѣ же странные типы, невѣдомыя національности, пестрота и лохмотья, крикливая рѣчь, неумѣренная жестикуляція и подозрительныя, по меньшей мѣрѣ, лица. Словомъ, здѣсь живетъ полунищета, которой не подъ силу жизнь въ Севастополѣ. Она промышляетъ около бухты или коммерсанствуетъ около солдатъ, которыхъ вы встрѣчаете здѣсь не мало, такъ какъ на Сѣверной помѣщаются казармы. Здѣсь вы въ маленькомъ городкѣ, своеобразномъ и шумномъ, который интересенъ днемъ и небезопасенъ—вечеромъ. Впрочемъ, вы скоро его оставляете и передъ вами уже вьется пыльная дорога, по которой можно достигнуть Братскаго кладбища.

Кругомъ взволнованныя поля, которыя иногда поднимаются въ высокіе холмы или прерываются оврагами. Растительности нѣтъ, и эти желтыя пространства, сливающіяся мѣстами съ горизонтомъ, кажутся необъятными. Иногда, когда вы поднимаетесь на одинъ изъ холмовъ, вы видите большое темное пятно, въ которомъ чувствуется зелень, и оно представляется отраднымъ оазисомъ среди этой скуки и утомительнаго однообразія. И вы скоро подходите къ этому оазису, зеленѣющему и печальному, который заключаетъ въ себѣ цѣль вашего путешествія—Братское кладбище.

Оно находится на кругломъ холмѣ, и когда къ нему подходишь, видишь у воротъ двѣ пирамидальныя часовни, изъ которыхъ выглядываютъ пушки, обращенныя къ городу, когда то ими защищае-

которыя вели ожесточенную борьбу за обладаніе Инкерманомъ. Понятно: это былъ ключъ къ морю и сушѣ и владѣть имъ—значило владѣть тѣмъ и другимъ.

Св. Климентъ положилъ здѣсь основаніе монастырскаго общежитія и существующая теперь церковь—дѣло его рукъ. Въ Инкерманѣ образовалась еще при апостолѣ Андреѣ многочисленная община христіанъ, при св. Климентѣ она разрослась еще шире и первое время святой былъ ея душею. И когда онъ былъ брошенъ въ море, по повелѣнію императора, община эта уже окрѣпла и сѣмя новой вѣры болѣе не могло погибнуть... Славянскіе первоучители, Кириллъ и Меѳодій, нашли здѣсь прочное христіанство, передъ которымъ безсильны были всѣ иновѣрческія вліянія.

„Пещерная крѣпость“ — такъ переводится названіе Инкермана (Инъ—пещера, керменъ—крѣпость)—перешла, наконецъ, къ Россіи, въ церковной исторіи которой она имѣла огромное значеніе. Въ первый разъ „сѣверъ“ явился сюда во всей пышности и изумилъ ею „югъ“. Это было сто лѣтъ назадъ, когда, „сѣверная Минерва“, въ сопровожденіи „великолѣпнаго князя“ и не менѣе великолѣпной свиты изъ принцевъ и одного императора, „изволила откушать“ на инкерманскихъ высотахъ въ особо устроенномъ павильонѣ. И, когда оркестръ заигралъ „Славу Екатерины“, бархатный занавѣсъ раздвоился и глазамъ всѣхъ присутствовавшихъ открылась чудная картина горъ, долины, извивающейся рѣчки, голубой бухты, цѣлой флотиліи ярко расцвѣченныхъ кораблей.

Эта картина, единственная и несравненная, разстилается теперь передъ вами съ балкона монастыря или съ вершины скалы. Широкій-широкій горизонтъ открывается глазу. Свѣтлая долина полна улыбки и благоуханій. Капризная рѣчка то прячется въ камышахъ, то спѣшитъ куда-то вдаль, въ эту необъятную тихую даль. Розоватыя скалы каменоломенъ поднимаются отвѣсными стѣнами, изрѣзанныя и изрытыя галлереями, комнатами, террасами. Это тѣ самыя каменоломни, которыя украшали античный Римъ, посылали свой камень въ столицу Византійскихъ царей, гдѣ работали ссыльные кесарей и поднималась кирка св. Климента. И кто знаетъ? быть можетъ, и теперь еще сохранились ея слѣды... Голубоватая бухта съ ея пароходами, яхтами, морскими сооруженіями покоится у ногъ бѣлаго городка. Горы, то желтыя, то темнѣющія и неясныя, рядами стоятъ близко или въ туманѣ, чуть уловимыя глазомъ. А кругомъ развернулось синее море и что-то бѣлѣетъ на его поверхности, то ближе, то дальше, то далеко—далеко... Пароходы или парусныя судна?... И на всемъ красноватый колоритъ догорающаго

солнца. Онъ и на морѣ—широкія малиновыя полосы, и на скалахъ каменоломенъ—онѣ всѣ розовыя, и на прихотливыхъ изгибахъ рѣчужки, вспыхивающей яркими бликами, и въ воздухѣ, который словно напоенъ этимъ золотомъ умирающаго дня.

Какъ хорошо тутъ, какое свѣтлое чувство сходитъ на душу въ этихъ мѣстахъ! Тѣ, которые зажгли здѣсь кроткій огонекъ новой вѣры, были проникнуты этимъ исканіемъ тихой безмятежности, покоя на груди матери-природы. И они, сердцемъ угадавшіе правду, слышали ея отголоски въ окружающемъ, которое было полно ясности, простоты и величія. Здѣсь они могли сливаться съ природой и изъ ея живоноснаго источника черпать радости чистыхъ восторговъ, поэзію истинную и красоту. Здѣсь такъ легко было молиться, такъ ясенъ казался смыслъ жизни, такъ непосредственно чувствовалась связь природы и человѣка. И человѣкъ былъ почти счастливъ, потому что полнаго счастья онъ не могъ найти даже и здѣсь...

И когда я спускался съ камней, по которымъ ступало многовѣковое прошлое, настоящее уже готовилось отойти къ нему: праздникъ кончился и монастырскіе гости разъѣзжались... Скоро поѣздъ понесъ насъ обратно, и уже передъ глазами выросталъ многострадальный городъ, а Инкерманская киновія потонула въ сумракѣ наступившей ночи, короткой, благоуханной ночи юга.

С. Филипповъ.

Крымскіе чабаны.

Тьма—ни зги не видать!

Откуда принеслась эта страшная сырая мгла, охватившая вдругъ небо и землю черными складками своихъ крылъ? Вздрагиваютъ и шелестятъ эти крылья, и пугливо вздрагиваетъ въ ихъ объятіи душа опоздавшаго путника.

Послѣ яснаго и радостнаго вечера такая безумная ночь. Вѣтеръ, словно звѣрь, сорвавшійся съ цѣпей, несется черезъ пустынную каменную площадь Янкой-Яйлы, которую предстоитъ намъ проѣхать изъ конца въ конецъ. Онъ гонитъ тучи, какъ стада, трубя, свища, раскатываясь такими угрожающими воплями, что въ самомъ дѣлѣ кажется злымъ чудовищемъ, обладателемъ этого воздушнаго царства. Тучи проносятся такъ низко, такъ близко... молніи обливаютъ ихъ блѣдными потоками огня, пронзаютъ стрѣлами, рвутъ какъ занавѣсъ; и, вслѣдъ за вспышкой молніи, гора трясется, какъ отъ под-

дымъ барашкомъ и старымъ виномъ. И вездѣ толпа, веселая и живая, смѣющаяся, слегка напѣвающая между глоткомъ вина и кускомъ какой нибудь скумбріи или кефали.

На бульварѣ такая же толпа, менѣе демократическая, но не менѣе живая. Военный элементъ, преимущественно морской, преобладающій, разумѣется. Военный портъ сейчасъ дастъ себя чувствовать даже въ эти минуты отдыха и развлеченій. Подъ музыку полкового оркестра еще свободнѣе бѣгутъ разговоры, еще веселѣе взрывается смѣхъ.

И такъ до поздней ночи...

Помню я и другой вечеръ, скорѣе послѣ-обѣда праздничнаго Духова дня. Въ этотъ день происходитъ обыкновенно торжество въ Инкерманской киновіи — ближайшей сосѣдкѣ Севастополя. Тамъ бываетъ народное гулянье, и уже съ утра севастопольцы отправлялись туда цѣлыми вереницами на лодкахъ и по желѣзной дорогѣ.

Севастопольскія гондолы скользили отъ Графской къ Сѣверной, перевозя туда и оттуда. Бѣлый городъ пустѣлъ съ каждымъ часомъ, а голубая бухта все оживлялась. Пестрая флотилія стремилась на ту сторону рейда, шумливая, пересмѣивающаяся. Настроеніе шло crescendo и когда голубыя воды бухты остались сзади, мы вступили въ устья Черной рѣчки. Она дѣйствительно кажется черной и контрастъ бирюзовой бухты съ нею—сразу бросается въ глаза, и еще болѣе отъ рѣзкости перехода. Узость рѣки, густо заросшей камышами, стѣсняла движеніе и ялики сталкивались то и дѣло. Приходилось лавировать и помогать другъ другу. Было много смѣху при этомъ, веселыхъ пикировокъ на языкахъ эллады и востока, остротъ, которыя достигали цѣли или терялись въ камышахъ...

Съ боку насъ тянулось полотно желѣзной дороги и „спеціальные“ поѣзда пробѣгали мимо, переполненные, со стоящими людьми на тормазахъ... Немного далѣе были каменоломни, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ казавшіяся до того подточенными выемками, что неминуемо должны были рухнуть съ часу на часъ. Мы наконецъ причалили у какихъ-то кустовъ около мостика и, не безъ нѣкоторыхъ предосторожностей, выбрались на берегъ.

Лужайка, отъ которой и начинается знаменитая Инкерманская долина, представляла базарную площадь. Палатки съ чаемъ и разными яствами, столики съ самоварами—все, какъ вездѣ у насъ, когда бываютъ маленькія ярмарки въ дни храмовыхъ праздниковъ въ мѣстечкахъ и селахъ.

Инкерманская киновія въ двухъ шагахъ. Около нея такія же

толпы входящихъ и выходящихъ изъ церкви. Праздникъ и здѣсь, и онъ еще рельефнѣе.

Киновія—въ горѣ, и ея устройство едва ли отличается многимъ отъ Успенскаго скита, съ которымъ вы можете познакомиться въ Бахчисараѣ. Та же высокая каменная стѣна, увѣнчанная красивыми развалинами крѣпости, тѣ же пещерныя церкви первобытнаго христіанства, тѣ же крипты доисторическаго человѣка, какъ гнѣзда невѣдомыхъ звѣрей, смотрятъ на васъ отовсюду.

Вы поднимаетесь по узенькой лѣсенкѣ, выдолбленной въ скалѣ, и попадаете сначала въ одну, потомъ въ другую крохотныя церковки, такъ же, какъ и лѣстница, выдолбленныя въ скалѣ. Въ нихъ темно и душно и онѣ вѣятъ на васъ отдаленными вѣками. Красноватые огоньки свѣчей усиливаютъ духоту, но усиливаютъ и впечатлѣніе „первобытности“ этого мѣста. Изъ церкви вы попадаете въ монастырскій садикъ съ его знаменитымъ святымъ колодцемъ и по горѣ всходите на вершину къ развалинамъ крѣпости. И всюду древность, сѣдая, отдаленная, въ ореолѣ таинственности и величія.

Вы ступаете по камнямъ, гдѣ прошла вся человѣческая исторія, вы каждую минуту находитесь на зарѣ ея и даже когда заря еще не показывалась. Откуда эти пещеры, на которыя наталкиваешься, пещеры, сохранившіяся или разрушенныя временемъ и людьми? И они напоминаютъ вамъ о троглодитахъ, объ эпохѣ страннаго вѣка, котораго не касалась исторія, и который встаетъ передъ вами въ тускломъ полусвѣтѣ чего то сумеречно-неопредѣленнаго. Въ нихъ могли жить люди—животныя, тѣ люди, о которыхъ съ ужасомъ говорили первые греческіе географы и поэты. Страницы ихъ описаній проникнуты этимъ ужасомъ и онъ сквозитъ въ каждой строкѣ. Эти циклопическіе люди оставили слѣды своей жизни на вершинѣ и уступахъ горы, по которой ступаютъ ваши ноги. Вы смотрите на нихъ и удивляетесь этимъ остаткамъ чудовищнаго зодчества, доступнаго лишь сказочнымъ циклопамъ или бробдиньянгамъ Гулливера. Но, можетъ быть, эти крипты—произведенія не менѣе страннаго народа—тавроскиѳовъ, съ которыми боролись греки, пока сами не были подчинены власти воинственнаго Митридата. Когда послѣдній долженъ былъ уступить свои права римлянамъ, Инкерманъ сдѣлался Римской провинціей. Въ это время въ немъ совершилось то событіе, которое связало его съ исторіей христіанства и нашей церковной исторіей: императоръ Троянъ сослалъ сюда св. Климента, папу Римскаго, который организовалъ въ Инкерманѣ христіанскую общину и устроилъ киновію, существующую и до сихъ поръ. Послѣ здѣсь были готѳы, хазары, татары, турки—цѣлый рядъ народностей,

намъ, останавливая коня. Всѣ остановились, чабанъ впереди всѣхъ. Я съ значительнымъ безпокойствомъ ждалъ, что будетъ.

Вдругъ раздался пронзительный, дикій крикъ, отъ котораго всѣ мы вздрогнули. Такъ кричитъ иногда въ полночь пугачъ-филинъ.

Это нашъ чабаненокъ подалъ голосъ чабанамъ-хозяевамъ.

Взволнованный собачій лай мгновенно отвѣтилъ ему. Хриплые, задыхающіеся и ревущіе голоса псовъ приближались сквозь темноту, неизвѣстно откуда... Чуялось только, что несутся разъяренные звѣри, и что несутся они къ намъ и на насъ. Крики чабана становились все болѣе пронзительными, все болѣе дикими. Никогда еще не слыхалъ я, чтобы такъ кричалъ человѣкъ. И это не были безсмысленные звуки, но были слова, призывъ человѣкомъ человѣка.

Только дикая пустыня и жизнь среди дикихъ звѣрей научатъ такому дикому языку. И, надобно сказать правду, въ эту бушующую ночь, среди воя вѣтра, раскатовъ грома и бреха собакъ, только такой крикъ и могъ быть услышанъ, только такой языкъ и могъ быть понятъ. Надобно ровняться съ звѣрями и стихіями, чтобы они не подавили тебя.

Далекій голосъ, относимый вѣтромъ, отвѣтилъ, наконецъ, на взыванье чабана. Въ это время мы были уже охвачены цѣлымъ стадомъ собакъ. Лохматые бѣлые псы, высокіе и худые, заливаясь неистовымъ лаемъ, кружась и прыгая и грызя землю, рвались на насъ черезъ каменную насыпь, за которой мы стояли вмѣстѣ съ лошадьми, сбившись въ тѣсную кучку. Чабаненокъ, держась за середину шеста, отмахивалъ ихъ отъ насъ обоими концами и отчаянно кричалъ на нихъ, повидимому, нисколько не опасаясь за самого себя. Суруджи тоже довольно хладнокровно встрѣчалъ ихъ атаки; но я, не стыжусь признаться, былъ испуганъ и взволнованъ до крайности. Я зналъ хорошо, что чабанская собака въ одиночку рветъ волка, и что нерѣдко вмѣсто волка она поступаетъ такимъ же способомъ съ человѣкомъ. Быть изорванному собакой не составляетъ особеннаго удовольствія; къ тому же этотъ звѣрскій оглушительный концертъ такъ скверно дѣйствовалъ на нервы. Чабаны прибѣжали очень скоро и еще издали разогнали собакъ крикомъ и свистомъ; но волненіе ихъ долго еще не успокоивалось. Когда мы двинулись къ землянкѣ, страшные псы шли кругомъ насъ, рыча, глухо воя, вытягивая свои кровожадныя морды и враждебно обнюхивая насъ и лошадей нашихъ.

Онѣ покорились волѣ хозяевъ, скрѣпивъ сердце и, казалось, до послѣдней минуты ждали сигнала броситься на насъ и растерзать, какъ зайцевъ.

Мы сидимъ и лежимъ въ низкой землянкѣ, едва прикрытой сверху и полуоткрытой съ боковъ... На чабанскихъ войлокахъ, на сырыхъ шкурахъ убитыхъ овецъ, на потникахъ и сѣдлахъ — разлеглись наши усталые путешественники; яркій веселый огонь горитъ въ другомъ концѣ шалаша, и дымъ его красноватыми клубами вылетаетъ въ незабранный верхъ стѣны, черезъ который видно небо, уже расчищающееся отъ грозы. Огромные плоскіе котлы съ овечьимъ молокомъ стоятъ на огромныхъ таганахъ по сторонамъ костра. Плечистый и огромный чабанъ, хозяинъ землянки, въ своей остроконечной бараньей шапкѣ, возится у огня и котловъ, что-то мѣшая, сливая и подкладывая. Это варится овечій сыръ. Теперь сезонъ сыра, и цѣлыя ночи напролетъ работаютъ надъ нимъ чабаны. Другой чабанъ, безмолвный старикъ съ сѣдыми бровями, жаритъ намъ на желѣзной спицѣ знаменитый татарскій шашлыкъ, не обращая на насъ ни малѣйшаго вниманія, словно насъ и нѣтъ здѣсь, вполнѣ сосредоточивъ свой строгій взглядъ на кусочкахъ баранины, нанизанныхъ на спицу. Важно и неспѣшно поворачиваетъ онъ ее надъ горячими угольями, подрумянивая сочные жирные кусочки, и, подрумянивъ, такъ же важно и неспѣшно, въ полномъ безмолвіи, ссыпаетъ ихъ въ чашку, изъ которой мы съ жадностію поглощаемъ это душистое мясо.

Не думаю, чтобы многіе изъ читателей ѣдали татарскій шашлыкъ въ болѣе оригинальной обстановкѣ и съ большимъ аппетитомъ, чѣмъ ѣлъ я его въ эту незабвенную ночь.

Послѣ голода и холода, прекрасное горячее мясо, не имѣющее себѣ подобнаго! Баранины тутъ слѣда нѣтъ, той, по крайней мѣрѣ, баранины, которую знаетъ русская публика.

Въ шашлыкѣ не баранина, а конфекта. Я одинъ съѣлъ его два вертела. Наши дамы нашли какой-то глиняный кувшинъ и, въ то время, какъ мы истребляли шашлыки, ухитрялись приготовить въ этомъ кувшинѣ чай. Вышелъ настоящій калмыцкій чай, жирный и темный, какъ подобаетъ въ такой калмыцкой юртѣ; я его, однако, пилъ съ наслажденіемъ, тѣмъ болѣе искреннимъ, что потерялъ-было на него всякую надежду. За чаемъ слѣдовала отвратительная пшенная каша на овечьемъ молокѣ, придымленная, пахнувшая овцою. Сначала мы и на кашу накинулись съ азартомъ, но потомъ согрѣлись, наѣлись, и на четвертой ложкѣ смекнули, что она скверная.

Своей провизіи мы не вынимали, потому что ее было мало, а предстоялъ еще цѣлый день пути.

Ужинъ нашъ стоитъ кисти Сальватора Розы. Мы сидимъ на земляномъ полу, поневолѣ поджавъ ноги, вокругъ смѣшного круг-

земнаго взрыва, отъ ударовъ грома. Онъ тоже близокъ, въ этомъ нѣтъ сомнѣнія. Иногда представляется, что мы попали въ самое жерло грозы, что она бѣснуется и кругомъ насъ, и внизу насъ. Канонада, прогремѣвшая надъ головою, оглушившая и ослѣпившая насъ, еще не успѣетъ замереть въ отдаленныхъ раскатахъ, какъ уже проносится на воздушныхъ коняхъ новая баттарея, обдаетъ насъ опять громомъ своихъ залповъ, также быстро мчится далѣе— бомбардировать другія твердыни, а на смѣну готова уже новая, и еще и еще.

Скверно въ такую грозу и въ обыкновенномъ мѣстѣ, на обыкновенной дорогѣ. Но еще сквернѣе на пяти тысячахъ футовъ высоты надъ поверхностью моря брести ночью, безъ дорогъ, въ безмолвной пустынѣ, обитаемой только волками, наполненной оврагами и провалами, натыкаясь ежеминутно то на кустъ, то на большіе камни, и не видя головы своего собственнаго коня.

Къ счастію, можно сказать даже къ спасенію нашему, съ нами еще чабаненокъ, показывавшій намъ пещеры. Онъ ведетъ насъ теперь. Онъ знаетъ макушку Чатырдага, какъ дворъ своего дома, потому что безысходно живетъ на ней по три мѣсяца ежегодно. Но и онъ ежеминутно сбивается. Онъ двигается смѣлымъ и ходкимъ шагомъ, какимъ ходятъ чабаны, крѣпко ступая на острые камни, на ребра известковыхъ слоевъ, торчащія изъ почвы, своими терпкими ногами, обутыми въ буйволовыя сандаліи. Въ рукахъ у него надежный саженный шестъ, которымъ онъ въ одно время и подпирается и щупаетъ дорогу; онъ никого и ничего не боится — ни бури, ни опасной встрѣчи, ни проваловъ.

Наши лошади, утомленныя ѣздою цѣлаго дня, особенно подъемомъ на гору, смущенныя бѣснующеюся грозою, медленно двигаются за чабаномъ, осторожно перенося ноги черезъ огромные камни. Онѣ фыркаютъ и кашляютъ отъ усталости, но не спотыкаются. А между тѣмъ мы буквально ѣдемъ по каменнымъ грядкамъ, на которыхъ наша русская лошадь послѣ первыхъ же шаговъ упала бы съ переломленными ногами.

Нужно имѣть чабана проводникомъ и крымскую лошадь подъ сѣдломъ, чтобы выбраться благополучно изъ этой кромѣшной тьмы.

Мнѣ казалось, что мы ѣхали не менѣе трехъ часовъ, но очень можетъ быть, что темнота и безпокойство удвоили время. Никто не говорилъ и не жаловался: вниманіе всякаго сосредоточилось на сѣдлѣ и на конѣ, какъ бы не полетѣть черезъ голову или не наткнуться на кустъ. Дождя, къ счастію, не было, хотя мы его

ожидали съ минуты на минуту. Чабанъ велъ насъ къ самому подножью Трапезуса. По его словамъ, тамъ, въ лѣсу, есть землянка, въ которой можно переночевать; это стоянка чабановъ другой отары, не той, къ которой принадлежалъ самъ проводникъ. Онъ обѣщаетъ, что скоро доѣдемъ, но когда же это скоро? Не вѣрится, чтобы была въ этой проклятой пустынѣ иная живая душа, кромѣ насъ грѣшныхъ, осужденныхъ на безконечное странствованіе. Еще менѣе вѣрится покрову и ночлегу. А между тѣмъ страхъ и холодъ не заставляютъ молчать аппетитъ; мы, изнѣженные сыны цивилизаціи, съ своими разслабляющими привычками, кажемся такими жалкими въ суровой обстановкѣ этой пастушьей жизни; мы страдаемъ уже отъ того одного, что вечеромъ не будемъ сидѣть возлѣ самовара и пить свой неизмѣнный чай; страдаемъ и отъ того, что вмѣсто мягкой мебели, на которой привыкли покоиться, протряслись двѣнадцать часовъ на татарскомъ сѣдлѣ. Пожалуй, не одинъ изъ насъ помечталъ и о каминѣ, и о газетѣ, и о гостиной съ лампами, ежась подъ холоднымъ дыханіемъ горнаго вѣтра.

О, когда же это землянка! Нашъ суруджи Османъ потерялъ бодрость не хуже насъ и ѣдетъ повѣся носъ, изрѣдка переводя намъ возгласы чабана, срываемые вѣтромъ.

Вдругъ гдѣ-то внизу раздался лай. Лошади разомъ остановились, потому что впереди остановился чабанъ.

— Волки!—закричалъ онъ потатарски.—Собаки за волкомъ погнались.

Мы стали спускаться въ какой-то провалъ, продираясь сквозь кусты, черезъ груды камней. Надобно было слѣзть съ лошадей, чтобы не оставить безъ ноги и себя и лошадь.

Лай ожесточенный и дружный уносился въ одну сторону. Признаться, я очень боялся, чтобы онъ не обратился вдругъ съ тою же дружностью и тѣмъ же ожесточеніемъ въ нашу сторону. Я слишкомъ много слышалъ о чабанскихъ собакахъ, чтобы желать съ ними встрѣтиться въ подобную минуту, и еще спѣшенному. А между тѣмъ, дѣло было, кажется, неизбѣжно. Спускъ въ провалъ весьма неглубокъ, но безобразенъ до нельзя. Кое-какъ пробрались черезъ кусты и камни. Въ черной тьмѣ, въ непонятномъ для глаза разстояніи, можетъ быть, въ десяти шагахъ, можетъ быть, за три версты, сверкнулъ красный огонекъ. „Ну, теперь пріѣхали“, повеселѣвшимъ голосомъ объявилъ суруджи. „Это у чабановъ огонь“.

Онъ поболталъ что-то потатарски съ проводникомъ. „Стойте, господа, теперь нельзя дальше, собаки съѣдятъ“, скомандовалъ онъ

лаго столика, который вдвое ниже тѣхъ скамеечекъ, что наши бабушки ставили себѣ подъ ноги. Передъ нами чугунный котелъ, изъ котораго всѣ, мужчины и дамы, профессора и профессорши, черпаютъ другъ черезъ друга скверными деревянными ложками скверную кашу. Кругомъ насъ, по стѣнамъ и угламъ и на полкахъ, стоитъ и виситъ незатѣйливая посуда пастушескаго хозяйства, лежатъ стопки свѣжаго каймаку, въ кадкахъ знаменитый *катыкъ*, разведенный водою.

Всего этого попробовалъ я по обязанности присяжнаго туриста, и насилу отплевался! Каймакъ — это жирныя маслянистыя пѣнки, снимаемыя съ овечьяго молока, когда готовятъ сыръ; можетъ быть, теплыя онѣ еще возможны; но отвѣдать кусочекъ холоднаго каймака — все равно, что откусить отъ сальной свѣчки. У татаръ, однако, нѣтъ выше лакомства, нѣтъ дороже угощенья.

Катыкъ совершенно противоположнаго рода. Это свернувшееся овечье кислое молоко, что-то въ родѣ творогу. Я говорилъ уже, что его размѣшиваютъ съ водою и пьютъ какъ воду, какъ квасъ, какъ чай.

Нѣсколько ѣдкій, очень для меня непріятный, а глотнуть его было необходимо уже потому, что чабанъ угощалъ имъ особенно радушно и очевидно не допускалъ даже мысли о возможности такого отношенія къ катыку, какое имѣлъ я внутри своей неопытной души.

Мы скоро улеглись. Ѣсть спѣшили, спать еще больше спѣшили.

Половина компаніи, несмотря на холодъ ночи и собакъ, должна была лечь на дворѣ, подъ открытомъ небомъ; укутанные кто какъ могъ, вооруженные, кто чѣмъ пришлось, удалились наши абреки, подъ прикрытіемъ чабана, на свои жесткія ложа, и мы слышали, какимъ враждебнымъ ропотомъ встрѣчали ихъ овчарки, мимо которыхъ они проходили.

Я думалъ, что засну, какъ убитый, а мнѣ совсѣмъ не спалось. Мнѣ такъ стало хорошо въ этой землянкѣ кочевого пастуха, что душа проснулась и наслаждалась созерцаніемъ.

Поэзія вальтеръ скоттовскихъ горцевъ, такъ утѣшавшая и соблазнявшая мое дѣтство, живая стояла кругомъ меня.

Спутники мои въ живописныхъ позахъ, всегда сообщаемыхъ неподдѣльностью, спали на шкурахъ и войлокахъ въ темной глубинѣ хижинки. У огня сидѣли неподвижныя фигуры чабановъ, исполненныя своей особенной красоты и силы. Съ ножами у пояса, зашитые въ бараньи куртки, съ широкою черною перевязью черезъ плечо, на которой, въ черномъ футлярѣ, хранятся молитвы Моха-

меду—молитвы, которыхъ ни одинъ чабанъ не умѣетъ прочесть, но безъ которыхъ ни одинъ же чабанъ не рискнетъ выйти на пастбище—обутые въ буйволовыя сандаліи, въ остроконечныхъ бараньихъ шапкахъ, глубоко надвинутыхъ на голову, загорѣлые, закаленные, съ мускулами, вылитыми изъ чугуна, сидятъ эти здоровенные пастухи, не знающіе ни простуды, ни страха и, одичалые въ своемъ горномъ уединеніи, безмолвно изумляются на чуждыя имъ одежды и чуждыя рѣчи. Тутъ не одни большіе, между ними сидятъ молодые ребята, такіе же безмолвные и серьезные, въ такой же точно одеждѣ. Они особенно дико озираются на насъ и слѣдятъ за разговоромъ нашимъ, задумчиво вперивъ въ говорящаго свои черные широкооткрытые глаза. Такъ смотрятъ на человѣка волчата и орленки, попавшіе въ неволю. Эти строгія маленькія лица мало похожи на дѣтскія. Видно, недолго знали они ласки матери и отраду домашняго очага.

Чабаны сидятъ не шевелясь, не перекидываясь словомъ. Пустыня не располагаетъ къ болтовнѣ.

Они назяблись въ бурную ночь на своихъ сторожевыхъ постахъ и сошлись теперь погрѣться къ костру.

За нихъ теперь караулятъ вѣрные псы, разсыпавшіе свою цѣпь кругомъ стада; эти часовые не проспятъ и не выдадутъ. Когда дымъ костра стихаетъ, и очищается отъ него отверстіе плетеной стѣны, глядитъ сквозь него въ освѣщенную землянку синее небо, уже безъ тучъ и молній, тихо мигая звѣздами...

Нашу крошечную хижинку изъ вѣтвей и земли кругомъ обложила армія овецъ... Ихъ чиханье и перхота, безпокойное блѣянье во снѣ и глухой шелестъ многихъ тысячъ переминающихся ногъ — слышны всю ночь... Иногда вскочитъ одна, чѣмъ нибудь напуганная овца, и цѣлая отара вдругъ всполыхнется за нею, затопчется, и слышенъ нѣсколько минутъ шумъ безсмысленной давки...

Время отъ времени подаетъ голосъ сторожевой песъ, почуявшій волка, и по всей цѣпи, какъ бѣглый огонь, пробѣгаетъ безпокойный брехъ...

Охрипшій голосъ чабана свиститъ и уськаетъ гдѣ-то на краю, пронзая холодную ночь... Псы надрываются и несутся въ одну сторону...

Лай ихъ дѣлается все глуше и глуше...

Грѣвшіеся чабаны подымаются и уходятъ къ своимъ отарамъ, низко сгибаясь въ дверяхъ... Только старшій чабанъ возится съ своими котлами и своимъ сыромъ. Онъ одинъ знаетъ секретъ его варки и поминутно подбавляетъ въ котлы какіе-то кусочки, под-

кладываетъ и отгребаетъ угли. Но вотъ и онъ начинаетъ успокоиваться. Онъ снялъ свою баранью шапку и сидитъ теперь, рѣзко вырѣзаясь на фонѣ огня своею гладко выбритою головою, съ пучкомъ волосъ посреди макушки... Мы смотримъ другъ на друга, и онъ, повидимому, понимаетъ мое любопытство.

Огонь, между тѣмъ, мало-по-малу стихаетъ, и черныя тѣни гнѣздятся уже по угламъ... Мои спутники легонько похрапываютъ, и во всей землянкѣ не спимъ только мы двое, я да старый чабанъ.

Вдругъ раздались нѣжные, за душу хватающіе, звуки; казалось, запѣлъ сильный женскій голосъ. Переливаясь, ноя и плача, съ какимъ-то особенно жалобнымъ выраженьемъ, дрожащими трелями разносились звуки этой неожиданной пѣсни изъ полуосвѣщенной землянки въ синюю темноту ночи, погасая въ холодномъ воздухѣ. Это старый чабанъ игралъ на волынкѣ. Я въ первый разъ услышалъ игру на волынкѣ.

Игралъ мастеръ своего дѣла, и игра меня поразила. Такую близость поэтически настроенной души къ инструменту, выражающему это настроеніе, рѣдко найдешь въ другомъ инструментѣ.

Кромѣ того, я въ первый разъ слышалъ теперь хорошо спѣтую татарскую пѣсню. Въ ней много прелести. Это прелесть какого-то наивнаго, дѣтскаго характера: дѣтски-шаловливая и дѣтски плачущая; главное богатство ея въ короткихъ, нѣжно-переливающихся треляхъ, въ какомъ-то безпрестанномъ дрожаніи, подниманіи и упаданіи голоса...

Дудки поютъ, какъ свирѣль, только полнѣе и рѣзче, а мѣха гудятъ и ревутъ, давая общій фонъ переливамъ тэмы. Дудки тутъ солисты, мѣха—хоръ подъ сурдинку. Вообще игра оригинальная и чрезвычайно пріятная. Чабанъ игралъ для меня, и когда я поблагодарилъ его, онъ сыгралъ мнѣ еще веселую татарскую пѣсенку. Она игрива и мила, какъ невинная шалость ребенка. Странно, что безмолвный и равнодушный татаринъ могъ создать такіе жизненные и нѣжные напѣвы...

Но ни прелесть пѣсни, ни искусство музыканта, ни оригинальность игры не могутъ объяснить той полноты наслажденія, какую испытывалъ я, слушая пѣніе чабана. Минута была тутъ все.

Послѣ страшной горной грозы и ночнаго путешествія по дебрямъ, здѣсь, въ заоблачной пустынѣ, среди спящихъ отаръ овецъ, среди стай волковъ, осаждающихъ отары, при свѣтѣ костра, въ земляномъ шалашѣ, услышать нѣжно-стонущую пѣснь на инструментѣ шотландскаго гайлендера, пѣснь, пропѣтую пастухомъ, въ

звѣриныхъ шкурахъ—это не часто приходится испытать въ рутинѣ нашей цивилизованной жизни.

Не удивительно, что сильнѣйшее наслажденіе получаемъ мы именно тамъ, гдѣ открывается намъ еще что нибудь невѣдомое.

Невѣдомое у насъ такая рѣдкость, что дѣлается драгоцѣнностью. Можетъ быть, оно-то и гонитъ въ полярныя моря, къ истокамъ Нила и въ кратеры вулкановъ.

Е. Марковъ.

Степью.

Передъ глазами ѣхавшихъ разстилалась уже широкая, безконечная равнина, перехваченная цѣпью холмовъ. Тѣснясь и выглядывая другъ изъ-за друга, эти холмы сливаются въ возвышенность, которая тянется вправо отъ дороги до самаго горизонта и исчезаетъ въ лиловой дали; ѣдешь-ѣдешь и никакъ не разберешь, гдѣ она начинается и гдѣ кончается... Солнце уже выглянуло сзади изъ-за города и тихо, безъ хлопотъ принялось за свою работу. Сначала, далеко впереди, гдѣ небо сходится съ землею, около курганчиковъ и вѣтряной мельницы, которая издали похожа на маленькаго человѣка, размахивающаго руками, поползла по землѣ широкая ярко-желтая полоса: черезъ минуту такая же полоса засвѣтилась нѣсколько ближе, поползла вправо и охватила холмы; что-то теплое коснулось Егорушкиной спины, полоса свѣта, подкравшись сзади, шмыгнула черезъ бричку и лошадей, понеслась навстрѣчу другимъ полосамъ, и вдругъ вся широкая степь сбросила съ себя утреннюю полутѣнь улыбнулась и засверкала росой.

Сжатая рожь, бурьянъ, молочай, дикая конопля—все, побурѣвшее отъ зноя, рыжее и полумертвое, теперь омытое росою и обласканное солнцемъ, оживало, чтобъ вновь зацвѣсти. Надъ дорогой съ веселымъ крикомъ носились старички, въ травѣ перекликивались суслики, гдѣ-то далеко влѣво плакали чибисы. Стадо куропатокъ, испуганное бричкой, вспорхнуло и со своимъ мягкимъ „тррр“ полетѣло къ холмамъ. Кузнечики, сверчки, скрипачи и медвѣдки затянули въ травѣ свою скрипучую, монотонную музыку.

Но прошло немного времени, роса испарилась, воздухъ застылъ, и обманутая степь приняла свой унылый іюльскій видъ. Трава поникла, жизнь замерла. Загорѣлые холмы, буро-зеленые, вдали лиловые, со своими покойными, какъ тѣнь, тонами, равнина съ ту-

манной далью и опрокинутое надъ ними небо, которое въ степи, гдѣ нѣтъ лѣсовъ и высокихъ горъ, кажется страшно глубокимъ и прозрачнымъ, представлялись теперь безконечными, оцѣпенѣвшими отъ тоски...

Какъ душно и уныло! Бричка бѣжитъ, а Егорушка видитъ все одно и то же—небо, равнину, холмы... Музыка въ травѣ пріутихла. Старички улетѣли, куропатокъ не видно. Надъ поблекшей травой, отъ нечего дѣлать, носятся грачи; всѣ они похожи другъ на друга и дѣлаютъ степь еще болѣе однообразной.

Летитъ коршунъ надъ самой землей, плавно взмахивая крыльями, и вдругъ останавливается въ воздухѣ, точно задумавшись о скукѣ жизни, потомъ встряхиваетъ крыльями и стрѣлою несется надъ степью и непонятно, зачѣмъ онъ летаетъ и что ему нужно. А вдали машетъ крыльями мельница...

Для разнообразія мелькнетъ въ бурьянѣ бѣлый черепъ или булыжникъ, выростетъ на мгновеніе сѣрая каменная баба или высохшая ветла съ синей ракшой на верхней вѣткѣ, перебѣжитъ дорогу сусликъ и—опять бѣгутъ мимо глазъ бурьянъ, холмы, грачи...

А вотъ на холмѣ показывается одинокій тополь; кто его посадилъ и зачѣмъ онъ здѣсь—Богъ его знаетъ. Отъ его стройной фигуры и зеленой одежды трудно оторвать глаза. Счастливъ ли этотъ красавецъ? Лѣтомъ зной, зимой стужа и метели, осенью страшныя ночи, когда видишь только тьму и не слышишь ничего, кромѣ безпутнаго, сердито воющаго вѣтра, а главное—всю жизнь одинъ, одинъ... За тополемъ ярко-желтымъ ковромъ, отъ верхушки холма до самой дороги, тянутся полосы пшеницы. На холмѣ хлѣбъ уже скошенъ и убранъ въ копны, а внизу еще только косятъ... Шесть косарей стоятъ рядомъ и взмахиваютъ косами, а косы весело сверкаютъ и въ тактъ, всѣ вмѣстѣ издаютъ звукъ: „вжжи, вжжи!“ По движеніямъ бабъ, вяжущихъ снопы, по лицамъ косарей, по блеску косъ видно, что зной жжетъ и душитъ. Черная собака съ высунутымъ языкомъ бѣжитъ отъ косарей навстрѣчу къ бричкѣ, вѣроятно съ намѣреніемъ залаять, но останавливается на полдорогѣ и равнодушно глядитъ на Дениску, грозящаго ей кнутомъ: жарко лаять! Одна баба поднимается и, взявшись обѣими руками за измученную спину, провожаетъ глазами кумачовую рубаху Егорушки. Красный ли цвѣтъ ей понравился, или вспомнила она про своихъ дѣтей, только долго стоитъ она неподвижно и смотритъ вслѣдъ...

Но вотъ промелькнула пшеница. Опять тянется выжженная равнина, загорѣлые холмы, знойное небо, опять носится надъ зем-

лею коршунъ. Вдали попрежнему машетъ крыльями мельница и все еще она похожа на маленькаго человѣка, размахивающаго руками. Надоѣло глядѣть на нее и кажется, что до нея никогда не доѣдешь, что она бѣжитъ отъ брички.

О. Христофоръ и Кузьмичовъ молчали. Дениска стегалъ по гнѣдымъ и покрикивалъ, а Егорушка ужъ не плакалъ, а равнодушно глядѣлъ по сторонамъ. Зной и степная скука утомили его. Ему казалось, что онъ давно уже ѣдетъ и подпрыгиваетъ, что солнце давно уже печетъ ему въ спину. Не проѣхали еще и десяти верстъ, а онъ уже думалъ: „пора бы отдохнуть!" Съ лица дяди мало-по-малу сошло благодушіе и осталась одна только дѣловая сухость. Отецъ же Христофоръ не переставалъ удивленно глядѣть на міръ Божій и улыбаться. Молча, онъ думалъ о чемъ-то хорошемъ и веселомъ, и добрая, благодушная улыбка застыла на его лицѣ. Казалось, что и хорошая, веселая мысль застыла въ его мозгу отъ жары...

— А что, Дениска, догонимъ нынче обозы?—спросилъ Кузьмичовъ.

Дениска поглядѣлъ на небо, приподнялся, стегнулъ по лошадямъ и потомъ уже отвѣтилъ:

— Къ ночи, Богъ дастъ, догонимъ...

Послышался собачій лай. Штукъ шесть громадныхъ степныхъ овчарокъ вдругъ, выскочивъ точно изъ засады, съ свирѣпымъ, воющимъ лаемъ бросились навстрѣчу бричкѣ. Всѣ онѣ, необыкновенно злыя, съ мохнатыми паучьими мордами и съ красными отъ злобы глазами окружили бричку и, ревниво толкая другъ друга, подняли хриплый ревъ. Онѣ ненавидѣли страстно и, кажется, готовы были изорвать въ клочья и лошадей, и бричку, и людей... Дениска, любившій дразнить и стегать, обрадовался случаю и, придавъ своему лицу злорадное выраженіе, перегнулся и хлестнулъ кнутомъ по овчаркѣ. Псы пуще захрипѣли, лошади понесли, и Егорушка, еле державшійся на передкѣ, глядя на глаза и зубы собакъ, понималъ, что, свались онъ, его моментально разнесутъ въ клочья, но страха не чувствовалъ.

Бричка поровнялась съ отарой овецъ.

— Стой!—закричалъ Кузьмичовъ.—Держи! Тпрр...

Дениска подался всѣмъ туловищемъ назадъ и осадилъ гнѣдыхъ. Бричка остановилась.

— Поди сюда!—крикнулъ Кузьмичовъ чабану.—Уйми собакъ.

Старикъ-чабанъ, оборванный и босой, въ теплой шапкѣ, съ грязнымъ мѣшкомъ у бедра и съ крючкомъ на длинной палкѣ—совсѣмъ ветхозавѣтная фигура—унялъ собакъ и, снявши шапку,

подошелъ къ бричкѣ. Точно такая же ветхозавѣтная фигура стояла, не шевелясь, на другомъ краю отары и равнодушно глядѣла на проѣзжихъ.

— Чья это отара?—спросилъ Кузьмичовъ.

— Варламовская!—громко отвѣтилъ старикъ.

— Варламовская!—повторилъ чабанъ, стоявшій на другомъ краю отары.

— Что, проѣзжалъ тутъ вчерась Варламовъ или нѣтъ?

— Никакъ нѣтъ... Приказчикъ ихній проѣзжали, это точно...

— Трогай!

Бричка покатила дальше, и чабаны со своими злыми собаками остались позади. Егорушка нехотя глядѣлъ впередъ на лиловую даль и ему уже начинало казаться, что мельница, машущая крыльльями, приближается. Она становилась все больше и больше, совсѣмъ выросла и ужъ можно было отчетливо разглядѣть ея два крыла. Одно крыло было старое, залатанное, другое только недавно сдѣлано изъ новаго дерева и лоснилось на солнцѣ.

Бричка ѣхала прямо, а мельница почему-то стала уходить влѣво. Ѣхали, ѣхали, а она все уходила влѣво и не исчезала изъ глазъ.

— Славный вѣтрякъ поставилъ сыну Болтва!—замѣтилъ Дениска.

— А что-то хутора его не видать.

— Онъ туда, за балочкой.

Скоро показался и хуторъ Болтвы, а вѣтрякъ все еще не уходилъ назадъ, не отставалъ, глядѣлъ на Егорушку своимъ лоснящимся крыломъ и махалъ.

Маханье крыльевъ, зной и степная скука овладѣли всѣмъ существомъ Егорушки. Онъ застылъ и окоченѣлъ, какъ коченѣютъ отъ мороза, ни о чемъ не думалъ, ничего не ждалъ и изо всѣхъ силъ старался не глядѣлъ на мельницу...

А. Чеховъ.

Въ задонскихъ степяхъ.

Тройка весело бѣжала по „ременной", гладкой, укатанной степной дорогѣ. Даже пыли не было: всю ее вѣтромъ выдуло и унесло куда-то. Только сегодня выдался прекрасный солнечный и тихій день. А то все вѣтры и вѣтры, и ни капли дождя. Степь вся бурая,

особенно юртовая,—все выбито, вытоптано, даже отъ бурьяна остались лишь огрызки стебля: все обсосано, стравлено, убито.

Вотъ въ верстѣ отъ Великокняжеской на самой дорогѣ валяется трупъ громадной овчарки.

— Это что, тутъ лошади бывало по обѣ стороны дороги валялись, отъ сибирки падали,—замѣтилъ мой спутникъ.

Тихо. Безлюдно. Только стаи ржанокъ вспархиваютъ, отлетаютъ въ сторону и опять садятся на дорогу. Стая гусей протянула надъ самой землей. Стали ватажиться, готовиться къ отлету. Мы ѣдемъ на Гремячую, столицу калмыковъ, по дорогѣ, которая почти раздѣляетъ донское частное коневодство на восточное и западное.

Отъѣхали верстъ пять. Юртовая земля кончилась, начинаются зимовники. Степь понемногу оживаетъ. Видны стали скирды хлѣба, принадлежащіе Бирюковскому зимовнику. Здѣсь тоже земля истощена, выпахана. Влаги нѣтъ, трава плохая—даже тырса-ковыль не растетъ. Онъ любитъ степь цѣлинную, которой здѣсь уже нѣтъ. Бурую равнину оживляютъ небольшіе ярко зеленые оазисы, но этотъ такъ называемый, „сладкій корень“ лошади не ѣдятъ. Съ каждой верстой степь оживаетъ. Вотъ пара громадныхъ верблюдовъ съ большими и твердыми горбами лежатъ на землѣ и лѣниво жуютъ. Вотъ калмыкъ промчался мимо насъ куда-то на золотистой рѣзвой лошади. Какъ сидитъ!

— Околѣлъ въ сѣдлѣ!—вспомнились мнѣ слова моего покойнаго пріятеля, характеризовавшаго калмыцкую ѣзду. Калмыкъ мчался къ табуну, пасшемуся въ верстѣ отъ дороги.

— Маслаковца табунъ, съ Бирюковскаго хутора.

Мы подъѣхали въ то время, когда одинъ изъ табунщиковъ расѣдлалъ усталую лошадь, отпустилъ ее и на первую же попавшуюся набросилъ уздечку и мигомъ ее осѣдлалъ, несмотря на то, что лошадь артачилась и билась. Черезъ минуту онъ уже „околѣлъ *) въ сѣдлѣ“ и, сдѣлавъ кругъ около табуна, былъ около насъ на ногахъ, держа въ одной рукѣ поводъ еще не успокоившагося коня.

Табунъ очень не дурной. Много золотисто-рыжихъ, персидской крови. Ихъ много въ этомъ краю и особенно въ калмыцкихъ табунахъ. Персидская кровь здѣсь имѣетъ свою исторію. Въ 30-хъ годахъ полковникъ В. Д. Иловайскій былъ въ походѣ въ Персію и тамъ ему очень понравился красавецъ-жеребецъ. Двѣнадцать тысячъ рублей предлагалъ онъ за коня—да конь оказался непродажный. Погрустилъ полковникъ и вернулся домой, на свой хуторъ. Пріѣз-

*) Сидѣлъ.

жаетъ—и глазамъ своимъ не вѣритъ: корнаухій персидскій красавецъ у него въ стойлѣ стоитъ.

— Что? Какъ? Откуда?!

Оказалось, что казаки захотѣли сдѣлать сюрпризъ своему любимому командиру, да и скрали коня, да привели и поставили.

— На, получай и владай даромъ, въ знакъ нашей любви къ тебѣ, а то двѣнадцать тысячъ цѣлковыхъ нехристямъ платить!..

Назвалъ полковникъ этого коня „Корнаушкой", и пошла отъ Корнаушки персидская порода по всему Дону, да и на Кубань съ Терекомъ попала. Краденый былъ Корнаушка—и его дѣтей стали красть калмыки да пускать въ табуны. И вотъ образовалась эта персидско-донская порода.

Дальше въ калмыцкихъ табунахъ я видѣлъ болѣе лучшихъ экземпляровъ этой породы: крупнѣе и лучше содержаны.

Я полюбовался матками; хороши какъ онѣ, такъ и жеребята. При каждой почти маткѣ два жеребенка: сосунокъ и годовикъ. Особенно же понравилась мнѣ пара бурлачковъ.

Теперь пока табунщики наслаждаются погодой и отдыхаютъ, готовясь къ трудной работѣ, а затѣмъ къ ужасной стойкой зимѣ.

Скоро начинается тавреніе жеребчиковъ.

— Когда въ корытѣ два утра подъ рядъ вода замерзнетъ,— пора таврить!—говорятъ калмыки.

Тавренье работа не легкая и производится первобытнымъ способомъ; валитъ калмыкъ сосунка на землю и раскаленнымъ клеймомъ выжигаетъ тавро на задней лѣвой, а на лѣвой передней—нумеръ косяка и годъ рожденія; послѣдній иногда выжигаютъ на щекѣ. Возьмутъ, помажутъ обожженное мѣсто саломъ—и готово.

А тамъ и зима.

Вотъ гдѣ начинается служба калмыка-табунщика!

Девизъ калмыка такой:

— Табунъ ушля,—я ушля; табунъ пропалъ,—я пропалъ!

И никогда ни въ какую вьюгу калмыкъ не оставитъ ввѣреннаго ему табуна.

Недѣлями продолжаются по зимамъ степныя пурги. О такихъ метеляхъ даже на сѣверѣ не знаютъ. И сыпетъ, и кружитъ, и рветъ, и заноситъ моментально.

А табунъ надо держать противъ вѣтра, а то по вѣтру онъ уйдетъ и не вѣсть куда! И вотъ цѣлыми сутками, день и ночь, стоятъ 3—4 калмыка передъ табуномъ. Если долго не идетъ смѣна, они по нѣскольку сутокъ проводятъ въ сѣдлѣ, питаясь кускомъ мороженой конины, засыпая на лошади.

И вотъ, проведя въ степной метели такую ужасную недѣлю верхомъ, калмыкъ смѣняется и кое-какъ добирается до своего „джулуна“. Это—маленькія кибиточки спеціально для табунщиковъ. Зачастую здѣсь его, окоченѣлаго на лошади, снимаютъ съ сѣдла и раздѣваютъ заледенѣвшее платье, все сшитое овчинкой внизъ, на голое тѣло. Ему, окоченѣлому, подносятъ чашку кипящаго конскаго сала; онъ выпиваетъ и согрѣвается—и черезъ нѣсколько часовъ богатырскаго сна въ джулунѣ снова на коня и снова къ табуну.

— Избаловался нынѣ калмыкъ: кибитка бросалъ, избамъ живетъ!—жаловался мнѣ старикъ калмыкъ.

Вотъ направо небольшое калмыцкое становище. Видны двѣ избы, а рядомъ кибитки. Избы для вида,—а живутъ въ кибиткахъ. Кругомъ становища и табуны, и много краснаго калмыцкаго скота... Еще дальше, на косогорѣ балки быстрой прямой линіей двигается отара овецъ... Три злѣйшихъ калмыцкихъ овчарки злобно бросились на нашу тройку, провожали съ версту и, исполнивъ усердно свое дѣло, съ сознаніемъ исполненнаго долга вернулись къ кибиткамъ.

Куда ни оглянешься—все табуны и табуны. Мы въ лошадиномъ кольцѣ. Больше тысячи лошадей кругомъ.

Мы остановились. Я пошелъ осматривать тройку, сдѣлавшую двадцать верстъ менѣе чѣмъ въ полтора часа.

Злополучная, несчастная на видъ тройка. Только одна еще лѣвая пристяжная довольно видная лошадь—русскій выкормокъ. Она и больше, и виднѣе коренника и правой пристяжки. Послѣднія обѣ дербеты, и обѣ напоминаютъ тощихъ кошекъ изъ голодающей мѣстности, откуда даже сбѣжали мыши.

И обѣ эти кошки свѣжи,—ни потинки, ни вздохнутъ. Зато русскій выкормокъ прямо задыхается, въ то время, какъ у дербетовъ животъ не колыхнется.

Дербеты—настоящая калмыцкая лошадь, такая точно, какъ и ея владѣльцы,—еще совсѣмъ дикіе, не признающіе домовъ. Зато ужъ никакая степная метель, никакія лишенія не страшны. Дикая степь астраханская выработала ихъ дикихъ, не боящихся ничего. Длинная грубая шерсть и необыкновенно толстая кожа спасаетъ этихъ лошадей и отъ укуса насѣкомыхъ, и отъ климатическихъ невзгодъ. Онѣ, какъ и сами ихъ владѣльцы, обтерпѣлись и не боятся ничего въ своихъ родныхъ дикихъ степяхъ астраханскихъ.

А здѣсь въ степи кипитъ жизнь. Направо, на пространствѣ, пока глазъ хватитъ, тянется невысокій кряжъ; а наверху этого

кряжа виднѣется рядъ могильныхъ кургановъ. Въ самой же степи, въ равнинѣ я не видѣлъ ни одного кургана.

Вдали видна Гремячая, переименованная въ Платовскую, станица.

Налѣво табунъ у самой дороги, принадлежащій калмыкамъ. По виду лошади тѣ же, что и съ Бирюковскаго хутора, только лучше содержаны. Также масса персидской крови.

Но вотъ и Гремячая. Видна церковь и съ тремя ярусами, раздѣленными зелеными крышами, калмыцкій хурулъ.

Гремячей называлось это калмыцкое становище по кристальному ключу, вырывавшемуся когда-то съ силой изъ-подъ горы и гремѣвшему по камнямъ. Калмыки забивали его когда-то, старались остановить эту чудную воду для того, чтобы русскіе не селились. Но ничего не вышло,—только ручей пересталъ гремѣть, а льется потихоньку и въ верстѣ отъ своего выхода образуетъ озеро-прудъ съ великолѣпной ключевой водой. А русскіе поселились, и станица была названа Платовской.

Выѣзжаемъ. На крышахъ всѣхъ домовъ—а кибитки рядомъ съ калмыцкими домами—дозрѣваютъ сорванныя тыквы, золотомъ отливая на солнцѣ. Вонъ калмыкъ строитъ мазанку и мнетъ глину, кружась по этой глинѣ на лошади, въ то время, когда калмычка поливаетъ глину водой... Направо цѣлый рядъ домовъ, принадлежащихъ калмыкамъ, но населенныхъ русскими, преимущественно работниками, служащими у калмыковъ, которые страшные лѣнтяи по уборкѣ хлѣба. Русскихъ семей здѣсь до 80. Кромѣ работниковъ, есть мастеровые—портные и сапожники.

А кругомъ безконечная дикая степь, съ ея дикими табунами и не менѣе дикими номадами—калмыками.

Жаль, если уничтожатся эти табуны хорошей служилой лошади! Еще болѣе жаль, если вымретъ это племя истинныхъ сыновъ природы, добрыхъ и наивныхъ, какъ дѣти, вольныхъ и удалыхъ, какъ степной вѣтеръ, дикихъ и симпатичныхъ, какъ ихъ то благоухающая цвѣтами, то грозная снѣжными пургами неоглядная степь!

Вл. Гиляровскій.

Военно-Грузинская дорога.

Двѣсти верстъ горной дороги отъ Владикавказа до Тифлиса. Двѣсти верстъ переѣзда по скаламъ, черезъ дикіе гребни горъ, черезъ бурныя рѣки, черезъ снѣговыя выси Кавказскаго хребта. Двѣ-

сти верстъ то угрюмой, то нѣжной красоты, двѣсти верстъ доро́ги, ежеминутно мѣняющей свои картины. Двѣсти верстъ впечатлѣній,—то грозныхъ, какъ нависшія надъ моремъ мрачныя тучи, то нѣжныхъ, какъ погасающій лѣтній вечеръ. Находиться во власти такой природы, трепетать ея угрюмымъ демоническимъ видомъ, или потрясеннымъ сердцемъ стремиться туда, къ граціознымъ, зеленымъ горамъ, глядѣть на уходящія къ небу острыя верхушки гигантскихъ утесовъ, или любоваться до слезъ, до теплоты сердца тихими живописными берегами Арагвы. Пережить страхъ и радость, удивленіе и восторгъ, понять и почувствовать въ душѣ Бога и Демона— вотъ что́ значитъ проѣхать по Военно-грузинской дорогѣ.

Постройка дороги началась въ 1857 г. и окончена въ 1861 г. Строителемъ ея называютъ инженера Б. Статковскаго. Сколько труда и таланта положили здѣсь строители! Русскимъ безотвѣтнымъ терпѣніемъ и народной силой завоеванъ неприступный Кавказъ и такими же средствами проведена единственная въ мірѣ дорога. Такой доро́гой мы, русскіе, можемъ гордиться, это память, оставленная грядущимъ вѣкамъ въ наслѣдіе...

„Знаете ли вы украинскую ночь?!." — спрашиваетъ Гоголь... Безспорно, хороша, полна поэзіи и неуловимой прелести украинская ночь, но... Гоголь не спросилъ бы о ней читателя, еслибы видѣлъ и пережилъ великую горную дорогу.

Тогда онъ спросилъ бы: „Ѣздили ли вы по горной кавказской дорогѣ?... Спускались ли съ неприступной кручи и поднимались ли къ самымъ облакамъ?.. Ползли ли, подобно мухѣ, по бокамъ почти вертикально нависшей надъ буйнымъ Терекомъ скалы?... Сжималось ли трепетно ваше сердце въ Дарьяльскомъ ущельи?... и сладко ли билось въ долинахъ Грузіи?!.. Смотрѣли-ли вы съ религіознымъ страхомъ на за́мки Тамары и на грозно-величавую серебряную шапку Казбека?... Считали ли себя ничтожной песчинкой, слабымъ организмомъ передъ чудовищными скалами и пропастями?... Смиряли-ли свою гордость у подошвы вѣковѣчныхъ гигантовъ?!.. Да. Знаете ли вы великую горную кавказскую дорогу?... Ѣздили ли вы по ней въ тихій лѣтній день или въ грозную бурную ночь, когда весь адъ спускается на землю и справляетъ тризну въ Дарьяльскомъ ущельи, куда не заглядываетъ никогда солнце, и гдѣ живутъ каменныя сѣрыя твердыни и ропщетъ, словно грѣшникъ въ аду, сердитый Терекъ... Прониклись-ли вы величіемъ Творца и властью Демона?"..

Отъ Владикавказа раскинулся и обнялся съ облаками Кавказскій снѣговой хребетъ... Что за причудливыя вершины?!. Какія уди-

вительныя линіи!.. Какой геніальный художникъ далъ эти краски, эти тоны!.. Дальше и дальше—грандіознѣе и величавѣе... и все глядѣлъ бы, глядѣлъ безъ конца и не изучилъ бы, не усвоилъ себѣ всей прелести, всѣхъ чаръ горной цѣпи... И что ни день, то новыя впечатлѣнія... Неподвижны горы, вѣчны, но ежечасно мѣняется ихъ характеръ, словно живутъ, ропщутъ и волнуются гиганты... Яркое солнце да сизыя тучи и красавица луна—вотъ кто видитъ и знаетъ, что дѣлается въ невѣдомо-сказочномъ ихъ царствѣ. Изъ Владикавказа, переѣхавъ мостъ черезъ грязный и бурливый Терекъ, миновавъ лагерь, экипажъ быстро подвигается въ горы... Уже повѣяло сурово-свободнымъ дыханіемъ, слѣва надвигается Столовая гора... Вы смóтрите, соображаете, чего то ждете... Горы все ближе и ближе... Вертите направо и налѣво головой—начинаетъ болѣть шея... Вотъ вы подъѣзжаете, вотъ сейчасъ Столовая гора передъ вами... Но что это? Экипажъ завернулъ, спустился въ оврагъ, и снова горы далеко, а Столовая будто отодвинулась въ эту минуту, и опять вы ѣдете къ ней, ѣдете быстро, почти по прямому направленію... Васъ начинаетъ разбирать нетерпѣніе, вамъ хочется скорѣй туда, вовнутрь нагроможденныхъ громадъ... Свѣжѣетъ. Солнце скрылось вправо за угрюмой широкогрудой скалой, длинная тѣнь которой упадаетъ сзади до самаго моста. Утро. 8 часовъ. Тучи все больше и больше толпятся на вершинахъ. По Столовой горѣ поползло длинное темноватое облако и, словно въ раздумьи, остановилось около вершины, которая теперь еще больше похожа на столъ, покрытый бѣлою, чистою, снѣговою скатертью.

Наконецъ въѣзжаете въ горы.

Горы справа, горы слѣва. По ущелью струится Терекъ. Течетъ рѣка быстро, мѣстами виднѣется грязная пѣна.

Дальше—ущелье нѣсколько суживается... По обѣимъ сторонамъ дороги нависли горы, въ расщелинахъ, въ балкахъ которыхъ растетъ лѣсъ. Терекъ, чѣмъ дальше, тѣмъ становится безпокойнѣй. Горныя лошади бѣгутъ быстро и ровно, безъ понуканій, безъ кнута... Дальше и дальше навстрѣчу сѣдому бурливому Тереку, навстрѣчу все болѣе и болѣе дикой скалистой мѣстности... Нѣсколько разъ заворачиваетъ ущелье, растительность рѣдѣетъ, внизу и около васъ только скалы да камни, то мрачные въ тѣни, то озаренные унылымъ блескомъ солнца... Вы еще не привыкли, не освоились съ дорогой, вы въ ожиданіи, и вамъ дѣлается жутко... Терекъ своимъ стономъ еще болѣе поддерживаетъ гнетущее чувство. Вамъ не хочется, трудно говорить, и вы молча подъѣзжаете къ станціи Балта.

Грустная, казарменная станція. Но лошади поданы, и вы снова въ угрюмомъ ущельи. Еще мрачнѣе, еще бурливѣе грязный Терекъ. Огромные камни торчатъ изъ воды, грязная пѣна гребнемъ стоитъ около нихъ, и Терекъ рычитъ и злится, что не можетъ столкнуть глыбы и повлечь ихъ въ своемъ бѣшеномъ теченіи. Дорога идетъ около самаго берега рѣки. Какая въ сущности маленькая рѣчка, но сколько въ ней силы и злобы!! Направо и налѣво идутъ высокія, крутыя осетинскія горы, по нимъ тянется корявый лѣсъ. Мрачная, но живописная картина, особенно эти, серебряными лентами бѣгущіе съ вершинъ, ручьи. Какъ много этихъ игривыхъ ленточекъ, образующихъ то здѣсь, то тамъ водопады, блестящіе на солнцѣ.

Странно: эти рѣчки и ручьи скрываютея передъ Терекомъ и уходятъ въ землю, словно боятся его шума, его грязной, сердитой гривы. Дѣйствительно, вы не видите ихъ впаденія въ рѣку.

Вы удивлены угрюмой красотой, но и подавлены. Шумитъ Терекъ, изрѣдка вырвется лязгъ о камень желѣзной подковы лошади, и снова гулъ, безпрерывный, безконечный... Молчитъ вашъ спутникъ, молчите и вы, да и о чемъ говорить: нѣтъ словъ, вы точно ихъ забыли... Нѣмыя твердыни положили на ваши уста печать молчанія... Молчите и слушаете дикую пѣсню Терека.

Вторая станція Ларская, отъ которой до слѣдующей станціи 15 верстъ.

Вы поражены нѣмымъ величіемъ дикой природы. Тронулись со станціи, проѣхали немного и—вотъ оно, знаменитое Дарьяльское ущелье!.. Вы проѣхали мостъ Дарьяла, проѣхали словно во снѣ, не чувствуя, не зная, гдѣ вы,—на землѣ или въ аду?... Справа адскій зловѣщій хохотъ... Грохочетъ безумно, бьется о скалы Терекъ!... Надвинулись грозныя скалы и вотъ-вотъ грохнутся на васъ эти темносѣрые утесы, вырвется, выскочитъ изъ своихъ береговъ бѣшеный Терекъ, схватитъ, закружитъ, разорветъ васъ на части, какъ голодная разъяренная львица...

Ничтожны вы въ Дарьялѣ!.. Ошеломленный, потрясенный, вы проѣхали ущелье... Все также мрачно, но показалось среди вершинъ небо, солнце... Грозный адъ остался позади,—и налѣво, на горѣ выступаютъ развалины замка царицы Тамары, знаменитой царицы Грузіи, при которой развивалось и расширялось ея царство,— царицы, которую воспѣлъ извѣстный поэтъ Руставели.

Опять проѣхали мостъ черезъ Терекъ, который снова бушуетъ слѣва... Поднимаетесь выше и выше, поднимаетесь по гигантскимъ скаламъ, въ которыхъ высѣчена дорога.

Непривычно, жутко ѣхать высоко, высоко по какой-то каменной полкѣ, огибая скалу за скалой по ихъ каменной таліи. Направо—каменная стѣна, на которой видны слѣды кирки, слѣды тяжелой работы... Налѣво, внизу,—пропасть и темный Терекъ. Его берега теперь отлоги, ущелье просторное... и не такъ уже шумитъ и сердится рѣчка.

Впрочемъ, съ такой высоты, откуда люди кажутся мухами, не слышенъ даже и ревъ Терека.

Версты за $1^1/_2$ не доѣзжая до станціи—цѣлый хаосъ огромныхъ камней... Справа, слѣва дороги разсыпаны цѣлыя груды, изъ которыхъ встрѣчаются каменные экземпляры пудовъ по сто и болѣе.

Это каменный обвалъ съ горы Казбекъ, бывшій въ 1891 году... Какая страшная сила воды, сбросившей цѣлое каменное царство.

Мы у подошвы Казбека. На невысокой горѣ видѣнъ живописно расположенный грузинскій монастырь, съ котораго въ ясную погоду видна вершина Казбека.

Не трудно подняться туда, когда мѣняютъ лошадей.

Станція и деревня Казбека мрачныя, непривѣтливыя. Сакли изъ темнаго камня придаютъ жилью унылый характеръ; деревня бѣдная.

Оборванныя дѣти продаютъ около станціи горный хрусталь и другія красивыя горныя бездѣлушки минеральнаго царства...

Отъ ст. Казбекъ дорога, такая же грандіозная, становится мягче, менѣе угрюмой, горы не наступаютъ, не гнетутъ васъ, не давятъ.

Терекъ какъ будто присмирѣлъ. Поднимаетесь выше и выше; яснѣе, просторнѣе въ ущельи, а горы все отступаютъ; показывается зелень; то здѣсь, то тамъ, высоко, высоко надъ вами притаились грузинскія деревни...

Въ горахъ движутся бѣлыя точки, среди которыхъ мелькаютъ черныя фигурки... Это стадо овецъ и люди... Селе̂нья встрѣчаются и ближе къ дорогѣ... Вотъ вы минуете деревню... Что за пискъ и странный шумъ?!. навстрѣчу несется толпа полуголыхъ дѣтей, кричатъ и танцуютъ лезгинку.

Брошенный пятакъ удовлетворяетъ маленькихъ артистовъ.

Послѣ каменныхъ твердынь и сѣраго сумрака Дарьяльскаго ущелья, послѣ ст. Казбекъ, вообще мѣстность становится оживленнѣе, но холоднѣе.

Приходится вытаскивать и надѣвать теплое пальто или бурку.

Особую, характерную красоту придаютъ часто встрѣчающіяся по дорогѣ башни царицы Тамары. Въ былыя времена эти башни

изображали собой сторожевые посты, откуда грузины наблюдали за движеніями своихъ непріятелей...

Грузины вѣчно вели войны съ горскими племенами... Особенно часто нападали на нихъ лезгины.

Нѣкоторыя башни находятся уже въ періодѣ разрушенія, другія еще совершенно цѣлы и служатъ сохранившимися памятниками давно прошедшихъ временъ.

Недалеко отъ Коби лежитъ снѣгъ. Справа мрачное ущелье, изъ котораго вытекаетъ Терекъ. Въ послѣдній разъ вы посмотрѣли на его сердитую гриву и простились съ горнымъ буяномъ. Все холоднѣе и холоднѣе дальше. Скоро и станція Коби, холодная, мрачная... Кругомъ снѣгъ и снѣгъ. Смотритель станціи, очевидно охотникъ, разсказалъ о турахъ (каменные бараны), въ изрядномъ количествѣ живущихъ по снѣговымъ вершинамъ. Въ помѣщеніи станціи можно видѣть огромные турьи рога, полые внутри, прежде служившіе сосудами для питья вина.

Отъ Коби до ст. Гудаура 10 верстъ крутого подъема.

Въ началѣ второй версты, когда дорога заворачиваетъ влѣво, подъ горой съ правой стороны—небольшой колодезь. Это желѣзный источникъ. Холодная, сильно насыщенная углекислотой вода пріятна и вкусна. Обыкновенно путешественники наполняютъ изъ этого источника свои пустыя бутылки. Подъемъ все круче, снѣгу все больше, цѣлыя глыбы направо и налѣво... Казачья гора—мѣсто, гдѣ прежде постоянно находился казачій пикетъ... Перегонъ отъ ст. Коби до Гудаура—это мѣстность снѣговыхъ заваловъ,—мѣстность, въ которой погибли многіе подъ холодными снѣговыми покровами... На 4-й верстѣ—туннель отъ заваловъ. Когда вы проѣдете этотъ туннель, то вступаете въ снѣговое царство. Стѣны снѣга, обледѣнѣлаго, голубоватаго стоятъ по бокамъ дороги, стѣны высокія, сажени по двѣ вышины... Это все мѣста заваловъ, очень опасныя мѣста. Много разсказовъ о погибшихъ и засыпанныхъ снѣгомъ услышите вы, проѣзжая отъ станціи Коби или спускаясь съ Гудаура.

На 6-й верстѣ—гора Майорша. „Давно, а много-ли лѣтъ—не знаю,—засыпана обваломъ жена майора и ямщикъ. Вотъ почему гора эта и названа Майорша... Сердитая была барыня, царство ей небесное!.. Да судьба, видно, умереть ей безъ покаянія, подъ холоднымъ снѣгомъ... и ямщикъ съ ней вмѣстѣ, и лошади...

„Выѣхали это, значитъ, изъ Коби: горничная при ей молодая, говорили, такая шустрая бабенка... Ну, дорога бѣдовая—снѣгъ... по веснѣ дѣло-то было... Трудная дорога... пять верстъ проѣхали...

а на шестой, значитъ, и постигло ихъ Божье наказаніе!.. Вишь ты!.. И проѣхали бы дальше и цѣлы, живехоньки были бы, да жадность!.. Вотъ оно!.. Жадность да строптивость!.. Ложка серебряная, чайная ложка-то!.. махонькая и въ рукахъ то не удержишь, знамо, господская, такъ для близиру, а не то, чтобы хлебать, али вообще,—въ дѣлу... А вотъ изъ ейной ложки и барыня, и ямщикъ смерть приняли!..

„Богъ, надо-быть, наказалъ!..

„Бабенка, горничная, и забудь ложку въ Коби, гдѣ, значитъ, барыня чай пила... Вотъ оно!.. Возьми да и вспомни въ здѣшнемъ самомъ мѣстѣ барыня про ложку-то!.. Истинно Божье наказаніе!.. Въ самомъ мѣстѣ!.. Эвоно мѣсто-то!..“—Ямщикъ показалъ кнутовищемъ и покачалъ головой.

„Да и напустись на бабенку барыня-то... ругала, говорятъ, ругала, да и послала ее, значитъ, въ холодъ, да по снѣгу, за ложкой, значитъ, на станцію...

„Пять, вѣдь, верстъ, господинъ. Бабенка молодая, знамо, ей страшно одной-то, непривышно... да дѣлать нечего... плачетъ да идетъ... Дошла, значитъ, ложку эту самую отдали ей, посадили на сани: обратный, кажись, ѣхалъ...

„Пріѣхали на мѣсто... глядь, а барыни-то и нѣтъ... стоитъ на эфтомъ самомъ мѣстѣ гора снѣговая... завалъ, значитъ!.. Вотъ тебѣ и ложка!.. Ложка-то осталась, а барыня-то подъ снѣгомъ!.. Вотъ онѣ какія дѣла-то!.. Видно Божій промыселъ!—просто и внушительно разсказалъ ямщикъ.

Наконецъ, миновали 10 верстъ. Вотъ Крестовая гора и перевалъ черезъ снѣговой хребетъ... Зима!.. совсѣмъ холодно—и это въ іюнѣ мѣсяцѣ... На самомъ перевалѣ—скамейка и столбъ, на которомъ обозначена высота надъ уровнемъ моря: 7,694 фута!

Я сѣлъ на скамейку. Ямщикъ отстегнулъ пристяжныхъ, снялъ хомуты, уздечки и хлестнулъ кнутомъ. Лошади отправились обратно въ Коби. Просто и коротко.

— Почему крестъ на горѣ?—спросилъ я.

— Хрестовая, значитъ, гора-то... вотъ и хрестъ!..

— Кто его поставилъ?

— Енаралъ главный. Ермоловъ поставилъ... Сидѣлъ, значитъ, здѣсь и вотъ велѣлъ хрестъ водрузить... Хрестовая гора... вотъ и хрестъ!..

Двинулись дальше, и легко и быстро покатились къ Гудауру... Кругомъ—снѣгъ и снѣгъ... холодно... Быстро подъ гору, направо, налѣво, все завороты!.. Снѣгъ миновалъ, мы подъѣзжали къ стан-

ціи... Снѣговыя вершины остались позади, а впереди зеленѣли горы, текла Арагва и цвѣли долины Грузіи...

Надъ глубокой пропастью расположилась станція. Еще не доѣзжая до станціи, направо отъ дороги видны бѣгущіе съ горъ два ручья... Какъ змѣи, тянутся и изгибаются, сверкая на солнцѣ, двѣ горныя рѣчки и сливаются другъ съ другомъ въ ущельи, у подошвы горы.

Это Арагва, которая теперь вмѣсто Терека будетъ вашимъ спутникомъ до своего впаденія въ Куру.

Передъ станціей Гудауръ часто случаются земляные обвалы, для предохраненія отъ которыхъ устроены тоннели съ крышей, наклонной по направленію движенія заваловъ, къ самой пропасти. Со станціи Гудауръ горизонтъ расширяется: видно далеко и хорошо...

Странно, удивительно для русскаго человѣка!.. Сейчасъ была зима, холодно, зябли ноги, щипало лицо, кругомъ снѣгъ, ледъ, но спустились семь верстъ и спустились въ какіе-нибудь полчаса—передъ вами зеленая весна. Сверкаетъ солнце, легкій вѣтерокъ несетъ ароматъ юга, куда ни кинешь взоръ, вездѣ жизнь и веселый весенній шумъ.

Пройдетъ менѣе полусутокъ, и вы будете томиться полуденнымъ зноемъ среди роскошной растительности юга!..

Спускъ отъ Гудаура до ст. Млеты—почти подъ прямымъ угломъ. Вверху Гудауръ, внизу Млеты. Дорога вьется спускаясь; подъ собой вы видите дорогу, надъ собой—только-что оставленный вами путь... Съ головокружительной быстротой экипажъ вертится то вправо, то влѣво... Передъ вами зеленѣютъ горы, подъ вами течетъ Арагва; множество рѣчекъ впадаютъ въ нее съ горъ; то здѣсь, то тамъ сверкаютъ водопады!.. По горамъ, по ту сторону Арагвы, пасется скотъ; почти отвѣсныя крутыя горы и на нихъ правильные четырехугольники вспаханныхъ полей. Высоко въ горахъ ютятся сакли горныхъ деревень...

Чѣмъ дальше, тѣмъ оживленнѣе и населеннѣе становится мѣстность... Много вспаханныхъ и засѣянныхъ ячменемъ полей... Здѣсь пшеница не созрѣваетъ.

На самомъ берегу Арагвы расположилась станція. Рѣка-ли, открытая-ли, оживленная мѣстность, но станція не кажется угрюмой и казарменной, какъ тѣ, которыя уже миновали... Яркое солнце и свѣжая зелень, встрѣчающіеся люди, отсутствіе гигантскихъ скалъ и сѣраго мрака—все это производитъ на васъ иное впечатлѣніе... Природа долины Арагвы оживляетъ, приводитъ въ совершенно иное настроеніе, чѣмъ первая мрачно-грандіозная половина дороги...

Когда вы ѣдете отъ Млетъ до станціи Пассанауръ, вамъ хорошо и спокойно... Вы отдыхаете послѣ впечатлѣній Дарьяла и Казбека. Вамъ теперь хочется говорить, дѣлиться впечатлѣніями... къ этому располагаютъ и зеленыя горы, и деревни, и люди, и сама Арагва, хотя и быстрая, но не такая злая и бурливая, какъ Терекъ. Горные пейзажи—красоты удивительной, разнообразіе и въ положеніи и краскахъ... Все ниже и ниже... Солнце начинаетъ уже грѣть полѣтнему... Вотъ показались поля... Что это?.. Ячмень взошелъ уже на четверть! А давно ли, часъ тому назадъ, въ Млетахъ, его еще сѣютъ. 10 верстъ разстоянія и такая разница температуры..! Вотъ чтó значатъ горы!.. Нигдѣ человѣкъ не можетъ видѣть такого разнообразія, такой игры природы, какъ въ горахъ... Въ одинъ день пережить и зиму и лѣто, и весну и осень..! Видѣть, ѣхать по снѣгу и любоваться зеленью и нюхать ароматъ розы...

Это-ли не поэзія?..

Проѣхали станцію Пассанауръ. Все лѣсъ кругомъ.

Около станціи Аннануръ—бѣдное селеніе и церковь въ честь Успенія Богородицы... Странная архитектура!.. Церковь и крѣпость очень древнія. Крестъ вверху и знаки льва и звѣзды... Здѣсь погребенъ князь Эристовъ... Церковь заброшена, крѣпость полуразрушена, а когда-то здѣсь былъ большой городъ, происходили кровопролитныя войны, и имя князей Эристовыхъ связано съ тѣми давними героическими временами. Чѣмъ дальше, лѣсъ становится гуще, еще разнообразнѣе. Растительность вообще съ каждой верстой впередъ богаче и пестрѣе. Опять замокъ царицы Тамары, но въ другомъ, легкомъ, поэтическомъ жанрѣ, среди зелени, а не угрюмыхъ демонскихъ скалъ.

Красивый стройный лѣсъ сопровождаетъ васъ до слѣдующей станціи Душетъ... Все шире и шире долина. Горы отступаютъ, очертанія ихъ не такъ рѣзки, ландшафты нѣжатъ и ласкаютъ взоры.

Все такіе-же живописные виды дальше до станціи Цалканы и послѣдней станціи Мцхеты... Все теплѣе и теплѣе... Наконецъ, начинаетъ жечь по всѣмъ правиламъ знойнаго юга.

Какая богатая природа! Сколько силы, жизни!.. и сколько разнообразія!.. Деревни, селенія почти на каждой верстѣ, стали попадаться сады и виноградники!.. Близъ Мцхетъ, по самой дорогѣ, древняя полуразрушенная грузинская крѣпость. На противоположномъ берегу Арагвы, на высокой скалѣ, старинная церковь... Какъ поэтична оригинальная постройка среди зелени горъ! Въ Мцхетахъ-же находится старинный монастырь. Мцхеты оживленное мѣстечко

съ желѣзнодорожной станціей Закавказской желѣзной дороги. Въ Мцхетахъ Арагва, въ послѣднемъ своемъ теченіи тихая, спокойная, впадаетъ въ Куру, протекающую черезъ городъ Тифлисъ, близость котораго начинаетъ уже чувствоваться въ Мцхетахъ. Ближе и ближе къ Тифлису. Дорога теперь идетъ по ровному мѣсту, горы отодвинулись далеко по обѣимъ сторонамъ, долина широкая, повсюду культура, сады, виноградники... Навстрѣчу и по дорогѣ попадаются экипажи, верховые и множество вьючныхъословъ... Оригинальныя животныя цѣлыми стадами потихоньку, не спѣша, шествуютъ въ городъ съ фруктами, виноградомъ и проч. Два или три здоровыхъ армянина верхами на ослахъ командуютъ этой сѣрой арміей. Еще и еще толпа четвероногихъ. Вообще въ Тифлисѣ и окружностяхъ ослы очень распространены и не дóроги.

Но вотъ показался Тифлисъ, послѣдняя верста—и конецъ чудной, полной красоты и поэзіи горной дорогѣ.

С. Васюковъ.

Споръ.

Какъ то разъ, передъ толпою
Соплеменныхъ горъ,
У Казбека съ Шатъ-горою
Былъ великій споръ.
„Берегись!“ сказалъ Казбеку
Сѣдовласый Шатъ:
„Покорился человѣку
Ты не даромъ, братъ!
Онъ настроитъ тѣсныхъ келій
По уступамъ горъ;
Въ глубинѣ твоихъ ущелій
Загремитъ топоръ;
И желѣзная лопата
Въ каменную грудь,
Добывая мѣдь и злато,
Врѣжетъ страшный путь.
Ужъ проходятъ караваны
Черезъ тѣ скалы,
Гдѣ носились лишь туманы
Да Цари-орлы.
Люди хитры! Хоть и труденъ
Первый былъ скачекъ,—
Берегися! многолюденъ
И могучъ Востокъ!“
—„Не боюся я Востока!“
Отвѣчалъ Казбекъ:
„Родъ людской тамъ спитъ глубоко
Ужъ девятый вѣкъ.
Посмотри: въ тѣни чинары
Пѣну сладкихъ винъ
На узорные шальвары
Сонный льетъ грузинъ,
И, склонясь въ дыму кальяна
На цвѣтной диванъ,
У жемчужнаго фонтана
Дремлетъ Тегеранъ.
Вотъ у ногъ Ерусалима,
Богомъ сожжена,
Безглагольна, недвижима
Мертвая страна.

Дальше: вѣчно чуждый тѣни,
Моетъ желтый Нилъ
Раскаленныя ступени
Царственныхъ могилъ.
Бедуинъ забылъ наѣзды
Для цвѣтныхъ шатровъ,
И поетъ, считая звѣзды,
Про дѣла отцовъ.
Все, что здѣсь доступно оку,
Спитъ, покой цѣня.
Нѣтъ! не дряхлому Востоку
Покорить меня!" —
„Не хвались еще заранѣ!"
Молвилъ старый Шатъ:
„Вонъ на сѣверѣ въ туманѣ
Что-то видно, братъ!"
Тайно былъ Казбекъ огромный
Вѣстью той смущенъ;
И, смутясь, на сѣверъ темный
Взоры кинулъ онъ;
И туда въ недоумѣньѣ
Смотритъ, полный думъ:
Видитъ странное движенье,
Слышитъ звонъ и шумъ.
Отъ Урала до Дуная,
До большой рѣки,
Колыхаясь и сверкая,
Движутся полки;
Вѣютъ бѣлые султаны,
Какъ въ степи ковыль;
Скачутъ легкіе уланы,
Подымая пыль;
Боевые батальоны
Тѣсно въ рядъ идутъ,
Впереди несутъ знамена,
Въ барабаны бьютъ;
Батареи мѣднымъ строемъ
Между нихъ гремятъ;
И, дымясь, какъ передъ боемъ,
Фитили горятъ.
И испытанный трудами
Бури боевой,
Ихъ ведетъ, грозя очами,
Генералъ сѣдой.
Идутъ всѣ полки, могучи,
Шумны, какъ потокъ,
Страшно-медленны, какъ тучи,
Прямо на востокъ.
И, томимъ зловѣщей думой,
Полонъ черныхъ сновъ,
Сталъ считать Казбекъ угрюмый
И не счелъ враговъ...
Грустнымъ взоромъ онъ окинулъ
Племя горъ своихъ,
Шапку на брови надвинулъ —
И навѣкъ затихъ.

М. Лермонтовъ.

Тифлисскіе базары.

Особенно любилъ я забираться въ Тифлисѣ на его „базары". Ихъ считается два: „армянскій" и „татарскій", или майданъ. Восточный рынокъ удивительно живописенъ, и развѣ только языкъ Флобера *) могъ бы сдѣлать достойное описаніе этой яркой, необыкно-

*) Флоберъ—знаменитый французскій писатель, особенно славящійся тщательной и художественной отдѣлкой языка своихъ произведеній.

венно подвижной толпы, которая до поздняго вечера снуетъ по узенькимъ уличкамъ армянскаго базара.

Здѣсь вы встрѣтите жителей чуть ли не всего азіятскаго Востока, который высылаетъ сюда всѣхъ своихъ пестрыхъ представителей: тутъ и тихіе, степенные персы съ аршинными барашковыми шапками и такими же аршинными бородами; тутъ и горластые армяне съ красными носами и въ московскихъ картузахъ на головѣ; тутъ и горцы въ своихъ неизбѣжныхъ буркахъ и лохматыхъ, какъ собачья шерсть, папахахъ; тутъ и величественный турокъ въ громадной чалмѣ, и граціозный юркій грузинъ съ тоненькими усиками; тутъ и бритые полуголые татарченки; тутъ и сердитые съ окрашенными бородами и ногтями взрослые татары изъ-подъ Арарата; тутъ и дикіе воинственные лезгины и вѣроломные курды—эти россійскіе баши-базуки, въ своихъ крайне живописныхъ яркихъ разбойничьихъ костюмахъ; тутъ и верховые казаки на своихъ маленькихъ иноходцахъ съ неизбѣжною ногайкой въ рукѣ и хитроватымъ выраженіемъ быстро бѣгающихъ глазъ; тутъ и россійскій служивый съ запахомъ махорки и печенаго хлѣба и съ парой старыхъ, вынесенныхъ для продажи, изношенныхъ подметокъ подъ мышкой; тутъ и неуклюжій осетинъ съ небольшимъ круглымъ кускомъ войлока вмѣсто головной покрышки.

Евреевъ и женщинъ совсѣмъ не видно въ этой шумной толпѣ, гдѣ къ реву людей присоединяются дикіе крики ишака, этого умнѣйшаго звѣря Востока, почему-то снабженнаго обидною кличкой осла, скрипъ арбъ, свистки городовыхъ и дикіе вопли извощиковъ, везущихъ на своихъ фаэтонахъ господъ въ теплыя ванны, расположенныя вблизи отъ армянскаго базара. Продолженіемъ улицъ, но только въ ширину, служатъ безконечныя лавочки, которыя тянутся непрерывною лентой вдоль всего базара. Жизнь бьетъ здѣсь также полнымъ ключомъ, но картины здѣсь ежеминутно смѣняются, какъ въ калейдоскопѣ.

И какихъ только лавокъ нѣтъ въ этихъ узенькихъ улицахъ, чѣмъ только не торгуетъ азіятскій базаръ? Тутъ и оружейники, и мѣдники, и сѣдельники, тутъ и винныя лавки, и булочныя, и склады фруктъ, тутъ и кожевенники, и сапожники, портные, брадобрѣи, москательщики, шапочники, тутъ и персидскія кухни и шашлычныя. Все это шумитъ, продаетъ, зазываетъ, пьетъ, ѣстъ, торгуется, работаетъ, моется, брѣется, стрижется, шьетъ, стучитъ,—словомъ, производитъ чуть ли не всѣ функціи жизни въ открытую, ни мало не стѣсняясь нескромными взорами постороннихъ наблюдателей.

Что стоитъ попробовать въ Тифлисѣ, такъ это азіатскую кух-

ню. Особенно понравились мнѣ персидскія кушанья. Обстановка персидскихъ кухонь самая элементарная; въ рѣдкой изъ нихъ имѣется даже особая комната, гдѣ бы посѣтитель могъ присѣсть и отдохнуть, и всѣ изготовленныя здѣсь вкусныя вещи истребляются или стоя или просто чуть не находу. Изъ персидскихъ блюдъ назову кебабъ и пловъ или пилавъ. Кебабъ это рубленая на тонкіе ломтики баранина, вывалянная въ мукѣ и посыпанная лукомъ или барбарисомъ. Получается нѣчто въ родѣ лепешки, которую слегка поджариваютъ на салѣ, какъ шашлыкъ на вертелѣ.

Пловъ извѣстенъ каждой хозяйкѣ, но вкусный пилавъ умѣютъ приготовлять только азіаты. Въ уличныхъ кухняхъ пилавъ изготовляется изъ обрѣзковъ баранины и хорошо промасленнаго жаренаго, непремѣнно жаренаго, а не варенаго, риса. Искусство поджарить рисъ и толково его промаслить (въ уличной кухнѣ просалить) и даетъ весь вкусъ пилаву.

Въ обѣденный часъ персидскія базарныя кухни просто осаждаются толпой проголодавшагося люда. Всѣ предварительно запасаются или горячимъ, тутъ же испеченнымъ, пшеничнымъ чурекомъ или тонкимъ, какъ блинъ, громаднымъ левашемъ, которымъ не только заѣдаютъ душистый кебабъ, но утираютъ, какъ салфеткой, засаленые губы, усы и пальцы.

На базарѣ всѣ обходятся безъ вилокъ и ножей, и тотъ же левашъ служитъ въ одно и то же время и въ качествѣ салфетки и въ качествѣ обертки для относимаго домой кебаба или пилава. Вотъ темнобронзовый, босоногій, съ открытою черной грудью персіянинъ-носильщикъ, или какъ ихъ здѣсь называютъ *муши*, съ изсинятемной бритой головой набралъ себѣ цѣлую горсточку жирнаго кебаба и съ блаженной улыбкой на потномъ лицѣ медленно обсасываетъ свои засалившіеся желтые пальцы. Онъ и стоитъ такъ, какъ будто еще у него на спинѣ лежитъ громадная тяжесть, весь перегнулся впередъ, разставилъ могучія ноги и не разстается даже теперь съ эмблемой своей профессіи—особой трехгранной подушкой, набитой шерстью, которая помѣщается на спинѣ.

Для тифлисскаго муши эта подушка играетъ ту же роль, что крюкъ для нашего крючника. „Муши“ и нашъ крючникъ родные братья, которые носятъ на своихъ спинахъ черезъ весь городъ цѣлые дома и во всякомъ случаѣ баснословныя тяжести. Рядомъ съ муши расположился тифлисскій водовозъ или *тулухча*. Въ рукахъ у него исполинскій горячій левашъ и какое-то жидкое варево въ мискѣ, которое онъ, очевидно, думаетъ истребить дома. Тутъ же покорно остановилась его небольшая лошадка, вся закрытая боль-

шими, черными, кожаными мѣшками съ длинными завороченными кверху и завязанными рукавами. Мѣшки эти наполнены водой, которая выглядитъ крайне неаппетитно въ своихъ кожаныхъ вмѣстилищахъ.

Вонъ цѣлая компанія свирѣпыхъ татаръ въ чудовищно-громадныхъ шапкахъ, съ которыми они не разстаются въ самую сильную жару, расположились прямо на улицѣ, поджавъ ноги вокругъ огромной дымящейся миски съ пловомъ, и съ самымъ невозмутимымъ, серьезнымъ видомъ макаютъ пальцы въ общее блюдо. У каждаго подъ мышкой по огромному ломтю чурека. Это копачи, которые работаютъ тутъ гдѣ-то неподалеку, и только лохматые папахи придаютъ имъ такой грозный видъ. Масса народа тащитъ себѣ по домамъ миски съ различными супами, соусами со всѣми этими душистыми соцеви и чихи, у многихъ въ рукахъ зелень, фрукты; оборванные мальчишки снуютъ тутъ же и чуть-чуть при мнѣ не сшибли съ ногъ пузатаго, откормленнаго, съ необыкновенно важнымъ видомъ, армянина; торговцы всякой всячиной, знаменитые тифлисскіе „кинто", надрываются изо всѣхъ силъ, расхваливая высокимъ гортаннымъ голосомъ свой уличный товаръ; надъ всѣмъ базаромъ стоитъ такой непринужденный гамъ, шумъ и визгъ, что непривычный человѣкъ можетъ не на шутку перепугаться и вообразить, что здѣсь кого-то рѣжутъ или по крайней мѣрѣ грабятъ.

В. Святловскій.

Боржомъ.

У станціи Михайловки Закавказской желѣзной дороги, гдѣ кончается желѣзнодорожное сообщеніе, начинается превосходная шоссейная дорога въ знаменитое Боржомское ущелье. Начинается оно на 6-й верстѣ отъ станціи Михайловки. Глухой ропотъ, слышный издали, даетъ вамъ чувствовать, что вы приближаетесь къ горной рѣкѣ, хотя и занимающей первое мѣсто между кавказскими рѣками. По всему пути слышенъ этотъ ропотъ. Но это не дикое, бѣшеное клокотанье Терека, который на протяженіи нѣсколькихъ десятковъ верстъ представляетъ собою почти одинъ безпрерывный пѣнящійся потокъ-водопадъ. Это также—не сонное, безжизненное теченіе степныхъ рѣкъ, относительно которыхъ, большею частью, трудно сказать, въ какомъ направленіи онѣ текутъ. Кура въ этомъ отношеніи не заставитъ долго призадумываться!... Но, несмотря на

быстроту теченія, Кура настолько здѣсь глубока, что почти круглый годъ сплавляются по ней гигантскія сосновыя бревна вплоть до Тифлиса.

Дорога идетъ все время лѣвымъ берегомъ Куры посреди обстановки, которая составляетъ полный контрастъ дикому Дарьяльскому ущелью. Тамъ вы видите голыя каменныя громады, передъ которыми человѣкъ чувствуетъ свое убогое ничтожество, здѣсь, напротивъ, горы умѣренной высоты и сверху до низу покрыты пріятно ласкающею глазъ зеленою листвою. Прелестную картину представляетъ этотъ веселый зеленый горный ландшафтъ осенью, когда на свѣтло-зеленомъ полѣ разсыпаны пятнами желтые, палевые, ярко-красные и розовые листья замирающей на зиму растительности.

Несмотря на кажущееся однообразіе, на каждомъ шагу вы встрѣчаете все новое и новое сочетаніе формъ, красокъ и освѣщенія. То выпуклый массивъ, словно грудь великана, стоитъ одиноко и преграждаетъ вамъ путь, то стройныя гряды ровными ступеньками постепенно спускаются къ ущелью, образуя какъ бы колоссальный амфитеатръ. Не только описать, но даже и уловить всѣ разнообразныя причудливыя очертанія—нѣтъ возможности, и остается сказать вмѣстѣ съ дѣдушкою Крыловымъ:

Куда на выдумки природа тоpовата!

Не доѣзжая до мѣстечка, вѣрнѣе лѣтняго городка Боржома верстъ 6, начинается лучшая часть Боржомскаго ущелья, составляющая собственность бывшаго Намѣстника Кавказскаго Великаго Князя Михаила Николаевича. На границѣ имѣнія поставленъ каменный столбъ, увѣнчанный тріединымъ государственнымъ гербомъ, на подобіе украшенія зерцала или башенъ московскаго Кремля. Отсюда дорога дѣлается еще живописнѣе: растительность, одѣвающая горы со всѣхъ сторонъ, богаче. Столѣтніе сосны, ели, дубы попадаются на каждомъ шагу.

Какъ разъ при въѣздѣ въ Боржомъ, недалеко отъ дворца, попадается многовѣковый колоссальный вязъ, который въ окружности имѣетъ, по меньшей мѣрѣ, 5 аршинъ.

Чтобы дать нѣкоторое представленіе о здѣшнемъ лѣсномъ богатствѣ, достаточно сказать, что въ одномъ только имѣніи Великаго Князя насчитывается подъ лѣснымъ пространствомъ 52,331 десятина, въ томъ числѣ подъ насажденіями съ господствомъ хвойныхъ породъ 27,858 дес. (изъ нихъ сосны 12,693 десятины). И что за лѣсъ? Попадаются экземпляры, которые появились на свѣтъ раньше Колумба. Есть такіе, которые были свидѣтелями паденія Константи-

нополя. Встрѣчаются ели и пихты 450 лѣтъ, продолжающія, однако, еще рости, причемъ годовой ростъ въ этомъ почтенномъ возрастѣ достигаетъ до 1/4 фута, и дерево не теряетъ еще способности производить сѣмена. Такія ели достигаютъ высоты 185 футовъ, а въ толщину до 60 дюймовъ въ діаметрѣ на высотѣ груди человѣка. Объемъ подобнаго дерева доходитъ до 4-хъ кубическихъ саженъ. Удобный сплавъ въ теченіе круглаго года и вѣрный сбытъ въ Тифлисъ обезпеченъ.

Дачный городокъ Боржомъ расположенъ, при впаденіи рѣчки Боржомки въ Куру, на высотѣ 2,600 футовъ. Недалеко отъ почтовой станціи, переброшенъ черезъ Куру легкій желѣзный мостъ, за которымъ тутъ же и начинается боржомскій базаръ. Дачи частью деревянныя, частью каменныя (но каменныя въ буквальномъ, а не переносномъ смыслѣ, т. е построенныя на каменныхъ глыбахъ, а не на кирпичѣ) расположены по скату горъ, обращенныхъ лицомъ къ Курѣ. Но лучшія, самыя элегантныя дачи находятся вдоль по теченію притока Куры, Боржомки.

Всѣ дачи отдаются съ мебелью, нѣкоторыя меблированы даже съ роскошью. Большинство дачъ имѣютъ печи. Хорошую дачу можно имѣть рублей за 400. Лѣтомъ здѣсь довольно жарко, но зато осенью,—самъ я убѣдился личнымъ опытомъ,—прелестно. Воздухъ восхитительный. Дышать этимъ легкимъ ароматичнымъ воздухомъ— истинное наслажденіе. Что касается температуры, то, на основаніи личнаго опыта, утверждаю, что въ сентябрѣ мѣсяцѣ днемъ можно гулять въ чесучѣ, а ночью въ лѣтнемъ пальто. Несмотря на предупрежденіе о сырости, я не нашелъ и намека на сырость. Ночью трава, по крайней мѣрѣ въ возвышенныхъ частяхъ, была суха, какъ паркетъ...

Знаете ли вы боржомскую ночь? Нѣтъ, вы не знаете боржомской ночи,—скажу, пародируя Гоголя. Чудная панорама, окружающая Боржомъ, въ лунную ночь получаетъ какую-то фантастическую окраску. Свѣтлымъ сіяніемъ кудрявыя сосны одѣлись. Медленно всплываетъ луна. Блѣдный ликъ ея скрытъ за горами, но полосы свѣта уже пробиваются сквозь щели сосенъ, растущихъ на гребняхъ горъ. Смѣло и плавно поднимается мѣсяцъ, обливая фантастическимъ свѣтомъ причудливыя линіи горныхъ хребтовъ. Словно прозрачныя кружева, играютъ вѣковыя сосны на гребняхъ горъ. Таинственную тишину прерываетъ только быстро несущаяся волна Боржомки, плескъ величаваго теченія Куры и томный шопотъ стройнаго красавца, пирамидальнаго тополя. Вдали, точно звѣзды, мелькаютъ на вершинахъ горъ костры пастуховъ, оберегающихъ себя и стада свои отъ непрошеннаго посѣщенія волковъ и медвѣдей...

Прогулокъ въ Боржомѣ безчисленное множество, одна лучше другой. Самому отчаянному ходоку и ѣздоку въ теченіе всего лѣта не пройти и не проѣхать верхомъ и половины лѣсныхъ тропинокъ. Большихъ, парковъ четыре.

Начну съ самаго стараго и самаго популярнаго „Парка минеральныхъ водъ." Онъ начинается недалеко отъ мѣста впаденія Боржомки и идетъ вдоль по дну ущелья (вверхъ по ея теченію). Первыя три версты шоссированы, а затѣмъ начинается дремучій лѣсъ, куда съ трудомъ проникаютъ лучи солнца. Впрочемъ, этотъ паркъ не имѣетъ ничего общаго съ тѣмъ представленіемъ о паркахъ, которое сложилось у видѣвшаго петербургскіе и московскіе парки. Заборы и рѣшетки здѣсь замѣняютъ отроги высокихъ горъ, покрытыхъ лѣсомъ. Самый паркъ змѣится, сообразно капризному теченію Боржомки, переходя съ одного берега на другой. Десять легкихъ и изящныхъ желѣзныхъ и деревянныхъ мостовъ переносятъ гуляющаго съ берега на берегъ. Есть мостикъ, построенный самою природой; быкомъ этому фантастическому мосту служитъ огромная скала, поваленная во время буйнаго половодья Боржомкою. По парку также разбросаны тамъ и сямъ, на мѣсто статуй и вазъ, скалы разнообразной формы и величины, выброшенныя все тою же шалуньею Боржомкою. Лучшимъ украшеніемъ парка служитъ эта самая рѣзвая шалунья, сильно напоминающая буйный Терекъ. Съ необыкновеннымъ весельемъ катитъ она свои прозрачныя волны по каменистому ложу среди живописныхъ береговъ. Въ паркѣ стоитъ ея веселый гулъ и летятъ брызги ея волнъ. Освѣжиться послѣ продолжительной прогулки ея студеною и вкусною водою составляетъ истинное наслажденіе.

Названіе этого парка происходитъ отъ тѣхъ минеральныхъ (соляно-щелочныхъ) водъ, которыя извѣстны еще съ 30-хъ годовъ. Но воды эти вошли въ славу впервые съ 1842 г.

Оба источника, Екатерининскій и Евгеніевскій, выложены камнемъ и сверху покрыты навѣсомъ, подъ которымъ бурлитъ, пѣнится и бьетъ ключемъ цѣлебная вода.

Именемъ Воронцова названъ другой паркъ, расположенный на колоссальной каменной глыбѣ. Этотъ колоссъ омываютъ съ трехъ сторонъ Боржомка, Кура и притокъ ея, Черная рѣчка. Паркъ расположенъ на самой вершинѣ этой скалы. Въ паркъ ведетъ очень порядочное шоссе, обвивающее его кругомъ. Подъемъ довольно крутой. Воронцовскій паркъ расположенъ футовъ на 500 выше только что описаннаго. Растительность хвойная, воздухъ легче,

чѣмъ въ нижнемъ паркѣ. Отсюда открывается великолѣпная панорама на Боржомъ.

Самый молодой паркъ—это Ремертовскій. Паркъ расположенъ на правомъ берегу Куры, напротивъ дворца Великаго Князя. Онъ распланированъ правильно и напоминаетъ обыкновенные русскіе парки, за исключеніемъ, конечно, его южной растительности. Попадаются вѣковыя орѣшины, каштаны, величественныя чинары, стройные, какъ коринѳская колонна, пирамидальные тополя и скромныя туи. Есть въ изобиліи и представители холодныхъ странъ,—липа, береза, кленъ и дубъ. На видъ растительности можно дать лѣтъ 50, хотя нѣтъ и двадцати лѣтъ, какъ разсажено большинство деревьевъ. Самое красивое мѣсто въ паркѣ—это живописный мысъ, образуемый при впаденіи Боржомки въ Куру. Въ самомъ паркѣ находятся очень красивые придворные дома, въ готическомъ стилѣ, одѣтые въ листву дикаго винограда.

Совершенно особнякомъ по ту сторону Куры находится паркъ и дворецъ Великаго Князя Михаила Николаевича. Паркъ не отличается естественными богатствами и много уступаетъ остальнымъ, но преимущество его въ томъ, что онъ расположенъ на склонѣ горы, съ котораго видѣнъ весь Боржомъ, какъ на ладони.

Гораздо интереснѣе парка двухъ-этажный деревянный дворецъ, построенный въ строго выдержанномъ мавританскомъ стилѣ. Стѣны украшены тончайшею рѣзьбою, напоминающею издали брюссельскія кружева. Обиліе балконовъ, галлерей, террасъ, верандъ съ красивыми тонкими колоннами переносятъ васъ мыслями подъ своды Альгамбры. Съ боковъ и сзади дворецъ окруженъ простыми, но очень изящными галлереями и бесѣдками, совершенно утопающими подъ алою листвою дикаго виноградника. Удивительно, какого роста и красоты достигаетъ здѣсь виноградная лоза. Есть одна замѣчательная круглая бесѣдка около дворца, построенная изъ простыхъ жердей, воткнутыхъ параллельно въ землю. Крышу образуютъ тоже жерди, лучами сходящіяся къ центру, опирающемуся на столбъ. Все это снаружи и внутри сверху до низу увито виноградникомъ. При заходящемъ солнцѣ все горитъ яркимъ яхонтомъ. Эффектъ поразительный!

Если упомянуть еще о красивой казармѣ стрѣлковаго баталіона, возвышающейся на подобіе средневѣковаго замка на правомъ берегу Куры, да о мраморномъ памятникѣ, сооруженномъ надъ братскою могилою стрѣлковъ, павшихъ въ послѣднюю войну, то всѣ боржомскія достопримѣчательности, доступныя поверхностному обзору, будутъ исчерпаны.

Боржомъ не городъ, даже не посадъ. Зимою все населенie его состоитъ чуть ли не изъ одного персонала управленiя Боржомскимъ имѣнiемъ. Но зато лѣтомъ онъ превращается въ цѣлый дачный городокъ съ обычною городамъ физiономiею,—съ музыкою, вечерами, картами и извощиками. Боржомъ—это центральный дачный пунктъ, куда съѣзжаются дачники и „водопiйцы" не только изъ Тифлиса, но и изъ Кутаиса, Эривани, Александрополя и даже Баку.

Самымъ любимымъ мѣстомъ для прогулокъ служитъ упомянутый выше паркъ минеральныхъ водъ. Причинъ на то много. Вопервыхъ, онъ примыкаетъ прямо къ дачамъ; во-вторыхъ, тамъ находятся минеральныя воды, ванны, купальня, гимнастика, кегли, библiотека, танцовальный залъ; играетъ музыка, играютъ въ карты. Словомъ, здѣсь средоточiе „курса." Этотъ паркъ расположенъ по теченiю быстрой и многошумной рѣчки Боржомки. Легкiе, изящные мостики переносятъ гуляющаго нѣсколько разъ съ одного берега ея на другой. Ущелье это очень узко, свѣтъ проникаетъ только около полудня, по вечерамъ въ немъ довольно сыро. Оригинальную красоту этого парка образуютъ окаймляющiя его почти отвѣсныя горы, мѣстами разступающiяся амфитеатромъ. Паркъ тянется на протяженiи болѣе трехъ верстъ вверхъ по теченiю и заканчивается „Чортовымъ" или точнѣе Горбатымъ мостомъ. Далѣе начинается лѣсная тропа, ведущая къ истокамъ Боржомки. Паркъ этотъ въ жаркiе лѣтнiе дни даетъ незамѣнимое убѣжище. Тѣни и прохлады всегда въ немъ вдоволь. По обѣимъ сторонамъ парка поднимаются вверхъ на горы—тропы, не очень крутыя. Одна изъ нихъ, отъ лѣваго берега Боржомки, ведетъ на Торское шоссе, спускающееся незамѣтными террасами къ кокетливо играющей на солнцѣ армянской церкви.

Другая тропа или, лучше сказать, другой рядъ тропъ, влѣво отъ входа въ паркъ, ведетъ къ Воронцовскому парку и Садгерской плоской возвышенности. Всѣ онѣ довольно круты. Но одна изъ нихъ, начинающаяся у самыхъ минеральныхъ водъ, близъ памятника Головину, довольно удобна для всхода. Есть на ней и скамейки. Тропа эта ведетъ ближайшею дорогою въ Воронцовскiй паркъ.

Удивительно оригиналенъ этотъ паркъ. Его образуетъ оконечность Садгерской возвышенности, омываемая Боржомкою, Курою и Гуджареткою (неправильно называемою Черною рѣчкою). Благодаря такому счастливому мѣстоположенiю, Воронцовскiй паркъ открываетъ безконечную панораму, растилающуюся на три стороны. Сначала вы любуетесь на Боржомъ изъ Елизаветина глаза (тамъ,

гдѣ кончается только-что упомянутая тропа). Я никогда не забуду своего перваго восхода по ней.

Это было подъ вечеръ. Я бродилъ около минеральныхъ водъ. Вдругъ вижу тропу, таинственно уходящую вдаль. Я пошелъ по ней въ раздумьи. Въ это время музыка заиграла. Оркестръ, подъ акомпанементъ гулкаго теченія Боржомки, игралъ очень популярное на Кавказѣ „Баяти" талантливаго кавказскаго кампозитора Корганова. Это попурри изъ чисто кавказскихъ мелодій—грузинскихъ, армянскихъ, татарскихъ. Темы богаты, но мало разработаны. Оркестровка превосходна.

Подъ звуки этой своеобразной музыки, я поднимался вверхъ по тропѣ. Попалъ я, наконецъ, въ такую чащу, что виденъ былъ только маленькій кусочекъ неба. Небо казалось въ овчинку уже не въ переносномъ, а прямомъ смыслѣ слова. Кругомъ все покойно и величаво. Васъ охватываетъ непонятное торжественное настроеніе. Жутко среди такой нѣмой торжественности, когда твое личное я словно растворяется въ суровыхъ объятіяхъ окружающей безмолвной природы.

Когда подъемъ окончился, я подошелъ къ „Елизаветину глазу", съ котораго открывается восхитительный видъ на минеральныя воды и нижній паркъ. Солнце бросало на него сквозь ели послѣдніе прощальные лучи. Угасающее свѣтило въ эту минуту было чудно-хорошо. Наступившая мгновенно (такъ обыкновенно бываетъ въ горахъ) ночь прервала мою импровизированную прогулку... На другой день я поспѣшилъ на вновь открытое прелестное мѣсто другою дорогою, по шоссе, идущему отъ Боржомки, и снова любовался залитымъ палящими лучами южнаго солнца ущельемъ Боржомки изъ того же Елизаветина глаза. Отъ него я пошелъ вдоль окраины и предо мною раскрывались виды одинъ лучше другого на дачи Боржомскія. Такимъ же образомъ обошелъ я и край Воронцовскаго парка, идущій вдоль рѣки Куры и любовался новыми видами на Боржомъ. Наконецъ, дошелъ до третьей стороны парка, выходящей на Черную рѣчку. Тутъ открылась длинная гряда горъ, покрытыхъ хвойными лѣсами, дер. Кубиси и крутой спускъ на Черную рѣчку, по которому скатываютъ бревна на Куру. По моему, это лучшій паркъ въ Боржомѣ иноситъ достойное названіе...

Когда вы будете, читатель, въ Тифлисѣ, сходите и поклонитесь памятнику Воронцова. Послѣ Тамары, съ именемъ Воронцова связана эпоха наибольшаго процвѣтанія Кавказа. Театръ, пресса, учебныя заведенія, городское благоустройство, улучшенное сельское

хозяйство и пр., однимъ словомъ, все то, что сдѣлано на Кавказѣ для культуры края, сдѣлано или начато Воронцовымъ.

Въ Воронцовскомъ паркѣ всегда прохладно, сухо, о благовонныхъ испареніяхъ сосны и говорить нечего. Есть дорога для ѣзды, ходьбы. Есть и скамейки. Словомъ, зрѣніе ваше и обоняніе находятъ полное удовлетвореніе, а слухъ услаждаютъ шумно катящіяся волны Куры.

Это-ли не наслажденье, это-ли не счастье?

Г. Джаншіевъ.

Нефтяной городъ.

Я подъѣзжалъ къ Баку. Болѣе скучную однообразную мѣстность и представить себѣ трудно. Голая, мертвая, безъ единой травки, необозримая пустыня разстилалась предо мной. Только мѣстами эта унылая буро-желтая мѣстность прерывалась бѣлыми полосами осадковъ соли. Я проснулся рано и все время глядѣлъ въ окна вагона, поражаясь мертвенностью пустыни. Кое-гдѣ поднимались холмы, но такіе же бурые, унылые и печальные.

Постоянно приходилось слышать, что Баку нѣчто ужасное, городъ зноя, ужасныхъ вѣтровъ, пропитанный сплошь запахомъ керосина, что тамъ нѣтъ ни единаго дерева, нѣтъ прѣсной воды, а пьютъ соленую, что чай нельзя пить безъ кислаго, гранатоваго сока, что это городъ совершенно азіатскій и промышленный, напоминающій своей дѣятельностью американскіе города.

— Это ужасъ—это Баку,—говорили мнѣ побывавшіе здѣсь,—все тамъ отвратительно: улицы поливаютъ мазутомъ, отбросомъ отъ нефтяного производства, воздухъ ужасный. Вѣтры—боры такіе, что роняютъ идущихъ по улицѣ. Интереснаго въ Баку ничего нѣтъ. Всюду керосинъ и нефть и больше ничего.

По правдѣ сказать, я отъ Баку ничего лучшаго и не ожидалъ.

Вдали показался лѣсъ черныхъ кипарисовъ. Лѣсъ не лѣсъ, а какое-то нагроможденіе черныхъ пирамидъ, настоящій некрополь. Чѣмъ ближе, тѣмъ яснѣе вырисовывались эти черные, пропитанные нефтью, громадные конусы съ обрубленными вершинами.

— Это Балаханы,—сказалъ мнѣ сосѣдъ,—главное мѣсто добыванія нефти. Эти черныя пирамиды,—это деревянныя вышки. Онѣ выстроены надъ буровыми колодцами, изъ которыхъ бьютъ или били нефтяные фонтаны.

— Какъ ихъ много,—воскликнулъ я.

— Около четырехсотъ. Отсюда нефть проводится по нефтепроводу въ Черный городокъ на разстоянiи восьми верстъ. Тамъ ее обработываютъ.

Поѣздъ опять повернулъ и передо мной раскрылось во всемъ великолѣпiи Каспiйское, безбрежное море, а на берегу его, среди копоти и дыма, виднѣлись сотни трубъ и черныхъ зданiй.

— Неужели это Баку,—съ ужасомъ воскликнулъ я, глядя на это пекло, на эти тучи чернаго дыма, копоти и смрада, закрывшiя небо, на этотъ хаосъ громадныхъ зданiй, круглыхъ резервуаровъ, цистернъ, черныхъ стѣнъ, заводскихъ трубъ и озеръ мазута.

— Нѣтъ, это Черный городокъ. Мы подъѣзжаемъ.

Видъ былъ поразительный, неописуемый.

Вокзалъ построенъ на полъ-дорогѣ между городомъ и Чернымъ городкомъ.

Попутчикъ разсказывалъ еще что-то, но я его не слушалъ, я высунулся въ окно и жадно вглядывался во всѣ лица на дебаркадерѣ. Я искалъ моего дядю, который былъ извѣщенъ телеграммой о моемъ прiѣздѣ.

Баку интересный городъ, оживленный, торговый, напоминающiй города Новаго Свѣта. Онъ и русскiй, и персидскiй, и татарскiй въ одно и то же время и весь окрашенъ въ характерный желтый цвѣтъ. Здѣсь смѣсь Азiи и Европы поражаетъ гораздо больше, чѣмъ въ Тифлисѣ и населенiе такъ пестро, что можно съ интересомъ долгое время наблюдать за уличной жизнью. Самая блестящая часть города—набережная съ превосходными домами, съ тысячами судовъ на Каспiйскихъ волнахъ, съ вѣчнымъ звономъ конокъ, съ суетой прогуливающихся пѣшеходовъ. Здѣсь гуляетъ бакинская знать, здѣсь толкутся персы съ ихъ красными бородами, которыя они окрашиваютъ хной, растительной краской, здѣсь же полуголый татаринъ растянулся на панели и дремлетъ. Ишаки, верблюды, мулы, лошади движутся передъ вашими глазами, проѣзжаютъ шикарные экипажи, скрипятъ высоченныя, доисторическiя арбы, носильщики, продавцы всевозможныхъ нацiональностей оглушаютъ васъ своимъ крикомъ, персы съ огненными ногтями и волосами въ высокихъ бараньихъ колпакахъ стоятъ, какъ изваянiя, у лавокъ. Виды на море, на Баиловъ мысъ, на Апшеронскiй полуостровъ—восхитительны. Баиловъ мысъ съ его горой конусомъ, напоминающимъ вулканъ, который усѣлся на оконечности полуострова, съ его церковью и домиками тонетъ въ легкой полуденной дымкѣ. Голыя горы

поднялись за Баку. Ранней весной онѣ покрыты травой, но съ мая солнце выжигаетъ всякую растительность.

Длинные многочисленные молы и дамбы врѣзались въ море. Тутъ всѣ пароходныя пристани. Но что за масса судовъ въ Бакинскомъ заливѣ, просто глазамъ не вѣришь! Весь заливъ наполненъ ими. Тутъ и громадные пароходы, и наливныя шкуны, и корабли, и барки, и баркасы, и какіе-то восточные струги, и широкіе киржимы, и повсюду народъ. Всюду носильщики, согнувшись пополамъ, тащатъ неимовѣрныя тяжести, всюду разгружаютъ и нагружаютъ. На молахъ стоятъ стѣны ящиковъ, мѣшковъ, тюковъ и корзинъ въ ожиданіи, что ихъ снесутъ на берегъ или на суда.

Дома на набережной всѣ одного типа, всѣ они плоскокрышіе, желтые, друхъэтажные, всѣ въ нижнихъ этажахъ имѣютъ лавки, кромѣ губернаторскаго, стоящаго возлѣ общественнаго сада.

Около дома губернатора черезъ невысокую стѣну свѣсилась на набережную зелень деревьевъ небольшаго городского или Михайловскаго сада. Этотъ красивый садъ,—лучшій въ Баку. Здѣсь нигдѣ нѣтъ ни воды, ни ручья, ни рѣченки, которые могли-бы поить растительность, и поддержка и поливка сада стоятъ неимовѣрныхъ денегъ.

Цѣлыя заросли живоблота, этого некрасиваго кустарника, разваливающагося своими плетями, покрыли всѣ свободныя пространства сада, окружили группы гребенщиковъ, и, не страшась жаровъ и засухъ, разрослись самымъ пышнымъ образомъ.

— Мы здѣсь рады и живоблоту, хоть онъ даетъ зелень, а безъ него хоть пропадай.

И дѣйствительно, этотъ живоблотъ покрылъ и Циціановскій скверъ, и другіе садики, и кладбища Баку.

Весь новый Баку, съ его хорошими улицами, отелями, блестящими магазинами и садиками, окружилъ старую крѣпость, зубчатыя стѣны которой такъ хорошо сохранились. Входъ въ крѣпость съ Думской площади—самый парадный. Здѣсь большіе крѣпостные ворота Шаха-Аббаса.

Я вошелъ въ нихъ и очутился въ старомъ городѣ, въ этомъ лабиринтѣ проулковъ, гдѣ мѣрно шагаютъ ишаки, нагруженные тяжестями, гдѣ пестрота костюмовъ унесла меня на далекій востокъ. Весь старый городъ—это бурожелтое каменное гнѣздо самаго безотраднаго вида, изъ котораго поднялись, словно выдавленные, минареты мечетей и громадный мрачный ханскій дворецъ, когда-то великолѣпная резиденція ширванъ-шаховъ.

Мрачный дворецъ, почти безъ оконъ, окруженный высокими

каменными стѣнами, представляетъ много интереса своими остатками прежней красоты. Тамъ входныя двери всѣ окружены сѣтью персидскихъ арабесокъ, цвѣтовъ и листьевъ и заставляютъ васъ остановиться передъ ними. Внутри, въ пустыхъ залахъ дворца, мрачно и уныло и всѣ эти помѣщенія хановъ и шаховъ, когда-то обставленныя съ восточной роскошью, теперь служатъ складомъ артиллерійскихъ орудій и никакого интереса не представляютъ.

Здѣсь-же около дворца стоятъ обѣ старыя мечети, изъ которыхъ одна просто поразила меня своими украшеніями, а другая полу-развалина придала много красоты этому каменному гнѣзду своимъ высокимъ желтымъ минаретомъ. Куполъ первой мечети весь въ глубокихъ изразцахъ и ея фасадъ—сплошное каменное кружево.

Бродя по лабиринту душныхъ, узкихъ, какъ корридоры, улицъ, прижимаясь къ стѣнамъ домовъ, чтобы дать дорогу осликамъ, переходя изъ закоулка въ закоулокъ и спускаясь по крутикамъ и лѣсенкамъ, я невольно останавливался передъ этими красными галлереями и балкончиками, висящими надъ улицами, передъ этими пестро разрисованными ставнями, большею частью ярко синими, передъ этими бронзовыми лицами въ длинныхъ халатахъ, въ зеленыхъ чалмахъ, въ бѣлыхъ тюрбанахъ, въ красныхъ фескахъ.

Наконецъ, я спустился къ подножью крѣпостного холма и попалъ въ Темные ряды. Это длинный, крытый корридоръ, сплошь застроенный лавченками, переносящій васъ, какъ тифлисскій армянскій базаръ, въ область восточныхъ сказокъ. Тутъ и эмали, и восточныя серебряныя украшенія, громадныя брошки, груды бирюзы, тутъ и безъ умолку стучащіе молотами кузнецы и ткачи, иголки которыхъ сверкаютъ, какъ молніи, и шапошники, и сапожники, лавки которыхъ представляютъ любопытныя выставки, и повара съ шипящими котлами и безконечными левашами. Шумъ, гвалтъ, пестрота—неописуемые.

*
* *

Видъ Чернаго городка былъ и есть крайне непріятенъ. Это груда развалинъ, сѣрыхъ стѣнъ, плоскокрышихъ амбаровъ, раздѣленныхъ лужами и озерами мазута съ ихъ незыблемой разноцвѣтной поверхностью, это скопище цистернъ, черныхъ, душныхъ, промасленныхъ, отъ которыхъ вѣетъ копотью и жиромъ, черныхъ высокихъ трубъ, вѣчно изрыгающихъ клубы дыма и смрада. Всѣ свободныя пространства отъ заводовъ, цистернъ и домовъ сплошь изрыты, переворочены и исковерканы, словно здѣсь прошелъ Мамай,

всѣ углубленія наполнены мазутомъ, съ его удушающимъ запахомъ, и вдоль и поперекъ всѣ эти мѣста покрыты сѣтями трубъ. Трубъ, отъ самыхъ толстыхъ до самыхъ тонкихъ, здѣсь такая масса, онѣ переплелись такою сѣтью, что ежеминутно надо прыгать и шагать черезъ эти черные, прокопченые нефтепроводы. Рельсы желѣзной дороги изрѣзали Черный городокъ, пробѣгая по насыпямъ, валамъ, проколотымъ тѣми же нефтяными трубами. Здѣсь ежедневно я привѣтствовалъ особый локомотивъ „Ферли," который усиленно работалъ цѣлые дни, перевозя вереницы наливныхъ вагоновъ изъ Чернаго городка на вокзалъ. Это двойной курьезный локомотивъ, словно сцѣпили два локомотива одинъ съ другимъ задами. Тысячи наливныхъ вагоновъ торчатъ на каждомъ шагу, а у берега качаются массы наливныхъ шкунъ, вбирающихъ промасленными, черными кишками нефть. Конно-желѣзная дорога связала Черный городокъ съ городомъ Баку и, проѣзжая въ вагонѣ, каждый разъ удивляешься этому продушенному нефтью душному Черному городку. Караваны верблюдовъ шагаютъ по его изрытымъ, прокаленнымъ улицамъ, качаясь, какъ корабли, и презрительно глядя на людскую суету. Сколько величія, сознанія труда и презрѣнія въ этихъ умныхъ глазахъ этихъ мѣшковатыхъ громадныхъ животныхъ, съ ихъ крѣпкими, выносливыми ногами. Какъ мѣрно, какъ неторопливо выступаетъ верблюдъ, этотъ работникъ-фанатикъ, этотъ оригинальный звѣрь съ овечьей физіономіей, въ которой свѣтится сознаніе труда. Всякій разъ, когда я встрѣчалъ верблюдовъ, я съ почтеніемъ глядѣлъ на нихъ, на этихъ уродовъ животнаго царства, которые окидывали меня такимъ холоднымъ взглядомъ, говорившимъ мнѣ: „эй, ты, туристъ, что ты смотришь на насъ, мы, дѣти труда, презираемъ всѣхъ, кто лѣнится и не исполняетъ свой священный долгъ. Жизнь—это трудъ". Согнутая шея верблюда, словно созданная самой природой для ярма, его горбъ, приспособленный для переноски невѣроятныхъ тяжестей, его ноги, крѣпкія и сильныя, снабженныя громадными копытами, его крѣпкія губы, неразрываемыя и неуязвляемыя колючками растеній песковъ, все сдѣлало верблюда кораблемъ пустынь, вѣчнымъ работникомъ, философомъ, сознающимъ, что работа—его назначеніе. Маленькіе ослики съ удивительною ловкостью семенили своими ножками по улицамъ Чернаго городка, не смущаясь ни мазутовыми лужами, ни трубами, и, нагруженные корзинами, производили впечатлѣніе, будто грузъ идетъ самъ, такъ какъ даже уши ихъ нерѣдко исчезали подъ поклажей.

Надъ Чернымъ городкомъ перевились густой сѣтью проволоки телеграфовъ и телефоновъ, а надъ ней остановилась черная туча

дыма и копоти, закрывающая синее небо и бросающая душную полутѣнь на и безъ того прокопченый и удушливый городокъ. Растительности здѣсь нѣтъ никакой, только пучки травъ, пропитанныя нефтью, коричневыя, словно морскія губки, увеличиваютъ унынiе пейзажа. Только одинъ прелестный вьюнокъ, распускающiйся въ iюнѣ, украшаетъ мѣстами низины. Онъ весь покрытъ бѣлымъ войлокомъ, такъ что имѣетъ серебряный видъ. Этотъ войлокъ служитъ ему защитой и даетъ возможность раскрывать свои бѣлыя, глубокiя воронки цвѣтовъ. Вьюнокъ не пахнетъ; еслибы онъ былъ душистъ, и онъ долженъ бы былъ пахнуть нефтью и мазутомъ. Въ маѣ повсюду цвѣтетъ душистый дикiй гелiотропъ, сплошь закрывающiй своими бѣлыми щитиками цѣлыя песчаныя пространства, да позже стелются каперсы и верблюжья трава.

Когда подъѣзжаешь къ Баку на пароходѣ, Черный городокъ, какъ черное пятно, вырѣзается на фонѣ Апшеронскаго полуострова и составляетъ удивительно рѣзкiй контрастъ съ желтобурымъ пейзажемъ берега, ярко залитымъ солнцемъ.

— Здѣсь переработывается вся добытая въ Балаханахъ нефть въ керосинъ и бензинъ,—сказалъ мнѣ дядя,—немудрено, что здѣсь все прокопчено. Отбросы отъ этого грандiознаго производства пропитали здѣсь и почву, и воздухъ.

Въ одинъ прекрасный день мы отправились на громадные Нобелевскiе заводы. По просьбѣ дяди намъ отрядили опытнаго проводника и мы окунулись въ это керосиновое море.

Нефть, добытая буренiемъ, которое даетъ громадные фантаны, проведенная по трубамъ изъ Балахановъ сюда на заводы, поступаетъ въ громадные котлы, вмазанные въ цѣлые ряды гигантскихъ печекъ.

— Мы топимъ всѣ печи мазутомъ,—объяснялъ намъ путеводитель.—Изъ котловъ въ холодильники проходятъ легчайшiя части—бензинъ и газолинъ, и оставшаяся въ котлахъ нефть поступаетъ въ новые котлы, гдѣ новымъ нагрѣванiемъ выдѣляется изъ нея керосинъ, а изъ остатка уже выдѣляются масла.

Трудно представить себѣ всѣ эти котлы, всѣ эти отдѣленiя, гдѣ обработываютъ бензинъ, газолинъ и керосинъ. Эти колоссальные насосы, забирающiе морскую воду въ бассейны и разсылающiе ее по холодильникамъ, всѣ эти водопады и ручьи керосина и бензина, всѣ эти громадные этажи котловъ въ масляномъ отдѣленiи, гдѣ изъ мазута постепенно отдѣляется сначала соларовое масло, затѣмъ веретянное, затѣмъ машинное и, наконецъ, цилиндровое, самое дорогое, тяжелое, густое и получающееся въ очень небольшомъ количествѣ.

Какъ отбросъ отъ переработки мазута, остается гудронъ. Масла для очистки обработываются сѣрной кислотой, которая окрашиваетъ ихъ въ синій цвѣтъ, а при отдѣлкѣ ихъ щелочью, онѣ получаютъ молочный видъ и, только отстоявшись, выдѣляютъ чистое масло.

За баиловымъ мысомъ находится мѣстечко Биби-Эйбатъ, гдѣ добывается и обработывается масса нефти.

Болѣе безотрадную мѣстность, какъ Биби-Эйбатъ, трудно себѣ и представить. Какъ только мы въѣхали на пригорокъ Баилова мыса, цѣлымъ лѣсомъ поднялись предо мной черныя, прокопченыя пирамиды и нефтяныя вышки. Среди песковъ изрытой мѣстности, на скучномъ берегу, пропитанномъ нефтью до того, что, при наступаніи ногой, на мѣстѣ слѣда показывается нефть, лежитъ Биби-Эйбатъ.

— Совсѣмъ какъ по болоту ходишь,—воскликнулъ я, когда бродилъ съ управляющимъ по заводу.

— Видите, какъ нефть работаетъ,—указалъ онъ мнѣ на нефтяной фонтанъ.

Громадный столбъ нефти съ страшной силой вырывался изъ земли и поднимался на громадную вышину. Чтобы избѣжать растраты нефти, надъ фонтанами строятъ деревянные пирамидообразные дома, въ которыхъ помѣщаютъ на извѣстной вышинѣ толстыя стальныя плиты, чтобы не давать нефти подниматься на десятки саженъ и даромъ разбрасываться во всѣ стороны.

Около Биби-Эйбата любопытно морское явленіе. Со дна моря вырываются углеводородные газы, которые, будучи зажжены, горятъ надъ морскою поверхностью.

Помню, какъ мы ѣздили въ лодкѣ въ большой компаніи на морскіе огни. Вечеръ былъ теплый и тихій, что рѣдко выпадаетъ на долю Баку. Подъѣхавъ къ опредѣленному мѣсту, мы зажгли бумагу и бросили ее въ воду. Я ожидалъ, что она тотчасъ же потухнетъ, но, къ моему изумленію, надъ водой взвился синеватый языкъ огня. При легкомъ вѣтеркѣ онъ трепеталъ и перелеталъ съ мѣста на мѣсто, какъ бабочка, готовая опуститься на цвѣтокъ. Вблизи перваго загорѣлся второй огонь, далѣе третій. Огни догоняли другъ друга, сливались, раздѣлялись, бѣжали за нами и мерцали какимъ-то таинственнымъ, призрачнымъ синеватымъ свѣтомъ. Такъ странно было видѣть это горящее море, эти языки огня, лижущіе морскія струи.

Въ Балаханы, главное мѣсто добычи нефти, я тоже ѣздилъ въ экипажѣ, взявъ фаэтонщика на цѣлый день.

Проѣхавъ соленое озеро, мы поднялись въ гору къ Балаханамъ, пропитаннымъ нефтью. Множество бассейновъ, полныхъ нефтью,

соединенныхъ канавками, изливались въ громадное нефтяное темное озеро, главный нефтяной резервуаръ, около татарской деревеньки Сабунчи, откуда направлены трубы въ Черный городокъ.

— Здѣсь болѣе 400 колодцевъ, сказалъ мнѣ дядя, изъ нихъ добываютъ до 40 милліоновъ пудовъ нефти.

Осмотрѣвъ „Балханы" или Балаханы, мы двинулись въ Суруханы и въѣхали въ татарскую деревню, узкіе проулки которой напоминали корридоры, а мечеть съ большимъ голубымъ куполомъ красиво блестѣла на солнцѣ. Дома, сброшенные въ кучи, имѣли на крышахъ громадные, бѣлые цилиндры въ родѣ дымовыхъ трубъ.

— Это трубы отъ бань,—объяснилъ фаэтонщикъ.

Черныя скалы изъ плитняка, продырявленныя пещерами, слѣпо глядѣли на насъ.

— Въ этихъ пещерахъ обжигаютъ известь.

Вскорѣ около Сураханов мнѣ пришлось увидѣть въ дѣйствіи подобныя известково-обжигательныя печи.

— Здѣсь это просто. Выроютъ яму, наложатъ извести и зажгутъ выдѣляющійся изъ земли газъ.

Весь Апшеронскій полуостровъ пропитанъ нефтью и газами и въ Суруханахъ заводъ Кокорева отопляется этимъ натуральнымъ газомъ, который вырывается изъ жерла высокой трубы, поставленной среди двора и служитъ по ночамъ для освѣщенія.

Рядомъ съ этимъ заводомъ находятся вѣчные огни въ знаменитомъ монастырѣ огнепоклонниковъ. Долго я бродилъ вокругъ его бѣлыхъ зубчатыхъ стѣнъ и никакъ не могъ попасть въ него, пока откуда-то не появился сторожъ. Онъ открылъ мнѣ ворота и я вошелъ во дворъ знаменитаго капища. Пустой, тихій монастырь представляетъ большой четыреугольный дворъ, окруженный бѣлой каменной стѣной съ зубцами. Прежде, когда монастырь былъ обитаемъ, надъ каждымъ зубцомъ горѣло пламя. Среди двора усѣлась четыреугольная башня, бѣлая, какъ стѣны. Здѣсь огнепоклонники сожигали трупы своихъ сотоварищей. Другая четыреугольная башня поднялась надъ старыми воротами, испещренными какими-то надписями. На вершинѣ этой башни, по четыремъ угламъ трубы съ пылающими въ нихъ языками натуральнаго газа. Въ толстыхъ стѣнахъ стоятъ пустыя, мрачныя келіи съ трубами натуральнаго газа. Здѣсь жили гебры—огнепоклонники, эти фанатики-индусы, сохранившіе до нашихъ дней культъ огня, здѣсь творили они молитвы, облекаясь въ свои бѣлыя одежды, зажигая огни и звоня въ свои колокольчики.

Послѣдній индусъ уѣхалъ въ Индію въ 1880 году. Съ тѣхъ

поръ монастырь совсѣмъ опустѣлъ, погасли его огни и только надъ входной башней, гдѣ жилъ настоятель и глава огнепоклонниковъ, до сихъ поръ пылаетъ яркое пламя. Почва въ этихъ мѣстахъ до того пропитана газомъ, что онъ вырывается изъ каждой трещины, изъ каждой щели и стоитъ его зажечь, чтобы онъ горѣлъ неугасимымъ огнемъ. Маленькіе татарчата, бѣжавшіе оравой за нами, какъ кроты, копались въ землѣ, зажигали спичкой вырывающійся газъ и протягивали, конечно, руку за деньгами. Какъ пусто теперь въ этомъ заброшенномъ монастырѣ, среди этихъ бѣлыхъ стѣнъ и башенъ, среди этихъ нѣсколькихъ неугасимыхъ пылающихъ огней, которые горестно и трепетно пылаютъ, оплакивая свое одиночество и сиротство.

Сосѣдній заводъ отвелъ часть трубъ въ свое владѣніе и теперь надъ вершиной его высокой трубы, освѣщая по ночамъ окрестность, пылаетъ это фантастическое пламя, которому поклонялись люди, и глядитъ въ темную долину, когда-то полную таинственной поэзіи и ужаса, трепетныхъ призрачныхъ огней, наводившихъ на людей страхъ, а теперь служащихъ для обжиганія извести.

В. Сидоровъ.

На Сыръ-Дарьѣ.

Цѣпь огородовъ, мимо которыхъ проходилъ „Самаркандъ“, кончилась; потянулись плоскіе берега, покрытые уже исключительно однимъ камышемъ. Всюду виднѣлись косари—киргизы и русскіе, и блистали на солнцѣ косы...

Камышевое сѣно очень охотно ѣдятъ даже лошади, и запасы его играютъ немаловажную роль въ степномъ хозяйствѣ. За этою полосою чисто прибрежной зелени, свѣтло-зеленымъ, нѣсколько пепельнымъ ковромъ виднѣлись пастбища, покрытыя уже исключительно степною растительностью. Тамъ и сямъ, словно грибы, высовывались изъ зелени вершины киргизскихъ кибитокъ. Бродили стада овецъ и коровъ, изрѣдка небольшіе косяки лошадей. Аулы лѣпились иногда на самомъ берегу, и съ палубы нашего парохода можно было совершенно свободно разсмотрѣть все, что тамъ дѣлается. Даже внутреннее убранство кибитокъ было открыто для наблюдателя, по случаю поднятыхъ для провѣтриванія боковыхъ войлоковъ... Пароходъ шелъ близко отъ берега — бинокли помогали наблюденіямъ. Вотъ группа женщинъ въ однихъ долгополыхъ рубахахъ, въ громадныхъ

джавлукахъ на головахъ, скоблятъ тупыми ножами воловью шкуру и обтираютъ эти ножи о свои же рубахи. Вотъ одна тащитъ за рога барана, зажавши его между ногъ, точно верхомъ на немъ ѣдетъ.

Мужчинъ не было видно вовсе въ аулахъ. Вдали только разъѣзжали нѣсколько всадниковъ, мелькая на горизонтѣ чуть замѣтными точками.

Своимъ шумящимъ и посвистывающимъ пароходомъ мы взбудоражили все кочевое населеніе; все вылѣзло изъ кибитокъ и заняло берегъ самыми пестрыми, живописными группами. Совсѣмъ голые ребятишки даже въ воду полѣзли, чтобы поближе разсмотрѣть чудную лодку; другіе съ криками и смѣхомъ бѣжали по берегу, провожая наше судно. Шаловливыя киргизки, особенно дѣвушки, смѣялись, показывая при этомъ свои ослѣпительно бѣлые, превосходные зубы, и махали въ знакъ привѣтствія длинными рукавами своихъ рубашекъ.

Случалось пароходу проходить не болѣе, какъ въ двухъ-трехъ саженяхъ отъ берега: надо было видѣть тогда оживленіе этихъ дѣтей степи; надо было слышать эти шутки и остроты, которыми онѣ перебрасывались съ нашими матросами и стрѣлками...

Одна изъ дѣвицъ не удовольствовалась, должно быть, тѣмъ, что успѣла подразнить насъ, пока пароходъ проходилъ мимо;—она вскочила верхомъ на осѣдланную лошадь и понеслась по берегу...

Стопъ!—мы толкнулись носомъ въ отмель и стали, — всего въ двухъ шагахъ отъ берега. Въ одно мгновеніе собрались многочисленные зрители, — но спектакль на этотъ разъ продолжался недолго; — матросы скоро справились, отпихнулись шестами, и пароходъ пошелъ, дѣлая по случаю мелей самые крутые, непредвидѣнные повороты.

Вообще, плаваніе по Сыръ-Дарьѣ, какъ извѣстно, требуетъ большого навыка и сноровки. Фарватеръ рѣки часто мѣняется, потому что мели переползаютъ съ мѣста на мѣсто, и тамъ, гдѣ вы легко прошли недѣлю тому назадъ, нельзя поручиться, что сегодня вы пройдете также благополучно. По цвѣту воды, по характеру зыби,—опытный глазъ капитана слѣдитъ за подобными измѣненіями, но часто — особенность освѣщенія поверхности, легкая тѣнь отъ пробѣгающаго облака—обманываютъ этотъ глазъ,—и „натыканія"— какъ ихъ здѣсь называютъ, случаются чуть не на каждыхъ десяти верстахъ пройденнаго пути. Дно рѣки вездѣ песчаное или илистое, волненія нѣтъ никакого, а потому толчокъ судна о мель не представляетъ ничего опаснаго, и вызываетъ только минутную оста-

новку. Иногда случаются и слѣдующіе характерные маневры: дурно слушаясь руля, пароходъ не успѣетъ сдѣлать нужный поворотъ, толкнется въ берегъ носомъ и задержится на мгновеніе; а тѣмъ временемъ теченіе повернетъ судно кормою впередъ, эта корма толкнется въ противоположный берегъ, задержится тамъ, и то же теченіе, занеся корму, въ свою очередь занесетъ носъ, и поставитъ судно въ надлежащее положеніе. Такой точно маневръ мы продѣлали у заворота Дарьи, пройдя отъ Казалинска верстъ тридцать, и оставили на мягкихъ берегахъ изрядные отпечатки.

Случалось вамъ когда-нибудь наблюдать за щепкою, плывущей по водосточной канавкѣ?—Сыръ-дарьинскіе пароходы, въ своихъ плаваніяхъ внизъ по рѣкѣ, бываютъ часто очень похожи на эту щепку.

А, вотъ наконецъ и мужское населеніе! На правомъ берегу виднѣется небольшой аулъ, кибитокъ до сорока. Множество осѣдланныхъ лошадей стоятъ на приколахъ около одной кибитки, отличающейся отъ прочихъ и размѣрами, и цвѣтомъ. Кибитка эта вся обтянута бѣлымъ войлокомъ, поверхъ него перетянуты широкія тесьмы, краснаго цвѣта съ ковровымъ узоромъ, боковыя кошмы — стѣны—тоже приподняты, вмѣсто дверей красный коверъ, подобранный кверху валикомъ. Сквозь красный переплетъ деревянныхъ рѣшетокъ, виднѣются спины сидящихъ. Ихъ довольно много, и одѣты они въ парадныхъ костюмахъ, а не въ обыденныхъ верблюжьихъ халатахъ. У одного свѣтло-синій бархатный халатъ расшитъ даже золотомъ по спинѣ и воротнику. Должно быть, у хозяина дома какое-нибудь торжество, и къ нему собрались гости. По близости отъ кибитки стоятъ на треногахъ два большихъ котла, и въ нихъ что-то варится; на разостланномъ войлокѣ краснѣетъ свѣже-ободранная баранья туша.

Скуластое лицо, въ лисьей шапкѣ, съ бородкою „à la Napoléon“, выглянуло изъ дверей, наставило руку надъ глазами отъ солнца, удовлетворило свое любопытство и успокоилось. Это все люди солидные, бывалые, много на своемъ вѣку видавшіе, и ихъ не удивишь какимъ-нибудь „шайтанъ-каикомъ“. Однако, едва только пароходъ поравнялся съ этою кибиткою,—какъ и оттуда, торопясь и съ трудомъ протискиваясь въ узкія двери, вышли эти солидные люди поглазѣть, хотя бы и на вещь, давно ими виданную.

На лѣвомъ берегу виднѣются полуразвалившіяся стѣны съ остатками зубцовъ—это старинная крѣпостца Чингала. Около нея тоже сгруппировалось нѣсколько кибитокъ. Оригинальныя, изрытыя водою, мѣстами обвалившіяся стѣны отбрасываютъ на окружающій песокъ рѣзкую, голубоватую тѣнь; въ этой тѣни пріютилось

стадо козъ, а на самомъ верху, между двухъ уцѣлѣвшихъ зубцовъ, сидитъ пастухъ-киргизёнокъ, весь голый, въ коротенькихъ только штанахъ до колѣнъ, и во все горло тянетъ свою дикую пѣсню.

— Эй, ты—ворона!—кричитъ ему матросъ съ бака, наставивъ руки рупоромъ.

— Самъ ты ворона! — чуть слышно доносится съ вершины стѣны.

— Знакомый — въ Казани часто бывалъ,—объяснилъ мнѣ матросъ мое недоумѣніе при звукѣ на русское воззваніе,—русскаго же отвѣта.

Пароходъ идетъ мимо. Скоро и аулъ съ богатою кибиткою пирующаго хозяина, и желтыя стѣны Чингалы съ своимъ киргизёнкомъ, — все осталось далеко сзади. Песчаная мель виднѣется впереди, она доходитъ почти до самой середины рѣки. Около нея качаются нѣсколько лодокъ—каиковъ, грубо сколоченныхъ въ формѣ башмаковъ, съ загнутыми кверху носками.

Мѣстность стала очевидно ниже. Показались арыки, впадающіе въ рѣку. У нѣкоторыхъ устроены были запруды, для удержанія воды. Вдоль береговъ потянулись плохія пашни, засѣянныя просомъ, и бахчи съ арбузами и дынями.

Сторожа сидятъ въ своихъ камышевыхъ шалашахъ и гоняютъ птицъ трещетками и пращею, швыряя кусочками глины и мелкими камешками.

Большой рукавъ рѣки отдѣлился вправо. Мы вошли въ лѣвый, узкій, но зато болѣе глубокій. Кончились обработанныя поля, начались густые камыши, и какіе камыши! Несмотря на то, что теперь начало іюня и растеніе это не достигаетъ даже половины своего роста, всадникъ свободно можетъ спрятаться въ ихъ чащѣ. Пароходъ идетъ между двухъ ярко-зеленыхъ стѣнъ, чуть не задѣвая ихъ своими колесами.

Поминутно изъ всколыхнувшейся чащи взлетаютъ длинноногія цапли и плавно несутся надъ самыми камышами. У одной изъ нихъ въ клювѣ конвульсивно извивается маленькая змѣйка. Вотъ поднялось что-то большое, бѣлое, тяжело взмахнуло своими крыльями, отлетѣло шаговъ на десять и съ шумомъ опустилось внизъ, щелкая по упругимъ стеблямъ, это — пеликанъ, такъ-называемая баба-птица; онѣ появляются здѣсь довольно часто. Въ одномъ мѣстѣ пароходъ спугнулъ цѣлую стаю хохлатыхъ утокъ; пестрая вереница поднялась и съ крикомъ заметалась, не сразу сообразивъ, куда бы летѣть отъ этого пыхтящаго и посвистывающаго чудовища.

Стало прохладнѣе, солнце спускалось. Камыши рѣдѣли; пока-

залось новое развѣтвленіе рѣки. Вдали чуть-чуть виднѣются мачты... одна, другая, третья... ихъ много. Это пароходъ „Перовскъ“ съ своими баржами, вышедшій изъ Казалинска днемъ раньше. Онъ теперь стоитъ на причалахъ у острова Косъ-арала, близъ выхода въ Аральское море. Мы тоже должны прибыть туда же, нагрузиться саксауломъ (мѣстное топливо), переночевать и утромъ выступить въ море.

Чудную картину представлялъ островъ Косъ-аралъ, когда мы, наконецъ, подошли къ нему и стали на причалъ у самаго берега. Островъ образовался изъ большой отлогой косы и отмелей, поросшихъ сначала камышемъ, а впослѣдствіи и другою степною растительностью. Уровень этого острова очень низокъ, а потому онъ не закрываетъ Аральскаго моря, которое видно за нимъ широкою темно-синею полосою.

Солнце спускалось за эту полосу. Все небо горѣло, словно охваченное пожаромъ, и на этомъ огненномъ фонѣ рѣзко очерчивались мачты судовъ съ своими снастями и черныя трубы пароходовъ. На берегу разбросаны были группы шалашей и кибитокъ, стоянка здѣшнихъ рыбаковъ. У самой воды виднѣлись чудовищные котлы, вмазанные въ кольцеобразныя глиняныя печи. Въ этихъ котлахъ вытапливался сомовій жиръ, и красное пламя лизало ихъ закопченные бока, мѣстами даже дó-красна накалившіеся. Густые столбы чернаго дыма валили отъ печей и расползались по небу. Снизу эти столбы были багрово-красные, потомъ черные, потомъ опять красные, окрашенные уже послѣдними лучами заходящаго солнца. Рыбачьи лодки, вытащенныя на берегъ для конопатки и осмолки, лежали на пескѣ въ самыхъ живописныхъ группахъ. Всюду виднѣлись развѣшанные на жердяхъ для просушки канаты съ крючьями, — варварскій дикій способъ рыбной ловли, преслѣдуемый на Донѣ, Уралѣ и Волгѣ, какъ уголовное преступленіе.

Громадныя кучи саксаула, заготовленнаго для потребности пароходовъ, поднимались на берегу, словно горы. Сотни бѣлыхъ рубахъ копошились у ихъ подножій. Это стрѣлки переносили топливо съ берега на суда, и быстро, торопливо, ну, точно муравьи за работою,—сновали отъ кучъ къ пароходамъ, отъ пароходовъ къ кучамъ, таская тяжелые, узловатые, корявые куски этого страннаго дерева.

Н. Каразинъ.

У Аральскаго моря.

Если кого укачиваетъ въ морѣ, - тоже самое будетъ съ нимъ и на верблюдѣ, въ особенности, если онъ ѣдетъ въ корзинкѣ; другими словами, путешественникъ, подверженный морской болѣзни, будетъ испытывать всѣ ея послѣдствія среди пустыни, гдѣ на сотни верстъ нѣтъ ни капли воды. На меня почти не дѣйствуетъ качка въ морѣ, но здѣсь первое время начинало мутить, и даже довольно ощутительно. Сначала разбирало также большое сомнѣніе насчетъ устойчивости вьюка моего верблюда. Вдругъ все это полетитъ на землю!—думалось мнѣ. Хорошо еще, если багажъ перетянетъ; а что, если я окажусь внизу, и съ высоты горба на меня обрушится 4-пудовый тюкъ, этотъ ящикъ съ острыми ребрами, окованными желѣзомъ... Ну, будетъ исторія!—думаю себѣ. Однако всѣ эти страхи скоро миновали, да и тошнота прошла, такъ что уже на третьемъ переходѣ я чувствовалъ себя, какъ будто родился киргизомъ. Медленно и методически, съ правильностью метронома, шагали верблюды, съ тою же правильностью качалась моя люлька. Впереди ѣхалъ Ахметка, за нимъ шелъ мой верблюдъ, сзади всѣхъ плелся запасный, и всѣ мы были связаны другъ съ другомъ. Въ своей корзинкѣ я изображалъ собою не больше, какъ кладь, которую Ахметка взялся доставить въ Каракамышъ. Я могъ только выражать свои желанія, и это было единственное мое отличіе отъ неодушевленнаго предмета. Самостоятельно я не могъ ни остановить своего верблюда, такъ какъ онъ былъ привязанъ къ переднему, ни тѣмъ болѣе слѣзть съ него, такъ какъ для этого надо было остановить и положить его. Сквозь овальное отверстіе навѣса, я вижу кусочекъ степи, переднюю ногу верблюда, его шею и отъ времени до времени вижу, какъ изъ-за кузова корзинки выставляется мозолистая лапа задней. Сквозь дырочки, которыя я продѣлалъ по бокамъ крыши, слѣва мнѣ представляется видъ на степь, а справа столь же живописный видъ на верблюжьи горбы, одѣтые грязной кошмой. Сначала меня сильно донималъ запасный верблюдъ. Это было тощее животное, съ кожей, покрытой какими-то болѣзненными наростами. Всю дорогу онъ думалъ только о томъ, какъ бы почесаться, а такъ какъ въ степи, кромѣ другихъ нашихъ верблюдовъ, ничего подходящаго для этой цѣли не было, то при малѣйшей остановкѣ, или даже на ходу, онъ наровилъ подобраться къ моей корзинкѣ и всякій разъ начиналъ

тереть объ ея край свою корявую спину. Корзинка трещала и, что хуже всего, подъ напоромъ горба поднималась кверху, а вьюкъ опускался внизъ; однимъ словомъ, грозило сальто-мортале, котораго я такъ боялся сначала. Шамполомъ отъ ружья я прогонялъ несносную животину; но какъ ни въ чемъ не бывало, верблюдъ переходилъ на другую сторону и начиналъ чесаться о вьюкъ. Еще того хуже! Тогда я опускался внизъ, а тюкъ собирался обрушиться на меня свой 4-пудовой тяжестью. Пришлось перевести этого любителя чесаться въ середину, а меня въ хвостъ каравана, но на остановкахъ продолжалась та же исторія, и, вообще, этотъ возмутительный верблюдъ причинилъ намъ много хлопотъ, а пользы отъ него не было ни на грошъ, такъ какъ всю дорогу онъ только и дѣлалъ, что чесался.

Первый день мы шли по дну высохшаго Айбугирскаго залива. Еще не очень давно онъ изображался на картахъ настоящимъ заливомъ, вдающимся вглубь степи отъ южнаго конца Аральскаго моря. Теперь онъ высохъ совсѣмъ, такъ что тамъ, гдѣ еще недавно жили морскія ракушки и плавали рыбы, теперь растётъ колючка и бѣгаютъ фазаны. Вообще, какъ извѣстно, Аральское море сохнетъ, что называется, не по днямъ, а по часамъ. Еслибы не Аму-и Сыръ-Дарья, по его дну давно бы ходили верблюды.

Въ концѣ 2-го дня пути по крутой узкой тропинкѣ мы поднялись на ровное, какъ полъ, плато Усть-Уртъ, отдѣляющее Уралъ отъ Каспія, откуда передъ нами открылся видъ на море. Ну, ужъ и видъ! ну, ужъ и море! Это та же пустыня, какъ степи вокругъ его, только пустыня водная. Когда мы взошли на Усть-Уртъ, было тихо. Какъ зеленое стекло, блестѣла гладкая поверхность Арала. На морѣ ни паруса, ни чайки, никакой другой птицы. Всюду пусто, мертво и тихо. Такая же мертвая однообразная пустыня подходитъ къ берегамъ Арала. Насколько хватаетъ глазъ, вдоль берега тянется крутой обрывъ Усть-Урта, сѣрый, мрачный и мертвый. Нигдѣ ни кустика, ни зеленой травы, ни ручья; не слышно щебетанія птицъ, не стрекочутъ кузнечики. Словомъ, какъ на морѣ, такъ и на берегу нѣтъ ничего. Тамъ одна вода, здѣсь голая глина. Суда Аральской военной флотиліи, вѣроятно, были первыми съ сотворенія міра судами, которыя стали бороздить поверхность открытаго моря, а команда ихъ была первыми людьми, которыхъ видѣли антилопы и лисы, живущія на необитаемомъ островѣ „Николаѣ". Какъ этотъ островъ, такъ и нѣкоторые другіе были открыты и названы нашими моряками. Поэтому на картѣ Арала среди тюркскихъ именъ, вродѣ Барса-Кельмесъ, Кугъ-Аралъ и другихъ, встрѣчаются и русскія: островъ Лазарева, заливъ Чернышева и проч.

Въ 1876 г. фирма бр. Ванюшиныхъ снарядила было на Аралѣ два морскихъ судна съ цѣлью рыболовства, но дѣло скоро лопнуло и суда были разобраны на дрова.

Немного позже пытался плавать по морю казалинскій мѣщанинъ Кривохижинъ. Но его затѣя кончилась настоящей робинзонадой, только съ трагическимъ концомъ. Эта исторія стоитъ того, чтобы разсказать ее.

Кривохижинъ построилъ морское судно по типу каспійскихъ кусовыхъ, съ тѣмъ, чтобы доставлять пшеницу и другія произведенія Хивинскаго оазиса съ низовьевъ Аму въ Казалинскъ. Въ одинъ несчастный день съ командой изъ 5 человѣкъ онъ отправился въ Кунградъ за хлѣбомъ. Тотъ годъ оказался въ Хивѣ неурожайнымъ, пшеница была дорога, и Кривохижинъ, чтобы не возвращаться безъ всякаго товара, пошелъ на необитаемый островъ „Николай" за саксауломъ, который продается въ Казалинскѣ на дрова по 10 коп. за пудъ. Въ небольшой бухточкѣ острова кусовая сѣла на мель и притомъ такъ крѣпко, что всѣ усилія стащить ее оказались напрасными. Нимало не медля, всѣ участники плаванія перебрались на берегъ, перетащили туда все, что было нужно и можно, построили шалашъ и стали жить. Вскорѣ вышла вся провизія. По русской безпечности, Кривохижинъ не захватилъ съ собой ни ружья, ни удочекъ, никакихъ другихъ орудій, которыми можно было бы промыслить пищу. Поэтому нашимъ робинзонамъ оставалось только поглядывать на антилопъ, изъ любопытства подходившихъ къ ихъ лагерю, и на рыбъ, плескавшихся около берега. Такъ какъ поверхность острова представляетъ клочекъ той же пустыни, какая на необозримое протяженіе тянется по берегамъ моря, не могло быть и рѣчи о примѣненіи изобрѣтательности по образцу Робинзона. Глина, песокъ и саксаулъ мало могли принести пользы въ данномъ случаѣ. Хорошо еще, что на „Николаѣ" нашлась прѣсная вода: могло и не быть ея. Къ счастью, въ командѣ Кривохижина было двое киргизъ. Они-то и выручили экспедицію. Хорошо зная пустыню и ея растительность, они вспомнили объ одномъ степномъ растеніи, чочимулдукѣ, у котораго на корняхъ находится по одному клубню, вполнѣ съѣдобному и напоминающему по вкусу картофель. Этими-то клубнями и стали питаться Кривохижинъ и его рабочіе, когда былъ съѣденъ послѣдній сухарь. Такое существованіе, конечно, не могло быть продолжительнымъ. Приходилось искать радикальное средство спасенія, потому что не было ни малѣйшей надежды на помощь со стороны. Флотилію въ то время уже упразднили, и на Аралѣ, кромѣ той самой кусовой, которая сослужила такую скверную службу, не

было ни одного судна. Поэтому Кривохижинъ рѣшился на отчаянную попытку: онъ задумалъ плыть къ берегу моря ни больше, ни меньше, какъ на душегубкѣ, бывшей при суднѣ. Лодчонку покрыли сверху брезентомъ и, приколотивъ края его къ бортамъ, устроили нѣчто вродѣ палубы. На носу противъ скамейки для гребца и на кормѣ въ брезентѣ прорѣзали по отверстію такой ширины, чтобы туда могъ пролѣзть человѣкъ. Затѣмъ, когда въ душегубку былъ положенъ запасъ чочимулдука, боченокъ воды и компасъ, стали усаживаться люди. Двое киргизъ залѣзли подъ брезентъ, русскій рабочій сѣлъ въ весла, а Кривохижинъ на руль, причемъ тотъ и другой привязали веревкой къ поясу края отверстія въ брезентѣ. Въ такомъ видѣ мореплаватели тронулись въ опасный путь, придерживаясь курса на востокъ. Остальные двое рабочихъ, оба русскіе, не рискнули присоединиться къ своимъ товарищамъ и рѣшили остаться на островѣ. Впрочемъ, все равно кому-нибудь надо было обречь себя на это, такъ какъ въ лодкѣ было слишкомъ тѣсно. Семь дней носились по морю. Уже въ началѣ пути задулъ сильный вѣтеръ, волны перекатывались поверхъ лодки, и, еслибы не импровизированная палуба, первый такой валъ залилъ бы маленькую душегубку; руль все-таки былъ смытъ. Въ довершеніе несчастія, не хватало чочимулдука; онъ былъ съѣденъ до послѣдняго клубня; вода также была выпита. Какъ разъ въ то время, когда смерть отъ жажды была уже не за горами, выпалъ легкій дождь. Путешественники принялись сосать намокшее платье и брезентъ. Наконецъ, на седьмыя сутки они пристали къ берегу гдѣ-то между Аму и Сыръ-Дарьей. Но спасеніе было еще далеко. Пройдя широкую полосу густыхъ камышей, они вышли въ песчаную пустыню Кизылъ-Кумы. Долго тащились они по сыпучему песку. Кривохижинъ первый выбился изъ силъ; изнуренный голодомъ и жаждой, онъ упалъ. Остальные пошли дальше и вскорѣ замѣтили вдали голову барана, торчавшую изъ-за верхушки холма. Тамъ оказалась одинокая семья киргизовъ, пріютившаяся у колодца. Наскоро утоливъ голодъ и жажду, рабочіе Кривохижина захватили верблюда и отправились отыскивать своего хозяина. Къ ихъ радости, онъ былъ еще живъ. Ему дали немного воды, молока, затѣмъ доставили въ киргизскую юрту, гдѣ онъ скоро поправился. Отсюда при содѣйствіи киргизъ, или, вѣрнѣе, ихъ верблюдовъ, уже не трудно было добраться до Казалинска. Чудомъ избавившійся отъ смерти, Кривохижинъ считалъ своимъ священнымъ долгомъ употребить всѣ усилія, чтобы спасти двухъ своихъ рабочихъ, оставшихся на островѣ.

Немедленно по прибытіи въ Казалинскъ, онъ телеграфировалъ

въ Петербургъ Обществу спасанія на водахъ. Но что могло сдѣлать Общество въ этомъ случаѣ? Оно, конечно, отвѣтило, что совершенно безсильно помочь горю. Кривохижинъ, однако, не потерялся. Такъ поспѣшно, какъ только было возможно, онъ сталъ строить новую кусовую. Въ концѣ осени онъ окончилъ постройку, забралъ въ избыткѣ провизіи и съ большой командой поплылъ на выручку. Еще когда судно шло Сыръ-Дарьей, по рѣкѣ плавали льдины. Кое-какъ всетаки Кривохижинъ выбрался въ открытое море. Но скоро кусовую затерло льдомъ уже недалеко отъ „Николая“, именно, у острова Барса-Кельмесъ, гдѣ и пришлось зазимовать. Ранней весной, какъ только позволили льды, мореплаватели пошли дальше и на другой день бросили якорь у острова „Николая“. Но уже было поздно. На берегу бухты они увидѣли такую картину: все такъ же накренившись на бокъ, стояла на мели кусовая; на землѣ, близъ моря лежалъ высохшій трупъ одного изъ несчастныхъ; недалеко отъ него на небольшомъ возвышеніи стоялъ саксауловый крестъ; подъ нимъ, очевидно, былъ похороненъ второй рабочій. Около трупа лежала палка, на которой зарубками отмѣчались прожитые дни. Шесть мѣсяцевъ насчиталъ Кривохижинъ на этой палкѣ. Послѣдняя зарубка была сдѣлана за 40 дней до прибытія запоздавшаго спасенія. Кривохижинъ похоронилъ несчастнаго подлѣ его товарища, затѣмъ снялъ съ мели кусовую и съ двумя судами вернулся въ Казалинскъ. Съ тѣхъ поръ у него пропала всякая охота плавать по Аралу.

Въ устьѣ Сыръ-Дарьи я видѣлъ его злосчастную кусовую; она уже была вытащена на берегъ. Ея ободранный видъ, уныло отвисшія ванты производятъ удручающее впечатлѣніе. Впрочемъ, такому впечатлѣнію, вѣроятно, больше всего способствуетъ сознаніе, что это та самая кусовая, которая предала довѣрившихся ей людей.

Такова эта печальная исторія. Трагическій исходъ ея, конечно, не больше, какъ несчастная случайность, которая, надо думать, не остановитъ другихъ предпринимателей. Съ увеличеніемъ русскаго населенія въ Туркестанѣ и Закаспійской области, Аральское море еще можетъ ждать болѣе свѣтлой будущности. Несмотря на свой пустынный видъ, оно очень богато рыбой. Правда, изъ осетровыхъ здѣсь водится одинъ только шипъ, нѣчто среднее между осетромъ и стерлядью; но частиковая рыба живетъ въ Аралѣ, какъ въ садкѣ. Сазанъ, усачъ, лещъ, судакъ, шемая и другія наши обыкновенныя породы водятся здѣсь въ несмѣтномъ числѣ. Въ настоящее время промыселъ сосредоточивается въ устьяхъ Аму и Сыръ-Дарьи, откуда рыба вывозится, главнымъ образомъ, въ Оренбургъ. При

первобытныхъ путяхъ сообщенія, доставка ея на верблюдахъ обходится слишкомъ дорого. Поэтому, теперь перевозятся только наиболѣе цѣнные продукты, именно, шипъ, его икра, клей и вязига, а также шемая. Всѣ остальныя рыбы ловятся почти исключительно для мѣстнаго потребленія въ количествѣ очень незначительномъ. Можно ожидать, что въ недалекомъ будущемъ это нетронутое рыбное богатство найдетъ прекрасный сбытъ среди увеличивающагося съ каждымъ годомъ населенія южнаго Туркестана и Закаспійской области.

Берегомъ Арала мы шли не болѣе часу. Забравъ воды изъ колодца въ уступѣ обрыва Усть-Урта, мы направились вглубь степи. Потянулись дни за днями; началась однообразная дорога; завтра, какъ сегодня; послѣ-завтра, какъ завтра; все та же ровная, какъ полъ, глинистая степь, широкая, какъ море, и голая, какъ ладонь. Ни малѣйшій бугорокъ, ни одинъ кустикъ не разнообразятъ этого унылаго пейзажа. Степь впереди, степь сзади и, куда ни взглянете, до самаго горизонта все] степь и степь, покрытая синимъ куполомъ безоблачнаго неба.

Изрѣдка изъ-подъ ногъ верблюда выпорхнетъ грязно-желтый, какъ глина, крошечный жаворонокъ, Богъ знаетъ, зачѣмъ поселившійся здѣсь. Одинъ разъ вдали, какъ тѣни, промелькнули три антилопы сайги и, какъ бы растаявъ, скоро исчезли въ пустынѣ. Гдѣ-то по серединѣ дороги мы встрѣтили стаю грифовъ, сидящихъ около растерзаннаго трупа павшаго верблюда. Вотъ и всѣ обитатели этой страны глины, которыхъ мы видѣли въ теченіе девяти дней пути. Здѣсь только становится понятнымъ, что значатъ „корабли пустыни“. Дѣйствительно, надо только удивляться, какъ могутъ верблюды, при всей ихъ неприхотливости, поддерживать свое существованіе въ здѣшней степи.

Правда, присмотрѣвшись къ ея поверхности, не трудно убѣдиться, что она не такъ уже гола, какъ кажется съ перваго взгляда: на ней всетаки есть растительность. Но что это за растительность! Кое-гдѣ торчатъ былинки выжженной солнцемъ полыни, высотой около трехъ вершковъ, и, во всякомъ случаѣ, не болѣе четверти аршина. Онѣ такого же грязнаго цвѣта, какъ сама глина; поэтому онѣ и незамѣтны при поверхностномъ взглядѣ. Къ тому же, нельзя сказать, чтобы былинки эти слишкомъ жались другъ къ другу. Мѣстами одна отъ другой растетъ не ближе, какъ на аршинъ, а въ промежуткахъ чистѣйшая глина.

Вотъ этимъ то призракомъ травы и питается верблюдъ. Сколько надо ему отдѣльныхъ травинокъ, сколько щипковъ долженъ

онъ сдѣлать, сколько верстъ нужно пройти ему по степи, чтобы набить свой трехъ-этажный желудокъ! Между тѣмъ и на этомъ подобіи корма, безъ воды въ теченіе 4, даже 6 сутокъ, верблюдъ идетъ, да еще какъ идетъ! Мы выступали обыкновенно вскорѣ послѣ полуночи. Начнется разсвѣтъ, я ужъ выспался въ своей корзинкѣ; а верблюды все еще идутъ. Опять засну, снова проснусь, уже солнце начинаетъ печь, а верблюды все идутъ да идутъ. Незадолго до полудня мы останавливались часа на два варить обѣдъ, а затѣмъ снова шли до самаго вечера. 14 часовъ въ сутки изо дня въ день двѣ недѣли шагали наши верблюды; на остановкахъ, хотя и безъ вьюка, они все таки бродили по степи, отыскивая признаки пищи. Едва-ли они отдыхали болѣе двухъ-трехъ часовъ въ сутки. Такъ работали наши „корабли пустыни".

А. Никольскій.

Въ пескахъ.

Нысанъ Кебековъ проснулся первый. Плеснувъ изъ мѣднаго кумгана воды себѣ на руки, онъ сдѣлалъ утреннее омовеніе, сотворилъ намазъ (молитву), оборотясь лицомъ къ востоку и началъ громко поднимать караванъ.

Какъ приказаніе отдыхать было принято весело и радостно, такъ непріятно и печально отозвался на всѣхъ сигналъ къ продолженію пути. Верблюды однако-же первые явились на зовъ караванъ-баша, сбѣжавшись со всѣхъ сторонъ; они сами остановились возлѣ тѣхъ тюковъ съ товарами, которые были на нихъ навьючены. Чрезъ какихъ-нибудь три четверти часа, караванъ уже двинулся. На мѣстѣ стоянки, кромѣ нѣсколькихъ обглоданныхъ до чиста костей и обуглившихся остатковъ костровъ, ничего не осталось.

Скоро взошло солнце и озарило однообразную мертвую степь.

— А что же я не вижу горъ, которыя вчера были вонъ тамъ?— обратился я къ Кебекову.

— Онѣ влѣво остались, теперь горъ долго не встрѣтимъ.

— А намъ все-таки придется ѣхать черезъ горы?

— Не одинъ разъ. Этотъ же хребетъ, который теперь уклонился, пересѣчемъ дважды: подъ Басъ-Фарабутакомъ и Джалтыръ-Бузомъ. Только это еще не скоро будетъ.

— Неужели же до тѣхъ поръ все степью поѣдемъ?

— Все степью. На-дняхъ, впрочемъ, на колодцы Тендерли пріѣдемъ, такъ около ихъ сопка небольшая есть—Бакбау называется...

Мы замолчали. У Ивана, должно быть, унялась боль, онъ бодро ѣхалъ на своемъ ворономъ красавцѣ и даже затянулъ было:—„высота-ль, высота поднебесная", да сейчасъ же оборвалъ: лѣнь одолѣла.

— Тюра, ей, тюра! гляди-ка...—подбѣжалъ ко мнѣ мальчуганъ Басантіевъ.—Ну-ка, достань его своимъ мултукомъ!

Я взглянулъ по указанію вытянутаго пальца, и увидѣлъ, какъ высоко надо мною, распластавъ крылья, почти недвижно стоялъ въ воздухѣ большой орелъ (стервятникъ—какъ зовутъ его въ степи).

— Падаль гдѣ-нибудь лежитъ!—замѣтилъ какъ-то сумрачно караванъ-башъ, и мнѣ показалась какая-то тревожная нота въ его голосѣ.

— Пожалста, тюра, достань!—приставалъ мальченка.

У меня былъ отличный англійскій нарѣзной фальконетъ, да и мишень-то ужъ очень соблазняла; я соскочилъ съ верблюда, прицѣлился,—и сухой, обрывистый выстрѣлъ, можетъ быть въ первый разъ, огласилъ эту безконечную песчаную степь. Орелъ дрогнулъ судорожно взмахнулъ крыльями и, какъ-то бокомъ, быстро сталъ опускаться на землю. Пролетѣвъ такимъ образомъ нѣсколько саженъ, онъ вдругъ, сложивъ крылья и перекувырнувшись раза два, тяжело шлепнулся,—въ песокъ. Басантіевъ гикнулъ и понесся къ нему; оказалось, что пуля перебила орлу шею. Птица была весьма основательной величины, какого-то темнобураго цвѣта съ острымъ и горбатымъ клювомъ. Семенъ Никитичъ также подошелъ, съ сожалѣніемъ посмотрѣлъ, и, покачавъ головой, началъ укорять меня въ безполезномъ убійствѣ.

— Это, напрасно, знаете, пресѣкли жизнь... оно, скажемъ, птица вредная, а все же того, этого... сказано: „ни едина тварь да не погибнетъ отъ рукъ твоихъ".

Хотя текстъ этотъ и не вполнѣ подходилъ ко мнѣ, какъ къ охотнику, но я сознавалъ, что убійство было совершено напрасно и потому отъ упрековъ Телѣжникова почувствовалъ себя виноватымъ вдвое; зато Басантіевъ находился въ неописанномъ восторгѣ: онъ скакалъ, прыгалъ и съ какимъ-то суевѣрнымъ ужасомъ смотрѣлъ на мой мултукъ, такъ далеко сразившій птицу.

Солнце поднималось все выше и выше; и опять, какъ и вчера, и третьяго дня, люди начали клевать носомъ. Одни верблюды неизмѣнно шли впередъ медленнымъ и ровнымъ шагомъ, безъ остановки, покачивая длинными шеями и обводя окрестность своими темными глазами. Позади меня ѣхалъ киргизъ Байтакъ и пѣлъ какую-то тихую пѣсню. Я вслушивался. Байтакъ пѣлъ:

„На берегахъ Дарьи лѣтомъ гулялъ бѣлый конь; хозяинъ замѣтилъ его горячій норовъ и крѣпкую стать и пустилъ въ бѣгъ на далекое разстояніе. При бѣгѣ у коня показывалась кровавая пѣна, —такъ сильно бѣжалъ онъ,—а когда узнавалъ на бѣгу своего хозяина, то становился еще прытче—совсѣмъ стрѣлой летѣлъ бѣлый конь! Хотя Дарья—рѣка глубокая и покрывала водою всего верблюда, однако бѣлый конь пробѣгалъ черезъ рѣку только по колѣна въ водѣ. Его ноги не скользили по горамъ и скаламъ, и онъ догонялъ даже дикихъ козъ. Происходилъ бѣлый конь изъ табуна Темучина и былъ предметомъ удивленія всѣхъ тѣлохранителей великаго хана. На праздникѣ Курманъ-Байрамѣ бѣлый конь семь разъ былъ пущенъ въ бѣгъ и каждый разъ опережалъ другихъ коней; тогда онъ былъ еще молодъ, когда же достигъ совершеннаго возраста, то былъ отправленъ къ самому хану Чингизу. Тутъ коню были и холя, и пища и пойло, только нѣжься бѣлый конь, да роскошничай, а конь не ѣстъ, не пьетъ: все думаетъ, какъ бы въ степь да на волю...“

Напѣвъ унылый, тихій, монотонный, но пріятный, отзывающійся въ душѣ чѣмъ-то близкимъ сердцу и знакомымъ.

Пѣсня смолкла; я дремалъ и едва различалъ неясный очеркъ Байтакова тѣла. Вдругъ влѣво отъ насъ послышался изъ-за песчаныхъ бархановъ звукъ, чрезвычайно похожій на пѣніе моего сосѣда. Протяжно застонало какое-то живое существо, и стонъ этотъ оборвался болѣзненной нотой, но чрезъ минуту снова послышался, но уже не одинъ.

Я мгновенно очнулся и сталъ вслушиваться. Лауча Байтакъ прислушался также и засмѣялся тихо, сквозь зубы.

— Кто это?—обратился я къ нему съ вопросомъ.

— Каскыръ!*)—отвѣчалъ киргизъ.—Ихъ много тамъ, должно быть падаль нашли.

А въ воздухѣ дѣйствительно что-то сильно попахивало; нѣтъ нѣтъ, да и понесетъ такой мертвечиной, что просто хоть носъ затыкай. Немного погодя, Байтакъ снова затянулъ протяжную пѣсню, но уже на другой ладъ, про другого коня, кажется буланаго. Я слушалъ, слушалъ, затѣмъ задумался, а солнце дѣлало свое дѣло, поднимаясь все выше и выше... Вдругъ какіе-то новые звуки поразили мой слухъ.

— Что бы это могло быть?—подумалъ я, и какъ бы въ отвѣтъ на это двѣ чернобрюхія птицы, съ куропатку величиною, быстро подлетѣли, сдѣлали вольтъ почти надъ самой моей головою и не-

*) Волкъ.

ожиданно опустились въ нѣсколькихъ аршинахъ, вытянувъ свои сѣро-желтыя короткія шеи... Я хотѣлъ было достать ружье, но птицы быстро сорвались и съ трескомъ унеслись въ даль.

Я встрепенулся, сонъ разомъ какъ рукой сняло.

— Это карабауры, ихъ тутъ въ степи много!—сказалъ Байтакъ, и я началъ внимательно прислушиваться къ звукамъ степи. Вскорѣ пронеслась стороной новая пара, и къ ихъ заунывному крику, такъ гармонировавшему съ однообразіемъ пустыни, присоединились почти такіе же, но болѣе отрывистые, съ нѣкоторымъ задоромъ, доносившіеся со стороны степи. Это, какъ оказалось, летѣли „мургаки“ или малые рябки. Чрезъ минуту большая стая ихъ показалась высоко въ воздухѣ, а, поровнявшись съ нами, закричала сильнѣе, заиграла, причемъ отдѣльныя особи, производя рѣзкій шумъ, бросились внизъ, удивляя ловкостью и быстротою своего несравненнаго полета. Я быстро вложилъ патроны, заряженные дробью, и выстрѣлилъ въ навернувшійся косячекъ. Мургаки вдругъ смолкли и исчезли въ степи, только одна птица пошла книзу, тяжело упала въ песокъ, разбросавъ цѣлую кучу рыхлыхъ, слабо державшихся перьевъ.

Рябки представляютъ собою самыхъ характерныхъ птицъ пустынь и степей центральной Азіи; ихъ три породы. Вотъ что говоритъ извѣстный зоологъ М. Богдановъ: „въ восточной полосѣ пустыни и вообще въ тѣхъ мѣстностяхъ ея, гдѣ есть родники или каки *), каждое утро прилетаютъ пить стаи красивыхъ птицъ, которыхъ наши охотники зовутъ степными рябками, или же степными куропатками. По всѣмъ чертамъ своей организаціи, онѣ, безъ сомнѣнія, принадлежатъ къ отряду куриныхъ, но многія черты въ образѣ жизни въ высшей степени напоминаютъ голубей. Каждый день, смотря по погодѣ и времени года, степныя куропатки ощущаютъ жажду и летятъ пить на родники или „*каки*“. Чтобы совмѣстить эту потребность въ водѣ съ общимъ безводіемъ страны, въ которой онѣ обитаютъ, у степныхъ куропатокъ выработалась способность къ быстрому и продолжительному полету. Если быстроту голубей опредѣляютъ отъ 60 до 70 верстъ въ часъ, то, безъ сомнѣнія, степныя куропатки могутъ пролетать отъ 90—100 верстъ въ то же время. Понятно, что при такомъ условіи онѣ имѣютъ полную возможность гнѣздиться и жить въ такихъ мѣстахъ пустыни, отъ которыхъ вода находится въ разстояніи сотенъ верстъ. Самый обыкновенный видъ

*) „Какъ“—лужа дождевой воды, скопившейся на глинистой лощинѣ; „каки“ попадаются въ открытыхъ песчаныхъ пустыняхъ.

этихъ птицъ въ Кизилъ-кумахъ—это „карабауры". Въ меньшемъ числѣ, и преимущественно на родникахъ степныхъ горъ являются пить красивые „куланбауры". Какъ только пригрѣютъ степь утренніе лучи солнца, вблизи родниковъ все яснѣе и яснѣе раздаются въ воздухѣ переливчатые горловые звуки (одни изъ немногихъ, которыми нарушается мертвая тишина пустыни): то несутся на водопой къ роднику стая за стаей карабауры, къ нимъ примѣшиваются звонкіе крики куланбауровъ и отрывистое трещаніе „бульдуруковъ". Длинныя крылья и округленное туловище указываютъ силу и быстроту полета, короткія ноги служатъ признакомъ того, что эти птицы также плохо ходятъ, какъ хорошо летаютъ. У бульдурука всѣ три пальца срослись вмѣстѣ, въ одну сплошную лапку съ мозолистой подошвой, похожею на верблюжью, чего, кажется, нельзя найти ни у одной птицы. У карабаура и куланбаура пальцы, свободные на конечной половинѣ, срослись только у основанія.

„Я слишкомъ далеко бы зашелъ, еслибы вздумалъ пояснять, всѣ особенности организаціи этихъ красивыхъ, узорчатыхъ птицъ, а потому скажу лишь въ общихъ чертахъ объ образѣ ихъ жизни. Карабауръ и бульдурукъ водятся по преимуществу въ ровныхъ глинистыхъ и песчаныхъ степяхъ; куланбауръ любитъ скалистыя невысокія горы. Пища всѣхъ этихъ птицъ состоитъ изъ сѣмянъ различныхъ степныхъ травъ, особенно онѣ любятъ сѣмена астрагаловъ. Весной всѣ эти виды разбиваются на пары. Гнѣздо ихъ представляется въ видѣ простой ямки, безъ всякой подстилки, на глинѣ или въ пескѣ, въ которую самка кладетъ три яйца. Яйца, формой похожія на голубиныя, цвѣтомъ бываютъ зеленоватыя, съ темными пятнами. Цвѣтъ и величина яицъ представляютъ небольшія особенности у каждаго вида. Молодые вылупляются изъ яицъ зрячими и покрыты густымъ, красивымъ и узорчатымъ пухомъ. Въ первое время они, однако, какъ и голубята, не могутъ ходить и остаются въ гнѣздахъ, пока не достигнутъ половины роста и не оперятся. Тогда они оставляютъ гнѣзда и начинаютъ бродить съ матерью и отцемъ по степи, гдѣ пріучаются отыскивать пищу."

Большой рябокъ или карабауръ, величиною съ самаго крупнаго голубя, съ короткимъ плотнымъ тѣломъ; онъ весь сѣро-песчанаго цвѣта съ красновато-желтымъ цвѣтомъ горла и груди, которая перерѣзана черною полоскою, брюхо черное, отъ чего онъ и получилъ свое названіе. Мургакъ меньше, съ полевую горлинку, свѣтлѣе перомъ, пестрѣе и красивѣе перваго; горло и грудь красноватаго цвѣта съ двумя черными тесемочками, брюхо и подбой крыльевъ бѣлаго цвѣта; острый хвостъ оканчивается двумя длинными перыш-

ками темнаго цвѣта. Рыхлое мягкое опереніе на обѣихъ птицахъ держится очень слабо, что вмѣстѣ съ силою и энергичностью птицы дѣлаетъ стрѣльбу ихъ довольно трудною: съ плохимъ ружьемъ можно убить только тѣхъ, которыя налетаютъ шаговъ въ двадцать, да и то не всегда. Иной разъ рябокъ, весь израненный дробью, потерявъ множество перьевъ, съ раскрытымъ клювомъ, изъ котораго каплетъ кровь, улетаетъ изъ вида и гибнетъ въ степи. Мясо ихъ вкусно только въ концѣ лѣта, когда они нагуляютъ жиръ, да и то его надо употреблять сильно прожаренное, чтобы уничтожить присущую ему жесткость.

Собственно бульдурукъ, или саджа, птица вполнѣ пустынная. Ея родина—величайшія пустыни Азіи: Гоби, пустыня бассейна р. Тарима, Кизилъ-кумы и пески по лѣвую сторону рѣки Аму-Дарьи вплоть до Персидскаго залива. Изъ этихъ пустынь саджи предпринимаютъ иногда далекіе перелеты или путешествія, если такъ можно выразиться, и появляются въ такихъ мѣстностяхъ, гдѣ о нихъ и не слыхали раньше, какъ, напримѣръ, въ Германіи и Франціи, о чемъ упоминаетъ Брэмъ въ своей „Иллюстр. жизни животныхъ". Въ Туркестанѣ, вблизи культурныхъ оазисовъ, онѣ появляются совершенно неожиданно и держатся недолго, исчезая опять неизвѣстно куда.

Остальныя двѣ породы, кромѣ песчаныхъ пустынь, весьма обыкновенны въ глинистыхъ, покрытыхъ тощею растительностью, степяхъ и предгорьяхъ хребтовъ, окружающихъ пустыни и степи Туркестана. Сюда онѣ прилетаютъ съ юга очень рано весною, во второй половинѣ февраля, разбиваются на пары и приступаютъ къ гнѣздованью въ мартѣ и апрѣлѣ. Карабауры гнѣздятся вездѣ, мургаки же выбираютъ мѣстности повыше: бугристыя степи и предгорья, прилетая на водопой утромъ и вечеромъ парами на какую-нибудь степную рѣчку, озеро или просто на разливъ близъ ирригаціонной канавы. Въ самый разгаръ лѣтнихъ жаровъ, въ іюнѣ и іюлѣ, въ степи у водопоя появляются косячки молодыхъ, а въ августѣ мургаки сбиваются въ стаи и совершаютъ перелеты на жнивья полей, гдѣ и держатся до глубокой осени, т. е. до конца октября. Карабауры никогда не сбиваются въ стаи и держатся косячками въ 10—20 штукъ, а перелетовъ на поля, кажется, не дѣлаютъ: они толкутся около тѣхъ мѣстъ, гдѣ вывели дѣтей. Вылетая изъ голыхъ степей на поля, мургаки собираются въ милліонныя стаи, летятъ быстро и высоко, сѣрыми волнующимися облаками, оглашая воздухъ звонкимъ крикомъ и рѣзкимъ, шипящимъ шумомъ крыльевъ. Выбравъ подходящее мѣсто, они разбиваются на отдѣльныя стаи, но и

эти стаи настолько велики, что когда мургаки снимутся почему либо, то издали они кажутся клубами сѣраго дыма, который стелется по степи... Чудный видъ представляютъ эти неисчислимыя стаи въ своихъ перелетахъ на водопой! Въ противоположность лѣту, осенью такія стаи мургаковъ выбираютъ для водопоя мѣста открытыя: широкія, гальковыя розсыпи какой-нибудь рѣчки, вырвавшейся изъ горныхъ тѣснинъ въ долины, отмель на срединѣ рѣки Сыръ-Дарьи или большого степного озера. Часовъ съ девяти утра стая за стаей, косякъ за косякомъ несутся мургаки на такое мѣсто, оглашая воздухъ крикомъ и шумомъ на далекое пространство. Мургаки съ налету садятся на край отмели, поспѣшно глотаютъ два-три глотка воды и сейчасъ же снимаются, чтобы уступить мѣсто другимъ. Если же мѣста мало, то мургаки бросаются прямо къ поверхности воды, черкаютъ по ней брюхомъ, хватаютъ двѣ три капли воды и взлетаютъ кверху. Стаи волнуются, какъ дымъ на сильномъ вѣтру, скучиваются въ упругое сѣрое облако, изгибаются гигантскою змѣею, играя на солнцѣ бѣлымъ подбоемъ крыльевъ... Напившись вдоволь, наигравшись и накричавшись надъ водою, мургаки улетаютъ въ степи, повторяя долгое время и здѣсь свои чудныя эволюціи... Странно видѣть такую массу бойкихъ красивыхъ птицъ въ голой пустынѣ, наблюдать такое оживленіе молчаливыхъ степей... Глазамъ просто не вѣрится!..

Выше я уже сказалъ, что съ меня сонъ сняло какъ рукой. Выстрѣлъ за выстрѣломъ оглашали пустынные пески, вырывая каждый разъ виноватыхъ изъ налетавшихъ огромныхъ стай мургаковъ и косячковъ чернобрюхихъ рябковъ... Птица была непуганая, навертывалась близко, глупо и платилась за это жизнью. Стволы ружья сильно накалились, такъ что я обжигалъ уже себѣ пальцы, а Басантіевъ все кричалъ: „мона, тюра еще“!—и указывалъ рукою на новыя стаи. Я не зналъ, куда дѣвать такую массу убитыхъ, но находчивый мальчишка быстро разрѣшилъ мое недоумѣніе:

— Ты, тюра, сними свою куйлюкъ, завяжи рукава, да и свалимъ птицу туда!—посовѣтовалъ онъ, указывая на мою блузу.

Между тѣмъ караванъ отошелъ уже довольно далеко впередъ, и я таки ругнулъ себя за жадность... Да развѣ удержаться можно! Мы съ Басантіевымъ быстро принялись шагать, но въ скоромъ времени до того устали, что поневолѣ пришлось сдѣлать отдыхъ. Ноги погружались въ песокъ, который обжигалъ даже сквозь сапоги.

— Квасу бы теперь сюда! кажется ведро бы выпилъ...—подумалъ я и самъ улыбнулся этому желанію.

А кругомъ было такъ хорошо! Безконечное, будто изъ расплавленнаго золота, море песковъ; небо, переходящее отъ огненнаго цвѣта у горизонта въ пурпурово-желтый, зеленовато-голубоватый надо мною,—и ни звука, ни вѣтерка!! Чувство полнаго одиночества, отъ котораго становится хорошо и жутко; кричи, сколько хочешь, никого не дозовешься...

Мечтать однако было некогда, караванъ почти ужъ скрылся изъ глазъ, и мы снова начали путешествіе.

— Басантіевъ, хочешь выстрѣлить изъ моего мултука?—предложилъ я своему спутнику, имѣя въ виду одну наклюнувшуюся мысль.

Глаза мальчишки такъ и разбѣжались отъ этого предложенія.

— Таиръ-джалгассенъ *), таиръ джалгассенъ, тюра!

— Только вотъ что: я дамъ тебѣ выстрѣлить, а потомъ ты неси рябчиковъ до каравана, ладно, а?

Басантіевъ согласился, и вскорѣ выстрѣлъ загремѣлъ, а я избавился отъ ноши. Прошагали съ добрый часъ, пока, наконецъ, увидѣли караванъ, до котораго оставалось еще съ версту.

— Однако, что это такое? Вдали показались какія-то птицы, чрезвычайно похожія на вороновъ. Неужели они здѣсь есть?—подумалъ я и прибавилъ шагу. Чрезъ нѣсколько минутъ уже не оставалось никакого сомнѣнія, что чернѣвшія птицы были дѣйствительно вóроны. Они кружились на одномъ мѣстѣ, то опускаясь на землю, то снова поднимаясь кверху. Караванъ остановился, и мы вскорѣ подошли къ нему, заткнувъ носы, потому что воздухъ былъ убійственный. Оказалось, что стадо воронья, чернѣвшее цѣлымъ островомъ, собралось около издохшаго верблюда, брошеннаго, вѣроятно, за болѣзнью въ степи какимъ-нибудь караваномъ. Кебековъ, впрочемъ, и говорилъ даже, что за пять дней до нашего отъѣзда ушелъ большой караванъ, но за все время путешествія мы не встрѣчали ни малѣйшаго признака слѣдовъ. Однако трупъ верблюда не изсохъ и даже не былъ растащенъ волками, значитъ, издохъ онъ недавно. Вороны отпрянули было и разлетѣлись съ зловѣщимъ карканьемъ, но вскорѣ снова собрались и нагло разсѣлись на трупѣ.

Грустная картина! Не дай Богъ никому умирать въ степи...

Мы двинулись далѣе, желая удалиться отъ смердящаго запаха, который долго еще провожалъ насъ. Но вотъ мало-по-малу воздухъ очистился.

Красиво разсыпались песчаные барханы, разнообразя степь

*) Спасибо.

причудливыми формами своихъ вершинъ. Почва развертывалась, какъ вздутая кое-гдѣ вѣтромъ пелена. На сѣверо-востокѣ тянулась гряда возвышенностей Еркету и сливалась съ горами Мусъ-бель довольно скалистыми, оставшимися отъ насъ влѣво.

Воздухъ теперь былъ замѣчательно чистъ, и я вдыхалъ его полной грудью, находясь въ обаяніи чуднаго простора. А воображеніе неустанно работало; цѣлая вереница думъ охватывала его, заставляя усиленно биться сердце... Не помню, долго ли я находился въ состояніи забытья, спалъ, или только задумался, какъ вдругъ совершенно ясно увидалъ на горизонтѣ зеркальную поверхность какой-то рѣчки; ея спокойная и гладкая струя ярко блестѣла на солнцѣ, маня своей прохладой. Я видѣлъ у ея берега и купу ивъ, низко склонившихся надъ водой, какъ бы любующихся своимъ изображеніемъ, отражающимся въ этомъ роскошномъ зеркалѣ, и стадо верблюдовъ, жадно глотающихъ студеную влагу: я совершенно ясно видѣлъ ихъ разнообразныя позы, вырисовывающіяся на водяномъ фонѣ, я даже невольно ткнулъ ногой верблюда, на которомъ ѣхалъ, желая поскорѣе добраться до этой рѣчки, какъ вдругъ... все внезапно исчезло. И эта вода, и эта влага, прохладу которой я уже ощущалъ, все—пропало. Напрасно я протиралъ глаза, не желая такъ скоро разстаться со своей мечтой—передо мной была все та же унылая равнина. Оказалось, что все это былъ обманъ моихъ чувствъ, обманъ зрѣнія, утомленнаго монотонностью впечатлѣній. Все это былъ лишь миражъ,—явленіе, столь обычное въ степи. Такіе миражи появлялись намъ не одинъ разъ.

Промежутокъ между горой Сандыкъ-Тау до озера Чуваръ-Тениза представляетъ одинъ изъ самыхъ затруднительныхъ переходовъ въ мірѣ.

Представьте себѣ безбрежное море песковъ, лишь изрѣдка, въ видѣ небольшихъ площадокъ, прерываемое такъ называемыми „такырами" (оазисы солонцеватой глины),—и болѣе ничего. Съ одной стороны высокіе холмы, какъ волны, взбитыя страшными бурями, съ другой зеркально-гладкая поверхность, слегка волнуемая тихимъ вѣтромъ. Въ воздухѣ ни птицы, на землѣ—ни червя, ни жука; есть лишь слѣды угасшей жизни—кости погибшихъ здѣсь животныхъ...

Не даромъ переходъ этотъ зовется „Адамкирылганъ" (т. е. мѣсто, гдѣ погибаютъ люди). Мрачный видъ моихъ спутниковъ въ продолженіе моего переѣзда до озера Чуваръ-Тениза былъ лучшимъ доказательствомъ этого.

Несмотря на палящій зной, мы должны были идти до 15 часовъ въ день, чтобы скорѣе выйти изъ этой мѣстности, гдѣ была полная

вѣроятность попасть подъ гибельное дѣйствіе „Теббада“, *) который на твердой равнинѣ только мучитъ лихорадочными припадками, среди же песковъ Адамкирылгана въ одно мгновеніе можетъ засыпать всѣхъ. Мы не жалѣли бѣдныхъ верблюдовъ, хотя двое изъ нихъ, утомленные непосильными переходами, кое-какъ влачили ноги.

Удушливый жаръ и безъ теббада отнялъ у всѣхъ людей и животныхъ силу, а тутъ еще, въ довершеніе несчастія, киргизъ Мусульманъ-Кулъ принужденъ былъ идти пѣшкомъ возлѣ своего ослабѣвшаго верблюда и, наконецъ, такъ расхворался, что мы должны были положить его на верблюда Кебекова, который хотя и чувствовалъ себя, повидимому, бодро, но тѣмъ не менѣе сильно задумывался. Больной Кулъ ежеминутно говорилъ: „воды, воды“. Жажда страшно томила несчастнаго, языкъ его былъ совершенно черенъ, нёбо сѣровато-бѣлаго цвѣта, впрочемъ, черты лица не слишкомъ исказились, только губы растрескались и ротъ былъ открытъ.

Я боялся, что вóроны не ошиблись собраться; очевидно, они чувствовали новую жертву...

Послѣ трехдневнаго пути по сыпучимъ пескамъ пустыни, мы должны были, наконецъ, достигнуть твердой равнины и увидать разстилавшійся къ сѣверу хребетъ Мусъ-Бель. Къ сожалѣнію, наши животныя не могли больше идти, и мы провели еще четвертый день среди песковъ.

Между тѣмъ жара увеличивалась съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе и отъ дѣйствія ея вода въ турсукахъ замѣтно уменьшалась. Это открытіе заставило меня удвоить надзоръ за своимъ мѣхомъ, въ чемъ мало-по-малу всѣ начали слѣдовать моему примѣру.

На четвертый день въ моей кожаной флягѣ оставалось не болѣе 5—6 стакановъ воды. Къ моему ужасу, жажда мучила нестерпимо и сопровождалась головной болью. Я чувствовалъ сухость во рту, языкъ сдѣлался словно суконный; я тотчасъ же выпилъ половину моего запаса воды, думая этимъ спастись, но увы! жажда усилилась.

Къ полудню, когда мы могли ясно отличить облакообразныя очертенія Мусъ-Беля, я почувствовалъ, что силы начали совсѣмъ оставлять меня. По мѣрѣ того, какъ мы приближались къ горамъ, песокъ все болѣе и болѣе уменьшался и всѣ стали уже всматриваться—нѣтъ ли гдѣ желомейки, или стада, какъ вдругъ Кебековъ указалъ намъ на приближавшееся облако пыли и велѣлъ поспѣшно сойти съ верблюдовъ. Умныя животныя уже знали, что это приближающій-

*) Теббадъ—персидское слово и значитъ лихорадочный вѣтеръ.

ся „теббадъ“; съ громкимъ ревомъ опустились они на колѣни, вытянули свои длинныя шеи, припали къ землѣ и старались спрятать головы въ песокъ. Только что успѣли мы прилечь сзади ихъ, какъ вѣтеръ съ глухимъ шумомъ пронесся надъ нами, покрывъ насъ слоемъ песка пальца въ два толщины; первыя песчинки жгли, какъ искры. Застань насъ этотъ вѣтеръ раньше тремя десятками верстъ въ степи,—мы всѣ погибли бы...

Сухой песокъ забивался во всѣ поры. Должно быть, проникъ и въ легкія, потому что дыханіе становилось торопливое, неровное, и между тѣмъ жгучій вѣтеръ все усиливался и усиливался. Ему вторили завыванія шакаловъ и ревъ верблюдовъ.

Внутренности мои жгло адскимъ огнемъ, голова болѣла страшно, и я уже началъ было впадать въ безпамятство, какъ вдругъ раздался громовой ударъ, а вслѣдъ за нимъ, почти моментально, зашумѣлъ дождь, но дождь душный и горячій, который, казалось, нисколько не освѣжалъ, несмотря на то, что платье наше почти въ минуту промокло до нитки. Песокъ жадно всасывалъ дождевыя капли и почва около насъ была совсѣмъ сухая. Но вотъ верблюды подняли головы, понюхали воздухъ и сами собой, безъ малѣйшаго понуканія, встали. Опасность миновала. Страшный „теббадъ“ пронесло.

— Нѣтъ Бога, кромѣ Бога, а Магометъ—Пророкъ его!—вдохновенно проговорилъ Кебековъ, - и по его просвѣтлѣвшей физіономіи я могъ убѣдиться, что мы спасены.

Дождь продолжалъ лить, какъ изъ ведра. Половина неба сіяла радужнымъ свѣтомъ, тогда какъ другая—была одѣта разноцвѣтными тучами, то окаймленными пурпуромъ, то черными, безпрерывно мѣняющимися въ фантастическихъ изображеніяхъ, среди которыхъ иногда виднѣлась яркая лазурь неба. Радуги то и дѣло являлись то въ одномъ концѣ, то въ другомъ, описывая полныя дуги, въ два и три ряда съ чуднымъ фіолетовымъ отливомъ въ промежуткахъ, но вотъ онѣ ниспустились концами своими на землю, дождь сталъ затихать, небо стушевываться. На очистившемся синеватомъ горизонтѣ показалась золотистая полоса и на ней кругъ склонявшагося къ закату солнца; ярко озаряло оно край неба, едва достигая своимъ свѣтомъ высотъ его, которыя блѣднѣли, блѣднѣли и, наконецъ, скрылись въ поднявшемся туманѣ...

Н. Ураловъ.

У сибирскихъ киргизовъ.

Только утромъ на четвертый день по выѣздѣ изъ Кургана мы добрались до станицы Прѣсновской, отъ которой началась уже настоящая киргизская степь.

Станица Прѣсновская стоитъ на трактовой дорогѣ, соединяющей Омскъ съ Оренбургомъ. Этотъ трактъ носитъ спеціально присвоенное ему названіе „Горькой линіи", благодаря множеству горькосоленыхъ озеръ, расположенныхъ на всемъ его протяженіи. Вообще, на поверхности всей Западно-Сибирской низменности насчитывается до 10 т. прѣсныхъ и горько-соленыхъ озеръ и болотъ, разной величины и размѣровъ. Это обстоятельство даетъ основаніе нѣкоторымъ изслѣдователямъ, занимавшимся топографіей и геологическими изысканіями въ киргизскихъ степяхъ, строить научную гипотезу, что великая Западно-Сибирская низменность въ доисторическія времена представляла изъ себя дно громаднаго моря, остатками котораго въ настоящее время считаются разбросанныя по всей степи безчисленныя озера и болота. Результатами вѣковой работы, происходившей во внутреннихъ пластахъ, служащихъ основаніемъ данной мѣстности, эта низменность была поднята, и вода, покрывавшая ее, частью стекла по образовавшейся покатости на сѣверъ въ Ледовитое море, а частью осталась на мѣстѣ и представляетъ изъ себя въ настоящее время два внутреннихъ моря— Аральское и Каспійское. Эта внутренняя работа въ подземныхъ пластахъ продолжаетъ свое дѣйствіе и по сейчасъ. Бѣдственное землетрясеніе, бывшее въ 1887 году въ г. Вѣрномъ, и частыя колебанія почвы въ Туркестанскомъ краѣ и Семирѣчьѣ, могутъ служить подтвержденіями непрерывающейся подземной невидимой работы.

Какъ торговый пунктъ, станица Прѣсновская играетъ довольно значительную роль. По отдаленности другихъ торговыхъ пунктовъ, какъ то: Петропавловска и Кокчетава, киргизы сѣверо-западнаго угла Петропавловскаго уѣзда, въ силу необходимости, тянутъ къ станицѣ Прѣсновской, какъ расположенной въ центрѣ этого угла. Здѣсь производится, главнымъ образомъ, мѣновая торговля: обмѣнъ произведеній степи—сырьевыхъ продуктовъ скотоводства—на продукты товарнаго производства.

За Прѣсновской станицей начинаются киргизскія степи. До станицы Арыкъ-Балыкской, Кокчетавскаго уѣзда, на пути мы встрѣтили только два русскихъ селенія: недавно образовавшійся изъ крестьянъ-переселенцевъ Пермской и Тобольской губерній — поселокъ Ново - Покровскій и поселокъ Кривоозерный, отстоящій отъ станицы Арыкъ-Балыкской въ 40 верстахъ.

Въ своемъ началѣ отъ Горькой линіи, степь представляетъ изъ себя ровную плоскость съ постоянно перемежающимися увалами и оврагами: не успѣешь подняться изъ оврага на возвышенность, какъ уже снова опускаешься въ другой, что называется — „съ горки на горку". Болѣе или менѣе значительныхъ возвышенностей и горъ здѣсь нѣтъ. Сопки начинаются южнѣе, по правую сторону рѣки Ишима. Растительность этого района степи чрезвычайно однообразна: береза и осина, осина и береза, да по берегамъ озеръ и болотъ можно встрѣтить еще ветлу. Красный лѣсъ начинается вмѣстѣ съ сопками.

Береза гнѣздится рощами — „колками", какъ говорятъ здѣсь. Особенно толстыхъ и старыхъ березовыхъ стволовъ мнѣ не приходилось замѣчать, все больше средней толщины. Это обстоятельство невольно наводитъ на мысль, что способность къ питанію и выращиванію лѣса почвою пріобрѣтена еще не такъ давно, что можетъ служить однимъ изъ многихъ аргументовъ приведенной мною выше гипотезы о геологическихъ свойствахъ и качествахъ степи и заслуживаетъ того, чтобы на него было обращено вниманіе.

Изъ луговыхъ травъ, произрастающихъ здѣсь, ковыль преобладаетъ надъ всѣми другими. Вся степь сплошь покрыта этой травой, составляющей прекрасный кормъ для киргизскаго скота. Изъ другихъ растеній чаще встрѣчается осолодочникъ, дрокъ и др.

Озера и болота полны водяною дичью: утки, гуси, лебеди садятся табунами. Красной дичи также не мало въ лѣсу: дрохвы, называемыя здѣсь степными курицами, куропатки, рябчики, тетерева и др. Я—не охотникъ и потому не могу особенно вдаваться въ эту спеціальность. Но что особенно для меня было интересно, — такъ это обиліе сорокъ. Въ мѣстности, въ которой мнѣ приводилось жить до этихъ поръ, сорока — большая рѣдкость. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, когда на сорокъ былъ большой спросъ на рынкахъ, и цѣна за пару ихъ доходила до 25 — 30 коп., эта птица, имѣющая своею спеціальностью „созывать гостей и приносить извѣстія на своемъ хвостѣ", была положительно истреблена, и я уже нѣсколько лѣтъ не видалъ ни одного экземпляра. Но особенно много здѣсь тетеревовъ. На дорогѣ они часто попадались намъ цѣлыми табу-

нами и взлетали только тогда, когда мы приближались къ нимъ менѣе, чѣмъ на разстояніе выстрѣла.

Мы ѣдемъ по киргизской степи. По выѣздѣ изъ станицы Прѣсновской, киргизовъ намъ попадалось очень мало. Они къ этому времени еще не возвратились съ своихъ *жяйляу* — мѣстъ лѣтнихъ кочевокъ, расположенныхъ вдали отъ станицы, и потому намъ нѣсколько разъ попадались однѣ пустыя *кыставы*—зимовки. Первые киргизы, встрѣченные нами на дорогѣ, были два мальчика, державшіе куда то путь въ скрипучей арбѣ, запряженной дюжимъ воломъ. Эта встрѣча была довольно оригинальна и заставила насъ невольно разсмѣяться. Киргизята ѣхали далеко стороной, когда завидѣли насъ. Потомъ вдругъ, видимъ, повернули къ намъ навстрѣчу и что то громко лопочутъ. Мы въ недоумѣніи остановились, и, оказалось, что же? Любознательные киргизята остановили насъ просто на просто затѣмъ, чтобы посмотрѣть на насъ. Они, видите ли, боялись, какъ бы мы не проѣхали мимо нихъ раньше, чѣмъ они дотащатся до насъ на своемъ лѣнивомъ волѣ, и потому самымъ лучшимъ выходомъ изъ этого затруднительнаго положенія признали нашу остановку. Мы остановились. Посмотрѣли киргизята на насъ, сколько имъ надо было, ударили своего лѣнивца и, не говоря ни слова, двинулись дальше. Потомъ такое простодушное любопытство киргизовъ успѣло примелькаться намъ въ достаточной степени. Нѣсколько разъ на дню бывали такого рода оказіи: ѣдутъ гдѣ нибудь далеко стороной два — три киргиза, отправившіеся куда нибудь въ сосѣдній аулъ поразвлечься тамъ отъ скуки болтовней съ пріятелемъ, и вдругъ замѣчаютъ нашъ экипажъ. Это для нихъ событіе. Ни мало не медля, они сворачиваютъ въ нашу сторону и подъѣзжаютъ къ намъ. И вотъ тутъ то и попадаемъ мы подъ перекрестный огонь всестороннихъ разспросовъ любопытныхъ сыновъ степи: куда поѣхали, откуда ѣдете, кто такіе, зачѣмъ, надолго ли, чьи лошади, гдѣ куплены и т. д. безъ конца. Часто случалось, что увлекшись этимъ немногосложнымъ разговоромъ, наши случайные знакомые продѣлывали съ нами до двухъ—трехъ верстъ въ сторону, совершенно противоположную цѣли ихъ путешествія. Кинувъ намъ на прощанье *„кошъ, аманъ булъ“*!—прощай, будь здоровъ,—и пришпоривъ своихъ иноходцевъ, наши знакомцы оставляли насъ, часто затѣмъ, чтобы черезъ нѣсколько времени дать мѣсто такому же любопытному *„азіяту“*, какъ называлъ киргизовъ нашъ возница, очень ихъ недолюбливавшій. Но одна изъ такихъ встрѣчъ мнѣ была особенно памятна и интересна. Намъ удалось встрѣтить киргиза—соколинаго охотника, воочію наблюдать этотъ крайне любопытный остатокъ старины.

Охота на дичь съ ловчими соколами и кречетами среди киргизовъ, обитающихъ въ лѣсистыхъ мѣстностяхъ, еще и посейчасъ въ употребленіи. Въ глухой степи, отдаленной отъ русскихъ поселеній, киргизы теперь еще только знакомятся съ порохомъ и дробью. Огнестрѣльное оружіе стало проникать къ нимъ въ болѣе или менѣе значительномъ количествѣ сравнительно очень недавно въ 50—70 годахъ. До этого времени винтовка была большою рѣдкостью въ киргизскомъ употребленіи, и киргизы обходились въ нужныхъ случаяхъ при помощи своихъ первобытныхъ орудій: *айбалты*,—ножей, лука и стрѣлъ, *суюла* и пр. Не такъ давно было время, когда, по разсказамъ старожиловъ—казаковъ, киргиза можно было устрашить только однимъ тѣмъ, что показать ему ружье.

Въ первое время, когда киргизы не имѣли возможности видѣть въ своемъ распоряженіи огнестрѣльнаго оружія, они, естественно, робѣли передъ его силой, но нынѣ, когда почти всякій киргизъ имѣетъ у себя хотя какое нибудь дрянное ружьишко или винтовку, иногда даже еще съ кремневымъ запаломъ, дѣло обстоитъ значительно иначе. Отличаясь значительными силою и вѣрностью зрѣнія, киргизы прекрасно научились обращаться съ ружьями и очень хорошо стрѣляютъ. Поэтому охота съ дрессированными птицами изъ породы хищниковъ, все болѣе и болѣе вытѣсняется и уступаетъ мѣсто ружейной, хотя и теперь еще есть охотники-любители, имѣющіе прекрасно выученныхъ кречетовъ и соколовъ, оцѣниваемыхъ очень высоко.

Одного такого охотника—любителя соколиной охоты мы встрѣтили на второй день нашего путешествія по степи. Къ сожалѣнію, намъ не пришлось наблюдать самаго процесса охоты, такъ какъ этотъ случайный спутникъ скоро оставилъ насъ и ускакалъ на своемъ иноходцѣ въ первый же встрѣтившійся березовый „колокъ". Первый же обѣдъ по выѣздѣ изъ станицы Прѣсновской намъ пришлось совершить подъ открытымъ небомъ въ тѣни густой березовой рощи, невдалекѣ отъ небольшаго озера. Мы долго высматривали по сторонамъ какой нибудь киргизскій аулъ, думая въ немъ отобѣдать, но всѣ ожиданія наши оказались тщетными. Наконецъ, желудки наши начали давать себя знать настолько чувствительно и лошади наши такъ приморились, что мы рѣшили расположиться подъ открытымъ небомъ, не выжидая болѣе благодѣтельнаго аула. Закусивъ „въ сухомятку" чѣмъ Богъ послалъ, мы, затѣмъ, на разведенномъ кострѣ сварили въ мѣдномъ чайникѣ чай. Послѣ чаю мой пріятель остался у костра, а я отправился побродить по лѣсу. Хотя солнце было осеннее, но на открытой степи пригрѣвало, од-

нако, довольно чувствительно, и потому влажный воздухъ и прохлада лѣса были такъ пріятны и освѣжающи, что, право, совсѣмъ не хотѣлось выходить отсюда. Не хотѣлось снова забираться въ свой экипажъ и тащиться по пыльной дорогѣ на солнечномъ припекѣ.

Вечеромъ благодѣтельный аулъ намъ также долго не показывался. Было уже совсѣмъ темно, и мы уже совсѣмъ рѣшили расположиться на ночь подъ открытымъ небомъ, какъ вдругъ отъ одного ближайшаго колка потянуло дымомъ и затѣмъ вскорѣ заблестѣли огоньки. Несомнѣнно, тутъ былъ аулъ и мы свернули къ нему своихъ лошадей. Скоро лай собакъ, блеяніе овецъ и крики людей убѣдили насъ, что то дѣйствительно былъ аулъ.

Пріѣздъ нашъ произвелъ цѣлую сенсацію среди жителей аула. Очевидно, наше прибытіе составляло для нихъ одно изъ такихъ событій, которыя бываютъ далеко не часты въ ихъ жизни. Говорить по киргизски изъ всѣхъ насъ умѣлъ только одинъ мой спутникъ и потому ему пришлось вести переговоры о ночлегѣ съ обступившими насъ киргизами. Намъ указали большую юрту, въ которой могли намъ дать пріютъ, и одинъ изъ киргизовъ вызвался насъ довести до нея. Владѣлецъ этой юрты уже довольно пожилой и, повидимому, зажиточный киргизъ, принялъ насъ очень привѣтливо. Очевидно, принимая насъ, онъ также имѣлъ въ виду до нѣкоторой степени развлечься, оживить новыми впечатлѣніями не отличающуюся разнообразіемъ свою жизнь въ аулѣ.

Насъ провели въ просторную юрту, посрединѣ которой горѣлъ костеръ, и усадили на маленькомъ коврикѣ. Въ юртѣ оказался самоваръ и чайныя чашки. Къ чаю намъ подали молоко въ деревянной чашкѣ съ такой же ложкой, но настолько сомнительной чистоты, что мнительный человѣкъ, я думаю, совершенно отказался бы пользоваться ими. Чайныя чашки оказались содержимыми въ большей, сравнительно, чистотѣ и, очевидно, употреблялись въ дѣло довольно рѣдко, въ исключительныхъ случаяхъ. Объ этомъ можно заключить потому, что они хранились въ особой шкатулкѣ, изъ которой досталъ ихъ самъ владѣлецъ юрты.

Пока намъ готовился самоваръ, въ юрту набралась масса народа съ очевиднымъ намѣреніемъ посмотрѣть на насъ. Семья пріютившаго насъ киргиза была и такъ достаточно многолюдна, чтобы занять всю юрту; съ приходомъ же постороннихъ, юрта оказалась полной народомъ. Семья владѣльца юрты состояла изъ его жены *„байбиче"*, двухъ женатыхъ сыновей, дочерей-дѣвицъ и нѣсколькихъ внучатъ. Одинъ изъ этихъ внучатъ, повидимому, пользовался особеннымъ расположеніемъ дѣда. Хорошенькій, узкоглазенькій маль-

чуганъ положительно не отходилъ отъ старика; онъ все время вертѣлся у него на колѣняхъ, тараща на насъ глазенки и прячась, при встрѣчѣ съ нашимъ взглядомъ, на груди дѣда. „Байбиче", худенькая, преждевременно состарившаяся морщинистая женщина, въ какой то застывшей флегматичной позѣ, сидѣла по другую сторону костра и все время отрывисто и властно командовала надъ дочерью и одной изъ своихъ снохъ, готовившихъ какое то варево въ чугунномъ котлѣ—казанѣ. Дочь ея молодая, высокая, статная дѣвушка, была въ своемъ родѣ даже красивой. Длинная русая коса ея, унизанная серебряными монетами, спускалась внизъ до пояса, смуглое румяное лицо было довольно выразительно и характерно. По всему видно, что она росла въ нѣгѣ и довольствѣ. Одинъ изъ сыновей старика, младшій, довольно сносно говорилъ по русски, а другой не зналъ ни слова и все время сидѣлъ молча, какъ бы въ раздумьи. Началась бесѣда. Прежде всего намъ, разумѣется, пришлось отвѣчать на вопросы—откуда, куда и зачѣмъ,—которые намъ задавалъ младшій сынъ старика, а потомъ уже разговоръ зашелъ о Курганѣ, гдѣ онъ бывалъ нѣсколько разъ, объ Атбасарѣ, Акмолахъ и т. д.

Въ то время, какъ мы закусывали и пили чай, наши хозяева также насыщались тѣмъ варевомъ, которое готовилось въ казанѣ надъ костромъ. Это варево оказалось супомъ изъ барана. Ѣли киргизы безъ хлѣба и безъ соли. Хлѣбъ составляетъ для нихъ еще одно изъ рѣдкихъ лакомствъ. Киргизы очень любятъ хлѣбъ, и мнѣ впослѣдствіи неоднократно приходилось слышать о немъ такіе отзывы со стороны киргизовъ: „вкусенъ русскій хлѣбъ, но добывать его трудно". Какъ цѣнятъ киргизы хлѣбъ, мнѣ пришлось наблюдать въ эту первую же встрѣчу съ ними. Когда мой спутникъ, желая доставить удовольствіе нашимъ хозяевамъ, угостилъ старика-киргиза бѣлымъ калачомъ, то онъ сейчасъ потребовалъ ножъ и разрѣзалъ калачъ на части по числу членовъ своей семьи. Отдавъ каждому по частичкѣ и въ томъ числѣ своему внучку, онъ не трогалъ своей части. Когда же мальчуганъ быстро уписалъ свою порцію, и сталъ просить еще хлѣба, то старикъ выдалъ ему по частичкѣ и свой кусочекъ. Тронутый этимъ, мой спутникъ отдалъ мальченку еще полкалача, чѣмъ настолько завоевалъ его симпатію, что тотъ уже не сталъ его дичиться и прятаться отъ него на дѣдову грудь.

Хотя скотоводство до послѣдняго времени составляетъ одно изъ главныхъ занятій, при помощи котораго киргизы добываютъ себѣ средства къ жизни, тѣмъ не менѣе хлѣбопашество начинаетъ находить значительное распространеніе среди кочевниковъ. Особен-

но оно развито въ Петропавловскомъ и Кокчетавскомъ уѣздахъ. Въ послѣднемъ есть цѣлые аулы и даже волости, сплошь занимающіеся земледѣліемъ.

За наши угощенія намъ также заплатили угощеніями. Намъ предложили жареныя на угольяхъ внутренности сваренаго барана. Они были настолько жирны и невкусны безъ соли, что я положительно съ трудомъ съѣлъ нѣсколько кусковъ, изъ желанія лишь не огорчить хозяевъ своимъ отказомъ. Затѣмъ старикъ что-то сказалъ одной изъ своихъ снохъ и та пошла въ уголъ юрты, гдѣ, какъ оказывается, хранился торсукъ съ кумысомъ. Она быстро взболтала кумысъ палкой, дѣлая руками такое же движеніе, какъ при накачиваніи воды въ насосъ, и налила намъ его въ деревянную чашку, опять таки довольно сомнительной чистоты. Но кумысу я все-таки выпилъ больше, чѣмъ съѣлъ бараньихъ кишекъ, потому что я пивалъ его раньше и успѣлъ уже нѣсколько къ нему привыкнуть. Меня поразило, между прочимъ, то странное названіе, которымъ здѣсь именовали кумысъ. Мой спутникъ, напр., постоянно называлъ его въ разговорахъ съ киргизами „*шампанъ*". „Шампанъ—бар-ма, шампанъ берсанчъ"—слышалъ я. И теперь я не знаю, какъ по киргизски кумысъ (слово „*кумысъ*" или „*комысъ*" по киргизски значитъ—серебро); не зналъ этого и мой спутникъ; не знаю также, почему онъ называется именно „шампанъ", и коренное ли это слово киргизскаго языка или чужое.

Послѣ ужина я вздумалъ было побродить по аулу и чуть было не сдѣлался жертвою собачьяго гнѣва. Когда я вышелъ изъ юрты, то было уже такъ темно, что едва-едва можно было различить остовы юртъ. Ихъ было немного, всего шесть или семь. Разбиты онѣ были безъ всякаго порядка, на разныхъ разстояніяхъ одна отъ другой. Пройдя отъ своей юрты въ одну сторону и обойдя кругомъ добрую часть аула, я хотѣлъ вернуться съ другой стороны. Но, пока я бродилъ по аулу, сдѣлалось такъ темно, что не было ничего видно даже въ двухъ—трехъ шагахъ. Естественно, что я потерялъ свою юрту и, пойдя на удачу, попалъ къ другой.

Едва я приблизился къ ней, какъ на меня напала цѣлая стая собакъ съ такимъ оглушительнымъ лаемъ и съ настолько ясно выраженнымъ желаніемъ разорвать меня въ клочки, что я буквально закричалъ благимъ матомъ. Къ счастью моему, кто-то скоро услыхалъ изъ этой юрты приключившееся со мною несчастіе и выбѣжалъ ко мнѣ на помощь. Приведя собакъ въ надлежащія чувства и узнавъ во мнѣ пріѣзжаго гостя, киргизъ, должно быть, понялъ, что я заблудился, потому что, пробормотавъ что то въ вопроситель-

номъ тонѣ и, разумѣется, не дождавшись отъ меня отвѣта, онъ преспокойно взялъ меня за рукавъ и отвелъ въ юрту, гдѣ мы остановились. Здѣсь онъ, конечно, не преминулъ разсказать о моемъ злоключеніи, чѣмъ и возбудилъ всеобщее веселье. Старикъ-киргизъ даже добродушно похлопалъ меня по плечу, сказавъ мнѣ что-то успокоительное, и во всякомъ случаѣ что-то забавное, потому что при его словахъ всѣ снова захохотали.

А. Шерстобитовъ.

По Великому Сибирскому пути.

Желѣзнодорожный путь изъ Москвы до Уфы, черезъ Рязань, Пензу и Самару, однообразенъ. Небольшой лѣсъ смѣняется полемъ, поле—опять лѣсомъ. Нѣкоторое разнообразіе въ пейзажъ вводитъ величественная и громадная, свободно текущая Волга,—передъ Самарою, со своимъ великолѣпнымъ и безконечно длиннымъ мостомъ и виднѣющимися вдали красивыми Жигулевскими горами. Далѣе пейзажъ мѣняется опять. Ѣдемъ по небольшимъ возвышенностямъ, дальнимъ отрогамъ Уральскаго хребта, до Уфы.

Городъ этотъ главною своей частью расположенъ на горѣ и своимъ живописнымъ видомъ издали производитъ пріятное впечатлѣніе. Но только издали онъ кажется заманчивымъ; вблизи онъ много теряетъ. Мостовыя оставляютъ желать многаго; маленькіе домики ютятся рядомъ съ каменными постройками. Одинъ только паркъ со своими пышно растущими деревьями,—мѣсто вечерней прогулки уфимскихъ провинціаловъ,—напоминаетъ англійскіе сады давнихъ помѣщичьихъ усадебъ.

Изъ Уфы тронулись мы въ путь въ 3 часа утра. Желаніе видѣть Уральскія горы отъ начала до конца побѣдило дурную привычку спать долго, и я, поднявшись въ 7 часовъ утра, стоялъ у окна вагона и любовался красотами природы.

Это—калейдоскопъ, въ которомъ одинъ видъ смѣняется другимъ, одна картина замѣняетъ другую. Тутъ видимъ окаймленную горами степь, поросшую ковыль-травою, которую татарченки продаютъ связанной въ пучки на станціяхъ. Степь промелькнула, и мы—уже среди горъ. Извилистый путь, огибая высоты, даетъ возможность видѣть всю прелесть этого хребта. Вотъ горный потокъ, покрытый пѣной, стремительно мчится внизъ, какъ-будто желая вырваться изъ скалистыхъ объятій. Вотъ онъ ужъ вырвался на

просторъ—въ долину; здѣсь разливаетъ онъ свои воды широко и отдыхаетъ; но отдохнувъ и увидѣвъ, что и долина тѣсна, еще болѣе сердито бросается онъ въ новое ущелье.

Мы въѣзжаемъ въ горное ущелье; природѣ помогло искусство: цѣлый склонъ взорванъ порохомъ, молотъ и кирка выровняли скалу, и поѣздъ спокойно и медленно движется между каменными громадами, какъ въ туннелѣ. Въ вагонѣ дѣлается темнѣе, пахнетъ какой-то сыростью, слышно тяжелое дыханіе паровоза. Раздается свистокъ, повторенный эхомъ безсчетное число разъ; колеса вагоновъ завертѣлись быстрѣе, и поѣздъ, вылетѣвъ на свѣтъ и просторъ, весело несется по небольшому уклону. Здѣсь опять новая картина: справа—веселая долина, на которой пасется стадо овецъ, слѣва—великолѣпный боръ, достойный кисти художника. Вотъ ель, громадная, суровая, подымаетъ верхушку свою къ небу, прося защиты отъ человѣка-губителя, который, проводя дорогу, обнажилъ часть ея корней, вырвавъ изъ-подъ нихъ почву и твердую скалу. Рядомъ—веселая, кичливая березка стоитъ, улыбаясь, и, кажется, такъ и хочетъ сказать строгой ели, что она счастлива тѣмъ, что осталась цѣлой и невредимой. Еще далѣе не различишь отдѣльныхъ деревьевъ, а весь лѣсъ, густой и большой, шумитъ спокойно, разсказывая про старое, доброе время.

Среди этихъ картинъ ѣдемъ и не замѣчаемъ, какъ время проходитъ и наступаетъ ночь. Поѣздъ быстро уноситъ изъ этихъ чудныхъ мѣстъ, не давъ даже полюбоваться ими. Свистокъ зазвучалъ рѣзко и протяжно, и мы—на станціи Златоустъ.

Поѣздъ стоитъ. Поздняя ночь. Раздается говоръ: торговцы предлагаютъ ножи,—производство Златоуста, отстоящаго за нѣсколько верстъ отъ станціи.

За Челябинскомъ къ Екатеринбургу дорога уже не такъ живописна: возвышенности меньше, лѣса рѣдѣютъ, растительность не такъ богата.

Екатеринбургъ по мѣстоположенію красивъ. Садовъ много. Вся дорога отъ вокзала до „Американской" гостинницы, единственно довольно приличной, идетъ по прекрасно утрамбованному шоссе, все подымаясь вверхъ. Направо и налѣво стоятъ небольшіе, изящные домики-особняки, утопая въ зелени деревьевъ и кустовъ. Запахъ, свѣжій, сочный, наполняетъ воздухъ.

Екатеринбургъ представляетъ много интереснаго, въ особенности,—для минералога. Здѣсь, на гранильномъ заводѣ можно видѣть всѣ виды уральскихъ породъ и ихъ обработку. На этомъ заводѣ работаютъ болѣе 150 человѣкъ. Раздѣляются рабочіе по спе-

ціальностямъ: одни, пильщики, распиливаютъ каменныя глыбы на бруски преимущественно механическимъ способомъ; другіе, гранильщики, выпиливаютъ грани на драгоцѣнныхъ камняхъ, и нужно только удивляться вѣрности глаза и сноровкѣ въ производствѣ правильныхъ граней; третьи, полировщики, заканчиваютъ обработку всякаго камня.

Кромѣ этого завода, принадлежащаго правительству, есть еще частныя мастерскія, гдѣ работаютъ по двадцати и болѣе человѣкъ. Одинъ изъ болѣе извѣстныхъ и обладающихъ довольно большимъ вкусомъ считается Липинъ. Но когда видишь всю трудность обработки камней, когда посмотришь, какъ рабочіе портятъ глаза за этой работой и гнутъ спины надъ маленькимъ камешкомъ за небольшую плату, невольно, какъ контрастъ, вспоминается нарядная, изящная дама, увѣшанная украшеніями, произведеніемъ труда этихъ бѣдняковъ. И становится какъ-то неловко и обидно, что такое множество рукъ занято безполезнымъ трудомъ въ угоду роскоши.

Путь изъ Екатеринбурга въ Тюмень, постепенно понижаясь, теряетъ свою красоту и очень скоро идетъ уже по гладкой равнинѣ, поросшей мѣстами мелкой березой и ивой. Болота появляются все чаще и чаще съ маленькими озерами и прогалинками.

Тюмень — небольшой городокъ съ одной плохо вымощенной улицей. Всѣ другія улицы едва ли когда-нибудь, даже въ будущемъ, дождутся этой роскоши. А между тѣмъ городъ довольно богатъ. Издавна славится онъ своими ярмарками. Тюмень—мѣсто обмѣна сибирскихъ товаровъ на европейскіе; значеніе его послѣ проведенія желѣзной дороги уменьшается, но все-таки онъ является большимъ торговымъ пунктомъ для всей сѣверо-западной Сибири вслѣдствіе своего положенія: это—конечная желѣзнодорожная станція и вмѣстѣ съ тѣмъ—довольно большая пристань на судоходной рѣкѣ Турѣ.

Изъ Тюмени въ Тобольскъ главный и преимущественный способъ передвиженія лѣтомъ—на пороходѣ по рѣкѣ Турѣ, а потомъ—по Тоболу. Путь этотъ скученъ и наводитъ уныніе даже на веселыхъ жизнерадостныхъ путниковъ. Представьте себѣ картину: рѣка медленно и тихо, въ широкомъ руслѣ, катитъ свои воды, напоминающія цвѣтомъ жидкій кофе съ небольшой примѣсью молока. Берега низменны и покрыты кочками жесткой травы, между которыми мѣстами выростаетъ хилая береза или кривая, грустная ива. Небо покрыто оловянными тучами, и моросить мелкій, всюду пробивающійся дождикъ. И это въ іюнѣ. Такая картина продолжается въ теченіе болѣе сутокъ. Пароходъ останавливается набрать дровъ.

Люди движутся лѣниво и вяло; лица у нихъ суровыя и равнодушныя. Все кругомъ какъ-то безотрадно, грустно.

Таково преддверіе Сибири.

Вотъ Тоболъ сливается съ Иртышомъ, и нѣсколько верстъ видно два различнаго цвѣта теченія, направляющихъ свои воды къ Тобольску, который едва замѣтенъ при свѣтѣ заходящаго солнца въ далекой синевѣ. Городъ все виднѣе и виднѣе. Красные лучи заката отражаются на крестѣ собора, стоящаго на горѣ. Вотъ ужъ и другія постройки, большія, каменныя, обрисовались на лиловомъ небосклонѣ; далѣе видны садъ, и въ немъ—памятникъ Ермаку въ формѣ обелиска.

Загудѣлъ свистокъ парохода, и за поворотомъ справа обрисовалась пристань. На ней суетня, масса народа. Большое событіе,—пришелъ пароходъ. Здѣсь и власти, и горожане, и всякій желаетъ видѣть, кто пріѣхалъ, что привезли. Раздается команда, и пароходъ причаливаетъ; матросы бросаютъ концы, ихъ закрѣпляютъ на береговыхъ столбахъ, машина выбираетъ канатъ; отодвинули бортъ, и мы опускаемся по сходнямъ на площадку пристани.

Мы ѣдемъ въ городъ на долгушахъ, единственныхъ экипажахъ Тобольска, по деревянной мостовой: это—бревна, положенныя поперекъ улицъ, какъ у насъ устраиваются плотины. Бревна эти во многихъ мѣстахъ перегнили и провалились, и тряска вслѣдствіе этого невѣроятная.

Улицы узенькія; дома деревянные, маленькіе; растительности мало, и она какая-то хилая, мизерная. Думалось мнѣ, это — предмѣстье Тобольска у подошвы горы, а самъ городъ выше, гдѣ, подъѣзжая, я видѣлъ соборъ и большія постройки. Извозчикъ объяснилъ мнѣ, что эти маленькія лачужки, эти узенькія улицы, эти деревянныя лавки на площади — и есть самъ городъ Тобольскъ. На горѣ только присутственныя мѣста, соборъ, двѣ тюрьмы и музей. Весь городъ полукольцомъ охватываетъ высокую, красивую гору и ютится возлѣ нея, какъ бы ища защиты. Здѣсь, въ Тобольскѣ, очень ясно видно, какъ возникали города: на горѣ стояло укрѣпленіе, а за стѣной его постепенно поселялись пришельцы, пристраивая одну постройку за другой.

Тобольскъ основанъ въ 1587 году и сталъ главнымъ административнымъ центромъ Сибири. Шесть лѣтъ спустя, въ немъ появляются уже ссыльные угличане съ мѣднымъ углицкимъ колоколомъ во главѣ. Колоколъ присланъ съ надписью: „Сей колоколъ, въ который били въ набатъ при убіеніи царевича Димитрія въ 1593 г., присланъ изъ города Углича въ Сибирь въ ссылку,

во градъ Тобольскъ, къ церкви Всемилостиваго Спаса, что на торгу, а послѣ на Софійской колокольнѣ былъ часобительный". Съ тѣхъ поръ судьба Сибири была рѣшена: она стала мѣстомъ ссылки.

Копія перваго ссыльнаго колокола—19 п. 20 ф. вѣсу—хранится въ музеѣ, который устроенъ на горѣ, у сада Ермака, гдѣ стоитъ памятникъ этому удалому казаку. Въ музеѣ хранятся разныя издѣлія первыхъ обитателей Сибири: остяковъ, калмыковъ, месартовъ,—клыки мамонта и проч.

Съ г. Омскомъ близко мнѣ познакомиться не пришлось: здѣсь мы пробыли очень недолго,—до отхода поѣзда на Красноярскъ и Томскъ. Къ 8-ми часамъ всѣ мы были опять въ сборѣ и покатили по новой Великосибирской дорогѣ на Востокъ. Желѣзнодорожное движеніе, суетня на вокзалѣ, звонки, свистки, шипѣніе паровоза подѣйствовали на меня очень ободряющимъ образомъ. Послѣ пятидневнаго пути по Иртышу, среди почти мертвенной тишины шумъ, паровоза и стукъ вагонныхъ колесъ показались чѣмъ-то жизнерадостнымъ и сердцу и душѣ пріятнымъ. Настроеніе измѣнилось, сонливость прошла, чувствую, что живу; товарищи мои тоже замѣтно ободрились, и, весело разговаривая и шутя, мы не замѣтили, какъ наступила ночь.

На слѣдующее утро меня разбудило какое-то жужжанье въ вагонѣ. Въ полуснѣ слышу я бзз... бзз... то съ одной стороны, то съ другой, все больше и больше,—цѣлый хоръ въ унисонъ раздающихся звуковъ. Открываю глаза: вагонъ наполненъ слѣпнями и оводами, забравшимися внутрь чрезъ щели. Они очень крупные,—шумъ отъ ихъ полета сильный; они безвредны, но противны. Открываю окно,—врывается пріятный, освѣжающій запахъ цвѣтущихъ злаковъ. Вспоминаются родныя поля, и я гляжу на широко раскинутую Барабинскую степь—житницу Западной Сибири. Поѣздъ летитъ по гладкой равнинѣ, не зная препятствій, унося далеко-далеко и быстро своихъ пассажировъ въ мало знакомые, интересные края.

Скоро полдень. Жара становится невыносимой. Въѣзжаемъ въ полосу, гдѣ не было дождя; пыль отъ движенія паровоза поднимается клубами. Душно. Кругомъ поля и поля, ни единаго деревца, только кой-гдѣ по пути небольшой кустикъ среди желтѣющей нивы. Мнѣ вспоминаются степи южной Россіи.

Обь проѣхали, Бараба за нами. Мѣстность мѣняется: ѣдемъ среди лѣса средне-сибирской тайги. Лиственница, сосна, ель, кедръ, растущіе большими группами, образуютъ сплошной почти непроходимый лѣсъ, такъ какъ можжевельникъ, жимолость и шиповникъ густо разрослись у подножія деревьевъ-великановъ и не даютъ хо-

ду путнику. Мѣстами лѣсъ прорывается ясной, свѣтлой поляной, которая ласкаетъ глазъ чудной зеленью и яркостью красокъ великолѣпно цвѣтущихъ полевыхъ цвѣтовъ. Я нигдѣ не видѣлъ такой группировки и такого множества цвѣтовъ, растущихъ дико цѣлыми грядами. У насъ въ Европейской Россіи они растутъ вперемѣжку, тамъ же, въ средней Сибири, глазамъ вашимъ представляется цѣлое сплошное поле, тутъ красное, тамъ синее, опять голубое, желтое, лиловое. Природа роскошна; въ воздухѣ чувствуется запахъ хвои. Поѣздъ весело движется впередъ, и все новыя и новыя картины величественной тайги проходятъ передъ нами.

Къ утру были мы на станціи Тайга, откуда идетъ вѣтвь на Томскъ. Сорокъ верстъ пробѣгаетъ поѣздъ въ 1½ часа, и къ 9-ти часамъ мы подъѣзжаемъ къ Томску.

Вотъ мы и въ Томскѣ; но прежде, чѣмъ описывать нынѣшній Томскъ, коснусь слегка его исторіи. Почти триста лѣтъ тому назадъ, одинъ изъ князьковъ племени эуштинцевъ, заселявшаго нынѣшній Томскій округъ, по имени Таянъ, добровольно покорился русскому владычеству и отправился въ Москву, съ челобитною къ царю Борису Годунову. Надѣясь при посредствѣ Таяна покорить другія племена, царь охотно принялъ челобитную и вслѣдъ за этимъ послалъ Гаврилу Писемскаго съ казаками и боярскаго сына Василія Тыркова. Эти послѣдніе, желая упрочиться въ новой мѣстности, построили въ 1604 году на берегу рѣки Томи, на Воскресенской горѣ, Томскій острогъ, который очень скоро дѣлается административнымъ центромъ этого края. Въ 1804 году учреждена Томская губернія. Томску пришлось за этотъ періодъ времени перетерпѣть многое. Татары и другія монгольскія племена постоянно его тревожили своими наѣздами, и въ память этихъ набѣговъ одна изъ частей города носитъ названіе Юрточной горы: тамъ стояли татарскія и бухарскія юрты. Постоянные пожары, обыкновенное несчастіе городовъ Сибири,—почти дотла истребляли городъ, а наводненія во время разлива Томи и Ушайки довершили зло. Но мало-по-малу городъ оправляется, застраивается вновь, расширяется, привлекаетъ все больше и больше новыхъ жителей, раскидывается на цѣлыхъ восемь квадратныхъ верстъ и, хотя не роскошно и не пышно, начинаетъ процвѣтать, и въ этомъ ему больше всего помогаетъ золотопромышленность. Томскъ въ концѣ 60-хъ и началѣ 70-хъ годовъ является мѣстомъ, куда прибываютъ богатые золотоискатели. Воздвигаются новыя постройки, весь городъ стонетъ отъ разгульнаго веселья, торговля начинаетъ развиваться, мастеровые прибываютъ десятками, народонаселеніе растетъ.

Теперь Томскъ принялъ совершенно другой видъ. Онъ сдѣлался образовательнымъ центромъ, а университетъ и другія учебныя заведенія сильно, по словамъ старожиловъ, повліяли на характеръ какъ жителей, такъ и самого города. Несмотря на это, еще многимъ необходимымъ онъ не обзавелся. Такъ, до сихъ поръ въ Томскѣ нѣтъ хорошихъ мостовыхъ, нѣкоторыя улицы только шоссированы и притомъ не вполнѣ хорошо.

Городъ очень много заботится о народномъ образованіи: около 20 процентовъ всѣхъ своихъ расходовъ Томскъ тратитъ на учебныя заведенія.

Сибирскій университетъ, какъ извѣстно, открытъ въ 1888 году. Онъ построенъ въ живописной, довольно отдаленной части города, среди деревьевъ, и издали имѣетъ видъ красиваго дворца. Передъ зданіемъ—широкій дворъ, на которомъ опытной рукой разбиты и засажены клумбы ярко цвѣтущихъ растеній. Дворъ этотъ незамѣтно переходитъ въ ботаническій садъ, окружающій съ трехъ сторонъ университетъ и гостепріимно уступающій мѣсто, съ правой стороны отъ главнаго входа, университетскимъ клиникамъ. Главное зданіе, въ три этажа съ подвалами, раздѣлено на аудиторіи, музеи, кабинеты и библіотеку.

Что касается наружнаго вида города, то въ немъ, какъ и во всѣхъ другихъ городахъ нашего Востока, рядомъ съ новыми, хорошими постройками стоятъ старыя, деревянныя лачужки.

Чтобы проѣхать изъ Томска далѣе на Востокъ, слѣдуетъ возвратиться на знакомую намъ станцію Тайгу. За Тайгой появляются возвышенности, покрытыя лѣсомъ и массой цвѣтовъ. Всюду богатство красокъ, ароматъ и свѣжесть. Дышится легко, полной грудью.

Проѣзжаемъ городъ Маріинскъ, въ которомъ преобладающее населеніе — сосланные евреи, и къ 8-ми часамъ утра слѣдующаго дня подъѣзжаемъ къ Красноярску.

Городъ Красноярскъ широко раскинулся въ долинѣ на берегу рѣки Енисея. Широкія, глухія улицы прорѣзываютъ его во всю длину, небольшіе переулки соединяютъ ихъ. Какимъ-то пустыннымъ и непривѣтливымъ кажется онъ европейцу. Одинъ только городской садъ является веселой точкой на сѣромъ фонѣ города. Зато окрестности могутъ спорить за первенство съ лучшими видами Швейцаріи. Широкій, быстрый Енисей во всей своей красѣ представляется съ нѣкоторыхъ улицъ глазамъ зрителя. Онъ то схваченный и сжатый, какъ въ тискахъ, высокими, скалистыми берегами, образуетъ пороги, шумитъ и реветъ, стремясь къ Ледовитому океану, то разливается на десятки верстъ по ровной мѣстности, обра-

зуя большіе острова, берега которыхъ, поросшіе вѣковымъ лѣсомъ съ проглядывающими среди зелени скалистыми утесами, усиливаютъ впечатлѣніе чего-то величественнаго, неизмѣримо сильнаго и суроваго.

Изъ Красноярска желѣзнодорожный путь идетъ черезъ Енисей. Мостъ на немъ во время нашего путешествія не былъ еще построенъ. Пассажировъ перевозили на другую сторону на пароходахъ Министерства Путей Сообщенія. Тамъ ожидалъ уже новый поѣздъ. Зимой прокладывали рельсы по льду замерзшей рѣки.

Дорога идетъ все по лѣсистой мѣстности, но смотрѣть на лѣсъ грустно. При постройкѣ желѣзной дороги, съ обѣихъ сторонъ полотна, для уменьшенія расходовъ по постройкѣ, лѣсъ зажигали, и обгорѣвшіе пни торчатъ одинъ подлѣ другого на протяженіи цѣлыхъ сотенъ верстъ. По такой мѣстности, во время нашего путешествія, оффиціально поѣзда ходили до ст. Ключей; далѣе начинался участокъ строящейся дороги. Можно было доѣхать до ст. Зима. Мѣсяцъ спустя, путь былъ готовъ до Иркутска.

На новомъ участкѣ поѣзда ходили очень медленно, нѣкоторые переѣзды были по 8 — 10 верстъ въ часъ, вагоны наклонялись то вправо, то влѣво, шпалы подъ поѣздомъ дрожали. Минутами становилось страшно, а свѣжіе палы тайги усиливали непріятное ощущеніе страха близкой катастрофы и крушенія.

Насыпь была только-что сдѣлана, еще не утрамбована, движеніе не открыто, и только благодаря любезности желѣзнодорожнаго начальства и на свой страхъ можно было пускаться въ этотъ эквилибристическій для паровоза и вагоновъ путь. Такъ прибыли мы въ Нижнеудинскъ, окружный городъ, гдѣ безъ буфета пришлось бы намъ плохо. Къ счастію, желѣзнодорожный рестораторъ, кормившій инженеровъ - строителей, съ готовностью утолилъ нашъ голодъ, предложивъ отличное горячее кушанье въ своемъ чистенькомъ, убранномъ еловыми вѣтвями, домикѣ. Изъ Нижнеудинска, по еще болѣе шаткому пути, добрались мы до станціи Тулунъ, гдѣ закончили свой желѣзнодорожный путь для того, чтобы пересѣсть въ тарантасы и, запасшись всѣмъ необходимымъ, продолжать свое скитаніе на лошадяхъ.

С. Бродовичъ.

Климатъ Сибири.

Климатъ Сибири очень суровый. Лѣто здѣсь короткое и жаркое, зима долгая и студеная. Ни одна страна въ мірѣ не можетъ сравниться съ Сибирью суровостью зимы. И это не потому только, что Сибирь находится на сѣверѣ. Нѣкоторыя мѣстности Европы и Америки заходятъ еще далѣе на сѣверъ, чѣмъ окраины Сибири, но всетаки тамъ климатъ теплѣе. Суровость сибирской зимы объясняется тѣмъ, что Сибирь вся открыта для холодныхъ сѣверныхъ вѣтровъ и загорожена сѣверными хребтами отъ южныхъ и западныхъ теплыхъ вѣтровъ. Уже Уральскій хребетъ ставитъ преграду мягкимъ западнымъ вѣтрамъ. Всетаки для западной Сибири они имѣютъ нѣкоторое значеніе, смягчая здѣшніе холода. Зато восточная Сибирь, уже сама по себѣ гористая, предоставлена всѣмъ невзгодамъ суроваго климата. Свободно гуляютъ здѣсь холодные, сѣверные вѣтры. Отъ долгаго пути зимою они холодѣютъ еще больше и, такимъ образомъ, достигая южныхъ краевъ Сибири, усиливаютъ и здѣсь стужу. Благодаря этому, восточная часть Сибири особенно холодна. Только мѣстности, близкія къ морю, бываютъ менѣе холодны зимою и менѣе жарки лѣтомъ. И зимнюю стужу, и лѣтніе жары смягчаетъ здѣсь близость моря.

Стужа далекаго сѣвера поистинѣ ужасна. Измѣрить ее можно только спиртовымъ градусникомъ, потому что ртуть при такомъ холодѣ замерзаетъ. Она цѣпенѣетъ настолько, что ее можно рубить и ковать, какъ свинецъ, и лить изъ нея пули. Желѣзо становится хрупкимъ и при ударѣ брыжжетъ обломками, какъ стекло. Дерево, въ особенности сочное, дѣлается крѣпче желѣза, такъ что и топоръ его не беретъ. Только совершенно сухое дерево можно въ это время рубить и колоть. Даже огонь отъ костра какъ бы боится подняться высоко въ морозный воздухъ и стелется по дровамъ. Далеко слышенъ скрипъ каждаго шага по хрупкому снѣгу; съ сильнымъ трескомъ лопаются одно за другимъ деревья вѣкового лѣса. Имъ отвѣчаетъ, какъ громъ далекихъ пушекъ, глухой подземный гулъ, потрясающій землю. Этотъ гулъ издаютъ разсѣлины льда и промерзшей земли. Особенно сурова зима въ Якутскѣ. Здѣсь морозы доходятъ порою до 50 градусовъ (по Реомюру). Въ сѣверо-восточной части Якутской области расположенъ одинъ изъ полюсовъ холода сѣвернаго полушарія. Здѣсь высшій предѣлъ стужи. Уже дальше

къ сѣверу отсюда климатъ начинаетъ нѣсколько смягчаться отъ близости Ледовитаго океана. На востокъ отъ Якутска зима тоже менѣе сурова, благодаря мягкимъ вѣтрамъ, дующимъ съ Охотскаго моря. Зато къ югу и юго-западу отъ него суровость зимы остается та же самая.

Не нужно, конечно, забывать, что это описаніе сибирской зимней стужи не можетъ относиться ко всей Сибири. Она занимаетъ такую громадную площадь, что климатъ въ различныхъ частяхъ ея далеко не одинаковъ. Жестокіе холода, продолжительныя зимы и короткое лѣто сѣвера Сибири смѣняются постепенно къ югу, сравнительно, умѣреннымъ климатомъ. На самомъ югѣ есть даже уголки, дышащіе хорошею природой. Въ цѣломъ Сибирь составляетъ все-таки самую холодную часть Россійской Имперіи. Средняя годовая температура нигдѣ здѣсь не бываетъ выше нуля. Холоднѣйшія мѣста Сибири лежатъ на сѣверо-востокѣ страны, въ нижнемъ теченіи Лены и по рѣкѣ Янѣ. Здѣсь въ мѣстахъ наибольшей стужи расположены незначительные городишки Жиганскъ и Верхоянскъ.

Зима на далекомъ сѣверѣ занимаетъ болѣе половины года. Около Якутска Лена бываетъ свободна отъ льда 160 дней въ году, около устья—99 дней; рѣка Яна близъ устья освобождается отъ льда только на 100 дней. Ледъ бываетъ очень толстый и потому даже въ іюнѣ въ здѣшнихъ рѣкахъ иногда встрѣчаются глыбы льда, не успѣвшаго растаять. Около Якутска, при умѣренной зимѣ, толщина льда на озерахъ доходитъ до сажени и больше. Особенно толстъ бываетъ ледъ на небольшихъ озерахъ. Ледъ на рѣкахъ бываетъ тоньше. Благодаря горнымъ не замерзающимъ ключамъ, промерзаніе рѣкъ до дна встрѣчается очень рѣдко. Малыя рѣки вскрываются и замерзаютъ здѣсь ранѣе большихъ. Главныя рѣки Сибири вскрываются, смотря по разстоянію отъ устья, съ половины апрѣля до конца мая, замерзаютъ—съ конца октября до половины ноября. Близъ устья на сѣверѣ рѣки едва освобождаются ото льда къ концу іюня, а въ первыхъ числахъ октября замерзаютъ снова.

Самымъ холоднымъ мѣсяцемъ Сибири должно считать январь. Ростъ тепла отъ января къ февралю меньше, чѣмъ отъ февраля къ марту и особенно отъ марта къ апрѣлю. Отъ апрѣля къ маю увеличеніе тепла уже меньше, а отъ мая къ іюню совсѣмъ незначительно. Отъ іюня къ іюлю всюду замѣчается увеличеніе тепла. Съ іюля начинается убываніе тепла. Сначала оно идетъ слабо; затѣмъ замѣтнѣе всего оно отъ сентября къ октябрю и отъ октября

къ слѣдующему мѣсяцу. Отъ ноября къ декабрю убываніе тепла слабѣе.

Сурова сибирская зима, но при тихой безвѣтренной погодѣ ее легко перенести. Сибирякъ одѣвается тепло въ разные мѣха, главнымъ образомъ, въ оленьи и не боится проводить зимою цѣлые дни и недѣли на охотѣ. Чтобъ не замерзнуть, здѣсь стараются ѣсть въ изобиліи жирную пищу, избѣгать слишкомъ большого утомленія и ходьбы или ѣзды ночью. Чтобы сохранить свои силы, инородецъ предпочитаетъ цѣлый день ѣхать съ сильно ноющими отъ холода ногами, чѣмъ согрѣвать ихъ бѣганьемъ. Они отлично переносятъ зиму въ своихъ шалашахъ, покрытыхъ оленьими кожами. Среди шалаша горитъ почти неугасающій костеръ, и дымъ отъ него выходитъ въ продѣланное въ крышѣ отверстіе. Если здѣшняго охотника или инородца захватитъ въ лѣсу или въ тундрѣ мятель, то онъ зарывается въ снѣгъ и ждетъ, когда она стихнетъ. Заблудиться онъ не боится и, скитаясь по тундрамъ и лѣсамъ, легко узнаетъ, гдѣ какая сторона, даже когда солнца не видно. Примѣтами ему служатъ направленіе снѣжныхъ наносовъ и рѣчекъ, расположеніе лишаевъ на древесныхъ стволахъ, созвѣздія, направленіе выходовъ въ норахъ землероекъ и т. д.

Зимою въ Сибири стоитъ по большей части тихая, ясная погода. Чистый и морозный воздухъ только во время особенно сильной стужи затуманивается водяными парами. Въ сильный морозъ вокругъ отдыхающаго стада оленей стоитъ цѣлое облако, за которымъ не видно самихъ животныхъ. Это паръ отъ ихъ дыханія. Позади бѣгущаго звѣря, даже позади пролетающей птицы тянется легкая туманная полоска. Если плюнуть, то слюна замерзаетъ раньше, чѣмъ долетитъ до земли. Желѣзо, мѣдь, олово и даже дерево, когда до нихъ дотронешься, жгутъ голую руку, какъ раскаленное желѣзо. При быстрой ѣздѣ необходимо часто останавливаться, чтобы прочищать лошадямъ ноздри отъ инея и замерзшаго пара, иначе лошади задохнутся.

Кромѣ ужасающей стужи, безпріютныя пустыни глубокаго сѣвера сильно страдаютъ отъ страшныхъ мятелей. Жители Европейской Россіи не могутъ даже представить себѣ, каковы здѣшнія мятели или бураны. Густой лѣсъ не даетъ вьюгѣ свободно разгуливать по землѣ и потому въ средней полосѣ Сибири не знаютъ всѣхъ ея ужасовъ. Зато въ безлѣсной тундрѣ свирѣпость булановъ превосходитъ всякое вѣроятіе. Свирѣпы они и въ безконечныхъ степяхъ Сибири. Вѣтеръ взвиваетъ цѣлыя тучи снѣга, такъ что воздухъ темнѣетъ, какъ ночью. Путникъ не въ силахъ устоять на

ногахъ, не можетъ открыть глазъ; даже стараясь перевести духъ, онъ чувствуетъ опасность задохнуться. Не мало гибнетъ людей и животныхъ во время этихъ булановъ.

На сѣверныхъ снѣжныхъ равнинахъ вьюги оставляютъ свои слѣды въ снѣжныхъ наносахъ, которые называются здѣсь снѣговыми волнами или застругами. Бураны выравниваютъ въ тундрѣ всѣ долы и овраги и такъ плотно убиваютъ снѣгъ, что по нему можно свободно ходить и ѣздить куда угодно. На крѣпкихъ снѣжныхъ застругахъ иногда едва оставляютъ слѣдъ даже тяжело нагруженныя сани. Зато въ лѣсахъ снѣгъ болѣе рыхлый. Безъ лыжъ здѣсь нельзя ходить по нему, да и на лыжахъ въ обыкновенное время довольно глубоко вязнешь въ немъ. Въ концѣ зимы, когда снѣгъ начинаетъ подтаивать и уплотняться, поверхность его становится тверже. Если въ это время ударитъ морозецъ или подуетъ холодный вѣтеръ—„северякъ", то снѣгъ покрывается твердой корою, или, какъ говорятъ здѣсь, дѣлается настъ. По насту легко ходить на лыжахъ, да и безъ лыжъ онъ сдерживаетъ человѣка. Время, когда стоитъ настъ, считается лучшею порою для охоты съ собаками на звѣря. Вообще главная охота въ Сибири бываетъ зимою и поздней осенью. Лѣтомъ всякій звѣрь линяетъ, шкура его не представляетъ почти никакой цѣнности и потому его не бьютъ.

По мѣрѣ приближенія весны, на далекомъ сѣверѣ начинаетъ все дольше и дольше выглядывать солнышко. Оно не поднимается высоко на безоблачномъ небѣ и бьетъ по блестящему снѣгу прямо въ глаза. Это очень вредно и влечетъ за собою особую болѣзнь глазъ, которая называется здѣсь снѣжною слѣпотою. Глаза слезятся, воспаляются и причиняютъ ужасную боль. Эта болѣзнь бываетъ не только у людей, но и у животныхъ. Снѣжную слѣпоту значительно увеличиваютъ также холодный противный вѣтеръ и нестерпимый дымъ, который стоитъ обыкновенно въ шалашахъ здѣшнихъ охотниковъ и инородцевъ. Въ избѣжаніе снѣжной слѣпоты, жители далекаго сѣвера употребляютъ разныя приспособленія для того, чтобы солнечный свѣтъ не попадалъ въ глаза.

Весна ожидается на далекомъ сѣверѣ съ большимъ нетерпѣніемъ. Рыбная ловля является здѣсь главнымъ средствомъ существованія и потому вскрытіе рѣкъ и озеръ является своего рода праздникомъ. Къ концу зимы у большинства уже давно истощились запасы полусгнившей рыбы и сосновая заболонь съ молокомъ служитъ единственною пищею. Поэтому вскрытіе и замерзаніе рѣкъ для жителей сѣверной окраины является вопросомъ о жизни. День вскрытія и замерзанія рѣки связывается въ памяти народа со днемъ того

или другого святого и всякое уклоненіе въ этомъ случаѣ составляетъ цѣлое событіе.

Но вотъ рѣки вскрываются. Миновали долгія и мучительныя зимнія лишенія, приходитъ конецъ полуголоднаго существованія. Все начинаетъ оживать: солнышко привѣтливѣе смотритъ съ неба, прилетаютъ стаи дичи и другихъ птицъ, изъ едва успѣвшей оттаять земли пробивается зелень.

Начало весны—лучшая пора въ Сибири. Все сразу преображается. Здѣсь не бываетъ длинной, сырой весны, какъ у насъ, гдѣ земля лишь постепенно покрывается зеленью, а деревья листвою. Растительность, сдерживаемая на далекомъ сѣверѣ въ ледяныхъ оковахъ впродолженіе восьми мѣсяцевъ, разомъ разрываетъ свои узы и съ неодолимой силой захватываетъ весь міръ. Едва только почва освободится отъ снѣга, на мшистыхъ равнинахъ начинаютъ уже бѣлѣть нѣжные восковые лепестки брусники и астры и бѣлоснѣжныя кисти лабрадорскаго чая. Также внезапно одѣваются листвой березы, ивы, ольхи и другія лиственныя деревья. Берега рѣкъ покрываются зеленымъ мягкимъ ковромъ; теплый, тихій воздухъ наполняется рѣзкими криками дикихъ лебедей и гусей, которые высоко подъ облаками несутся большими треугольниками на далекій сѣверъ. Чрезъ три недѣли послѣ исчезновенія послѣдняго снѣга вся природа одѣта уже въ свой лѣтній нарядъ и наслаждается почти постояннымъ солнцемъ. Скоро начнется сплошной день, когда солнце на далекомъ сѣверѣ не закатится до половины августа.

Лѣто на далекомъ сѣверѣ хотя и короткое, но, если оно не сопровождается сѣвернымъ или сѣверо-западнымъ вѣтромъ,—благодѣтельное. Продолжается оно отъ Николы до Спаса. Природа быстро оживаетъ и спѣшитъ обновиться и запастись силами, растительность развивается съ необычайною быстротою. Но сѣверные и сѣверо-западные вѣтры быстро превращаютъ жаркій день въ пасмурный и холодный, нагоняютъ съ моря туманъ. Иногда во время его выпадаетъ снѣгъ и губитъ нѣжныя растенія, неуспѣвшія вполнѣ расцвѣсти. Рѣзкіе переходы отъ темноты и холода къ непрерывному свѣту и испареніямъ вредно отзываются на здоровьи человѣка. Болотныя водоросли гніютъ подъ отвѣсными лучами незаходящаго солнца: вредныя испаренія, которыя онѣ выдѣляютъ изъ себя, заражаютъ воздухъ. Отъ всего этого населеніе часто страдаетъ лихорадкой, слѣпотой, золотухой и худосочіемъ.

И лѣтомъ земля оттаиваетъ здѣсь всего на нѣсколько вершковъ. Самоѣды даже среди лѣта разъѣзжаютъ по трясинамъ далекаго сѣвера на саняхъ. Мерзлая подпочва не даетъ имъ проваливать-

ся. Промерзаетъ здѣсь земля очень глубоко и уже недалеко отъ поверхности образуетъ вѣчную мерзлоту. Въ иныхъ мѣстахъ пробовали рыть землю саженъ на сто и болѣе и все-таки не могли докопаться до талой земли.

Южнѣе и въ Сибири климатъ умѣреннѣе. Зима здѣсь менѣе сурова, лѣто длиннѣе и жарче; погода болѣе постоянна. Но и здѣсь лѣто настолько коротко, что хлѣбъ успѣваетъ вызрѣть, благодаря лишь быстрому своему росту.

Не смотря на свою суровость, сибирскій климатъ считается здоровымъ. Въ нѣкоторыхъ областяхъ Сибири совсѣмъ не встрѣчается чахоточныхъ. Сибирская молодежь, призываемая къ отбыванію воинской повинности, даетъ вдвое меньше негодныхъ, чѣмъ молодежь россійская. Морозы здѣшніе только закаляютъ сибиряка. Воздухъ сибирскій отличается необыкновенной, сухостью и прозрачностью. Поэтому и глазъ здѣсь лучше и дальше видитъ, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ. Сырыя вещи, отъ сухости здѣшняго воздуха, необычайно быстро высыхаютъ. Хлѣбъ становится черствымъ уже на другой день послѣ испеченія; скошенную траву часто въ тотъ же день можно копнить и метать въ зароды или стога.

В. Арефьевъ.

Тайга.

Мы за Томскомъ, на большомъ сибирскомъ трактѣ, въ тайгѣ,— той тайгѣ, которая ужъ самымъ названіемъ сулила мнѣ нѣчто новое, оригинальное.

Я и здѣсь обманулся. Правда, лѣсъ начинается отъ самаго Томска, но это даже не лѣсъ, а перелѣсокъ нашей Московской или Владимірской губерніи, и такимъ лѣсомъ я ѣхалъ болѣе сутокъ. Тѣ же жиденькія березки, та же осина, какіе-то неопредѣленнаго вида кусты; лишь изрѣдка встрѣтится ель или пихта—и все это спутанное, низкорослое, довольно рѣдкое, перерѣзанное топями и болотцами. Вырвется кусокъ овсянаго поля, промелькнетъ деревня и—опять этотъ скучный ни лѣсъ, ни кустарникъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ изъ этого тянущагося „ничто" мало-по-малу начинаетъ вырисовываться незамѣтно для васъ какое-то смутное впечатлѣніе, Этотъ идущій безпрерывною полосой лѣсъ, это отсутствіе полей, эти рѣдкія, какъ-то прижавшіяся къ дорогѣ, деревни—все это создаетъ впечатлѣніе чего-то огромнаго и пустого.

Какое-то царство лѣса, упорнаго, безпредѣльнаго и расплывающагося лѣса, чувствуется вами и,—я не умѣю выразиться лучше,—стѣсняетъ васъ, сжимаетъ ваши мысли и не даетъ имъ раскинуться шире, выйти изъ предѣловъ этого лѣса...

Между Маріинскомъ и Ачинскомъ нѣсколько измѣняется физіономія мѣстности, повышается тонъ, рѣзче краски, суровѣе и выпуклѣе очертанія. Деревья сдвигаются плотнѣе, вытѣсняютъ лиственныя породы и протягиваютъ къ самой дорогѣ свои иглистыя лапы. Тамъ, впереди, гдѣ-то далеко-далеко, на синевѣ неба начинаетъ вырисовываться волнистая голубая линія далекихъ горъ Восточной Сибири. Попадаются крутые холмы; дорога вьется между глубокими ложбинами.

Только между Ачинскомъ и Красноярскомъ предо мною встала настоящая тайга,—встала могучая, суровая, темная. По нашимъ московскимъ и владимірскимъ лѣсамъ трудно себѣ представить, чтó такое тайга.

Пышнымъ зеленымъ букетомъ поднимается отъ земли нашъ сосновый лѣсъ. Онъ будто только-что сошелъ съ картины моднаго живописца съ своими кудрявыми вершинами, голыми красными стволами, широкимъ просвѣтомъ, словно аллеей для гулянья, и стоитъ, любуясь на себя, важный, величественный и эффектный. Теменъ и угрюмъ нашъ еловый лѣсъ, когда войдешь въ чащу его; но пройдешь нѣсколько верстъ,—пусть десятковъ верстъ,—и выйдешь въ поле. Широкое кольцо зеленыхъ луговъ, колосистой ржи и свѣтлыхъ крестовъ деревенскихъ церквей опояшетъ угрюмый лѣсъ и смягчитъ его непривѣтный видъ. Я не говорю ужъ о южномъ лѣсѣ, съ его свѣтомъ, радостью и весельемъ. Словомъ, знакомый большинству насъ *лѣсъ*—нѣчто опредѣленное, законченное, окруженное полями и деревнями, охваченное *жильемъ*, покоренное человѣкомъ...

Въ этомъ смыслѣ тайга—не лѣсъ. Нужно представить себѣ, что мрачный, плотно сдвинувшійся лѣсъ протянулся до тундры, до моря... на тысячи верстъ; нужно вообразить, что можно пройти сотни верстъ, не встрѣтивши человѣка, что въ глубинѣ тайги человѣческая нога не бывала. Все—темное, мрачное. Мохнатый угрюмый кедръ, сумрачная пихта, стройная пирамида ели, таёжная красавица, мрачная и печальная красавица—лиственница. Изрѣдка мелькнетъ бѣлый стволъ березы; протянетъ къ свѣту свою перистую вѣтвь кривая рябина, какъ тянется за подаяніемъ рука нищаго ребенка между локтями взрослыхъ; притаится въ ложбинѣ задумчивая черемуха, окруженная, какъ малыми дѣтьми, кустами

смородины, ежевики, и снова непрерывною полосой потянутся темныя иглы. Кое-гдѣ тайга раздвинулась, чтобы пропустить рѣку, раздалась, чтобы дать мѣсто какой-нибудь сотнѣ, двумъ человѣческихъ жизней, и опять сомкнулась тѣснымъ кольцомъ, опять ревниво хранитъ свою тайну.

Именно тайна чувствуется въ глубинѣ тайги. Мнѣ пришлось, долго спустя по прiѣздѣ въ Сибирь, цѣлый день ѣхать верхомъ съ проводникомъ въ глухой тайгѣ. День погасъ, бѣлая сѣверная ночь спускалась съ неба и полосы холоднаго, безжизненнаго свѣта вставали между деревьями. Въ тайгѣ ни звука,—тамъ не видно и не слышно птицъ, только изрѣдка коротко и глухо стучатъ копыта лошадей о древесные корни. Что-то загадочное, что-то таинственное и суровое чувствовалось въ этомъ странномъ колеблющемся свѣтѣ весеннихъ сумерекъ, въ этихъ неподвижныхъ молчаливыхъ деревьяхъ, строго и важно обступившихъ меня. Казалось, передо мной былъ храмъ,—суровый и мрачный храмъ,—гдѣ, какъ черезъ эти иглистыя вѣтви, медленно льется блѣдный свѣтъ сквозь узкiя стрѣльчатыя окна, гдѣ человѣкъ придавленъ къ землѣ высокими стѣнами, темными сводами, молитвенною тишиной, и только душа его, отрѣшенная отъ всего земного, возносится къ небу,—туда, куда несутся эти строгiя линiи храма, эти острые шпили церковныхъ башенъ, эти темныя верхушки елей и пихтъ...

А бѣлая ночь широко простерлась надъ тайгой. Острый ароматъ пихтъ, кедровъ и лиственницъ, какъ чудный ѳимiамъ, стоитъ въ воздухѣ. Какъ блѣдные свѣтильники, мерцаютъ красные жарки и желтыя лилiи. Только нѣтъ молящихся,—храмъ пустъ и безмолвенъ, развѣ изрѣдка, словно вздохъ пронесется по тайгѣ, выростетъ, разойдется и снова замретъ гдѣ-то далеко, далеко. Да кукушка вдали печально кричитъ свое „ку-ку“, точно тамъ, въ глубинѣ храма, одинокiй голосъ повторяетъ все одну и ту же односложную молитву—печальную, строгую, великопостную молитву.

Я не замѣтилъ, какъ чаще и чаще вздыхала тайга, и вздрогнулъ отъ неожиданности. Что-то громко охнуло вдали отъ меня, побѣжало по верхушкамъ, затрепетало надъ моею головой и понеслось дальше по тайгѣ. Глухимъ ропотомъ отозвался другой дальнiй уголъ. Словно огромный, настраивающiйся оркестръ, все громче и громче носились звуки по тайгѣ; только около меня по-прежнему молчаливо и грозно стояли деревья. Вотъ съ тяжелымъ стономъ зашатался огромный, цѣлою головой возвышающiйся надъ тайгой кедръ, налетѣла буря и покрыла отдѣльные звуки,—тайга завыла. Я испытывалъ по-истинѣ чувство страха... Вы слышите, какъ гнѣв-

но и мрачно шумятъ близъ васъ стоящія деревья, но вы скоро забываете ихъ; оттуда, изъ глубины тайги, какъ изъ громадной пасти чудовища, подымается глухой непрерывный шумъ: это—тайга воетъ. И день и ночь, и еще день и ночь ѣхалъ я, и тайга все выла своимъ страшнымъ, угрожающимъ воемъ, все ревѣлъ расходившійся, растревоженный звѣрь.

Подъ эту воющую пѣсню я не могу не думать о тайгѣ. Мнѣ невольно рисуется въ этой сибирской тайгѣ человѣкъ — первый пришелецъ изъ Русской земли. Онъ принесъ съ собой оживленный шумъ и вольный просторъ многоводной Волги, добродушную и широкую натуру русскаго человѣка, принесъ свои пѣсни, свои легенды и сказки.

Онъ—въ тайгѣ, куда ушелъ одинъ, безъ семьи, на звѣроловный промыселъ. Тайга должна покорить его. Онъ дѣлается молчаливъ и серьезенъ. Въ тайгѣ не хочется смѣяться и пѣсня не идетъ съ губъ человѣка,—она такъ странна въ мертвой тишинѣ этого угрюмаго лѣса и такъ безсильно замираетъ въ ревущей таёжной пѣснѣ. Онъ не видитъ восхода и захода солнца: свѣтлый шаръ встаетъ изъ-за одной щетинистой стѣны и закатывается за другую, такую же мрачную стѣну,—вотъ и все, что́ онъ видитъ. И вездѣ, куда ни глянетъ глазъ его, онъ натыкается на обросшіе мхомъ стволы, на иглы елей и пихтъ. Какъ его глазъ видитъ только деревья, такъ и его умственный взоръ суживается болѣе и болѣе, все труднѣе и труднѣе можетъ вырываться изъ предѣловъ этого сжимающаго кольца. Не поется пѣсня, не думается дума, не мечтается мечта. Глохнутъ старыя пѣсни, старыя легенды, тухнутъ старыя воспоминанія, глохнетъ даже голосъ.

Тайга—не храмъ для звѣролова, и онъ пришелъ не молиться. Кругомъ его борьба,—борьба не стихающая, непримиримая и неумолимая. Подстерегаетъ соболь зазѣвавшуюся птичку, падаетъ съ дерева кровожадная рысь на пробирающагося оленя и кабаргу, ломаетъ медвѣдь огромнаго сохатаго, а человѣкъ уничтожаетъ ихъ всѣхъ.

И этотъ борющійся человѣкъ долженъ быть вѣчно на-сторо́жѣ, вѣчно присматриваться и прислушиваться, не хрустнетъ ли вѣтка подъ тяжестью лапы медвѣдя, не мелькнетъ ли голубая спинка песца. По мѣрѣ того, какъ онъ забываетъ человѣческую рѣчь, онъ выучивается звѣриному языку,—учится безошибочно узнавать крикъ птицъ и ревъ звѣря, понимаетъ манеры ихъ и, какъ тунгусъ, начинаетъ опредѣлять по слѣду, сердитый ли медвѣдь прошелъ или смирный. По мѣрѣ того, какъ отвыкаетъ отъ нравовъ человѣче-

скихъ, онъ больше и больше привыкаетъ жить нравами звѣриными. Онъ одинъ-одинёшенекъ и долженъ полагаться только на себя. Съ него быстро сбѣгаютъ русское разгильдяйство и добродушная распущенность: онъ весь подбирается, подтягивается; его толстыя, расплывающіяся губы рѣзче складываются, крѣпче сжимаются; его глаза не смотрятъ открыто, а высматриваютъ изъ подлобья, выслѣживаютъ... Не дрогнетъ рука, не поблѣднѣетъ лицо, не забьется сердце отъ страха, когда неожиданно вылѣзаетъ на него медвѣдь, и, ужъ конечно, не будетъ жалости къ этому медвѣдю.

Звѣроловъ вырывается наконецъ изъ тайги и съ добычей пришелъ къ себѣ въ семью, въ русскій поселокъ. Языкъ не такъ легко ворочается во рту, не такъ свободно слетаютъ съ губъ слова нѣжности и любви. Онъ встрѣчается со своими друзьями-односельцами,—ему непривычно, онъ отвыкъ отъ сколько-нибудь плавной рѣчи, и вотъ онъ говоритъ отрывочными предложеніями, на которыя его собесѣдники, такіе же только-что вернувшіеся звѣроловы, отвѣчаютъ такими же односложными фразами.

Замѣчательно характеренъ для сибиряка этотъ отрывистый разговоръ. Не рѣчистъ, не ходокъ на плавную рѣчь и нашъ русскій крестьянинъ, но онъ краснорѣчивый ораторъ въ сравненіи со здѣшнимъ крестьяниномъ. И притомъ эта отрывистая форма разговора—не исключительная принадлежность крестьянства. Даже окончившіе въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ—и тѣ не мастера, не любители длинной рѣчи и предпочитаютъ обмѣниваться короткими и всегда посоленными острою солью сибирскаго юмора фразами.

Звѣроловъ поживетъ извѣстное время дома, снова привыкнетъ къ людямъ и потомъ опять уйдетъ въ тайгу. И каждый разъ все большій и большій отпечатокъ будетъ класть тайга на человѣка. А пройдетъ пять, десять лѣтъ,— его уже будетъ тянуть въ тайгу, тайга заполонитъ его, онъ почувствуетъ на себѣ ту странную и могучую власть ея надъ человѣкомъ, которую я наблюдалъ здѣсь, въ Сибири, на бродягахъ, на старикахъ-крестьянахъ, по году не выѣзжающихъ изъ тайги даже къ роднымъ въ деревню. Здѣсь не человѣкъ царствуетъ надъ природою, а природа надъ нимъ, и тайга какъ будто только позволяетъ на своихъ поляхъ раскинуться городамъ, а по оврагамъ и рѣчкамъ вытянуться селамъ и деревнямъ.

Странное впечатлѣніе производятъ сибирскія деревни. Первое, что́ бросается въ глаза и рѣзко обособляетъ эти трактовыя селенія отъ русскихъ—полное отсутствіе полей около нихъ. Почти прямо изъ тайги въѣзжаешь въ деревню, проѣзжаешь длинную улицу и

опять упираешься въ тайгу. Ни овиновъ, ни сараевъ, въ большинствѣ случаевъ даже огородовъ не видно. Все это гдѣ-то тамъ, въ тайгѣ, на заимкѣ,—за пятнадцать, двадцать верстъ,—куда лѣтомъ перебирается крестьянинъ. Сжатая двумя стѣнами тайги, деревня вытянулась длинною лентой, двумя рядами домовъ по бокамъ дороги, и словно боится раздаться шире, боится заглянуть въ эту темную массу.

Какъ ни любопытно всматриваться въ сибирскую деревню,—все-таки дорога скучна и тосклива. Чужая земля, чужой воздухъ, чужіе люди, чужія рѣчи...

С. Елпатьевскій.

Гужомъ.

Изъ Иркутска я вышелъ къ Томску въ прекрасный апрѣльскій день. То было около 15 числа. Мои обстоятельства такъ сложились, что я отправился пѣшкомъ. На мнѣ былъ легкій городской костюмъ, легкое весеннее пальто, штиблеты на ногахъ съ легкими резиновыми галошами, мѣховая шапка на головѣ и въ рукахъ небольшой узелокъ съ бумагами и одной парой бѣлья. Переправившись чрезъ Ангару на паромѣ, я бодро зашагалъ по направленію мужского монастыря. Селеніе, въ которомъ онъ находился, меня порадовало своею порядочностью, чистотой и величиною зданій,—это что-то въ родѣ подмосковной дачной мѣстности. Есть двухъэтажные дома; много лавочекъ съ вывѣсками; высокая колокольня прекрасной монастырской церкви идетъ въ параллель съ уличными зданіями. Селеніе большое, не менѣе пяти сотъ дворовъ. Яркій, теплый весенній день такъ и манилъ меня пройти еще нѣсколько верстъ. Иду далѣе по тракту. Снѣгъ уже сошелъ съ полей; его изрѣдка можно было видѣть возлѣ того или другого дерева или въ канавахъ, идущихъ по обѣимъ сторонамъ дороги. Зеленой, молодой травы еще не было; листья деревъ не распускались: въ Сибири зелень появляется весной, позднѣе, чѣмъ у насъ въ Европѣ и по осени морозы наступаютъ рано, въ августѣ мѣсяцѣ, нерѣдко убивая хлѣбъ на корню, не давая ему созрѣть. Изрѣдка на маленькихъ полянахъ между лѣсомъ видны были пашни озими, блѣдновато зеленѣвшія на поверхности еще не оттаявшей земли. Иногда воздухъ оглашался крикомъ дикихъ гусей, утокъ; мелкой птицы мало въ полѣ; галка имѣетъ часть шейки и брюшка не сѣрыми, а бѣлыми. Навстрѣчу ѣдутъ съ во-

зами крестьяне, везя разные продукты на градскій рынокъ. На канавѣ сидятъ два уставшихъ пѣшехода. Подхожу къ нимъ, здороваюсь и подсаживаюсь. Они совѣтуютъ не идти одному по тракту, много можно встрѣтить бродягъ, случаются грабежи и разбои. Особенно не совѣтовали идти поздно вечеромъ, ночью и рано утромъ. Я поторопился въ ближайшее селеніе для ночлега; уже наступилъ вечеръ; отъ города пройдено было тридцать верстъ. На улицѣ встрѣтившійся паренекъ отвелъ меня въ свой домъ для ночлега. Квартирантка дома, снимая его по одному рублю въ мѣсяцъ, часто пускаетъ на ночлегъ прохожихъ. Заплативъ пять копѣекъ за чай, я имѣлъ право переночевать въ избѣ. Къ ночи подошли въ избу на ночлегъ еще шесть человѣкъ: трое мужчинъ и три женщины; они идутъ на заработки, на золотые пріиски. Вошли въ избу, сѣли пить чай, условившись заплатить за самоваръ съ ночлегомъ по двѣ копѣйки съ души: у нихъ свой чай. Идутъ они изъ Томской губерніи наугадъ, гдѣ придется пристроиться, послужить. Всѣ они народъ бывалый, не впервые идутъ за тысячи верстъ. Вскорѣ сальная свѣча была погашена, мы улеглись на ночевую. Всѣ спали на полу, за исключеніемъ меня: я легъ на лавкѣ, положивъ подъ голову свое легкое пальто. Узко было на лавкѣ, жестко безъ подстилки, но усталость послѣ прогулки и ночное время взяли перевѣсъ и я заснулъ крѣпкимъ сномъ. При солнечномъ восходѣ мы поднялись на ноги, расплатились за ночлегъ и безъ чая и завтрака отправились въ путь. Какъ и вчера, день былъ яркій,—весенній, веселый. Отрадно было идти. Дорога сухая. Вхожу въ одно изъ богатыхъ большихъ селеній, гдѣ находятся и суконная фабрика, и стеклянный заводъ, кожевенный и водочный заводы, хорошая красивая церковь, большіе дома. Мнѣ вновь припомнились подмосковныя селенія съ фабриками, заводами,—просторъ, удобства, широкія улицы, большіе пятиоконные дома съ крашеными ставнями и рѣзными наличниками. Это селеніе Кимильки. Я зашелъ на постоялый дворъ напиться чаю и поѣсть хлѣба. Черезъ часъ отдыха я уже шелъ далѣе. Ѣхавшій крестьянинъ-поселенецъ—полякъ подвезъ меня верстъ пять, шесть, весело разговаривая со мною о томъ и о семъ. Онъ привыкъ къ Сибири, давно живетъ въ ней, но говоритъ, что, кто побогаче, всякъ стремится вернуться въ Европейскую Россію. Селеніе, гдѣ онъ проживалъ и куда направлялся ссадивъ меня, имѣетъ солеваренный заводъ, тамъ же есть заводы, гдѣ идетъ приготовленіе посуды изъ глины; вблизи кирпичный заводъ. Селеніе тоже богатое. Пройдя въ день верстъ тридцать и утомившись, я въ четыре часа по полудни уже остановился на ночевую въ одномъ характерномъ селеніи:

одна сторона улицы заселена православными, имѣющими свою церковь, другая—татарами, у коихъ между другими строеніями видна мечеть. Избы въ селеніи хорошія, большія; есть двухъэтажныя; иногда видны полисадники. Татары и православные живутъ дружно между собою. Ночевалъ я въ большой избѣ казака; верхній этажъ зданія былъ не отстроенъ; хозяинъ занемогъ, умеръ, не достроивъ избы. Внутренность нижняго этажа проста, но чиста. Въ ней четыре комнаты: проходная, гдѣ стоитъ маленькая печь-голландка; изъ этой комнаты входъ въ спальню, и другой входъ въ общую комнату, обставленную по стѣнамъ обычными у русскихъ крестьянъ скамьями; въ одномъ углу кроват, въ другомъ—столъ, въ третьемъ громадная русская печь, въ четвертомъ шкафчикъ съ посудой. Кухня отдѣлялась перегородкой. Полъ и стѣны съ лавками начисто вымыты. У меня почему-то при сравненіи этой просторной русской избы казака съ китайской фанзой, тоже часто просторной, удобной,—все преимущество падало на сторону русской избы: такъ была чиста, уютна и просторна новая ночлежная моя квартира, хотя частенько я отдаю при сравненіи преимущество китайскимъ фанзамъ. На этой ночлежной квартирѣ мнѣ также не совѣтовали идти одному по тракту, а пристроившись къ какому либо обозу идти вмѣстѣ съ нимъ. На другой день, выходя съ квартиры рано утромъ, я имѣлъ уже твердое намѣреніе присоединиться къ какой либо партіи, къ какому либо обозу. Это мнѣ вскорѣ удалось.

Иду путемъ-дорогою и встрѣчаю обозъ, ѣдущій изъ Иркутска въ Томскъ съ чаемъ. Обозъ большой—въ 45 подводъ. Цибики ушиты въ кожи, возы покрыты тщательно циновками. Болѣе чѣмъ на полверсты растянулся обозъ. Медленно двигался онъ. Шагъ за шагомъ выступаетъ впередъ тяжелой поступью передовая лошадь. Возлѣ нея идетъ пѣшкомъ передовой извощикъ. Я подошелъ къ нему и слегка вкрадчиво сталъ съ нимъ разговаривать, опасаясь того, чтобы какъ нибудь не затронуть самолюбіе извощика и не оттолкнуть самого себя отъ обоза, съ которымъ вмѣстѣ могъ идти большое пространство, будучи всецѣло гарантированъ отъ опасности встрѣтиться съ бродягами.

Передовой извощикъ, Иванъ, коренастый, лѣтъ подъ тридцать, мужчина, блондинъ, почти что безъ бороды и усовъ: крѣпкое тѣло его не пропускало какъ бы волосъ на лицѣ. Короткая шея придерживала на широкихъ плечахъ мужественную голову съ выразительнымъ, энергичнымъ лицомъ. На головѣ грязный, суконный картузъ, на плечахъ кафтанъ когда-то желтаго цвѣта, а теперь весь въ дегтю, въ грязи. Полы кафтана подоткнуты подъ кушакъ, такъ

что видны грязные, всѣ въ дегтю, изъ толстаго солдатскаго сукна шаровары. Тихо шелъ Иванъ, заложивъ руки за спину.

— Кони нашего обоза принадлежатъ тремъ хозяевамъ-ямщикамъ. Одинъ изъ нихъ ѣдетъ съ нами, у него здѣсь тридцать лошадей. Вонъ онъ верхомъ на конѣ,—указывая рукою, сказалъ Иванъ.

— У моего хозяина въ обозѣ только десять лошадей, а у третьяго—всего пять. Ступайте, переговорите съ хозяиномъ, можетъ быть онъ васъ и приметъ къ обозу.

Идутъ извощики возлѣ возовъ партіями,—гдѣ въ два, гдѣ въ три человѣка; идутъ и разговоры ведутъ между собою, совѣтуются. Хозяинъ верхомъ на конѣ объѣзжаетъ обозъ, покрикиваетъ на извощиковъ, — кому поводъ подтянуть, кому чеку поправить, кому черезсѣдѣльникъ подвязать. У каждаго извощика пять упряжекъ, пять коней съ телѣгами. Онъ вѣдаетъ ихъ, онъ отвѣтствуетъ за нихъ. У всѣхъ загорѣлыя, обвѣтренныя лица и мощныя, грубыя часто въ дегтю руки.

Подошли къ намъ двое изъ нихъ. Завязался разговоръ. Съ разрѣшенія Ивана, я положилъ ему въ бесѣдку, т. е. въ сидѣнье, свой маленькій узелокъ, вѣсившій не болѣе 6—7 фунтовъ, но тѣмъ не менѣе обременявшій меня.

Во время разговора извощики внезапно направились каждый къ своей телѣгѣ: оказалось, что насъ догоняетъ самъ хозяинъ ямщикъ, дядя Петръ, верхомъ на буланомъ конѣ плохенькомъ, худенькомъ, въ сѣдлѣ поношенномъ, ободранномъ, безъ подушки. Одѣтъ онъ просто, въ костюмѣ грязноватомъ, какъ и извощики, на головѣ недорогая шапка, на ногахъ дырявые, когда-то щеголеватые смазные сапоги. Ему лѣтъ подъ сорокъ. Лицо правильное, чистое, съ умно смотрящими глазами, обрамлено густою окладистой бородою. Кланяясь со мною, онъ скинулъ шапку и показалъ мнѣ свою большую лысую голову.

— Здравствуйте, Петръ Кузьмичъ! Я иду по тракту одинъ, да побаиваюсь, чтобы кто не обидѣлъ. Не позволите ли мнѣ идти вмѣстѣ съ обозомъ? Я могъ бы вамъ иногда пособить: присмотрѣть за обозомъ, подогнать лошадь, или еще чѣмъ нибудь пособить. У васъ расходовъ излишнихъ не будетъ, а мнѣ то спокойно. Если пожелаете, я передамъ вамъ свой паспортъ.

— Такъ что же, съ Богомъ, идите,—говоритъ дядя Петръ.—А далеко идете?—И узнавъ, откуда я иду, куда и зачѣмъ, продолжалъ: —что же, идите, а гдѣ уже очень пріустанете, такъ присядьте на бесѣдку, то къ одному извощику, то къ другому.

Такъ я и пристроился къ обозу.

Привалили въ одномъ селеніи на кормежку. Не доѣзжая верстъ пять до селенія, дядя Петръ ускакалъ отъ обоза впередъ, чтобы пріискать постоялый дворъ и приготовить кормъ для лошадей и завтракъ для извощиковъ. Лишь только мы въѣхали въ село, онъ насъ уже встрѣтилъ и показалъ мѣсто возлѣ забора постоялаго двора на улицѣ. Возы поставлены въ три ряда; лошадей распрягли привязали къ телѣгамъ; дали сѣна и, оставивъ одного караульнымъ, остальные извощики направились всѣ въ избу пить чай. Хлѣбъ и рыба—омуль составляли завтракъ, къ кирпичному чаю дали извощикамъ по одному куску сахара. Самъ ямщикъ, дядя Петръ, съ сыномъ и сопровождавшимъ ихъ татариномъ, сидѣлъ вмѣстѣ съ извощиками, болтавшими безъ умолку во время завтрака, видимо закусывая при большомъ аппетитѣ. Хозяинъ ямщикъ кормитъ своихъ извощиковъ дважды въ день—рано утромъ и поздно вечеромъ, —кормитъ хорошо, до сыта. Тогда разнообразный, вкусный столъ: щи или супъ съ рыбой, предварительно рюмка или двѣ водки; мятая картофель и каша съ масломъ, чай съ калачами. Среди же дня дается легкая закуска. — Закусили. Идутъ лошадей поить. Дядя Петръ, положивъ подъ голову свой армякъ, ложится въ сѣнцахъ на голомъ полу отдохнуть. Одна изъ лошадей заболѣла: ее раздуло, она не хочетъ стоять на ногахъ, постоянно ложится. Говорятъ, что обозъ такимъ образомъ потерялъ трехъ лошадей, когда шелъ съ товаромъ изъ Томска въ Иркутскъ. Приняли мѣры, стянули животъ веревкой, пригласили коновала кровь пустить,—и лошадь черезъ двѣ, три станціи поправилась. Тихо, медленно шелъ обозъ, но все же дѣлалъ 50-60 верстъ въ сутки. Уже наступалъ Георгіевъ день, но въ полѣ ни травинки зеленой, ни кустика, распустившаго свои листочки. Лишь изрѣдка птичка, напѣвая свои веселыя пѣсенки, напоминала о веснѣ. Вотъ и скворцы, предвѣстники весны... А вотъ стая утокъ, сидящихъ на болотѣ. Одинъ изъ извощиковъ, бывшій солдатъ, хорошій стрѣлокъ. Онъ частенько беретъ ружье изъ телѣги хозяина ямщика и охотится двухстволкой не безъ результата: то утку, то селезня приноситъ къ кибиткѣ дяди Петра. А вотъ и тетерьки, расположившіяся на верхушкѣ деревъ. Трахъ-трахъ, раздается выстрѣлъ, и подстрѣленная жирная тетерька падаетъ съ высоты дерева едва не къ ногамъ охотника.

Праздникъ Пасхи мы встрѣтили въ селѣ Куйтумѣ, находящемся на 301 верстѣ отъ Иркутска. Мы пріѣхали въ селеніе наканунѣ праздника. Куйтумъ – большое селеніе, въ коемъ черезъ каждые, приблизительно, десять дворовъ стоитъ большой двухъ-этажный или пяти-оконный домъ, съ большими хорошими окнами, сквозь стекла

которыхъ виднѣются кисейныя занавѣски. Семейство дворника высматриваетъ интеллигентно, такъ сказать: хозяинъ грамотей и его въ былое время обыкновенно приглашали въ субботу передъ Пасхой въ церковь, какъ лучшаго чтеца. Нашъ ямщикъ, дядя Петръ съ сыномъ и извощики въ церковь не ходили, спали: послѣ дороги сильно утомились, ноги устали. Отдыхалъ и я, мои ноги уставали сильнѣе, чѣмъ у извощиковъ: мнѣ приходится идти пѣшкомъ почти весь путь, изрѣдка изъ 8 верстъ одну проводить сидящимъ на мѣстѣ того или другого изъ нихъ, когда они слѣзали съ своихъ телѣгъ. Ночью я сплю въ избахъ на деревянныхъ лавкахъ безъ всякой подстилки, подложивъ подъ голову свое пальто. Такъ же спитъ и нашъ хозяинъ-ямщикъ; извощики обыкновенно подстилаютъ подъ себя дохи, войлоки, или какую-либо другую одежду. Въ ночь передъ Пасхой мнѣ плохо спалось, больно было лежать безъ подстилки, жестко. Но всеже уснулъ и только при разсвѣтѣ, около 5 часовъ, при звонѣ церковныхъ колоколовъ, проснулся. Раздался возлѣ церкви пушечный выстрѣлъ. Извощики пробудились, встали, и, слегка умывъ руки и лица, перекрестившись, стали немедленно садиться за столъ разговляться. Всѣмъ дали по яйцу. Хозяинъ ямщикъ для праздника поставилъ три бутылки водки. Столъ былъ установленъ кушаньями: чашка съ холоднымъ (квасъ и мясо), чашка со щами, чашка съ жаренымъ мясомъ, чашка съ пирожками съ мясомъ и подъ масломъ, чашка съ мятымъ картофелемъ, улитымъ масломъ. На столѣ давно уже шипѣлъ большихъ размѣровъ самоваръ; кирпичный чай въ чайникѣ давно уже напрѣлъ. Извощики послѣ завтрака обыкновенно пьютъ по чашкѣ, по двѣ чаю; нынѣ всѣ пили чай съ молокомъ, но безъ сахара,—по утрамъ его не выдаютъ. Я ѣмъ вмѣстѣ съ извощиками; дядя Петръ съ сыномъ—въ другой половинѣ избы съ дворникомъ и его семействомъ.—Въ шестомъ часу утра двинулись въ путь и шли 41 версту не останавливаясь до семи съ половиною часовъ вечера, дѣлая такимъ образомъ около трехъ верстъ въ часъ. Дорога была тяжелая, съ большими колеями, мѣстами грязная. Мѣстность такая же, что и въ предыдущіе дни: направо и налѣво отъ дороги—канавы, часто наполненныя водою, которая, благодаря сѣверному холодному вѣтру, весь день была покрыта легкимъ слоемъ льда. Возлѣ канавъ на пять, на шесть саженъ лѣсъ срубленъ, остальное же пространство покрыто березнякомъ, сосной, лиственницей; лишь изрѣдка попадались небольшія поляны, обращенныя въ запашки; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ зеленѣетъ озимь. Нынѣ на пути не встрѣчалось ни одной заимки. Я шелъ въ дохѣ почти весь день,—было холодно: дядя Петръ сжа-

лился надо мною и далъ мнѣ свою доху. Верстъ за шесть до привала — села, онъ по обыкновенію ускакалъ впередъ нанять постоялый дворъ. Пріѣхавъ вечеромъ въ большое богатое селеніе, гдѣ видны двухъ-этажныя и многооконныя зданія, распрягши лошадей на постояломъ дворѣ, извощики идутъ въ избу и немедленно садятся за столъ: имъ подаютъ холодное (студень съ квасомъ) и творогъ со сметаной; хлѣба —сколько хочешь; послѣ закуски, чай съ сахаромъ. Пища вообще питательна и ѣшь, сколько хочешь.

Распутица увеличивалась. Обозъ день ото дня шелъ все тише и тише, дѣлая 20, 15 и даже 8 верстъ въ сутки. При такихъ условіяхъ оставаться при обозѣ для меня было неудобно. Я взялъ тройку почтовыхъ лошадей и ускакалъ въ первый стоящій на пути городокъ, навихлявъ за недѣлю пути съ обозомъ свои ноги. Но впрочемъ я былъ всецѣло доволенъ своей прогулкой.

Л. Розовъ.

Изъ якутскаго быта.

Вѣтеръ стихъ, разорвались тучи и, раздвинувшись, показали тамъ и сямъ клочки блѣдно голубого неба. Солнце выглянуло вдругъ въ одно изъ такихъ оконъ и окрестность, за минуту до того тусклая и заплаканная, прояснилась и заблестѣла золотымъ свѣтомъ. Она покрылась тономъ полуигривой, полугрустной радости. Капли дождя сверкали, какъ брилліанты, на почернѣвшихъ сучьяхъ деревьевъ и кустовъ; небо окрасилось пурпуромъ, а на колыхающихся еще тальникахъ дрожали жемчужины недавнихъ слезъ минувшей бури.

Передо мною, въ рамкѣ изъ раскинувшихся вѣтвей, между двумя обрывистыми мысами, блестѣла поверхность озера. Берега его становились все менѣе ясны и ниже, и туманнѣй, по мѣрѣ того, какъ отдалялись и уходили за край ближайшаго обрыва. Тонкія, высокія лиственницы, густой тальникъ, кусты и травы росли вокругъ озера. Издали растенія казались очень маленькими, но отчетливыми и черными, отъ освѣщавшихъ ихъ съ тыла лучей заходящаго солнца и вырисовывались на блѣдно-розовомъ небѣ чудными силуэтами вѣтокъ и листьевъ. Надъ ними повисли сѣрыя, тяжелыя, золотомъ и пурпуромъ пронизанныя, облака, а внизу, между обрызганными пѣной берегами, играли, гоняясь другъ за другомъ, окрашенныя въ цвѣта неба, волны озера.

Тропой, вьющейся средь пожелтѣвшихъ травъ, пошелъ я лугомъ къ одному изъ обрывовъ.

Какъ некрасиво и понуро выглядѣлъ вблизи „Шайтанъ-тумулъ". Покатость, поросшая однообразнымъ грязно-зеленымъ мхомъ и листьями морошки, тянулась на западъ мягкими волнами, рѣдкій тщедушный лѣсъ, растущій на ней, не украшалъ, а безобразилъ ее, торча здѣсь и тамъ голыми особняками, похожими на волоса, торчащіе на облысѣвшей головѣ. Тишина и мракъ надвигающейся осенней ночи покрыли уже подножье бора, и только кое-гдѣ вверху, на скривленной вѣтромъ верхушкѣ лиственницы, догоралъ забытый лучъ солнца.

Я постоялъ съ минуту, присматриваясь къ дикой мѣстности, куда въ эту пору не посмѣлъ-бы пуститься ни одинъ туземецъ. Глубокій покой царилъ въ ней: все тише шумѣли расколыхавшіяся волны, угасала заря, блеснувъ еще разъ сквозь рѣдкія заросли и освѣтивъ поверхность какъ-то незнакомыхъ мнѣ водъ. Я пошелъ къ тѣмъ водамъ, гонимый тоской и любопытствомъ.

Дорога оказалась болѣе трудною, чѣмъ я ожидалъ; надо было ежеминутно прыгать и цѣпляться въ заросляхъ, обходить глубокіе узкіе родники, заваленные пнями деревьевъ, упавшихъ сотни лѣтъ тому назадъ, предательски скрывавшіеся подъ наросшими надъ ними мхами и травами, полныя воды, ямы, съ дномъ ледянымъ и склизкимъ. Здѣсь неосторожный путешественникъ могъ легко проломить себѣ затылокъ или сломать ногу. Часто встрѣчались ручьи съ тинистымъ, неопредѣленнымъ русломъ, низкими вязкими берегами, заваленными пнями и сучьями.

Разбросанный по лѣсу валежникъ, съ торчащими вверхъ корнями, покрытыми землей и иломъ, представлялъ въ сумеркахъ, когда все принимаетъ неясныя формы—причудливыя, удивительныя фигуры. Бѣлыя пятна ягеля свѣтились въ темнотѣ у ногъ этихъ чудовищъ, точно обрывки распавшагося савана, и усиливали дикость ихъ óбразовъ.

Ничего нѣтъ удивительнаго, что туземцамъ часто чудится, при свѣтѣ зари или при лунномъ сіяніи — блуждающая тѣнь высокаго „лѣсного чорта", или черный силуэтъ славянскаго стрѣлка „сятуна", пришедшаго съ полудня и вѣчно шатающагося вблизи якутскихъ юртъ, охотясь за ихъ скотомъ.

Горе тому околодку, гдѣ промелькнула его тѣнь: однимъ выстрѣломъ онъ убиваетъ по 50-ти, по 100 штукъ скота. Ужасно южное оружіе, особенно когда имъ владѣетъ дьяволъ.

Въ тотъ вечеръ, однако, я не встрѣтилъ ни одного изъ этихъ лѣсныхъ обитателей.

Не увидѣлъ я и „шайтана“—высохшаго трупа тунгуса. Когда-то ихъ часто здѣсь находили и отъ нихъ лѣсъ получилъ свое названіе. Сидѣли они обыкновенно гдѣ-нибудь подъ деревомъ или подъ обрывомъ, высохшіе, мелкіе, уродливые, глядя на востокъ орбитами выклеванныхъ птицами глазъ. На колѣняхъ они держали деревянный лукъ или винтовку, у ногъ ихъ лежалъ топоръ съ соломеннымъ топорищемъ, а у пояса, отдѣланнаго серебромъ и бусами, висѣлъ въ ножнахъ тоже изломанный ножъ. Оружіе ломалось съ тою цѣлью, чтобы умершій не могъ вредить живымъ. Сбоку лежали разбросанныя кости оленей, упряжь и небольшія тунгузскія сани. Никто никогда не осмѣливается присвоить себѣ что-либо изъ этихъ, довольно цѣнныхъ здѣсь, вещей. Дерзкому грозитъ страшная кара: цѣлые дни блуждаетъ онъ, пока не возвратится на то самое мѣсто и не отдаетъ присвоенное. Упорно возвращается онъ десятки, даже сотни разъ и все не можетъ выйти изъ заколдованнаго круга, пока не возстановитъ права разгнѣваннаго обладателя и не ублажитъ его дарами. Небезопасно даже дотрогиваться до какой-нибудь вещи, принадлежащей умершему: это можетъ вызвать „пургу“, мятель, по меньшей мѣрѣ сильный вѣтеръ. Хотя доброжелательные туземцы совѣтовали мнѣ избѣгать встрѣчи съ „шайтаномъ“, такъ какъ онъ шутить не любитъ,—со страху можно умереть на мѣстѣ, но я очень жалѣлъ въ тотъ вечеръ, что не повидался съ нимъ.

Сумракъ спустился, послѣдніе отблески зари уже угасли, когда измученный и оборванный, выбрался я, наконецъ, изъ зарослей „Шайтанъ-тумула“. На небѣ царила ночь, мерцая милліардами звѣздъ.

Выйдя на открытое мѣсто, я увидѣлъ, что попалъ не туда, куда намѣревался, а тутъ еще, какъ на зло, бѣлый туманъ, повисшій надъ долиной, непроницаемой завѣсой передъ моимъ любопытнымъ взоромъ. Я могъ любоваться только игрою луннаго сіянія.

Видъ былъ въ самомъ дѣлѣ прекрасный, хотя нѣсколько дикій и суровый. Клубы бѣлаго пара наполняли почти всю долину до самыхъ краевъ лѣса, верхушки котораго выглядывали изъ-за прозрачнаго покрова—черныя, голыя, неподвижныя. Надъ ними тихо скользила луна. На минуту она заглянула въ глубь долины, расторгла заслонявшую ее воздушную преграду и, обнаживши грудь спящаго подъ ней озера, коснулась его своимъ серебристымъ поцѣлуемъ.

Долго стоялъ я, всматриваясь и вслушиваясь. Глубокая тишина, покой, всегда господствующіе въ здѣшнихъ лѣсахъ, сознаніе, что на десятки верстъ вокругъ нѣтъ никого, кромѣ меня, въ этой пустынѣ,—пробудили тревогу и тоску въ душѣ. Чтобы разсѣять ихъ, я двинулся дальше. Время было подумать о возвращеніи, но это не легкая задача: продираясь сквозь „Шайтанъ-тумулъ", я потерялъ всякое понятіе о направленіи, по которому долженъ былъ возвращаться.

Наконецъ, я напалъ на какую-то маленькую тропку и рѣшилъ идти по ней, надѣясь, что она доведетъ меня до жилья. Сдѣлавши нѣсколько шаговъ, я убѣдился, что шелъ не тропой, а однимъ изъ слѣдовъ, оставленныхъ водой или вытоптанныхъ звѣрями. Чтобы оріентироваться, надо было вернуться къ тому мѣсту, гдѣ я передъ этимъ останавливался, такъ какъ только оттуда я могъ болѣе или менѣе опредѣлить дорогу черезъ лѣсъ напрямикъ, — но мѣсто это исчезло: ночь убрала его новыми тѣнями, мгла затянула его серебристой паутиной. Около часа ходилъ я, ища напрасно. Дѣйствительность исчезла, вмѣсто нея передо мною вставали фантастическіе лѣсные призраки.

Я зналъ людей, заблудившихся въ тайгѣ, которыхъ находили блѣдными, исхудалыми отъ страха предъ этими призраками, и возвращали ихъ домой, полныхъ тревоги и безумія въ глазахъ! Несчастные блуждаютъ иной разъ вблизи своихъ домовъ, не видя ихъ, плачутъ и воютъ, какъ звѣри, не будучи въ состояніи распознать странъ свѣта среди бѣлаго дня. По выздоровленіи, они утверждаютъ, что видѣли дьявола. Одна изъ причинъ такого состоянія, — это измученность вслѣдствіе вынужденной, напрасной, но напряженной ходьбы. Я сѣлъ на упавшее дерево, рѣшившись дождаться разсвѣта.

Вечеръ былъ холодный. Одежда моя была мокра отъ тумана и дождя, притомъ она была слишкомъ легка для ночи въ лѣсу; вскорѣ сильный холодъ сталъ донимать меня. Попробовалъ я было развести огонь, да оказалось, что спички отсырѣли; одна, наконецъ, загорѣлась, но не могла разжечь мокрый хворостъ. Тогда, нарвавши побольше травы, я прикрылъ ею ноги, которыя больше всего терпѣли отъ холода, осмотрѣлъ ружье, прикрылъ капсули и дуло сухими пыжами и, опершись о дерево, пробовалъ заснуть.

Въ такомъ положеніи всѣ чувства быстро тупѣютъ отъ боли. Слабѣетъ осязаніе, обоняніе, зрѣніе даже, одинъ только слухъ становится невѣроятно тонкимъ. Черезъ нѣсколько минутъ, я уже слышалъ біеніе моего сердца, шумъ переливавшейся въ жилахъ крови,

шопотъ деревьевъ и шелестъ клубившагося пара—мертвая лѣсная тишь наполнилась, вдругъ, говоромъ, вначалѣ едва уловимымъ, потомъ все больше и больше слышнымъ.

Вдругъ среди этихъ звуковъ моего воображенія, раздался вполнѣ реальный шумъ, который заставилъ меня открыть глаза. Онъ шелъ отъ середины озера и походилъ на правильные удары веселъ. Я устремилъ глаза въ то мѣсто, откуда слышался звукъ. Изъ-подъ тумана виднѣлось что-то надъ водой. Еще минута, и изъ глубины тѣней вынырнула маленькая якутская „пирога" и выплыла на середину озера. Я увидѣлъ ясно гребца, какъ онъ сидѣлъ, склонившись на днѣ лодки и мѣрно ударялъ то правой, то лѣвой лопаткой длиннаго весла, съ концовъ котораго струилась вода, точно расплавленное серебро.

Быстро приплылъ онъ къ берегу и вытащилъ лодку на землю.

Чтобы онъ не увидалъ меня прежде времени, я, прячась, поползъ къ нему, зная, что всякій необычный шумъ заставитъ его убѣжать.

Человѣкъ былъ занятъ, вытаскивая что-то со дна лодки.

— Разсказывай!—привѣтствовалъ я его по мѣстному обычаю, медленно выходя изъ кустовъ.

Онъ крикнулъ и отскочилъ, но не убѣжалъ, потому что скоро узналъ меня. Узналъ и я его; это былъ бѣдный якутъ, жившій въ пяти верстахъ отъ меня.

— Ничего не знаю! Ничего не слыхалъ! Все ладно! Охъ, какъ же ты меня испугалъ!—проговорилъ онъ поспѣшно и протянулъ мнѣ руку.

— Что-же ты подумалъ?

— Чего не случается встрѣчать человѣку ночью, въ лѣсу!—отвѣтилъ онъ уклончиво и подозрительно осмотрѣлъ меня съ головы до ногъ. — Иной разъ думаешь — человѣкъ знакомый, и говоришь съ нимъ, какъ со знакомымъ, а наконецъ окажется, что вовсе и не человѣкъ!!

— Что ты дѣлаешь здѣсь такъ поздно?

— Домой возвращаюсь! Завтра вѣдь праздникъ! А тоня моя далеко, на Вавилонѣ*), верстъ тридцать будетъ. Самъ знаешь, люди мы бѣдные, живемъ рыбой... коней нѣтъ; все больше на лодкѣ. Тянувши ее черезъ лѣсъ, ушибъ себѣ ногу и замѣшкался.

— Ушибъ ногу? А сильно?

— Сильно, едва остановилъ кровь.

---

*) Вавилонъ—огромное озеро, въ сѣверо-западной части Калымскаго округа.

— Это ты свисталъ и кричалъ?—спросилъ я, припоминая удивительные звуки, слышанные мною въ лѣсу.

— Я? нѣтъ!—Якутъ замолчалъ и я видѣлъ, какъ, наклонившись надъ лодкой, онъ перекрестился.

— А ты что тутъ дѣлаешь?—спросилъ онъ меня, въ свою очередь.

— Ищу утокъ!

— Утокъ?—разсмѣялся онъ весело и бѣлые зубы его заблестѣли въ темнотѣ, точно жемчугъ.—Утокъ здѣсь никогда не бываетъ.

— Не бываетъ? Почему-же?—спросилъ я, помогая ему тащить лодку черезъ лѣсъ, къ слѣдующему озеру. Рыбакъ хромалъ.

— Озера бываютъ разныя,—объяснялъ онъ.—Ихъ такъ-же много, какъ много звѣздъ на небѣ. Я думаю, что и звѣзды—это только отблескъ озеръ на тучахъ!.. Разныя бываютъ озера, какъ разныя бываютъ звѣзды... Большія, малыя, глубокія—что дна не достанешь... и мелкія опять, и болотистыя. Въ однихъ рыба жирная, въ другихъ худая; въ однихъ вода вредная—скотъ отъ нея сдыхаетъ, человѣкъ хвораетъ; въ другихъ бываетъ чистая, какъ воздухъ.

У ближайшаго озера мы остановились, спустили лодку и усѣлись въ нее: рыбакъ спереди, я сзади. Обернувшись спиною одинъ къ другому и слегка опираясь, плыли мы, подобно двулицему богу, у котораго одна голова была бородатая, европейская, другая—плоская, голая, монгольская.

Монгольская голова продолжала свой разсказъ:

— Все изъ воды... И корова жила въ водѣ, пока человѣкъ не поймалъ ее и не присвоилъ... Въ водѣ, какъ и въ воздухѣ, живутъ всякія животныя, даже люди. Да вотъ, смотри!—онъ указалъ весломъ на расколыханныя ходомъ лодки водоросли.—Развѣ это не лѣсъ?

Да, это былъ лѣсъ,—черный, таинственный, извѣстный только рыбамъ да утопленникамъ. Ни одинъ пловецъ не выберется изъ его чащи, разъ попадетъ въ него.

— Старики говорятъ, что раньше все было иначе,—продолжалъ якутъ.—Все было хорошо, потому что воды было много... и соболи сами приходили къ воротамъ, и рыбы было такъ много, что стоило только пустить стрѣлу въ озеро, чтобы она выплыла, унизанная добычей; а теперь ничего нѣтъ. Соболи ушли, рыбы стало мало; только купцы, отцы наши, спасаютъ насъ; безъ нихъ пропали-бы совсѣмъ... даютъ деньги на подати, даютъ чай, табакъ, ситцы. Да, купцы!.. хотѣлъ-бы я быть купцомъ!

Лодка стукнула о берегъ. Снова потянули мы ее до слѣдую-

щаго озера, и все такъ дальше... Лѣтомъ это единственный способъ передвиженія въ томъ краѣ озеръ, болотъ и поросшихъ лѣсомъ трясинъ.

Больше часа прошло въ такомъ путешествіи, когда узкой, заросшей ситникомъ, рѣчкой прибыли мы, наконецъ, къ послѣднему озеру. Вдали, на его берегу, носились красныя звѣздочки искръ, вылетавшихъ изъ трубы юрты.

— Зайдешь къ Хахаку?—спросилъ меня мой товарищъ, когда мы причалили къ берегу.—Я у него заночую.

Я взялъ часть вещей рыбака и пошелъ съ нимъ къ юртѣ.

Хахака я знаю давно. Это былъ чудакъ, который своими выходками часто смѣшилъ, а иногда и раздражалъ сосѣдей.

Въ молодости Хахакъ слылъ за лучшаго охотника во всемъ округѣ. О его отвагѣ, хладнокровіи и ловкости разсказываютъ чудеса. Всякому промыслу онъ предпочиталъ охоту на медвѣдя; ходилъ на него съ рогатиной и винтовкой, нападая на врага то въ открытомъ полѣ, то въ берлогѣ. Эти поединки онъ любилъ такъ же страстно, какъ и карты. Какъ только прослышитъ онъ про медвѣдя, такъ спать не можетъ: мучится, сердится и мечется, пока не вырвется изъ дому, не выслѣдитъ и не убьетъ звѣря.

Не разъ случалось, что промышленники откроютъ гнѣздо съ нѣсколькими звѣрями и пригласятъ Хахака, а онъ, горя нетерпѣніемъ, не можетъ дождаться утра и убѣжитъ до зари одинъ на конѣ, съ вѣрной собакой, къ указанному мѣсту. Здѣсь обыкновенно его находили блѣднымъ, обрызганнымъ кровью, окруженнымъ трупами валяющихся „лѣсныхъ князей". Товарищамъ его ничего не оставалось, какъ съѣсть по куску сердца и печени убитыхъ, выпить по чашкѣ крови и громко воскликнуть три раза побѣдоносное „ухъ!"

Послѣ этого всѣ глаза обращались на Хахака, который, будто равнодушный, но на самомъ дѣлѣ взволнованный и гордый, стоялъ, наклонивъ чело, окруженное ореоломъ славы богатыря. Вѣдь это онъ убилъ медвѣдя „съ хвостомъ", который, какъ извѣстно, былъ чортъ, а на медвѣдь. А развѣ не онъ убилъ воинственнаго „шатуна" *), который преслѣдовалъ людей, похищалъ скотъ и котораго не брали ни пуля, ни рогатина?

Самъ Хахакъ никогда не хвалился, никогда не говорилъ о своихъ подвигахъ, всегда былъ скроменъ и молчаливъ, какъ прилично человѣку, который о многомъ знаетъ гораздо больше другихъ. Однако, вслѣдствіе несчастія, которое недавно случилось съ

*) Медвѣдь, который не легъ на зиму въ берлогу.

нимъ на охотѣ, онъ совсѣмъ измѣнился. Пересталъ охотиться и играть въ карты, обѣднѣлъ, облѣнился и сталъ чудной: счастье и почетъ покинули его.

Юрта его стояла недалеко отъ берега; скоро мы подошли къ ней. Внутри пылалъ веселый огонекъ и слышны были голоса разговаривавшихъ. Семья еще не спала. Я подошелъ къ двери и заглянулъ въ щель. Передъ огнемъ, обращенный лицомъ въ мою сторону, сидѣлъ Хахакъ и держалъ сѣть, но не вязалъ ее, а, вытянувъ впередъ руку, говорилъ что-то собравшимся около него слушателямъ. У ногъ его возился маленькій нагой ребенокъ, играя мѣдной оправой ножа, висѣвшаго въ деревянныхъ ножнахъ, пришитыхъ къ кожанымъ штанамъ разсказчика, повыше голени правой ноги.

Хахакъ былъ очень оживленъ, ежеминутно обращался къ слушателямъ и сильно стучалъ пяткой по глиняному полу.

— Они брезгаютъ ѣсть конину, а ѣдятъ свинину!—говорилъ онъ.—Конь самое умное и чистое животное!

— О, такъ!—подтвердили слушатели.

— Свинья! Видѣлъ я ее! Отвратительная! Шерсть на ней не растетъ; она голая, грязная, глупая и злая! Уши огромныя, хвостъ тонкій и вьется, какъ змѣя, глаза маленькіе, а зубы, какъ у пса. И сердитая-же!.. Былъ это я въ Якутскѣ и вотъ мнѣ случилось... чуть-чуть не съѣли меня... Тамъ ихъ много. Вышелъ я на крыльцо покурить трубку, всѣ еще спали, только что заря занялась. Во дворѣ шатались и хрюкали свиньи. Я молодой; любилъ пошутить. Собрались это онѣ вокругъ меня—я и покажи имъ кукишъ. Какъ набросились онѣ на меня! Я на крыльцо—онѣ за мной, я на лавку, и онѣ туда-же! Окружили меня, хрюкаютъ, а я имъ все кукишъ, да кукишъ показываю! На, на, на!—Онъ плюнулъ въ кулакъ и выставилъ его впередъ.

Вдругъ скрипнула дверь. Женщины вскрикнули, парни вскочили съ полу, дѣти заплакали. Кто-бы это могъ быть? Можетъ быть, „нуча", а за нучей свинья! Хахакъ замолчалъ и спряталъ кулакъ.

Какъ всегда въ якутскихъ юртахъ, входная дверь находилась позади камелька, единственнаго свѣта по вечерамъ. Прошло около минуты напряженной тревоги и ожиданія, прежде чѣмъ я показался изъ темноты. Такъ и есть, это былъ „нуча", добрый знакомый, пріятель и вдобавокъ безъ свиньи. Всѣ лица прояснились; мнѣ протягивали руки, сердечно привѣтствуя, какъ и всякаго гостя въ здѣшнихъ мѣстахъ. Хахакъ смѣялся, уступая мнѣ мѣсто предъ огнемъ, на лавкѣ и приказавъ кипятить чайникъ.

— Разсказывай, что и какъ?—спрашивали хозяева.

Я сталъ разсказывать мѣстныя новости и всѣ слушали со вниманіемъ, хотя, какъ оказалось, давно уже знали ихъ. Вошелъ товарищъ моего ночного странствованія и бесѣда стала общей. Мужчины собрались вокругъ стола, на которомъ жена Хахака приготовила намъ ужинъ: свѣжее мало, сору, и цѣлую гору сушеной рыбы, „юкалы". Только Хахакъ стоялъ у огня и грѣлъ спину, не вмѣшиваясь въ разговоръ. Его молоденькая, хорошенькая дочка поставила на столъ пару бѣлыхъ фаянсовыхъ чашекъ съ блюдечками и началось обычное якутское угощеніе: чай съ молокомъ, холодная закуска, а на ужинъ вареная рыба. Хотя радушно предложенное угощеніе было очень вкусно, а мы были голодны, все-таки мы не могли съѣсть всего, что было подано.

— Не ѣстъ? Сытъ? Что это за мода ходить сытымъ въ гости? Вы, русскіе, у людей ѣдите, какъ птицы, а вернетесь домой—кричите: жена, самоваръ! ставь котелъ на огонь! Я голоденъ!—Не хорошо такъ.

Разговаривали сначала о разныхъ краяхъ и обычаяхъ, но скоро перешли къ жгучимъ вопросамъ дня.

— Что-жъ Андрей? Плачетъ? Нѣтъ и слѣда парня?..

— Нѣтъ!

— Ничего не нашли?

— Ничего!.. Всѣ сосѣди ходили искать... и въ озерахъ искали, и въ лѣсу... всю недѣлю искали... нѣтъ ничего!..

— Эээ!.. Навѣрное медвѣдь! Говорятъ, появился въ долинѣ, Кехергесъ видѣлъ его!—сказалъ мой рыбакъ.

При словѣ „медвѣдь", Хахакъ, молчаливо стоявшій передъ огнемъ и игравшій своими пальцами, вдругъ поднялъ голову. Всѣ стихли и невольно посмотрѣли въ его сторону. Старуха жена встревожилась и старалась перемѣнить разговоръ.

— Медвѣдь! Навѣрное,—тихо началъ Хахакъ. Не нашли ни тѣла, ни одежды! „Онъ" всегда зарываетъ въ землю остатки добычи, даже кровь загребаетъ. „Онъ", навѣрное „онъ"! Ты говоришь: Кехергесъ видѣлъ его?—переспросилъ онъ рыбака.

— Вретъ!—неохотно отвѣтилъ этотъ.

— О! „Онъ" хитеръ и мстителенъ! Долго помнитъ обиду! Должно быть Андрей чѣмъ-нибудь досадилъ ему, хвалился, разсказывалъ что-нибудь, вотъ „онъ" и отнялъ у него парня. Какъ-бы далеко онъ ни жилъ: въ горахъ-ли, въ бору-ли—слышитъ и понимаетъ все, что мы здѣсь говоримъ; какъ человѣкъ, даже лучше человѣка. Кто знаетъ—кто „онъ" такое?! Сдерите съ него шкуру и уви-

дите, что онъ похожъ на женщину. А какой онъ мстительный и свирѣпый—это я знаю! добавилъ Хахакъ и опустилъ голову.

— Не проститъ. Ты вотъ, русскій, собираешься уходить!—обратился онъ ко мнѣ,—берегись, опасайся! Медвѣдь хоть и большой звѣрь, а умѣетъ такъ тихо подкрасться, когда захочетъ неожиданно напасть на человѣка, что никакъ не замѣтишь, промелькнетъ точно тѣнь. Съ нимъ нельзя шутить. Когда-то и я не боялся его, а теперь—на вотъ, посмотри!—и онъ отвернулъ рукавъ своей рубашки.

Я и прежде замѣчалъ, что онъ плохо владѣетъ лѣвой рукой, но увидя ее—ужаснулся: осталась только кость, обтянутая кожею, испещренной множествомъ шрамовъ, да нѣсколько уцѣлѣвшихъ жилъ, рѣзко выступавшихъ вокругъ кости.

— Много я убилъ ихъ... много!—продолжалъ хозяинъ,—и знаю, что за это они съѣдятъ меня... съѣдятъ... боюсь, а съѣдятъ... Случилось это со мной вотъ какъ: поставилъ я самострѣлъ на звѣря и Богъ далъ мнѣ лося... большого! Время было позднѣе теперешняго и морозъ былъ... Везти далеко, дорога худая, а мяса, шкуры и всѣхъ потроховъ звѣря хватитъ на семь-восемь лошадей, я и порѣшилъ построить тамъ кладовую и сложить въ нее всю добычу до зимней дороги. Рано мы вышли съ парнемъ на работу; парень маленько отсталъ, а я иду себѣ спокойно впередъ по дорогѣ. Прошелъ и кустъ, что тутъ недалеко на горѣ ростетъ, какъ вдругъ выскочилъ „онъ“ и, какъ собака, бросился на меня. Не успѣлъ я опомниться—онъ стоитъ уже на заднихъ лапахъ! Я за ножъ: не тутъ-то было! примерзъ ножъ къ ножнамъ: забылъ его вытереть послѣ пищи. Видно Богъ допустилъ!.. Свалилъ меня „черный“ на землю. Вижу—не одолѣть мнѣ его. Сжалъ ему правой рукой горло, лѣвую всунулъ ему въ пасть, а самъ кричу парню, чтобы бѣжалъ за народомъ. Глупый парень подскочилъ, да бацъ ножомъ въ медвѣдя! а ножикъ у него былъ вотъ какой,—онъ указалъ на палецъ.—Тятя, съѣстъ!—кричитъ. „Черный“ испугался, рявкнулъ и ускакалъ въ лѣсъ. Парень угодилъ ножомъ мнѣ прямо въ грудь, убилъ-бы, пожалуй, да оленью одежду не могъ пробить. Едва потомъ меня оживили. И вотъ! съ того часу, какъ сидѣлъ „онъ“ на мнѣ и смотрѣлъ мнѣ въ глаза, помутилося у меня на душѣ. Сталъ бояться, остерегаюсь теперь,—добавилъ онъ тихо.

Я попрощался съ хозяевами и пошелъ домой. Мѣсяцъ свѣтилъ, туманъ исчезъ, передо мной едва замѣтно вилась знакомая тропинка. Тысячу разъ проходилъ я по ней безъ всякой тревоги и ни разу злая мысль не западала мнѣ въ голову; но теперь, когда я

подходилъ къ мѣсту, гдѣ Хахакъ встрѣтилъ медвѣдя, я невольно взялся за ручку ножа и съ минуту мнѣ казалось, что въ тѣни зарослей я вижу морду звѣря, лежащую на протянутыхъ впередъ лапахъ.

Спустя два года, услышалъ я, что Хахакъ безслѣдно исчезъ въ тайгѣ. Мстительные „князья лѣса“ покончили съ нимъ.

В. Сѣрошевскій.

Даурскіе буряты.

Забайкальская или Даурская степь не представляется безграничнымъ пространствомъ голой, безводной поверхности, покрытымъ свѣжими песками. Даурская степь,—это возвышенныя плоскогорья отроговъ Яблоноваго и Станового хребтовъ горъ, гдѣ горы и холмы, точно исполинскія волны, идутъ одни за другими и гдѣ кажется, что тамъ земля когда-то заволновалась, да такъ это взволнованное море и застыло. Въ одномъ мѣстѣ глубокія впадины, въ другомъ равнины, а тамъ холмы, за ними же, точно девятый валъ, высятся и горы. Въ этихъ горахъ есть сокровища различныхъ драгоцѣнныхъ камней, по преимуществу аквамариновъ, есть олово, мѣдная руда, серебро, найдено и золото, есть также во впадинахъ горъ или въ долинахъ соляныя озера и встрѣчаются во множествѣ минеральные источники. Эти долины, холмы и горы зеленѣютъ повсюду роскошной растительностью; кое-гдѣ разбросанъ группами сосновый лѣсъ, береза, а берега рѣкъ и рѣчекъ покрываются кустарными деревьями—душистымъ тополемъ, яблонью, боярышникомъ, черемухой; и то тамъ, то сямъ, текутъ эти небольшія степныя рѣчки, задумчиво стоятъ кое-гдѣ зеркальныя озера, сочатся въ разныхъ мѣстахъ родники, ключи и свѣже-хрустальной струйкой холодной воды, разливаясь свободно по степи, орошаютъ и живятъ тучную зелень.

Хороша, цвѣтуща, ароматна и полна жизни Даурская степь весной и въ началѣ лѣта. Тогда все быстро растетъ, цвѣтетъ, все движется, шумитъ, а безчисленные, разнообразные голоса птицъ раздаются по всѣмъ направленіямъ и въ воздухѣ, и на землѣ.

Все радуется, все точно улыбается проглянувшему свѣтлому дню, и вездѣ, гдѣ только виднѣются изгороди бурятскихъ улусовъ, что то же—нашихъ селеній, повсюду бродятъ стада различнаго рода рогатаго скота, горделиво выступаютъ, поднявъ высоко головы,

двухгорбые верблюды и разгуливаютъ тысячные табуны даурскихъ матокъ. За изгородями, окружающими каждый улусъ, виднѣются то коническія войлочныя юрты, то бревенчатые восьмиугольные, шестиугольные или четырехугольные срубы, съ плоскими, или нѣсколько покатыми крышами. Оттуда, изъ отверстій, продѣланныхъ въ крышахъ для выхода дыма и для свѣта, высоко тянутся дымки отъ очаговъ, и въ прозрачномъ просторѣ весенняго тихаго воздуха звонко раздаются по дворамъ голоса работающихъ бурятокъ и пискливый визгъ играющихъ ребятишекъ. А по полямъ то тамъ, то сямъ слышится кое-гдѣ бурятская заунывная пѣсня о высокихъ горахъ, о широкой степи; гдѣ либо невдалекѣ отъ юрты молодой наѣздникъ съ арканомъ въ рукѣ скачетъ верхомъ по степи, стараясь поймать коня. Полы его синяго кафтана развѣваются, шапка давно свалилась на землю, но конь не поддается на арканъ и увлекаетъ бурята все далѣе и далѣе въ степь. По степной же дорогѣ, сидя верхомъ на быкѣ, запряженномъ въ скрипучую двухколесную таратайку, тащится старикъ бурятъ, подергивающій веревку, продѣтую сквозь ноздри быка, и, посасывая свою деревянную трубочку—носогрѣйку, или китайскую мѣдную трубочку г а н з у, мурлыкаетъ протяжную, заунывную пѣсню. Онъ снялъ остроконечную бурятскую шапку, почесываетъ свою бритую голову, на затылкѣ которой торчитъ, какъ крысій хвостикъ, маленькая косичка, и слушаетъ его мурлыканье какъ бы одинъ только быкъ, еле-еле передвигающійся нога за ногу. Все тихо, все спокойно, точно теряется въ необъятномъ пространствѣ степи и невозмутимаго весенняго воздуха; все какъ бы отдыхаетъ и наслаждается возрождающейся величественной природой.

Такова сибирская степная весна, съ появленіемъ которой просыпаются и долго спавшіе подъ овчинными шубами буряты. Въ одномъ мѣстѣ они отыскиваютъ тучныя пастбища для скота, отощавшаго за зиму на подножномъ корму, въ другомъ они принимаются за хлѣбопашество; тамъ опять по рѣкамъ и озерамъ, особенно на югѣ Байкальскаго озера, усердно работаютъ на рыбныхъ ловляхъ; и не только изъ городовъ, какъ Иркутскъ, гдѣ они торгуютъ, промышляютъ и нанимаются на разныя работы до весны, но даже и изъ болѣе или менѣе своихъ благоустроенныхъ на русскій ладъ улусовъ, съ весной они уходятъ въ степь, которая манитъ ихъ къ себѣ, какъ родное, привольное обиталище.

Бурятъ знаетъ только табунъ, или рыболовство и хлѣбопашество, а тамъ, вернувшись со степи въ юрту, онъ ложится на кошму и покуриваетъ, какъ и всю зиму, трубку за трубкой; дѣвушки

же отъ безпечной жизни полны, мясисты, краснощеки, съ одутловатыми, широкими лицами отъ излишняго сна и съ припухшими и заспанными глазами; онѣ съ утра до вечера гуляютъ, а найдя возлюбленнаго, танцуютъ повсюду свой „эхоръ".

Увидитъ, положимъ, какой-либо Пехусай свою возлюбленную Шантаю, и послышится сперва разговоръ между ними быстрый, отрывистый, въ которомъ при полусжатыхъ губахъ раздаются рѣзко горловые звуки: бунъ, хунъ, гунъ, еръ, уръ, а потомъ тряхнетъ Пехусай, глядя на Шантаю, головою, затѣмъ подбоченится, станетъ въ позицію и крикнетъ ей вдругъ: „эхоръ!".. И Шантая подбѣжитъ къ нему, и положатъ они другъ другу руки на плечи, или схватятся подъ мышки, и начнутъ кружиться, поднимая то правыя, то лѣвыя ноги и громко припѣвая: „эхоръ, эхоръ, эхоръ!".. Этотъ „эхоръ" слышится сначала тихо, потомъ быстрѣе и громче, потомъ, наконецъ, переходитъ въ какой-то ревъ, а ноги двигаются живѣе, стучатъ сильнѣе, такъ что изъ-подъ ногъ летятъ во всѣ стороны брызгами или комками грязь или пыль; и такъ продолжается долго, долго, пока танцующіе не обезсилятъ и не истомятся окончательно. Но на другой день, а не то и въ тотъ же день вечеромъ тотъ же самый „эхоръ" и также до истомленія продолжается и будетъ продолжаться до свадьбы, когда родные сговорятся уже о колымѣ, то есть о платѣ за невѣсту и когда послѣ множества предсвадебныхъ угощеній назначатъ ламы, то-есть ихъ священники, и день свадьбы. Въ этотъ день подруги невѣсты, которыя живутъ у ней со дня сговора, приготовляя приданое, завидѣвъ приближающагося жениха съ пріятелями, окружатъ возлѣ юрты, взявшись за руки, невѣсту, и женихъ съ пріятелями бросятся на дѣвушекъ, стараясь вырвать изъ ихъ круга невѣсту, а дѣвушки, сопротивляясь, подымутъ пискъ, визгъ, пока не возьмутъ молодцы невѣсту силой; послѣ чего дѣвушки одѣнутъ невѣсту, закутаютъ въ шубы или ткани, и, посадивъ верхомъ на лошадь, отправятся вмѣстѣ съ ней въ степь, а женихъ обратно въ свою юрту, гдѣ ожидаютъ его родные. Съ этими родными и пріятелями онъ также поѣдетъ въ степь, гдѣ, завидѣвъ ламъ, важно возсѣдающихъ гдѣ-либо у ручья и за ними таборъ невѣсты, женихъ, какъ бы отыскивая невѣсту, проѣзжаетъ нарочно мимо. Но ламы останавливаютъ поѣздъ жениха, спрашивая: куда вы ѣдете?

Женихъ отвѣчаетъ:

— Мы ѣдемъ по степи.

— Кого жъ вы ищете?—опять спрашиваютъ ламы.

— Ищемъ мы корову,—отвѣчаютъ поѣзжане,—у которой рога

серебряные, хвостъ шелковый, копыта золотыя, а вмѣсто глазъ горятъ яркіе драгоцѣнные камни. Не видали ли вы такой коровы?

— Видѣли,—говорятъ ламы.

— Гдѣ же вы ее видѣли?

— Мы сидѣли здѣсь у ручья, а она бѣжала мимо: мы остановили ее и взяли въ свой таборъ.

— Отдайте же ее намъ—она наша,—просятъ родные и пріятели жениха.

Ламы сперва отказываютъ, но потомъ соглашаются отдать, и тогда оба поѣзда, соединившись вмѣстѣ, отправляются въ юрту жениха, гдѣ ламы читаютъ священныя книги, а когда невѣста снова переодѣнется, тогда начинается пиръ. Много съѣдаютъ тутъ вареной и жареной баранины, мяса, много выпиваютъ а р а к и (водки), приготовляемой изъ остатковъ молока и кумысу, но болѣе всего кирпичнаго чая.

Во всѣхъ обрядахъ главную роль у бурятъ играетъ лама, а въ его священнодѣйствіи—монгольскія, то-есть, собственно говоря, тибетскія книги. Онъ съ подобающею важностью всегда открываетъ эти священныя книги и по нимъ отыскиваетъ указанія, когда долженъ, напримѣръ, совершиться бракъ, когда крещеніе, когда похороны; и за это послѣ каждаго обряда лама получаетъ для кумирни, то-есть для своей церкви, приношеніе въ видѣ быка, барана или кирпичнаго чаю, смотря по достатку дающаго и по важности и пышности того обряда, который совершается.

Религія бурятъ называется ламанской и составляетъ отрасль буддійской, и ее надо считать главенствующей: она, явившись изъ Тибета или изъ Монголіи, стала вытѣснять у бурятъ шаманскую, исповѣдуемую почти всѣми инородцами Сибири и коренящуюся и до сихъ поръ среди бурятъ, живущихъ ближе къ Байкалу и къ тайгѣ.

Христіанство распространяется между бурятами медленно; и, хотя русскихъ священниковъ или миссіонеровъ, проповѣдующихъ между ними христіанство, слушаютъ внимательно, входятъ въ нашу церковь съ благоговѣніемъ, становятся обыкновенно робко возлѣ стѣнъ, вслушиваются въ пѣніе, всматриваются съ любопытствомъ во всѣ обряды, стоятъ безмолвно, ставятъ къ образамъ свѣчи и особенно чтутъ, какъ и всѣ русскіе инородцы, св. Николая, называя его—б ѣ л ы й п р е с т а р ѣ л ы й б о г ъ,—но на увѣщанія миссіонеровъ, или священниковъ окреститься, они отнѣкиваются подъ разными предлогами. Они говорятъ, напримѣръ: „Вѣра ужъ хороша, больно хороша, чудная вѣра! но холодна теперь больно

погода; вотъ ужъ лѣто подойдетъ, тепло будетъ, тогда ужъ можно хреститься...“ А лѣто подойдетъ, они заявляютъ: „Теперь тепло ужъ, больно тепло, можно хреститься... только вотъ ребята наши всѣ по полямъ... кто скотъ пасетъ... кто чево... вотъ ужъ осенью всѣ соберутся, тогда и хреститься хорошо будетъ“...

Тучность ламъ пользуется у бурятъ большимъ уваженіемъ, и начальникъ всѣхъ бурятскихъ ламъ, такъ называемый хамболама, умершій въ 1861 г., доходилъ, напримѣръ, по вѣсу до десяти пудовъ. Этихъ хамбо-ламъ три: одинъ у бурятъ, одинъ у астраханскихъ калмыковъ и одинъ въ Тибетѣ у монголовъ. Русское правительство поставило для бурятъ своего верховнаго ламу, чтобы такимъ образомъ уничтожить вліяніе тибетскаго, и построило при этомъ буддійскіе храмы или монастыри, и кумирни, или церкви. Буряты очень уважаютъ своихъ ламъ и, когда лама посѣщаетъ какую юрту, то въ той юртѣ происходитъ чуть не праздникъ; ему приносятъ все въ даръ, и его угощаютъ всѣмъ, чтó есть лучшаго. Богослуженія бываютъ у нихъ нѣсколько разъ въ году, но праздники рѣдко, и буряты справляютъ ихъ съ большимъ торжествомъ.

Въ праздничный день къ кумирнѣ, или къ храму-монастырю, который называется у нихъ дацаномъ, со всѣхъ окрестныхъ улусовъ собираются буряты. Они тянутся къ дацану по всѣмъ направленіямъ,—кто верхомъ, кто пѣшкомъ, иные же въ таратайкахъ, и благочестиво, тихо входятъ въ храмъ, гдѣ, на особо устроенномъ уступами, въ видѣ лѣстницы, возвышеніи, разставлены разные идолы и выше всѣхъ стоящій (въ то время, какъ у калмыковъ—сидящій)—Будда съ чашечкой въ рукѣ. На отдѣльныхъ высокихъ сидѣньяхъ, съ широкимъ между ними проходомъ посрединѣ, сидятъ, поджавъ подъ себя ноги, шесть или десять толстыхъ ламъ въ парчевыхъ мантіяхъ, съ остроконечными клобуками на бритыхъ головахъ и съ книгами въ рукахъ. Они рѣзкими и сильными голосами читаютъ по книгамъ молитвы, точно такъ же поютъ ихъ, и въ сослуженіи при этомъ участвуетъ хоръ музыкантовъ, которые играютъ на разныхъ инструментахъ: бубнахъ, тимпанахъ, или тазахъ, а также и на струнныхъ, но главнымъ образомъ на большихъ трубахъ-коровахъ, которыя доходятъ иной разъ до нѣсколькихъ саженъ длины. Этотъ хоръ для непривычнаго уха, конечно, ужасенъ, но посторонній человѣкъ невольно обратитъ вниманіе на сосредоточенныя въ религіозномъ экстазѣ лица бурятъ, сидящихъ въ молитвенныхъ позахъ и на безстрастныя лица недвигающихся, точно окаменѣлыхъ, ламъ.

Служба продолжается недолго; она состоитъ изъ нѣсколькихъ молитвъ; и послѣ этой службы или молебна всѣ отправляются

на какую-либо ближайшую площадь, гдѣ начинается и самое празднество.

Въ празднествѣ первую роль играетъ бѣгъ, затѣмъ борьба силачей, а въ общемъ пиршествѣ—и повальное пьянство. Открываютъ празднество ламы. Они, въ желтыхъ и красныхъ кафтанахъ, усаживаются въ рядъ по чинамъ на самомъ почетномъ мѣстѣ съ книжками за пазухой, за ними то рядами, то кучками, у горящихъ костровъ устраиваются и буряты, и нѣкоторые хлопочутъ въ сторонѣ, разрѣзая на мелкіе куски вареную баранину и раскладывая ее на дощечки, нѣкоторые варятъ чай въ котлахъ, и съ перваго же шага начинаютъ потчивать ламъ, а ламы только благословляютъ своими книжками подходящихъ къ нимъ съ поклонами.

Всѣ ждутъ бѣга.

Вниманіе всѣхъ обращено въ ту сторону, откуда должны бѣжать лошади. И мало-по-малу, общее чинное молчаніе нарушается: изъ дальнихъ рядовъ потянуло уже дымкомъ изъ трубочекъ, почувствовался запахъ араки (водки), зазвучали отрывистыя рѣчи, нетерпѣливые взбираются на возвышенія; и вотъ послышались отдаленный топотъ и крики. Всѣ поднялись на ноги; одни ламы сохраняютъ на своихъ расплывшихся жирныхъ лицахъ глубокомысленное выраженіе,—они не двигаются и какъ бы едва смотрятъ на мчащихся издали лошадей. А лошади съ разноцвѣтными лентами, заплетенными въ гривы, и съ султанами на лбу, мчатся во весь опоръ; наѣздники же—мальчишки дико, неистово кричатъ и немилосердно хлещатъ ихъ кнутами. Всѣ какъ-бы съ трепетомъ сердца глядятъ за тѣмъ, какая лошадь придетъ первая, а ламы все такъ же, какъ истуканы, не двигаются; и, когда подводятъ къ старшему ламѣ лошадь, прибѣжавшую раньше другихъ, онъ медленно, съ достоинствомъ поднимается, читаетъ коню похвальную рѣчь и прикладываетъ къ его лбу свою священную книгу. Коня послѣ этого ставятъ отдѣльно въ сторону, а остальныхъ, какъ недостойныхъ, отводятъ на заднiй планъ. За бѣгомъ приготовляются къ борьбѣ.

Два бурята уже раздѣлись. Они стоятъ голые въ однѣхъ штанахъ, и, засучивъ ихъ выше колѣнъ, натираютъ руки пескомъ. Другіе буряты, взявъ борцовъ подъ руки, ведутъ ихъ къ старшему ламѣ: борцы кланяются ему, а онъ, читая надъ нами молитву, стукаетъ каждаго по головѣ, такъ же, какъ и коня, священной книгой. Тогда борцовъ отводятъ на средину площадки и тутъ, потоптавшись на одномъ мѣстѣ, они начинаютъ придвигаться другъ къ другу, быстро наклоняясь къ землѣ и на ходу схватывая песокъ, натираютъ имъ руки, а потомъ вдругъ разомъ бросаются одинъ на другого.

Завязывается борьба, при которой борцы какъ бы сперва пробуютъ силу другъ друга, то останавливаясь, то налегая одинъ на другого, то напрягаясь, то сдерживаясь; затѣмъ, сцѣпившись сильнѣе, тяжко дыша и пыхтя, они сваливаются оба на землю, гдѣ и продолжается точно та же борьба, пока кто-нибудь не одолѣетъ, и пока побѣдитель, съ пѣной у рта и съ налитыми кровью глазами, не взберется на побѣжденнаго и не начнетъ его звѣрски всѣми силами давить. Тогда побѣдителя стаскиваютъ съ его жертвы, и побѣжденный, едва поднявшись, скрывается въ толпѣ, а побѣдителя подводятъ къ ламѣ, который опять-таки стукаетъ его священной книгой по головѣ.

Но этимъ дѣло не кончается: отдохнувъ немного, побѣдителя снова подводятъ къ ламѣ и снова, получивъ колотушку, онъ выступаетъ на средину арены, выжидая соперника. Таковой, конечно, является; и съ нимъ происходитъ то же, а тамъ, пожалуй, съ новымъ соперникомъ еще то же; и толпа шумитъ, галдитъ,—спорятъ, ругаются, хвалятъ, осуждаютъ; и борьба длится иной разъ долго, очень долго. Но арака тоже беретъ свое: наступаютъ танцы, гдѣ кружатся на мѣстѣ съ припѣвомъ—„эхоръ! эхоръ!"—или однообразно бѣгаютъ, смѣшно поднимая то ту, то другую ногу, и тутъ же брянчитъ самодѣльная балалайка, раздается громкая, отрывистая пѣсня. Только поздно уже ночью расходятся и разъѣзжаются по домамъ, по улусамъ.

Какъ всѣми общественными дѣлами, такъ и своими домашними, буряты управляются сами по-братски. Они и живутъ даже, какъ русскіе говорятъ о нихъ, чисто по-братски. Каждый улусъ—это не что иное, какъ особый бурятскій родъ, размѣщающійся въ нѣсколькихъ юртахъ, огороженный загородками изъ жердей. Юрты ставятся обыкновенно такъ: по серединѣ - старшаго въ родѣ, по бокамъ—женатыхъ сыновей, далѣе — семейства близкихъ родственниковъ, а еще далѣе—болѣе отдаленная родня. У всѣхъ бурятъ общія пашни, покосы, скотъ, и всѣ работаютъ сообща, а иногда и ѣдятъ всѣ вмѣстѣ.

Они и торгуютъ большею частью артелями и торговлю любятъ не меньше татаръ. Они бродятъ по сибирскимъ городамъ и деревнямъ; особенно ихъ много въ Иркутскѣ, и торгуютъ не бездѣлушками и всякою мелочью, какъ татары, а больше всего мѣхами; въ Китай же гоняютъ табунами и скотъ. Для торговли обыкновенно они нанимаютъ грязную, дешевую избу, гдѣ артелью человѣкъ въ тридцать и болѣе спятъ чуть не одинъ на другомъ,—на полатяхъ, на лавкахъ, подъ лавками, на столѣ, подъ столомъ, на печкѣ, подъ печкой и прямо на грязномъ полу, лежа и даже сидя. Тутъ они и питаются всѣмъ, что̀ пошлетъ судьба: и кускомъ мяса, и русскимъ

хлѣбомъ, и соленымъ огурцомъ, а иной разъ и чѣмъ - нибудь тухлымъ, охотно перенося всякія лишенія и невзгоды, чтобы только сберечь деньги и чтобы къ веснѣ принести какъ можно больше въ улусъ. Они такъ же, какъ и татары, рыщутъ съ товаромъ повсюду, и посмотрите, какъ они въ Иркутскѣ проворно бѣгаютъ съ мѣшкомъ подмышками или тюкомъ мѣховъ за плечами изъ дома въ домъ; какъ они ловко на каждомъ перекресткѣ перетряхиваютъ свои мѣха, чтобы взбить шерсть и придать имъ лучшій видъ; какъ они проворно ложатся на землю у вѣчно запертыхъ воротъ купеческаго дома, чтобы поглядѣть въ подворотню, что̀ дѣлается тамъ, и нѣтъ ли сердитой собаки; и какъ неугомонно такимъ образомъ они хлопочатъ ради наживы изо дня въ день съ утра и до ночи.

При продажѣ и покупкѣ они очень любятъ могарычи, но могарычи только на чужой счетъ, что зачастую заранѣе и выговариваютъ. Получивъ выговоренное или поднесенное что́-либо въ родѣ косушки водки и кусочка хлѣба или булки на закуску, они тутъ же безъ церемоніи садятся среди пола и, отложивъ въ сторону свои товары, начинаютъ бражничать. Наливъ рюмку вина и не выпивъ ея, какъ русскіе, сразу, а высосавъ понемножку, бурятъ выплеснетъ изъ нея хоть оставшуюся каплю, прося выпить и своего бога—бурхана, а затѣмъ передастъ свою рюмку товарищу, который съ такими же церемоніями процѣдитъ свою рюмку, передавая ее слѣдующему; и такъ идетъ рюмка за рюмкой; и разговоры оживляются, рѣчь льется рѣкой, трубки не выходятъ изо рта; и понадобится по крайней мѣрѣ добрый часъ времени, пока буряты вдоволь не наговорятся и не разопьютъ выговоренные ими могарычи. Но на другой день, чуть свѣтъ, буряты снова являются къ угостившему ихъ русскому, и, ласково пожимая ему руки съ привѣтствіемъ: „менду, менду байнъ?“ (здравствуй, здорово живешь!) спрашиваютъ,—не будетъ ли и сегодня такой же торговли и угощенья, какъ вчера? При этомъ, хитро поглядывая на русскаго, они жалуются на головную боль и просятъ опохмѣлиться, говоря:—„Шибко была пьянъ“.

Къ русскимъ, которые обращаются съ ними добросердечно, они относятся по-пріятельски, называютъ ихъ не иначе, какъ добрыми; идутъ къ нимъ, какъ къ хорошимъ знакомымъ, ввѣряютъ для продажи свои товары съ уплатой въ разсрочку, радуются при встрѣчѣ, разспрашиваютъ о благополучной торговлѣ, разсказываютъ о своихъ удачахъ и неудачахъ, сообщаютъ о цѣнности товаровъ и предупреждаютъ о томъ, гдѣ и что́ можно съ выгодою купить. Тутъ они искренны, довѣрчивы и не допускаютъ обмановъ, кого почитаютъ честнымъ и добросовѣстнымъ.

Зная ихъ, смѣтливые русскіе и къ нимъ такъ же относятся; но вообще они боятся русскихъ, крайне съ ними осторожны, недовѣрчивы, и хотя по природѣ не злы, но мстительны и зла не забываютъ никогда. Они, такъ же какъ и татары, даже при самыхъ добрыхъ отношеніяхъ, съ русскими не сливаются, и племя ихъ, подобно другимъ инородцамъ Сибири, не уменьшается, напротивъ, численность ихъ растетъ и растетъ.

Они очень способны, любятъ учиться, школы ихъ размножаются; они перенимаютъ охотно и быстро все, что́ находятъ полезнымъ; изъ нихъ выходятъ прекрасные ремесленники, плотники, землекопы, а теперь считаются въ Сибири и лучшими хлѣбопашцами, не говоря о скотоводствѣ, съ которымъ они слиты какъ бы со дня своего существованія.

Правительство образовало изъ нихъ и конные полки, на обязанности которыхъ лежитъ охрана границъ съ Китаемъ и поимка контрабандистовъ и бѣглыхъ каторжниковъ.

Н. Александровъ.

Чукотская шаманка.

Ятиргинъ не заставилъ себя долго ждать. Въ качествѣ гостепріимнаго хозяина, онъ считалъ своей обязанностью не оставлять меня одного въ пологу. Вмѣстѣ съ нимъ явился молодой человѣкъ съ довольно пріятнымъ лицомъ, тихимъ голосомъ и застѣнчивыми глазами. Имя его было Тэнгэтъ. Онъ былъ братомъ чаунскаго витязя Пэкуля, о похожденіяхъ котораго ходитъ много разсказовъ на Колымѣ. О самомъ Тэнгэтѣ говорили, что изъ всѣхъ кавралиновъ, пришедшихъ въ текущую весну на Анюйскую землю, онъ былъ самымъ сильнымъ шаманомъ, сильнѣе даже Тылювіи.

Ятиргинъ опять началъ разсказы о чудесахъ и рѣдкостяхъ его родной земли и сопредѣльныхъ странъ.

— А за моремъ,—говорилъ онъ,—есть на далекомъ берегу большой лѣсъ, которому нѣтъ конца. Въ томъ лѣсу живутъ люди-невидимки. Когда они выходятъ на торгъ, можно видѣть только лисицъ и бобровъ, которыхъ несутъ въ рукахъ, ибо сами они неуловимѣе тѣни. Кажется, будто мѣха сами движутся по воздуху. И когда наши торговцы придутъ къ нимъ, они выбѣгаютъ на опушку лѣса и кричатъ:—давайте торговаться! Тогда купцы бросаютъ папашку табаку, какъ можно дальше вглубь лѣса.

— О-о, табакъ, табакъ! раздается въ лѣсу крикъ. На опушкѣ начинается шумъ, споры... А кто галдитъ, не видно. Потомъ изъ лѣсу вылетаютъ бобры или сума съ песцами. За одну папушу даютъ полную суму песцовъ... И еще есть тамъ озера и на берегу подъ деревьями сидятъ люди-половинки, словно расколотые по длинѣ, и когда услышатъ чьи-нибудь шаги, склеиваются между собою попарно и бросаются въ воду. Они тоже желаютъ табаку. Въ землѣ выкопаны норы и въ норахъ живутъ люди, маленькіе, какъ зайцы, и они тоже желаютъ табаку. Еще есть другіе, великаны, выше стоячихъ деревьевъ, они живутъ въ сопкахъ, въ горныхъ пещерахъ и, когда варятъ пищу, огонь выходитъ изъ вершины сопки. Они тоже желаютъ табаку. И всѣ люди на томъ берегу жаждутъ только табаку и за комочекъ трубочнаго нагара, величиной съ полнаперстка, готовы отдать краснук лисицу. Еще есть: въ открытомъ океанѣ, среди глубокой пучины, стоитъ высокое дерево, въ деревѣ большое дупло; въ дуплѣ живетъ злой духъ. Сучьевъ у дерева выше счисленія, на каждомъ сукѣ двадцать разъ двадцать отростковъ, на каждомъ отросткѣ по кривому шипу. Дерево ложится на бокъ и погружается въ пучину; когда поднимается, все бѣлѣетъ отъ рыбы. На каждомъ шипѣ по бѣлой рыбинѣ, вся эта рыба падаетъ въ дупло и злой духъ ее съѣдаетъ. Если чукотская байдара проходитъ слишкомъ близко, дерево падаетъ на нее и, зацѣпляя шипами, сдергиваетъ всѣхъ людей на пищу духу.

За этимъ моремъ есть материкъ, но за материкомъ опять море, а за тѣмъ моремъ птичьи ворота. Тамъ край твердаго неба падаетъ внизъ и, ударившись объ землю, отскакиваетъ обратно; никогда не перестаетъ падать и отскакивать. За тѣми воротами находится птичья земля. Туда птицы улетаютъ на зиму. Но небо падаетъ такъ быстро, что онѣ не успѣваютъ пролетѣть, и заднихъ прихлопываетъ, какъ въ ловушкѣ. Обѣ сталкивающіяся половинки покрыты толстымъ слоемъ толченыхъ птицъ, больше, чѣмъ на вышину человѣка, и перья тамъ вѣчно носятся по вѣтру...

Однако, содержаніе разсказовъ Ятиргина, несмотря на всю ихъ оригинальность, не представляло для меня интереса новизны, и я постарался свести разговоръ на шаманство, намѣреваясь упросить Тылювію показать мнѣ образчикъ своего шаманскаго искусства. Мнѣ хотѣлось узнать, дѣйствительно-ли загадочная хозяйка обладала той степенью шаманской силы, которую приписывали ей окружающіе жители.

Ятиргинъ съ первыхъ же словъ о шаманствѣ самъ перевелъ разговоръ на свою жену.

— Ты спрашиваешь, есть-ли въ нашей землѣ *вдохновенные*!..—

заговорилъ онъ.—Моя жена, хотя молода, но тоже не лишена *свободныхъ голосовъ.* Слава Богу! Можно сказать, что не одному человѣку помогла въ болѣзни. Но ни противъ кого не употребила во зло.

Тылювія, услышавъ, что разговоръ коснулся ея особы, проявила еще большую стыдливость, чѣмъ вчера. Зато Тэнгэтъ, сидѣвшій все время молча, обнаружилъ неожиданную словоохотливость.—Я тоже высоко вдохновенный!—заговорилъ онъ.—Именно я, сынъ Апрыя, Тэнгэтъ! Конечно, я молодъ и стыдливъ. Когда другіе собираются состязаться во вдохновеніи, я прячусь между санями на дворѣ, и меня принуждены приводить въ пологъ силой. Но въ моемъ собственномъ пологу я каждый день разговариваю съ разнообразными духами. Въ моемъ котлѣ съ водой живетъ старый моржъ и отзывается оттуда хриплымъ ревомъ. Когда я ударю въ бубенъ, три волка приходятъ изъ-подъ постели и воютъ поочереди. Воронъ и гагара пролетаютъ взадъ и впередъ. Невидимая рука просовывается сквозь стѣну и хватаетъ за лицо каждаго изъ присутствующихъ!..

— Ты увидишь завтра!—говорилъ онъ.—Во время жертвоприношенія я ударю въ бубенъ и создамъ силу въ очагѣ, которая поднимется сквозь отверстіе шатра тонкимъ столбомъ пламени, и духъ будетъ говорить изъ черной золы.

— Моя сила все умѣетъ. Я могу глотать ножи и извергать дорогіе мѣха изъ горла, нырять въ море, какъ рыба, и летать быстрѣе птицы по небу. Однажды, когда я сидѣлъ въ пологу за ужиномъ, врагъ мой, упившись сердитой водою, взятой отъ морскихъ бородачей, разорвалъ стѣну полога и ударилъ меня ножемъ въ спину, такъ что я упалъ на лицо и умеръ. Но жена посадила меня и вложила въ одну руку бубенъ, а въ другую колотушку изъ китоваго уса, и стала барабанить по бубну, сжимая мою руку своей рукой. Тогда явился Кэля и принесъ мою улетѣвшую душу и вдунулъ ее въ отверстіе раны, чтобы я ожилъ и снова сталъ смотрѣть на солнце. А отъ раны не осталось никакого слѣда.

Я сказалъ Тэнгэту, что слава о его подвигахъ достигла *великой рѣки* и перешла за нее, что я пріѣхалъ сюда, намѣреваясь отыскать его и услышать его шаманскіе напѣвы и что чрезъ нѣсколько дней я нарочно пріѣду на его стойбище, желая давать ему отвѣтные отклики.

Послѣ этой краткой рѣчи, я прямо обратился къ Тылювіи и сталъ просить ее доказать намъ, что и она одарена вдохновеніемъ и что слова ея мужа не являются напраснымъ хвастовствомъ. Од-

нако, застѣнчивость Тылювіи оказалась препятствіемъ, которое было не весьма легко преодолѣть. Услышавъ мое предложеніе, она немедленно спрятала уже не лицо, а всю голову подъ мѣховое одѣяло, валявшееся подлѣ, и рѣшительно отказывалась отвѣчать мнѣ хотя-бы однимъ звукомъ. Я могъ вести съ ней переговоры только при помощи мужа, который съ самаго начала сталъ держать мою сторону и, поднимая мѣховую покрышку, осторожно уговаривалъ Тылювію согласиться, на что она отвѣчала какими-то невнятными звуками, вразумительными только для одного Ятиргина.

Наконецъ, послѣ того, какъ я въ десятый разъ сослался на обычаи гостепріимства, дающіе гостю право на угожденіе хозяина, и пообѣщалъ, что о чудесной силѣ Тылювіи я разскажу на своей родинѣ всѣмъ моимъ соплеменникамъ, стыдливая шаманка поколебалась.

— Спроси его,—тихо сказала она Ятиргину,—развѣ на его землѣ люди тоже стучатъ въ бубенъ и призываютъ духовъ?

Я принужденъ былъ отвѣчать отрицательно.

— Почему-же,—недовольно проворчала она,—онъ такъ лакомъ до вызыванія духовъ?.. Я не понимаю!..

Начались новые уговоры и, наконецъ, дѣйствіемъ краснорѣчія и подаркомъ небольшой связки табачныхъ листьевъ, я вынудилъ у шаманки согласіе.

— Она будетъ шаманить!—сказалъ Ятиргинъ.—Я пойду, принесу бубенъ!

— Лучше я сама!—сказала недовольнымъ тономъ Тылювія, натягивая мохнатые чулки на свои ноги.—Ты мужъ! сиди въ пологу! А только скажи ему, что я совсѣмъ не имѣю духовъ послѣ болѣзни. Въ вѣчномъ кашлѣ, не знаю куда дѣвались. Стуча, не могу взывать, взывая, не могу вызвать... Или они глухи?

Я счелъ своей обязанностью протестовать и выразить увѣренность, что духи попрежнему подвластны ея призыву, но Тылювія все еще не хотѣла успокоиться.

— А тебѣ лучше уйти!—обратилась она къ Тэнгэту, уже безъ посредничества мужа.—Я, вѣдь, въ твой шатеръ не хожу слушать, какъ реветъ твой моржъ.

— Эгэй!—отвѣтилъ безпрекословно Тэнгэтъ и немедленно сталъ одѣваться и собирать свои вещи. Такъ какъ съ его уходомъ въ пологу освобождалось мѣсто, я попросилъ его позвать Айганвата.

Бубенъ Тылювіи былъ обыкновеннаго чукотскаго типа—маленькій, круглый, съ тонкимъ деревяннымъ ободкомъ и чрезвычайно звонкой перепонкой изъ оболочки моржоваго желудка. Двѣ то-

ненькія полоски китоваго уса, служившія колотушками, были привязаны къ короткой деревянной ручкѣ бубна.

Чрезъ нѣсколько минутъ лампа была погашена, и мы молча сидѣли среди непроницаемой тьмы, ожидая начала.

— Э-гэ-гэ-гэ-гэй!—начала Тылювія тяжелымъ истерическимъ вздохомъ, который вырвался изъ ея горла болѣзненной нотой и сразу наполнилъ всѣ углы полога.

— Э-гэ-гэ-гэ-гэй!.. А-яка-яка-яка-якай!..

Оглушительная дробь короткихъ и частыхъ ударовъ раскатилась надъ нашей головой и загремѣла, отскакивая отъ тѣсныхъ стѣнокъ мѣхового ящика и какъ будто стремясь найти себѣ выходъ и вырваться наружу.

— Гоу, гоу, гоу, гоу!—запѣла Тылювія, старательно выдѣлывая голосомъ какой-то необыкновенно сложный напѣвъ, весьма напоминавшій вой мятели на тундрѣ.

— Боббо, боббо, боббо, боббо!.. Гоу, гоу, гоу, гоу!—По обычаю чукотскихъ шамановъ, Тылювія пользовалась бубномъ, какъ резонаторомъ, то держа его предъ самымъ ртомъ, то отводя его вверхъ и внизъ и отклоняя подъ самыми различными углами. Ятиргинъ и Айганватъ поощряли ее установленными возгласами сочувственнаго удивленія.—Гычь! Гычь!.. Правда!..

Голосъ Тылювіи становился громче и громче, стукъ колотушки превратился изъ частой дроби въ непрерывный грохотъ, а духи, дѣйствительно, не хотѣли приходить.

— Приди, приди, приди!..—взывала Тылювія.—А-яка-яка-якай!.. Боббо, боббо, боббо!

— Ухъ!—вздохнула она, внезапно прерывая стукъ.—Бубенъ худъ, звонкости мало. Голосъ не долетаетъ до зарубежнаго міра.

Черезъ минуту призывъ возобновился съ удвоенной силой. Подъ грохотъ колотушки, одинъ за другимъ раздавались самые причудливые напѣвы. Одни изъ нихъ были сложены старинными шаманами много вѣковъ тому назадъ и переходили отъ поколѣнія къ поколѣнію, тщательно запоминаемые памятью нововдохновенныхъ учениковъ, другіе были созданы Тылювіей, третьи были плодомъ импровизаціи и продолжали создаваться при каждомъ новомъ общеніи съ „вольными голосами.“ Къ моему удивленію, среди хаоса запутанныхъ и безформенныхъ звуковъ я могъ уловить отрывки, запечатлѣнные своеобразной красотой и обладавшіе даже мелодіей, которая вообще совершенно чужда пѣнію туземныхъ племенъ сѣверовосточной Азіи.

— Приди, приди, приди!—взывала Тылювія.

— Гоу, гоу, гоу!.. Убуу—уу, буу, буу, буу!..

Мнѣ казалось, что пѣніе Тылювіи продолжается уже Богъ знаетъ какъ долго. Спертая духота полога, послѣ долгаго дня, проведеннаго на морозѣ, такъ и охватывала голову, и совершенно неожиданно для самого себя я впалъ въ дремоту.

Меня разбудилъ высокій странный звукъ, который раздался на необычайной высотѣ, нѣсколько справа, далеко за предѣлами полога самого шатра.

Духи, наконецъ, соизволили явиться.

— Гычъ! — воскликнулъ было Айганватъ, но голосъ его пресѣкся. Ему было не по себѣ.

Звукъ повторился опять за предѣлами полога, но на этотъ разъ замѣтно ближе.

— Приди, приди, приди!—взывала Тылювія.

Черезъ минуту она забилась и зафыркала съ необычайной силой. Трескъ бубна раздался адскимъ грохотомъ, и можно было явственно различить, что теперь стучатъ двѣ колотушки, а не одна. Духъ вошелъ въ пологъ и помогалъ Тылювіи шаманить.

— Бубенъ мой плохъ! — сказала Тылювія, прерывая стукъ.— Самъ видишь!... Дохни на него, чтобы онъ сталъ звончѣе!

Изъ противоположнаго угла полога послышались такіе странные неожиданные звуки полузадыхавшіеся, проникнутые неизъяснимымъ хрипѣніемъ, которые, конечно, могли принадлежать только духу.

— Это ея мужъ!—сказалъ мнѣ Ятиргинъ тихонько.

Голосъ мужа, несмотря на свою сверхъестественность, имѣлъ довольно замѣтное сходство съ голосомъ Тылювіи. Онъ былъ такой-же сиплый, простуженный, раздававшійся какимъ-то хрипучимъ шепотомъ вмѣсто полнаго звука. Тылювія не замедлила объяснить намъ причину этого сходства.

— Онъ говорилъ, что простудился и хворалъ, оттого сначала не хотѣлъ приходить,—пояснила она непонятныя слова духа.

— А развѣ вы тоже простуживаетесь? — прибавила она со смѣхомъ.

Въ отвѣтъ раздался хриплый рядъ непонятныхъ, съ трудомъ выдавливаемыхъ словъ, на этотъ разъ уже изъ другого угла. Духъ успѣлъ перемѣститься и теперь находился у моихъ ногъ.

— Зачѣмъ ты ходишь? — съ неудовольствіемъ сказала Тылювія:—будетъ тебѣ! Вотъ, дохни на бубенъ!

Раздалось рѣзкое дуновеніе невидимыхъ губъ.

Перепонка бубна вздрогнула и щелкнула, бубенъ подскочилъ и ударился объ низкій потолокъ.

— Ого!—сказала Тылювія.

Вслѣдъ за этимъ раздался такой оглушительный грохотъ обѣихъ колотушекъ, что я невольно зажалъ уши.

— Слышишь!—сказалъ Ятиргинъ,—совсѣмъ другой бубенъ!..

Бубенъ дѣйствительно сдѣлался звончѣе прежняго, трескъ колотушекъ теперь раздавался съ такой силой, что я положительно опасался за цѣлость зыбкаго мѣхового потолка надъ нашей головой.

Побарабанивъ немного вмѣстѣ съ Тылювіей, ея таинственный супругъ изъ другого міра удалился въ направленіи, противоположномъ тому, откуда пришелъ, и послѣдній звукъ его голоса опять раздался на неизмѣримой высотѣ за предѣлами шатра, но уже слѣва.

Вслѣдъ за нимъ явился послѣдовательно цѣлый рядъ духовъ, представшихъ передъ нами въ безконечномъ разнообразіи звуковъ.

Хриплое карканье ворона начиналось чуть слышно вдали и, постепенно приближаясь, врывалось въ пологъ, какъ буря, налетало на бубенъ съ громкимъ хлопаньемъ крыльевъ, поднимало неистовый стукъ запасной колотушкой и опять уносилось въ ночную даль. Волчій вой доносился изъ глубины земли, потомъ становился ближе, раздавался въ самомъ пологѣ и, побарабанивъ на бубнѣ, въ свою очередь, удалялся въ вышину. Невидимый песъ являлся на зовъ шаманки и съ такой силой отряхивался надъ бубномъ, что стѣны полога вздрагивали и тряслись. Самые неестественные голоса прилетали съ различныхъ сторонъ, гремѣли, хрипѣли, ворчали и выли въ разныхъ углахъ полога, блуждали взадъ и впередъ, произносили отрывистыя фразы на непонятномъ языкѣ и опять улетали въ пространство. Излишне говорить, что два голоса никогда не раздавались въ одно время и что шаманская пѣснь Тылювіи раздевалась только въ промежуткахъ между звуками „вольныхъ голосовъ".

Зато рука ея ни на минуту не отрывалась отъ колотушки и все время извлекала изъ бубна рѣзкій, сухой трескъ, время отъ времени усиливавшійся аккомпаниментомъ второй колотушки, такъ какъ каждый сверхъестественный посѣтитель считалъ своимъ долгомъ блеснуть предъ нами въ качествѣ магическаго барабанщика. Многіе духи, являясь, спрашивали насъ, что намъ нужно, и мы не умѣли дать отвѣта на этотъ простой вопросъ. Подъ руками не было никакого больного, которому нужно было-бы дать облегченіе, и если у каждаго изъ насъ были враги, то никто не рѣшился попросить духовъ наслать на нихъ кару и гибель. Иногда Тылювія давала духамъ простосердечный отвѣтъ, что любопытствующій чужестранецъ желалъ послушать ихъ голосъ, и просилъ ее вызвать ихъ

на короткое время изъ заоблачнаго міра. Духи, впрочемъ, относились довольно добродушно къ этому назойливому любопытству и, повидимому, только не желали долго оставаться у насъ въ пологу, гдѣ ихъ не удерживали никакія опредѣленныя просьбы или обѣщанія. Засвидѣтельствовавъ свое присутствіе нѣсколькими непонятными словами или просто криками и побарабанивъ на бубнѣ, они тутъ-же удалялись, освобождая мѣсто другимъ.

Многіе, въ видѣ особой любезности, предлагали намъ послушать „ихъ дыханіе“ и съ этой цѣлью затягивали свои напѣвы, которые, впрочемъ, ничѣмъ не отличались отъ напѣвовъ самой Тылювіи. Иные изъ духовъ проявляли проказливость нрава. Они швыряли и перетряхивали посуду, плескали водой изъ котла въ разныя стороны, выдергивали изъ подъ насъ постели, даже кидали въ насъ неизвѣстно откуда взявшимися полѣньями. Одинъ разъ невидимая рука совсѣмъ приподняла пологъ надъ нашей головой, и мы на мгновеніе увидѣли тусклый свѣтъ звѣздной ночи, вливавшійся въ высокій шатеръ сквозь дымовое отверстіе. Все это время рука Тылювіи не переставала стучать въ бубенъ, свидѣтельствуя о томъ, что *вдохновенная* не принимаетъ никакого участія въ этихъ продѣлкахъ.

Дольше другихъ прогостилъ у насъ одинъ духъ, прилетѣвшій, по его собственнымъ словамъ, изъ девятой вселенной. Это была особа женскаго пола, которая сначала говорила на обычномъ непонятномъ языкѣ, свойственномъ заоблачнымъ сферамъ. На приглашеніе Тылювіи говорить по чукотски она выразила опасеніе, что мы станемъ смѣяться надъ ея произношеніемъ, но потомъ все-таки заговорила, дѣйствительно варварски бормоча и проглатывая звуки.

Она объяснила, что ей было трудно рѣшиться придти къ намъ, такъ какъ она большая домосѣдка и рѣдко посѣщаетъ чужихъ людей, но ей не хотѣлось отказывать Тылювіи въ ея просьбѣ.

Однако, пропѣвъ свой напѣвъ и постучавъ колотушкой по бубну, она медлила уходить и, послѣ незначительныхъ переговоровъ, захотѣла исполнить обязанность духа охранителя и стала объяснять при помощи различныхъ окольныхъ и причудливыхъ оборотовъ рѣчи, что у Ятиргина есть врагъ, котораго онъ долженъ остерегаться. При дальнѣйшихъ разъясненіяхъ, врагъ оказался долговязымъ Энмувіей, недавнимъ соперникомъ въ борьбѣ мужа Тылювіи. Оказывалось, что Энмувія въ минувшую ночь творилъ заклинанія, имѣвшія цѣлью ослабить силу Ятиргина, и поэтому-то ему удалось дважды приподнять его и бросить наотмашь.

Въ утѣшеніе она произнесла нѣсколько неясныхъ выраженій, повидимому, заключавшихъ въ себѣ угрозу противъ Энмувіи. По-

кончивъ съ Ятиргинымъ, она стала приставать къ Айганвату, что онъ обидѣлъ какихъ-то „черненькихъ жителей пустыни, ходящихъ пѣшкомъ", но ни за что не хотѣла дать болѣе подробныхъ объясненій. Наконецъ, я выразилъ догадку, что дѣло идетъ о медвѣдяхъ. Айганватъ не на шутку перепугался, особенно когда невидимая гостья погрозила ему, что въ возмездіе за обиды черненькимъ, его ожидаетъ истощеніе силъ и невозможность предаваться его любимому занятію—охотѣ на дикихъ оленей. Взволнованнымъ голосомъ онъ сталъ оправдываться, увѣряя, что онъ никогда не обижалъ черненькихъ, ходящихъ пѣшкомъ. Я напомнилъ ему, что въ прошломъ году, во время одной изъ нашихъ поѣздокъ, онъ ходилъ на лыжахъ осматривать медвѣжью берлогу.

— Я не виноватъ!—укоризненно отвѣтилъ онъ.—Это ты! Ты послалъ!... Да и никого тамъ не было, пустая берлога...

Какъ-бы то ни было, обстоятельство это осталось безъ дальнѣйшаго разъясненія, ибо интересная гостья вдругъ объявила, что дыханіе ея слабѣетъ и, постучавъ на прощаніе въ бубенъ, удалилась изъ полога, конечно, торопясь возвратиться въ свое покинутое жилище.

Тылювія послѣ этого довольно долго продолжала распѣвать свои напѣвы и вызывать духовъ, но они не представляли особеннаго интереса. Ятиргинъ, наконецъ, заснулъ. Айганватъ не спалъ по необходимости и время отъ времени усталымъ голосомъ выкрикивалъ формулы отвѣтовъ. Я тоже чувствовалъ непреодолимое влеченіе ко сну, но никакъ не могъ собраться съ духомъ для того, чтобы попросить Тылювію отложить въ сторону бубенъ. Наконецъ, она, повидимому, поняла, что пора прекратить. Вызвавъ изъ бубна цѣлую серію трескучихъ залповъ и пропѣвъ подрядъ около десятка очень длинныхъ и сложныхъ напѣвовъ, она остановилась и сказала:—Уже разсвѣтаетъ, а вставать надо рано... Можетъ быть, вы хотите спать!...

Мы съ Айганватомъ въ качествѣ гостей воздержались отъ прямого отвѣта, только Ятиргинъ громкимъ храпомъ выражалъ *свое* мнѣніе по этому поводу.

— Завтра будетъ служеніе; еще много будемъ шаманить!—сказала Тылювія. Но если *тотъ* хочетъ,—прибавила она послѣ короткой паузы, очевидно, имѣя въ виду меня,—то я готова еще шаманить, пока не настанетъ большой свѣтъ!..

Устрашенный этой перспективой, я выразилъ, наконецъ, что я совершенно удовлетворенъ. Лампу опять зажгли. Ятиргинъ проснулся и смущенно протиралъ глаза. Но Тылювія, повидимому, не хотѣла спать и не имѣла усталаго вида. Трагическое выраженіе ея

окаменѣлаго лица смягчилось гордымъ сознаніемъ шаманской силы и самодовольствомъ успѣха. Она уже не выказывала прежняго смущенія и, встрѣтивъ мой взглядъ, даже улыбнулась, раздвинувъ огромный ротъ, вооруженный двумя рядами крупныхъ бѣлыхъ зубовъ.

— Ты не устала... Диво!...—сказалъ я.—Мы слушать устали, а тебѣ ничего!.

— Я отчего устану?—возразила шаманка.—Я мало пѣла, все больше духи... А бубномъ я когда-то отъ болѣзни излечилась...

Черезъ пять минутъ мы всѣ спали крѣпкимъ сномъ, совершенно позабывъ о духахъ.

Тапъ.

На Сахалинѣ.

Ночью былъ сильный туманъ; крейсеръ шелъ самымъ тихимъ ходомъ и, наконецъ, совершенно остановился. Часамъ къ 10 утра, когда туманъ разсѣялся, оказалось, что мы были вблизи мыса Крильонъ, составляющаго юго-западную оконечность Сахалина. Отсюда крейсеръ повернулъ на сѣверо-востокъ въ Лаперузовъ проливъ, по направленію къ Корсаковскому посту. Еслибы не знать, что мы находимся на одной широтѣ съ Астраханью, можно было-бы подумать, что наше судно идетъ по полярному морю. Семь градусовъ тепла 8 іюня, рѣзкій холодный вѣтеръ, чайки, чистики и другія полярныя птицы, киты, тамъ и сямъ выбрасывающіе свои фонтаны,— ни дать, ни взять, Ледовитый океанъ въ тѣхъ самыхъ картинахъ, какія годъ тому назадъ я видѣлъ на Мурманскомъ берегу выше полярнаго круга. Иное впечатлѣніе произвела на насъ природа самого Сахалина, когда на другой день въ Корсаковскомъ посту мы высадились на берегъ. Почти два мѣсяца, день и ночь съ рѣдкими и недолгими остановками, шелъ нашъ крейсеръ отъ Одессы до острова; да еще до Одессы изъ Петербурга надо было проѣхать болѣе 2000 верстъ. Кажется, ужъ достаточно далеко мы отодвинулись отъ срединной Россіи съ ея природой, съ ея родными картинами. Не вправѣ-ли мы были ожидать, что, проѣхавъ около 20000 верстъ все впередъ и впередъ, здѣсь, на Сахалинѣ мы встрѣтимъ новую для насъ природу, чуждые для русскаго глаза пейзажи?! И что же! Только сосны нѣтъ. Вмѣсто нея ель и та-же осина! Вы увидите здѣсь нашу обыкновенную рябину, бузину, бруснику, лан-

дышъ и многое другое, къ чему привыкъ всякій русскій. Въ лѣсу также, какъ у насъ, свистятъ здѣсь снигири, перепархиваютъ предъ вашими глазами щеврицы, въ воздухѣ съ крикомъ проносятся ласточки, и даже воронъ, сидя на высокой ели, совершенно порусски прокричитъ вамъ свое привѣтствіе. Правда, если вы натуралистъ и станете присматриваться повнимательнѣе, вы иногда увидите или цвѣтокъ, чуждый нашей растительности, или мелкую птичку какого-нибудь необычайнаго для россійскихъ птицъ цвѣта. Пожалуй, вы замѣтите, что нѣкоторыя самыя обыкновенныя у насъ деревья и птицы какими-нибудь мелкими особенностями чуть- чуть отличаются здѣсь отъ нашихъ россійскихъ. Но все это такъ мало бросается въ глаза обыкновенному туристу, не искушенному въ наукахъ, все это такъ слабо отражается на пейзажѣ, что вамъ кажется, будто вы гуляете гдѣ-нибудь въ лѣсу Петербургской или какой другой губерніи изъ числа сѣверныхъ. Россію вы чувствуете и на улицѣ Корсаковскаго поста. Россія смотритъ на васъ изъ окошекъ бревенчатыхъ домиковъ съ воротами, выкрашенными охрой.

Что Сахалинъ островъ, это стало извѣстнымъ не слишкомъ давно. Еще въ 1846 г. графъ Нессельроде, докладывая Государю Николаю Павловичу о результатахъ плаванія подпоручика Гаврилова, сообщалъ, что „Сахалинъ—полуостровъ, почему рѣка Амуръ не имѣетъ для России никакого значенія“. Лишь въ 1849 г. Г. Невельскій доказалъ, что Сахалинъ настоящій островъ и что проливъ между нимъ и берегомъ Сибири доступенъ для прохода большихъ судовъ, сидящихъ въ водѣ до 23 футъ. Это открытіе Невельскаго, остававшееся долгое время неизвѣстнымъ для иностранцевъ, сослужило намъ въ свое время одну спеціальную службу. Подъ конецъ крымской кампаніи, соединенная англо-французская эскадра явилась въ Татарскій проливъ въ полной увѣренности, что она найдетъ тамъ и пуститъ ко дну наши военныя суда. Но судовъ тамъ не оказалось: они какъ будто провалились сквозь воду. Между тѣмъ, по разсчету непріятеля, они должны были находиться именно въ Татарскомъ проливѣ. Тамъ они и были, но только, воспользовавшись открытіемъ Невельскаго, прошли къ устью Амура, чего никакъ не могъ предполагать непріятель. Въ то время иностранцы были убѣждены, что никакого прохода въ эту рѣку не существуетъ, и что Сахалинъ соединяется съ Сибирью перешейкомъ, или, по крайней мѣрѣ, песчаной косой, обнажающейся при отливѣ.

Сахалинъ имѣетъ видъ толстой сучковатой дубинки, положенной прямо на меридіанъ, то есть, однимъ концомъ на сѣверъ, другимъ на югъ. Длина этой дубинки равняется 850 верстамъ, наиболь-

шая толщина 183 в., а наименьшая 23 в. Дистанція, какъ видите, не маленькаго размѣра. Есть гдѣ побродить каторжникамъ, цѣлыми толпами ежегодно бѣгающимъ изъ тюремъ на вольную волю. Во всю длину острова съ сѣвера на югъ сплошнымъ хребтомъ, а въ широкихъ мѣстахъ нѣсколькими параллельными цѣпями тянутся горы. Онѣ, правда, не высоки, нигдѣ не достигаютъ предѣловъ вѣчнаго снѣга, но это не мѣшаетъ имъ имѣть огромное значеніе въ распредѣленіи растительности острова. Горы эти, можно сказать, раздѣляютъ двѣ разныя природы. По одну сторону, ближе къ Татарскому проливу, весь Сахалинъ покрытъ лѣсомъ, по большей части хвойнымъ и только въ долинахъ рѣкъ и на вершинахъ горъ—лиственнымъ; по другую сторону Сахалинскаго хребта, вдоль берега Охотскаго моря, почти во всю длину острова узкой полосой тянется голая безлѣсная, настоящая полярная тундра со всѣми ея неприглядными особенностями.

Сахалинъ, стало быть, въ отношеніи природы, въ противность всему тому, что намъ извѣстно въ географіи, раздѣляется не на сѣверный и южный, какъ этого слѣдовало бы ожидать, такъ какъ онъ вытянутъ съ сѣвера на югъ, а на восточный и западный. Сахалинскую дубинку во всю ея длину можно расщепить на двѣ половинки, различныя по своему виду: одна какъ бы выстругана изъ тундры, другая—изъ куска лѣсной области Сибири. Расположеніе горъ острова и особенности теченій Охотскаго моря объясняютъ намъ происхожденіе этой удивительной географической несообразности въ природѣ Сахалина.

Охотское море, волны котораго роютъ скалы восточнаго берега острова, по своимъ свойствамъ ничѣмъ существеннымъ не отличается отъ Ледовитаго океана. До половины лѣта здѣсь плаваютъ огромныя ледяныя поля, приносимыя сѣвернымъ холоднымъ теченіемъ. Даже животное населеніе Охотскаго моря можетъ засвидѣтельствовать путешественнику, что вода здѣсь не теплѣе, чѣмъ въ полярныхъ моряхъ. Иначе тутъ не стали бы жить полярные моллюски, миріадами плавающіе по поверхности, киты, бѣлухи и полярныя птицы, несмѣтными стадами гнѣздящіяся на такъ называемыхъ „птичьихъ горахъ". Такимъ образомъ, подъ восточнымъ бокомъ Сахалина, по крайней мѣрѣ, до половины лѣта находится ледникъ. Понятно, что климатъ на побережьи Охотскаго моря не можетъ быть теплымъ, почему и природа носитъ характеръ тундры. Между тѣмъ западный берегъ острова отъ вліянія охотскихъ льдовъ ограждается стѣной горъ. Уже по одной этой причинѣ побережье Татарскаго пролива на Сахалинѣ находится въ лучшихъ условіяхъ, нежели восточная половина острова.

Если мы прибавимъ, что въ Татарскій проливъ съ юга врывается теплое японское теченіе, называемое Куро-Сиво, станетъ понятнымъ, почему климатъ по этому побережью значительно теплѣе и природа оживленнѣе, нежели по восточную сторону горъ.

Извѣстно, что въ Сибири даже близъ Восточнаго океана климатъ континентальный, т. е., отличается суровой зимой и довольно жаркимъ лѣтомъ. Такъ какъ Сахалинъ составляетъ какъ-бы кусокъ Восточной Сибири, отрѣзанный моремъ и лежащій очень не далеко отъ материка, не удивительно, что и на островѣ климатъ точно также носитъ континентальный характеръ.

Съ другой стороны, не остается безъ нѣкотораго вліянія и сосѣдство моря. Въ результатѣ получается очень непріятное для Сахалина стеченіе обстоятельствъ. Климатъ его отличается суровой, чисто континентальной зимой и холоднымъ лѣтомъ приморскихъ странъ. Хотя сѣверный конецъ острова приходится, приблизительно, на одной широтѣ съ Симбирскомъ, но зимы въ этой части Сахалина по суровости не уступаютъ зимамъ устья р. Печоры, лежащаго выше полярнаго круга. Морозы ниже точки замерзанія ртути здѣсь обыкновенное явленіе, а лѣто не теплѣе, нежели на Соловецкихъ островахъ въ Бѣломъ морѣ. Въ средней части острова, на широтѣ Саратова или Воронежа, лѣто настолько холодно, что еще въ іюлѣ случаются морозныя ночи, и до самой осени на глубинѣ 2—3 аршинъ почва остается промерзшей.

Даже въ южномъ концѣ Сахалина, на одной широтѣ съ Астраханью, средняя температура зимы такая же, какъ въ Олонецкой губерніи; лѣто не теплѣе лѣта Архангельска.

Сосѣдство морей сказывается также въ необычайной влажности воздуха. По количеству ненастныхъ дней, Сахалинъ занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ Россіи. Зимой идетъ снѣгъ, а лѣтомъ дождь; нѣтъ дождя—непроглядный туманъ окутываетъ и островъ, и море. Совершенно ясные дни составляютъ рѣдкое исключеніе, а вполнѣ ненастныхъ, когда на небѣ не видно ни малѣйшаго просвѣта, приходится около 200 въ году. Такимъ образомъ, если климатъ въ Сибири считать суровымъ, то на Сахалинѣ его надо назвать дважды суровымъ, такъ какъ здѣсь круглый годъ царитъ не только холодъ, но и пронизывающая сырость. Нѣтъ поэтому ничего удивительнаго въ томъ, что даже на югѣ острова, на широтѣ Астрахани, гдѣ зрѣютъ арбузы и виноградъ, раскинулся хвойный лѣсъ, или просто сибирская тайга, да и какая еще тайга!

Я видѣлъ глухіе хвойные лѣса въ Западной Сибири, въ губерніяхъ Томской и Тобольской, и нахожу, что сахалинская тайга

создана по болѣе крупному маштабу. Если въ Сибири тайга трудно проходима, то на Сахалинѣ она непролазна; если тамошній лѣсъ состоитъ изъ огромныхъ деревьевъ, то здѣсь они имѣютъ исполинскіе размѣры. Какъ уроженецъ юга, я не люблю хвойнаго лѣса вообще, но сахалинская тайга производила на меня прямо таки удручающее впечатлѣніе. Вы можете бродить по ней цѣлый день, хотя бы цѣлую недѣлю и больше: предъ вами всюду гигантскіе стволы вѣковыхъ елей и пихтъ, а надъ головой темная зелень хвой, сквозь которую не пробивается ни единый лучъ солнца. Нѣтъ здѣсь ни цвѣтовъ, ни кустовъ, нѣтъ даже травы: вмѣсто нихъ, въ промежуткахъ между деревьями вы видите груды наломанныхъ вѣтромъ сухихъ вѣтвей той же ели. Мѣстами вамъ преграждаетъ путь трупъ лѣсного исполина, вырваннаго съ корнемъ и поваленнаго на землю бурей. Куда бы вы ни ступили, всюду или густой непролазный валежникъ, или опрокинутое дерево. Поэтому тамъ, гдѣ нѣтъ звѣриныхъ, въ особенности медвѣжьихъ, тропъ, сахалинская тайга совершенно непроходима.

Но что болѣе всего наводитъ тоску въ хвойномъ лѣсу острова, это—почти полное отсутствіе всякой животной жизни. Глухой тайги избѣгаютъ даже медвѣди, а ужъ имъ-ли не житье на Сахалинѣ?! По долинамъ рѣкъ, во время хода рыбы, берега, на разстояніи сотенъ верстъ, сплошь бываютъ истоптаны медвѣжьими лапами, а въ глубинѣ хвойнаго лѣса, если только вамъ удастся пробраться туда, вы можете идти безъ всякаго риска встрѣтить этого царя здѣшнихъ звѣрей. Нѣтъ здѣсь ни птицъ, которыя оживляли бы своимъ пѣніемъ это царство ели, ни насѣкомыхъ, которыя жужжали бы, пищали, или какъ-нибудь иначе выдавали свое присутствіе; всюду стволы деревьевъ, хвоя, еловыя и пихтовыя шишки и валежникъ. Поэтому въ тихую погоду въ глубинѣ такого лѣса царитъ мертвая тишина. Изрѣдка развѣ прозвучитъ дробь дятла, или высокій пискъ синицы, но такой печальный, такой жалобный, какъ будто-бы безысходная тоска таежной жизни проникла и въ ея крошечное сердце.

Зато въ бурю лѣсъ начинаетъ стонать и ревѣть. Однообразному гулу хвой аккомпанируетъ тогда скрипъ вѣтвей и трескъ ломающихся сучьевъ; по временамъ всѣ эти звуки покрываются грохотомъ падающаго исполина; вслѣдъ за однимъ деревомъ валится другое, раздается новый грохотъ, затѣмъ опять гулъ, скрипъ и трескъ и такъ далѣе, пока не стихнетъ вѣтеръ.

Тайга покрываетъ большую часть острова, поэтому весьма понятно, что въ отношеніи животнаго населенія Сахалинъ очень мало

отличается отъ лѣсной области Восточной Сибири. Кромѣ медвѣдей, волковъ и лисъ, на островѣ водятся: соболь, куница, бѣлка, бурундукъ, рысь, кабарга, сѣверный олень; изъ таежныхъ звѣрей нѣтъ только благороднаго оленя и лося. Изъ птицъ въ хвойныхъ лѣсахъ Сахалина, въ особенности, по опушкамъ, кромѣ всевозможныхъ дятловъ, синицъ, соекъ, славокъ и другихъ обитателей тайги, живутъ рябчики, восточно-сибирскіе глухари и дикушки, или черные рябчики, ближайшіе родственники которыхъ встрѣчаются въ Америкѣ, именно въ Канадѣ. Настоящіе переселенцы изъ Новаго Свѣта принадлежатъ, по большей части, къ числу водоплавающихъ птицъ, главнымъ образомъ, утокъ и крачекъ.

Въ обиходѣ сахалинскихъ инородцевъ изъ всѣхъ перечисленныхъ звѣрей первое мѣсто занимаетъ дикій сѣверный олень. Лѣтомъ стада этихъ животныхъ, спасаясь отъ комаровъ, уходятъ въ горы, зимой же спускаются въ низменныя тундры. Въ особенности много оленей на тѣхъ тундрахъ, гдѣ снѣгъ сдувается постоянными вѣтрами, какъ, напримѣръ, на западномъ берегу острова, сѣвернѣе Дуэ. Здѣсь они держатся въ безчисленномъ множествѣ. Поэтому въ зимнее время сюда съѣзжаются съ материка Сибири для охоты за ними не только инородцы, но и русскіе. Немало ихъ и на восточномъ берегу острова въ устьѣ рѣки Тыми. Здѣсь одинъ мѣстный тунгузъ разсказывалъ намъ, что каждую зиму онъ убиваетъ до 30 оленей. Такъ какъ рѣдкій изъ сахалинскихъ инородцевъ имѣетъ ружье, то для ловли всякаго звѣря они употребляютъ ловушки, капканы или иные способы, основанные на какихъ-нибудь особенностяхъ животнаго. Такъ, напримѣръ, оленей добываютъ въ большомъ количествѣ, загоняя ихъ на голый ледъ озера или рѣки. На гладкой поверхности льда они дѣлаются совершенно безпомощными; ноги ихъ скользятъ; они ежеминутно падаютъ, такъ что охотникамъ не стоитъ никакого труда догнать ихъ на лыжахъ и вырѣзать цѣлое стадо.

Соболь водится на Сахалинѣ въ такомъ множествѣ, какъ нигдѣ въ Сибири. Къ сожалѣнію, здѣшніе соболя свѣтлаго цвѣта, попадаются даже желтоватые и очень рѣдко—черные, почему они цѣнятся значительно дешевле собственно сибирскихъ, въ особенности темныхъ забайкальскихъ. У гиляковъ мы покупали соболей, круглымъ счетомъ, по 3 руб. за шкурку.

Зато медвѣди, живущіе на островѣ въ огромномъ количествѣ, отличаются почти чернымъ цвѣтомъ.

Черную шерсть имѣютъ также мѣстныя россомахи, которыхъ однако не слишкомъ много.

Изъ горныхъ звѣрей сахалинскіе инородцы особенно усердно преслѣдуютъ кабаргу. Это—небольшое копытное животное. Самцы, вмѣсто рогъ, вооружены острыми, какъ ножъ, длинными клыками. На животѣ у самцовъ имѣется мѣшочекъ съ пахучимъ веществомъ, мускусомъ. Вещество это примѣняется въ медицинѣ, а также идетъ для приготовленія духовъ. Мѣшочекъ мускуса на мѣстѣ стоитъ около 2 руб. Ради него инородцы и охотятся за кабаргой.

Изъ сахалинскихъ таежныхъ птицъ наиболѣе интересны дикушки и мѣстный глухарь. Дикушка болѣе всего походитъ на рябчика, но крупнѣе его и темнѣе цвѣтомъ. Ближайшій родственникъ дикушки водится въ Америкѣ, именно, въ Канадѣ.

Сахалинскій глухарь значительно меньше и свѣтлѣе нашего.

Сравнительно съ хвойнымъ лѣсомъ, лиственный, узкой каймой растущій по берегамъ рѣкъ, выглядитъ много оживленнѣе. Деревья—ивы, березы, ольхи, душистые тополя, осины,—перемѣшаны здѣсь съ кустами бузины, смородины, жимолости, шиповника, таволги и другихъ извѣстныхъ у насъ растеній. Какъ вся древесная растительность острова, такъ и лиственный лѣсъ его поражаетъ размѣрами. Я нигдѣ не видалъ такихъ исполинскихъ ивъ, осинъ и тополей, какъ на Сахалинѣ. Сплошь да рядомъ птица, сидящая гдѣ-нибудь близъ средины дерева, оказывалась недоступной выстрѣлу изъ дробовика: до такой степени деревья эти высоки. Несмотря на холодное лѣто, обильная влага выгоняетъ въ долинахъ рѣкъ роскошную травянистую растительность. Травы здѣсь сочны, все лѣто свѣжи и нерѣдко превосходятъ человѣческій ростъ. Въ южной части острова, ближе къ западному берегу, въ долинахъ рѣкъ къ нашимъ обыкновеннымъ деревьямъ и кустамъ подмѣшиваются и болѣе южныя растенія. Здѣсь, напримѣръ, нерѣдки амурскій филодендронъ, особый видъ дуба и даже дикій виноградъ. Надо прибавить, впрочемъ, что ягоды винограда настолько кислы, что едва ли ихъ ѣдятъ даже неприхотливыя птицы.

Въ отличіе отъ тайги, лиственный лѣсъ рѣчныхъ долинъ богато населенъ разнообразными представителями пернатаго царства, между которыми попадается не мало японскихъ. Въ особенности бросаются въ глаза своимъ яркимъ опереніемъ японскія, желтыя, какъ иволга, мухоловки, и длиннохвостый карминно-красный снигирь. Здѣсь-же живетъ камчатскій соловей, съ ярко краснымъ пятномъ на горлѣ; онъ уступаетъ нашему въ пѣніи, но превосходитъ его красотой.

Хотя растительность рѣчныхъ долинъ поражаетъ свой мощностью. культурныя растенія на островѣ не находятъ для себя подхо-

дящихъ условій. Даже наши обыкновенные сѣверные хлѣба не всегда дозрѣваютъ на Сахалинѣ. Мѣстами родится здѣсь пшеница, но далеко не ежегодно; притомъ урожай всегда бываетъ плохъ. Благодаря обилію влаги, хлѣбъ поднимается высоко, идетъ въ солому, но, по причинѣ низкой температуры лѣта, колосится очень поздно. Случается, что августовскіе холода застаютъ зерно совершенно сырымъ. Только разведеніе овощей обезпечено здѣсь отъ неурожаевъ. Картофель, рѣпа, брюква, капуста и рѣдька даютъ хорошіе, иногда даже превосходные, сборы.

На Сахалинѣ нѣтъ обширныхъ луговъ. Небольшія площадки, поросшія травой, попадаются рѣдко, почти исключительно во влажныхъ долинахъ рѣкъ. Трава роскошна, но даетъ грубое сѣно; къ тому же, сочные стебли ея, при сыромъ климатѣ острова, сохнутъ медленно и очень часто загниваютъ раньше, чѣмъ получится маломальски пригодный кормъ.

Истинное богатство Сахалина—л ѣ с ъ, к а м е н н ы й у г о л ь и р ы б а. Въ послѣднее время тамъ найдена еще н е ф т ь.

Въ настоящее время только уголь составляетъ предметъ промышленности. По своимъ качествамъ онъ удовлетворяетъ даже строгимъ требованіямъ военнаго флота.

Лѣсъ еще долго будетъ стоять въ дѣвственномъ видѣ и дожидаться предпринимателей, хотя онъ могъ-бы найти хорошій сбытъ въ Японіи. Какъ ни стараются русскіе поселенцы переводить лѣсъ, его еще всюду много. Большая часть Восточной Сибири, почти весь Сахалинъ покрыты дѣвственной тайгой, середина которой не только не видала топора дровосѣка, но и не слыхала выстрѣла звѣролова-промышленника.

Рыбы несмѣтное множество не только на Сахалинѣ, но и во всѣхъ восточно-сибирскихъ рѣкахъ. Хотя она составляетъ почти единственную пищу здѣшнихъ инородцевъ, правильная рыбопромышленность всюду еще въ зачаточномъ состояніи. Этотъ промыселъ остается, такъ сказать, въ запасѣ.

А. Никольскій.

Оглавленіе. *)

	Стр.
К. Носиловъ.—На Новой Землѣ	3.
В. Немировичъ-Данченко.—Вайгачъ островъ	7.
А. Кругловъ.—Лѣсное царство	15.
А. Ефименко. Зыряне-ижемцы	21.
С. Мечъ — Бѣломорскіе промыслы	28.
А. Владимірова.—Соловки	31.
В. Немировичъ-Данченко. — Семужій заборъ	36.
С. Максимовъ. - Наемъ работниковъ на Мурманѣ	38.
В. Немировичъ-Данченко. — Лопари	44.
А. Елисѣевъ. — Въ Кареліи	56.
Е. Баратынскій. — Финляндія	59.
М. Песьковскій. - Въ странѣ труда	—
С. Мечъ.—Поѣздка къ Иматрѣ	74.
А. Пушкинъ.—Петербургъ	84.
Исторія города С.-Петербурга	85.
В. Поповъ.—Отъ Петербурга до Ладоги	97.
В. Поповъ.—Трудовая жизнь на Валаамѣ	101.
Г. Державинъ.— Водопадъ	111.
К. Случевскій.—Поѣздка па водопадъ Кивачъ	—
Н. Языковъ. — Двѣ картины	117.
А. Кругловъ.—Вѣчевой городъ	118.
И. Тургеневъ.—Изъ поѣздки въ Полѣсье	127.
А. Милюковъ.—Вильна и Варшава	134.
В. Дѣдловъ.—На границѣ Пруссіи	139.
А. Милюковъ. -- Ревель	143.
В. Рагозинъ.—Начало Волги	150.
А. Субботинъ.—По верхней Волгѣ	155.
В. Сидоровъ. — Макарьевская ярмарка	158.
М. Горькій.— Волга весной	161.
Н. Лендеръ. — Жегули	163.

*) Изъ помѣщенныхъ въ этой книгѣ статей, нѣкоторыя представляютъ собою полные отрывки изъ какого нибудь сочиненія, нѣкоторыя же, сообразно съ надобностью, сокращены въ той или иной степени, что, однако, не нарушаетъ цѣльности ихъ содержанія.

В. Л.

В. Сидоровъ.— Волжская дельта . . . . 167.
С. Аксаковъ.— Оренбургскія степи . . . . 170.
К. Случевскій. — Уралъ . . . . 175.
В. Немировичъ-Данченко. — Домна . . . . 176.
Д. Маминъ-Сибирякъ.—По Чусовой . . . . 181.
Б. Никоновъ. — Конецъ свѣта . . . . 189.
К. Ушинскій.—Русская равнина . . . . 196.
А. Пушкинъ. — Москва . . . . 202.
Д. Григоровичъ.—Половодье на Окѣ . . . . 203.
Гр. А. Толстой.—Малороссія . . . . 208.
И. Бунинъ.—На Донцѣ . . . . 209.
Н. Гоголь. — Днѣпръ . . . . 216.
А. Хомяковъ. — Кіевъ . . . . 218.
Д. Эварницкій.— По слѣдамъ запорожцевъ . . . . 219.
Кн. Е. Горчакова.—Сакскія грязи . . . . 233.
Е. Марковъ.—У Георгіевскаго монастыря . . . . 237.
С. Филипповъ.— Геройскій городъ . . . . 242.
Е. Марковъ.—Крымскіе чабаны . . . . 252.
А. Чеховъ. — Степью . . . . 260.
В. Гиляровскій.—Въ Задонскихъ степяхъ . . . . 263.
С. Васюковъ.— Военно-Грузинская дорога . . . . 267.
М. Лермонтовъ.— Споръ . . . . 276.
В. Святловскій.—На Тифлисскомъ базарѣ . . . . 277.
Г. Джаншіевъ.—Боржомъ . . . . 280.
В. Сидоровъ.—Нефтяной городъ . . . . 287.
Н. Каразинъ. — На Сыръ-Дарьѣ . . . . 295.
А. Никольскій.—У Уральскаго моря . . . . 300.
Н. Ураловъ.—Въ пескахъ . . . . 306.
А. Шерстобитовъ.—У сибирскихъ киргизовъ . . . . 317.
С. Бродовичъ. — По Великому-Сибирскому пути . . . . 324.
В. Арефьевъ. — Климатъ Сибири . . . . 332.
С. Елпатьевскій. — Тайга . . . . 337.
А. Розовъ. — Гужомъ . . . . 342.
В. Сѣрошевскій. —Изъ якутскаго быта . . . . 348.
Н. Александровъ.—Даурскіе буряты . . . . 358.
Танъ. — Чукотская шаманка . . . . 366.
А. Никольскій.—На Сахалинѣ . . . . 375.

